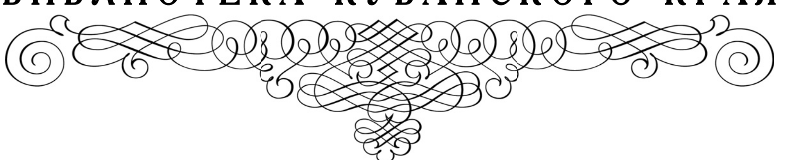
БИБЛИОТЕКА КУБАНСКОГО КРАЯ

ПРОТОКОЛЫ И СТЕНОГРАММЫ

ЗАСЕДАНИЙ КУБАНСКИХ КРАЕВОЙ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РАД

1917–1920 гг.

Том 2

Краснодар
2016

УДК 353.2
ББК 67.401.011
П 83

Протоколы и стенограммы заседаний Кубанских краевой и Законодательной Рад.
П 83 **1917–1920 гг.** Сборник документов: в 6 т. / под ред. А. А. Зайцева. — (Проект «Библиотека Кубанского края»). — Краснодар: Перспективы образования.
Т. 2. — Краснодар, 2016. — 384 с.

ISBN 978-5-93749-228-9

УДК 353.2
ББК 67.401.011

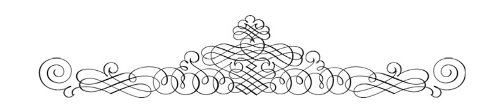
Публикация протоколов и стенограмм заседаний Кубанских краевой и Законодательной Рад 1917–1920 гг. продолжает проект «Библиотека Кубанского края», начало которому было положено работой над «Летописью Кубанского казачьего войска: 1696–2006 гг.» (Краснодар: Перспективы образования, 2006). В 2008 году в рамках проекта был издан первый сборник документов в 4-х томах, посвященный периоду Великой русской революции и Гражданской войны, — «Протоколы заседаний Кубанского краевого правительства. 1917–1920». Тогда публикация была осуществлена за счет средств гранта Президента РФ, полученного Краснодарской региональной организацией Общества «Знание» России. Ознакомиться с электронной версией издания можно на сайте Кубанского казачьего войска: www.slavakubani.com.

Следующим в серии «Библиотека Кубанского края» стал сборник документов «Это и моя война: Великая Отечественная в письменных и визуальных эго-документах» под ред. А. Ю. Рожкова и И. Г. Тажидиновой (Краснодар: Традиция, 2016). В книге представлены документы личного происхождения (дневники, записные книжки, письма, стихи, школьные сочинения, рисунки, фотографии), созданные во время Великой Отечественной войны в действующей армии, в тылу и в неволе. Издание было осуществлено в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ и администрации Краснодарского края.

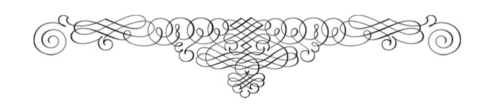
Накануне столетия кубанского парламентаризма Законодательное Собрание Краснодарского края поддержало инициативу региональной организации Общества «Знание» по продолжению работы над воссозданием документальной истории кубанского казачества периода 1917–1920 гг. без идеологических клише и редакторских купюр. Публикация доселе недоступных массовому читателю архивных документов и раритетных публикаций 1917–1920 гг. адресована прежде всего исследователям истории кубанского казачества и краеведам, преподавателям, аспирантам и студентам-историкам, а также всем любителям истории Кубани.

Руководитель проекта и научный редактор издания — А. А. Зайцев, координатор проекта «Библиотека Кубанского края» — А. А. Рощин. Над подготовкой рукописи к изданию работали молодые члены Общества «Знание» — студенты его образовательного учреждения — филиала Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права в г. Краснодаре, а также учащиеся и выпускники краснодарских вузов и техникумов. Издание стало возможным благодаря многолетнему сотрудничеству инициаторов проекта с Государственным архивом Краснодарского края и Краснодарской краевой универсальной научной библиотекой им. А. С. Пушкина, любезно предоставившими для публикации уникальные документы и издания 1917–1920 гг.

ISBN 978-5-93749-228-9

СОДЕРЖАНИЕ

1918 год

Стенографический отчет 10-го заседания Чрезвычайной Рады Кубанского края 10 ноября 1918 года.

Заседание начинается в 11 часов дня под председательством Н. С. Рябовола.

Председатель. — Заседание возобновляется. Господа члены Рады! Сейчас вам раздадут проект наказа. К сожалению, текст его не мог быть напечатан раньше. Покорнейше прошу рассмотреть этот проект и представить мнение отделов в президиум. Временно мы будем руководиться предлагаемым вам проектом. Слово предоставляется члену Рады генералу Карцеву.

Генерал Карцев. — Господа члены краевой Рады! Вчера мы выслушали председателя правительства, изложившего нам свой взгляд на политическое положение и свои выводы, касающиеся того, какую, по его мнению, должно принять форму управление Кубанским краем и войском. Далее докладчик перешел к более крупным соединениям: Юго-Восточному союзу и желательному, по его мнению, устройству государства Российского. Как он, так и некоторые последующие ораторы придерживались того взгляда, что относительно управления Кубанским краем все обстоит благополучно, что тройственный состав этого управления, который существует ныне, должен быть удержан и далее. Затем нам говорилось о федеральном «Совете Юго-Востока», который должен послужить зародышем для всероссийской федеративной республики. Некоторые ораторы вполне поддерживали этот взгляд, только несколько развивая его убедительными, по их мнению, доводами в пользу этого взгляда. Так, опираясь на опыт минувшей, только что затихшей войны, они указывали, что, с одной стороны, были государства чисто народоправные, а с другой — чисто монархические; указывали на то, что в начале войны принимали участие две монархии и одна республика, а потом одна монархия и две республики, и это якобы повлияло на исход войны. Но должен вам сказать, что впоследствии к войне присоединились еще три монархии — следовательно, союзные нам народы в большинстве своем управляются, по собственному

желанию, монархически. Другой порядок, так сказать, другие доводы, приведенные в пользу федеративного республиканского строя, опирались на якобы известную некоторым ораторам волю — единодушную волю русского народа. Позволю себе обратить внимание ваше на то, что некоторые ораторы известных партий монополизируют в свою пользу знание души русского народа. Они не говорят иначе, как от имени народа, и если встречают противодействие с чьей-либо стороны, то говорят, что это — враги народа. Они предоставляют свободу только себе, по отношению к своим мнениям, если же вы — противоположного мнения, то вы эту свободу нарушаете. Вчера в горячности доводов некоторые ораторы договорились до того, что если союзники, которых мы с нетерпением ждем, придут и не примут партийной программы, то плохо им будет. *(Шум.)* Вчера говорилось: «если союзники станут подкреплять не нас, а наших врагов, то мы не встретим их как друзей». *(«Правильно».)* Это вчера говорилось.

Я только что говорил, что трудно претендовать на монопольное знание души русского народа, потому что на самом деле такого знания нет, потому что нет единогласного мнения русского народа. Оно почти было, но прошел год, и мы знаем, у нас раскрылись глаза, когда мы увидели в натуральную величину, что такое социальные нововведения! Раскрылись глаза, может быть, не совсем еще, но прозревать мы уже начали. Мы получаем известия отовсюду из центра России, что несчастное забитое крестьянство, заманенное потворством его страстям в кровавую смуту, несмотря на гнет и расстрелы, во многих губерниях восстает и говорит: «Порядка не будет, пока не будет царя». *(Шум, смех.)* Но я не зову вас по этому пути, я только указываю на течение, несомненно, существующее и — если мы говорим о свободе — имеющее право существовать. Я, господа, призываю вас к другому. Пока силы есть — я служу другому принципу; я служу тому, что несколько раз было высказано нашим главнокомандующим: «Будь ты правым, будь ты левым, но если ты идешь за Россию, ты — наш». Мы это неоднократно слышали. Исходя из этого положения, я прошу вас позволить мне высказать свой взгляд на то, каково должно быть устройство нашего края, чтобы идти по пути единой великой России.

Нам предлагают для местного управления существующие у нас формы, т. е. атаман, избираемый краевой Радой и ответствующий перед ней, но вместе с тем стесненный в своих действиях правительством, с его председателем во главе, и Законодательной Радой. Судить об учреждениях надлежит по тому, как проявляется их деятельность. Времени за целый год было достаточно, и события были так серьезны, что могли послужить пробным камнем для того порядка, который должен быть в нашем крае, для суждения о том правительстве, которое вело нас на борьбу для защиты своего существования и которое взялось вместе с тем устроить жизнь нашего края. Вы помните — в прошлом году, когда постепенно, со ступеньки на ступеньку, наш благоустроенный край падал и приходил в хаотическое состояние, — какова тогда была роль этого правительства? Я заранее оговариваюсь: я говорю не о личностях, а о существующем порядке, потому что он господствует над личностями. Проявило ли наше правительство всю свою работоспособность? Вспомните, когда началась большевистская борьба в крае, когда были разграблены арсеналы, когда вооружалась часть населения против другой, — были ли приняты какие-либо меры? Нам говорилось, что вернут-

ся первоочередные полки и мы при их посредстве восстановим порядок. Как можно было ожидать этих полков, на каком основании можно было верить, что эти люди, одурманенные совершенно — а они были действительно одурманены, — помогут делу порядка? Масса есть вещь заразительная, а они, хотя и долго держались, но в конце концов и их взяло, и они пришли к нам, ничего не понимая, но настроенные явно в пользу большевиков. Не предвидеть этого было невозможно. Мы знали, что делалось на фронте, и надеяться нельзя было на них. Надо было опираться на желавших порядка, на свое местное население, конечно, на стариков, за ними пошла бы и часть молодежи. Что же было сделано в этом отношении? Ничего не было сделано.

И далее, когда к февралю месяцу вы были свидетелями уже агонии, вы видели, господа, что некоторые отдельные станицы собирались со своими силами и восставали; пытались бороться, но не получили указаний и погибали в одиночестве. Мне, может быть, скажут, что нельзя было в них найти опоры, а я вам докажу, что можно было. Это — все те же казаки, многие из них желали послужить, но, видя бессилие, уходили. В это самое время маленький отряд генерала Корнилова, называвшийся уже тогда Добровольческой армией, но состоявший из такого небольшого количества людей, что внушать уверенность в победе он не мог, — этот отряд, проходя через станицу Незамаевскую, пополнился новыми штыками, и везде на своем пути он пополнялся тремя-четырьмя десятками казаков. Эти люди шли туда, где они видели твердую власть, хоть эта власть была им не родная, не «краевая», как тогда любили говорить. Значит, можно было, но ничего не было сделано.

Затем прошли многие месяцы похода; вернулись мы в Екатеринодар; с тех пор прошло три месяца. Что же мы видим, какую работу, какую плодотворную деятельность этой власти, которая многого нам стоит? Какое мы видим стремление к залечиванию тех страшных ран, которые понес край? Мы видим — торговля расстроена, ремесла уничтожены окончательно наложенной на них опекой; мы видим такой гнет экономический, которому я примеров не знаю; подобного гнета не было при старом строе. Мы видим, что личная свобода граждан стесняется; никто из нас не может быть уверен, что на пристани или на вокзале не раскроют наши чемоданы и не начнут рыться в них: не везем ли мы с собой лишний десяток бубликов; а рядом с этим идут широкие караваны контрабанды, вывозят все что хотите, и это — факт.

Нам говорят, что такое положение обеспечивает свободу граждан. Но эта свобода придавлена в самом дорогом — в обучении наших детей. Двадцать лет тому назад в некоторых странах Европы, в государствах более просвещенных, чем наше, был возбужден вопрос об упрощении правописания.

Председатель. — У нас имеется комиссия по рассмотрению докладов правительства, и право обсуждения деятельности правительства принадлежит этой комиссии. Теперь мы рассматриваем тезисы доклада председателя правительства.

Генерал Карцев. — Я позволю себе уклонения только потому, что они нужны для моих заключений. Так, я говорю: это было признано невежественным нововведением всеми учеными Европы, а мы от большевиков преемство приняли. *(Шум, звонок председателя.)*

Затем, господа, может быть, это правительство дает нам организацию, дает нам обеспечение внешней мощи, дает нам в решительную минуту единодушие, примет меры и обеспечит нас защитой от внешнего врага? Господа, кто был из вас в походе, тот наглядно видел пример единодушия. Когда мы были в станице Мечетинской в конце мая, войсковой атаман, призвав офицеров, просил у них помощи, чтобы они оградили его от покушений правительства лишить его власти. Это было сказано при 400 офицерах, господа, этого нельзя опровергать, и офицеры хотели его поддержать. Нужно было это сделать, и должны были наши полки столпиться к атаманскому значку, но вскоре это сошло опять на нет, и начала работы коллегия, которой этих полков вверять нельзя было. Нам говорил вчера председатель правительства. Он ярко развил картину сильной центральной власти России, находящейся в руках врагов наших, и — разбросанных отдельных государственных образований, которые находятся в борьбе с большевиками. Из этого нам видно, что борьба предстоит жестокая и тяжелая, и может случиться такая комбинация, когда наш край будет в опасности, а мы будем иметь во главе такое правительство. Донцы не менее свободолюбивы, чем мы, а они вверили власть атаману, вверили ее боевому вождю, потому что только боевой вождь может повести их в бой.

Я высказываюсь за полную власть атамана.

Председатель. — Вопрос об управлении краем есть специальный вопрос. Я не могу допустить, чтобы здесь обсуждался вопрос о том, как должен управляться край — коллегиально или единолично. Это вопрос специальный, и над ним будет работать особая комиссия. Сейчас я покорнейше прошу ораторов касаться исключительно тех пунктов доклада, которые можно пополнить или развивать, но не обсуждать их вообще, иначе мы никогда не придем к концу.

Генерал Карцев. — Вчера один из ораторов говорил даже об английской конституции, я тоже могу говорить по этому поводу. В заключение я укажу: как говорил председатель правительства — вероятно, и мне будет позволено сказать, — Российское государство, по его мнению, должно быть федеративной республикой, но об этом, я думаю, говорить преждевременно, потому что зачем мы будем терять время, обсуждая то, что нами еще не завоевано. *(Аплодисменты.)*

Председатель. — Я прошу ораторов касаться именно тех вопросов, которые обсуждаются, иначе работа не будет плодотворна.

Член Рады сотник Филимонов. — Господа члены краевой Рады! Переживаемый нами момент требует от нас, как здесь уже говорили некоторые из ораторов, серьезного и вдумчивого отношения к тому, что происходит вокруг нас. Решения, принятые без оценки того, что нас окружает, что происходит у наших соседей и в центре России, могут привести к непоправимым, чреватым последствиями ошибкам. Чтобы не попасть в такое положение, я позволю себе напомнить вам цель прений в данный момент, потому что и вчера, и сегодня предыдущие ораторы касались вопросов, которые, в сущности, мало имеют отношения к вопросам, которые должны нами трактоваться сегодня. Цель наших прений — выяснить то положение, в котором находится наш край, положение наших соседей, наше отношение к ним, положение Центральной советской России и те возможные мероприятия, которые необходимо нам сделать, чтобы выйти из тяжелого

положения, которое выпадает на долю врагов советской власти. Приступая к рассмотрению этого вопроса, я должен сказать, что не совсем разделяю оценку, данную председателем правительства нашим соседям, и не разделяю оценку полностью тех надежд, которые высказывались им в своем докладе. Дело в том, что председатель правительства считает нашими соседями Дон, Украину, Крым, Азербайджан, Грузию, Армению и находит, что все эти государственные образования являются нашими союзниками в деле общей борьбы с большевизмом. Я позволю себе вкратце остановиться на каждом из этих государственных образований.

Украина. Что представляет собою Украина, мы доподлинно не знаем, но знаем, что было там немного времени тому назад. Вы знаете, тамошняя власть, в лице Центральной Рады, избранной народом Украины, в свое время была упразднена, уничтожена немцами — теми немцами и австрийцами, которые были приглашены Радой в силу давления со стороны большевиков. Народная власть была упразднена, был избран землевладельцами Украины гетман и поставлен во главе державы Украинской. Каково было правление этой власти, большинству из нас, вероятно, известно, но я считаю необходимым напомнить вам, что правление это покоилось не на доверии народа, а на немецких и австрийских штыках. Немецкие штыки подавляли все живое, что было в народе; все чаяния и надежды народа были задушены, и народ Украины замолчал и только изредка то там, то сям проявлял свое недовольство, восставая против немецкого кулака, но восстания эти подавлялись жесточайшим образом: народ расстреливали, села сжигали, и снова Украина вынуждена была молчать. Результаты такого правления налицо — последние известия говорят, что гетман Скоропадский бежал, власть перешла в руки представителей Центральной Рады Винниченко и Петлюры, тех самых, которые вынуждены были в свое время пригласить немцев для восстановления порядка. Сейчас на Украине происходят события, которые ничего хорошего сулить не могут. Положение Винниченко и Петлюры я нахожу критическим — им нет выхода, кроме двух: или признать большевизм, т. е. признать у себя на Украине советскую власть, или же они будут вынуждены уйти под напором народного гнева за то, что приглашенные ими германцы и австрийцы убили веру украинского народа в возможность устраивать свою жизнь так, как он хочет. По последним — неофициальным — сведениям, Петлюра заключил союз с большевиками.

Если это так, то Украина уже не может быть нашим союзником, не может быть нашим другом в общем стремлении, в общих, воодушевляющих нас всех целях. Если она не заключила соглашения, то на Украине, по моему глубокому убеждению, вспыхнет самый необузданный, самый широкий размах большевизма. Немцы все сделали для того, чтобы подготовить почву для него.

Крым, вы сами знаете, находится там же, где и Украина. И понятно само собою, что в случае возникновения большевизма на Украине предоставить нам силы, которые могли бы оказать помощь, он, разумеется, не может.

Грузия, по заявлению главнокомандующего Добровольческой армией, угрожает Добровольческой армии бандами красноармейцев. С Грузией, по-видимому, дела обстоят неладно, не так, как следовало бы, если бы она была нашим другом. Значит, и дружба с Грузией стоит под знаком сомнения.

Армения. Вы сами знаете, господа, что это маленькое государственное образование так пострадало, оно так измучилось, что вряд ли может в настоящее время оказать какую-либо помощь тем, кто борется с большевизмом.

Азербайджан. Если вспомните об этом государственном образовании, то увидите, какой там контраст положений: два класса населения, с одной стороны — дворянство, с другой — крестьянство. На одной стороне — все выгоды, все преимущества, все привилегии, довольство, богатство; на другой — бесправие, нищета и голод. И, конечно, большевики постараются сделать все, чтобы вовремя предупредить народ Азербайджана присоединиться, не пойти за теми, кто его вздумал бы повести против большевиков.

Вот моя оценка тех государственных образований, на которые председатель правительства возлагает надежды. Я этих надежд не разделяю, я не верю, чтобы при всеобщем волнении, захватившем Украину и Центральную Россию, могли эти государственные образования вступить с нами в тесный союз для достижения намеченной цели.

Что же остается? Дон, Кубань и Добровольческая армия. Вот три надежных, верных союзника для достижения общих наших целей, вот те силы, на которые можно рассчитывать, на которые можно положиться. Нужно устранить между ними все трения, все недоразумения, чтобы успешно идти по пути борьбы с большевиками. В таком положении находимся мы со своими друзьями.

А что же представляет собою Центральная Россия, Советская Россия, «Совдепия», как ее называют теперь?

Принято думать, господа, что большевики — это сброд воров, каторжников, мошенников и всякого рода отбросов, подонков общества, объединившихся для одной цели: пограбить, пожить на чужой счет. Этот взгляд на большевиков является довольно распространенным и до сих пор. Другой взгляд — это люди, у которых в прошлом, кроме бесправия, слез, горя, нищеты, подъяремного существования, ничего нет. Это — озлобленные всем тем, что дал нам старый режим, старая власть, возглавляемая царем, которого, по словам предыдущего оратора, население Центральной России жаждет теперь. Я принадлежу к тем, кто разделяет второй взгляд. Говорить о том, что большевики — собрание подонков общества, значит закрыть глаза на действительность, это значит отказываться посмотреть, быть может, опасности прямо в глаза.

Я не хочу закрывать глаза, я хочу, господа члены Рады, чтобы и вы усвоили этот взгляд, чтобы и вы отказались от первого взгляда, если он у вас есть, и посмотрели на дело с точки зрения и второго. Тогда решения наши будут более продуманными, более жизненными и более целесообразными.

Первый взгляд вводит нас в заблуждение, и решение не будет соответствовать требованиям жизни, требованиям момента.

В рядах большевиков, всем известно, находятся многие и генералы, и офицеры, которым удалось сформировать сильную, многочисленную, хорошо дисциплинированную армию, армию, которая оттеснила фронт Учредительного собрания, насчитывавшего, как докладывал председатель правительства, до 300 000 чел. В среде большевиков попадаются и лица, произведениями которых мы зачитывались, речами которых

мы восторгались, лекции которых нас воодушевляли, вселяли веру и надежду в светлое будущее. В их рядах люди, которых мы носили на руках, которых восторженно приветствовали. Я имею в виду Григория Петрова и Максима Горького.

Далее предыдущий оратор только что говорил о тех волнениях и тех беспорядках, которые происходят в Центральной России.

До недавнего времени и я верил в то, что там восстает народ и там происходит народное волнение. Но теперь... теперь не верю. Я допускаю единичные вспышки, восстание отдельных групп, но я не верю в восстание народа. Чем дальше, тем больше я убеждаюсь, что симпатия широких кругов крестьянства переходит на сторону большевиков. И это понятно.

Если у нас здесь произошла борьба, если казаки восстали, то понятно почему: здесь не было однородного состава населения, здесь были две группы, резко, диаметрально противоположные по своему экономическому положению. И здесь естественно было ожидать недовольства, которое вылилось во всеобщее восстание казаков.

Но в России этого нет, там население однообразное, там население состоит из крестьянства и противоположной группы — землевладельцев, промышленников и торговцев. Эта группа по своей численности настолько мала, что вряд ли ее можно противопоставить другой группе — классу крестьянства. И вот по этим соображениям я не допускаю там восстания. Ибо стомиллионное население Центральной России, если бы оно пожелало восстать и свергнуть власть большевиков, оно бы это сделало. А на самом деле эта власть укрепляется, власть все глубже пускает корни, и эти корни находятся и в Западной Европе — Германии, Австрии, Италии.

Вы знаете, что троны германских королей рухнули, распались в щепки, их нет, и народ взял власть в свои руки. Заколебался трон итальянского короля, и мы в настоящую минуту не знаем, существует ли Итальянское королевство или власть перешла тоже в руки народа. Демократические швейцарцы заволновались, Дания следует общему примеру.

В какую форму выльется все это, мы не знаем. Но, судя по той энергичной деятельности, которую предпринимает наш «Совнарком», можно судить, что он там найдет поддержку, что он встретит сочувствие. И, таким образом, предсказания Ленина о том, что ему удастся зажечь мировой пожар, близки, по-видимому, к осуществлению. Еще одно обстоятельство не нужно упускать при оценке положения Центральной России. Недавно Чичерин разослал телеграмму по адресу: «всем, всем» — специально же она адресована была в Берлин. В телеграмме он уверял, что народ Советской России в настоящее время ведет борьбу не только за советскую власть, но и за свое право жить, существовать, так как деятельность Совета успела вселить в крестьянство России убеждение, что падение советской власти знаменовало бы гибель всего крестьянства, что падение власти большевиков воскресило бы все старое в самой жестокой, в самой неприглядной форме. И вот это, говорит Чичерин, заставляет крестьянство становиться в ряды и грудью отстаивать советскую власть. Вот положение, с моей точки зрения, Советской России.

Спрашивается теперь, какую позицию должны взять мы, для того чтобы надежды наши на успех борьбы не были поколеблены?

Я позволю себе остановиться на речи главнокомандующего Добровольческой армии, той армии, которая является нам громадной, колоссальной силой в деле общей борьбы. Соображения главнокомандующего, конечно, имеют громадное значение, и мы должны так или иначе высказаться, мы не должны закрывать глаза, мы должны, если разделяем взгляд главнокомандующего, сказать представителю дружественной армии, что мы идем вместе, что мы разделяем его взгляд. Но мы должны предостеречь, если мы этих взглядов не разделяем. В речи главнокомандующего есть место: «Я уверен, что краевая власть, Рада, создаст единоличную, твердую власть, состоящую в тесной связи с Добровольческой армией, не порвет сыновней зависимости от единой великой России, не станет ломать основное законодательство, подлежащее коренному пересмотру в будущих всероссийских законодательных учреждениях, не повторит в будущем социальных опытов, приведших страну к взаимной дикой вражде и обнищанию».

Вот взгляд вождя Добровольческой армии. Он говорит прежде всего о единоличной власти. Мыслимо ли это, господа, после той картины, которую нам нарисовал председатель правительства, мыслимо ли говорить теперь о единоличной власти? Мы должны сказать открыто, честно, по-казацки, разделяем ли мы этот взгляд; сказать для того, чтобы нам не вращаться в круге недомолвок, в круге незнания того, чего же именно хочет та или другая сторона. Мы должны сказать, что с идеей, с мыслью о единоличной власти у населения связано представление о возврате ко всему старому. Это представление, быть может, мы сумеем рассеять, но темный народ, который от единоличной власти столько испытал, столько перенес страданий и горя, — темный народ не поймет, что, по мнению других, это является спасительным, насущным, необходимым, и истолкует это как желание, как стремление к старому порядку. Об этом мы и должны сказать. Я смею думать, что Рада разделяет мой взгляд.

Здесь приводят доводы, что в минуту величайшей разрухи, в минуту всеобщего развала только единоличная власть может спасти.

Но, господа, я вам напоминаю, что Советская Россия состоит не из единоличной власти, что там управляет «Совнарком» и в результате «Совнарком» расширяет свои владения; на Украине же была единоличная власть, власть гетмана, и власть эта пала. Примеры близкие, свежие, если можно выразиться, горячие. И эти примеры нами не должны быть забываемы. *(Аплодисменты.)*

Я нахожу, что не в единоличной власти спасение России, я нахожу, что единоличная власть не может спасти от общего развала, если психология народа не подготовлена к восприятию этой власти, если психология подготовлена к восприятию другой власти, власти коллегиальной.

Я нахожу, что путь единоличной власти — путь гибели, путь крушений наших надежд и чаяний. И мы об этом должны громко заявить, мы определенно должны сказать, что мы предостерегаем от такого шага главнокомандующего Добровольческой армией.

Это не есть желание принять власть, не есть желание главенствовать — эти мысли нам чужды; мы не тем сейчас заняты, не такое время, чтобы говорить, чтобы думать об этом, не такие события совершаются вокруг нас, чтобы руководиться личным

самолюбием, самолюбием краевым или групповым, — интересы общие заставляют нас говорить то, что мы думаем, во что верим, на что надеемся.

Несчастье, господа, в мире происходит оттого, что люди вовремя не успеют остановиться. Не потому, что они не хотят, а потому что совокупность обстоятельств, совокупность окружающих условий направляет их мысль по такому руслу, что другого выхода они не видят.

Сошлюсь на один огромной важности, громадного значения пример, только что совершившийся на наших глазах. Я имею в виду мировую войну. Четыре года кровопролитнейшей бойни. Сколько погибло жизней, сколько затрачено средств, сколько разрушено культурных и экономических ценностей! И все потому, что люди вовремя не успели остановиться. Люди не захотели принять такого решения, которое сделало бы невозможным разрушение и жизней, и народных богатств, — и разыгралась война.

Если бы все то, что затрачено на войну, если бы те жизни, которые погибли, и те, кто стал под ружье, занимались производительным трудом, то мир сделался бы неузнаваемым, и какое счастье могло бы быть создано на все эти средства, если бы они были потрачены на нужды народные!

Помните, господа члены Рады, что тогда мы не сидели бы в такой темной, холодной зале — у нас были бы дворцы; мы не ютились бы по квартирам без окон — у нас были бы хоромы; не ездили бы по грязным, невылазным дорогам — у нас были бы железные дороги и трамваи. Мы могли бы мир преобразовать, если бы те миллионы, которые были затрачены на уничтожение культурных и экономических ценностей, были употреблены на их созидание. Все это было бы. Если бы люди вовремя могли оценить свои поступки, так мы и не воевали бы.

Так и теперь, господа, один шаг, неправильно предпринятый, может привести к непоправимым последствиям. И только после, когда совершится это, мы будем с грустью говорить: «Ах, если бы мы знали, что будет, мы поступили бы иначе, мы бы этого не сделали». Но, к сожалению, такие мысли являются после того, как совершился тот или другой непоправимый шаг.

И вот мне представляется, что если мы теперь будем настаивать, будем стремиться к проведению в жизнь единоличной власти, то настанет то время, когда мы будем раскаиваться в своих домогательствах — и это не заставит себя, при нынешнем темпе жизни, долго ждать. Мы должны сказать, что единственный путь, который облегчит нам задачи борьбы с большевиками и воссоединения великой России, лежит через народовластие, народовластие без подмены, без ограничения. Только этот путь — и никакой иной. Это мы должны проводить в жизнь теперь же, не откладывая в долгий ящик.

По пути нашего продвижения вперед мы должны насаждать власть народа, власть не единоличную, а коллегиальную. В этом наша жизнь. *(Аплодисменты.)*

Я имею в виду не только наш край, где мы пользуемся благами народоправства, — я говорю о всех тех областях, через которые придется нам проходить.

При достижении поставленных нами целей не надо забывать другой вопрос, господа, который волнует население, без разрешения которого немыслимо устроение государства, немыслимо водворение порядка, — это вопрос земельный, вопрос великий, многозначительный, который обходить молчанием или ставить в рамки...

Председатель. — Земельный вопрос впереди. *(Голоса: «Просим, просим».)*

Член Рады Филимонов. — Если я коснусь земельного вопроса, то не для того, чтобы разбирать его детально, а для того, чтобы принципиально этот вопрос был бы вами разрешен теперь. *(«Правильно».)* Нельзя оставить земельного вопроса в тех рамках, в каких он находился до сих пор, нельзя регулировать его на основании тех законов, которые должны быть переработаны во Всероссийском Учредительном собрании, — это значит ставить на своем пути по борьбе с большевиками непреодолимые препятствия. Вы понимаете, господа, что за последние полтора года мысль народа настолько сжилась с убеждением, что земля должна принадлежать только ему, что вырвать теперь, вытравить из его сознания это не представляется возможным. Мне скажут, что лозунг о том, что земля должна принадлежать тому, кто ее обрабатывает, нельзя выставлять на знамени, ибо это залог развала, разрухи и дальнейшего обнищания, которые ныне наблюдаются. Нет, я с этим не согласен. Если это происходит, то только потому, что нет уверенности, в чьи руки перейдет земля, что он владеет этою землею законно. Если власть, насаждающая порядок, определенно и ясно скажет, что земля принадлежит ему, то, поверьте, не останется ни необработанных полей, ни нескошенных трав. Если произошло несчастье, что земля пустует, то только потому, что этому способствовала гражданская война.

Мне скажут: право собственности не может быть нарушено. Но если вы вспомните, что я говорил несколько минут тому назад о мировой войне, о тех миллионах жизней, погибших на арене этой бойни, о тех колоссальных средствах, которые уничтожены, то говорить о праве собственности, о священном праве на землю не приходится. *(Аплодисменты.)*

Мы глубоко убеждены, что если право на землю останется в прежних руках — порядка не будет; я заявляю, что в успех борьбы без коренного, радикального разрешения этого вопроса я не верю, и волна большевизма захлестнет как тех, кто хочет удержать землю, так и тех, кто будет идти с открытым сердцем за воссоздание России. Погибнут не только земля и имущество тех, кто за них теперь цепляется, погибнут и они сами — пример недавнего прошлого говорит об этом. Для нас жизнь человеческая слишком драгоценна, и мы говорим, что ради идеи воссоздания России, скорейшего прекращения братоубийственной бойни мы должны принести в жертву экономические интересы землевладельцев. Мы должны сказать, что вопрос земельный разрешается одновременно с продвижением нашим вперед по пути к объединению России. Если этого не будет, то напрасны будут все жертвы, которые мы принесем на алтарь Отечества, и путь, господа, который нам придется пройти, будет полит кровью отцов и сыновей и усеян костями и могилами лучших сынов, но цели мы не достигнем.

Далее, ведь необходимо дать населению понять, что мы, казачество, фактически являющееся теперь единственным классом, борющимся с большевиками, не стремимся отнять у народа то, что он считает принадлежащим ему. Если здесь, на Кубани, борьба успешно прошла, то это потому, что у нас, казаков, было сознание недопустимости такого отношения к нам большевиков, какое они проявили. Это сознание воодушевляло, вливало энергию в нас, поднимало нас на борьбу и способствовало изгнанию большевиков из края.

Но что же выйдет, если мы, при нашем продвижении вперед, будем насаждать то, что расходится с нашими взглядами и убеждениями? Ведь этим мы вызовем у крестьянства представление о казачестве прошлого, старого режима. Ведь мы всегда, с момента переворота, уверяли крестьянство российское и на петроградском крестьянском съезде, и на казачьем съезде, и на наших Радах, что мы завоевательных целей не преследуем, что мы поможем народу добыть и свободу, и землю. Это, господа, заявляли вы, и заявляли неоднократно. Но нам не верили, нас упрекали в том, что мы — контрреволюционеры, что мы делаем все, чтобы отнять у народа волю и землю.

И вот если бы мы пошли дальше и стали насаждать порядок, который не вяжется с мыслями, которые воспитывались у народа, то крестьяне, естественно, пошлют нам упрек в том, что они не ошибались, когда называли нас сторонниками всего старого, помощниками привилегированного класса, класса землевладельцев. Мы этого не должны делать... Без земли идти вперед опасно и гибельно.

Если мы при движении вглубь России скажем народу русскому: «Устанавливай, устраивай жизнь по-своему», то, конечно, нас будут встречать с распростертыми объятиями. Но если мы все будем уничтожать и отбирать, то вы можете себе представить, что нас ожидает. Я в ужас прихожу, когда представляю себе это. Я на минуту переброшусь на Украину. Там гражданская война, беспорядки, и если мы создадим единый фронт, то, естественно, мы должны оказывать помощь Украине. Но, спрашивается, кому мы будем оказывать помощь и что мы будем там делать? Если мы будем проводить те начала, которые были установлены правительством гетмана, то народ украинский, братский народ, увидит в нас заклятых врагов, хуже немцев, австрийцев, потому что те — чужеземцы, а мы — братья и пришли поддерживать порядки, которые были установлены гетманом. Ненависти и злобе не было бы конца.

Я хотел бы, чтобы народ Украины услышал от нас, что мы никогда не будем идти против него, что мы никогда не позволим себе защищать интересы тех, кто был против народа, наоборот, мы поможем ему добиться своего счастья. Я хочу, чтобы братский народ Украины услышал об этом.

Перехожу теперь к резолютивной части доклада председателя правительства. Строго говоря, в тех тезисах, которые выставлены, нет ничего нового, все это известно нам, кроме пожелания организовать единый фронт. Остальное известно было и установлено прежней Радой, прежним правительством, и я думаю, что долго останавливаться на них не придется. Нам остается только подтвердить то, что было уже принято в 1917 г. Но относительно двух первых пунктов доклада я разделяю точку зрения председателя правительства. Пункты эти могут быть провозглашены не нами, а тем союзным советом, который будет созван из представителей государственных образований. Эти пункты говорят о том, что образование на территории бывшего государства Российского самостоятельных государственных образований и принятие на себя верховной власти было актом неизбежности и актом самоохранения. Конечно, о себе мы можем сказать это, но говорить за всех мы не уполномочены.

Что касается основной задачи этих государственных образований, то, конечно, опять мы можем говорить только о себе, от лица Кубанского края, но не от лица всех государственных образований, потому что, если часть Украины, если это правда, в

лице Петлюры заключила соглашения с большевиками, то выходит, что она не преследует тех целей, к которым мы стремимся.

Что касается провозглашения Кубанского края самостоятельным и независимым, то это диктуется той картиной, которую нарисовал вам и я, и председатель правительства. Провозглашение края самостоятельным является логической необходимостью. Ибо только сами мы можем предпринимать шаги, которые находим необходимыми для достижения поставленных целей. Это будет подтверждением того, что было принято в прошлом году нашим правительством и что было одобрено краевой Радой. Я позволю себе сослаться на документы. 26 октября прошлого года был издан приказ по Кубанской области № 85, за подписью войскового атамана и председателя правительства. В этом приказе сказано: «Считая захват власти большевиками вопреки воле страны, в момент чрезвычайно тяжелого положения на фронте, преступным и изменническим, постановили: впредь до восстановления власти Временного правительства и порядка в России с 26 октября принять на себя осуществление государственной власти в Кубанской области».

Краевая Рада это положение подтвердила. Она заявила, что краевая Рада всю полноту власти местной вручает войсковому атаману и Кубанскому краевому правительству. Таким образом, провозглашение Кубанского края самостоятельным государственным образованием, впредь до создания России, является ничем иным, как подтверждением прошлогоднего нашего решения. Что касается образования Юго-Восточного союза России, то, конечно, господа, в целях борьбы с большевиками, в делах представительства на мирной конференции это является насущной необходимостью, и об этом долго разговаривать не придется.

Вопрос о том, как мы мыслим себя в будущем составе государства Российского, также не является новым. Еще в прошлом году декабрьская Рада ясно и определенно в своем постановлении сказала, что Кубанский край входит в состав Российской федеративной демократической республики в качестве равноправного штата. Что касается общей формы правления, то и прошлогодняя Рада решила, что Российское государство мыслимо в форме федеративной республики. Единственным упущением в этом тезисе председателя правительства является отсутствие указания на способ установления формы правления. Я нахожу, что этот пробел мы должны пополнить и сказать, что мы мыслим воссоздание и установление России через волеизъявление народа в Учредительном собрании нового состава. Вот то, что я хотел сказать по поводу доклада правительства, но в том виде, как предложены нам тезисы, я думаю, они не должны быть нами принимаемы. Они должны быть облечены в форму одной резолюции, в которой были бы затронуты все эти вопросы с прибавлением положений, которые я выдвинул, т. е. о том, что начала народоправства мы должны проводить в жизнь теперь же, немедленно; что в России установление формы правления мы мыслим через Учредительное собрание и что разрешение земельного вопроса находим неотложным. Позвольте мне предложить вашему вниманию составленную мною резолюцию, которая определяет, и кто мы, и к чему мы стремимся.

«Заслушав доклад краевого правительства о политическом положении разрозненных частей бывшего государства Российского и всесторонне обсудив его, Кубан-

ская Чрезвычайная краевая Рада перед лицом всех народов России заявляет, что население Кубанского края, ставя своей задачей борьбу с большевизмом, стремится к проведению в жизнь всех основ и требований народовластия и других завоеваний революции при посредстве правильно составленных представительных учреждений каждого освобожденного от советской власти государственного образования.

Рада не только провозглашает эти принципы, но находит безотлагательно необходимым проведение их в жизнь по мере освобождения занимаемых большевиками областей.

Мысля себя нераздельно связанным с Россией, единой и свободной, население края признает, что восстановление единой России может быть достигнуто лишь путем слияния отдельных государственных образований и народов во Всероссийскую федеративную республику, в состав которой Кубанский край должен войти как равноправный член федерации, ныне осуществляющий всю полноту государственной власти.

В целях же успешной борьбы с большевиками и в целях организации единого представительства на предстоящей мирной конференции Рада находит безотлагательно необходимым: образование единого боевого фронта, Южно-Русского союза на федеративных началах и немедленную передачу всех частновладельческих, казенных, монастырских и церковных земель в ведение областных властей для передачи их нуждающемуся населению.

Восстановление будущей формы правления в государстве Российском население Кубанского края ставит в зависимость от волеизъявления народа в Учредительном собрании нового состава».

В заключение я хотел сказать, что провозглашение тех принципов, которые выставлены мною в резолюции, должно убедить народ, крестьянство в том, что мы не стремимся отнять у него то, что он считает ему принадлежащим; что мы не стремимся насаждать старые порядки, а, наоборот, будем способствовать достижению его заветной мечты о земле, поможем осуществить его чаяния и надежды. Кроме того, мы скажем нашим врагам, что мы не против народа, и пусть они это знают. И если нам после провозглашения этих принципов придется умереть, то мы будем знать, за что мы умираем. Мы с чистой совестью скажем, что сделали все, чтобы прекратить братоубийственную войну и строить счастье народу; мы скажем врагам нашим, что мы желаем быть хозяевами у нас на Кубани, что мы имеем на это право, а также скажем им, что мы боролись за право любить наше Отечество — единую и великую Россию. *(Аплодисменты.)*

Объявляется перерыв на 15 минут.

После перерыва.

Член Рады Коробьин. — Господа члены краевой Рады! Нам дана задача — как построить государственную власть, центральную и местную. Государственная власть, подобно высокой башне, должна покоиться на прочном фундаменте, иначе она развалится, как карточный домик. Прежде чем говорить о конструкции государственной власти, необходимо рассмотреть, из каких элементов состоит фундамент этой власти. Бывший профессор государственного права в Балтиморе, а в настоящее время президент Северо-Американских Соединенных Штатов Вудро Вильсон в своем исследова-

нии о государстве говорит: «Фундаментом всякой государственной власти, независимо от ее конструкции, являются два элемента: общественное, т. е. народное, мнение и открытая, т. е. военная, сила». Это мнение Вильсона разделяется всеми государствоведами Старого и Нового света. Мы можем взять это мнение как предпосылку для наших рассуждений. Нам предложено два плана конструкции центральной государственной власти: один — через посредство единоличной власти, т. е. диктатура, а другой — посредством федеративных соглашений. Рассмотрим оба эти плана. Сначала первый. Я бы спросил тех, кто предлагает этот план, тех, которые хотят сконструировать будущую единоличную власть, проведя ее через военную диктатуру, — каким образом они для этой диктатуры создадут фундамент? Откуда они возьмут общественное мнение? Неужели они думают привести к общему знаменателю все общественное мнение необъятной России? Но это немыслимо при той разноголосице, при том духовном разброде, в котором находится сейчас Россия, распавшаяся на части. Каждая часть теперь живет своими настроениями, ставит себе свои частные цели и изыскивает особые средства для достижения этих целей. При таких условиях эта задача — невыполнима. Вы сами понимаете, что нельзя говорить об едином общественном мнении всей России, когда стоим перед фактом физического разрыва между ее частями — ведь железнодорожной и почтово-телеграфной связи почти не существует. Следовательно, об едином общественном мнении, которое могло бы послужить фундаментом для этой единоличной власти, говорить не приходится. Но мне возразят: мы обойдемся и без общественного мнения — мы можем опереться на открытую, военную силу. Тогда я вновь спрошу: откуда вы возьмете эту военную силу? Откуда приходят эти бойцы, которые сейчас так самоотверженно сражаются с большевиками? Они идут из тех слоев народа, которые сознали свои местные интересы и поставили себе свои цели. С оружием или без оружия они восстают и идут сражаться не на живот, а на смерть. Это — армия местная, и я не говорю только про Кубанскую армию, а я говорю и про Донскую, и про Оренбургскую. Везде есть свои армии, которые ставят перед собою местные задачи. И мало сказать, что это общая русская армия. Так их легко назвать, но трудней сделать. Вчера простой казак правильно формулировал суть дела: «Мы, казаки, хотим иметь свое независимое правительство, и кому прикажет это правительство повиноваться, тому и будем повиноваться». Мы видим, что они предпосылкой единоличной власти, диктатуры, ставят все-таки свое независимое правительство, которому они только и будут повиноваться. Но никакая диктатура не может опереться на такую вооруженную силу, потому что эта армия — не слепа и не хочет быть слепой. Она хочет знать, какие цели ей ставят, и эта армия хочет, чтобы у нее было свое независимое правительство. Она хочет знать, за что она борется, и, таким образом, для диктатуры не имеется и здесь фундамента, а она должна иметь его, потому что ее вводят не на два-три дня, а на более длительный период, и если у нас не имеется фундамента для диктатуры, то мы можем этот план, основанный на единоличном принципе, оставить без рассмотрения.

Теперь мы перейдем к рассмотрению второго плана, основанного на федеральной связи, на федеральном соглашении. Но прежде чем говорить о федеральном объединении, нужно поставить вопрос: кто же будет соединяться? Ведь для того, чтобы заключить договор, нужно быть самому самостоятельным, нужно быть субъектом прав,

и прежде чем говорить о дальнейших государственных образованиях, необходимо начать с самой основы: сказать, чем мы должны быть. В данном случае Кубанский край должен быть самостоятельным государством, и когда мы говорим, что Кубанский край должен быть совершенно независимым, самостоятельным, нам заявляют: нет, вы должны быть автономной частью России. Мы спрашиваем: но где же эта Россия? Ведь большая часть ее занята большевиками, «Совдепией»; Дон также объявил себя независимым. Украина также. Частью же чего мы должны быть? Какого суверенного начала? Для того чтобы быть до конца ясным, я позволю себе выяснить понятие суверенитета... Это понятие слагается из трех элементов: во-первых, элемента субъективного — желания обладать властью, во-вторых, элемента объективного — наличности этой власти, фактического ее осуществления; в-третьих — международного признания. Правда, первое начало, субъективное, есть у некоторых государственных образований, например, Уфимской директории, но в ее руках не было фактической силы, не было международного признания, и она не могла претендовать на суверенитет. И никакой другой власти в России сейчас нет, которую могли бы признать суверенной, а если нет такого центра, частью которого мы могли бы себя признать, мы поставлены в необходимость объявить себя самостоятельными, ибо другого выхода нет. Пускай нам говорят, что это сепаратное начало, что это — местный патриотизм, утрата любви к отечеству. Мне хотелось бы об этой любви к отечеству сказать несколько слов, потому что с этой кафедры об этом говорилось.

Я позволю себе сомневаться в том, что «русский человек утратил любовь к Родине», — я думаю, что у него этой любви и не было. У русского человека никогда не было любви к Родине, потому что он этой Родины не сознавал. Может быть, у него была любовь к волости, к деревне, но не к отечеству. Этого осознанного чувства любви к отечеству у русского человека быть не может. Я вас опять отошлю к Вильсону, который глубоко вскрывает процесс развития национального чувства в гражданах Соединенных Штатов, и он говорит, что, в сущности, нельзя сказать, чтобы до настоящего времени у американских граждан любовь к отечеству превышала любовь к штату. Весь исторический процесс ведет к объединению, но это процесс длительный, и оно тогда образуется, когда каждый гражданин земли русской будет чувствовать, что он является действительно в своем отечестве гражданином, когда он почувствует, что он является органической клеткой единого целого. Русские государственные деятели прежнего времени всегда с гордостью говорили: «Мы, Россия, занимаем одну шестую часть света». А я скажу: нет, это — не достоинство, а большой недостаток, потому что наши границы так далеки, что мы их не ощущаем, а русский мужик и подавно не знает, где эти границы, он их не чувствует. Позвольте мне поделиться с вами двумя переживаниями, которые ярко характеризуют разницу между Россией и западными государствами. Мировая война застала меня на юге Франции, и вот, когда была объявлена генеральная мобилизация, по всему югу Франции раздался клич: «К границе!», и я — русский — почувствовал, что граница близка, и все французы почувствовали это; мужчины взялись за оружие с криком: «К границе!». И я думаю, что, подобно Франции, всякое западноевропейское государство ощущает свои границы, потому что они не так широки, как у нас. Я пробрался к России, был мобилизован как солдат и сразу

вошел в солдатскую массу. Но у нас этого чувства не ощущалось, у нас этого крика — «К границе!» — не было, потому что, как сказал гоголевский городничий: «От нашего города три года скачи, ни до какого государства не доскачешь». Действительно, мы своих границ совершенно не ощущаем, и потому, когда германская железная сила раздробила наш государственный механизм, то вполне понятно, что русский мужик заговорил: «Мы — пензенские, до нас далече». Нужно, чтобы каждый русский мужик почувствовал, сознал свое отечество, и нужно поставить нас в такие условия, чтобы мы все почувствовали свое отечество, свои границы.

После этого я перейду к отысканию фундамента для образования местной власти. Прежде всего — общественное мнение. Мне скажут: где оно? Вот она — лаборатория, где вырабатывается общественное мнение, где вырабатывается единое чувство, единое мнение, это — краевая Рада. Когда мы разъедемся по всем поселкам, станицам и городам Кубанского края и расскажем о своих постановлениях, то поверьте, что вся Кубанская область заживет одной мыслью, одним чувством, одной волей, и это будет поистине гранитным фундаментом для того правительства, которое мы здесь изберем. Так же обстоит дело и в других государственных образованиях: они если не все сейчас опираются на народное представительство, как мы, то все придут к этому, и когда нам говорят, что Дон вручил единоличную власть атаману, я скажу, что все-таки атамана выбрал Большой войсковой круг. Атаман опирается на общественное мнение, и это его главная опора. Что касается второго основного элемента государственной власти, заключающегося в открытой военной силе, то я скажу вам, что та армия, которая имеется, она, в сущности, местная. Я напомню вновь те слова, которые вам сказал здесь казак с фронта, — такая армия будет служить прочным фундаментом именно для местной власти. Когда мы установили, что местная власть обладает всем необходимым фундаментом, на котором она строится, то мы можем сказать: раз она может опереться на общественное мнение и местную военную силу, она может объявить себя самостоятельной. И так мы говорим: не обвиняйте нас в сепаратизме, ибо он отсутствует в нас, ибо наш первый шаг должен быть на пути к объединению с другими государственными образованиями, для борьбы с большевизмом. Для этого, что бы ни говорили, необходимо быть субъектом прав, и когда мы создадим единое управление для всех областей, создадим хотя бы южный центр, то через наше посредничество этот центр будет опираться на то общественное мнение и на ту военную силу, которая у нас имеется. Он будет обладать нужным фундаментом, которого была бы лишена власть диктаторская, т. е. возникшая непосредственно из армии. Я полагаю, что южное образование не может быть иначе сконструированным, как согласно положению о создании союзного совета. Союзный совет, безусловно, найдет поддержку во всех образованиях на Дону, Украине и друг. Но мне скажут: а единый фронт, а соединение армий? А я вам отвечу: мы можем свести свои армии именно при посредстве союзного совета, т. е. при посредстве правительства, которое будет выбрано всеми нами.

Перед нами стоит вопрос о дальнейшем устройстве государственной власти. Мы говорили: раз мы стоим на принципе народовластия, то будем создавать постепенно федеративную центральную власть. И вот мы полагаем, что форма государственной власти в России должна быть федеративная демократическая республика. Нам на это

скажут: «Вы не пророки, вы не можете знать, какая форма правления будет в России». Я отвечу: очень возможно, что такой формы правления не будет, но мы говорим, что центральная власть не должна образовываться без участия наших представителей. А ведь Чрезвычайная Рада и есть тот полномочный орган, который может сказать своим представителям: «Отстаивайте эту точку зрения, работайте для создания федеративной республики». Почему для федеративной? Потому что мы думаем, что все части России должны принять участие в организации государственной власти.

Кадетский съезд вынес резолюцию, в которой была фраза: «Центральная власть должна бережно относиться к существующим местным автономиям». Эта же фраза промелькнула в речи главнокомандующего Добровольческой армии. Я бы сказал наоборот: господа, бережно относитесь к созданию центральной власти, потому что не она нас создает, а мы ее *(Аплодисменты.)*, потому что для нас гораздо страшнее централизм, чем федерализм. Не позволяйте же образоваться гипертрофии центральной власти.

Итак, власть должна быть федеральной. Основными элементами всякой федеральности являются составные части данного государства. И если вы согласитесь с тем, что центральная власть не может образоваться без участия местных образований, то вы скажете, что государственное устройство должно быть федеральным. Но мы говорим, что устройство ее должно быть еще демократическим, т. е. в интересах широких масс многомиллионного большинства народа — рабочих и крестьян, а не в интересах привилегированного меньшинства: дворянства и буржуазии. А так как мы стоим на принципе народовластия, мы говорим, что форма государственного устройства должна быть республиканской. Республика является логическим выводом из принципа народовластия, и всякий царизм противоречит этому принципу. Таким образом, господа, перед нами стоит задача разрешить этот вопрос самим. Правда, предлагается другой проект: чтобы помимо нас разрешить эти вопросы. Это дело вашей психологии. Если вы устали от социального творчества, если ваши руки уже опускаются, то, конечно, вы сейчас своим голосованием можете сказать: «Пускай устраивает государственную жизнь кто хочет и как хочет». Но если у вас есть еще порох в пороховницах, то вы скажете, что государственную власть устроим мы сами и никому другому этого устройства не доверим. *(Аплодисменты.)*

Член Рады Каплин. — Господа члены Рады! В ряду многих правильных мыслей, которые были высказаны здесь сотником Филимоновым, есть некоторые неправильные, которые, в конце концов, загромождают его правильные мысли и благодаря которым эти правильные мысли теряют свою ценность. Прежде всего здесь была высказана мысль, что большевизм, в форме, в которой он проявляется в России, как будто не столь отрицательное явление, как мы привыкли его считать. Указывалось на то, что это — сила, и сила крепкая, что на стороне большевизма и Григорий Петров, и Максим Горький, и некоторые генералы. Но мы сами великолепно знаем, что такое большевизм, и идеализации этого явления мы допустить не можем. *(Аплодисменты.)* И Максим Горький, и Петров находятся в стане большевиков — хорошо, пусть так, но они принадлежат к разряду тех, о ком кто-то сказал: «Барин-то он умный, да ум у него дурак». Я думаю, что не стоит представлять себе большевизм как силу крупную и

творческую, на сторону которой переходят отдельные творцы вашей жизни из области искусства, литературы и т. д., и я повторяю, что то, что происходит в России, есть лучшее доказательство против этого положения. Разве можно ссылаться на телеграмму Чичерина? А разве вы не помните о тех колоссальных беспорядках и кровопролитиях, которые происходят в России? А разве Уфимский фронт не есть протест сотен тысяч против советской власти? А разве падающие от голода и умирающие жители Петрограда и других городов России не есть живая иллюстрация того, что такое советская власть?

Говорят о том, что нам нужно создавать великую Россию, что нам нужно бороться с большевизмом. Говорят о том, что великая Россия нужна потому, что мы — патриоты. Это, конечно, так, но чувство патриотизма, чувство любви к родине, как совершенно правильно было здесь замечено предыдущим оратором, — это чувство не всем известно, и оно настолько велико, что не все сердца могут вместить его.

Поэтому я не хочу говорить о том, что нам нужно стремиться к созданию великой России и к борьбе с большевизмом с этой точки зрения — с точки зрения общепатриотического чувства. Я хочу указать на другое. У нас другого выхода нет: в наших собственных интересах, в интересах Кубанского края необходимо воссоединение России. И путь к этому — через свержение советской власти, ибо до тех пор, пока существует советская власть, вы не будете иметь покоя. Мира и порядка, столь желанного нам, не будет в нашей стране, ибо представлять советскую власть только как власть разбойников и бандитов — несколько рискованно. Советская власть — не только бандитская: советская власть преследует определенную идею. Эта идея — всемирная социальная революция и всемирная диктатура меньшинства над большинством. И до тех пор, пока советская власть существует, она не будет удовлетворена тем, что она достигла осуществления этих задач только где-нибудь в Московской губернии. У нее задачи мировые, и только тогда она может успокоиться, когда весь мир перекроится по ее образцу, ибо существование государств, устроенных иначе, всегда угрожает существованию советской власти. Советская власть по своему принципу — власть агрессивная, и она никогда не потерпит, пока существует в Москве, чтобы здесь, на хлебной Кубани, существовало народоправство и какая-то иная власть, которая создана не по подобию советской власти. До тех пор, пока не будет свергнута советская власть, в свержении которой мы особенно заинтересованы, мы покоя иметь не будем. Ибо мы не кончим никогда междоусобной войны, если, борясь с советской властью, не сумеем поразить ее в самую голову. И до тех пор, пока Лев Троцкий не будет с позором изгнан из Московского Кремля, — мы не будем знать покоя. *(Аплодисменты.)* Вот почему возникает идея необходимости борьбы с советской властью и необходимости восстановления России.

Для того чтобы Россия была воссоздана, конечно, надо попытаться устроить объединение тех областей, которые освобождены от большевизма. Здесь возникает спор о том, что должно быть: автономия или федерация. Я считаю, что этот спор, особенно если вопрос ставить так остро, непримиримо, — спор праздный; тем более в настоящее время, когда Россия лежит в развалинах, этот спор является несвоевременным. Ибо, по существу дела, большой разницы между этими двумя способами устройства государства нет. Ведь, в конце концов, все сводится к тому, какой объем полно-

мочий будет предоставлен местной автономии или власти штатов. Я должен сказать, что Германия, с большой централизацией и с большим господством имперской власти, представляет из себя федерацию, а свободного самоуправления в том объеме, какой можно установить у нас, там вы не нашли бы. А с другой стороны, австралийские колонии Англии находятся в автономной связи с Англией и, тем не менее, пользуются гораздо более полной свободой, почти полной независимостью в своих местных делах. Это — вопросы будущего, и теперь, если мы признали неоднократно, что федерация является естественным выходом из того положения, в котором находятся разорванные части России, то особенно спорить против этого не стоило бы даже тем, которые стоят на точке зрения автономии. Если они уверены, что федерация нежизненна, то я скажу: то, что нежизненно, не будет существовать. А может быть, в настоящее время федерация есть естественный выход из того положения, в котором мы находимся? Но для того, чтобы объединение могло создаться на основе федерации, необходимы известные условия. И основным условием является взаимное доверие и взаимное уважение. Дело в том, что, к сожалению, в горниле бушующих страстей нам как раз недостает хладнокровия, взаимного уважения и доверия. И это можно сказать не только относительно местных положений, но и положений в других частях бывшей России.

Говорят, нужно объединиться с Доном, Украиной, Грузией. Да, нужно объединиться, и тот, кто правильно понимает свои интересы, в ком заговорило чувство патриота, тот говорит, что нужно объединиться. Но не всегда это возможно; это невозможно при отсутствии желания объединиться и при отсутствии доверия и взаимного уважения друг к другу. Возьмем Украину и украинский вопрос. Это — наша старшая сестра, которая родственна нам по крови. К сожалению, там часто происходят вещи, которые дают нам повод думать, что там нет как раз искреннего желания идти к объединению, нет уважения друг к другу. Я должен указать, на основании моих собственных наблюдений, на отсутствие там этой необходимой предпосылки. Для совместного строительства там не хватает уважения и взаимного доверия. Ведь это, конечно, не уважение к другой национальности, к братской национальности, если правительство Украины в трехдневный срок приказывает переписать все вывески с русского на украинский — это было в городе Киеве, где большинство населения не украинское. Конечно, это было неуважение к другой стороне, если официозный орган правительства пишет о том, что нужно уволить учителей, недостаточно знающих украинский язык, и на их место назначить немцев. Если один из виднейших общественных деятелей агрессивной украинской группы — я не буду его имени называть — говорит о вреде вообще русской культуры и о том, что она является виновницей русского большевизма, то это, конечно, тоже неуважение. Правда, я должен указать, что и другая сторона не всегда бывает и права, и другая сторона допускает вещи, которые могут породить раздражение. Но за деятельностью отдельных групп, хотя бы и неправильно ведущих свою политику, не надо забывать обо всем украинском народе, который не относится так к русской культуре и русской национальности. И мы, если мы не украинцы, должны с полным уважением отнестись к правам украинской национальности, ибо, если бы мы на основании деятельности отдельных лиц захотели строить свое отношение к украинцам, то это было бы роковой ошибкой.

В Грузии также не все обстоит благополучно. В этой области, заслушав недавно доклад одного из членов Учредительного собрания, эсера, значит, человека, который не может быть заподозрен в реакционных замыслах, я знаю, что там военный министр, который входил в состав социалистического правительства Грузии, приветствовал турецкие войска и желал успеха в их великом деле, когда они шли завоевывать Баку — город, который был еще русским. И со слов того же докладчика я узнал, что этот министр приветствовал немецкого генерала, говоря, что наконец Грузия освободилась от столетних оков России, — это говорилось в отношении не прежней самодержавной России, а в отношении нынешней России, России демократической, в отношении русского народа. Это, конечно, не то, что требуется для успеха введения федеративного строя. Это, конечно, отсутствие того, что нужно для федерации, отсутствие уважения. Я должен оговориться относительно Украины. Если я сказал, что не всегда была права и другая сторона, то это можно сказать в отношении правых русских групп. Другие группы — левые демократические — всегда в высшей степени корректно держали себя в отношении украинцев. И то, что делают украинцы-«демократы», это совершенно не соответствует принципам демократичности. То же самое и в Грузии: то, что там провозглашается торжественно по поводу освобождения от демократической России, конечно, идет в ущерб интересам русской демократии. И, конечно, это просто надо трактовать как большую бестактность, когда бывшие вожди русской демократии так относятся к русской демократии. Конечно, это нехорошо, когда делаются реверансы перед иностранными генералами для того, чтобы заклеймить русскую национальность. Я говорю, с обеих сторон должно быть уважение, доверие, и, пока его не будет, мысль о федерации не осуществится. С одной стороны будет крайний сепаратизм, а с другой — желание подавить национальность.

Затем, для того чтобы мы могли с успехом вести нашу борьбу, для того чтобы мы могли воссоздать Россию, надо твердо помнить опыт всего того, что перед нами прошло. Опыт Германии и Австрии указывает на то, что править, сидя на штыках, невозможно. Тот, кто думает, что, идя этим путем, он идет правильно, жестоко ошибается. Для того чтобы иметь успех в борьбе, мы не только должны думать о преодолении силы противника исключительно физической силой. И немцы великолепно учли этот метод борьбы, когда прислали идею большевизма в запломбированном поезде. Нас немцы победили с тыла и с тыла внесли разложение в страну. Нам следует поучиться у них, нам следует не только подумать о мобилизации, о снабжении нашей армии, но и думать об уменьшении сопротивления сил, нам противодействующих. Каким образом это сделать? Я думаю, что правы те, кто говорит, что принципы, которые сейчас, несомненно, во всей Европе подвергаются переоценке, которые сейчас не встречают абсолютно никакого сочувствия в солидных общественных кругах, эти принципы должны быть совершенно отброшены. Ведь что бы вы сказали, если бы военачальником, командующим отрядом, ведущим борьбу с большевизмом, разбрасывались с аэропланов прокламации, в которых говорилось бы: «Сдавайтесь, господа большевики, мы дадим вам царя, но не дадим вам земли». Такой прием пропаганды не соответствовал бы тем целям, которые мы себе ставим. И когда мы идем и говорим: мы не дадим вам царя и не отнимем земли, то помимо социально-экономических соображений это будет

правильно просто по соображениям целесообразности. Большая успешность борьбы зависит от того, если мы будем идти с известными принципами, ибо отсутствие их и по принципиальным, и по тактическим соображениям в высшей степени затрудняет борьбу. Конечно, слово «монархия» никем не провозглашается официально, но есть люди, которые говорят об этом, и я бы хотел этим людям сказать: «Если вы хотите единства, если вы хотите объединить разрозненные части России, то зачем же вы выставляете принципы, которые с вашей точки зрения, может быть, заслуживают уважения, но которые играют и могут играть только роль огородного пугала для народа, для тех, кого вы хотите объединить». *(Аплодисменты.)* Я думаю, что мы должны твердо и определенно сказать, что эти принципы — принципы не наши, а этим самым мы облегчим борьбу. Это вызывается не только необходимостью борьбы и уменьшения сопротивления рядов нашего противника, но и другими соображениями. Мы хотим получить поддержку союзников. По моим соображениям, союзники после того, что сейчас делается в Западной Европе, после той волны демократизации, которая захватила значительную часть Европы и которая может захватать и другие страны, — конечно, в этот момент союзники поддержат только идею правильно понятого демократизма. Ибо Франция, где, несомненно, имеется сейчас влияние демократических и социалистических групп, не захочет поддержать течение, которое может быть заподозрено в реакционности. Нынешнее правительство Франции поддержкой такого течения здесь вызовет, конечно, нарекания у себя внутри, вызовет сильную оппозицию демократических и социалистических течений. И французское правительство, конечно, в своих собственных интересах этого не сделает. То же самое нужно сказать и о правительстве Америки. Нам нужно избрать путь, не внушающий подозрения в том, что мы реакционны. Наоборот, мы твердо и ясно должны заявить принципы, которые бы шли в согласии с современными стремлениями Западной Европы. Принцип демократизма, который, несомненно, переживет войну, который, несомненно, победит там не в таком извращенном, бандитском смысле, который представляет советская власть, а в смысле парламентарного государства, — этот принцип, если мы его признаем, налагает известные обязанности, ибо этот принцип демократизма не может быть, так сказать, товаром, предназначенным только для вывоза. Демократизм должен быть проводим и у нас, потому что иначе нам никто не поверит. А если мы это признаем, то должны признать следующее: основной принцип демократизма заключается в равенстве граждан. И вот мы свою политику во внутреннем строительстве, особенно острый вопрос в отношении иногородних, должны строить чрезвычайно осторожно, не допускать излишних эксцессов, которые допускаются отдельными лицами.

Затем я хочу сказать, что мы должны быть едины: поменьше трений, поменьше ссор, поменьше подозрений, поменьше конфликтов, которые могут повредить общему делу. И нам, понимающим, какие силы здесь имеются, надо твердо и прямо сказать, что наше единство с Добровольческой армией, наше единство с Доном — это необходимые элементы для того, чтобы дело было успешно. Не место спорам и ссорам, когда мы находимся на краю бездны. Ссоры могут повлечь к тому, что мы, борясь друг с другом, не заметим, как слетим в эту бездну. *(Аплодисменты.)* Для нас в наше время важными являются те тезисы, которые были выдвинуты докладчиком: объединение,

объединение и объединение. Но, господа, есть и вопросы, которые по своей чрезвычайной остроте и срочности не могут ждать окончательного процесса объединения. Это — вопрос военного командования и вопрос международного представительства. Вопрос военного командования у нас фактически разрешен, главнокомандующий у нас имеется, и, поскольку идет вопрос об объединении командования, то надо иметь в виду Дон, который в этом смысле стоит отдельно. Но другой вопрос, вопрос о международном представительстве, мы должны разрешить сейчас.

Сегодня получено известие, что союзники прибыли в Севастополь и мы накануне того момента, когда нам придется встретиться с союзниками. Это случится завтра, послезавтра, через три дня, и мы, конечно, не успеем образовать общую власть для Кубани, Дона, Грузии и Украины. Мы не успеем даже образовать общую власть на Кубани и на Дону. Я не допускаю мысли, чтобы здесь, в Екатеринодаре, велись свои разговоры о международном представительстве, а на Дону — другие разговоры. У нас есть общее понимание русских задач, у нас есть общие задачи и общие дела. И я думаю, что в представительстве перед силами иноземными — хотя бы нам и дружескими, союзными — мы должны быть едины. И я повторяю: так как процесс образования союзной власти займет, может быть, продолжительное время, то надо сказать, что в вопросе об объединении с Доном, о создании Доно-Кубанского союза или Доно-Кубано-Терского союза — как вы хотите его назовите — ничего не сделано. А международные отношения начинаются завтра. Я полагаю, что этот вопрос надо особо выделить. Этот вопрос относится, с одной стороны, к нашим задачам воссоединения России, а с другой стороны — к путям этого воссоздания, которое совершится, до известной степени, при помощи союзнических сил. Поэтому я предложил бы дополнить тезисы докладчика следующим положением: «Не выжидая образования общей для освобожденных от анархии областей власти, надлежит немедленно принять меры к организации общего для этих областей международного представительства».

Я еще должен сказать по одному вопросу относительно пресловутого спора о нашей независимости. Вопрос праздный, который напрасно делают острым, и напрасно его ставят сейчас. Этот вопрос уже был разрешен в прошлом году, согласно данным, которые были сейчас приведены членом Рады Филимоновым, что мы были вынуждены иметь на местах полноту государственной власти, и не надо трогать этого вопроса, так как об этом уже постановлено, и из уважения к себе не надо выносить по данному вопросу десять постановлений. Я полагаю, что при общности нашего врага, при общности тех идеалов, которые нас воодушевляют, идеалов государственного порядка, идеалов воссоздания нашей родины все второстепенные вопросы и требования должны померкнуть, и перед нами должна быть одна идея, это — единый русский фронт, для того чтобы идти на общего врага во имя общей, одинаково дорогой всем цели. *(Аплодисменты.)*

Председатель. — Поступило предложение за подписью 18 членов Рады о прекращении прений. Слово принадлежит первому подписавшемуся — Горбушину.

Член Рады Горбушин. — Я думаю, что нами достаточно освещены те положения, которые поставил председатель правительства. Кроме того, полагаю, что к этому во-

просу придется вернуться, когда будет поставлен на очередь проект об управлении и самоуправлении Кубанского края, и ввиду этого предлагаю прекратить прения.

Председатель. — Кто желает говорить против прекращения прений? Слово принадлежит генералу Лукомскому.

Генерал Лукомский. — Я полагаю, что, во всяком случае, прекратить прения нельзя. Нужно дать высказаться тем, которые уже подали записки и не имели возможности высказать свои мнения. Я особенно на этом настаиваю, так как в числе записавшихся — я, как представитель Добровольческой армии, и прошу мне дать слово.

Председатель. — Записано еще 11 ораторов. *(Голос: «Позвольте внести поправку — «за исключением представителя Добровольческой армии».)* Я ставлю на голосование предложение, причем разъясняю, что оно не касается представителя Добровольческой армии генерала Лукомского. Кто за прекращение прений? Кто против? Прения прекращаются. Я объявляю перерыв и прошу публику оставить зал заседания, так как представитель Добровольческой армии просил на время его речи закрыть двери заседания.

После перерыва.

Председатель. — Заседание возобновляется. Слово принадлежит представителю Добровольческой армии генералу Лукомскому.

Генерал Лукомский. — Господа члены Чрезвычайной Рады! Вчера с этой кафедры была произнесена речь председателем Кубанского краевого правительства по вопросам, касающимся внешних отношений. В связи с этим был поднят вопрос относительно строительства государственной власти и отношений союзных образований в России.

Центр тяжести всех речей относился ко второй части, т. е. к части, касающейся организации государственной власти. И было много страстных речей и много разговоров. Должен сказать, что если не прямые нападки, то, во всяком случае, известная доля их, известный упрек в сторону Добровольческой армии, были в речах выступавших здесь некоторых ораторов. Вопрос относительно создания общегосударственной власти является вопросом крайне серьезным, поэтому, а равно ввиду тех страстных споров, которые слышались в речах предыдущих ораторов, я позволю себе остановиться несколько на вопросе отношений, которые складывались между Добровольческой армией и Кубанским краевым правительством, именно по вопросу относительно построения государственной власти. После освобождения Кубани, после возвращения правительства в Екатеринодар и прибытия сюда командования Добровольческой армии, не секрет для всех здесь присутствующих, что, конечно, были между ними известные трения, известные недоразумения, которые в значительной степени происходили вследствие того, что власть была не разграничена, вследствие того, что существовали различные взгляды на вопросы общегосударственной власти. Добровольческая армия, которая начала свою работу в начале ноября прошлого года, началась маленькой ячейкой, постепенно разрастаясь на своем пути, иногда нисходя почти к нулю и затем вновь возрождаясь. С самого начала она вела борьбу с большевиками, с советской властью в великой России не на жизнь, а на смерть. Вела борьбу, лелея надежду, лелея идею осуществления, воссоздания единой могучей России. Добровольческая армия шла с

этой идеей трудным, тяжелым путем, и при ее участии и огромной ее помощи были освобождены от большевистской власти Дон и Кубань. Добровольческая армия в лице ее командования не могла отказаться от мысли, что она является носительницей государственной идеи, и Добровольческая армия считает, что в вопросе об образовании государственной власти к ее голосу должны прислушиваться. Добровольческая армия не предполагала свою волю навязывать какой-либо силой. Я в этом отношении имею возможность всем определенно сказать, что мы шли путем соглашения. Мы хотели и хотим добиться разрешения этого серьезного вопроса.

Отношение к Добровольческой армии целого ряда общественных групп и организаций России, притом с самыми различными политическими направлениями, ясно указывает на то, что Добровольческая армия имеет мощный голос, и указывает на нас, на Добровольческую армию, как на носительницу государственной идеи.

Я должен сказать по вопросу очень важному: об отношении союзников и Добровольческой армии. Я должен вам совершенно определенно сказать, что и союзники смотрят на командование Добровольческой армии как на тот организм, который несет в себе государственную идею и который не опорочен ни в вопросе отношения к вашим славным союзникам, ни в вопросе отношения к Германии, ни в вопросе каких-либо других изменнических актов, в которых, может быть, был замешан кто-либо другой. Союзники совершенно определенно желают разговаривать с Добровольческой армией и, конечно, с тем югом и юго-востоком России, который необходимо должен объединиться. Конечно, для союзников представляется крайне желательным, чтобы все это было одно целое, но не только это желательно, но и то, чтобы представительство было одно, чтобы не говорили от разных образований России на разных языках и представляли разные пожелания и разные требования. Должен сказать, что отношение союзников не ко всем образованиям юго-востока России одинаково. Отношение в Добровольческой армии, как я уже доложил, определилось и вполне ясно. Должен отметить два факта. Недавно в Яссах были представители от Украины — официальная делегация, но союзники эту делегацию не приняли, официально сказав, что самостоятельного государства Украины они не признают. Второй факт может указать на одно из новообразований в России, которое вело и ведет очень упорную и сильную борьбу с большевиками. Оно также объявило себя самостоятельным государством: от них также была послана делегация, которая просила о значительной материальной помощи. Им было отвечено, что помощь будет дана, но прежде всего необходимо, чтобы было официально заверено, что они идут рука об руку с командованием Добровольческой армии. Вот эти факты я должен отметить. В настоящее время к нам уже вчера прибыл пароход «Моряк» из Килии, на который при помощи союзников были погружены снаряды и боевые припасы. На этих днях мы ждем других судов, которые также должны были прибыть из Килии. Итак, я повторяю, Добровольческая армия считает и имеет право считать себя носительницей государственной идеи и имеет право считать, что в вопросе будущего воссоздания государственной власти к ее голосу необходимо прислушаться.

Перейдя к дальнейшему вопросу о том, как мы мнили относительно устройства государственной власти в ближайшем будущем, должен сказать, что в настоящее вре-

мя, как вам известно, в Сибири образовалось Уфимское правительство, которое назвало себя всероссийским, и, как сказал главнокомандующий Добровольческой армии, его признать мы не можем, ибо оно опирается на Учредительное собрание старого созыва. Затем, мы здесь, на юго-востоке России, должны создать что-то крепкое и целое, которое может еще сказать, что собирание России необходимо и что нужно представить ее интересы перед союзниками. Для этого нужно договориться, но с кем? И вот здесь Добровольческая армия была поставлена в довольно трудное положение. Вам с этой кафедры говорили, что для создания Юго-Восточного союза необходимо договориться Кубани, Дону, Добровольческой армии, Грузии, Крыму, Украине. Должен сказать, что если б все эти образования, как их называют, были совершенно на одной и той же точке зрения, тогда, конечно, договориться было бы нетрудно. Но в действительности обстановка сложнее: с одной стороны, Грузия заняла совершенно неприемлемую и недопустимую позицию. Она самовольно заняла Сочинский округ и на предложение очистить его, а затем вступить в переговоры ответила, что очищать не желает и, потом, не знает, с кем ей договариваться, ибо государственной власти она не видит и не знает, т. е. определенно указывает, что с командованием Добровольческой армии она разговаривать не желает. Украина была под сильным и непосредственным влиянием германских штыков, на которые опиралась государственная власть Скоропадского и не давала возможности вступить в переговоры ни с нею, ни с Крымом, занятым немцами, ибо фактически это были немцы, с которыми мы разговаривать не желали. Относительно Дона — разговоры вести было тоже трудно, ибо, в силу тех или иных обстоятельств, атаман донской и его правительство находились под влиянием немцев. Оставался кто же — только Добровольческая армия и родная ей Кубань. Добровольческая армия на полях битвы плечом к плечу кровью сроднилась с кубанскими казаками и мыслила себя неразрывно связанной с Кубанью. И вот нам казалось, что в первую очередь нам, Добровольческой армии и казакам, нужно по-братски договориться по всем вопросам. *(Аплодисменты.)* Мы должны образовать ячейку государственной власти, к которой должны, естественно, примкнуть все остальные образования юго-востока России. В данную минуту положение таково. С Крымом, который оставляется немцами, мы, думаю, вполне согласны, ибо как старое крымское правительство, во главе которого стоял Сулькевич, так и нынешнее, во главе которого стоит Крым, совершенно одинаково относятся к Добровольческой армии. Оно просит нас подать руку помощи и не допустить развития большевизма. Представитель Добровольческой армии в Крыму генерал Боде принял руководство всеми военными вопросами. Переговоры с Доном также, надо надеяться, на днях приведут к конечным результатам. О разрыве соглашений с Украиной скажу: в Украине произошли события, которые не дают возможности сказать, чем дело там кончится. Там мы видим пока две власти: власть Харьковской, Черниговской и Полтавской губерний как будто в руках Винниченко и Петлюры, власть южной части и западный район находятся в руках графа Келлера. Чем все это кончится, пока предсказать нельзя. Есть некоторые данные предполагать, что успокоение наступит довольно скоро.

Вот при каких условиях вопрос создания общегосударственной власти возник у главнокомандующего Добровольческой армии. Здесь общественными деятелями, на-

ходившимися на Кубани, составлен проект такой конструкции власти. Мы считали, что в нем есть некоторые дефекты, и решили, что надо его обсудить с представителями Кубанского краевого правительства. Под моим председательством была образована комиссия, в состав которой вошел председатель Кубанского краевого правительства. На заседании этой комиссии мы ни до чего не договорились. Командование Добровольческой армии поставило вопрос так: при построении будущего необходимо учредить временную государственную власть, ибо то, что в настоящее время предполагается делать, это есть только временное, до установления общей российской власти; а какая она будет, какова будет форма государственного правления — Добровольческая армия, как сказал главнокомандующий, не предсказывает и не угадывает. Надо создать временную власть, которая дала бы возможность окончить борьбу с большевиками возможно скорее, возможно энергичнее. И вот, исходя из этой точки зрения, считаем, что в настоящее время, в период общей разрухи, в период шатания мысли, в такой период, когда два различных округа, две губернии, даже каждое собрание, где соберется несколько человек, высказывают самые противоречивые мнения и решения, — вот в эту минуту, в период полного безвластия, необходимо создать такую крепкую государственную власть, которая могла бы твердой рукой повести дело против большевиков для прекращения той страшной междоусобной и братоубийственной войны, которая ведется. И вот при создании этой власти командование Добровольческой армии считало, что новая государственная власть должна прежде всего зиждиться на безусловной полноте военной власти; я слов не боюсь и скажу определенно: на диктаторской военной власти по всем военным вопросам. Что касается гражданского управления, то эта власть главнокомандующего, власть диктаторская, в этом случае должна быть ограничена. Гарантией ограниченности гражданской власти является предоставление — путем законов, которые выработаны были бы при соглашении, — полной автономии тем частям, которые вошли бы в этот союз. Представителями интересов каждого из новых образований явились бы министры, которые вошли бы в состав правительства. При такой конструкции власти, нам казалось, достигнутся две цели: с одной стороны — полное единство власти по ведению операций для скорого прекращения той борьбы, которая затягивается, и, с другой стороны, при построении гражданской власти является полная гарантия, полная обеспеченность автономного ведения дел в каждом отдельном крае, в каждом отдельном новообразовании. Но представители Кубанского краевого правительства в этой комиссии с этой мыслью совершенно не согласились. Они сказали, что они допускают возможность конструкции государственной власти только на началах союза, чтобы во главе всего союза, в виде верховной власти, был поставлен верховный союзный совет, т. е. большое коллегиальное учреждение, которому должна быть подчинена и власть военная, и власть гражданская. *(«Правильно».)* При этих условиях я — как представитель главнокомандующего Добровольческой армии — категорически заявляю, что на подчинение военной власти этому союзному верховному совету мы пойти не можем, потому что это создаст помимо всего прочего неопределенность в действиях, возможность перемены командования, ибо верховный союзный совет как носитель верховной власти может заместить одного главнокомандующего другим. Мы считаем это невозможным и недопустимым. Я сказал и повторяю — мы на это не пойдем. На этом наши работы в

комиссии были прерваны. Председатель правительства обещал нам, что в ближайшем будущем будет представлен контрпроект от Кубанского правительства. Мы предполагали, что этот контрпроект будет представлен до созыва краевой Рады, дабы можно было его предварительно обсудить. Этого контрпроекта до сих пор нет, т. е., может быть, он и есть, но, по крайней мере, мы его не знаем.

Затем вопрос относительно устроения государственной власти возник недавно, несколько дней тому назад, в комиссии по самоуправлению. В этой комиссии этот вопрос принял довольно острый характер; было много споров, и комиссия, в конце концов, постановила временно не рассматривать декларацию краевого правительства относительно устроения власти и принятия Кубанью на себя всей полноты государственной власти. Но в настоящее время этот вопрос из комиссии перенесен в полное собрание краевой Рады, и вам предстоит решить его в ту или иную сторону. Я, со своей стороны, должен еще раз совершенно определенно и точно обратить ваше внимание на то, что при проектируемом нами строительстве государственной власти командование Добровольческой армией не желает совершенно узурпировать гражданских прав; в то же время оно находит нужным определенно и точно сказать, что военную власть оно считает недопустимым подчинить какому-либо коллегиальному совету. Военная власть, в смысле подготовки военных операций и в смысле управления армией, должна быть, безусловно, неделима. Что касается вопросов гражданского управления, то председатель правительства в своей речи, если я не ошибаюсь, указал, что если подобный союз состоится, то тогда необходимо кроме вопроса о едином фронте и единстве представительства по внешним отношениям объединить вопросы по финансовой части, почтово-телеграфной части и по транспорту. Вот те три пункта, которые председатель правительства считал нужным при образовании общегосударственной власти дать как прерогативы этой власти. Мы считаем, что прерогативами автономной власти при создании общегосударственной власти не могут быть ни внешние отношения, ни командование вооруженными силами, ни образование общерусского суда.

Затем позволю себе обратить ваше внимание на то, что вряд ли правильно делать такие указания, какие были сделаны одним из предыдущих ораторов относительно того, что «в строительстве государственной власти мы будем строить только сами и никому другому не позволим». Я должен сказать, что вопрос о государственной власти касается не только Кубанского края — один край такой власти не построит, и в данном случае нужно прислушаться и к голосу Добровольческой армии и вместе с ней идти по одному пути. Что касается речи сотника Филимонова, которая, с моей точки зрения, была восхвалением советской власти, то в ней я не мог не обратить внимания на те слова, которые им были сказаны: «Мы предостерегаем главнокомандующего Добровольческой армией от подобного шага», т. е. от образования единой власти. Я опять повторяю, что главнокомандующий Добровольческой армии настаивал на единой власти в смысле военных вопросов, в смысле же гражданского управления власть по внутреннему управлению автономна и должна быть, конечно, предоставлена тем частям, которые войдут в состав этого союза.

Договориться нам необходимо немедленно. Мы пока спорим, пока говорим об этом, события текут. Сегодня здесь, с этой кафедры, говорили о том, что близок тот

день, когда могут явиться союзники. Я позволю себе огласить только что полученную телеграмму из Новороссийска: «Французский миноносец вошел в Новороссийский порт. *(Аплодисменты.)* Мачты дружеских судов видны на горизонте. *(Аплодисменты.)* Радиостанция установила связь с судами «Эрнест Ренан», «Ливерпуль» и сопровождающими их истребителями». Таким образом, союзники уже в Новороссийске. Они, конечно, захотят с нами говорить. Я, господа, скажу, что нам нужно вместо споров в этот исторический момент немедленно создать единое представительство и единую власть, но в то же время я вновь повторяю, что главнокомандующий Добровольческой армии нисколько не посягает и не может посягать на какие-либо автономные права края по внутреннему управлению. *(Аплодисменты.)*

Председатель. — Я должен был бы предоставить слово докладчику, г. председателю правительства, но ко мне поступило заявление за подписью многих членов Рады с просьбой предоставить слово Петру Леонтьевичу Макаренко, который только сейчас прибыл и записался поздно. *(Голоса: «Просим».)* Слово предоставляется П. Л. Макаренко.

Член Законодательной Рады Макаренко. — Я необыкновенно счастлив, что после тяжкого года борьбы снова можем говорить с этого святого места так, как мы понимаем, как подготовлены и как думаем. На протяжении всего государства Российского мы, кубанские казаки, представляем из себя единственный уголок, где с 1917 года сохранилась власть наша, избранная власть. Более того, нам можно снова говорить с народными представителями, в то время как в других местах поставлена власть или большевистская, или немецкими штыками. Мы можем здесь снова спокойно собираться и снова спокойно выслушивать наших уполномоченных, наших представителей, наше правительство и войскового атамана. Я необыкновенно счастлив, что с нами рядом сидят, говорят и ведут борьбу лучшие люди, лучшие сыны России, немногочисленные, но лучшие, которые свои головы отдают за Родину. Я оторван был силою интересов войска от вас. Я был в Киеве. Приехал, когда Рада только открылась, и опять уехал на Дон — этого требовали интересы нашего края. Заседание закрытое, поэтому я могу говорить. Мы от Украины получили 70 тысяч снарядов, 11 миллионов патронов, 20 тысяч ружей и т. д. На станции Ростов под охраной наших казаков находится 7 миллионов 55 тысяч патронов, которые нам будут принадлежать, как только мы их оплатим. *(Аплодисменты.)* По уполномочию войскового атамана и правительства мне пришлось быть то на Дону, то на Украине, то в Ростове. Это отрывало меня от вас, и потому я не в курсе всего, что здесь говорилось, всех тех прений и суждений, которые имели здесь место. Но, как казак, я не могу молчать тогда, когда решаются судьбы края и России. Я скажу громко: именно судьбы России вот здесь решаются. Я не могу молчать, потому что вся переписка наша с Доном и Украиной, все переговоры не были чужды и мне. Мне в точности известно, как наша армия снабжалась патронами и снарядами, поэтому я должен, по вашему желанию, высказать некоторые соображения. *(«Просим».)*

Господа члены Рады! Я необыкновенно счастлив, что говорю перед вами, как говорил в прошлом году, осенью и зимой. Общий дурман, общая болезнь охватили казаков. Теперь мы, слава Богу, выздоровели. Теперь мы кровью добыли себе право

решать свою судьбу — кровью казаков, которой много пролито более чем за трехлетнюю войну. Мы это право добыли кровью лучших сынов России. В науке, которая называется физикой, интересовались вопросом: отчего это так, что кусочек железа или стали притягивает один предмет и отталкивает другой? Отчего это происходит? Поведешь одним концом — он отталкивает, поведешь другим — притягивается. Физики предполагают, что в этом самом куске много отдельных частиц металла, тоже намагниченных. В металле они находятся в полном беспорядке. Частицы приходят в порядок только тогда, когда к ним приведешь другой намагниченный металл. Так и в обществе: живут анархисты, монархисты, социалисты и другие партии. Если поведешь немецким металлом, то из общества поднимаются те, которые любят немцев, а если поведешь союзническим металлом, другие притягиваются и поднимают головы. Это только доказывает, что известная сила у нас в народе существует, живет. Упрекать кого-либо не приходится. Каждый спасает себя так, как хочет, как желает. Украина пригласила к себе немецкие штыки, потому что они были ближе к Украине. В руках у немцев была сила, и они вели переговоры с ними. Когда я, по поручению краевого правительства, вел переговоры с немцами, то они всегда заявляли: «Помните, что на последней станции вашего общения с Доном и Украиной стоят наши часовые». Понятно, они и не давали нам ничего; только последнее время стали давать. Особенно упрекать кого-либо, если он держится той или иной ориентации в интересах населения, не приходится. Я припоминаю замечательную фразу донского атамана, когда он сказал: «Да, я брал снаряды и патроны у немцев, обмывал их в чистой донской струе и давал их Добровольческой армии». И мы на Украине хитрили, чтобы получить снаряды, и получали. А какое это значение имело в борьбе нашей с большевиками, вы знаете. Нельзя говорить — ты виноват, потому что ты брал патроны у немцев. А я отвечу так, как сказал донской атаман: «Я беру на свою голову ответственность перед народом и потомством». Ну а если бы он, простите за выражение, напыжился и не захотел иметь дело с немцами — что бы тогда получилось? Ни снарядов, ни патронов, и Троцкий свободно разъезжал бы по Донской области. А в Тамани что получилось? В решительный момент станица пригласила немцев, станичное общество приветствовало их хлебом и солью, произносило по этому поводу соответствующие речи. Оно и понятно: когда угрожают физическому состоянию человека, так поклонишься кому угодно, лишь бы себя спасти. Но мы, кубанцы, не кланялись никому, мы спасали себя как могли.

Теперь мы подошли к моменту, когда решается вопрос, как быть дальше. В то время как мы с вами разговариваем, там, на фронте, дерутся. Если мы не обратим внимания на то, что составляет нашу конечную цель, если мы не обратим внимания на то, что делается вокруг, то нам чрезвычайно затруднительно будет решать наши задачи, наши вопросы. Мы должны решать так, чтобы эти решения нас скорее привели к желанной цели. Цель эта ясна. Она выражена в нашей программе от 20 ноября 1917 года. Ни на Раде, ни в станицах никто не слыхал, чтобы мы отказались от той программы. И вы все будете теперь поддерживать то, что в ней написано: власть народу, земля народу, будем строить жизнь России на федеративных началах. *(Аплодисменты.)*

Господа члены высокого собрания! Как же ближе подойти к той программе, за которую не слова, а кровь льется на фронте? Мы мыслим себя людьми, работающими для народа, во имя того, чтобы построить великую Россию, но только так, чтобы она не была тюрьмой для народов, а прекрасным зданием, где каждый может найти себе труд по разумению и подготовке. *(Аплодисменты.)* Вы не желаете, чтобы снова построить тюрьму народу и называть ее красивым именем «единая, неделимая Россия». По учебникам Иловайского вы прекрасно знаете, что парламент английский не был подарен с высоты трона, а был завоеван. Там еще до сих пор за парламент борются. Блага никогда не давали даром. Так было и у римлян, и у греков. А достигается «единая и неделимая», и достигалась семьсот лет, не словами, а штыком и кровью. Да, кровью! Хорошее дело — единая власть, когда ведется борьба. Если хотите, дайте власть одному человеку, но только так, чтобы вы могли, когда это нужно будет, сказать ему свое веское слово: «Нет, довольно, это граница». *(Пропуск.)*

Когда горит дом, когда рушатся балки и дети кричат, то хватают ведро и льют воду, чье бы оно ни было и кому бы оно ни принадлежало. Зальют пожар и только тогда разбираются, чье это ведро, находят хозяина, ставят ведро и говорят: «Вот ваше ведро». Так и теперь. *(Пропуск.)*

Когда мы были на чужой территории, на Дону, а тут шла свалка, разве мы могли сказать: «Отделите кубанцев». Покамест мы начали бы отделять, большевики налетели бы, и лишняя кровь пролилась бы. И если мы теперь полагаем, что нужно выделить кубанских казаков в особую армию, то это не значит: побежал на телеграф, раз и готово. Мы говорим о сведении в одну армию наших казачьих частей, о постепенном сведении и о подчинении ее главе нашего войска — войсковому атаману, человеку, которого мы наградим сильной властью. Мы поставим над ним контроль. *(Легкий смех.)* Это — не смех, это — дело, чтобы не усомнились наши казаки, что мы опрометчиво дела решаем. Вот и нужно рассудить, что будет лучше: пересыпать казаками отдельные части или отдельную армию создать? Мы подчиним, может быть, все полки тому, кто явится авторитетом. Мы должны решать наши вопросы в зависимости от того, что делается кругом. Что бы ни говорили о Доне, но он все-таки самостоятельный, конечно, «постольку — поскольку», впредь до того, когда будет создана «единая, неделимая».

Говорят, чтобы и Дон, и Кубань, и Украина объединили фронт. Вопрос об объединении верховного командования по борьбе с большевизмом на протяжении всего юга России поднят чрезвычайной кубанской миссией в городе Киеве по предложению председателя краевого правительства Быча. Если вы просмотрите нашу переписку, то вы увидите, что это было нашей мыслью. И теперь эти переговоры тоже ведутся. Но одно дело объединить командование по борьбе с большевиками, объединить действия всех вооруженных сил, дело питания и снабжения припасами, а другое дело — объединить отдельные государственные образования в вопросах хозяйственных.

Что делается в мировом масштабе? Кожура, в которой были государства, лопнула, как «тришкин кафтан», и полезли из нее клочья шерсти и тряпки, полетели во все стороны. Надо над этим задуматься. Есть что-то общее всем государствам, что заставляет троны и монархии рушиться. Мы наблюдаем стремление народов всех государств к тому, чтобы приобщиться к власти, чтобы самим собою управлять. Мы

обратим внимание на ближайшего нашего соседа — на Дон. На Дону принадлежит войсковому атаману вся полнота власти на время военных действий, и теперь споров никаких нет. На Украине что делается, посмотрите: часть народа, почувствовав ослабление немецкого сапога, забунтовалась. Какая разница для народа, если один генерал называется гетманом, а другой — главой всех вооруженных сил? Вы думаете, что могущество гетмана на Украине не было призрачным? Украиной, в буквальном смысле, играли. Она была затоплена немецкими штыками, и когда они ослабели — украинцы подняли восстание. Это ясно и просто, и мы это считаем естественным. На Украине сейчас идет демократизация управления. По нашим сведениям, дело обстоит так: от правого берега Днепра и до Сана вся страна находится под властью Национального украинского союза, возглавляемого Винниченко и Петлюрой. В городе Харькове был арестован командир 7-го украинского корпуса, который, кроме офицеров штабных, ничего не имел; там что-то происходит, что свидетельствует, во всяком случае, о том, что идет демократизация управления. И она должна произойти, иначе Украина, безусловно, не выдержит. С Украиной Скоропадского мы не ведем переговоров, мы не заключим с ним союз; мы заключим его с украинским народом, а не с генералом, посаженным тем или другим штыком. *(Аплодисменты.)*

Здесь говорят, что стремятся к единой, неделимой России. Каким путем? Вот вопрос. Ведь и Франц Иосиф всю свою жизнь, с 48 года, стремился к единой, неделимой Австрии, а что вышло? Если Франц Иосиф для этого содержал армию, вел переговоры, заключал соглашения, то вы думаете, что это удовлетворяло чехов, удовлетворяло словаков, удовлетворяло южных славян? Нет. Они говорили: «Ты строишь единую, неделимую, но это не удовлетворяет народ». И недовольство накоплялось, и в решительный момент все государство рухнуло. Лоскутное одеяло порвалось, расползлось по кусочкам — мы увидели, что под ним было. В положение губерний мы никогда не станем. И если бы Рада поставила наш край на такое положение, впоследствии потребовалась бы тяжелая работа, чтобы снова обеспечить себе известную самостоятельность в решении местных вопросов. Разве мы стремимся создать государство? Нет. Но покамест общегосударственной власти нет, нет той власти, которую бы мы признали; высшей властью в крае мы признаем только краевую Раду. Этот вопрос представляется нам простым и ясным.

Когда господин Небритый в прошлом году ездил к бывшему царю и предлагал отречься от престола, а потом этот же, бритый, приехал к нам сюда и стал поучать нас, как строить Россию — единую, неделимую и монархическую, то я скажу: какое же он имел на это право? Господа, вы, наверно, знаете и главу кадетской партии, который все равно как кружало на ярмарке: повернешь одной стороной — лампа, повернешь другой — подсвечник, ну что угодно. Это — г. Милюков. Ваши братья на фронте льют кровь, а в это время в Екатеринодаре Милюков и присные ему шумят, кричат, печатают что-то в газетах, передают что-то по телеграфу, поддерживают кого-то, выносят соответствующие резолюции. Господа, не есть ли это болезненный нарост на организме нашей России? И скажите, разве может быть речь о старом, о том управлении, когда там, в Петрограде, приказывали, а мы только подчинялись; когда для того, чтобы не провалился проект постройки железнодорожной линии, нужно было идти к

Распутину. Все это мы пережили, все это знаем, так неужели мы теперь должны сидеть и молчать, а в это время в Яссах какие-то люди решают судьбы России? Там же были и Милюков и Шульгин, но кем были уполномочены они решать вопросы? Дон послал своих туда представителей. Кубань же сидит молча, когда в Яссах другие решают государственные вопросы. Милюков, который имеет на своей стороне сочувствие нескольких помещиков, может защищать разные интересы, печатать в Приазовском крае и создавать погоду, а Кубань должна сидеть и молчать. Дон выслушивают, потому что за ним сила и с этой силой считаются. А какая сила у гетмана Скоропадского? С 11 по 29 октября сего года, как нам говорили, на всей территории Украины записалось в армию до 25 000 офицеров.

Мы должны строить жизнь так, чтобы не перелетные птицы, Милюков и другие, устраивали нашу жизнь, говорили от нашего имени и выражали нашу волю — надо, чтобы и наш голос был слышен. Мы должны обеспечить себе такую позицию, которая бы в решительную минуту дала возможность правительству от имени Кубани сказать: «Я так не желаю». Разве мы можем согласиться на так называемый монархический строй, на то, как было при монархии? Конечно, каждому угодно иметь свои убеждения, мы ничего не имеем против других убеждений. Вот съехались летом монархисты в Киеве, выбрали верховный монархический совет и стали организовывать южную армию, западную армию и стали от немцев получать деньги для того, чтобы создать монархическую «единую неделимую». Вот каким путем они действуют. И мы, конечно, на этот путь стать не можем. Здесь правильно говорил один юрист: чтобы договориться, так нужно и из себя представлять «я». Подойдите же к Кубани, посмотрите, что она представляет. Почему украинские голоса должны быть слышны, почему Грузия может быть слышна, а почему не должен быть слышен голос Кубани? Почему этого голоса не имеет Кубань — право, которое приобретено штыками, нашей борьбой? Так надо, чтобы Кубань была самостоятельной впредь до того времени, пока не будет построена общегосударственная власть. *(Аплодисменты.)* Для того чтобы это была сила, нам нужно сговориться с Украиной, с Доном, с Грузией и с Добровольческой армией, и потом только выйдет какой-нибудь толк. Что же касается вопроса об объединении командования, то мы считаем необходимым, чтобы в разрешении этого вопроса участвовала и Добровольческая армия.

Нам необходимо создать свою конституцию, свой порядок управления, вынести постановление, чтобы у нас была армия; нам необходимо дать всю полноту власти войсковому атаману, указав ему в вопросе борьбы с большевиками: «Ты, господин, согласуйся со всеми и в том числе с Добровольческой армией». Будет Добровольческая армия идти куда-нибудь, атаман полки даст. Мы, во всяком случае, выберем атамана, у которого голова будет на плечах, не балбешка, с душой и сердцем, любящим край, казаков и Россию, и в то же время он должен иметь волю, стремящуюся к тому, чтобы эта Россия была не монархическая, а демократическая. Такому атаману мы можем вверить всю полноту власти. Мы должны предварительно сговориться, так, чтобы бояться потом нечего было. Говорят нам: «Общественными деятелями, находившимися на Кубани, составлен проект конструкции общегосударственной власти». Но кто они, кто за их спинами стоит? Рада, народ? Между тем, за спиной Рады 80 % Добро-

вольческой армии. Впредь мы не должны допускать того унизительного положения, в какое приходилось становиться до сих пор. Приезжает наша миссия в мае в один город. Садятся атаман и председатель правительства, с тем чтобы вести переговоры, а нас спрашивают: «Господа, чем можем служить?» Мы опешили. Мы приехали вести переговоры, а нам задают вопрос: чем можем служить? Так спрашивают просителя или бедного родственника. Приезжает наша делегация на Украину, а нам задают вопрос: «А где ваши войска, от чьего имени вы говорите?» — «От имени Кубани». — «А войска где?».

Всякий человек, который хочет возвыситься над обыкновенными людьми, стремится прибрать к рукам вооруженную силу. Юлий Цезарь, Александр Македонский, Наполеон I, Фридрих Великий или Карл какой-нибудь всегда опирались на армию и вели разговоры с народом. Это общее правило — забрать больше власти над войсками, а тогда уже диктовать свои условия. Я не хочу сделать какого-нибудь намека, нет, это — холодное рассуждение. Давать власть над войсками не выбранному лицу — ненормально. Так делать не годится. Необходимо кубанские войска подчинить войсковому атаману, а в оперативном отношении он может подчинить их тому, кому найдет нужным. В противном случае мы можем попасть в тяжелое положение. Нам могут сказать: «цыц», и готово.

Я не думаю, чтобы кто-либо хотел Добровольческую армию отстранить. Пускай Добровольческая армия выяснит свою физиономию. Если говорят, чтобы мы все стремились к одному идеалу, а там — что Бог даст, то тогда может быть то, что кто первый придет во главе войска в Петроград, тот и возьмет власть в свои руки, и опять народ будет угнетен. *(Аплодисменты; «Правильно».)*

Здесь говорят, что союзники не приняли официально посланных представителей от Украины в Яссах. Во-первых, я скажу, что союзных послов в Яссах нет, есть второстепенные агенты, которые не были уполномочены решать какие-либо вопросы: они только зондировали почву. В Яссах было заявлено, что Россия должна быть федеративной, в этом смысле говорила свободная Украина. *(Аплодисменты.)* Ввиду того что уходили немцы — а вы знаете, что день сменяется ночью не сразу, так и немецкие силы не сразу отпадали на Украине, — Украина стремилась несколько перестроить свою политическую физиономию и искала защиты у других. Она уже вела переговоры с союзными представителями; затем сделала соответствующее воззвание к гражданам и казакам Украины. Правда, земля еще не передана народу, но это не значит, что народ этим будет доволен. Если в Яссах будут вести переговоры, то должны быть представители и от Украины. На основании предварительных переговоров можно полагать, что помощь будет даваться тем, кто будет действовать в союзе с Добровольческой армией, так как только одна Добровольческая армия была чиста по отношению к союзникам.

Говорят, что мы разговаривали с Украиной. Мы не разговаривали бы, если бы не надо было патронов и снарядов, а этого требовали интересы края. Точно так же и Добровольческая армия не разговаривала, потому что этого, по ее мнению, требовали интересы России. Раз немцев заставили бросить Украину, то она, естественно, должна была опереться на союзников. Ни одно государство и правительство никогда не вхо-

дило в другую соседнюю державу, если ему это не было выгодно. И если на Украине были немцы, то только потому, что это было им выгодно. *(Пропуск.)*

Кто не подчинился «Совдепии», кто сразу не подчинился, — это мы, кубанцы, и прав был атаман, когда заявил, что у нас даже и помысла не было против союзников — и нет, и не было.

Обращают наше внимание, что от союзников уже прибыли баркасы со снарядами. И славу Богу, это хорошо. Но, в сущности, получилось точно так же, как немцы прислали помощь Дону — потому что это было им выгодно. Если союзники стремятся к «единой неделимой», то лишь потому, что это им выгодно. Приходится жалеть о том, что союзники не пришли в прошлом году. Если бы союзники не опоздали, мы, вероятно, под большевистским сапогом не сидели бы.

Кубанский народ должен выполнять свою программу: он хочет видеть Россию великой, построенной на федеративных началах. Ясно, просто и вразумительно. А кому неугодно эти принципы осуществлять, то мы можем и сами как-нибудь бороться, с клюкой под забором будем идти и добиваться своего. *(Аплодисменты.)* Наше право — требовать от союзников устройства общегосударственной народной власти, через представителей народа избранной. И тут просто и ясно.

Теперь — о программе борьбы с большевиками. Если мы будем избирать самые скользкие пути, то мы можем упасть. Должно быть объединение всех жизненных сил, должно быть объединение войска и населения для борьбы с большевиками. Последнее может быть достигнуто одним верным путем — соглашением наших интересов. Сейчас, если представители Дона пожелают, будут говорить с Добровольческой армией, а не с нами; это и понятно, так как наши войска находятся в распоряжении Добровольческой армии. Войска наши на фронте, и мы должны идти бок о бок. Между тем, наступило такое время, когда народ по всей России хочет рассуждать. Мы сами должны говорить с соседними государственными образованиями, и только таким путем мы можем прийти к федеративной Российской республике, а мы мыслим, что только такая республика обеспечит наши народные права и интересы. Ведь мы сюда собрались не для того, чтобы суточные получать или чтобы слава о нас прошла, а для того, чтобы все вопросы решить в интересах народа. И решая их с холодным рассудком, мы придем к заключению, что прав был председатель правительства, предлагая на уважение Рады известные тезисы, которые вы и должны принять. *(Аплодисменты.)*

Председатель. — Три часа. Желаете ли сейчас выслушать слово докладчика — председателя правительства или отложить его до завтра? *(«На завтра», «Просим на вечер», «Вечером комиссии».)* Господа члены Рады! Здесь раздаются голоса об устройстве вечернего заседания. К величайшему сожалению, мы не являемся собственниками этого здания, и если оно нам понадобится на вечер, то мы должны об этом предупредить заранее. Объявляю перерыв до 10 часов утра следующего дня.

Заседание закрыто в 3 часа дня.

Стенографический отчет 11-го заседания Чрезвычайной Рады Кубанского края 11 ноября 1918 года.

Заседание открыто в 10 ч. 26 м. утра председателем Н. С. Рябоволом.

Член Рады Лях оглашает постановление жителей хутора Упорного о предоставлении в распоряжение правительства собранных ими 9475 руб.

Чрезвычайная Рада поручает президиуму выразить от имени Рады признательность жителям х. Упорного.

Председатель сообщает, что список ораторов по докладу председателя краевого правительства о политическом положении края исчерпан, и слово предоставляется докладчику — Л. Л. Бычу.

Председатель правительства Л. Л. Быч. — Господа члены Рады! Много замечаний было сделано по поводу моего доклада и тех основных положений, которые в нем выставлены. Я сначала коснусь частностей.

Здесь некоторые из ораторов говорили о большевизме, о причинах этого явления и о том, как необходимо реагировать на него, бороться с ним, причем было, собственно говоря, два резко противоположных друг другу мнения. Одни, как, например, член Рады Филимонов, говорили, что это сила, с которой нужно считаться, но выходило так, что большевизм — сила непобедимая и что много хорошего несет и должен был нести с собою большевизм. Другие говорили, что большевизм — это разбойничье явление, что он держится исключительно страхом, террором, угрозою, расстрелом и что нужно только дать толчок, чтобы большевизм свалился.

Я нахожу, что то и другое мнение — ошибочны. Конечно, в основе большевистского движения есть недовольство широких масс своим положением, усталость от войны, требование земли, требование воли. Но ведь эти требования имеются не только у большевиков, а у всех тех, кто стоит за право народа. Таким образом, то, что есть хорошего в большевизме, не есть привилегия, не есть монополия большевизма; способы же добывания, завоевания этих прав, принимаемые большевиками, являются для нас совершенно неприемлемыми — они переходят на тот путь борьбы, который делает большевизм чрезвычайно страшным, это — насилие, нетерпимость. «Кто не с нами, тот должен быть убит, должен быть уничтожен» — вот их девиз. И с этой стороны большевизм представляется в высшей степени уродливым, антигосударственным явлением, и мы с ним поэтому ни при каких условиях мириться не можем. *(Аплодисменты.)*

Другие, как, например, полковник Тунненберг, представитель Добровольческой армии, говорят, что большевизм держится только террором, только страхом. Господа, это не так, потому что страхом долго держаться невозможно. Страх основан на штыке, на грубой военной силе; штыками у власти нельзя долго продержаться, если в сознании хотя бы части народа не встретится сочувствия и если этой власти не будет дано реальной поддержки народом.

В Центральной России большевизм держится уже более года, и поэтому мы не можем сказать, что он держится только на одном страхе. Очевидно, есть другие

основания. Окраины раньше освободились от этого зла, потому что живут в других экономических условиях. Экономические условия в Центральной России, живущей в значительной мере за счет окраин, дают большевизму возможность держаться там более долгое время.

Конечно, в непродолжительном времени большевизм будет побежден, в этом мы ни на минуту не сомневаемся; мы не должны быть малодушны, не должны строить себе призраков чрезвычайной опасности; мы не должны идти на уступки, чуть ли не на соглашение с советской властью. Нет, мы на это никогда не пойдем. *(Аплодисменты.)*

Так же точно, кажется мне, неправильно освещаются некоторыми ораторами события на Западе. Ведь в настоящее время все сведения о событиях, происходящих в Западной Европе: в Германии, Австро-Венгрии, Италии и так далее — получаются через Стокгольм, а стокгольмские сведения давно отличались тем, что они неправдоподобны, в них попросту много лжи. Сведения эти, прежде чем доходят до нас, проходят через руки большевиков. Большевикам чрезвычайно важно освещать эти события так, как им это нужно. Они всегда говорили, что они зажгут пламя революционного пожара в Западной Европе, и теперь хотят доказать, что они зажгли его. Конечно, это не так. Происходящие на Западе события являются результатом истощения народных масс после неудачной войны. Как это было в России, так теперь в Германии и Австро-Венгрии. Не Ленин и не Троцкий вызвали эти движения; их причины лежат глубже.

События, происходящие в Западной Европе, представляют нам в сгущенном виде. Говорят, например — об этом сообщалось в газетах, — что в Германии, где только что народилось народное социалистическое правительство, другая группа, предводимая Либкнехтом, уже стремится свалить его не путем законным, путем привлечения общественного мнения на свою сторону и воздействия через законодательные собрания, но путем оружия, то есть как будто повторяется то, что было у нас 7—8 июля и 25 октября 1917 года, когда большевики силой разогнали наше Временное правительство. Но тот, кто следил за политической деятельностью Либкнехта, тот не допустит мысли, чтобы Либкнехт стал во главе насильственного движения. Можно, наверное, сказать, что это сообщение попросту неправда, вымысел.

Далее сообщалось о том, что в Бельгии вспыхнула революция, образовались советы солдатских и рабочих депутатов и что все прелести большевизма там налицо. Да разве это может быть, чтобы в Бельгии, в этой маленькой героической стране, исстрадавшейся под гнетом немцев, жаждущей мира и спокойствия, и в Бельгии, разоренной теперь германскими солдатами, уходящими с фронта, — разве можно верить, чтобы в Бельгии были беспорядки на социальной почве?!

Сообщалось также, что в Дании революция в полном разгаре и что на улицах происходят ожесточенные схватки между полицией и рабочими. Оказалось, что это была многолюдная сходка, созванная для обсуждения вопроса о всеобщей забастовке.

Все это раздувается в события грандиозного размера. Поэтому ко всем сообщениям о событиях за границей мы должны относиться с чрезвычайной осторожностью, чтобы не впасть в ошибку и, испугавшись собственной тени, не наделать ложных шагов.

Точно так же и об Украине сообщались неверные сведения. Насколько большевики заинтересованы в сообщении ложных сведений о событиях за границей, настоль-

ко у нас некоторые группы, противоположные большевикам, заинтересованы в том, чтобы то, что происходит на Украине, нам представлялось в совершенно ложном виде. Говорят чуть ли не о том, что Украина идет вместе с большевиками, что Винниченко и Петлюра с ними заключили договор, об этом было даже телеграфное сообщение. Но тот, кто знает общественную деятельность Винниченко и Петлюры, тот знает, что это — ложь. Первыми кандидатами на виселицу у большевиков были Винниченко и Петлюра, ибо они вели раньше, ведут и теперь самую жестокую борьбу с большевизмом. В большевистских газетах и до сих пор имена Винниченко и Петлюры — это нарицательные имена, как контрреволюционеров и реакционеров. И если бы Винниченко и Петлюра хотя бы на минуту попали в руки большевиков, то им не миновать расстрела или виселицы. Если говорят о том, что они — большевики, что они пойдут с большевиками, то это нужно объяснить только тем, что попросту кому-то нужно лгать.

Вообще, представлять себе движение на Украине как движение большевистское — неправильно. Для нас, кубанцев, это имеет чрезвычайно важное значение, так как, если после Центральной России большевизм восторжествует и на Украине, тогда наши сердца действительно могут дрогнуть. Но там, на Украине, по крайней мере теперь, большевизма нет. Там происходит совершенно определенный процесс: сначала на Украине установилась народная власть в лице Центральной Рады, которая и решила отобрать землю у крупных помещиков для передачи ее трудовому крестьянству. Впоследствии при помощи немецких штыков это все было сведено на нет: помещики и крупные капиталисты, поставив гетмана, взяли власть в свои руки. Народ, конечно, этим положением остался недоволен. Необходимо знать, что на Украине есть громаднейшие земельные поместья, по 100–200 тысяч десятин земли. Крестьяне, которые уже чувствовали себя владельцами земли, не могли с этим мириться; для того чтобы добыть эту землю, они действительно могли бы перейти в лагерь большевиков. Но Национальный союз, возглавляемый Винниченко и Петлюрой, взял на себя задачу разрешить аграрный вопрос, и если союзу это удастся, то большевистского движения на Украине не будет. Настоящее движение есть защита от большевизма, и выставлять его как большевистское движение никаким образом нельзя. Если оно будет подавлено, тогда, вероятно, крестьянские массы, отчаявшись в достижении своей заветной мечты, двинутся к большевикам, бросятся в их объятия; тогда мы действительно будем иметь дело с большевизмом на Украине.

Для подавления этого народного движения там образованы кадры добровольцев во главе с графом Келлером. Получается чрезвычайно сложное положение: Келлер со своими добровольцами идет против народного движения, против движения, требующего земли. Мы же знаем — газета «Россия» крупными буквами об этом объявила, — что граф Келлер известен тем, что он был единственным генералом, заявившим о своей верности Николаю II вместе со своим корпусом. Если бы случилось даже так, что он, Келлер, объявил там, на Украине, что он борется за Учредительное собрание, едва ли кто-нибудь этому поверил бы. Все это может иметь чрезвычайно важные последствия в будущем даже для Кубани, так как граф Келлер заявил, что он подчиняется генералу Деникину, главнокомандующему Добровольческой армией. И я опасаюсь, что неправильная оценка происходящего может создать вообще колоссальные затруднения для

целей Добровольческой армии, а нас поставить в чрезвычайно трудное, невыносимое положение. Необходимо обернуться лицом туда, к Украине, и задать себе вопросы: неужели мы, кубанцы, туда пойдем? С какой целью? Как завоеватели? Пойдем с графом Келлером? Я думаю, что нет. *(Аплодисменты.)*

Здесь некоторые из членов Рады, говоря о трудности заключения федеративного союза, говорили о том, что некоторые из членов будущей федерации, например Украина, допускают раздражающие притеснения всего русского. Члена Рады Каплина беспокоило, например, то обстоятельство, что в Киеве вывески на русском языке были заменены украинскими. Затем, по его словам, кто-то когда-то сказал, что русская культура привела к гибели и должна быть изгнана из Украины. Я считаю, что все это — пустяки, которые в отношении судеб народа не могут играть никакой роли. Для того чтобы установились добрососедские отношения, необходимо, чтобы была экономическая и национальная связь. У нас национальная связь есть: мы — русские и прежде всего украинцы — часть одного общего отдела этого народа. Кроме того, у нас существует самая тесная экономическая связь, между нами должен быть постоянный товарообмен; мы друг без друга жить не можем: из Украины будем получать сахар, уголь, железо; Украине мы будем давать всевозможные жиры и хлеб. Это лучше всяких вывесок, лучше всяких заявлений. Это и дает почву для соглашения, для федерации.

Член Рады Горбушин беспокоится даже тем обстоятельством, что на Украине не говорят: «стакан», а говорят «шклянка»; а мне кажется, что каждый может говорить так, как ему хочется и как умеет. Я думаю, что все эти разговоры нужно бросить. Мы переживаем момент, когда каждый хочет быть свободным, когда всякое стеснение, всякое лишение свободы, особенно в культурном и национальном отношении, ощущается чрезвычайно болезненно и раздражает.

Считаю необходимым сказать несколько слов также относительно Грузии. Грузия, говорит член Рады Филимонов, угрожает нам красноармейцами. Я вообще не знаю, какие есть красноармейцы в Грузии; наоборот, я знаю, что Грузия все время боролась с красноармейцами. Она тем известна, что только в Грузии не было большевиков. Даже у нас были большевики, и одно время они господствовали, а в Грузии они у власти не были ни одной минуты; попытки к большевистским выступлениям там подавлялись в корне. Я знаю, что в Грузии есть народная армия, но это не красная армия, в том смысле, как это обычно понимают. Большевистской армии в Грузии нет. Я не думаю, чтобы грузины были нам страшны, ибо их цели не расходятся с нашими в деле борьбы против большевизма.

Член Рады Каплин указал, что военный министр Грузинской республики Георгадзе как-то пожелал успеха туркам, когда они шли завоевывать Баку, этот русский город. Но член Рады Каплин, очевидно, забыл, что русский город Баку был тогда большевистским городом, и естественно, что грузинский военный министр желал даже туркам, чтобы они взяли большевистский город Баку, считая, что тогда, во всяком случае, какой-то порядок будет и не будет того развала, при котором Грузия не могла получать нефти. Кому-то важно эти события представить в таком виде, что Георгадзе желал взять Баку, но если вы разберетесь в этом, то получается совершенно другая

картина. Я обо всем этом молчал бы и не останавливался бы на этих, в сущности, мелких фактах, если бы эти факты и слухи не создавали нездоровой атмосферы, атмосферы заподозревания и недоброжелательства. В освещении этих событий есть желание вселить взаимное недоверие, тогда как этого нет на самом деле и не должно быть между Грузией и Кубанью и между Украиной и Кубанью.

С этими землями у нас нет противоположных интересов, у нас — одна, параллельная дорога, и потому именно с ними, а также с донцами и терцами, мы должны будем заключить союз, прежде всего в целях успешной борьбы с большевиками. Здесь правильно говорили, что, пока большевизм не будет побежден, восстановить Российское государство нельзя, и когда мы видим, что все ныне образовавшиеся государства: Армения, Грузия, Терек, Кубань, Дон и Украина — заинтересованы в том, чтобы большевизм был побежден, то тогда все отмеченные явления иного порядка представляются нам недостойными внимания серьезного политического деятеля. Не в сторону разъединения, а в сторону единения должны быть направлены все наши усилия.

Грузия, сказал генерал Лукомский, самовольно заняла Сочинский округ. Но, господа, необходимо разобраться в этом вопросе с точки зрения исторической последовательности событий. А события шли так:

В Черноморской губернии и на Кубани были большевики; Грузия и Турция воевали между собою; турки высадились возле Сухума, у Нового Афона, и хотели завладеть всем побережьем. Грузины послали свои войска, разбили турок, продвинулись дальше и, встретившись с большевиками, разбили их и дошли до Туапсе. Грузинам нужен был хлеб, они всегда нуждались в нем. Таким образом, грузины прошли сначала Сочинский и затем Туапсинский округ. В это время наши казаки спустились с гор; они во многом нуждались. Грузины дали им оружие, военное снаряжение, винтовки, патроны, пулеметы. Этим путем образовались казачьи отряды численностью в 2—3 тысячи человек; командовал всем отрядом грузинский генерал Мазниев, а во главе русского офицерского отряда стоял одно время генерал Масловский. Добровольческой армии тогда там еще не было. Впоследствии, когда казачьи отряды из состава Добровольческой армии нажали со стороны Новороссийска и большевистская волна хлынула в сторону Туапсе, большевиков было более 20 тыс., — грузины и казаки, сражавшиеся вместе, не выдержали и ушли из Туапсе. Когда большевики ушли из Туапсе по направлению к Майкопу, Туапсе был занят Добровольческой армией, в то время как Сочинский округ остался в распоряжении грузин. Фактически положение осталось таким, каким оно было после ухода большевиков из Туапсе.

По поводу Сочинского округа велись довольно продолжительные переговоры: сюда приезжали представители Грузии и участвовали в заседаниях вместе с представителями Добровольческой армии и Кубанского правительства. Как представитель Добровольческой армии, генерал Алексеев, так и представители Кубанского правительства признали за Грузией право на самостоятельное независимое существование, то есть признали Грузинскую республику. Об этом заявил покойный генерал Алексеев, и мы это подтвердили.

Была признана необходимость установления товарообмена, тем более что в Грузии находилось в значительном количестве то, что нам было особенно нужно: патроны,

снаряды, пулеметы, ружья. В этом направлении и начались переговоры. И вот встал третий вопрос: об очищении Черноморской губернии, в частности — Сочинского округа. К сожалению, по этому вопросу не было достигнуто соглашения и переговоры были прекращены. Положение осталось в таком же виде, как и раньше, то есть Сочинский округ остался во владении Грузии. Грузины сами неоднократно заявляли нам, кубанцам, что на Сочинский округ как на постоянную территорию они совсем не рассчитывают и готовы передать Сочинский округ, согласившись в этом вопросе с Кубанским правительством.

Но впоследствии на этой почве произошла масса недоразумений, совершенно ненужных и вполне устранимых. Во всяком случае, между Грузией и Кубанью никаких недоразумений не было и нет. Если в таком виде разобраться в этом вопросе, то о самовольном занятии Сочинского округа говорить не следует.

Член Рады Горбушин сослался на слова одного из ораторов в подтверждение своей мысли, что нужно всю верховную власть передать военному командованию. Он сослался на генерала Покровского, который сказал: «Не парламентскими речами спасена Кубань, а оружием и кровью». Конечно, никто не думает, что можно речами спасать край и бороться против вооруженной силы. Я полагаю, что таких наивных людей, которые бы так думали, нет. А вот покончивши военные дела или во время военных дел собраться и в парламенте обсудить все происходящее, это, конечно, необходимо. И недаром там, на фронте, ждут от краевой Рады решения самых серьезных, острых, наболевших вопросов. Там тоже знают, что борьба не ведется словами, парламентскими речами; знают, что борьба ведется оружием и что кровь льется для того, чтобы освободить Кубань. Но в то же время все их взоры обращены сюда. *(Аплодисменты.)* Я не думаю, чтобы благодаря этому ваши решения были менее важны, менее серьезны. Борьба и оружием, и парламентская чрезвычайно важны для успокоения края, для решения всех важнейших вопросов жизни края. Сейчас без парламента, как органа народоправства, ни край, ни государство жить не могут.

Один из ораторов сказал, что все живущие на территории Кубани должны получить равные права и что нужно дать это равноправие, потому что в настоящее время все борются, все призваны к оружию. Речь идет, конечно, об иногородних. Мы стоим на почве демократической программы и думаем, что всякий должен пользоваться равными с другими гражданами правами; в этом заключается наше основное положение. Но равноправие часто понимается неправильно. Равноправие не значит, что я могу пользоваться деньгами, которые я не заработал; что если у другого есть в кармане тысяча рублей, то я имею такое же право на эту тысячу рублей, как и тот, кто их заработал. Нужно равноправие тоже заработать, нужно иметь право на равноправие. Оно дается тем, кто связан с нашей землею, кто интересы края ценит и этот край любит и защищает. Когда же происходит обратное, то мы можем подумать о том, можно ли всем дать все права или нельзя. Ведь человеку, проходящему через наш край, не дадите же вы всех прав. Он не имеет никакого основания получать эти права, хотя бы он думал, что он хозяин на вашей земле. Он для нас в данную минуту является цыганом, как правильно заметил член Рады Тищенко на одном из заседаний прошлогодней сессии Рады. Это выражение было употреблено им тогда, когда решался вопрос, кому из некоренных жителей дать права полного гражданства на Кубани.

И когда говорят, что иногородние должны получить все права, потому что они кровь тоже проливают, то все же, господа, нужно сначала разобраться в том, чью кровь они проливают. Те, кто проливает свою кровь за защиту Кубанского края, те имеют право получить все права. А о тех, кто разоряет край и проливает кровь нашу, казачью, мы должны еще подумать. Мы ясно сказали в своем положении о выборах в краевую Раду, что право быть избранным в Раду может получить только тот из казаков, кто не запятнал себя участием в большевизме. *(Аплодисменты.)* Таким образом, как по отношению к казакам и горцам, так и ко всему коренному населению мы поставили условие: «Если ты не участвовал в большевизме, не разорял наш край, не уничтожал наших людей — ты можешь пользоваться всеми правами. Но если ты участвовал в большевизме, ты не имеешь прав гражданства». Поэтому вопрос о предоставлении этих прав некоренным иногородним должен быть также тщательно обдуман и проведен в жизнь постепенно. Во время борьбы тем, кто с оружием идет против нас, мы прав решать судьбу края не можем дать. В то же время я должен сказать; не нужно начинать с того, что делалось раньше. А раньше многие, в том числе и член Рады Белоусов, призывали иногороднее население к немедленному захвату этих прав. Потом они увидели, что остановить движение они уже не могли, и мы докатились до большевизма, а большевизм временно выбросил за борт не только нас, но и тех, кто призывал к захвату прав. С этим призывом необходимо бы повременить, а то опять получится то же самое положение, и массы опять ускользнут из рук таких же г.г. Белоусовых. Не нужно снова начинать опасную игру.

Я перехожу к основному вопросу, который был затронут в моем докладе. Это вопрос о государственном строительстве. Член Рады генерал Карцев заявил, что о федеративной республике говорить преждевременно. Я не знаю, какие причины могут заставить нас не говорить о самом больном, о самом жгучем вопросе — об устроении государства. Я понимал бы, если бы это было сказано в какой-нибудь войсковой части, перед полком или батальоном. Войсковая часть представляет из себя известную силу, направленную по одному пути, и там этот вопрос мог бы внести раскол и ослабить эту силу. Вообще, в войсках политики должно быть поменьше. Но когда собирается местный парламент и ему говорят: «Не занимайтесь политикой, строительством государства», то я этого совершенно не понимаю. Поздно будет об этом говорить тогда, когда у нас, быть может, уже будет установлена форма правления, нам нежелательная. Давайте лучше теперь говорить об этом. *(«Правильно»; аплодисменты.)*

«Вам не следует брать на себя всю полноту государственной власти на территории Кубани», — говорит нам член Рады Траценко. А кто же возьмет ее, эту власть? Несомненно, какая-то другая сила должна будет взять на себя верховную власть, если организация, призванная к этому, если краевая Рада этого не пожелает сделать. Эту силу можно указать, и вот член Рады Траценко говорит нам, что их две: Добровольческая армия и Кубанское краевое правительство; что каждая из них хочет взять в свои руки верховенство друг над другом. Я такой постановки вопроса не понимаю и должен сказать, что верховенства над Добровольческой армией Кубанское краевое правительство никогда не хотело. Это положение неправильно освещено членом Рады Траценко. Мы имели до ухода из Екатеринодара верховную власть в пределах той территории, на

которой мы живем. Краевая Рада вручила нам эту власть, и мы не имеем права отдать ее кому бы то ни было без разрешения краевой Рады. *(Аплодисменты.)*

Члена Рады Тунненберга чрезвычайно огорчило неправильно понятое выражение: «бывшее государство Российское». Член Рады Тунненберг несколько переделал мои слова и сказал: «бывшая Россия». Я этих слов не говорил, а говорил: «бывшее государство Российское». Как бы ни было больно нам всем, тем на менее мы должны были это сказать еще год тому назад. Если бы мы в течение целого года не говорили, что нет государства Российского, как мы могли бы устраивать свою жизнь? Если бы мы сказали, что есть государство Российское, и на этом основании ждали бы откуда-то разрешения всех тех вопросов, которые стоят перед нами и каждый день возникают и требуют разрешения, кто бы разрешал их? Мы как политические деятели должны совершенно ясно представить себе, с какими событиями мы имеем дело, с какими должны считаться фактами.

Год тому назад мы имели дело с фактом, что государства Российского нет. Даже член Рады Тунненберг, сказавши то, что он сказал, через две минуты произнес: «Россия погибла». Тут большое противоречие. Мы же не говорим, что Россия погибла окончательно. России нет как государства, но она есть и будет, если мы будем правильно строить будущее государство на новых началах. Чувству должно быть отведено известное место, но мы не можем допустить, чтобы чувство царило над всеми остальными соображениями. В государственных и политических делах чувству принадлежит только второстепенное место; на первом месте стоит холодный разум, холодное рассуждение. И вот когда мы говорим о том, что надо строить государство, то для нас представляется ясным следующее положение: было громаднейшее государство, занимавшее шестую часть всего земного шара, и этого государства не стало. В истории мы не знаем примера, чтобы развалившееся государство восстанавливалось, возрождалось в прежних границах и формах. Государство вновь возникало потому, что территория и люди были, и они должны были опять построить свои отношения так, чтобы возможно было жить организованно, и потому начиналось новое строительство на той территории и теми людьми, которые оставались, но совершенно новое строительство.

Если бы вздумали Римскую империю после ее падения восстановить в том виде, как она была раньше, то это была бы совершенно напрасная трата времени и энергии. История имеет свои определенные пути, и колесо ее не может быть повернуто обратно. Точно так же, если бы мы задумали восстановить то, что было, то это было бы непосильной задачей и напрасной тратой крови, сил и материальных ценностей. Мы должны ясно и твердо сказать, даже изменив свою терминологию — «не восстановление, а создание государства Российского». *(Аплодисменты.)* Это будет новое государство, это должно быть новое государство в полном смысле этого слова. Ведь границы изменились: Польши уже нет, Финляндии нет и не будет; и в отношении Украины, вопрос остается открытым, ибо из состава Австро-Венгрии вышли украинские земли — Угорщина, Буковина и Галиция; там происходит известное движение в пользу соединения всех этих земель в одно государство с Украиной, в силу национального тяготения друг к другу; там идет борьба за осуществление национальных идеалов, но мы не знаем, что получится в результате этого украинского национального движения.

Перед нами задача строить государство Российское. Подходить к этому со старыми шаблонами и мерками нельзя. Строить новое здание из кирпичей, оставшихся после развала старого, ветхого дома, невозможно. Старые кирпичи могут идти на фундамент, но необходимо прибавить много новых кирпичей и составить новый план строения: только тогда получится новое прекрасное здание. *(Аплодисменты.)* Мы вас зовем к этому, к постройке новых зданий, не одного дома со многими комнатами, а многих домов, как в Канаде (которая по населению немногим превышает Кубань), где семь домов, семь провинций; как в Швейцарии, где 22 самостоятельных дома, 22 кантона; как в Северо-Американских Соединенных Штатах, где 44 дома. Эти дома составляют то поселение, которое процветает. Сравнения обыкновенно не убеждают, но если допускать сравнения, то мы не должны сравнивать государство Российское с домом, в котором много комнат: мне кажется, что это должно быть целое поместье, хутора, где каждый имеет свой сад, свою хату и каждый строит свою хату и живет так, как ему нравится, каждый работает в своем саду и смотрит за своим хозяйством. Но когда является общественная потребность, например, понадобится выстроить церковь, школу, провести дорогу, тогда все владельцы отдельных домов выходят и несут общую работу — это и есть федеративное государство. *(Аплодисменты.)*

Член Рады генерал Лукомский заявил, что в деле государственного строительства нельзя отстранять Добровольческую армию. Мы все до единого, здесь говорившие, даже и мысли этой не допускали. В моем докладе Добровольческая армия стоит на первом месте как важнейший фактор государственной жизни, и она должна участвовать в строительстве государства, она обязана участвовать как носительница государственной идеи. Но мы тоже являемся носителями государственной идеи, иначе мы не боролись бы с большевиками, не собирались бы здесь и не думали бы о государственном строительстве. Но быть носителем идеи и носителем власти — не одно и то же. Добровольческая армия как выражение мощи военной — это одно понятие; как носительница идеи государственности — другое понятие; третье же понятие — это носительница верховной власти, и с этой — третьей — стороны вопрос требует тщательного рассмотрения.

Член Рады генерал Лукомский здесь докладывал вам, что между представителями командования Добровольческой армии и Кубанским правительством не состоялось соглашения по поводу урегулирования взаимоотношений. Я в своем докладе не хотел касаться этого вопроса, но так как из доклада члена Рады Лукомского выходит, что во всем виновато Кубанское правительство, то я должен, прежде всего в целях самооправдания, сказать, что правительство в данном случае не так виновато, как это кажется генералу Лукомскому, а может быть, оно и совсем не виновато.

26 октября состоялось заседание, на котором присутствовали представители Добровольческой армии, под председательством генерала Лукомского, и четыре представителя от Кубанского правительства. На этом заседании был поставлен вопрос о том, в какие отношения должна стать власть на Кубани, Кубанское правительство, к Добровольческой армии?

Председатель. — Перерыв.

Заседание объявляется закрытым.

Л. Л. Быч. — Я уже докладывал, что 26 октября состоялось заседание с участием представителей Добровольческой армии и Кубанского правительства. В этом заседании участвовали, по соглашению обеих сторон, также и донские политические деятели, но не в качестве официальных представителей Дона, а как частные лица, специально приглашенные для участия в совещании.

Председателем совещания, генералом Лукомским, был предложен собравшимся на обсуждение вопрос о том, каким образом сорганизовать власть общую, объединенную власть.

Нам был предложен на обсуждение проект, о котором говорил здесь член Рады генерал Лукомский. В первой статье этого проекта было изложено следующее: «Вся полнота государственной власти в областях, занимаемых Добровольческой армией, принадлежит верховному руководителю Добровольческой армии (главнокомандующему Добровольческой армией)».

Таким образом, в первой же статье юридически совершенно ясно и определенно указано, что здесь вопрос шел об образовании государственной власти не на всей территории бывшего государства Российского, а только на территории, занимаемой Добровольческой армией, и что вся полнота власти на этой территории должна принадлежать главнокомандующему Добровольческой армией.

Затем, уже в следующих разделах, более подробно детализируется, развивается это основное положение.

«Верховный руководитель (главнокомандующий Добровольческой армии) стоит во главе всех сухопутных и морских вооруженных сил в областях, занимаемых Добровольческой армией. Он определяет устройство армии и флота и руководит всем делом государственной обороны».

«Он представляет области, занимаемые Добровольческой армией, в их отношениях с иностранными государствами, а равно с временными государственными образованиями, возникшими на пространстве Российского государства. Он руководит международной политикой и заключает международные договоры. Он объявляет войну и заключает мир».

«Он издает законы и указы по всем отраслям государственной жизни в порядке, установленном настоящим положением».

«Он назначает на все высшие должности гражданской и военной службы».

«Для содействия верховному руководителю Добровольческой армии в делах законодательства и управления при нем состоит Особое совещание».

«Члены Особого совещания назначаются верховным руководителем Добровольческой армии».

Таким образом, мы имели перед собой проект, по которому ясно, точно и совершенно определенно вся полнота государственной власти принадлежит главнокомандующему Добровольческой армии.

Как мы могли на этот проект реагировать, как к нему отнестись?

Мы прежде всего должны были подойти к этому вопросу с анализом происходящего явления и спросить самих себя:

«Каким фактором представляется нам Добровольческая армия? Какую роль она играет, может и должна играть в жизни нашего края, в жизни новых государственных образований и, наконец, в жизни всего будущего государства Российского?»

На этом совещании как лично я, так и другие представители Кубанского правительства постарались выяснить этот вопрос, и вот мы говорили следующее: «В проекте, собственно, говорится о соединении в одном лице всей силы, всей полноты государственной власти».

Мы будем называть вещи своими именами — это есть диктатура, а верховный главнокомандующий есть диктатор.

Что такое диктатура — мы понимаем. Бывают исторические моменты, когда она является единственным средством спасения государства; такова была диктатура Наполеона. Но для того чтобы диктатура была спасительной мерой, нужно, чтобы была реальная почва, фундамент для этого. Имеется ли у нас для этого основание? Нам кажется, что нет. Сейчас территории, занимаемые Добровольческой армией, включают Кубанский край, часть Ставропольской губернии и часть Черноморской губернии. Части последних губерний, величиною чуть не уезд, конечно, слишком малы для установления диктатуры. Кубанский же край, пожалуй, нечего считать, так как он имеет свою народную власть.

Диктатура предполагает в себе всю полноту власти, основанную на реальной силе, на войсках, с одной стороны, и, с другой стороны, на сознании народа — именно то, о чем говорил здесь член Рады Коробьин. Но необходимую силу и авторитет диктатура может иметь только тогда, когда она отвечает потребности народа, когда население ее признает, вернее сказать — требует ее.

Какие же у нас военные силы? Я цифр не буду называть, не буду говорить, какая у нас сила, сколько у нас штыков, но сила эта не так велика. Сила эта достаточна, чтобы успешно сражаться с тем врагом, который на нас напирает, но едва ли она достаточна для того, чтобы объять собою те колоссальные земли, с колоссальным количеством населения, которые нам предстоит под эту диктатуру подвести.

Если мы согласимся на диктатуру — а я должен сказать, и мы ясно это сказали в заседании 26 октября, что для диктатуры не нужно никаких соглашений: диктатура объявляется, о диктатуре не говорят, а диктатура просто проводится в жизнь.

Мы это тогда ясно и определенно сказали... Если мы здесь скажем, что мы диктатуру принимаем, что в настроении населения есть потребность в диктатуре, разрешается таким образом вопрос? Конечно, нет. Из трехмиллионного населения Кубанского края почти половина против нас, то есть почти все иногороднее население. Затем мы имеем население Ставропольской и Черноморской губерний — в общей сложности с кубанским населением это составит всего около 4–6 миллионов жителей. Вот тот материал, которым мы располагаем. Но рядом с нами существуют Дон, Украина, Крым, Грузия, Терек и т. д., и т. д. Если здесь, на Кубани, будет диктатура, будет ли она приемлема на Дону? А если оттуда нам скажут: «А мы не признаем вашего кубанского диктатора». Что мы тогда будем делать? Пойдем ли мы завоевывать Дон? Я думаю, что нет, не пойдем.

Если мы говорим, что для успешной борьбы с большевиками необходимо самое тесное единение между всеми южными государственными образованиями — Украиной, Доном, Крымом, Кубанью, Тереком, Грузией и другими, то нам нужно объединиться на почве желаний большинства населения, которого на том пространстве, как я уже докладывал, насчитывается 60 миллионов.

Как можно объединиться с Украиной, например, если на Украине не будут признавать нашего диктатора? Есть ли достаточно оснований полагать, что там его признают?

И вот нам казалось, и мы тогда выставили то положение, которое я здесь развил (я должен сказать, что это положение принято всем правительством и что я здесь не только от своего имени говорил, а от имени всего правительства), а именно, что единственным условием объединения в целях успешной борьбы с большевиками может быть только одно условие: соглашение, сговор, союз. Путем принуждения, силой мы здесь ничего не добьемся; наоборот, мы и сами погибнем, и дело свободы погубим.

Но мы не хотим погибать, не хотим, чтобы погибла идея государственности, носителями которой мы являемся. Мы, наоборот, ищем новых путей, которые дали бы возможность сплотить, соединить эти разрозненные части бывшего государственного организма, сцементировать их, чтобы эти земли, связанные таким образом, явили бы из себя действительную мощь, действительную силу. Если мы подойдем к разрешению этого вопроса со старыми методами строительства, если, как я раньше говорил, мы будем только восстанавливать то, что было, то мы достигнем немногого, а может быть, и ничего.

Это искание новых способов восстановления, или, вернее сказать, создание нового государства, которое не будет похоже на прежнее, — это необходимо делать теперь же. Если нам говорят, как это было месяц тому назад: «Нельзя говорить с Украиной и с Грузией потому-то и потому-то», то я говорю, что все эти причины, вызывающие невозможность разговаривать, сравнительно незначительны, второстепенны и что все должно быть устранено ради общей цели создания государства, ради идеи государственности. Мы должны всем пожертвовать для того, чтобы прийти к окончательной цели.

Указывали на то, что Украина в это время была «самостийна» и имела определенную ориентацию на немцев, на Германию. Нам ясно было, что эта ориентация — вынужденная, что это было необходимое зло и что нужно подготовить почву для будущего объединения, чтобы в нужный момент мы были во всеоружии. Вопрос же о самостийности Украины обстоял так, что украинцы не настаивали на том, чтобы Украина была непременно независимым государством. Они говорили: «Если новое государство даст нам возможность жить и развиваться, если нам будет гарантирована полная культурная независимость и в решении своих местных дел полная автономия, т. е. если будет федеративное строение государства, которое права наши полностью обеспечит, то мы пойдем на созидание именно этого федеративного государства». Но они не хотели вернуться в старую упряжь, когда даже Евангелия на украинском языке не разрешалось печатать. Против сотрудничества при создании нового российского государственного строения возражений на Украине не было. Конечно, и там есть течения противоположные, но мне казалось, что экономическая связь Украины с Россией так велика, что все

равно — рано ли, поздно ли — мы придем к тому, что будет всероссийская федерация и что членом этой федерации будет также и Украина.

Когда мы говорили о том, что необходимо подготовить почву для создания Южно-Русского союза и что для этого необходимо созвать конференцию представителей южных государственных образований, то против нашего предложения были возражения со стороны Добровольческой армии; нам было даже заявлено, что если мы все-таки соберем конференцию, то это будет рассматриваться как враждебный акт по отношению к Добровольческой армии. Мы вынуждены были сказать, что никаких враждебных актов против Добровольческой армии мы не желаем предпринимать, и потому до сих пор конференция не состоялась.

Нам кажется, что стремление народа самоуправляться так велико, что сдвинуть его с этой точки сейчас невозможно, и мы опасаемся, что объединение всей власти в одном лице — мы даже не опасаемся, мы уверены в этом — будет истолковано народом как возвращение к прежним условиям жизни, и это поведет к большим осложнениям, к катастрофе, к старому режиму.

Тогда же мы выдвинули вопрос о том, что нужно попытаться сорганизовать все перечисленные ранее земли и области и создать центральный для них орган власти. Создание этой организации мы мыслим себе путем арифметического сложения действительных сил: Добровольческая армия (как территория), Кубань, Дон, Крым, Украина, Грузия и друг.

Встает вопрос, как же это сложение сделать? Для этого нужно, чтобы представительные учреждения этих государственных образований или их правительства выделили часть своих прав в пользу центрального органа.

Мы стояли тогда и стоим теперь, начиная с октября прошлого года, на той позиции, что с отпадением центральной государственной власти каждая из перечисленных земель и областей должна была принять на себя верховную власть на своей территории. Путем сложения этих отдельных областей и их частных суверенных прав и получится на территории союза, на объединенной части государства, союзная верховная власть — союзный совет, который образуется путем представительства от Кубани, Дона, конечно, от Добровольческой армии, от Украины, от Грузии, от Крыма и др.

Союзный совет «Bundesrat», это, по нашей идее, и есть верховная власть, суверенная власть. В свою очередь, она должна организовать власть исполнительную, министерство, и она же должна организовать верховное главнокомандование союзной армией. Союзный совет есть верховная власть, законодательная власть, которая должна решать все вопросы общегосударственного характера и законодательствовать по ним; сюда входят, в частности, вопросы военные, финансовые (установление общей денежной системы), вопросы международных отношений, войны и мира и так далее. Я этих вопросов подробно перечислять не буду. По всем этим вопросам верховная союзная власть решает, законодательствует; исполняет же решения и постановления министерство как исполнительный орган.

Мы выясняли также вопрос о командовании, о верховном главнокомандующем армии. Перед нами встал вопрос о том, может ли быть главнокомандующий подчинен этой верховной власти, этому союзному совету, или нет?

Здесь было выдвинуто одно положение: «Главнокомандующий не может и не должен никому подчиняться». Если принять это положение, то мы будем иметь не одну, а две верховных власти. Вполне естественно, что тогда главнокомандующий, опираясь на армию, получит силу решающую, займет положение решающего фактора по всем вопросам, а не только по вопросам военным.

Я уже имел случай докладывать вам, что Добровольческой армией понятие добровольчества уже давно пережито. С первого же дня, как мы вступили в Екатеринодар, нами проводилось то положение, что при объединении разрозненных территорий Добровольческая армия должна стать государственной русской армией. Но в государстве армия играет лишь роль известного политического фактора, политического условия, а не роль решающую по всем вопросам. Если бы она решала все вопросы государственной жизни, то тем самым она явилась бы верховной властью, и другой верховной власти уже быть не может. Мы уже говорили и вновь говорим, что все вопросы государственного характера должны решаться землями, входящими в союз, представителями народа каждой земли. Иначе, конечно, получится недопустимое многовластие и полная несогласованность в действиях.

Здесь возможно только одно положение: или союзный совет не нужен, и тогда вообще союза не будет. Если же союзный совет будет, то власть военная должна быть организована этим союзным советом. При такой конструкции власти армия, в лице ее командования, вполне естественно должна находиться в положении подчиненного по отношению к этому союзному совету, т. е. союзный совет имеет право требовать отчета. Это отнюдь не значит, что со всеми вопросами военного характера нужно будет обращаться к союзному совету, что он будет вмешиваться в распоряжения командования. Наоборот, полномочия могут быть даны колоссальные. Я даже дальше иду: вполне возможно положение, когда союзный совет в лице своих представителей соберется и придет к заключению, что необходимо всю полноту власти передать одному лицу. Но это лицо в своих действиях будет ответственно перед теми, кто эту власть ему вручил. Власть верховная, верховно-распорядительная должна быть вручена представителям народа, представителям, которые являются и должны являться выразителями воли народа.

На совещании 26 октября мы в таком виде развили нашу точку зрения. С этим не согласились. Нам заявили, что изменений в основах представленного проекта быть не может и что можно вести разговор только о том, чтобы власть диктатора в части, касающейся гражданского управления, была несколько ограничена, но что вопросы военного командования и международных отношений должны остаться в том виде, как это было изложено в проекте. Что же касается гражданского управления, то об этом, как нам сказали, нужно еще подумать и можно говорить.

Член Рады генерал Лукомский докладывал здесь, что ими предполагалось, чтобы в составе исполнительного органа при главнокомандующем были представители от отдельных правительств. Я должен заявить, что в заседании 26 октября мы имели дело только с проектом «Положения», о котором я докладывал, а в означенном проекте этого не видно, и такое предположение в том заседании совершенно не обсуждалось. Если потом и возникло это предположение, во всяком случае, мне лично оно не было известно.

Нам указывают, что гражданская власть главнокомандующего ограничена и что, в частности, в отношении Кубанского края в выработанном положении ограничение прав главнокомандующего в области гражданского управления предусмотрено особыми параграфами следующего содержания:

«Кубанская область пользуется правами автономии, во внутренних своих делах управляется особыми установлениями на основании особого законодательства.

К предметам ведения кубанской областной власти в порядке местного законодательства и управления принадлежат:

1) Местная полиция.

2) Надзор за печатью, собраниями, обществами и союзами в пределах общегосударственных законов.

3) Санитарное и медицинское дело.

4) Дела местного самоуправления.

5) Тюремное дело.

6) Установление и взимание местных налогов.

7) Пути сообщения местного значения.

8) Заботы о развитии торговли и промышленности.

9) Продовольствие населения.

10) Земледелие и землеустройство.

11) Народное просвещение.

12) Контроль местных правительственных и общественных учреждений».

Таким образом, мы имеем здесь круг ведомства, примерно бывшего земского управления, с прибавлением наблюдения за тюрьмами и надзора за печатью, собраниями, обществами, союзами и т. п., т. е. сложенные права губернатора, земских и городских учреждений.

Что касается народного просвещения, то в этой области действительно проектируется предоставление широких прав и требуется только соблюдение прав государственного языка.

Относительно земледелия и землеустройства в проекте точных указаний не имеется, но было дано устное разъяснение в том смысле, что Кубани будут также предоставлены широкие права.

Далее в положении указывается, что «для заведывания указанными делами в порядке управления в составе возглавляемого атаманом Кубанского областного правительства могут быть образованы ведомства:

внутренних дел,
финансов,
путей сообщения,
торговли и промышленности,
кубанских войсковых дел,
продовольствия,
земледелия и землеустройства,
народного просвещения,
контроль».

Вот с каким проектом мы имели дело в заседании 26 октября. Мы стали на ту точку зрения, что в то время, когда этим проектом точно перечислен круг вопросов, подлежащих ведению Кубанского областного правительства, в то же время проект ничем не ограничивает прав того, кто издает законы и указы, заключает международные договоры, объявляет войну и заключает мир, и потому такое решение вопроса о самостоятельности Кубанского края в местных делах нас не могло удовлетворить.

Вот история той подготовительной работы, которая привела нас, в конце концов, к тому, что мы выступили теперь с докладом. Как видно из самого доклада, в нем намечается только схема, так сказать, общий план, как, по нашему мнению, необходимо подойти к строению государства и к объединению всех тех земель, которые не признали большевистской власти.

Мы заявили тогда на заседании, что мы просим дать нам возможность на предложенный нам проект представить наш контрпроект. Так как, с одной стороны, эта работа чрезвычайно сложна, а с другой — мы были заняты подготовкой к работам Чрезвычайной краевой Рады, то, к сожалению, мы несколько запоздали, и только несколько дней тому назад мы могли окончательно подготовить (опять-таки схематично) и сдать этот материал в печать.

Я думаю, что этот материал будет рассмотрен в комиссии краевой Рады по самоуправлению. Здесь же мы даем результаты нашей работы в двух направлениях. Мы говорим: нужно сначала выяснить общий план возможного строительства и затем в круге земель, не признавших большевистской власти, всем объединиться и там каждому найти свое место. Поэтому мы выработали проект управления Кубанским краем и одновременно общие основные положения, общую схему управления Южно-Русским союзом.

Первый вопрос мы можем сами решить.

Второй вопрос мы не можем решать самостоятельно, а только с участием полномочных представителей Дона, Украины, Крыма, Грузии и Терека, для чего необходимо собрать конференцию из представителей всех этих областей и прежде всего выяснить, пойдут ли они на это соглашение, на этот союз. Если они пойдут, тогда мы можем предложить им, как материал для обсуждения, тот проект соглашения, который мы направим в комиссию по самоуправлению. Конечно, и здесь намечены только общие принципы, схема союза.

Что касается нашей местной конституции, то выработанный нами проект должен быть рассмотрен комиссией и Радой статья за статьей, и там все вопросы местного управления должны получить свою окончательную формулировку. И вот, когда мы будем рассматривать основной закон об управлении Кубанским краем, то, вероятно, Раде придется первым делом решить вопрос о том, кто же является окончательной инстанцией, утверждающей этот закон? Для нас, для правительства, это ясно: краевая Рада. Не такой ответ дает на этот вопрос ст. 28-я проекта, который был нам предложен в заседании 26 октября; там на этот счет содержится следующее указание:

«Основной закон об управлении Кубанской областью вырабатывается в пределах настоящего положения и утверждается и обнародуется главнокомандующим Добровольческой армии.

В этом же порядке производится, в случае нужды, пересмотр означенного основного закона».

При решении данного вопроса нам на первых же порах придется столкнуться с основным вопросом: что представляет из себя Кубанская краевая Рада и Кубанское краевое правительство? Есть ли в данный момент власть, которая выше их, или нет? Должны ли мы признать, что Кубанский край, впредь до момента создания совместно с теми или иными частями бывшего Российского государства центральной власти, является суверенным, т. е. имеет права верховной власти в пределах этого края, или это право суверенитета уже перенесено на кого-то другого?

Мы всегда стояли и теперь стоим на точке зрения, что, пока не воссоздана государственная власть в широком объеме, на обширной территории, нет других учреждений, институтов и лиц, которые могли бы взять на себя права верховной власти в пределах Кубанского края: верховная власть заключается в кубанском населении, выражается посредством краевой Рады к Законодательной Рады и приводится в действие войсковым атаманом и Кубанским краевым правительством.

Это для нас есть основная схема построения местной власти. Что касается схемы власти союзной, то мы об этом раньше говорили.

Что касается, затем, вопроса, поставленного членом Рады генералом Лукомским, — об объединении Добровольческой армии и Кубанского краевого правительства на почве главного командования, то, господа члены Рады, на этой почве давно существует полное объединение: Кубанское краевое правительство все свои военные силы подчинило главнокомандующему Добровольческой армии. Таким образом, здесь существует полное соглашение, и этот вопрос не является для нас вопросом. Наши войска уже подчинены Добровольческой армии, уже существует единое командование.

Должен к этому добавить, что ни войсковой атаман, ни Кубанское краевое правительство никогда ни в одно распоряжение главнокомандующего, касающееся военно-оперативных дел, не вмешивалось.

Но регулирование, руководство местной жизнью во всех отраслях гражданского управления: экономической, финансовой, административной и других — должно принадлежать Кубанскому краевому правительству. Если мы ответственны за ведение всех отраслей жизни, мы должны обладать соответствующей властью, соответствующими правами, или тогда нас не нужно вовсе. Играть же роль, по-видимому, ответственных лиц без соответствующей власти, без права и возможности проводить в жизнь намеченные мероприятия, то, что, по нашему мнению, требуется интересами края, мы не согласны, я, по крайней мере, лично не согласен.

И затем дело Рады разобраться в этом вопросе и вынести свое решение. Конечно, решению Рады новое правительство должно будет подчиниться, но, пока мы не имеем такого решения Рады, мы считаем, что на нас лежит вся ответственность. Но ответственность только тогда допустима, когда есть известные права, когда есть возможность выполнять данные задания.

Я лично думаю, что все те вопросы, которые были в значительной мере запутаны, за последнее время постепенно развязываются, распутываются и возможно будет

установить более нормальные отношения. Краевая Рада должна все эти вопросы вырешить совершенно свободно и спокойно.

Ответ должен быть дан ясный и определенный, и тогда никаких недоразумений и пререканий больше быть не может. *(Аплодисменты.)*

Председатель. — Ко мне поступило две записки — от генерала Лукомского и члена Рады Филимонова. Генерал Лукомский просит дать ему слово по личному вопросу и для освещения некоторых фактов. Что касается предоставления слова по личному вопросу, то, конечно, каждый член Рады имеет право, согласно наказу, говорить в течение пяти минут; что же касается предоставления слова для освещения фактической стороны, то я должен поставить этот вопрос на ваше благоусмотрение, так как это является возобновлением прений, что я, согласно наказу, как вновь поступившее предложение, должен проголосовать. *(Голос с места: «Дать слово»; второй голос с места: «А почему Макаренко дано было слово?».)* Господа. Так нельзя, прошу поинтересоваться и поближе познакомиться с тем наказом, который вам роздан, иначе нет возможности председательствовать. Лично я присоединяюсь к тому, чтобы слово, конечно, было дано. Мы не можем представителя Добровольческой армии лишать слова, но я должен сказать, что здесь идет речь о продолжении прений. Так как прения уже прекращены, то я и голосую. Тех, кто желает открыть дополнительные прения по данному вопросу, прошу поднять руки. *(Голос с места: «Дать слово, но не открывать прений».)* Я без вашего разрешения никому не могу дать слово. Разрешите же мне проголосовать. Тех, кто согласен, чтобы сейчас было дано слово генералу Лукомскому не по личному вопросу, а для освещения фактической стороны дела, прошу поднять руки. Кто против? Против мало. Таким образом, слово предоставляется представителю Добровольческой армии генералу Лукомскому.

Генерал Лукомский. — Члены краевой Рады! Я принужден был просить взять слово для того, чтобы осветить несколько те вопросы, которые только что вам были доложены председателем правительства. С моей точки зрения, то освещение, которое было дано по некоторым вопросам, неверно. Я именно в этом отношении и постараюсь дать необходимые разъяснения. Начинаю с вопроса второстепенного, но который, с моей точки зрения, имеет существенное значение, ибо как бы подчеркивает не совсем доброжелательное отношение Добровольческой армии к тем предложениям, которые исходили от Кубанского правительства. Мне крайне жаль, что приходится выступать по такому вопросу, но, к сожалению, слова предыдущего оратора меня к этому вынуждают. Это — вопрос относительно предполагавшейся конференции. вам с этой кафедры только что было сказано, что Кубанское правительство, желая разрешить вопрос относительно будущего устроения союза стран или краев юга, юго-востока, предполагало обсудить эти вопросы, созвав конференцию, но что командованием Добровольческой армии было отмечено, что это будет актом враждебным против Добровольческой армии. Я должен внести серьезную поправку. С председателем правительства, я не знаю, говорил ли кто-нибудь по этому поводу, я же лично по этому вопросу говорил с войсковым атаманом полковником Филимоновым. Войсковой атаман приехал ко мне с письмом от донского атамана генерала Краснова на свое имя. Это письмо было написано генералом Красновым после свидания с гетманом Скоропадским. В своем письме

генерал Краснов, обращаясь к атаману Кубанского войска, пишет, что на свидании признано было желательным собрать конференцию для того, чтобы обсудить все необходимые вопросы, и что гетман Скоропадский спрашивает, где же эту конференцию собрать? Она предполагалась в Киеве, по приглашению гетмана Скоропадского. Атаман кубанский спросил меня, как Добровольческая армия отнесется к такому предложению? Я ответил, что в Киев ехать нам нельзя, ибо в Киеве немцы и оттуда не особенно далеко и до Бреста, что туда мы не желаем ехать и вести какие-либо переговоры под влиянием и тем давлением, которое могли бы оказывать немцы, не намерены. На это кубанский атаман ответил, что и Кубанское правительство совершенно так же смотрит на этот вопрос и в Киев не поедет, но конференцию можно собрать в Екатеринодаре.

Я сказал, что принципиально против конференции Добровольческая армия не возражает, но, прежде чем решить вопрос о конференции, мы категорически ставим условие, чтобы те края, которые пожелают принять участие в этой конференции, совершенно определенно исповедовали три принципа: первый принцип — единая Россия, второй — борьба с большевиками до конца и третий — работа рука об руку с союзниками и полный отказ от германофильской ориентации. *(Аплодисменты.)* Только с такими краями, частями России, не России даже, а с правительствами временными, мы будем считаться. Мы жаждем соединиться, но волею судеб, волею обстоятельств, вследствие известных внешних причин было так, что те лица, которые стояли во главе правительств, исповедовали иную точку зрения, и мы против этой иной точки зрения протестовали. Мы говорили, что теперь настает тот момент, когда можно открыто отказаться от германофильской ориентации, если она была принята под давлением немецкого штыка. Если это будет сделано, мы возражать против этой конференции не будем. На это мне атаман Кубанского войска ответил, что вряд ли можно ожидать такого согласия правительств тех частей, которые хотят говорить, т. е. Украина и, может быть, и Дон в данную минуту вряд ли могли бы открыто сказать, что они отказываются от германофильской ориентации. Поэтому войсковым атаманом было сказано, что было бы лучше все-таки собраться в Екатеринодаре, не ставя этих предварительных условий; здесь переговорить и договориться. Я сказал, что трудно договориться, если это основное положение заранее не будет определено. На это мне было сказано: «А как бы посмотрела Добровольческая армия, если бы эта конференция была собрана даже помимо согласия на ее созыв». На этот вопрос я действительно сказал, что на это Добровольческая армия посмотрела бы как на враждебный по отношению ее акт. Вот, господа, обстановка, при которой эта фраза была мною сказана. Это иначе освещает тот вопрос, который был вам доложен.

Теперь по второму вопросу, более существенному, относительно устроения государственной власти и относительно того проекта, который был представлен на рассмотрение комиссии из представителей Добровольческой армии, Кубанского правительства и приглашенных с Дона трех лиц. Это были председатель Большого войскового круга Харламов, затем Зеелер к Воронков. На этом заседании было мною, как председателем, доложено, что тот проект, который представляется, не есть проект Добровольческой армии, а этот проект был составлен группой общественных деятелей по

личной их инициативе. Против этого проекта — он был, правда, прежде всего дан на рассмотрение представителям Добровольческой армии — мы принципиально не возражали, но считали, что поправки в него необходимо внести. Этот проект и был предложен на рассмотрение совещания, как проект, составленный общественными деятелями. По рассмотрении проекта мною было совершенно определенно и ясно сказано, что Добровольческая армия считает, что в вопросах военных, как я уже вчера сказал и теперь повторяю вновь, в руках главнокомандующего Добровольческой армией — который, мы надеемся, скоро будет главнокомандующим всех русских сил, которые борются с большевизмом, — должна быть власть военная, диктаторская. Что же касается вопросов гражданского управления, то в этих вопросах власть должна быть ограничена. Как именно власть должна быть ограничена, тогда мы на этом не останавливались подробно, но все-таки на заседании было сказано, что это можно сделать путем введения в состав правительства представителей от Дона и Кубани. Таким образом, вопроса мы касались, но касались слегка, ибо сразу выяснилась совершенно непримиримая точка зрения двух сторон — Кубанского правительства и Добровольческой армии.

Представители Кубанского правительства совершенно определенно тогда заявили, что они не считают возможным никакое другое строительство, как только образование верховного союза совета, который возьмет на себя все права верховной власти. Я тогда же председателю правительства сказал: «Вы хотите создать коллегиальное, многоголовое собрание, которое будет вмешиваться в военные дела, которому командование армией всецело будет подчинено, которое может на другой же день или даже в первый день своего избрания удалить от командования нынешнего главнокомандующего Добровольческой армией и назначить кого-нибудь другого?» На это мне было отвечено: «Я об этом не говорю». Я сказал: «Конечно, не говорите, но по существу, раз образуется такая верховная власть, то эта власть будет, конечно, распоряжаться и делами командования, и делами гражданского управления». И вот я тогда же добавил, что командование Добровольческой армии совершенно определенно и прямо ставит вопрос, что здесь надо разделить дело на две части: в вопросе командования должна быть полная мощь главнокомандующего армией, а раз должна быть полная мощь, то о создании на верху всей постройки такого верховного союзного совета, коллегиального учреждения, не приходится и говорить. На то мы согласиться не можем и, по крайней мере, в подобной постройке мы принимать участие не будем. Мы считаем, что в тот грозный час, который ныне переживает Россия, создавать коллегиальное учреждение во главе, которое будет вмешиваться в военные дела, — недопустимо. Вам здесь было сказано, что командованию армией может быть предоставлена полная мощь, другими словами, что это коллегиальное учреждение, верховный совет, может предоставить главнокомандующему даже диктаторские полномочия. Но, господа, оно может поступить и иначе; может урезать все эти права, может вмешиваться во все военные действия, военные операции. Все военные, которые здесь сидят, а их здесь много, я думаю, поймут, что такое вмешательство было бы совершенно недопустимо.

Нас упрекают, что мы, представители Добровольческой армии, в вопросе создания будущей государственной власти идем старыми шаблонами, применяем старые мерки к новому строительству России. Нет, господа, не в этом дело. Добровольческая

армия совершенно не говорит о будущем устройстве России. Вам об этом уже говорил главнокомандующий Добровольческой армии. Что будет дальше, будет ли это федеративная республика, демократическая или что-либо другое — пока мы не можем сказать. Этот вопрос будет разрешен впоследствии. В данную минуту, когда еще все горит, когда идет развал, когда Центральная Россия еще находится под каблуком большевистской власти, который грозит раздавить ближайшего соседа Кубани — Дон, потому что на границе его сосредоточены громадные силы большевиков, которые в любую минуту могут восстановить советскую власть, — в такую минуту создавать власть, которая не будет сильной властью — коллегиальная власть таковой никогда не бывала, — мы считаем, что это в данную минуту является преступлением. Я повторяю, Добровольческая армия, во всяком случае в устроении такой власти, власти коллегиальной, принимать участия не может. Вам председатель правительства сказал, что новый контрпроект им составлен. Этот проект, который нам обещали дать через несколько дней, во всяком случае до созыва краевой Рады, дабы мы могли ознакомиться с ним, мы его не получили. Я не знаю, на каких основаниях он построен. Если он построен на принципе подведения всего под крышу верховного союзного совета, то, конечно, с нашей стороны будет полное возражение. Я вновь повторяю, что в устройстве такой власти мы принимать участие не можем. Если же он построен на несколько иных началах, то казалось бы, что, прежде чем окончательно вопрос решать здесь, в краевой Раде, следовало бы передать его в комиссию для рассмотрения. Господа, относительно власти, будущего строительства государства краевая Рада высказалась и в прежних заседаниях при прежнем составе. Поэтому вряд ли этот вопрос является настолько спешным, что его необходимо разрешить немедленно. Но, во всяком случае, я, как старший из представителей Добровольческой армии, считаю своим долгом сделать заявление: если всетаки краевая Рада признает необходимым приступить к декларативной части доклада и будет разрешать вопрос относительно государственного строительства, то, так как эта декларация в том виде, как она представлена на рассмотрение краевой Рады, в части, касающейся устройства государственной власти, противоречит всем тем целям и задачам, которые ставит Добровольческая армия, противоречит тому, что заявлено было с этой кафедры главнокомандующим Добровольческой армии и тому, о чем я имел честь вам доложить, — то мы, представители Добровольческой армии, от голосования этого вопроса принуждены будем воздержаться. *(Аплодисменты.)*

Председатель. — Господа члены Рады! Голосование — это самый острый момент для председательствующего. Я покорнейше просил бы не мешать мне вопросы ставить так, как я их формулирую. Недоумевали, почему я, давая слово Макаренко, не ставил этого вопроса на голосование. Да потому что Макаренко получил слово до докладчика и, таким образом, докладчик имел возможность принять во внимание им сказанное. Сейчас же я баллотировал, потому что прения были закрыты, и, давая слово генералу Лукомскому, я должен был возобновить прения, потому что докладчик всегда говорит последним. Слово предоставляется председателю правительства.

Председатель правительства Л. Л. Быч. — Я буду краток. Я ведь отлично понимаю, что в военные дела гражданской власти вмешиваться нельзя, и я этого не предлагаю делать. Война — дело специалистов, и если они, эти военные специалисты, ведут

свое дело с благоприятными результатами, то, конечно, никому и в голову не придет вмешиваться; это было бы возможно только при неудачах. Вопрос о причинах неудач нас не может не интересовать: ведь там сражаются наши дети, наши братья, и если наступит такой момент — при победе его не будет, — тогда мы должны будем призадуматься над причинами. Тем более я не думаю, чтобы кто-нибудь вздумал вмешиваться в оперативные распоряжения: все понимают, что подобное вмешательство будет гибельно, — а кто же своей гибели будет желать? Таким образом, мы стоим на той точке зрения, что никакого вмешательства в оперативные распоряжения, в смысле ведения военных операций, быть не должно.

Но вопросы снаряжения и снабжения армии должны подлежать обсуждению. Мы должны думать, например, о том, откуда взять сапоги, теплую одежду, как поставить питание в нашей армии. Все эти вопросы должны обсуждаться нами, и я думаю, что командование Добровольческой армии не только не может быть за это в претензии на нас, а, наоборот, оно должно вызвать нашу инициативу, должно потребовать от нас, чтобы мы в этих вопросах оказывали всякую помощь. Таким образом, вмешиваться и мешать — это дело одного порядка, а принимать известное участие и оказывать помощь — это дело другое, и мы здесь говорим только об участии и содействии.

Когда мы предлагаем широкое объединение южных государственных образований и земель, мы исходим из той мысли, что иначе объединение невозможно, недостижимо, что иначе мы останемся здесь, на Кубани, совершенно изолированными и дальше не можем развивать наших успехов в борьбе с большевизмом, как не можем осуществить и наши мечты о строительстве государственном. Быть может, мы не правы, но тогда мы спросим мнение на этот счет донцов, украинцев, грузин; для этого мы соберем их на конференцию и переговорим с ними, посоветуемся. Может быть, мы действительно ошибаемся, может быть, действительно нужно лицо, обладающее всеми правами и полномочиями верховной власти, всей полнотой и военной, и гражданской власти. В проекте, вам мною доложенном, не говорится, что гражданское управление должно быть совершенно выделено и что оно самостоятельно. Генерал же Лукомский нам сказал, что главнокомандующий, будем говорить прямо — диктатор, будет в военных делах неограничен, а в гражданских ограничен. Следовательно, диктатор гражданскую власть принимает также на себя, только с известными ограничениями. Каковы будут эти ограничения — это нам не было разъяснено, и потому на этот счет сейчас трудно высказаться, но фактически это лицо будет соединять в себе всю полноту власти и военной, и гражданской. На этой почве объединения достигнуть невозможно. Украина, Дон, Грузия, Армения (которая, несомненно, держится русской ориентации и за это наполовину вырезана) — разве они согласятся передать свою гражданскую власть кому бы то ни было? Никогда. Для достижения единения, которое есть залог успеха, нужно создать не единоличную власть, а такой орган, на котором все могли бы помириться, могли бы сойтись на нем. Не важно, будет ли этот орган коллегиальным или единоличным; но необходимо только, чтобы он был ответственным. Всякий ответственный орган будет успокаивающе действовать на народ. Этот орган, по нашей мысли, должен быть создан из представителей Добровольческой армии, Кубанской Рады, Донского войскового круга, грузинского парламента и т. д. Быть может, он

найдет нужным предоставить исключительные полномочия одному, двум, трем лицам; быть может, даже тому самому лицу, о котором мы здесь говорим. Но в таком случае будет подведен более прочный фундамент под верховную власть, ей будет дано совсем другое основание. Пред нами во всей полноте встает вопрос: ответственен или не ответственен орган, призванный вершить наши судьбы, а быть может, и судьбы всего государства Российского? С этой точки зрения мы и должны подходить к вопросу, ибо вопрос идет главным образом об ответственности.

Когда нам говорят о крепости единоличной власти и о слабости, бессилии коллегиальной власти, тогда мы должны обратиться к тому, что делается на Западе. Мы знаем, что в руках президента Северо-Американских Соединенных Штатов сосредоточена колоссальная власть, какой ни у кого не было и нет; она больше царской власти, а между тем, он — выборное лицо и выразитель воли коллегиального учреждения. Возьмем другой пример. Германский император Вильгельм II, в сущности, являлся только президентом; по праву, в силу конституции, он был президентом Германского союза, и никто не говорил о бессилии его власти.

Таким образом, коллегиальное начало вполне совместимо с силой и значением власти и вовсе не исключает права и возможности действовать и решительно, и смело в том случае, когда обстоятельства этого требуют. Мы перепугались, вспомнив, что коллегиальная власть выразилась у нас в лице советов рабочих и солдатских депутатов, от которых пострадала вся Россия; но там была полная безответственность всех участников комитетов, советов и т.д. Здесь же мы предлагаем ввести в верховный орган ответственных людей, представителей правительств, ответственных, в свою очередь, перед своими парламентами. Это — коренная разница, и потому коллегиального начала мы не боимся, но только в том случае, если каждый из участников коллегии будет нести ответственность перед своим народом.

Председатель. — Надлежит открыть двери для публики, и потому объявляю перерыв на 5 минут.

После перерыва.

Председатель. — Прошу занять места. Заседание возобновляется. Слово принадлежит члену Рады Филимонову.

Член Рады Филимонов. — Вчерашняя моя речь вызвала очень много толков, разговоров, кривотолков и позволила членам Рады, а также присутствующей на заседании публике сделать неправильный вывод. Я совершенно оставлю в стороне те кривотолки, те разговоры, которые раздаются из лагерей тех, кто рукоплескал генералу Карцеву, когда он говорил, что Россия ждет и не дождется того момента, когда над ней будет поставлен царь («Этого не было».); я останавливаюсь лишь на заявлении членов Рады — Каплина, генерала Лукомского и председателя правительства.

Господа члены Рады! Мы собрались сюда не для того, чтобы бряцать оружием, не для того, чтобы грозить кому-то, как это делает г. Каплин, а для того, чтобы учесть ту обстановку, принять те или другие меры, которые привели бы нас к желаемому для нас концу. И вот я по долгу совести осветил вам то, что мне представляется, в каком виде в настоящее время представляется мне Центральная Россия. Член Рады Каплин приписал мне, что я идеализирую большевизм; генерал Лукомский пошел еще дальше:

он заявил, что моя речь в той части, где я коснулся положения в Центральной России, есть восхваление большевизма. Господа члены Рады! Для того чтобы лечить болезнь, необходимо ее изучить, для того чтобы рекомендовать средства для лечения болезни, необходимо знать ее. И вот я, касаясь вопроса Центральной России, задался единственной целью — определить, с кем мы имеем дело. И я заявляю, что те разговоры, все те кривотолки, которые сводятся к тому, что я восхваляю большевизм, ни на чем не основаны. Я не восхваляю, но освещаю, и мое освещение не есть голословно, оно раскрывает скобки, которые заключались в словах главнокомандующего Добровольческой армии и генерала Лукомского. Генерал Деникин сказал: «Разве могут жить спокойно кавказские и линейные станицы, когда у Святого Креста и Минеральных Вод собираются десятки тысяч красных? А грозная опасность уже близка. Имеются достоверные сведения о скоплении массы большевиков на громадном фронте от Белгорода до Царицына». А сегодня генерал Лукомский говорил, что собираются на границах Дона и Кубани громадные силы противника. Господа члены Рады! Я раскрыл только скобки и осветил положение, и вы можете только говорить, что я неправильно освещаю, что я преувеличиваю. Каждому свойственно ошибаться, каждому свойственно подходить к оценке тех или иных явлений со своей точки зрения, но единственным моим желанием было осветить то положение, в котором находится Россия. Прошу понимать только так, а не как какое-то восхваление большевизма. К сожалению, я не могу останавливаться на том или ином вопросе так, как мне хотелось бы, ибо в моем распоряжении только три минуты. Единственным моим желанием было раскрыть глаза вполне добросовестно. Я, будучи ограничен временем, заканчиваю свои слова и напоминаю вам, господа, слова главнокомандующего Добровольческой армией из его речи: «В кровавой и жестокой борьбе, близкого конца которой еще не видно, нельзя идти врозь», а я скажу: нужно идти вместе. В этой героической борьбе, которую вынуждено вести казачество, нам нужно идти с открытыми глазами.

Председатель. — Я напомню тезисы доклада. *(Читает.)* Кроме того, имеется добавление к четвертому пункту члена Рады Каплина. *(«Лабинский отдел имеет дополнение».)* Я знаю, что Лабинский отдел имеет дополнение, но оно мне не подано; прошу дать. Мы должны были бы сейчас приступить к баллотировке этих дополнений, но ко мне поступило предложение за подписью двенадцати членов Рады о передаче тезисов доклада на рассмотрение в комиссию по самоуправлению. Я предоставляю слово для мотивировки автору, подписавшему это заявление, — Павлоградскому, который передает свое право Николаеву. Член Рады Николаев будет говорить от лиц, подписавших это заявление. Против будет говорить Султан Шахим-Гирей.

Член Рады Николаев. — Господа члены Рады! Я должен быть очень краток и думаю, что в течение пяти минут успею высказать то, что заставило подписать это внесенное предложение о передаче вопроса в комиссию. Мы стоим накануне тех крайне серьезных решений, которые могут определить судьбы Кубанского края на долгое время, решений, которые после выступления представителей Добровольческой армии еще более углубят те недоразумения, ту брешь, которая возникла между Добровольческой армией и представителями нашего правительства. Я призываю вас отнестись с полным вниманием к тому, что мы должны сделать. Прежде всего — не голосовать

предложенную нам резолюцию. Мы стоим перед вопросом, чем быть Кубанскому краю — федеративной ли республикой, штатами или чем-нибудь иным? Может быть, мы будем иметь то широкое самоуправление, ту широкую автономию, с полным вниманием к казачьему быту и казачеству, о которой говорил здесь главнокомандующий Добровольческой армией? Мы должны вынести на основании того материала, который мы имели здесь в течение двух дней, решение по вопросу о самоуправлении. Не знаю, как вам, но мне кажется, что этого материала недостаточно. Много было цветистого красноречия, произнесено было много речей, обращенных к чувству и разуму, но я повторяю слова председателя правительства, что руководствоваться чувством нельзя; нужно прямо сказать, что в таких случаях нужно руководствоваться только холодным разумом; только холодному разуму мы должны подчиниться в пленарном заседании, где возникают эти вопросы, или в комиссии по самоуправлению, где эти вопросы разрешаются шаг за шагом, буква за буквой; только там возможно спокойное детальное разрешение вопросов; только там могут складываться вопросы, которые потом будут рассматриваться в пленарном заседании.

Я удивляюсь, для чего существует комиссия по самоуправлению, когда она не собирается, когда сам председатель комиссии говорит о том, чтобы изъять из комиссии обсуждаемый вопрос и принципиально решить его здесь? Мне казалось бы, что он должен был прежде всего встать на защиту прав этой комиссии, ибо выходит, что сама комиссия не в состоянии разрешить этот вопрос. Это — та комиссия, в которую вошли лучшие люди; которая, казалось бы, прежде чем Рада вынесет свое решение, должна сказать свое слово. Согласитесь же сами, что если вы теперь вынесете принципиальное решение здесь, то комиссия будет связана и ей придется механически подводить свое решение под известные параграфы.

Очень жалею, что я имею только 5 минут. Я был записан в число тех ораторов, которые должны были осветить этот вопрос с обратной стороны. Я не противник федерации. Я хотел доказать, что автономия на широких началах есть то самое, что, между прочим, привел здесь на примере председатель правительства Быч: хозяин строит дом, в этом доме он — полный хозяин, но, когда возникает вопрос о проведении дорог и т. д., то собираются несколько таких хозяев и делают вместе общее дело. Вот вам где автономия. Точно так же и мы хотим быть у себя в доме полными хозяевами, и только общие вопросы... *(Председатель: «Вы не по существу говорите».)* К сожалению, я связан временем, и меня лишили возможности высказаться. Я прошу внимательно отнестись к вопросу сейчас, предлагаю передать тезисы на рассмотрение комиссии, и, может быть, через несколько дней ею будет вынесено решение, которое мы обсудим и, надеюсь, придем к общей цели, которую преследуем, и не сделаем роковой ошибки.

Председатель комиссии по самоуправлению Султан Шахим-Гирей. — Если бы вместо бывшего члена Государственной Думы Николаева говорил здесь кто-либо другой, то это меня не удивило бы, но я поражен, когда на эту кафедру выходит бывший член Государственной Думы, видевший парламентскую жизнь, обычаи, и говорит то, чего не должно говорить с этой кафедры. Комиссии по самоуправлению член Рады Николаев предлагает разработать принципиально вопрос и поднести в готовом виде свое решение. Какое же мы имеем право, мы, члены комиссии, выносить членам Рады

свою волю о том, каков должен быть на Кубани образ правления — суверенный или какой-либо другой? Нет, господа члены Рады, это — воля ваша, а остальное все — как строить надо конституцию, по какой программе, какие полномочия дать атаману, краевому правительству, Законодательной Раде — это наше дело. Это называется технической стороной дела, это подлежит компетенции комиссии. Но решать принципиально вопрос — быть Кубанской области федерацией или не быть, повторяю, это — дело ваше. Мы будем строить по принципам, которые вы примете за основу для постройки тех зданий, всех тех учреждений, которые должны будут управлять жизнью Кубанского края. По этим соображениям я и не мог созвать эту комиссию. Доклад был сделан председателем правительства, доклад обсуждался, и, прежде чем обсуждение его не закончится здесь, не будет вынесено определенное решение и в комиссии. Я говорю о конституции, о том, что принципиальное решение краевой Рады об образе правления должно быть известно комиссии. Что это за комиссия, которая, работая, не знает основных положений краевой Рады? Предположим, мы разработаем любую конституцию и преподнесем ее вам, а вы скажете, что вас это не удовлетворяет. И что же? Тогда придется избрать новую комиссию, которая должна будет разрабатывать новые законы. Господа члены Рады! Я стать на такую почву не могу и не рекомендую самой Раде это делать. Это будет навязывание тех принципов, о которых говорил член Рады Николаев. Вы скажите, кто вы, а мы скажем вам, как вы должны жить. *(Аплодисменты.)*

Председатель. — Приступаю к голосованию.

Член Рады Николаев. — Разрешите по личному вопросу. *(«Довольно», «Довольно», шум.)*

Председатель. — Я уже дал слово члену Рады Николаеву, и он будет говорить.

Член Рады Николаев. — Я — член Государственной Думы и потому знаю порядок обсуждения вопросов в представительных государственных учреждениях, и потому прошу вас принять указанный мною порядок, который признан парламентами всего мира. Напрасно думает председатель комиссии, что роль комиссии сводится только к технической работе. Совершенно наоборот. *(Шум.)* Комиссия всегда разрешает вопрос по существу и это — ее законное право, и этот порядок никто не должен изменять, поэтому и я говорю, что мы не должны отступать от такого порядка. Мы должны после обсуждения в комиссии принять по существу этот вопрос здесь, а затем передать обратно в комиссию. И вот, как член четвертой Государственной Думы, предлагаю последовать примеру, который применялся на практике. Сначала вопрос рассматривается в комиссии, затем вносится на общее собрание, а потом возвращается обратно в ту же комиссию. Таково мое предложение, и я просил бы применить его в данном случае.

Член Рады Коробьин. — Прошу дать слово.

Председатель. — Без записки я не могу предоставить слово. Прошу подать записку. Я предполагал, что желающих говорить по этому вопросу нет. *(Шум, протесты.)* Двум ораторам по наказу дается слово, вот почему я даю слово Коробьину.

Член Рады Коробьин. — Господа члены Рады! На наше уже не обсуждение, а голосование предложено несколько проектов резолюций, среди которых имеется одна резолюция очень громоздкая. Вопрос касается самых основ государственного управления,

и я повторяю, что нельзя принимать эти проекты голосованием, а необходимо передать в комиссию, там их действительно рассмотрят, сведут в одну резолюцию и представят на ваше разрешение. Не прав Султан Шахим-Гирей, когда говорит, что решить этот вопрос сейчас должны вы. Чтобы решение было правильное, необходимо все свести в одно целое, и поэтому я высказываюсь за передачу всех проектов резолюций для детального рассмотрения в комиссию по самоуправлению. *(«Правильно», аплодисменты.)*

Член Рады Воропинов. — Я считаю необходимым, как член комиссии по самоуправлению, указать на следующие обстоятельства. Когда мы приступили к разрешению и обсуждению предложенного правительством проекта конституции, мы там прежде всего столкнулись с вопросом: а что же должен представлять собою наш край, будет ли он суверенным или нет? Если мы этого вопроса не разрешим, мы дальше работать не можем. Когда мы обсуждали проект, то решили, в конце концов, вопрос о суверенности и несуверенности отложить и хотели, чтобы, по возможности скорее, этот вопрос был разрешен здесь. Это основное указание должно быть дано общим собранием Рады, а комиссия должна разработать его в деталях, поэтому предложение Николаева не выдерживает критики, ибо везде, сколько мне приходилось работать, комиссиям даются определенные задания, а они после этого выполняют свою работу. Нам сейчас предлагают передать все эти проекты в комиссию по самоуправлению, но я хочу обратить ваше внимание на то, что здесь мы имеем дело с желанием кого-то этот вопрос оттянуть, и я говорю, что этот вопрос требует немедленного разрешения; он настолько освещен, что мы имеем все данные, чтобы приступить к голосованию.

Председатель. — Имеются два предложения: одно — о передаче этого доклада на предварительное обсуждение в комиссию по самоуправлению и другое — о том, чтобы я сейчас перешел к баллотировке основных тезисов резолюции и дополнений к ней. *(Голосование.)* Объявляю результаты голосования. За передачу в комиссию — 140 голосов, за баллотировку сейчас — 221, воздержавшихся 40. *(Аплодисменты.)* Таким образом, краевая Рада постановила перейти к голосованию. Поступили дополнения к тем положениям, которые выставлены председателем правительства в его докладе. Я полагал бы, что необходимо проголосовать основные тезисы, а потом дополнение к ним, но есть другая точка зрения — перед голосованием дать возможность высказаться представителям Лабинского отдела для обоснования их дополнения. Я полагаю, что это можно будет сделать перед голосованием самих дополнений. Таким образом, мы приступаем к голосованию тезисов доклада председателя правительства. Разрешите огласить резолюцию, предложенную сотником Филимоновым.

Член Рады Филимонов. — Я вношу следующий проект резолюции:

«Кубанская краевая Рада, ставя своей задачей борьбу с большевизмом, стремится к проведению в жизнь принципов широкого народовластия.

Восстановление будущей формы правления в государстве Российском население Кубанского края ставит в зависимость от волеизъявления народа во Всероссийском Учредительном собрании нового созыва.

Рада находит необходимою передачу частновладельческих, казенных, монастырских и церковных земель в ведение правительств освобождаемых от большевиков областей».

Председатель. — Резолюция эта по существу не отличается от тех тезисов, какие имеются в докладе председателя правительства, и тех дополнений, которые представлены Лабинским отделом. Следует вырешить, какую резолюцию можно взять за основание для обсуждения: предложенную сотником Филимоновым или же председателем правительства; они не исключают друг друга, имеются только некоторые изменения. *(Голосование.)* За основание принимается резолюция председателя правительства и дополнение к ней, предложенное Лабинским отделом. Голосую по пунктам, начиная со второго:

«Основной задачей всех государственных образований является борьба с большевизмом, далеко еще не изжившим себя в Центральной и Северной России». *(Голосование.)* Принимается большинством против двух.

Пункт третий:

«Для успешности борьбы необходимо в самое ближайшее время образование единого боевого фронта и единого командования». *(Голосование.)* Принято единогласно.

Пункт четвертый:

«Необходима организация единого представительства от южнорусских государственных образований на предстоящей мирной конференции». *(Голосование.)* Принято.

Пункт пятый:

«Для достижения целей, поставленных пунктами 3-м и 4-м, необходимо образование Южно-Русского союза на федеративных началах». *(Голосование.)* Принято.

Пункт шестой:

«Воссоздание России возможно в форме всероссийской федеративной республики». *(Голосование.)* Принято.

Пункт седьмой:

«Кубанский край должен войти в состав Российской федерации как член федерации». *(Голосование.)* Принято.

Имеется дополнение, внесенное Каплиным.

«Необходимо немедленно, не ожидая образования федеративной власти в освобожденных от анархии областях, принять меры к организации общего международного представительства».

Слово предоставляется Каплину.

Член Рады Каплин. — Смысл моей поправки заключается в следующем: нами приняты тезисы, предложенные председателем правительства, о том, что для выступления на международной конференции необходимо образование Южно-Русского союза и общей власти, но, так как международные отношения должны начаться сейчас, то желательно, чтобы было объединение. Необходимо немедленно образование общей власти, не ожидая, пока федерация создастся. Нужно организовать общее международное представительство. В этом смысл моего дополнения.

Член Рады Коробьин. — Господа члены Рады! Каплин вносит предложение, чтобы до образования союзного совета было немедленно приступлено к образованию представительства на международную конференцию. Тезисы председателя правительства этому не противоречат. Вы обратите внимание — 4-й пункт гласит: необходимо

представительство от южнорусских образований на конференции; 5-й пункт: необходимо образование Южно-Русского союза на федеративных началах; 4-й пункт можно толковать распространительно, можно вступить немедленно на путь организации этого представительства; 4-й пункт, предшествующий 5-му, дает нам возможность организовать это представительство.

Член Рады Каплин. — Господа члены Рады! Здесь говорят, что не следует вносить поправки в виде примечаний, а можно внести дополнение. Я так предлагаю — ввести в виде дополнения в 4-й пункт это предложение. Коробьин, в сущности, не возражает против моего предложения, он считает, что это нужно сделать; он подтверждает, что нужно приступить к организации, но для того чтобы не было сомнений, ибо тезисы дают основание думать, что международное представительство будет тогда, когда будет союзный совет, чтобы не было сомнений, нужно сделать это сейчас, завтра, и все равно, будет ли это дополнением или поправкой.

Председатель. — Я его и принял как дополнение. Я голосую предложение Каплина. Принято.

Председатель. — Во избежание недоразумений я буду при голосовании каждый раз давать слово одно за, другое — против голосуемого пункта. Оглашается дополнение к тезисам, внесенное Лабинским отделом.

«В числе деятельных сил, борющихся на юге за воссоздание России, важнейшим фактором являются Добровольческая армия с кубанским казачеством и горцами».

Я буду давать слово сначала против, для того чтобы говорящий за принятие мог иметь в виду доводы предшествующего оратора. Против принятия пункта будет говорить член Рады Макаренко.

Член Рады Макаренко. — Я скажу кратко. Тут указывалось, что кубанцы и Добровольческая армия являются важнейшими факторами в борьбе за воссоздание России. А Дон? А иные силы? Это история скажет, кто был важнейшим. По практическим соображениям, не следовало бы даже допускать голосование этого предложения. *(Голоса: «Правильно».)*

Председатель. — Правильно или неправильно — покажет голосование. Слово предоставляется Траценко.

Член Рады Траценко. — Приняв 7-й пункт резолюции председателя правительства, мы даем право сказать о себе, что наш умственный взор касается необъятных пределов России, во-первых — юга России, во-вторых — всей России, но мы также даем право сказать, что наш взор не касается Кубани и того населения, которое здесь живет. Мы думаем, что не все схвачено, что не схвачено самое важное, самое существенное в 7-м пункте, и потому вносим целый ряд дополнений. Первое дополнение должно указать, с чего надо начинать; кто должен строить Южно-Русский союз, кто должен строить, воссоздавать Россию; на какие силы на местах мы можем надеяться, на кого наш взор должен прежде всего пасть. Мы находим, что, говоря о юго-востоке, о самой Кубани, о пределах ее, мы должны указать, что этими силами прежде всего являются силы Добровольческой армии вместе с казачеством и горцами. Без такого указания не может быть разрешения вопроса. *(Председатель: «Кубанского казачества».)* Конечно, мы должны оценивать эти силы. На основании того, что мы

пережили, мы должны заявить, что важнейшими силами на юге являются именно эти силы. Посмотрим на Украину, на Грузию, на Терек — мы там таких сил не видим. *(Голос с места: «А Дон?»)* И Грузия, и Украина, и Дон одинаково борются против большевизма, но силы, находящиеся здесь, на территории Кубанского края, — наиважнейшие. Это несомненно.

В следующих пунктах по достоинству оцениваются донские и другие силы, но, несомненно, важнейшими силами являются силы Добровольческой армии вместе с силами кубанского казачества. Прошу от имени отдела не отвергать этого пункта. Он является прямым связующим звеном между нашим предложением и основным пунктом председателя правительства.

Председатель. — Прошу согласных с этим пунктом поднять руки. Кто не согласен? Большинство. Отвергается. Следующий пункт такой:

«Ближайшей неотложной задачей текущего момента является устроение и поддержание в дальнейшем правильных взаимоотношений между кубанским казачеством, горцами и Добровольческой армией».

Кто желает высказаться против этого пункта?

Член Рады Макаренко. — Тогда, может быть, господа, будем голосовать и то, что сейчас день, а не ночь? *(Смех, голоса: «Правильно».)*

Член Рады Траценко. — А я утверждаю, что сейчас ночь. *(Смех.)* Я утверждаю это лишний раз потому, что нам кажется, что сейчас день, только на основании того, что разорваны отдельные пункты, которые представляют органическое целое. Я считаю необходимым этот пункт принять, невзирая на то, что предыдущий пункт отвергнут. Несомненно, для того чтобы борьба была успешной, необходимо единство между теми силами, которые борются за общее дело воссоздания России. Это — элементарная истина. Необходимо установить правильные взаимоотношения, нужно настаивать на необходимости правильных взаимоотношений. Если говорят, что сейчас день, а не ночь, то этот пункт должен быть принят, а не отвергнут. Если кто хочет утверждать, что сейчас день, а не ночь, то возражать против этого пункта нельзя.

Председатель. — Кто считает нужным внести этот пункт, прошу поднять руки. Кто против внесения? Большинство. Отвергнут. Читаю следующий пункт:

«Взаимоотношения между Добровольческой армией, кубанским казачеством и горцами должны быть построены на началах тесного сотрудничества и закреплены в виде неразрывного братского союза, действующего на основании особого договора, точно устанавливающего и строго разграничивающего пределы обоюдных прав и обязанностей и ведущего к возможно полному и дружному согласованию усилий в общем святом деле освобождения и возрождения Родины».

Кто желает говорить против этого пункта? Таких нет.

Член Рады Траценко. — Итак, каковы должны быть взаимоотношения между теми силами, которые будут работать за воссоздание России? Здесь выставлены две точки зрения, и обе прямо или косвенно говорят, что вся полнота государственной власти должна принадлежать тому или иному учреждению. Встает вопрос: кому должна принадлежать полнота государственной власти в пределах края? По нашему глубокому убеждению, этот вопрос нужно снять с очереди, оставить его открытым. Вопрос о

суверенитете, о суверенности — слишком спорный, отвлеченный, схоластический. Мы боимся, чтобы слово не погубило дело. Мы твердо помним одно изречение: «Слова и иллюзии гибнут, факты же остаются». Тот, кто обладает властью, обладает ею не по праву, данному кем-нибудь, а обладает фактически; для того чтобы приказ, который издается этой властью, вносился в жизнь и воспринимался ею, необходимо, чтобы эта власть согласовала свои действия с одной нормой, с одним законом, которому подчиняется общественная жизнь: солидарность, взаимное признание. И вот, исходя из этого, не должно быть спора о суверенитете, спора о том, кому должна принадлежать верховная власть, не нужно писать на этот счет постановлений, потому что не в бумажке дело, а в фактической возможности выполнить что на бумажке написано. На основании этого мы говорим: спор о суверенитете должен быть снят с очереди. И мы, снимая его с очереди, не нарушаем интересов дела. Сейчас краевая Рада, несомненно, представляет собой верховную власть в крае и имеет возможность установить взаимоотношения с кем угодно — в этом ее сила. Она может утверждать, именовать себя суверенной, ограничивать свои права в пользу общего дела. Что такое суверенитет? *(Шум, голоса: «Довольно».) (Председатель: «Срок не назначался».)* Суверенитет — един, неделим, неотчуждаем, непобеждаем. Та власть, которая у нас до сих пор была, отвечает ли этим требованиям? Нет, она не отвечала и не отвечает этим требованиям, и обольщать себя сладкими иллюзиями не следует. В силу этого не следует спорить из-за того, чего провести в жизнь мы не сумеем. Взаимоотношения должны быть основаны на определенном договоре, должны быть указаны ясно и определенно права и обязанности той и другой стороны, и на основании этого договора — вести общую борьбу с большевизмом за воссоздание России.

Председатель. — Я читаю этот пункт еще раз. *(Читает.)* Прошу согласных поднять руки. Кто против? Мало. Принят. *(Голос с места: «А воздержавшиеся?»)* Воздержавшиеся имеют значение, когда нужно проверять кворум. Если имеется большинство, то воздержавшиеся причисляются к большинству, так что практического значения это не имеет, прошу воздержавшихся поднять руки. Мало.

Член Рады Морев (с места). — Позвольте два слова.

Председатель. — Пожалуйста, ваше право. По наказу я обязан дать слово всякому, кто желает объяснить, почему он воздерживается от голосования, но в будущем я прошу говорить от группы. Вы сами понимаете, что если воздерживается, скажем, двадцать человек и если я буду предоставлять слово каждому, чтобы он мотивировал свое отношение, то так мы должны будем выслушать всю Раду.

Член Рады Морев. — В том пункте, который только что принят и от голосования которого мы воздержались, перечислены все элементы, желательность соглашения с которыми здесь намечена: Добровольческая армия, казачество и горцы. Я имею счастье или несчастье, не знаю, принадлежать к коренному неказачьему населению. Следовательно, принять этот пункт мы не можем, так как мы совершенно игнорированы. Вы будете согласоваться, а где мы останемся — неизвестно.

Председатель. — Я предлагал автору написать «Добровольческая армия и Кубанское краевое правительство». Автор отказался, и я голосовал в той редакции, как она была предложена автором.

Член Рады Траценко. — Я ничего не имею против того, чтобы были введены слова: «и коренное население». Это чисто редакционная поправка.

Председатель. — Если бы я знал, я не дал бы вам слова. Я имел в виду, что вы будете говорить по поводу сделанного мною предложения — желательна ли редакция этого пункта, именно в том смысле, что эти взаимоотношения должны быть установлены между Добровольческой армией и краевой властью?

Член Рады (фамилия не установлена). — Господа члены Рады! Поправка, внесенная господином Траценко, является попросту нетактичной. Мы предопределили судьбы Кубани, мы вынесли постановление, что правительство будет вести переговоры по соглашению. Правительство найдет путь, как нужно вести переговоры, как это сделать, но предуказывать, как нужно определять условия, Рада не может, не должна этого делать. Это ряд нетактичных поправок, которые должны быть отвергнуты.

Председатель. — Это называется по мотивам голосования? Тактично или нетактично — это воля Лабинского отдела, который внес поправку; собственно говоря, это не поправка, а совершенно особый пункт, о котором раньше ничего не говорилось. А насколько это тактично — разберетесь, когда будете голосовать. *(Голоса: «Перебаллотировать, просим проверить голосование».)* Раздаются голоса, чтобы я проверил голосование пункта. Я еще раз голосую. Я его читал... *(Голос: «Понятно».)* Господа, пункт принят, но просят проверить состоявшееся голосование. *(Шум.)* Таким образом мы никогда не придем к соглашению. Вы сами пожелали, чтобы голосование пункта было проверено. Тех, кто желает проверить голосование, прошу поднять руки. Кто не желает? Меньшинство. Я проверяю голосование. Прошу тех членов Рады, которые находят необходимым внести пункт в число принятых нами... *(Голос с места: «Кто за внесение пункта».)* Виноват, кто за то, чтобы этот пункт был внесен, прошу поднять руки. Кто против внесения? Рада большинством постановила этот пункт не вносить. *(Голоса: «Правильно».)*

Член Рады Траценко (с места). — Я прошу подсчитать голоса.

Председатель. — Будем считать, но я прошу, господа, относиться с должным уважением к собранию. Моя обязанность как председателя — улавливать ваши желания, ваши настроения. Я должен выполнить то, что вы желаете, а не то, что кто-то желает. Вы сейчас сами пожелали проверить голосование, и я проверил, теперь член Рады Траценко просит подсчитать голоса. Он имеет право требовать это, но я обращаюсь к членам Рады с просьбою в будущем не требовать этого от президиума, так как это лишняя трата времени. Прошу поднять руки тех, кто согласен внести этот пункт. Кто не согласен? Громадное большинство.

Читаю следующий пункт: «Необходимо приложить все усилия к тому, чтобы привлечь к названному союзу в первую очередь казачество донское, ведущее такую же длительную и упорную борьбу с большевизмом за восстановление свободной России». Кто за? Кто против? *(Шум.)* Я прошу возгласы и выражения удовольствия или неудовольствия не проявлять, потому что это не ускоряет работы, а заставляет лишний раз пересчитывать.

Член Рады Траценко. — Так как постановлено отношения между Добровольческой армией и кубанским казачеством с горцами строить не на началах сотрудничества и союз с Добровольческой армией не найден, то следующий пункт отпадает.

Председатель. — Я категорически протестую против заявления члена Рады Траценко. Это заявление способствует ухудшению отношений, что вовсе нежелательно ни для края, ни для его представителей. Я полагаю, что в этом вопросе все само собой ясно, и все наши ораторы выражают горячее желание поддерживать и продолжать самые дружеские отношения с Добровольческой армией. Если этот пункт был отвергнут, то только потому, чтобы предоставить возможность разработать вопрос о взаимоотношениях той власти, которая нами выбрана, тем более что и редакция вносимого дополнения признана неудачной, так как нет указания относительно иногородних, но это совсем не то, о чем заявляет член Рады Траценко. Этого не было. *(«Правильно: не было»; «Довольно»; «Просим».)* Я прошу оратора говорить о следующем пункте, но не трактовать постановлений.

Член Рады Траценко. — Мне предлагают говорить о следующем. Здесь указывают, что предшествовавший пункт не отвергнут, т. е. отвергнута только его редакция. Если сам пункт принят, а редакция оказалась неудачной, так о чем же говорить? Тогда, конечно, о следующих пунктах говорить нечего.

Председатель. — Я вновь категорически протестую. Господа, я нахожу, что ближайшая наша задача заключается в поддержании взаимоотношений между собою.

Я со своей стороны полагаю, что баллотировать этот вопрос нет надобности. Ибо ясно, что вы желаете жить в хороших отношениях с Добровольческой армией. *(«Правильно».)* Вносятся дополнения Филимонова.

Член Рады Филимонов. — Я нахожу, что предлагаемое нами сейчас дополнение имеет значение не только для нас, но и для тех областей, по которым нам придется идти для достижения нашей цели — восстановления великой России. Кроме того, я нахожу необходимым к принятым нами положениям внести те положения, которые вошли в мою резолюцию и которых нет в принятых пунктах. Первое — о том, что мы считаем, что все изложенные в принятых пунктах положения должны быть проведены в жизнь теперь же, безотлагательно. Принятие этого пункта устранит те недоразумения, которые произошли сейчас. Мы должны проводить общие начала, не касаясь деталей. Предлагаемый пункт будет говорить о том, что все принятые положения должны проводиться в жизнь безотлагательно. *(Читает.)* «Рада не только провозглашает эти принципы, но находит безотлагательно необходимым провести их в жизнь по мере освобождения занимаемых большевиками областей».

Дальше: мы уже провозгласили, что у нас, на Кубани, должно быть широкое народоправство, и это имеет не только для нас большое значение, но и для других областей, поэтому я считаю необходимым добавить к принятому пункту следующее: «Кубанская краевая Рада ставит своей задачей борьбу с большевизмом, стремится к проведению в жизнь принципа широкого народовластия».

Третий пункт гласит о том, как кубанское население мыслит установление формы правления будущего государства Российского. Я думаю, что все мы находим, что установление этой формы возможно в виде волеизъявления народа в том или другом

представительном собрании. Редакция пункта следующая. *(Читает.)* «Восстановление будущей формы правления в государстве Российском население Кубанского края ставит в зависимость от волеизъявления народа во Всероссийском Учредительном собрании нового созыва». Господа, пункт о земле я снимаю пока на том основании, что этот вопрос будет обсуждаться в земельной комиссии. Но от вас зависит по тактическим соображениям, в целях успешности борьбы с большевиками, провозгласить в общей форме о необходимости отчуждения земли. *(«Правильно, просим».)*

Еще раз повторю мой первый тезис: «Краевая Рада, ставя своей задачей борьбу с большевизмом, стремится к проведению в жизнь принципов широкого народовластия».

Председатель. — Кто желает говорить против? Нет. Голосую. Прошу тех, кто согласен принять сейчас внесенный пункт, поднять руки. *(Голос: «Предлагаю поправку: не широкое, а полное народоправство».)*

Я потом проголосую — «широкое или полное». *(Голосование.)* Принято. Теперь вносится поправка — вместо «широкого» поставить «полное народоправство». Кто за «широкое»? Кто против? Тут написано «широкое», а член Рады Преображенский просит, чтобы было заменено словом «полное». Кто желает принять в редакции Филимонова? *(Голосование.)* Поправка отклоняется.

Член Рады Филимонов. *(Читает.)* — «Рада не только провозглашает эти принципы, но находит безотлагательно необходимым провести их в жизнь по мере освобождения занимаемых большевиками областей».

Член Рады П. Макаренко. — Мне, господа, неприятно, что в этом отношении то брат возражает, то я возражаю, но это не по всем вопросам, и это необходимо в настоящий момент. Я считаю, что принятие этого пункта, который мы по существу одобряем всею душою — конечно, мы за это постоим, и те, кто думает, что казачество иначе думает, то они ошибаются, — но принятие этого пункта может вызвать нежелательные последствия. Пункт этот станет известен всем войскам, нашим казакам и всем тем, кто так или иначе входит в состав Добровольческой армии. Эти войска будут смотреть на пожелание Рады, которые должны проводиться в жизнь, так, как будто Рада будет руководить той властью, которая устанавливается не нами, а кем-то другим. Мы всецело выйдем на борьбу за освобождение России. Мы примем участие в установлении той или иной формы правления. До сих пор было так, что генерал-губернаторов назначала та власть, которая имела право фактически осуществлять такие установления. Тут выходит, что краевая Рада находит, чтобы был не генерал-губернатор, но какое-то другое представительное учреждение. По существу это, конечно, должно быть народоправство. Приведу такой пример: положим, что наш полк стоит в Ставропольской губернии, где главою управления является генерал-губернатор; руководя судьбами края, он может, по своим убеждениям, пересолить; наше дело следить за ним, и при таких обстоятельствах может иметь место такой случай, что Рада вынесет одну резолюцию, соответствующую моменту, а генерал-губернатор будет проводить противоположную, и получится впечатление двойственное. Таким образом, в армию нашими руками будет внесена политика. Мы стоим на точке зрения самостоятельности в наших внутренних делах, в то же время будем категорически протестовать против того, чтобы политика вносилась в армию. Мне кажется, что этот пункт может вызвать

недоразумения, и в изложенной редакции он должен быть отклонен. Мы, Кубанская краевая Рада, — какое мы имеем право диктовать здесь свою волю всей России? Если мы говорим, что здесь не имеют права насаждать самодержавие, то мы не имеем права насаждать народоправство. Это дело тех, у которых будет вводиться порядок. Этот пункт нужно отклонить по принципиальным соображениям. *(«Правильно».)*

Член Рады Филимонов. — Меня не убедили доводы предыдущего оратора. Дело каждой области, каждого края устанавливать то или другое правление, тот или иной порядок. Никто об этом не спорит. Но для того чтобы установить этот порядок, необходимо этому населению что-то сделать. Необходимо, чтобы население собралось и установило у себя тот порядок, который ему желателен. Если мы этот пункт не введем, то положение тех областей, где не будет допускаться к управлению сам народ, будет невыгодно и не в пользу тех, кто будет идти по пути этих областей. В первую очередь этот путь должна пройти Добровольческая армия и казачество, и вот мы должны провозгласить эти принципы, чтобы все знали, что мы идем не для того, чтобы лишить народ права управляться самому, а для того, чтобы дать ему возможность управляться как он хочет.

Председатель. — Голосую этот пункт. Кто согласен, тех прошу поднять руки. Кто не согласен? Пункт отвергнут.

Член Рады Филимонов. *(Читает.)* — «Установление будущей формы правления в государстве Российском население Кубани ставит в зависимость от волеизъявления народа России во Всероссийском Учредительном собрании нового созыва».

Член Рады Султан Шахим-Гирей. — Господа члены Рады! Я не понимаю этого пункта. Я полагаю, что мы можем распоряжаться только своими судьбами; я полагаю, что мы собрались сюда не для того, чтобы вырабатывать политическую программу, которую мы должны вынести и идти с этим знаменем, а для того, чтобы установить в своем крае порядок. По этим соображениям я думаю, что этот пункт может осложнить нашу работу. Должен сказать, что пункт, который отстаивает созыв Учредительного собрания, может ввести нас в громадное заблуждение, и в этом смысле я полагаю, что мы как законодательный орган об этом говорить не можем. Это дело партий, которые будут отстаивать этот принцип. Мы преследуем задачи устроения края и вместе с тем ведем борьбу с большевиками, а диктовать нашим войскам не можем и не советую, иначе мы попадем в противоречия, которые могут привести нас к печальным результатам. Я предлагаю этот пункт отвергнуть. *(Аплодисменты.)*

Член Рады Филимонов. — Опять я вынужден отстаивать этот пункт, который предлагают отвергнуть. Мы не беремся решать судьбы всего государства Российского, но мы должны идти с этим знаменем на воссоздание России. Мы должны выставить принципы, которые говорили бы всем, кто будет нас встречать, что наша задача — устроение будущего государства Российского, и пусть не боятся, что воля народа не получит своего выражения в его представительстве. Чтобы поколебать сомнение и избежать упреков, которые раздаются теперь с одной и с другой стороны, в этом смысле мы настаиваем на том, чтобы форма управления устанавливалась волей народа. Мы должны внести этот пункт. *(«Правильно».)*

Председатель. — Голосую. Кто за принятие этого пункта? Кто против? Большинство. Пункт принят. Буду голосовать в целом *(Читает.)*:

1) Образование на территории бывшего государства Российского самостоятельных государственных образований и принятие ими на себя верховной власти было актом неизбежным и в то же время актом самосохранения.

2) Основной задачей всех этих государственных образований является борьба с большевизмом, далеко еще не изжившим себя в Центральной и Северной России.

3) Для успешности борьбы необходимо в самое ближайшее время образование единого боевого фронта и единого командования.

4) Необходима организация единого представительства от южнорусских государственных образований на предстоящей мирной конференции.

5) Для достижения целей, поставленных пунктами 3-м и 4-м, необходимо образование Южно-Русского союза на федеративных началах.

6) Воссоздание России возможно в форме всероссийской федеративной республики.

7) Кубанский край должен войти в состав Российской федерации как член федерации.

Член Рады Филимонов *(Читает.)*:

8) Кубанская краевая Рада, ставя своей задачей борьбу с большевизмом, стремится к проведению в жизнь принципов широкого народовластия.

9) Восстановление будущей формы правления в государстве Российском население Кубанского края ставит в зависимость от волеизъявления народа во Всероссийском Учредительном собрании нового созыва.

Председатель. — Прошу всех, кто согласен с этими положениями, поднять руки. Кто не согласен? Таких нет. Прошу воздержавшихся поднять руки. Прошу подсчитать. Семнадцать. Таким образом, все девять пунктов приняты единогласно всеми членами Рады, при семнадцати воздержавшихся. *(Аплодисменты.)* Я забыл огласить добавление Каплина к 4-му пункту, которое принято: «Необходимо немедленно, не ожидая образования федеративной власти в освобожденных от анархии областях, принять меры к организации общего международного представительства». Возражений нет? *(«Нет».)*

Слово для внеочередного заявления предоставляется генералу Лукомскому.

Генерал Лукомский. — Господа члены краевой Рады! Я вступаю на кафедру по поручению главнокомандующего Добровольческой армии и заявляю, что принятие резолюции относительно конструирования государственной власти чревато самыми серьезными последствиями. В настоящую грозную минуту, когда необходима твердая и единая власть, чтобы спасти Россию от окончательной гибели, краевая Рада идет по пути создания коллегиальной власти, которая сильной быть не может. Командование Добровольческой армии не может участвовать в той ответственности перед Родиной, которую принимает на себя краевая Рада. При таких условиях участие представителей Добровольческой армии в дальнейшей работе является бесполезным, и главнокомандующий Добровольческой армии отзывает нас из краевой Рады, считая, что в дальнейших вопросах он не может быть связан решениями Рады. *(«Браво», аплодисменты.)*

(Представители Добровольческой армии покидают зал заседания.)

Председатель. — Прошу соблюдать тишину и спокойствие. Ко мне поступило заявление, внесенное многими членами Рады, с просьбой осведомить Раду о предполагаемой форме встречи союзников. Дело в том, что разрабатывался целый церемониал встречи союзников, но потому, что прибывают сюда только господа офицеры флота, то выработанная программа была отменена и теперь в спешном порядке разрабатывается другая программа.

Представитель войскового атамана (фамилия не установлена). — Войсковой атаман уполномочил меня сказать, что главнокомандующий Добровольческой армии и войсковой атаман встречать союзников на вокзал не поедут. Атаманом будут посланы представители для встречи; то же самое будет сделано и главнокомандующим Добровольческой армии. Атаман передал также, чтобы от Рады пошло для встречи гостей человек 8–10, по одному от каждого отдела и один от президиума — всего 9 человек.

Председатель. — Вносится предложение, чтобы завтра откомандировать на вокзал для встречи представителей союзников по одному от отдела и от президиума. Прошу выбрать этих лиц. Объявляю перерыв. Прошу из зала не выходить.

Член Рады Омельченко. — Господа члены земельной комиссии! Прошу вас на заседание земельной комиссии.

Председатель. — Я запрещаю делать заявления, ибо заседание еще не окончено. Прошу членов Рады занимать места. Заседание возобновляется. Господа члены Рады! Наша делегация завтра будет на вокзале встречать представителей союзников. Имеется предложение пригласить их сюда, в Раду, а здесь уже президиум организует встречу. Завтра заседание начнется в 10.30. Возражений нет? *(«Просим».)* Прошу тех членов Рады, которые избраны для встречи, остаться здесь. Председатель комиссии по проверке полномочий давно просит, чтобы поставить на повестку доклад комиссии. Я, не имея возможности поставить обсуждение доклада на повестку, не давал полковнику Феськову слова. Заявляю об этом, чтобы Рада не подумала, что эта комиссия своей работы не сделала. Если будет время, завтра поставим па повестку доклад комиссии. Заседание объявляю закрытым.

Заседание закрывается в 4 часа дня.

Стенографический отчет 12-го заседания Чрезвычайной Рады Кубанского края 12 ноября 1918 года.

Заседание открыто в 10 часов 45 мин. утра председателем Н. С. Рябоволом.

За председательским столом занимают места: члены президиума в полном составе, председатель и члены краевого правительства.

В 11 часов утра в зал заседания прибыли представители пришедшей в Новороссийск эскадры англо-французского флота во главе с командиром крейсера «Ливерпуль» капитаном 1-го ранга Летноу и командиром броненосца «Эрнест Ренан» графом Менаром.

Члены Рады и все присутствовавшие приветствовали прибывших бурными аплодисментами и многократными возгласами «Ура».

По занятии капитаном Летноу и графом Менаром мест в ложе правительства, а остальными членами делегации — мест в ложе дипломатических представителей и в первом ряду мест, отведенных для членов Рады, председатель краевой Рады Н. С. Рябовол обращается к прибывшим с приветственною речью.

Председатель. — На мою долю выпала неоценимая честь приветствовать наших союзников от имени Кубанской Рады, правительства и народа Кубани; это для меня — один из счастливейших моментов моей жизни.

Давно мы вас ждем. В самые трудные моменты мы никогда не теряли надежды, что союзники придут и протянут нам руку помощи, и эта надежда наконец осуществилась. Хотя полное истощение и внутренние катастрофы вынудили Россию оставить ряды союзников до конечного торжества, мы имеем право называть вас своими союзниками: неисчислимые жертвы, принесенные Россией ради общего дела, дают нам на это право, тем более что Кубань никогда и ни к кому другому за помощью не обращалась. Союзники победили, и с ними победили принципы, провозглашенные неоднократно союзными правительствами и в особенности президентом великой Американской республики: право выше силы не только в международных отношениях, но и во внутреннем управлении народов.

Мы на вас смотрим как на наших учителей по пути демократизма. Своим блестящим торжеством в только что окончившейся гигантской борьбе вы показали миру, на что способны свободные народы, управляемые на самых широких демократических началах.

Война кончилась, но в пределах нашей Родины продолжает свирепствовать гражданская война, жестокая и беспощадная. Ваше прибытие вселяет в нас уверенность в том, что близок час, когда преступники и самозванцы, захватившие власть в центре России и превратившие страну в царство убийств и насилий, будут свергнуты и Россия воскреснет, более свободная, более счастливая Россия, основанная на союзе свободных народов, и с достоинством займет среди великой демократической семьи народов подобающее ей место. Ура союзникам! *(Овации. Оркестр играет Марсельезу и гимны союзных государств.)*

Бывший член краевого правительства Д. Ф. Сверчков читает приветствие Н. С. Рябовола на французском языке.

На речь председателя Рады отвечает на русском языке представитель союзных держав капитан 1-го ранга Летноу. «Господа представители Кубанской Рады! Мы глубоко тронуты теми приветствиями, тем горячим чувством, с которым вы нас встречаете. Мы никогда не сомневались, что даже в самые тяжелые, трагические моменты, которые переживала ваша несчастная Родина — великая Россия, мы никогда не сомневались, что огромное большинство русского народа, в том числе и Кубань, оставалось постоянно верным союзникам и никогда в душах и сердцах своих не изменяло им. *(Аплодисменты; «Браво».)*

Также и мы, союзники — французы, англичане и все вообще союзники, мы считали и никогда не переставали считать русских и русский народ нашими союзниками. *(Бурные аплодисменты.)*

Этот союз порвался на некоторое время не по вашей и не по нашей вине, а по вине кучки авантюристов, узурпаторов, которые отнюдь не представляли и не представляют России. *(Гром аплодисментов.)*

Этот священный союз, который был на некоторое время прерван, с сегодняшнего дня опять возобновляется. *(Аплодисменты, «Ура!».)*

В этот прекрасный день, когда даже небо и солнце как будто нам улыбаются, в этот прекрасный день все мы, здесь присутствующие, дадим друг другу клятву, что союз наш никогда не будет нарушен. *(Бурные аплодисменты.)*

Да здравствует великая, единая, нераздельная союзная Россия!

Да здравствует доблестная, героическая Добровольческая армия!

Да здравствуют кубанские казаки! Ура!» *(Аплодисменты, «Ура!». Оркестр играет войсковой марш.)*

Председатель. — Могущественным союзникам — громко «Ура»! *(Овации. Оркестр играет Марсельезу. Войсковой хор поет: «Ты, Кубань, ты наша родина».)*

Граф Менар. — Ура, Кубань! *(Снова овации, под которые представители союзников покидают зал заседания.)*

Председатель. — Объявляю заседание закрытым. Следующее — завтра в 10 часов утра.

Стенографический отчет 13-го заседания Чрезвычайной Рады Кубанского края 13 ноября 1918 года.

Заседание открывается в 10 часов 30 минут утра председателем Н. С. Рябоволом.

Оглашаются приветственные телеграммы: исполнительного комитета Майкопского отдела союза увечных воинов; союза учащих ст. Гривенской; казаков ст. Терновской; сбора ст. Старощербиновской; духовенства, учащих, учащихся и казаков гарнизона ст. Новотитаровской; съезда станичных атаманов и уполномоченных 29 станиц Таманского отдела; учительского союза ст. Кущевской; круга казаков ст. Атаманской; сбора ст. Георгие-Афипской.

Оглашение телеграмм сопровождается аплодисментами членов Рады.

Председательское место занимает товарищ председателя полковник Роговец.

Председательствующий. — Поступило внеочередное заявление за подписью 16 членов Рады по поводу статьи, появившейся во 2-м номере газеты «Кубанец» под названием «Свершилось» и подписанной Иваненко *(Читает заявление.)*: «Господину председателю краевой Рады нижеподписавшихся членов Рады заявление. — В сегодняшнем номере газеты «Кубанец» имеется статья под названием «Свершилось», подписанная г. Иваненковым. Статья сплошь тенденциозная, сплошь лживая и явно провокационная, и на нее, быть может, не следовало бы обращать внимания, если бы не было известно, что г. Иваненко сидит на заседаниях краевой Рады, говорит, и говорит совсем не так, как пишет.

Полагаем, что такое положение отнюдь нельзя назвать нормальным, и считаем, что воздействие на г.г. из «Кубанца» сделать необходимо». Следуют подписи.

Слово предоставляется первому подписавшему заявление члену Рады С. Манжула.

Член Рады Манжула. — Господа члены Рады! Вы знаете, что вокруг последнего нашего постановления вьется паутина, толкуют наше постановление не так, как мы его понимаем. Мало того, лица, претендующие на звание казака, поставили себе целью стравить казачество. Вы понимаете, что эта статья явно провокационного свойства. Разрешите прочитать. *(«Просим».)*

«Свершилось». — Свершилось очень большое и очень тяжелое событие. Произошел раскол между Чрезвычайной краевой Радой и командным составом Добровольческой армии.

Раскол произошел на почве спора об организации верховного управления в областях, занятых Добровольческой армией, освобожденных от большевиков.

Кубанское краевое правительство предлагает организацию самостоятельного управления на основах широкого народовластия каждой области, освобожденной от большевизма, и образование федерального верховного союзного совета представителей правительств областей, которому должен быть подчинен главнокомандующий армией.

Представитель Добровольческой армии генерал Лукомский заявил, что существование коллегиального учреждения во главе Добровольческой армии недопустимо.

Коллегиальная власть в армии — преступление, против коего он, как представитель армии, протестует полностью. При этом генерал Лукомский предлагал отложить разрешение этого щекотливого вопроса на время, в противном случае и в случае разрешения вопроса, противоречивого Добровольческой армии, представители ее воздержатся от голосования.

Предложение было отвергнуто неумными скороспелыми политиками, прошлогодними слугами самодержавия, теперешними храбрыми без большевиков, но неразумными федералистами.

Голосование состоялось и дало следующие результаты: за немедленное голосование — 221 голос, за сдачу в комиссию — 140, воздержавшихся — 40. Тезисы Кубанского краевого правительства приняты полностью. Факт раскола совершился. Представители Добровольческой армии покинули зал заседания.

Для кого и для чего это нужно? Раздор, раскол — это ли называется спасением России?

Почему и кому нужна спешка в разрешении незаконченного спора об организации власти? Почему не уважена просьба генерала Лукомского отложить разрешение вопроса?

И все это накануне приезда дорогих друзей, союзников, ваших спасителей. Стыдно и не умно, господа ретивые самостийники. Иваненков».

Вы видите в этой статье предвзятое намерение, она имеет определенную цель — выставить наше решение в таком виде, каковым оно не было на самом деле; статья лживая, потому что мы не говорили, что во главе Добровольческой армии должно быть коллегиальное управление, и статья провокационная, так как она имеет задачу показать членам нашей Рады: «Видите, как вы неразумно делаете», когда на самом деле этого не было. Я не смею утверждать, что подписавшийся в газете есть тот Иваненко, которого мы знаем и который сидит здесь с нами, но на такие действия нужно реагировать, ибо, повторяю, никакого раскола между Добровольческой армией и казаками не было, ибо мы знаем, что Добровольческая армия на 4/5-х состоит из наших братьев и сынов. Подобного рода статьи, да еще в день приезда наших союзников, могут тех, кто не знает действительного хода дел, ввести в заблуждение. На это необходимо обратить серьезное внимание.

Председательствующий. — Угодно собранию обсудить сейчас это дело или передать в комиссию? *(«Сейчас».)* Слово предоставляется члену Верховного суда Иваненко.

Иваненко. — Господа члены Рады! Да, эту статью написал я. *(«Позор, долой».)*

Председательствующий. — Позвольте...

Иваненко. — Мне тяжело слышать, что вы, члены Рады, мне, старому казаку, борцу за свободу не только Кубани, но и России, прожившему 60 лет, не запятнавшему себя ничем, мне, одаренному некоторыми дарованиями *(Шум, смех.)* и способному, вследствие этого, заслужить общественное положение, чины и ордена и теперь стоящему перед вами просто казаком, — вы кричите: «позор».

Написанное в моей статье я сказал искренне, с болью в сердце, потому что это имело здесь место. Может быть, этого не надо было печатать, об этом не нужно было

громко говорить — это дело другое; но то, что здесь было, вы сами отрицать не можете: здесь был спор о диктатуре, о союзном совете во главе командного состава, выше его; здесь был спор — передать ли выяснение этого дела в комиссию или решать здесь. Была просьба генерала Лукомского отложить это дело, а не решать его сейчас. В моей статье речь идет не об армии, а о расколе между командным составом Добровольческой армии и краевой Радой. Повторяю, что мною руководило искреннее желание послужить родному краю, послужить дорогой Родине, и я не буду возражать против решений, которые вы можете вынести, но прошу только не выносить их преждевременно. Относительно поступка моего я скажу, что, быть может, он не был зрело обдуман, может быть, не надо было этого оглашать, но провокации в этом не было. В течение всей своей жизни, в составе правительства, во время большевизма я проявил свое отношение и любовь к казачеству, перенес столько страданий, сидя в тюрьме под угрозами расстрела. Здесь, в Екатеринодаре, есть несколько десятков офицеров, которые вам могут заявить о том, как я себя держал в тюрьме. *(Во все время речи выкрики: «Долой», «Довольно».)*

Председательствующий. — Прошу с мест не говорить.

Иваненко. — Я не буду утруждать вашего внимания и насиловать вашу волю, раз вы не хотите меня слушать. Но, во всяком случае, вы меня не разуверите, и я убежден в том, что соглашение с командным составом Добровольческой армии необходимо учинить — это обязанность наша перед нашей Родиной, иначе мы не правы, не искренни, когда говорим, что мы стоим за единую Россию и идем спасать ее от большевизма. И если вы действительно хотите ее спасти, то вы должны заключить союз с Добровольческой армией, иначе вы на себя примете тяжкий грех перед Родиной за тот раскол, который произошел.

Председатель Рябовол. — Я всего два слова. Здесь сказано, господа: «Предложение было отвергнуто неумными скороспелыми политиками, прошлогодними слугами самодержавия, теперешними неразумными федералистами». Я, как председательствовавший в том заседании, свидетельствую, что предложение это было отвергнуто не теми людьми, о которых говорит Иваненко, а огромным большинством краевой Рады. Таким образом, эта статья называет огромное большинство краевой Рады теми прекрасными эпитетами, которые нашлись у известного деятеля Кубани.

Член Рады Воропинов. — Господа члены Рады! До сего момента я не знал содержание этой статьи, и только сейчас, к своему ужасу, пришлось узнать. Это — позорище, стыд и срам, чтобы кровные казаки, которые считают себя борцами за народное дело, за казачество, могли делать то, что они делают в этот тяжкий для казачества исторический момент. Для меня теперь совершенно ясно, в чем заключается провокационная цель, во имя которой эта статья написана. Она провоцирует наше решение и хочет взять нас «на испуг», заставить нас пересмотреть и вынести другое решение, угодное людям на старости лет. *(Аплодисменты.)* Я думаю и совершенно искренно верю, что казак Иваненко любил казачество, отдавал ему лучшие силы, что он, быть может, наделен талантами, чтобы получать чины и ордена, — все это, может быть, так, я не имею оснований сомневаться в искренности его в предыдущей деятельности, но то, что он совершил вчера, — это не в интересах казачества, это сделали бы только

враги казачества и те, кто желает казачеству зла. Я считаю это преступлением. Я считаю недопустимым, если Рада оставит такого рода деятеля своим членом. Если она отнесется к этому делу без внимания, без осуждения, — она не сделает того, что должна сделать. *(Аплодисменты.)* Как конкретное предложение, я бы внес следующее: вынести г. Иваненко порицание от имени краевой Рады за действия, явно враждебные казачеству. *(Аплодисменты, шум.)*

Член Рады Белый. — Господа члены Рады! Здесь два момента, мимо которых мы пройти не можем. Первый момент был отмечен председателем Рады, я хочу подчеркнуть второй момент. Здесь сказано: «Представитель Добровольческой армии генерал Лукомский заявил, что существование коллегиального учреждения недопустимо, потому что коллегиальная власть в армии — преступление, против чего он, как представитель армии, протестует полностью». Это было написано с тем расчетом, что статья попадет в армию и там будут говорить: «Опять у нас раскол». Но мы не говорили ни о какой коллегиальной власти в армии, мы как раз приняли обратное — единый фронт и единое командование. И я лично считаю написанное в статье ложью и провокацией.

Член Рады Кисляковский. — Господа члены Рады! Здесь было сказано Иваненко, что он — коренной казак, пожилых лет, одарен высокими знаниями, но остался простым казаком. Я также простой казак и, хотя не настолько одарен, но все-таки, будучи на службе, имел счастье получить звание вахмистра, но я не позволю себе так называть высокое собрание представителей от народа, которые за своей спиной имеют по пять тысяч человек, давших им право от своего имени говорить все, что им угодно, но никто на это не решился, кроме г. Иваненко. Я добавлю, что ему дали слово не как члену Рады, а только как члену Верховного суда, и он мог на такое высокое собрание навести такие неприятные слова. Эти слова, которые он напечатал, разнесутся в нашу армию и в другие места. Мое мнение — этого человека, как непокорного сына нашей семьи, нужно совершенно исключить, чтобы он тут не участвовал.

Член Рады Жук. — Господа члены Рады! Сейчас у нас и так на фронте и в тех станицах, которые вблизи фронта, слишком бурное настроение, слишком большие идут жестокости, и эти жестокости нужно унимать. Мы призваны сюда решать все дела по холодному рассудку, а не по чувству, все приехали сюда видевшие ужасы, пережившие их, приехали сюда для того, чтобы эти ужасы как-нибудь облегчить и защитить тех, которые сейчас еще страдают. Не дело сейчас проявлять со своей стороны жестокости, быть может, против тех людей, которые стараются говорить открыто, стараются кричать обо всем, что для них кажется опасным. И если даже этот человек подобного рода статью поместил в газете, то возможно, что он сделал это с наболевшей душой, если он оскорбляет высокое собрание, то не все. *(Шум.)* Если же оскорбление и есть, то он не заслуживает тех жестокостей, которые предлагают нам здесь и желают, чтобы мы их проявили. Если мы проявим жестокость, то никого не найдется из нас сказать открыто и прямо о том, что творится вокруг нас, стоящих у власти. Так зажимать рот нельзя, если мы не хотим старого режима, если он нам противен, и жестокости проявлять против человека, говорившего, может быть, правду открыто, мы не должны. Христос сказал: «Милости хочу, а не жертвы». А здесь призывают к жертве. Жертв было достаточно.

Член Рады Манжула. — Господа члены Рады! Член Верховного суда Иваненко заявил, что он от природы богато одарен, за сим он сообщил нам о своих заслугах, а затем сказал, что он мог ошибаться *(Аплодисменты.)*, — для этого никаких дарований не нужно было. Что касается того, как здесь говорилось, что зажимают рот, то я заявляю предыдущему оратору, что г. Иваненко по затронутому в его статье вопросу имел слово и высказывался здесь, в Раде, так, как высказывалось большинство, утверждаю это, и если бы у него было больше гражданского мужества, он здесь говорил бы иначе. А то здесь, для нас, он говорил одно, а там, для широкой публики, говорит другое. Нужно говорить честно и открыто, а то получается так: «Цыган, якой ты виры?» — «А якой вам треба». Все резолюции приняты большинством Рады против одного, при 18 воздержавшихся. Я совершенно не требую поэтому никаких справок, но указываю, что Рада должна немедленно постановить, что все написанное есть ложь и провокация с начала до конца и явное натравливание одной части населения на другую. Этим средством пользуются многие, и это не секрет, но с этим нужно бороться. Для того чтобы не вносить раздора, раскола, мы должны стать плечом к плечу, ибо нам придется бороться за идеалы, за свое святое святых, во что верит истинное казачество.

Председательствующий. — Имеются еще три оратора, но ко мне поступила записка о прекращении прений и о прекращении записи ораторов. *(Баллотировкой запись ораторов прекращается.)*

Член Рады Новосельцев. — Господа члены Чрезвычайной краевой Рады! То, что написано в газете членом Рады Иваненко, безусловно, написано им было искренне, и он в это верит, но, с нашей точки зрения, может быть, это неразумно, это провокация, клевета. Но, господа, ведь у нас у каждого есть собственные мозги, которые к разным фактам, разным событиям относятся различно. И вот на основании этого я бы не так отнесся к поступку члена Верховного суда Иваненко. Как можно судить, господа, человека, отдавшего большую часть своей жизни обществу и народу? В этой статье есть, конечно, некоторые неудачные выражения, вроде того как: «вчерашние слуги самодержавия, нынешние федералисты», тем не менее это правда; судите как угодно, но затыкать рот, не давать права не только здесь высказываться, но и в печати, это также не меньший позор. Я полагаю, что в поступке Иваненко особенно преступного ничего не имеется. Между вами есть люди, которые были в советской власти *(Аплодисменты.)*, однако вы допустили их в краевую Раду. Что же позорного, когда человек с наболевшей душою и сердцем воспринял не так события, как они были. В этом я позорного ничего не вижу, и судить его я не желаю. *(Аплодисменты.)*

Член Рады Николаев. — Господа члены Рады! Я вчера перед голосованием по существенным вопросам резолюции предупреждал вас, что не нужно быть поспешными, не нужно необдуманно принимать решений, которые породят массу бедствий. Одно бедствие налицо: наш разрыв с Добровольческой армией. *(Крики: «Ложь, позор, долой».)*

Председательствующий. — Я вас лишаю слова, так как вы допускаете то, чего здесь не было.

Член Рады Мищенко. — Господа члены Рады! Мы увлеклись совершенно, но не тем вопросом, которым следовало бы в высоком собрании увлекаться. Неужели,

господа члены Рады, вы не получаете сведений из станиц о тех ужасах, которые творятся там? Вы про них молчите. Я не одобряю и Иваненко, но, повторяю, мы не тем занимаемся в настоящее время. Нужно сказать откровенно, что делается на местах. Я предлагаю высокому собранию: если вы находите, что статья лживая, закройте газету. *(Аплодисменты.)*

Член Рады Султан Шахим-Гирей. — Очень грустно и печально, что на страницах газеты «Кубанец» появилась такая статья, да еще под таким громким заглавием «Свершилось». Что значат эти слова? Что хотел сказать ими автор? Не рассматривает ли он, говоря: «Свершилось», что это все было подготовлено, было сделано умышленно и, наконец, в удобный момент отдельная группа федералистов постаралась провести то, что она хотела? Такова мысль статьи, господа члены Рады, и таково отношение к тем лицам, которые являются руководителями политической жизни на Кубани.

Мы, члены Рады, призваны сюда строить жизнь, на нас лежит тяжелая, ответственная задача дать стране покой и мир, и в этот момент — хотя статья и говорит, что разрыв уже есть, — я заявляю, что разрыва между нами и Добровольческой армией нет. *(Аплодисменты.)* Я заявляю, что мы только отстаивали тот путь, которым думали спасти Россию, воссоздать ее. Мы этим только, может быть, разошлись в своих мнениях, но не в действиях. *(Аплодисменты.)* Пусть те политики, которые наши шаги стремятся объяснять так, как им угодно, как выгодно, успокоятся, пусть умолкнут их голоса. Отныне Кубань, построенная на новых, свободных началах, пойдет рука об руку со всеми теми, кто будет идти по пути единой, свободной, союзной России. *(Аплодисменты.)*

Что значат слова в этой статье: «Предложение было отвергнуто неумными скороспелыми политиками, прошлогодними слугами самодержавия, теперешними храбрыми без большевиков, но неразумными федералистами»? Есть ли это, господа члены Рады, явная клевета на тех лиц, которые выставили положение о форме устройства Кубанского края? Да разве председатель правительства, разве он является слугой самодержавия? Да разве не тот ли самый Иваненко, который пишет об этом, разве он лично не был слугой самодержавия? Я не буду в данном случае ставить в упрек то, что он делал — дело убеждения и совести каждого поступать так, как он хочет, — но никто не имеет права клеветать на другого и путем клеветы и провокации достигать желаемой цели. Эта статья в печати — не что иное, как желание натравить кубанских казаков на Добровольческую армию, создать конфликт и опять повести к кровопролитию. С негодованием отвергаю эту статью и с негодованием заявляю, что провокации мы не допустим. *(Аплодисменты.)*

Мы пойдем рука об руку защищать Кубань, Терек и других близких соседей. Будем создавать жизнь так, как это диктуется ею самою. Мы знаем, что другого выхода нет. Появляются автономисты, сами не понимая того, что они говорят. Автономия может быть дана областям центром, и централизм возможен только при наличии центральной власти. Не желаете ли вы, господа автономисты, чтобы мы в качестве автономии вошли в «Совдепию»? Иначе где та центральная власть, с которой можно говорить? И единственно правильный путь — тот, который мы избрали. Строительство идет не сверху, а с окраин, значит, единственный путь — объединение отдельных яче-

ек, создание общего единого фронта и движение вперед по пути создания единой, свободной, союзной России. *(Аплодисменты.)* Я предлагаю газету «Кубанец» закрыть.

Иваненко. — К сожалению, здесь нет представителей Добровольческой армии, нет генерала Лукомского, к которому я обратился бы в присутствии вас с выдержкой из его речи. А эта выдержка следующая: «Существование коллегиального учреждения во главе Добровольческой армии недопустимо. Коллегиальная власть в армии — преступление, против коей протестую полностью». Господа, это слова живого человека, воспринятые другим человеком. *(Голос с места: «Это не наше решение».)* Я знаю, это не ваше решение, но ведь здесь шла речь только о том, чтобы отложить рассмотрение этого вопроса. Просили об этом многие ораторы, просил и генерал Лукомский. Он сказал следующее: «Предлагаю отложить разрешение вопроса». Ведь было это предложение, была эта просьба? Ораторы выходили на эту трибуну, и не один, прося отложить. Я только потому тогда не хотел брать себе слова, что многие ораторы высказывались за это, хотя и был глубоко убежден в необходимости, для согласования, отложить разрешение спорных вопросов. Я и теперь убежден, что непременно должны быть возобновлены переговоры для объяснения с командным составом и для соглашения с ним по предметам расхождения.

Об армии речи нет; я в статье и не затрагивал вопроса об армии; там и слова нет, что произошел разрыв с Добровольческой армией, там идет речь только о командном составе. Ведь о чем идет спор? Сам председатель правительства Быч говорил, что, учреждая верховный совет во главе командного состава Добровольческой армии из представителей союзных правительств (которых еще нет), он допускает возможность диктатуры этого совета. Значит, председатель правительства допускал возможным на этой почве соглашение, хотя представитель Добровольческой армии и заявил категорически, что коллегиальная власть во главе Добровольческой армии — преступление. Не в армии, а во главе командования. Ведь речь только об этом и идет. Поэтому генерал Лукомский предлагал отложить разрешение вопроса. *(Шум.)* Этот вопрос, в этой его части, не касался формы государственного управления будущей единой России, за которую я сам высказывался как федералист. Я глубоко убежден, что переговоры должны быть возобновлены. И этот прискорбный инцидент, т. е. выход представителей армии из состава нашей Рады, этот совершившийся факт, этот раскол — как хотите назовите, но вы его не станете отрицать, — я и называю разрывом. Он совершился — и сердце казака и гражданина болит и обливается кровью. Я никогда в течение всей своей жизни милости ни у кого не просил. Не прошу ее и у вас. Поступайте со мною, как вам угодно будет, но я глубоко убежден в том, что переговоры с командным составом Добровольческой армии должны быть возобновлены и соглашение должно быть достигнуто, иначе, если вы их не возобновите, это будет тяжким преступлением Чрезвычайной Кубанской краевой Рады перед нашей Родиной, матерью Россией.

Председательствующий. — Вы совершенно новый вопрос ставите.

Иваненко. — Мне говорят, что в статье все ложь и провокация. Нет, я только сказал тяжкую, грустную и больную для меня и для вас правду. Я мог иначе поступить, написать статью без имени, но я честно поступил и не скрывался под какими-нибудь инициалами, как это часто делается. Я подписал свое имя, и редакция газеты

«Кубанец» ни при чем; казните меня, но не учреждение; я виноват перед вами, значит, и карайте меня как угодно. Я милости, повторяю, не прошу, как не просил ни у самодержавного правительства, ни у кого-либо другого, потому что я всегда руководился своей совестью и своими собственными убеждениями. А это совесть мне говорит: Рада не права, разрыв с командным составом Добровольческой армии совершился.

Председательствующий. — Таким образом, имеются следующие предложения. Одно предложение — исключить из состава Рады члена Рады Иваненко *(Голос с места: «Он не член Рады».)*, или точнее — лишить прав совещательного голоса члена Верховного суда Иваненко, другое предложение вносится Султаном Шахим-Гиреем.

Султан Шахим-Гирей. — Я настолько был раздражен, что в увлечении поддерживал предложение закрыть газету. Но теперь я не могу это поддерживать, потому что я являюсь в этом вопросе наиболее осведомленным. Я не могу согласиться с закрытием газеты, так как, раз под статьей есть фамилия, — значит, автор только и отвечает. Я предлагаю следующую резолюцию: «Обсудив статью, помещенную в газете «Кубанец», в № 51 от 13 ноября, под заглавием «Свершилось», краевая Рада свидетельствует, что статья носит явно провокационный характер, ибо содержит совершенно ложные сообщения о происшедшем на заседании Рады 11 ноября; говоря о расколе между Добровольческой армией и Радой, которого фактически не было, направлена к натравливанию краевой Рады и Добровольческой армии, а потому Рада выражает порицание за статью члену Верховного суда Иваненко и переходит к очередным делам. *(Голоса: «Правильно».)*

Председательствующий. — Я предлагаю такую редакцию: «Обсудив статью, помещенную и т. д. ... лишает его права присутствования на заседаниях краевой Рады с правом совещательного голоса и переходит к очередным делам». Таким образом, это предложение впитывает нижеследующее предложение, которое было сделано Зубом: «Иваненко исключить на пять заседаний, выразив ему порицание, а редактора газеты «Кубанец» оштрафовать на 3000 рублей». Таким образом, я голосую предложение товарища председателя краевой Рады Султана Шахим-Гирея. Прошу тех, кто за это предложение, поднять руки. Кто против? Принято. Второе предложение само по себе отпадает. Объявляю перерыв на 10 минут.

После перерыва.

Председательствующий полковник Роговец. — Заседание возобновляется. Слово предоставляется председателю правительства Бычу.

Быч. — Господа члены Рады! Я взял слово, чтобы отметить тот факт, что существует у некоторых, а может быть, и у многих лиц намерение ложно, неправильно толковать то, что происходило здесь третьего дня. Разрыва между Кубанью и Добровольческой армией нет. Кубанская Рада признала необходимым единый фронт, единое командование — где же разрыв? Несогласие получилось на другой почве, на почве будущего строительства государства. Мы думаем, что так нужно строить, там думают, что строить нужно иначе; но это не значит, что получился разрыв. Цель у нас общая, средства борьбы также будут общие, а строительство государственное — это дело будущего. Мы будем готовиться, мы должны готовиться к тому, как строить государство, и каждый из нас имеет право думать так или иначе. Это не значит, что между

нами произошел конфликт и на почве этого разногласия он доходит до разрыва. Этого нет, и этого не будет. *(Аплодисменты.)*

Председательствующий. — Господа члены Рады! Хотя сегодня должны быть отдельские заседания, но президиум предлагает, чтобы сегодня работали комиссии, и я прошу председателей комиссий сделать заявления о времени заседания комиссий. Слово предоставляется председателю комиссии по проверке полномочий полковнику Феськову.

Член Рады полковник Феськов. — По вашему поручению были пересмотрены полномочия некоторых членов краевой Рады на право участия их в Раде. Оказалось, по проверке, следующее: в Майкопском отделе от ст. Келермесской по числу населения в 5300 человек полагался один депутат, а выбрано два. Комиссия стала в затруднение, кто должен выйти из состава Рады, так как оба члена выбраны единогласно. Из них первый — Данилов, а второй — Мальцев. Разрешение этого вопроса комиссия на себя не взяла, а предоставляет общему собранию. По ст. Каргальской по числу 5169 человек полагалось одного, а выбрано два. Оказался излишне выбранным Ордынский. По ст. Варениковской Таманского отдела, в которой, по календарю 1916 года, считается 4563 человека и поэтому полагается один, — выбрано три, причем в приговоре станицы сказано так: перед выборами открыты были прения, как производить выборы, с разделением на сословия, т. е. казаки сами по себе, а иногородние сами по себе, или же совместно, и постановили — выборы производить не разделяясь. По сведениям станичного правления, в ст. Варениковской население 12 647 человек, и выбрано три уполномоченных в Раду: открытой баллотировкой генерал Карцев получил избирательных 1994 голоса при 6 воздержавшихся, Иван Семеняка — 1887 и Прокофий Перебийнос — 1863 голоса, в календаре же, как я уже доложил, значится всего 4563 человека, но какого населения — казаков или иногородних — сведений нет. По заявлению членов Рады ст. Варениковской, там имеются собственники неказаки, но сколько их — никаких сведений нельзя получить. Не имея цифровых данных, комиссия не нашла возможным вынести окончательное решение. Затем, по ст. Дондуковской сведения поступили после первой проверки; там оказался также излишне выбранный — полагалось одного, а избраны два. По волости Гулькевичи прибыло два депутата, но сведений о количестве жителей в календаре не имеется, а потому определить, полагается ли один, или два, или более — не было возможности. Далее, по Баталпашинскому отделу излишне избран один, по Беломечетской — следовало одного, а прибыло два. Так же точно и по ст. Зеленчукской прибыло два, а полагается один. По станице Передовой прибыло два, а положен один. По Вознесенской также прибыло два, а положен один, это — Згонник, он прибыл после нашей первой проверки. От Воровсколесской прибыло два, а положен, по числу населения, один; при этом в приговоре не сказано, сколько получил каждый из них голосов. Затем поступило предложение главнокомандующего Добровольческой армией о том, что назначенный ранее от Добровольческой армии в качестве члена полковник Науменко заменяется есаулом Шляковым. Вот все. Таким образом, есть вопросы, которые надлежит разрешить общему собранию, и в частности — кто должен быть оставлен для участия в заседаниях Рады по станице Келлермесской — Данилов или Мальцев.

Член Рады Гатагогу. — Господа члены Рады! Комиссия по проверке полномочий в первые дни своей работы этих излишне избранных депутатов не указала, очевидно, она имела основание к тому, чтобы признать их полномочными, и сейчас в некоторых случаях комиссия находится в затруднении, признать ли того или другого из депутатов излишне выбранным или нет. От ст. Келермесской в предыдущих Радах было по два человека, и она имела достаточно оснований, чтобы делегаты ее признавались. Сейчас в ст. Дондуковской точно указать население нельзя, так как там документы сожжены большевиками. Удалось установить, что число населения приближается к … т. е. к законной норме для избрания двух депутатов. В станице Келермесской населения больше 7000, а так как раньше оба депутата этой станицы признавались законными, то, мне кажется, они и сейчас должны быть признаны таковыми. Во-вторых, я бы хотел обратить ваше внимание на то, что эти разъясняемые депутаты работают уже в комиссиях. Они в курсе этой работы. Теперь, если их удалить, то придется принять новых, а новые будут только присматриваться к делу и активного участия в работах сразу принять не смогут. А это не в интересах нашего дела. На основании этого, мне кажется, нужно признать их полномочными.

Член Рады Воропинов. — Господа члены Рады! Только что сделанное предложение допускает широкое обобщение: все, кто является излишне выбранным, должны быть допущены к работам в комиссиях Рады в качестве полноправных членов. Против этого приходится возражать. Дело в том, что сейчас присутствующие здесь, как излишне выбранные, являются не последними, многие из них еще не приехали. Там, где выборы состоялись раньше и комиссия уведомила станичные общества об излишне избранных, — они были задержаны, если же мы примем положение, что лишние должны получить право решающего голоса, то по отношению к тем, кто не приехал, мы сделаем несправедливость. Таких станиц не менее десяти. В данном случае разговор должен быть только о станице Келермесской. Я лично состоял членом комиссии по созыву в краевую Раду, и мы придерживались такого метода: если календарь давал сведения, по которым оказывался один излишне выбранный, то мы просили станичное правление указать точное количество населения по последним сведениям, и если населения окажется достаточное количество — признать двух представителей, если же населения недостаточно, но выборы уже произведены, право участия в работах Рады приобретает тот, кто получил больше голосов. Ст. Келермесская заявляет, что у них около 7000 человек населения, следовательно, до законной нормы не хватает двух сотен. Воля Рады — обоих членов утвердить, хотя с чисто формальной стороны такое решение не будет соответствовать справедливости, потому что может оказаться случай, где за недостатком лишней сотни станицы прислали не двух депутатов, а одного, придерживаясь точного указания выборного закона. Я предлагаю, чтобы общего решения на этот счет не было. Нужно рассмотреть каждый случай в отдельности.

Член Рады Крамарь. — Господа члены Рады! Нам комиссия доложила, что в краевую Раду от ст. Варениковской приехало три представителя, но там 15 тысяч населения нет, и, вероятно, они взяли иногородних — тех, которые причислены к юрту. В Троицкой станице имеется населения 7500 человек, мы выбрали двух представите-

лей, но нам сказали, что это недопустимо. По-моему, нужно оставлять должное количество от каждого населенного пункта, а лишних отчислить из Рады.

Председательствующий. — Таким образом, есть два предложения: одно — чтобы каждую станицу в отдельности не рассматривать, другое — рассмотреть каждую станицу в отдельности и, в зависимости от того, как укажет Рада, принимать или нет излишне выбранных представителей.

Полковник Феськов. — Я должен напомнить, что у нас после первого решения около 10 человек бывших членов Рады уехали по домам, как неправомочные, на основании того, что они излишне выбраны. Это я прошу иметь в виду при баллотировке.

Председательствующий. — Я баллотирую. Кто за то, чтобы голосовать все станицы вместе, а не в отдельности? Принято. Имеются два предложения: одно — всех излишне выбранных принять с правом решающего голоса, второе предложение — лишить их права, так как, по заявлению председателя этой комиссии, некоторые из излишне прибывших уже отпущены обратно. *(Голосование.)* Большинством голосов все излишне выбранные отчисляются.

Полковник Феськов. — Как председатель комиссии, я прошу разрешить вопрос по станицам Келермесской и Воровсколесской, где излишне выбрано по одному члену, причем является такое затруднение — Мальцев и Данилов выбраны одинаковым числом голосов. Кого из них считать членом Рады? *(Шум.)*

Председательствующий. — Прошу с мест не говорить. *(Голоса: «Последнего по списку исключить, а первого оставить».)* Получено предложение — о передаче в отделы. *(Баллотировка.)* Принято.

Полковник Феськов. — По станице Воровсколесской избраны членами Рады Хорольский и Олейников, причем в приговоре не указано, кто из них сколько получил голосов. *(Голоса: «В отдел». Баллотировка.)*

Председательствующий. — Большинством голосов принято передать в отдел.

Полковник Феськов. — И, наконец, как поступить с депутатами от Гулькевичей, относительно которых в календаре нет сведений о количестве населения и добыть их нельзя, а прибыло оттуда два депутата. Сколько их полагается — больше или меньше — комиссия не могла решить.

Председательствующий. — Комиссия предлагает и это передать в отдел. Принято. Слово предоставляется для приветствия представителю от Кабарды.

Представитель от Кабарды Келечбиев. — Господа члены краевой Рады! Я счастлив приветствовать вас от лица кабардинского народа и поздравить вас со вступлением на славный путь воссоздания новой нормальной жизни в вашем крае. *(Аплодисменты.)* Мы присланы кабардинским народом для установления связи с Кубанским краем и информировании вас о положении вещей на Тереке вообще и, в частности, в Кабарде. О том, что делалось здесь, на Кубани, за многие месяцы, несмотря на недальность расстояния, в силу сложившихся обстоятельств мы имели самое смутное представление. Но о том, что горизонт на Кубани очистился и взошла для Кубанского края новая заря, — мы совсем не знали.

Я извиняюсь перед высоким собранием за то, что отнимаю у вас время для изложения нашего положения на Тереке. *(Голоса: «Просим».)*

Большевистская власть еще в марте сего года установилась и в Кабарде. Сознательные массы Кабарды сносили это иго поневоле. И вот мы, кабардинцы, были счастливы, когда в начале августа этого года услышали, что наши добрые соседи, терцы, в некоторых частях восстали против большевиков. Кабардинские массы, поднявшись, тоже присоединились к ним, и в несколько дней мы ликвидировали большевизм в Кабарде. *(Аплодисменты.)* Установилась тогда в нашем крае нормальная жизнь, но, к несчастью, эта жизнь продолжалась недолго: большевики, будучи теснимы с Кубани, накопились в районе Пятигорска и оттуда большими массами всего две недели назад ринулись на Кабарду. Отряды наши, в составе двух полков, которым вначале было легко прогнать большевиков, не будучи в силах справиться с нашествием этих масс, стали на правый фланг и присоединились к Добровольческой армии. *(Аплодисменты.)* Таким образом, в нашем крае сейчас происходят те ужасы, которые, к несчастью, и вам знакомы. Уезжая оттуда, мы имели полную уверенность, что большевикам не удастся пробраться в Кабарду, но, по сведениям, которые мы получили в момент отъезда, некоторые казачьи станицы стали колебаться, и результатом этого колебания, вероятно, и был отход наших отрядов вместе с казачьими частями на Кубань. Кабардинский народ надеется и просит не отказать в моральной и физической поддержке для ликвидации этого зла в нашем крае, как вы это сделали так славно в вашем крае. *(Аплодисменты.)*

Председательствующий. — Слово предоставляется товарищу председателя Султану Шахим-Гирею.

Член Рады Султан Шахим-Гирей. — Разрешите мне, господа члены краевой Рады, ответить на приветствие представителя славной Кабарды, кровных наших братьев. *(Голоса: «Просим».)* Долгие месяцы Кубань томилась под игом большевиков, много крови пролито на Кубани, много доблестных сынов легло на полях и в горах Кубани в борьбе со злыми врагами, разбойниками большевиками. Мы слишком хорошо знаем, что несут за собою большевики, и мы ярко представляем те ужасы, которые творятся сейчас в соседней с нашим краем Кабарде. Мы рады, что вы, славные потомки наших единокровных братьев, обратились не к кому другому, а именно к нам, своим союзникам, где горцы и черкесы идут рука об руку с казачеством, строя жизнь на свободных началах. С этим знаменем мы будем идти и дальше. Окажем посильную помощь, сколько будет возможно, и вам. Мы рады, что вы в достаточной степени доказали свою преданность общему нам с вами делу и близость духовную. Приветствуем вас и желаем счастливого исхода в борьбе с большевиками. Под дружным знаменем свободы и содружества мы двинемся вперед и сокрушим врага. Приветствуем вас. *(Аплодисменты.)*

Председательствующий. — Объявляется перерыв до завтрашнего дня. Завтра заседание в 10 часов.

Заседание закрывается в 12 часов 30 минут дня.

Стенографический отчет 14-го заседания Чрезвычайной Рады Кубанского края 14 ноября 1918 года.

Заседание открывается в 10 часов 15 минут утра под председательством Н. С. Рябовола.

Председатель. — Господа члены Рады! На сегодня предположено было представить вашему вниманию на рассмотрение доклад комиссии по самоуправлению, но, к сожалению, комиссия своих работ не закончила и, таким образом, у президиума не имеется материала для сегодняшнего заседания. Президиум предполагает сделать перерыв до завтра, с тем чтобы члены Рады сегодняшнее утро и вечер посвятили работам в комиссиях. *(Голоса: «Правильно».)* Возражений против этого не будет? *(«Нет».)*

Господа члены Рады! От комиссии по здравоохранению поступило ходатайство. Дело в том, что в эту комиссию не попал ни один специалист по ветеринарии. Комиссия просит включить в ее состав с правом решающего голоса члена Рады Белого, ветеринарного врача. Возражений против этого не будет? *(«Нет».)* Будем считать, что член Рады от Кавказского отдела Белый состоит членом комиссии по здравоохранению с правом решающего голоса.

Сейчас огласим приветственные телеграммы, полученные на имя краевой Рады.

(Секретарь оглашает телеграммы от ст. Изобильной, Тихорецкой, Ладожской, Темижбекской, Гиагинской и от политических заключенных ставропольской тюрьмы.)

Председатель. — Господа члены Рады! Вчера, по докладу комиссии по проверке полномочий, вы разрешили в отрицательном смысле вопрос о допущении к работам некоторых членов Рады, излишне выбранных. Некоторые из этих членов сейчас здесь, им нужно уехать. Мы полагаем, что они должны быть удовлетворены суточными деньгами со дня выезда по день приезда в станицу. *(«Правильно».)* Возражений не будет? *(«Нет».)* Пока что они будут удовлетворены в форме аванса, а затем, в дальнейшем, когда вы определите суточное довольствие, если они недополучат, то деньги будут высланы. Господа члены Рады! Поступило заявление от члена Рады станицы Николаевской Лабинского отдела Погожева, в котором он, ввиду домашних обстоятельств, просит его освободить от обязанностей члена краевой Рады. Возражений не будет? *(«Нет».)* Член Рады Погожев, согласно его просьбе, увольняется по домашним обстоятельствам. Комиссии по самоуправлению, военную и земельную, которые рассматривают наиболее важные вопросы, просят собраться сейчас же. Завтра заседание в 12 часов дня. Возражений нет? *(«Нет».)*

Заседание закрывается в 10 часов 30 минут утра.

Стенографический отчет 15-го заседания Чрезвычайной Рады Кубанского края 16 ноября 1918 года.

Председатель. — Заседание возобновляется. Для внеочередного заявления слово предоставляется председателю правительства Бычу.

Быч. — Господа члены Рады! В последнем заседании Рады я имел случай сказать вам, что есть люди, заинтересованные в том, чтобы между командованием Добровольческой армии, Кубанской Радой и краевым правительством были созданы какие-то ненормальные отношения. Есть люди, которые уверяли, что произошел разрыв. Я тогда принужден был заявить, что этого не было и быть не может, ибо Добровольческая армия в значительной степени состоит из нас же; таким образом, с самими собой разрыва быть не может.

Так как у нас есть масса жизненных вопросов, которые должны быть разрешены по взаимному соглашению, и так как эти вопросы нужно обсудить и решить в то время, когда Рада функционирует, когда она работает, то является необходимым поставить эти вопросы на обсуждение Рады совместно с командованием Добровольческой армии, и поэтому, а также в связи с теми решениями, которые уже приняты Радой, является необходимость в организации особой согласительной комиссии. Эта комиссия должна быть составлена из представителей краевой Рады и представителей командования Добровольческой армии, причем члены комиссии должны получить право решающего голоса, для того чтобы вносимые в комиссию вопросы подвергнуть обсуждению и затем вынести на рассмотрение краевой Рады. Я имею основание заявить, что если краевая Рада такое решение примет, то и со стороны командования Добровольческой армии может последовать согласие на такое разрешение вопроса. И поэтому я вношу предложение об образовании согласительной комиссии, на рассмотрение которой и передать все вопросы взаимных отношений в связи с состоявшимся постановлением краевой Рады. *(Аплодисменты.)*

Председатель. — Желает ли Рада обсуждать или принять это предложение без прений? *(Голоса: «Без прений».)* Принято. Сколько человек желаете назначить в согласительную комиссию? Желающих прошу высказаться по этому вопросу. Слово предоставляется члену Рады Горбушину.

Член Рады Горбушин. — Господа члены Рады! Ввиду того что эти вопросы нужно считать срочными и неотложными, то я предлагаю выбрать по одному человеку, так как, если вы выберете по два, то выйдет 20 с лишним человек — это будет слишком громоздко; кроме того, решения этой комиссии не будут окончательными. Я предлагаю выбрать по одному человеку, чтобы комиссия не была громоздкой.

Председатель. — Я голосую. Кто согласен выбрать по одному человеку от отдела? Кто — по два? Таким образом, большинством голосов принято — от каждого отдела по два человека. Что касается представителей командного состава Добровольческой армии, то, вероятно, их может быть столько же, сколько и нас. Им предоставляются такие же права.

Господа члены Рады! Было предположено, что в сегодняшнем заседании мы приступим к обсуждению проекта управления Кубанским краем, но у комиссии работы еще не закончены. В настоящее время законченным является законопроект земельный. Мы можем приступить к обсуждению этого вопроса, стоящего в повестке вторым (по поводу поданной записки). Я напоминаю членам Рады и представителям отделов, что о всех внеочередных заявлениях должно быть доложено председателю, так как я должен знать содержание внеочередных заявлений. Если я буду получать записки, не зная заранее, что в них говорится, то не смогу руководить заседаниями.

Имеется предложение обсудить вопрос о том, желательно ли в сегодняшнем заседании рассмотрение земельного проекта или нежелательно. Я полагаю, что сперва мы выслушаем доклад земельной комиссии, а после того уже решим вопрос: обсуждать ли этот законопроект немедленно или передать в комиссию или в отделы. Поэтому я прошу у вас разрешения дать возможность говорить докладчику.

Господа члены Рады и гости! Ко мне поступил целый ряд заявлений, что публика занимает не те места, которые ей указаны, и потом — что наши гости вмешиваются в наши суждения. Я прошу еще раз быть только зрителями, а решение вопросов предоставить нам.

Слово предоставляется докладчику.

Член Рады Омельченко. — Господа члены высокого собрания! Я счастлив, что мне выпала честь делать вам доклад по такому вопросу как земельный, но, с другой стороны, широта и глубина этого вопроса настолько велики, что, безусловно, найдутся промахи и у докладчика. Я заранее извиняюсь, что не могу во всей широте и полноте, со всех точек зрения осветить этот вопрос, а мне кажется, что законы, принятые нами, как бы ни казались совершенными, но интересы затронут слишком многих. Разбивши на категории, с различным критерием будут подходить к ним, и, безусловно, наш критерий не будет одинаковым и не явится полным удовлетворением для всех слоев населения. Исходя из этой предпосылки, я думаю, что, как бы докладчик ни старался использовать подходящий материал, — все не могут и не должны быть довольны.

При разрешении земельного вопроса, мне кажется, здесь явится необходимость смотреть с исторической точки зрения на это явление и в процессе истории увидеть, что в основаниях земельного закона кроется социальное устройство настоящих и грядущих поколений. Мне кажется, что необходимо хоть вскользь заглянуть в прошедшие времена, чтобы видеть, как этот интересный, важный, огромный, проклятый вопрос волновал умы прошлых веков, из каких побуждений они подходили к решению этого вопроса и какой выход из этого положения находили. Мне кажется, что надо воспользоваться уроками истории, потому что это единственный учитель, приговор которого является неподкупным. Это — учитель, стоящий выше условий времени и места, единственный учитель, который говорит только истину. Этой истиной мы обязаны воспользоваться, чтобы построить более совершенные законы для жизни грядущих поколений, и нам, желающим служить по мере сил своих народу, нет более ценного урока, чем история земельных реформ в давно минувшие времена.

Человечество с тех пор, как осознало себя, поняло, что личное существование человека, с одной стороны, и та или иная форма землепользования, с другой стороны, —

что эти два факта слишком тесно связаны между собою. Человечество рано поняло, что яд, отравляющий его существование, губящий его душу и тело, именно заключается в формах землепользования. С другой стороны, незначительное меньшинство человечества слишком рано вкусило сладость форм собственного землепользования, форм частной собственности, и мы видим, что это почувствовала слишком остро другая, большая часть населения.

Еще в давно минувшие времена, за 3000 лет до нашего существования, начали прилагать усилия к отмене частной собственности. Мы видим в законодательстве Моисея указание на то, что частной собственности не должно быть. Мы видим, что красною нитью проходит через законодательство этого мудрого человека, что частная собственность принадлежит только Иегове — Богу. Человек в борьбе за существование слишком рано понял, что, как ни просторно под открытым небом и при широте земного шара и при малочисленности населения в древние времена, для всех жизнь представляет жестокую борьбу за кусок хлеба, и в этой борьбе не все находятся в одинаковых условиях. Большая часть — только потому, что не имеет собственности, не принадлежит к собственникам, влачит жалкое существование за кусок хлеба; они, эти люди, слишком долго стоят в очереди под дождем и изнемогают в знойный день, обрабатывая пашню собственника. Между тем собственник — только потому, что он является таковым, — избавлен от очередей, он получает кусок не черствый, а самый лучший, какой может создать кулинарное искусство его времени.

Обратимся к истории Греции и Рима. Мы видим, что и там идет борьба, направленная к устройству социальной жизни. И оказывается, что источник нормальных взаимоотношений между классами земельные реформаторы видят в урегулировании земельных отношений. Все они начинают с того, что уничтожают залоговые обязательства, благодаря которым одни строят дом за домом и распахивают свои участки, а большинство остается совершенно без всего. Весь смысл своего существования они видят в том, чтобы добиться, в конечном счете, уничтожения всех долговых обязательств, которые являются символом закабаления земли и человеческих жизней, и они, наконец, добиваются того, что в назначенный день на многолюдном месте под звуки тромбонов предаются торжественному сожжению залоговые списки, как символ задолженности данных участков.

И история нам говорит еще, что при решении земельного вопроса нужно принять особенно во внимание следующее: недостаточно иметь горячее желание помочь в чем-либо для социального устройства жизни, нужно еще иметь мужество. Если умеренность во многих случаях жизни считается добродетелью, то умеренность при проведении земельной реформы губит эту реформу. Если мы — умеренные, то мы не удовлетворим тех, у кого мы брали, и не удовлетворим тех, кому мы дадим, потому что таким образом не оправдываются надежды. Земельные реформы зачастую губятся, проваливаются благодаря этоизму отдельных личностей и благодаря равнодушию тех, на пользу которых они направлены. Исходя из уроков истории, мы видим, что не всегда достаточно при проведении земельной реформы в жизнь ленивого рукоплескания этим реформам; желательно, чтобы каждый явился активным участником при проведении этих реформ. Необходимо помнить твердо следующее: если не каждый может

руководительствовать, то каждый должен быть воином за идею, которая проводится в жизнь, должен стоять на страже, должен каждый помнить, что без самопожертвования ничего нельзя провести к жизнь. Труден и тернист путь активного участия в проведении земельной реформы, и единственно, что может нас окрылять, это разумное проведение земельной реформы, только это несет счастье тому народу, где она проведена.

В этом отношении поучительны очень примеры других государств. Если мы посмотрим на Афины, то мы увидим, что они стали процветать с момента проведения законов Солона и Ликурга. На основании этих законов выросли могущественные для того времени государства. В Риме было направлено все внимание на то, чтобы провести закон национального пользования землей. Нет, кажется, других вопросов, на пользу которых работало бы столько славных имен, славных борцов, как этот.

Здесь вы все являетесь маленькими реформаторами, но должен вам сказать, что вы являетесь не одинокими. В прошлом, на протяжении целой истории, волнообразной нитью проходит та идея, которую вы желаете воплотить в жизнь. Это должно только окрылять нас, должно еще больше сочувствия вызвать к этой идее, еще больше мужества вселить в наши души, чтобы быть достойными наших предшественников.

Предлагаемый вам законопроект имеет немного разделов, немного статей. Первый раздел устанавливает, кто должен явиться субъектом прав на землю и какие права ему предоставляются; во втором разделе мы перечисляем категории отчуждаемых земель; в третьем разделе — принципы отчуждения и те условия, при которых приходится вознаграждать за отчуждение, и, наконец, в четвертом разделе — кого мы думаем наделить отчуждаемыми землями. Немного статей, немного разделов, так как мы этим законопроектом намечаем только вехи, в пределах которых нужно создать тысячи статей и параграфов, которые предусматривают каждый отдельный случай; мы этим законопроектом даем только то направление, по которому должен идти законодатель. Самый основной принцип, который мы вынесли из уроков истории, — уничтожение частной собственности, и статья вторая именно и говорит об этом: «Право частной собственности на все земли с их водами, лесами, недрами и надземными богатствами в Кубанском крае уничтожается».

Первая статья гласит о том, кто, с нашей точки зрения, должен явиться наиболее субъектом прав на землю.

«Кубанский край владеет, пользуется и распоряжается самостоятельно и независимо всеми расположенными в пределах края землями, недрами, лесами, рыболовными водами как внутренних речных и озерных бассейнов, так и внешних морских на семиверстном расстоянии от берегов».

Но Кубанскому казачьему войску, как исторически сложившемуся субъекту, мы в третьей статье также предоставляем права и не боимся, что нас упрекнут в нелогичности, что третья статья будет противоречить второй статье, где уничтожается частная собственность. В данном случае мы являемся самостоятельными и считаемся с историческими правами казачества, имеющего право на то, что ему принадлежало, и поэтому комиссия вынесла статью третью: «Кубанское казачье войско сохраняет за собою все права по владению, пользованию и распоряжению принадлежащих ему земель, недр, лесов и вод».

Следующими субъектами, которым принадлежат права уже не полной собственности, а немножко урезанные, являются перечисленные в ст. 4: «Земли и леса, принадлежащие станичным, хуторским, аульным и сельским обществам, остаются в распоряжении и пользовании их владельцев».

Это отдельно оговорить, безусловно, является необходимым, именно в тех выражениях: «предоставление прав неполной собственности». В комиссии еще прошло примечание. Относительно этого примечания я получил заявление, что оно отвергнуто по отделам, а в комиссии оно прошло.

Теперь о карачаевском народе: «Недра и леса, принадлежащие карачаевскому народу в пределах старой территории, указанные в прокламации графа Евдокимова от 19 февраля 1862 года, остаются в пользовании и распоряжении этого народа».

Теперь дальше — о городах. Они являются нашим умственным центром, им должно принадлежать огромное будущее, они должны быть вожаками нашей культурной и экономической жизни. При обсуждении вопроса комиссия стала на ту точку зрения, что, во всяком случае, у городов в той или иной степени надо отмежевать то, что они получили и что им принадлежит по праву собственности, а поэтому была предложена следующая формулировка: «Земли, отведенные городам и приобретенные ими, остаются в их распоряжении и пользовании». Но такая формулировка встретила возражения, и комиссия остановилась на редакции, предлагаемой статьей пятой настоящего земельного проекта: «Земли, принадлежащие городам, остаются в их распоряжении и пользовании».

Города оставляют за собою то, что определено грамотой и на что они получили право при своем возникновении и куда не включены те участки земли, которые каким-либо способом приобретались. Комиссия, в конечном счете, учитывая, что это наши культурные центры и что они являются местом жительства рабочего люда и чиновничьего, нашла, что нам небезразлично, в каких условиях будут находиться города в отношении построек и квартир. Это небезразлично нам, жителям станиц, которые добывают сельскохозяйственные продукты, потому что оплата труда, в конечном счете, будет производиться нами, и если квартирные условия будут невозможны, то это отразится на нас. Поэтому все должны будут согласиться с этой формулировкой, в которой экономически мы заинтересованы, что не так видно на первый взгляд.

Когда мы сегодня говорим отдельно о категории отчуждаемых участков, то самым интересным моментом в этом отделе является еще заранее сделанное заявление о том, что в собственных наших интересах мы не можем стать на точку зрения отчуждения безусловно всего, несмотря на то, что представляют из себя эти участки в количественном отношении. Следующая статья, седьмая, уже говорит о том, что отчуждению не подлежат участки высококультурного экономического значения для целого края, потому что в существовании такой категории участков мы все заинтересованы самым кровным образом и потому что все эти участки должны внести улучшение в сельскохозяйственную культуру, а если мы прямым образом не будем получать пользы, то это не значит, что в таких условиях они будут существовать безвыгодно для каждого из нас, сидящего в этой зале. Статья говорит следующее: «Земельные участки с высококультурными хозяйствами, имеющие общекраевое культурно-экономическое значение

(сады, древесные питомники, заводы: конские, племенного скота, сахарные, крахмальные и другие; семенные хозяйства, опытные и показательные поля, станции культуры разных лекарственных и других растений), остаются их настоящим владельцам для дальнейшего пользования, под непосредственным контролем краевой власти. Да не смущаются сердца ваши, что здесь не указаны размеры культурных участков: они будут в тех пределах, которые установят представители краевой власти и которые непосредственно будут за этим следить. Тут высказывалось опасение членами комиссии, чтобы не попасть впросак, поскольку под видом развода племенного скота в широких размерах возможны злоупотребления; под этим флагом будут удерживаться большие участки земли. Но этим опасениям не должно быть места, потому что контрольная власть имеет аппарат научный, который должен выделить для каждого вида, для каждой категории культур племенного скота соответствующие участки. Да не смущаются сердца ваши тем, что мы отвергли в предложенном вопросе обложение этих участков в пользу краевой казны. Почему? Да потому что обнаружено маленькое непонимание значения этих мелких культурных участков для всего края. Не надо создавать таких условий, чтобы было возможно скупать в одни руки несколько таких участков, но я полагаю, что развитие мелких культурных участков было бы сильным и богатым средством для процветания нашего края. Между тем обложение таких участков затрудняло бы ведение на них хозяйств.

Ст. 6-я говорит, что отчуждается большая известная категория земель. Обсуждение этой статьи вызвало наибольшее количество дебатов, главным образом по вопросу, с какого момента должно последовать это отчуждение. Мы сочли своей обязанностью в этом отношении стать на точку зрения, формулированную краевой Радой декабрьского созыва 17 года, где указывалось, что юридический момент должен быть 1-е января 1918 года. Но надо различать момент юридический от момента фактического отчуждения. В этом отношении предлагалось несколько сроков, и в конечном счете, по многим соображениям, все предлагавшиеся сроки были отвергнуты, и комиссия стала на точку зрения, что моментом фактического отчуждения должен быть срок утверждения этого законопроекта краевой Радой. За срок 1-е сентября этого года говорят чисто формальные соображения, заставляющие стать на точку зрения поддержания той власти, которая была выдвинута нами, т. е. краевого правительства, потому что правительство 8 октября издало распоряжение, которым, в видах урегулирования взаимных отношений, надо было настоящим хозяевам сказать, что вы пока распоряжайтесь. Но это «пока» значит, что распоряжение участками касалось времени текущего сельскохозяйственного года; другими словами, это значит, что, стоя только на формальной точке зрения, закон не имеет обратного действия. Мы в комиссии после всестороннего обсуждения должны были допустить такую формулировку. Конечно, воля ваша принять ее или отвергнуть. Было предложено, чтобы фактическим моментом отчуждения считать сентябрь 1919 года. Должен сказать, что были предложены и другие сроки, и на них настаивали некоторые члены комиссии. Почему? Потому что всем нам говорит историческая практика наших личных переживаний, что реально весь народ понимает блага революции, блага завоеваний, когда он, наконец, начинает органически ощущать, что вот он является хозяином того, из-за чего так много ломали

копий, из-за чего так много пролито крови. Ведь сейчас напряжение народное достигло максимума. Если мы в такой момент высшего напряжения ожиданий — «а как же земельный вопрос разрешится в Раде?» — если мы допустим такое постановление, что фактически отчуждение будет считаться 1 сентября 19-го года, то, поверьте, на этой почве возможно будет охлаждение народного самосознания, хотя это охлаждение будет результатом неполного учитывания тех трудностей, которые связаны с проведением этого вопроса в жизнь. Но трудности — одно, а строительство и цельность убеждений народа — это другое. Это то, что является слишком большим фактором, с которым мы должны считаться. Учитывая эти соображения, комиссия отвергла предложение о 1 сентября 19 года, хотя, быть может, здесь среди ораторов найдутся такие, которые будут гордо доказывать, что это целесообразнее будет для выполнения этого законопроекта и необходимо согласиться с этим сроком. Но комиссией единогласно этот срок был отвергнут. Статья получила такую формулировку: «Юридическим моментом перехода отчуждаемой в краевой фонд земли, на основании постановления Кубанской краевой Рады 21-го декабря 1917 года, признается 1-е января 1918 года, днем же фактического перехода считать 1-е сентября 1919 года». Дальше идет примечание: «Бывшие владельцы за пользование землею, с момента принятия этого закона и опубликования его Кубанской краевой Радой по день фактического перехода этих земель в кубанский краевой земельный фонд, уплачивают в доход Кубанского края среднюю арендную плату».

Ст. 8-я ограничивает права отчуждения по отношению тех участков, которые, хотя и не имеют высококультурного значения для края, но все-таки, раз в эти участки вложен труд человека, то, безусловно, они не могут подлежать отчуждению или переделу. Взять, срубить и переделать! Никакая комиссия не могла стать на эту точку зрения уничтожения труда человеческого. И вот, приняв это соображение во внимание, ст. 8-я гласит следующее: «Земли под усадьбами, садами, виноградниками и торгово-промышленными предприятиями, а также земли мелких владельцев, имеющих землю в пределах установленной для края земельной нормы, остаются в распоряжении и пользовании их настоящих владельцев».

Во всех статьях, которые говорят об отчуждении, имелась в виду главным образом поверхность земли. Нельзя умолчать о том, кому же принадлежат недра, этот источник благосостояния Кубанского края в будущем.

Ст. 9-я: «Все недра, надземные богатства, воды, имеющие общекраевое значение, а также все леса, отчуждаемые в краевой земельный фонд, переходят в непосредственное владение и распоряжение краевой власти».

Раздел 3-й является, собственно, в отношении принципа отчуждения самым животрепещущим вопросом. В разделе 3-м, ст. 10, мы должны сказать, оправдаются ли чаяния народные, или, по тем или другим соображениям, может быть, высокого свойства, эти чаяния народа не будут приняты во внимание. Я говорю о том, каков должен быть принцип платного или бесплатного отчуждения. Что касается некоторых категорий земель, то в самосознании общества совершенно не возникает мысли, что они должны быть отчуждены за плату. Сюда относятся земли церковные, охотничьи и т. д. Что касается земель частновладельческих, то здесь стал вопрос во всей глубине — как

отчуждать, чтобы это было со всех точек зрения неподкупно и чтобы это, безусловно, удовлетворяло большинство народных масс, которые в чаянии этого момента слишком много переболели, слишком много пролили крови. Министр земледелия в своем докладе, говоря об этом моменте, сказал, что 500 тысяч десятин служат немалым предлогом для войны с большевиками и что вознаграждение за выкуп этой земли даже по высокой рыночной цене составит 3—4 миллиарда. Сопоставляя эти заявления, можно, пожалуй, в первый момент подумать, что, и в самом деле, из-за чего лить кровь — лучше, чтобы не было разговоров, выплатить эти деньги, да и баста. Но комиссия ни в коем случае не могла стать на эту точку зрения, и вот по каким соображениям. Вот эти погибающие вдовы и сироты, все пострадавшие от войны, для нас должны являться мотивом, в силу которого мы должны сказать, что должны землю взять бесплатно, потому что в противном случае в самосознании народа вдовы, матери и сироты окажутся обманутыми в своих чаяниях и надеждах. Значит, мы игнорировать эту сторону самосознания народа ни в коем случае не можем. Предлагалось в этом параграфе стать на точку зрения если не выкупа, то справедливой оценки — это та точка зрения, которая поддерживалась сильными политическими партиями. Потом предлагалось принять постановление хотя бы в духе Донского войскового круга, т. е. выкупать по крепостным актам, по той цене, которая была заплачена по крепостным документам. Комиссия рассмотрела это предложение со всех сторон и нашла, что это — половинчатость, и она ни в коем случае не удовлетворит тех, у которых землю взяли, потому что в таком случае цена земли по крепостным документам, принимая во внимание теперешний курс рубля, будет нечто вроде подачки. Значит, психологически это не может быть допущено, и самосознание народа будет обмануто в своих ожиданиях. Нам приводились цифровые данные, из которых видно, что это не так дорого стоит, потому что, как указал министр земледелия, речь идет о полумиллионе десятин, которые мы должны взять платно или бесплатно. Если стать на точку зрения выкупа по крепостным документам и подсчитать среднюю арендную стоимость десятины за прошлые годы, то получается следующая плата: по Екатеринодарскому отделу в 1875 году средняя арендная стоимость десятины равнялась шести рублям, в 1916 г. — 293 руб., следовательно, средняя за весь этот период колеблется между 75—100 рублями. В таком же приблизительно соотношении находятся арендные цены на землю и по другим отделам.

И вот мы все-таки посмотрели с такой точки зрения: за что платить? Мы рассмотрели этот вопрос и нашли, что если зачастую стоимость по крепостному документу уже покрыта раз десять арендной средней ценой с земли, то мы, принимая во внимание, что психологического удовлетворения не будет в этом случае; принимая во внимание, что сознание народа будет не на нашей стороне; принимая во внимание, что экономической эксплуатации с нашей стороны и экспроприации тоже не будет, потому что земля уже давным-давно оплачена, — постановили, что в этом случае, если даже земля куплена, но, раз в процессе пользования средней арендной ценой она уже отработала себя, то в таком случае, конечно, мы платить из краевой казны не будем. Если же окажется, что средней арендной ценой стоимость купленной земли не выручена, то краевая казна должна выплатить.

Нами было рассмотрено и такое положение: иногда бывает, и довольно часто, что земля находится в залоге. В этом случае комиссия принципиально стала на ту точку зрения, что все залоговые обязательства, которые лежат на земле, безусловно, должна принять на себя краевая казна. Почему? Да потому что если мы иную точку зрения будем исповедовать, то она грозит крупными недоразумениями, потому что зачастую эти земли заложены в заграничных банках. Даже если эти земли заложены и в наших банках, которые представляют хранилище скудных сбережений, может быть, каждого здесь сидящего — при таком методе отчуждения, безусловно, вместо известного успокоения мы внесем в самосознание народа нежелательную ноту. И вот, принимая во внимание такие соображения, статья 10 раздела 3-го говорит: «Земли высочайше пожалованные, отведенные за службу, охотничьи, полученные по дарственным, по праву наследства и, вообще, перешедшие безвозмездными способами: монастырские, церковные, причтовые — отчуждаются в краевой земельный фонд без выкупа, земли же, приобретенные покупкой, отчуждаются с возвратом владельцу не покрытой доходами покупной стоимости, обозначенной в крепостном документе. За основание для определения полученных с земли доходов принимается существовавшая в данной местности средняя арендная плата за все время нахождения земельного участка в пользовании владельца».

Статья 11 предусматривает следующие случаи. В тот момент, когда крупные землевладельцы увидели, что революция, безусловно, коснется их земель, когда в воздухе, безусловно, реяла мысль, что земли должны быть отчуждены, — эта люди, будучи мудрыми политиками, зная, что отчуждение не может коснуться известных минимальных участков, так называемой трудовой или потребительной нормы, направили всю политику к тому, чтобы крупные участки распылить в мелкие и, таким образом, под тем или иным флагом избежать фактического отобрания больших участков земли из своих рук. Эта статья, имея в виду указанное положение, формулирована таким образом: «Всякие сделки об установлении или переходе права собственности, залога или иного вещного права на все частновладельческие земли Кубанского края с момента принятия сего закона воспрещаются, сделки же, совершенные после 1-го марта 1917 года без разрешения Министерства земледелия бывшего российского правительства и Кубанского краевого правительства, признаются недействительными».

При отчуждении мы встречаемся с таким положением, что производство тех или других мелиоративных улучшений в одном случае в известной степени может быть оправдано в процессе пользования этих участков, а в иных не оправдано. И вот комиссия после всестороннего обсуждения стала на ту точку зрения, что эти улучшения, направленные на поднятие интенсивности данного хозяйства, могут быть оплачены из краевой казны, если они в процессе пользования еще не использованы. Безусловно, это работа большая, требует фактического осмотра на местах и требует специалистов, но если бы мы стали на другую точку зрения, то это грозило бы крупными расходами для краевой казны. И вот, принимая во внимание все это, мы сформулировали следующую — 12-ю — статью таким образом: «Владельцы отчуждаемых земель пользуются правом на получение стоимости произведенных ими на землях хозяйственных и земельных улучшений, построек, колодцев, прудов, мостов и пр., поскольку они не ис-

пользованы; причем размер стоимости устанавливается на основании документальных данных и путем осмотра на месте».

Статья 13 говорит о том, что все лежащие на отчуждаемых частновладельческих землях залоговые обязательства погашаются из краевых средств.

Статья 14 устанавливает, что лицо, участок которого отчуждается, все же не лишено возможности близкой связи с землей. Оно может, если пожелает, остаться в качестве пользующегося минимальным участком соответственно установленной норме, которая вырезывается из земель, принадлежащих этому лицу. Формулирована статья эта таким образом: «Бывшим собственникам земли, изъявившим желание обрабатывать ее, оставляется из принадлежащей им земли площадь в размере установленной законом нормы».

Статья 15 говорит о том, в каком положении должны остаться вдовы, сироты и вообще неспособные, по своему возрасту преклонному или малолетству, прожить без отчуждаемых участков. Комиссия, безусловно, должна была стать на ту точку зрения, что за борт жизненный они выброшены быть не могут, потому что не они, так сказать, виноваты, а история, что они оказались неприспособленными к труду. Во многих случаях они жили на аренду, получаемую с земель, и, следовательно, нужно дать им возможность стать на ноги, дать им возможность научиться добывать средства к существованию иным путем, нежели жить только на арендную плату. Таким образом, принимая во внимание соображения морального свойства, мы должны были стать на точку зрения помощи лицам, которые окажутся совершенно без всяких средств к существованию при условии отчуждения их земель. И вот статья 15-я гласит следующее: «Владельцы безвозмездно отчуждаемых земель, а также их вдовы и сироты, которые по своему возрасту или состоянию здоровья не могут добывать средств к жизни личным трудом и не имеют других источников, кроме бывшего дохода с земли, получают пособие из краевой казны в установленном законом размере».

Раздел четвертый говорит о том, кого же мы должны наделять землей. Этот раздел мне представляется самым сложным при практическом проведении этой реформы в жизнь. Безусловно, в то короткое время, которое, в конечном счете, имеет краевая Рада в своем распоряжении для рассмотрения всех законопроектов, несмотря на сложность вопросов, мы лишены возможности так подробно изложить этот раздел, чтобы каждый из нас на все отдельные случаи, по поводу которых ему дома будут заданы вопросы, мог ответить более или менее удовлетворительно. Здесь мы только этим законопроектом намечаем путь, в каком направлении должна идти Законодательная Рада.

Статья 16 гласит: «За счет кубанского краевого земельного фонда удовлетворяются землею в первую очередь малоземельные казаки, горцы и коренные крестьяне края, которые не принимали активного участия в большевизме».

Статья 17 гласит: «Все отчужденные земли, выделенные из юртов и не пополненные дополнительными наделами, возвращаются тем же юртам обратно».

Статья последняя, которая именно собой суммирует всю недостаточность статей и разделов этого законопроекта, говорит, что направление указано, а дальше надежды только на Законодательную Раду. Она говорит: «Подробная разработка порядка отчуждения земель, указанных в разделе 2 и 3, установление земельной нормы и вообще

распределение земельного фонда возлагается на кубанскую Законодательную Раду с условием представить подробно разработанные законопроекты краевой Раде с таким расчетом, чтобы новый сельскохозяйственный 1919—1920 год проходил на новых, установленных законопроектами условиях».

В момент рассмотрения этого законопроекта члены комиссий получили уведомление о том, что землевладельцы — теперь можно сказать, бывшие землевладельцы — согласно постановлению краевой Рады в декабре 1917 года, почувствовав, что дни фактического владения землею сочтены, решили использовать принадлежащие им участки после этого постановления возможно шире. Члены комиссии получили заявление, что в станицах Казанской, Варениковской неимоверным образом истребляются лесные площади. Согласно этому заявлению комиссия приняла кроме этого законопроекта еще постановление, которое в известной степени гарантирует эти земли от хищнического обесценивания: «Ввиду наблюдающихся случаев усиленной вырубки лесов на частновладельческих землях Чрезвычайная Рада Кубанского края постановила: воспретить вырубку леса на указанных землях без соответствующего разрешения на то правительства».

Заявление правительства было таково, что эти случаи уже имели место и что правительство по возможности боролось с подобными случаями. Но на усмотрение краевой власти как таковой такие факты обесценивания, безусловно, должны быть представлены. И вот, заканчивая доклад проекта, принятого в комиссии, я бы напомнил следующее; земельный вопрос именно является таким вопросом, который в понимании населения является реальным в достижении всех тех благ, о которых именно возвестила революция. В его понимании этот реальный факт пользования землею является существенным. Если тут ораторы указывали, что необходимо чувствовать границу, чтобы быть патриотом, то я бы сказал для тех, кто нас послал, что необходимо дать почувствовать, что верховный суверенитет именно принадлежит народу, и это можно дать почувствовать только проведением такого земельного проекта, который бы вполне согласовался с мировоззрением тех, кто нас послал. *(Аплодисменты.)*

Председатель. — Господа члены Рады! Кавказский отдел предлагает прения по данному докладу не открывать, передать на обсуждение проект в отдельские заседания, для чего в каждый отдел заблаговременно должно быть послано несколько экземпляров проекта. После обсуждения в отделах мы поставим этот законопроект на обсуждение в краевую Раду. Кто желает высказаться за это предложение?

Член Рады Аспидов. — Господа члены высокого собрания! На повестке сегодняшнего заседания Рады поставлен такой важный вопрос, как вопрос о рассмотрении земельного законопроекта. Я напомню слова, только что сказанные господином Омельченко. Он сказал: «Труден и тернист путь земельной реформы». Да, труден и тернист, особенно в нашем родном Кубанском крае. Этот вопрос — сложный и большой важности, этот вопрос отчуждения земель — самый больной вопрос; этот вопрос, быть может, и послужил причиной появления большевизма на Кубани; поэтому к толкованию его надо подходить осторожно, обдумав и предварительно взвесив все за и против. А мы подходим, даже не будучи знакомы с этим законопроектом, не обсудив предварительно его в отделах. Этот вопрос надо разрешить безболезненно, ибо от раз-

решения его зависит будущее благополучие и благоденствие трудящихся масс края. Лабинский отдел взвесил все это и пришел к заключению внести такое предложение: «Земельный законопроект снять с повестки сегодняшнего пленарного заседания и передать в отделы для предварительного и подробного обсуждения. Отдел просит президиум Рады в спешном порядке отпечатать законопроект и раздать на руки, чтобы все были в курсе дела». Я прошу другие отделы поддержать это предложение.

Председатель. — Предложение совершенно совпадает с предложением Кавказского отдела. Желает ли говорить кто против? *(«Нет».)* Голосую. Прошу согласных с предложением Лабинского и Кавказского отделов поднять руки. Прошу несогласных. Один. Таким образом, согласно вашему решению мы будем просить президиум, только не Рады, а комиссии, размножить этот законопроект, раздать всем членам Рады и после того, как он будет обсужден в отделах, поставить на обсуждение краевой Рады. Завтра нами будет поставлен на повестку дня вопрос об управлении краем. На сегодня у меня вопросов нет. *(Голос с места: «А когда выборы в комиссию по соглашению с Добровольческой армией?»)*

Председатель. — Можно будет сделать перерыв или отложить до завтра. *(Голоса: «Сейчас».)* Тогда я объявляю перерыв на 10 минут.

После перерыва.

Председатель. — Ко мне поступили от Баталпашинского отдела записки; многие отделы заявляют, что вечером произведут выборы. Я прошу к завтрашнему утру представить записки обязательно. Предоставляется слово для внеочередного заявления члену Рады полковнику Шкуро.

Полковник Шкуро. — Господа члены Рады! До сих пор я не выступал перед вами, так как прислушивался к тому, чего же хочет казачество, к чему оно стремится, каковы его идеалы. Теперь я уже уяснил себе все, а потому и прошу слова.

Прежде всего я должен честно и открыто заявить, что все нехорошие сплетни и разговоры о каком-то якобы готовящемся выступлении строевых и казачьих частей ни на чем не основаны и не соответствуют истине. Я заявляю, что ни я, ни чины вверенной мне дивизии не могут совершить никакого акта, могущего скомпрометировать нас, казаков, не только в глазах казачества, но и в глазах Добровольческой армии и союзников, но должен также сказать, что «нет дыма без огня». Безусловно, эти толки и разговоры основаны на недовольстве и брожении, которое глухо растет среди строевого казачества, а также среди лиц высшего и низшего командования. И я, как один из старших начальников, вынужден выступить перед вами и постараться вам осветить и высказать свои тревоги и опасения, которые не позволяют нам там, на фронте, спокойно продолжать защищать Кубань, защищать вас и идти дальше по пути освобождения нашей исстрадавшейся, истерзанной Родины — России.

Я попрошу вас обернуться несколько назад. Год тому была написана резолюция о строительстве Русского государства. Были пожелания, были красивые мечты о мире всего мира. Было то, что мы видим и слышим здесь. И что же вышло из того, что казалось таким приемлемым, верным и непогрешимым? А вышло то, что ни одна резолюция, ни одно постановление не прошло в жизнь, а создатели и творцы этих резолюций бежали в чужие страны.

Мы перенесли тяжкое бедствие гражданской войны, все пожелания повисли в воздухе, и край остался без власти. Не прошло еще года, как опасность, казалось, миновала, но мы уже забыли уроки прошлого и снова вспомнили, что в русском языке — до 80 тысяч слов, и стараемся говорить, не наладивши жизни у себя; опять выносим резолюции, а порядка в станицах нет. Вдовы и сироты погибших голодают, а школы и хаты станичные стоят без крыш и без окон; станичные учителя распродают старые юбки своих жен *(Голоса: «Правильно».)*, ибо многие из них уже несколько месяцев не получают содержание. *(Аплодисменты.)* А внутри у нас на каждом базаре, в каждой лавчонке, на каждой площади можно услышать разговоры о том, что вот придут большевики, придут «товарищи» и вырежут всех казаков.

Об этом везде громко говорят, щелкая семечки. Прав был главнокомандующий генерал Деникин, когда говорил, что идет последний, девятый вал, и этот вал — мощный, он потребует напряжения всех наших сил, иначе сотрет нас с лица земли. Вы знаете, что с Терека тучи сгустились и идут к нам, Ставропольская губерния еще сопротивляется, до сих пор не сломлена; на Дону и на Украине всеобщий пожар. Много трупов еще ляжет, много крови мы прольем, прежде чем те или иные резолюции пройдут в жизнь и прежде чем они дадут нам долгожданный мир и покой. А что если эти разговоры приведут нас к тому, что было год тому назад? Когда в доме пожар, то стульев не расставляют, а тушат пожар. Вы должны знать, что пожар есть, в восточном углу нашей области еще льется кровь, еще разрушаются станицы и гибнет добро, нажитое десятилетиями. И вот потому что опасность близка, она здесь, у нас, у наших ворот, я, как кубанский казак станицы Пашковской, как горячо любящий «свий ридний» край и как один из старших начальников кубанских казаков, скажу, что не могу по чести и совести допустить, чтобы отношения наши с Добровольческой армией портились и даже, может быть, рвались. Ибо везде и всюду, на всех перекрестках кричат о каком-то, быть может, пока не существующем конфликте, разрыве и т. д. Я понимаю ваши идеалы, ваши стремления к красивой и вольной жизни и в то же время не допускаю мысли, что заслуги кубанского казачества могут забыться; я верю, что мы, кубанские казаки, и вы, наши верные друзья — горцы, должны занимать первое, самое почетное место в Российском государстве. *(Аплодисменты.)*, тому порукой — потоки нашей крови, тысячи трупов наших лучших детей и честная кровь лучших сынов России, Добровольческой армии, пролитая на полях Кубани за нас, кубанцев, и во имя общей идеи воссоздания единой России. *(Аплодисменты.)* Эта связь, эта кровная связь на поле брани — крепче всех разговоров, договоров и слов; это забыться не может, не должно забыться и не забудется, а потому всякие решения, могущие вызвать хотя бы тень недоверия друг к другу, недопустимы. Эти трения волнуют фронт, они мешают нам драться там и могут привести и к развалу армии, который неминуемо приведет нас к еще большему злу, к еще большим бедствиям, чем те, которые мы видели от большевизма. Боясь грядущих страшных бедствий, я прошу вас, господа члены Рады, отнеситесь серьезно и вдумчиво к предложению председателя правительства о создании согласительной комиссии. Знайте, что если Добровольческая армия уйдет от нас, то мы одни погибнем. Я вел 10 тысяч казаков за собой, безоружных, с одними палками в руках, но с верой и надеждой скоро соединиться с Добровольческой армией, где есть

опыт, знание и сила веры. Часто мы даже не знали, куда нам нужно идти, мы тысячу раз были на краю гибели, но эта вера в Добровольческую армию спасла не одну тысячу казачьих жизней. И теперь, именно теперь, когда пришли союзники и громко сказали, что они верят Добровольческой армии, что они считают только ее носительницей государственного правопорядка, именно теперь мы должны доверить все свои силы мудрому командованию верховного главнокомандующего Русской армии генерала Деникина. *(Аплодисменты.)* Должны честно и открыто и во что бы то ни стало, путем взаимных уступок прийти к одному общему решению, чтобы вместе, руку об руку, идти к великой цели воссоздания великой единой России. И вот в этот торжественный момент необходимости братского единения с Добровольческой армией мы должны сказать всем, кто преследует свои узкие партийные цели, мы должны им сказать: уходите от нас, не разрушайте дела создания Кубани, не расстраивайте армию, ибо вы и Кубань спаслись не словами, а потоками крови, силой оружия. Да здравствует навеки вольная Кубань, да здравствует единая Русская армия с ее верховным вождем генералом Деникиным, да здравствует единая Россия! *(Гром аплодисментов.)*

Председатель. — Объявляю заседание закрытым. Следующее заседание завтра в 10 часов утра.

Заседание закрыто в 1 час 30 минут дня.

Стенографический отчет 16-го заседания Чрезвычайной Рады Кубанского края 17 ноября 1918 года.

Заседание открыто в 10 часов 40 минут утра председателем Н. С. Рябоволом.

Председатель. — Заседание возобновляется. Господа члены Рады! Прошу подать списки членов согласительной комиссии для обсуждения вопросов, касающихся Чрезвычайной Рады и Добровольческой армии. От Екатеринодарского и Лабинского отделов списки уже поданы. Прошу остальные отделы подать списки.

Секретарь оглашает списки членов согласительной комиссии:

От Екатеринодарского отдела: Манжула С. Ф. и Долгополов Н. С.

От Таманского отдела: Перебийнис П. А. и Белашев Л. В.

От Лабинского отдела: Скобцов Д. Е. и Траценко М. А.

От Баталпашинского отдела: Баранов М. Т. и Пучкин П. П.

От Майкопского отдела: Сушков Ф. С. и Коробьин Ю. А.

От Кавказского отдела: Воропинов Ф. К. и Кулабухов А. И.

От Ейского отдела: Макаренко И. Л. и полковник Роговец.

От горцев: Намитоков А. А. и Хубиев Х.

Председатель. — Возражений против кандидатов нет? *(«Нет».)* Прошу согласных с этим списком поднять руки. Большинство. Состав комиссии Радой утверждается. Слово для внеочередного заявления — представителю Всевеликого войска Донского генералу Ажинову. *(Аплодисменты.)*

Генерал Ажинов. — Господа представители Чрезвычайной краевой Рады! С того времени, когда распространился слух о возможности прибытия союзников, Донской фронт принял особенно серьезный характер. В то время к Дону уже начало проявляться особое внимание со стороны советской власти. На фронт прибыли Троцкий, Каменев и другие «главковерхи», и, между прочим, обсуждался вопрос, чтобы, пока еще союзники не прибыли и не имеют возможности помочь нам, воспользоваться этим обстоятельством и, сосредоточившись против Донского фронта, нанести сперва решительный удар нам, потом действовать и против «союзников-империалистов», как они говорили, а равно внести анархию на Украину. В это самое время туда должны были подойти подкрепления. Благодаря широко поставленной разведке удалось узнать, что на Дон посылается из Москвы масса агитаторов, чтобы внести смуту и разложение. За две недели было послано 60 тысяч подкреплений из лучших бойцов и около 60 орудий. Таким образом, на Донском фронте в последнее время, по точным сведениям, сосредоточилось 5 большевистских армий. И вот над Доном нависли мрачные тучи. Но тем не менее, как ни было тяжело в последнее время, даже в течение последних 12 дней на Дону были вполне успешные военные действия, выразившиеся в том, что за 10 дней было взято 9000 пленных. *(Аплодисменты.)* Положение было тяжелое, потому что противник был, несомненно, в превосходных силах. Приходилось прибегать к особым способам: устраивая в одних местах небольшие заслоны, пассивно отбивающиеся, сосредоточиваться в том направлении, откуда ожидался наиболее мощный удар. Нельзя скрывать, что некоторые части, принимавшие участие в таких операциях, страшно ослабели, особенно же конский состав, который через месяц выбьется из сил. Но в то же время имеются налицо и благоприятные результаты активных действий донцов. Я позволю себе поделиться с вами, господа представители Чрезвычайной краевой Рады родной нам Кубани, с которой мы связаны тысячью неразрывных нитей и кровным родством, той вестью, которая вчера получена от начальника штаба Всевеликого войска Донского полковника Полякова . Я уже говорил, что, по полученным сведениям от разведки — а разведка у нас поставлена очень хорошо, — готовится сильное наступление со стороны большевиков. Оказывается, что это наступление началось вчера. И вот позвольте прочитать следующую телеграмму, полученную по прямому проводу: «Сейчас на Северо-Донском фронте идет еще небывалое наступление большевиков: наступает 40 полков пехоты, 15—20 полков конницы с массой броневых машин. Наступление ведется сразу в шести направлениях. В полном составе девятая советская армия. Несмотря на упорство, наступление сломлено уже в четырех направлениях» *(Бурные аплодисменты.)*, в которых донцы преследуют отступающего в панике противника. Нами захвачены колоссальные трофеи, пока зарегистрировано 2 1/2 тысячи пленных, 15 орудий и масса военного снаряжения. *(Аплодисменты.)* Одним словом, можно утверждать, что девятой советской армии, действующей в Поворинском и Балашовском направлениях, донцами нанесено полное поражение. *(Бурные аплодисменты; крики «Ура!».)* Я рад поделиться с вами этой вестью, родные кубанцы, потому что с вами, повторяю, мы прошли весь крестный путь революции; у нас с вами одна душа, одно сердце, одни мысли и одни желания. Нами вместе пройден самый тяжелый путь; много было пролито крови за это время, и поэтому, как и раньше, мы болели вашими

неудачами, вашими горестями и печалями, и радовались вашими радостями, когда вы пошли неудержимым порывом от Тихорецкой. Верьте, что от верху до низу все ваши победы, победы Добровольческой армии, а вместе с тем и ваши, встречались у нас с удивительным восторгом. Я думаю, что то тяжелое прошлое, которое было у нас, отошло, и перед нами стоит светлое будущее, к которому мы стремимся одинаково; то светлое будущее, которое даст возможность опять выполнить нам ту роль, которую мы выполняем по отношению к России, и Россия должна быть признательна казакам за всю их трехсотлетнюю службу. И тогда мы построим чудное здание, и не только для себя, но главным образом для наших потомков. К постройке его нужно приступить с особой вдумчивостью и серьезностью. Как осмотрительный хозяин, приступающий к постройке дома, прежде чем думать о лепных украшениях, об орнаментах и роскошной обстановке, заботится о том, чтобы был заложен крепкий фундамент, прочное основание, чтобы ничто не угрожало как сооружаемому им зданию, так и тому, кто строит этот дом, — так и мы должны подумать о том, чтобы возвести сперва прочный фундамент нашей новой жизни. Горючие вещества, которые еще имеются в наличии, в виде той всюду проникающей большевистской язвы, должны быть уничтожены — это первое и главное, а затем уже мы приступим к возведению самого здания, в котором будет свобода, правда и братство. *(Аплодисменты.)*

Председатель. — Господа члены Рады! От имени президиума краевой Рады разрешите послать приветственную телеграмму атаману Всевеликого войска Донского по случаю одержанной донцами победы. *(Голоса: «Просим».)* Сейчас я объявляю перерыв на 10 минут и приглашаю членов согласительной комиссии собраться сюда, на эстраду.

После перерыва.

Председатель. — Заседание возобновляется. Слово принадлежит докладчику комиссии по самоуправлению, товарищу председателя краевой Рады Султану Шахим-Гирею.

Султан Шахим-Гирей. — Господа члены краевой Рады! Возможно, мой доклад не будет полным, возможно, что мой доклад будет страдать некоторыми дефектами, но все эти дефекты я прошу отнести не к вине комиссии, которая работала над составлением проекта положения об управлении Кубанским краем, а к моей. Я лично как докладчик, может быть, буду выражать мнение и делать выводы, которые не вполне, я подчеркиваю, сведены к определенным результатам путем определенного анализа. Затем я извиняюсь, что громко говорить не могу, так как несколько нездоров. Теперь я приступаю к докладу.

Господа члены краевой Рады! Наступает серьезный момент, когда вы, представители народа, должны будете разрешить вопросы, нормирующие и регулирующие взаимоотношения населения Кубани, когда вы должны будете сказать свое веское слово о том, что такое Кубань, что такое кубанское казачество, горцы, коренное население сел и городов Кубани. Но, прежде чем перейти к изложению самой конструкции, я бы сказал — системы управления Кубанью, считаю долгом сделать введение в смысле характеристики прошлого и настоящего нашего положения. Стремление наше по возможности выиграть время — это желание, с одной стороны, неблагоприятно отражается на

освещении того положения, которое мы выдвигаем, а, с другой — темные элементы, желающие нас спровоцировать, пользуются этим и делают выводы какие им угодно, а не те, какие хотели делать мы. Мы все знаем, что жизнь есть борьба, борьба за существование, борьба за идеал, борьба за существование тех или других принципов. Эта борьба выявляется с изменением человеческой жизни то в форме борьбы с оружием в руках, то в форме борьбы культурной. В этой борьбе участвует один элемент, который наиболее действует на нашу общественность, на душу отдельных лиц, и разлагает ее; это оружие, которым пользуются все люди недобросовестные, называется провокацией. И вот я хочу заявить здесь перед вами, что то, что будет мною сказано в отношении тех принципов, которые мы исповедуем, должно будет принято так, как мы понимаем, и должно исключить всякую возможность спровоцировать нас. С этой мыслью я приступаю к своему докладу.

Год тому назад Кубань приступила к устроению своей жизни. Были испытаны и испробованы все средства для того, чтобы не было разлада между населением и не было той острой борьбы, которая в то время намечалась в центре России. Принимались все меры к тому, чтобы предотвратить анархию, предотвратить движение большевиков сюда, на Кубань. Первые дни переворота Кубань встретила с радостью и ликованием. Первый областной съезд, который очень бережно и с уважением отнесся к прерогативам, привилегиям, к национальным бытовым особенностям населения Кубани, вместе с тем и очень осторожно обошел вопрос о земле. Мы говорили тогда, что не следует затрагивать земельного вопроса, ибо казачество и горцы владеют давно своими землями и нам отдельно разрешать эти вопросы — значит внести смуту в среду самого населения. Так говорил первый областной съезд; об этом говорило и Временное правительство, которое в своей декларации подчеркнуло, что хозяином земли Русской является Учредительное собрание. В дальнейшей стадии развития процесса русской революции мы видим борьбу вокруг Временного правительства из-за власти и за власть, мы видим коллегиальный состав правительства, мы видим коалиционное правительство. Делаются все попытки, чтобы успокоить взбудораженные умы населения, но Временное правительство, в конце концов, свергается большевиками. На Кубани в это время события шли своим чередом: областной съезд организовал областной комитет и совет 2-го июля. Совет распался благодаря тому, что две части населения друг друга не поняли: одна часть пошла слишком далеко в своих требованиях, нарушив заветы первого областного съезда не говорить о земельном вопросе и не затрагивать интересы казачества и горцев. В дальнейшем созывается краевая Рада, которая впервые рассматривает вопрос о том, что из себя должна представлять Кубань в будущей новой свободной России и что должно сделать теперь для того, чтобы внести успокоение в умы населения, сохранить порядок, мир и покой. Эта Рада говорит: «Россия должна быть федеративной республикой». Эта Рада сказала: «Для того чтобы охранять порядок, для того чтобы внести успокоение в крае, нужно организовать власть, новую власть, не единоличную, а власть, которая берет свои начала из самого народа». В результате образуется власть законодательная в лице Законодательной Рады, Кубанское правительство, выбранное самой Законодательной Радой, и во главе этой власти стоит атаман. По поводу атаманской власти были разные течения. Одни

рассматривали эту власть как символ монархической власти, другие, имевшие за собой историческое прошлое, рассматривали ее совершенно иначе. Как бы то ни было, история, руководящая своими законами, победила, и атаман, имеющий определенное, специфическое значение в глазах самого казачества, остается во главе края не только как представитель военной власти, но и как представитель краевой власти. Эта конструкция власти явилась у нас еще в прошлом году.

События шли одни за другими. Временное правительство менялось чуть ли не еженедельно в своем составе, «совдепия» работала вовсю. Мы видели, что Россия идет к гибели, что Россия, эта великая Россия, которая встретила с радостью и ликованием переворот, — эта великая Россия стала на скользкий путь борьбы между собой и что этот скользкий путь приведет к тому, что мы видим теперь, к ее полному разграблению. И тогда Кубань первая берет на себя смелость говорить об объединении юга. Предвидя те ужасы, которые уже начались на севере, предвидя, что взволновавшиеся волны с гранитных берегов Невы захлестнут и юг, мы сказали, что нужно, если не всю Россию, то сохранить юг и создать здесь силу. С этой целью мы приступили к организации Юго-Восточного союза. Правда, этот союз не показал своей реальной силы, не оказался жизненным, и многие говорят о том, что этот союз нужно сдать в историю, в архив. Возможно, и так, я не буду полемизировать с ними, однако спрошу их: кто же во всей России создал что-нибудь? Разве прекрасные идеалы не были растоптаны чернью, которая не знала идеалов и топтала безбожно все, что составляет святая святых всего человечества? Поэтому о том, что было сзади нас, и о тех мерах, которые принимались для предотвращения этого движения, мы будем говорить, но не будем их опорочивать. Скажем только одно: годы 17-й и 18-й — годы беспорядка, безначалия и анархии, и в этом виноваты не идеалы, а те, которые проводили их неумело.

Итак, Юго-Восточный союз действительно оказался нежизненным, потому что он был образован и организован слишком поздно. Этот союз ставил своей целью две задачи: одна заключалась в сохранении порядка и покоя на юго-востоке и борьбе с контрреволюцией и большевизмом, а другая задача — в объединении юга на принципе устроения будущей России на федеративных началах. Я присутствовал в тот момент, когда этот договор Юго-Восточного союза подписывал славный боевой генерал-демократ покойный Каледин. И я понял величие души Каледина, когда он на возражение одного из генералов русских ответил так: «Да, мы теперь не можем идти на север; нам нужно устроиться сначала на юге; устроение государства как автономной единицы — это вопрос будущего, но теперь мы должны заняться именно устроением жизни у себя на юге. Интересы казачества, — сказал он в заключение, — для меня дороже всего».

События развиваются быстро, большевики захватывают власть, большевики топчут все святое и хорошее, уничтожают веру в будущее России в людях, которые любили ее; они отнимают у них возможность работать в России и уничтожают не только все то, что дорого для отдельных лиц, но и для всего народа. Волна большевизма захлестывает Дон, а в дальнейшем и нашу дорогую тихую Кубань. В борьбе с ними принимают участие те лица, которые были избраны краевой Радой, то правительство, которое стояло во главе края, и атаман, первый выборный атаман. Они не желали уступить власти не потому, что хотели ее, а потому что вы — народ, хозяева края — ска-

зали: «Борьба с большевиками должна быть беспощадна». Со знаменем этим вышли правительство, Законодательная Рада и атаман из города Екатеринодара, с честью несли его по степям Дона и дебрям Кубани, принесли его сюда и вручили вам.

Много слов здесь раздается о том, что спасение Кубани заключается только в одном оружии. Можно для красивого слова сказать: «Не парламентскими речами спасена Кубань, а мечом», но позвольте мне сказать: «Не мечом устраивается судьба Кубани, а именно парламентским трудом». Меч служит только орудием, помогающим парламенту устраивать жизнь на тех началах, которые наиболее соответствуют требованиям национально-бытовых и других особенностей народа. Вся задача устроения государства именно заключается в гармоничном сочетании силы реальной — силы оружия — с силой общественной, с силой слова и дела. В этом заключается и борьба человечества. Германия погибла, потому что она послала только военные силы, штыки и шашки, а не послала людей, которые должны были сказать, что Германия стремится не к завоеваниям, а к творческой, созидательной работе. Творческая сила, созидательная работа — эта работа не военных: эта работа тех хлеборобов и граждан, которые не держат, правда, меча в руках, но претворяют в жизнь то, что завоевано оружием. В этом отношении кубанцы сумели сочетать, гармонировать силу оружия с силою слова самого народа, силой парламентарной; и доказательством этого может служить то, что вы, представители народа, сидите здесь и думаете великую думу о том, как устроить жизнь, спасти и создать единую свободную Россию.

Нас упрекают многие в том, что мы — федералисты, что мы во главу угла ставим федерацию, что мы стремимся к тому, чтобы будущая единая Россия была построена на федеративных началах. Я отвечаю им: «Господа, может быть, вы думаете иначе; может быть, ваши идеи, ваши убеждения очень ценны, дороги для вас; может быть, вы являетесь лучшими выразителями воли всей России, но мы, окраины, испытавшие, что такое централизация, мы впредь централизации власти допустить не можем». Нам говорят: «Вы отделяетесь, не признаете России, вы не желаете ее созидать, вы нарушаете общий принцип — единая Россия». Нет, мы не нарушаем этого принципа. Я должен напомнить, что мы, кубанцы, выражая желание возродить Россию на федеративных началах, не ставим во главу угла национально-культурные потребности, а исходим из территориальных начал и, оставляя за собой право на развитие своих природных богатств, мыслим себя как штат будущей России. Федерация не есть разъединение, а объединение. Я приведу вам слова английского общественного деятеля Грея, который говорит так: «Федерация ведет к объединению, а национализация ведет к разъединению». Не будем балансировать словами, а будем вникать в сущность самого дела, и тогда между нами недоразумений быть не может.

Что такое федерация? Считаю долгом дать определение. Федерация — это есть соединение отдельных самостоятельных, независимых друг от друга государственных образований в одно целое на началах договора, это есть договор союзных отношений, который, уже раз заключенный, не может быть нарушен, за который неустоек не платят в виде денег, ибо это делается в интересах общих.

Федерация ведет к децентрализации. В этом отношении — децентрализации власти — мы можем встретить противников не только среди слуг бывшего самодер-

жавного строя, но даже в среде социалистов, в среде социал-демократов. Но я заявляю с этой кафедры, что централизм, в каком бы виде он ни явился, для Кубани, с ее природными особенностями, безразличен одинаково. Кубань может быть им подавлена, но мы, кубанцы, никогда не пойдем на это. *(Аплодисменты.)* Мы, окраины, испытавшие все прелести центральной власти, мы должны говорить о децентрализации.

Децентрализация строится на двух началах: на национальных и территориальных. Старое государственное право необходимость федеративного устройства базировало на национальных признаках; жизнь показала, что это совсем не так, что национальные признаки не служат признаками именно для того, чтобы государство было построено на федеративных началах; например, в Бельгии живут фламандцы, валлоны — две национальности различные живут мирно, между тем там нет ни автономии, ни федерации. Но, с другой стороны, Бельгия — не великая мощная Россия, которая одним крылом упирается в Великий океан, а другим в Германию, одним крылом к Средиземному морю, а другим к Белому. Разница становится сразу понятной, что на таком пространстве, которое обнимает великая Россия, передать всю полноту власти центру нельзя, потому что эта центральная власть, при всех своих благих порывах и пожеланиях, все-таки не сумеет удовлетворить те нужды и потребности, которые испытывают окраины. Я сделаю маленькое сравнение. Вы видите, здесь горит электрический огонь, свет падает и более освещает сцену, чем те места, на которых вы сидите. Объясняется это тем, что мы находимся ближе к центру и освещаемся, а вы в стороне, вы — окраины по отношению к электрической лампочке, которая освещает лучше тех, которые ближе стоят к ней. Точно так же и власть центральная, она освещает лучше тех, кто к ней близко стоит, и не умышленно, а в силу существа своего положения — не может дать того света окраинам, который дает центру. Ясно, что окраины нуждаются в чем-то другом, они должны перенести на себя часть той власти, которая наиболее и лучше устраивает жизнь, иначе говоря, на окраины нужно перенести часть функций по управлению и по законодательству государства для осуществления их потребностей соответственно разнообразным местным условиям. Может быть, можно удивляться, если бы это говорили в Нижегородской губернии или в Тамбовской и сказали: «Мы — федералисты, и мы требуем, чтобы Россия была федеративной республикой». Возможно, там можно удивляться, но когда об этом говорят сыны седого Кавказа, сыны тихой Кубани, — я думаю, здесь нет места удивлению и нет места тому, что называется на обыкновенном языке провокацией или сепаратизмом. На Кубани сепаратизма нет, а есть желание устроить свою жизнь так, как это нужно для седого Кавказа, для тихой Кубани, для вольного Дона.

Кавказ имеет более, чем кто-либо, права на федеративный строй. Я сделаю краткий, незначительный, но по своему содержанию имеющий большое значение обзор исторического прошлого. Мы знаем, господа члены Рады, что Кавказ даже при самодержавии управлялся особым порядком: на Кавказе были наместники, которые обладали всею полнотою власти. Это объяснялось тем, что Кавказ по своим природным, этнографическим и географическим условиям значительно отличается от севера России, и тем, что Кавказ стоит в отдалении от центральной власти и не может быть удовлетворен в своих желаниях и потребностях, если на местах не будет хотя бы ви-

димости центральной власти в лице наместничества. А как называли горцы этого наместника — может быть, это вызовет смех, но я переведу вам правильно — горцы называли его «половина-царь». Оно по существу так и было. Чем же это объясняется? А объясняется это тем, что даже старая власть признавала, что Кавказу нужно что-то другое, что он должен управляться при других условиях, что его условия требуют установления особой власти, особых начал, которые удовлетворили бы местные потребности. И вот теперь, после переворота, мы, кубанцы, говорим: «Мы желаем видеть будущую Россию построенною на началах федеративных», и, конечно, это не должно смущать сердце тех централистов справа и тех социал-демократов меньшевиков слева. И тем и другим мы должны сказать: «Ваши идеи — это одно, а жизненные потребности — это дело другое; мы не партия, а народ, население, и мы находим, что наше устроение ведет к тому, что мы будем обеспечены в своих правах и создадим будущую единую Россию».

Я отметил те причины и те мотивы, которые заставляют нас быть федералистами. Далее: 25-го октября 1917 года власть в Центральной России была захвачена большевиками. Власть «совнаркомов» была утверждена, и Временное правительство исчезло как дым; мы остались предоставленными самим себе. Вам, членам Рады, конечно, неизвестно о тех перипетиях борьбы, которую приходилось нам вести.

Вам не было здесь сказано ни в одном докладе о том, входим ли мы, кубанцы, в состав Советской федеративной республики или нет, а я вам сообщаю: когда мы прибыли в Киев во главе с председателем краевой Рады Рябоволом, мы как раз прибыли в момент мирной конференции «совдепа» с представителями Украины, и советская власть в лице председателя советской делегации Раковского заявила Украине, что Кубань входит в ее состав и поэтому все те, которые заявили мир с Советской республикой, конечно, должны были подчиниться всем вытекающим из мира последствиям, и для Кубани не могли дать того, что нужно было, то есть помощи. Мы, когда узнали об этом, подали меморандум и заявили, что никогда Кубань не признавала советской власти, что мы с нею ведем борьбу и что мы до момента укрепления советской власти в центре России объявили себя свободными, независимыми, а посему просим мирную конференцию при определении границ Кубани принять во внимание положение наше на Кубани. Это имело большие последствия. Из-за этого Раковский послал телеграмму в Екатеринодар, где состоялся съезд, который объявил нас преступниками, изменниками, стоящими вне закона, самозванцами, называющими себя кубанцами. Теперь мы видим, были ли мы самозванцами или вашими представителями, которые отстаивали интересы Кубани. *(Аплодисменты.)* Я это говорю для того, чтобы указать вам, что в вашей жизни настоящей, когда мы видим, что над нашими головами висит, как дамоклов меч, всякая неожиданность, мы должны быть особенно объединенными, и на тех именно началах, которые наиболее нас сближают. По нашему мнению, это начало — провозглашение принципа федеративного устройства будущей России.

Пойдемте далее. Когда мы подходим к вопросу о том, какова должна быть Россия, мы говорим: Россия должна быть федеративной; когда же мы подходим к вопросу о том, какова же должна быть Кубань в настоящее время, мы говорим: Кубань должна быть самостоятельной, Кубань должна самоопределиться. Как будто здесь кроется

какое-то противоречие; ведь федерация — соединение, ведет к объединению, а вы, говорят, в то же время объявляете себя самостоятельными? Возмущению нет конца! Возмущается тот, кто не понимает, и возмущается тот, кто понимает, но желает спровоцировать. Мы последними оставили фронт, последними явились сюда, на Кубань, и первыми восстали против анархии, и заподозрить нас никто не имеет права. А если мы сейчас говорим, что перенесем всю полноту власти на себя, это объясняется силою обстоятельств, силою вещей, чтобы на всякий случай гарантировать себя от «совдепии» или от тех, кто на ее место явится, в том случае если эта власть будет для нас неприемлема. Мы на себя переносим всю полноту власти еще и потому, что если Кубань желает быть самостоятельной, если она желает, чтобы никто над ней не владычествовал, пока не создастся единая мощная свободная России, то она должна и обязана это сделать, ибо, не сделав этого, она не сможет внести ни порядка, ни тишины, ни развить культуры в своем крае. Автономия может быть, но она может быть создана от центра к периферии, а не от периферии к центру. Для того чтобы нам объявить, что мы управляемся на автономных началах, мы должны решить другой вопрос — где есть такая власть, к которой мы присоединимся, где та всероссийская власть, которая могла бы нами управлять? Об автономии говорить не приходится и нельзя, ибо автономно можно войти в центр, так как сам центр создает автономию, а раз нет центральной власти, то в настоящее время не может быть и слов об автономии и о том, что мы, кубанцы, должны управляться на автономных началах. Мы вынуждены принять на себя — во имя интересов Кубани, во имя воссоединения великой России на федеративных началах — мы вынуждены принять на себя всю полноту государственной власти, ибо иначе нас затопчут, иначе мы можем стать «жертвой вечерней».

Объявляя о том, что Кубань должна принять на себя всю полноту власти и что будущая Россия должна быть федеративной республикой, комиссия по самоуправлению приступила к рассмотрению проекта конституции, представленного нам правительством. У каждого из вас имеется на руках проект конституции, и, по всей вероятности, вы, члены Рады, уже видите, что изменений особенных в конституции нет; что все то, что было в прежней конституции, осталось в том же виде, разве только внесены некоторые дополнения и изменения, носящие частный характер, или, вернее, более точно и определенно выражающие смысл той конституции, которая у нас была. Мы, кубанцы, никогда не стремились к отделению от России. Мы, кубанцы, молчавшие до последнего момента, молчавшие до падения царской власти и не выявлявшие свою физиономию, мы теперь заявили, что берем всю полноту власти на себя. Соответственно этому разработана и конституция. Вы помните, как я был настойчив в вопросе о том, чтобы вы сказали, кто вы, и как мне хотелось, чтобы вы сказали, а не комиссия. В заседании 11 ноября вы сами определенно выразили свое отношение к краю, и ваше решение послужило фундаментом, на котором создается строительство будущего здания Кубани. Да благословит же нас Господь на этом пути!

В основу нашей конституции легла не единоличная власть милостью Божией, а народная власть, иначе говоря, народоправство. В этой конституции мы старались провести принципы парламентаризма. Возможно, что при строгой критике эта конституция встретит много возражений, может быть, найдутся дефекты в этой конституции,

но, господа члены Рады, да будет нам, вершащим будущие судьбы Кубани, известно, что мы живем в такой момент, про который можно сказать, что мы находимся «между Сциллой и Харибдой», и создавать сейчас стройную конституцию не приходится, а приходится ограничиться тем, что необходимо по моменту, по времени для того, чтобы на Кубани была построена власть, могущая урегулировать взаимоотношения граждан, создать порядок и спокойствие и повести Кубань по пути культурного развития.

Председатель. — Объявляю перерыв на 10 минут.

После перерыва.

Султан Шахим-Гирей. — Господа члены Рады! Я остановился на схеме построения власти, на той идее, которая положена в основание конституции, или, как мы скромно называем, «положения», которые должны гарантировать жизнь Кубани и направлять тихую Кубань по руслу, направить жизнь ее так, чтобы население Кубани не чувствовало себя сиротой и не знало над собой никакой опеки, чтобы жизнь Кубани была построена на тех началах, на которых она живет уже в течение года. Мы не революцию совершаем, мы не отвлекаем себя от внешнего мира, но мы говорим, что по складу, по привычке, которая выработалась у нашего народа на Кубани, мы отстаиваем принцип, которым на Кубани всегда руководились, но только в разных степенях. Если мы окинем взором прошлое Кубани — казачества и горцев, то мы должны сказать открыто, и это должны признать те, которые против нашей идеи, — что мы все-таки, сравнительно с Россией, проводили принципы народоправства. На это указывает устроение жизни Кубани, на это указывает жизнь станиц, где господствует выборное начало, и на это указывают те моменты, когда высшая власть, так называемый начальник области, а в отношении казаков — атаман, в важнейшие моменты для решения важнейших вопросов созывала съезд казаков, созывала всех горцев. Для нас народоправство является, безусловно, не чуждым, и сказать, что мы нуждаемся в воспитании, никто не имеет права, ибо историческое прошлое Кубани построено на этой идее. И вот, руководствуясь историческим прошлым и опытом минувшего, руководствуясь тем, что именно народная власть в лице ее представителей главным образом явилась одним из основных и мощных факторов спасения Кубани, я вынужден буду на одну минуту остановиться и упомянуть о том, что сделала Законодательная Рада прежнего состава.

В моменты потрясения, в моменты, когда провокация проникла во все стороны нашей жизни и хотела вызвать борьбу между казаками и горцами, в эти моменты Законодательная Рада пришла на помощь, к счастью горцев и казаков. Казаки стали на одну сторону с горцами и говорили: «Они наши союзники, союзники священные» и были неизменными друзьями. Этим была предотвращена провокация между горцами и казаками, и это — заслуга Законодательной Рады, правительства и атамана, стоящего во главе. Мы не были «совдепией», мы не были советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, мы были только истинными сынами дорогой и близкой нам дочери седого Кавказа — Кубани. Мы не посягали ни на чьи права, мы говорили: «Не мешайте нам жить так, как мы желаем, если вы действительно носители свободы». Мы никогда не применяем насилия в отношении кого-либо и в отношении себя не допустим. И вот когда анархия захватила всю Кубань и когда ядро большевистское

проникло в души и сердца дорогих и близких нам казаков — сынов Кубани, Законодательная Рада, правительство и атаман вышли со знаменем свободы в руках, со знаменем, на котором было написано: «На борьбу с большевиками не на живот, а на смерть, борьба во имя воли народа, борьба до последней возможности, борьба до того момента, когда мы сумеем передать это знамя хозяину земли кубанской — краевой Раде». Мы счастливы, что сегодня имеем честь предстать перед вами, и работать рука об руку с вами, и предлагать вам то, что в настоящее время думаем.

Я уже упомянул вам, что нового в построении власти нет ничего: в какой форме она была раньше, в такой ее и оставили. Во главе правительства стоит атаман, затем идет краевая Рада как источник власти, а потом Законодательная Рада как парламент, разрабатывающий тот или иной проект, который должен стать законом для того, чтобы жизнь на Кубани текла по нормальному руслу. Прежде чем перейти к схеме построения и конструирования власти, а также самой конституции, комиссия, которая рассмотрела проект, пришла к заключению и убеждению, что для того, чтобы вырвать жало у тех, которые нас провоцируют, необходимо перед конституцией поместить декларативную ее часть. Первый пункт этой декларации гласит о том, что кубанцы — казаки и горцы, села и города края — вынесли на себе всю тяжесть борьбы с большевиками и вынесли идею народоправства, а то, что они действительно вынесли идею народоправства, доказательством этого служит то, что ваше выборное правительство имеет честь стоять пред вами. Дальше, второй пункт говорит о том, что отсутствует государственная центральная власть, анархия продолжается, борьба затянулась, и поэтому мы поставлены в положение, когда должны самостоятельно упорядочить и упрочить у себя правопорядок. Но затем идет третий пункт, который говорит, что мы мним себя нераздельно связанными с единой Россией, мы желаем видеть в будущем Россию построенною на федеративных началах, в виде федеративной республики. Это наше благое желание: удастся — хорошо, слава Богу, будем рады, а не удастся — что же делать? — мы подчинимся той центральной власти, которая явится выразительницей будущего бытия государства Российского. Последний пункт говорит о том, что мы силой вещей, силой обстоятельств поставлены в необходимость взять на себя и сохранить за собою всю полноту власти. Может быть, не для всех понятно, почему сказано «сохранить». Эта власть была, она была принята 26 октября 1917 г., эта власть подтвердила свою независимость от центра еще приблизительно в феврале месяце, когда «совдепия» шла сюда, и заявила, что Кубань — республика самостоятельная и независимая. Поэтому теперь мы и говорим, что власть, которая была за нами, мы сохранили.

Заканчивая свой доклад, я должен, господа члены Рады, в общих чертах сказать следующее: те принципы, на которых мы желаем строить нашу жизнь, говорят о том, что будущая Россия не должна быть централизованной и узконационалистической; она должна охранять наши права, в каком объеме и в какой мере — это вопрос будущего. Но мы можем сказать одно: «Единая Россия должна быть децентрализованной, и в единой России должны найти себе место все народы, все нации, причем все должны быть одинаковыми для России сыновьями». С этими словами и вожделениями и пожеланиями, господа члены Рады, я еще раз повторяю, что лучшей формой для России является федеративная республика. *(Аплодисменты.)*

Председатель. — Необходимо сейчас разрешить вопрос: угодно ли Раде непосредственно приступить к рассмотрению доложенного проекта, или, как предлагает Кавказский отдел, передать его в отделы на предварительное рассмотрение. Прошу желающих по этому вопросу высказаться. Слово принадлежит члену Рады Долгополову. За передачу в отделы будет говорить член Рады полковник Чекалов.

Член Рады Долгополов. — Я хочу сказать несколько слов против передачи законопроекта на обсуждение в отделы. В семи местах будут говорить о том, что будет потом повторено на общем собрании. Это значит — не ценить свое время. Кроме того, нужно принять во внимание, что по отделам этот вопрос будет по-разному освещаться, ибо есть разные группировки, разные лица, и в конце концов получится слишком много противоречивых мнений, в которых будет трудно разобраться. Нужно, чтобы все было сказано явно и открыто, а между тем мы имеем факты, когда члены Рады не знали того, что происходит. Мы слышали сегодня 47 раз слово «провокация» — я сам считал. Мы живем в мире недоговоренного, и потому я настаиваю, чтобы мы говорили открыто и в общих собраниях, и по отделам.

Член Рады Чекалов. — О провокации здесь не должно быть речи. Речь идет о наиболее сообразном порядке рассмотрения проекта конституции. Так как мы с ним действительно не ознакомились в отделах, а в нем есть много вопросов, о которых мы даже не имеем представления, то я и предлагаю рассмотреть то, что нам предлагают, по отделам. Нельзя же выносить решения, даже не обдумавши спокойно, без волнений, без жарких речей. В положениях проекта нужно спокойно разобраться, не находясь ни под чьим влиянием.

Председатель. — И там, и здесь вы будете только под влиянием членов Рады, и потому здесь не может быть никакого чужого влияния.

Член Рады Чекалов. — Я говорю не о чужом влиянии, а об ознакомленности.

Член Рады Коробьин. — Я полагаю, господа члены Рады, что мы можем приступить немедленно к постатейному рассмотрению конституции Кубанского края. Те вопросы, которые стоят в первом разделе, все ясны. Также, в сущности, бесспорны 1, 2, 3 и даже 4 раздел, и едва ли они вызовут среди вас какие-либо сомнения. Вопрос, который может вызвать столкновение различных мнений, — это вопрос о власти атамана, о тех или иных правах его. Но ведь это вопрос второстепенной важности. Он стоит одним из последних, и, конечно, ко времени его обсуждения в отделах успеют разобраться. По этим соображениям я предлагаю перейти к постатейному чтению немедленно или, если Рада находит, что она устала, в завтрашнем заседании.

Председатель. — Кто за то, чтобы передать этот проект в отделы на предварительное рассмотрение, прошу поднять руки. Кто против? Большинством предложение Кавказского отдела отвергнуто. Господа члены Рады! Докладчик комиссии по самоуправлению говорит о том, чтобы перейти сразу к постатейному обсуждению. Есть двоякий способ обсуждения: открыть общие прения, которые, очевидно, сведутся к теме: должна ли быть власть на Кубани единоличной или коллегиальной, общероссийской или местной, — или же общих вопросов отдельно не обсуждать, а касаться их при постатейном чтении.

Член Рады Коробьин. — Мы имели возможность очень долго вести общие прения по принципу, который нами положен в основу нашего проекта. Если же мы будем еще раз обсуждать его, то это значит не дорожить временем. Мы прямо должны перейти к постатейному чтению, и в связи с каждой статьей всякий из нас может высказываться по интересующему его вопросу.

Член Рады Долгополов. — Прошлый раз, когда мы говорили об автономии и федерации, прения были не закончены. Без сомнения, сейчас, когда мы переходим к обсуждению проекта управления краем, мы будем касаться его слишком поверхностно; а потому нужно посвятить этому вопросу еще хотя бы один день, чтобы коснуться общих вопросов федерации. Думаю, что при постатейном чтении не явится возможным осветить некоторые вопросы — их было бы удобнее освещать в общих прениях. Я настаиваю на том, чтобы некоторое время было посвящено общим прениям, руководствуюсь тем обстоятельством, что доклад председателя комиссии по самоуправлению заключает много спорных вопросов и положений, которые подлежат проверке и большим оспариваниям. Потому, казалось бы, прямо переходить к постатейному чтению неблагоразумно, ибо мы получим одностороннее освещение всего законопроекта.

Член Рады Усачев. — Я не могу согласиться с тем, чтобы начать прения по общим основаниям законопроекта. Если нам их обсуждать, то мы закрутим такой клубок, что потом и не распутаем; получится так: один день говорили, говорили, а пришли домой и забыли. Мое предложение: завтра начать чтение по пунктам, и тогда будем высказывать свои пожелания.

Член Рады Макаренко. — Возвращаться к вопросу о том, что уместнее — федерация или централизация, это значит утопать в общих, не имеющих практического значения прениях. Этот момент наступит тогда, когда будет Учредительное собрание или центральная всероссийская власть. Кубанская федерация для нас с вами еще с прошлого года ясна как Божий день. Предлагаю приступить к постатейному чтению и по пути обсуждать те вопросы, которые буду возникать.

Председатель. — Ораторов больше нет, приступаю к голосованию. Прошу тех, кто за переход к постатейному чтению, поднять руки. Кто против? Таким образом, принят переход к постатейному чтению. Я лично предложил бы начать рассмотрение с раздела первого, о территории, оставив декларативную часть на конец, потому что последняя должна стоять в зависимости от принятых пунктов. *(«Правильно».)* Возражений нет? *(«Нет».)* Принято. Таким образом, подлежит обсуждению статья первая раздела первого. Слово принадлежит докладчику.

Член Рады Коробьин. — Господа члены Рады! Вы обратили внимание на ту разницу, которая имеется между печатным проектом правительства и редакцией комиссии по самоуправлению. Там раздел первый озаглавлен «Общее положение», а у нас этот раздел значится вторым. Первым поставлен вопрос о территории — вопрос, который в проекте правительства совершенно не поднимался. Я считаю необходимым указать, почему комиссия сочла нужным поднять этот вопрос. Дело в том, что, как видно из тезисов председателя правительства, мы стоим сейчас на почве необходимости организовать новые особые государственные образования. Одним из основных понятий о государстве является территория. Народ, который не имеет своей территории, не

является государством. Он не может образовать своего государства. В самом деле, вспомните кочующие племена татар. Они государства не представляют, потому что не имеют территорий. Возьмите теперешнее состояние еврейского народа: у него нет своей территории, и этот многомиллионный народ не является государством. С другой стороны, вспомните Монакское государство. Оно составляет половину нашей станицы Белореченской, но в силу того, что это население имеет свою территорию, оно является государством. Таким образом, вы видите, что территория необходима и представляет настолько существенное условие, что с территории нужно начинать разрабатывать конституцию. Если вы возьмете и рассмотрите конституцию западноевропейских государств, то и там вопрос о территории значится на первом месте. Таким образом, территория Кубанской области является основою для кубанского образования будущего Российского государства. Это точно и ясно, ибо Кубанская область известна как часть России всему миру. В силу того что вопрос об изменении территории — это вопрос основного конституционного права, мы во второй статье первого раздела говорим, что граница этой территории может быть изменена постановлением краевой Рады. Таким образом, ни войсковой атаман, ни Законодательная Рада не имеют права ни отчуждать, ни присоединять к территории Кубанского края тех или иных районов. Это компетенция нашего высшего учредительного собрания — краевой Рады. Вы, конечно, вправе спросить: а как же Черноморская губерния и те районы Ставропольской губернии, о которых поднимался вопрос? Разработать этот вопрос было поручено нашей комиссии. Мы считали, что в конституцию вводить этот вопрос совершенно неудобно. Чрезвычайная Рада по этому вопросу вынесет особое постановление, и это постановление будет обязательно для всех будущих правительств до тех пор, пока этот вопрос так или иначе не будет разрешен. Да не смутит вас то обстоятельство, что здесь не упоминается о тех районах, которые сами хотят слиться с Кубанью. И об этом краевая Рада вынесет свое решение после того, как этот вопрос будет поставлен на обсуждение. Вот все то, что можно сказать относительно раздела первого.

Председатель. — Кто желает высказаться? Желающих нет. Приступаю к голосованию. *(Читает.)* «Территория Кубанского края образуется из Кубанской области бывшей Российской империи». Прошу согласных с этой статьею поднять руки. Принята единогласно.

Во второй статье говорится: «Территория может быть изменена лишь постановлением краевой Рады». *(Голосование.)* Принята единогласно. Слово предоставляется докладчику.

Член Рады Коробьин. — Раздел II, бывший I, подведен в рубрику общих положений, так называемых общегражданских прав — прав, обеспечивающих политическую свободу, свободу совести, собрания, печати, слова; положения эти, если Чрезвычайная Рада стоит на демократической платформе, не вызывают никаких прений. Но статья 3, бывшая 1, пока нами не разрешена. Она гласит: «Все граждане Кубанского края равны перед законом, права граждан определяются особым законом». Комиссия стала перед очень спорным вопросом: что же, собственно, можно назвать кубанским гражданством? Кому эти права гражданства предоставить? Дело в том, господа, что все гражданские права можно разбить на две категории: частные и публичные, или

политические права. Частные права — те, которые должны иметь все граждане независимо от того, сколько они здесь живут, один год или всю жизнь. Это — право на защиту закона и на ответственность перед законом. Если человек убьет, будет ли он иногородний или казак, он идет на определенное количество лет в каторгу; здесь никаких привилегий быть не может. Но вопрос о политических правах возбуждает особенно большое сомнение. Кого из нас призвать к осуществлению государственной власти? Кто должен пользоваться избирательным правом? Если мы скажем, что все граждане Кубанского края равны перед законом, тогда мы придем к тому, что было раньше, то есть к большевизму. Когда все имели возможность идти к избирательным урнам — кочующие элементы накладывали свою тяжелую руку на аппарат государственной власти. Это совершено недопустимо. И ввиду того что мы находимся сейчас в процессе незаконченной борьбы, ввиду того что многие вопросы между основными элементами населения до сих пор не выяснены — комиссия не смогла дать ответа на вопрос: как определяется право кубанского гражданства? В самом деле, этот вопрос находится в зависимости от очень многих обстоятельств. Так, комиссия о взаимоотношениях казачьего и иногороднего населения должна дать богатый материал для определения понятия права гражданства на Кубани. Яснее можно будет определить это понятие после того, как земельная комиссия представит свой материал и после того, как окончательно завершится внутренняя междоусобная борьба, которая ведется. Я думаю, что сейчас определить точно права гражданственности на Кубани совершенно не представляется возможным. Таким образом, мы этот вопрос должны передать на рассмотрение Законодательной Рады. Законодательная Рада, имея в своем распоряжении много свободного времени, сможет собрать весь материал, свести его к одному принципу и представить на утверждение следующей краевой Раде соответствующее положение. Иного выхода комиссия не нашла. Быть может, по этому поводу у вас будет другое мнение — это покажут прения, но мы полагаем, что статья 3-я должна быть принята именно в той редакции, которая нами рекомендуется. Статьи 4, 5 и 6, я повторяю, не вызовут ни в ком возражений, потому что в них говорится о свободе слова, печати, собраний, неприкосновенности жилища и так далее. Правда, комиссия одновременно предусматривает и известные исключения, которые должны быть, однако, оговорены особым законом. Комиссия ввела в раздел II одну статью, которой не было в правительственном проекте, но которая вытекает из тех предпосылок, из той декларации, которая положена в основание работ краевой Рады, а именно: «Кубанский край имеет свою армию. Все граждане Кубанского края подлежат воинской повинности, отбываемой на основании особого закона». Комиссия полагала, что, раз в положении об управлении краем сказано о правах граждан, то там же должно быть упомянуто и об обязанностях граждан, в частности, о самой тяжелой обязанности — повинности кровью. Это должно быть вами принято, ибо, раз Кубанский край вступает на путь самостоятельной государственной жизни, он, конечно, должен иметь армию. Это не должно, в сущности, никого пугать: исторически Кубанский край имел всегда свою армию, свои казачьи войска, свое собственное управление и свои собственные организации, и всякий гражданин подлежит воинской повинности, равной для всех граждан. Когда же мы разрешим вопрос о гражданственности, тогда ясно будет, кто будет подлежать воинской повинности на

Кубани. Сейчас в этом вопросе есть двоевластие: с одной стороны, Добровольческая армия самостоятельно объявляет мобилизацию иногородних, на что она, конечно, имеет достаточные основания, а с другой стороны, войсковое правительство, может быть, сейчас уже организовывает свои войсковые части. Когда вопрос о гражданственности решится, тогда решится вопрос и о том, на каких основаниях и чьими распоряжениями будет осуществляться возлагаемая на граждан Кубанского края обязанность.

Председатель. — Голосую статью 3-ю. «Все граждане Кубанского края равны перед законом. Права кубанского краевого гражданства определяются особым законом». Прошу согласных поднять руки. Принято единогласно.

Статья 4. «Все граждане пользуются свободой совести. Никто не может быть преследуем за религиозные убеждения, и никто не может пользоваться привилегиями на вероисповедных основаниях».

Кто желает высказаться по этой статье?

Член Рады Курагин. — Господа, я должен сказать, что пункт 4-й, предусматривающий свободу совести, совершенно не дает нам канвы и принципа относительно главного вопроса, вопроса о религии. Я скажу: необходим еще один институт, институт церкви. Временное правительство российское в своей декларации точно и определенно высказалось, что вопросы религии есть вопросы частные, и тогда все последующее становится ясным. Но в данный момент для нашего края вопрос о церкви должен быть вырешен в этом четвертом пункте. Что такое, в конце концов, церковь как институт, в каком взаимоотношении с устанавливаемым нами строем она находится? Мы должны помнить, что декларация есть основной закон, который должен принять силу с момента его опубликования. Поэтому вопрос о церкви в смысле признания ее как автономной, самостоятельной единицы нужно, несомненно, выделить и передать в комиссию для пересмотра. То же должно сказать и по поводу неправильной редакции статьи 4. Обратите внимание, здесь сказано: «Никто не может быть преследуем за религиозные убеждения». Между тем ни сводом законов, ни Чрезвычайной краевой Радой, ни собранным на четыре дня Учредительным собранием, ни каким-либо Временным правительством не отвергается ряд законоположений, которые определенно предусматривают преследование за сознательное неисполнение долга по вероисповедным мотивам. Это касается сект, которые по свойству своему носят чисто уголовный характер: эти секты — так называемые изуверческие. Ввиду сказанного нужно внести особую оговорку в ст. 4: «Могут быть преследуемы, если в религии их есть характер уголовный». Итак, необходимо или открыть прения по данному вопросу, или передать его на рассмотрение комиссии.

Член Рады Коробьин. — Здесь поднято два вопроса. Первый — что конституцией должен быть предусмотрен вопрос о церкви как организации. Это неверно. Я нахожу, что в конституцию это предложение вводить совершенно не нужно. Конституция — это собрание принципов. В конституции сказано, что все граждане пользуются свободой совести. И это достаточный фундамент для того, чтобы человек строил отношения к Богу, в частности, базирующиеся на особом понимании этих отношений — церковь — так, как он хочет. Никто препятствовать этому не в состоянии. Мы не можем указывать какие бы то ни было рамки, какие бы то ни было формы. И вводить по

этому предмету какие-либо указания в конституцию совершенно не приходится. Что же касается того, что существуют такие секты, которые должны преследоваться законом, то это секты, как сказал сам оппонент, носящие чисто уголовный характер. Уложением о наказаниях эти секты предусматриваются; для ограждения государственных интересов совершенно достаточно применения общеуголовного закона. Такова, например, скопческая секта, которая, конечно, преследуется законом.

Председатель. — Ставлю на голосование оглашенную мною статью 4-ю. Прошу согласных с нею поднять руки. Громадное большинство. Принята.

Статья 5-я: «Личность и жилище неприкосновенны. Никто не может быть подвергнут аресту, или обыску, или вторжению в жилище иначе, как в случаях и в порядке, законом определенных».

Желающих высказаться нет? Баллотирую. Принята единогласно.

Статья 6-я: «Устанавливается свобода слова и печати. Цензура может быть вводима временно только при чрезвычайных обстоятельствах в законодательном порядке».

Докладчик Коробьин. — Господа члены Рады! Здесь есть некоторая разница между этой статьей в том виде, как она представляется, и правительственным проектом. Согласно последнему, статьи 5 и 6 предусматривали законодательную деятельность исполнительной власти, то есть правительства, во время перерыва законодательных сессий. Мы вычеркнули это место по тем соображениям, что эта деятельность тоже законодательная. Рассматривать в комиссии эту фразу мы нашли излишним.

Председатель. — Есть ли желающие высказаться? *(«Нет».)*

Прошу согласных с этою статьею поднять руки. Большинство. Принята.

Статья 7-я: «Гражданам предоставляется свобода собраний и союзов с соблюдением правил, установленных особым законом».

Прошу желающих высказаться. Таких нет? Баллотирую.

Принята.

Статья 8-я: «Кубанский край имеет свою армию. Все граждане Кубанского края подлежат воинской повинности, отбываемой на основании особого закона».

Есть ли желающие высказаться? Таких нет? Принята единогласно. Теперь раздел третий. Слово докладчику.

Докладчик Коробьин. — Господа члены Рады! В раздел третий (бывший второй) комиссия внесла дополнение о судебной власти.

Государственная власть состоит из трех элементов: законодательной власти, исполнительной и судебной. Сочетание их, выражаясь термином авиации, — контргруз государственного механизма. При правильной работе этих трех элементов и весь государственный механизм в целом может правильно работать. И каждый из этих элементов должен быть независим друг от друга: только в этом случае может быть правильное течение государственной жизни. Нам было странно, что проект правительства, который вышел из канцелярии ведомства юстиции, не предусмотрел одного из трех элементов, одного из самых существенных элементов — судебной власти. Это дополнение комиссия сделала, и в новой редакции статья 9-я гласит: «Источником высшей власти в Кубанском крае является воля его граждан, выражаемая на представительных собраниях.

Носителями законодательной власти в Кубанском крае являются краевая и Законодательная Рада, а носителями исполнительной власти — войсковой атаман и Кубанское краевое правительство».

Судебная власть осуществляется независимыми судами, действующими на основаниях, в законе определенных.

Нужно сказать, что воля народа может выражаться двумя способами: один способ состоит в непосредственном изъявлении народной воли народными собраниями. Так она выражалась в Древнем Риме и в древних Афинах, когда все граждане собирались на площадях и выносили свои постановления; таким же образом выражалась воля и у нас в Древней Руси на вечевых собраниях. Другой способ — установление представительных собраний. В Средние века вместе с завоеванием и разрушением Римской империи германцы принесли новый принцип выявления народной воли — через представителей. Этот принцип стал основным для выражения народной воли во всем современном мире. Таким образом, мы говорим, что воля граждан должна быть выражена через представительные собрания, а затем мы предусматриваем все три элемента государственной власти: исполнительную, законодательную, судебную. Судебная власть должна быть независима, потому что судья должен судить, руководствуясь только законом и своей совестью. Если на судью будет оказано тайное давление со стороны исполнительной власти, то это будет не суд, а произвол. И факты нашей истории, истории эпохи царизма, дают очень много примеров того, как исполнительная власть в лице министерства юстиции оказывала давление на совесть судей. И судьи, находясь под давлением, не могли выносить решение по своей совести и руководствоваться беспристрастным законом.

Председатель. — Кто желает высказаться относительно этой статьи?

Член Рады Долгополов. — Раз принимается основной закон, то он должен быть так составлен, чтобы не порождал никаких сомнений. А между тем рассматриваемая сейчас статья формулирована таким образом, что может именно породить такие сомнения и осложнения, что мы и видели в прошлом. Чтобы этого не было, необходимо, для большей ясности и пресечения всех нежелательных пониманий, ввести в статью маленькое дополнение: «впредь до нового созыва Всероссийского Учредительного собрания». Затем вызывает недоумение и содержащееся в статье 9-й определение источника власти. «Источником высшей власти, — сказано там, — является воля граждан, выражаемая на представительных собраниях. Носителями законодательной власти являются краевая и Законодательная Рада» и так далее. Было бы совершенно уместно добавить в первой части после слов: «выражаемая в представительных собраниях» слова: «в краевой и Законодательной Радах». Иначе можно думать, что существует иной источник верховной власти, так как законодательная власть есть понятие, не обнимающее всю верховную власть. Можно подумать, что есть особые представительные собрания, осуществляющие высшую в крае власть. Это изменение необходимо внести, но особенно я настаиваю на внесении первого предложенного мною дополнения.

Председатель. — Слово предоставляется члену правительства по делам юстиции Намитокову.

Член правительства Намитоков. — Я считаю возражение Долгополова неосновательным. Дело в том, что вся проектируемая конституция по существу является временной. Мы, правда, не рассматривали ее декларативной части и отложили ее до того времени, пока мы не рассмотрим основных положений. В той части, в конце, говорится: «Ныне Кубанский край, стоя на пути государственного строительства, сохраняет за собой всю полноту государственной власти в пределах края и управляется органами, поставленными его населением, согласно настоящему положению». Таким образом, декларация ясно говорит, что все образуемые органы, все положения, которые рассматриваются, конечно, являются по существу временными, впредь до того момента, когда будет сконструирована общероссийская власть. Что же касается пункта, говорящего об источнике власти, то, по моему мнению, здесь нет никаких недоразумений. Здесь подчеркивается только то, что составляет душу этой конституции, — утверждение начал народоправства. Вся власть в государстве, как известно, состоит из нескольких элементов: власти исполнительной, законодательной и судебной. Если сказать, что источником власти является воля его граждан, выражаемая на представительных собраниях, и непосредственно за этим включить предложенное предыдущим оратором добавление, то, собственно говоря, мы затуманим смысл. Мы только говорим, что источником всякой власти — исполнительной и законодательной — является воля граждан. В дальнейшем же идет перечисление самих властей, отдельных, специальных ее органов. Поэтому я считаю, что возражение доктора Долгополова есть продукт недоразумения.

Член Рады Коробьин. — Господа члены Рады! Мне совершенно непонятно возражение члена Рады Долгополова. Если необходимо включить в наш проект оговорку, что известное положение устанавливается нами впредь до организации Всероссийского Учредительного собрания, то ею надлежит сопровождать каждый параграф, а не только статью 9-ю. Мы вынуждены издать нашу конституцию — об этом мы открыто заявляем, и упоминать об Учредительном собрании в каждом параграфе не приходится. Что касается второго возражения, то по поводу его достаточно указать, что первая часть статьи 9-й стоит в непосредственной связи со второй и третьей ее частями, содержащими точный перечень элементов и органов государственной власти, и если помнить об этой связи, то никаких сомнений данный пункт не может вызвать.

Председатель. — Слово дается по распорядку дня члену Рады Долгополову.

Член Рады Долгополов. — Как раз по вопросу о конституции, а именно во взглядах на будущее устройство государства Российского, произошли те недоразумения, которые вызвали к жизни согласительную комиссию между Радой, краевым правительством и Добровольческой армией. Этот пункт предлагается принять в очень определенной, категорической редакции. Мы в согласительной комиссии предполагали, что будет достигнуто соглашение по этому поводу. Этот раздел является самым главным, с принципиальной точки зрения, для хода наших бесед с Добровольческой армией, и поэтому, как один из участников этой комиссии, я прошу Раду отложить обсуждение раздела третьего до следующего дня или до тех пор, пока можно будет вести переговоры с Добровольческой армией, иначе, я полагаю, опять будут накопляться мелкие осложнения. Предлагаемая осторожность не затормозит дальнейшего рассмо-

трения проекта, а между тем это может облегчить работу согласительной комиссии. *(«Правильно».)*

Член Рады Макаренко. — Сказанное сейчас с первого взгляда кажется просто и ясно, но оно приведет нас в дальнейшем к чрезвычайно большим неприятностям, к целому ряду тупиков: мы дойдем до известного пункта и отложим. Можно ли предугадать сейчас, какие пункты вызовут те или другие разговоры, и каждый раз доктор Долгополов будет говорить: «разрешите отложить». Кто же, в конце концов, будет решать судьбу нашей конституции — воля того народа, о котором мы говорим здесь и который нас прислал сюда, или нет? Если мы отложим сейчас обсуждение этого пункта, то в будущем нам придется почти всю конституцию отложить. Давайте лучше отложим всю работу. Мне кажется, что работа согласительной комиссии должна идти сама по себе. Впоследствии комиссия нам доложит, что она сделала, а мы потом найдемся, как ответить на ее доклад.

Председатель. — Слово предоставляется председателю правительства Л. Л. Бычу. *(Аплодисменты.)*

Председатель правительства Быч. — Член Рады Долгополов предложил отсрочить рассмотрение статьи 9-й на один день. Я присоединяюсь к этому предложению. Дело в том, что тут мы формулируем очень важное обстоятельство. Мы говорим, что источником высшей власти в Кубанском крае является наша краевая Рада. Само собою разумеется, будет ли это автономия или федерация — во всяком случае, другого источника власти мы найти не можем для местных дел, для местного управления, для местных нужд. Ясно, что таким источником власти и при автономии и при федерации является только воля народа. Но ввиду того что краевая Рада решила некоторые вопросы подвергнуть совместному обсуждению в согласительной комиссии и ввиду того что предложено отложить рассмотрение статьи 9 только на один день, мы могли бы эту статью сейчас не рассматривать и перейти к рассмотрению другого вопроса, чтобы не терять времени. Состав краевой Рады, о коем идет речь в следующем разделе, при всяких условиях может быть определен совершенно независимо от того, как будет формулирована статья об источниках власти, поэтому я думаю, что у нас задержки в работе не будет и статью 9-ю можно отложить до завтрашнего дня.

Султан Шахим-Гирей. — Господа члены Рады! Для меня непонятны те мотивы, которые приводят лица, предлагающие отложить баллотировку этой статьи с сегодняшнего дня на завтра. Я не знаю, какие это соображения. Если вам, господа члены Рады, эта статья непонятна, если она требует каких-либо дополнений и изменений, я полагаю, тогда есть основание обсуждение ее отложить, и требуется отложить. Но приведенный членом Рады Долгополовым мотив не может служить поводом к тому, чтобы откладывать баллотировку. Ибо, постановляя решение по статье 9-й, мы нисколько не отказываемся от тех своих желаний и стремлений, быть может, являющихся основой нашей жизни, — быть в единении, на определенных началах, с Добровольческой армией. Я полагаю, что эта статья должна быть поставлена на баллотировку при условии, если члены Рады со спокойной совестью и с полным сознанием того, что делают, будут баллотировать эту статью. Здесь ничего нарушающего тот основной правопорядок, который у нас существует, нет. Мы в

прежних постановлениях признавали источником высшей власти в крае волю граждан, выражаемую в представительном собрании. Ныне член Рады Долгополов внес предложение внести указание в статью 9-ю о действии ее впредь до воссоздания России. Я думаю, что это дополнение излишне. Мы к этому стремимся. В общей части доклада, в декларации, мы говорили, что мыслим себя неразрывно связанными с Россией, и ясно, раз образуется единая Россия на федеративных началах, то, конечно, от части власти мы должны будем отказаться во имя общего блага; несомненно, что власть будет перенесена к общему центру. Мне невольно вспоминается прошлогоднее выступление члена Рады Долгополова, когда он энергично отстаивал эту точку зрения. Мы глубоко убеждены, что эта статья всем ярко и определенно говорит о наших основных взглядах и она понятна. Я ставлю, таким образом вопрос: прежде всего нам необходимо разрешить, поставить ли эту статью на баллотировку? Баллотировка покажет, насколько члены Рады сознательно относятся к своим обязанностям, и тогда уже возможно будет ставить на баллотировку самую статью. Но сейчас убедительных данных для того, чтобы отложить баллотировку этой статьи, я не вижу, и переходить дальше, не рассматривая ее, я не советую. По существу своему эта статья имеет громадное значение, потому что, не принимая основной статьи, переходить к рассмотрению других статей — это значит нарушить общий принцип парламентаризма, нарушить общие желания и общие стремления.

Член Рады Воропинов. — Господа члены Рады! Сегодня 19-й день, как сидим в этой зале, а я спрашиваю, далеко ли мы пошли вперед? Нет! Внешние обстоятельства были слишком неблагоприятны для того, чтобы мы могли работать так, как нужно. Я думаю, что нам нужно по возможности меньше обращать внимания на эти внешние обстоятельства, и вот я думаю, что и сейчас создается такое положение, когда мы снова должны затормозить свою работу. С другой стороны, те соображения, которые высказывались за то, чтобы эта статья была отложена на один день, критики не выдерживают. Даже те, кто высказывался за принятие предложения члена Рады Долгополова, в конце концов склоняются к единственному выводу, что на Кубани в вопросах краевой жизни высшей властью является воля народа. Что бы мы ни думали, с кем бы мы ни договаривались — изменить этого мы не можем, и я нахожу, что нет абсолютно никаких оснований откладывать разрешение этого вопроса хотя бы на день или на два. Мы должны его сейчас решить. А если склониться к тому, чтобы этот вопрос отложить, то тут найдется немало других вопросов, и в конце концов, может быть, было бы правильно обсуждение всей нашей конституции отложить. Но раз мы уже приступили к разрешению относящихся к ней вопросов, будем последовательны, и если известный вопрос стоит на очереди, то будем его решать, а там будет видно, к чему мы придем в согласительной комиссии.

Председатель. — Слово принадлежит войсковому атаману А. П. Филимонову.

Войсковой атаман полковник Филимонов. — Господа члены Рады! Когда вам был поставлен председателем вопрос, приступим ли мы сегодня к постатейному чтению и рассмотрению положения о Кубанском крае, то несколько представителей Рады, несколько представителей от отделов громко заявили, что они желали бы прочесть у себя, при спокойной обстановке, это положение, вникнуть в него и дать сознательный

ответ. Это заявление подано несколькими членами Рады, и я полагаю, что к этому заявлению мы должны отнестись очень внимательно. Если члены президиума заявляют, что это — дело ясное и понятное, то мы им верим, потому что среди них есть лица, которые давно в нем разобрались, но среди членов Рады в отделах есть лица, которые этим не могли заниматься у себя дома, и мы должны равняться не по составу президиума, а по тем, которые сидят в отделах и которые будут выносить эти решения в жизнь. Одно это соображение могло бы заставить Раду перенести это обсуждение на завтра. Между тем здесь предлагают баллотировать общую часть законопроекта сегодня, так как, указывают, она, по несомненности своей, не вызывает разногласий. Действительно, первый и второй разделы не вызывают никаких разногласий, но третий раздел, где говорится об устройстве высшей государственной власти, касается вопроса первостепенной важности. Вы знаете, что у нас с Добровольческой армией на этой почве произошло разногласие. Нам известно также, что мы сделали шаг к устранению этого разногласия — образована согласительная комиссия, и я не сомневаюсь, что условия соглашения будут выработаны не позднее завтрашнего дня; ушедшие представители Добровольческой армии придут сюда снова, чтобы вместе заняться работой. Если мы хотим протянуть руку Добровольческой армии, то мы должны подождать их. Понимая все условия работы Рады, я все-таки предлагаю отложить решение по статье 9-й до завтрашнего дня.

Председатель. — Я не возражаю против тех выводов, которые привел уважаемый войсковой атаман, но я протестую против вступительной части его речи, в которой президиуму приписывается намерение оказать какое-то давление на членов Рады. Поставлен вопрос перед всеми совершенно ясно: желательно ли приступить к обсуждению третьего раздела или нет? Для президиума и, в частности, для меня совершенно не важно, кто говорит за и кто против. Вопрос был поставлен на голосование, и Рада поднятием рук единогласно постановила решение перейти к постатейному чтению. Другого способа знать решение Рады, кроме голосования, я не знаю, таким образом, сделанный упрек я отвожу. Слово предоставляется члену Законодательной Рады П. Л. Макаренко.

П. Л. Макаренко. — Господа члены Рады! Слушая прения, проходящие пред нами в данный момент, я мысленным взором своим переношусь к июлю месяцу прошлого года, когда мы заседали в областном совете, а потом в войсковом, когда мы, казаки и иногородние, решали вопрос о том, работать ли нам вместе, уступать ли взаимно друг другу или работать отдельно и вредить друг другу. Прения были тревожны; последствия решений были очевидны для всех. Для всех ясно было, что казачьи представители, бывшие тогда в областном, а далее в войсковом совете, выражали точку зрения подавляющего большинства казачества, ту точку зрения, на борьбу за которую мы снова здесь собрались; она и теперь подсказывает нам те же единодушные решения. Мы были правы и тогда, как верю я глубоко, правы и теперь. Но, господа, мне, как принадлежащему к ответственным руководителям казачьего мнения в прошлом году, неоднократно приходила мысль: «А может быть, мы поспешили, а может быть, прими мы свое решение немного позже, мы пришли бы к иному». Я говорю по поводу переговоров наших с иногородними осенью и

зимой прошлого года. Только вчера я был почти немым свидетелем того, что было в заседании моего родного отдела. Там обсуждали сводку наказа Ейского отдела. Я сидел и думал, что та точка зрения, которая здесь существует, за которую нас так ненавидят, обливают грязью, угрожают и прочее, есть точка зрения самого народа, потому что станичные сборы выражают ясно то, что думает народ. Во всех наказах ясно сказано, что Кубань является штатом впредь до воссоздания единой власти через Учредительное собрание, штатом самостоятельным. В прениях в большинстве случаев участвовали простые казаки, рядовые работники, хлеборобы, которые своим здоровым, не государственным умом, спокойно, без всяких волнений, высказывали свои мнения. Я наглядно вижу, что основные взгляды казаков не изменяются, несмотря на то, что вокруг нас завывает черная сотня. И тем не менее я бы все-таки пригласил вас к тому, чтобы вы стали на точку зрения, высказанную атаманом и председателем правительства, стали на точку зрения тех, которые их поддерживают, только для того, чтобы в дальнейшей вашей работе по строительству жизни на Кубани на широких демократических началах вам не пришлось бы всем терзаться так, как терзались многие из нас по поводу конфликта с иногородними. Может быть, поспешность породит излишние шероховатости. Основных ваших решений мы не изменим, и вы тут будете проводить то, что написано в наказах, но обождать денек — это всегда следует. Мы от своих принципов, от взглядов не отступаем, если того не требуют интересы народа, а сейчас они могут подсказать и такое решение, которое предлагают председатель правительства и атаман. За такое решение выступаю и я, и надеюсь, что вы одобрите их точку зрения о желательности отложить обсуждение этого вопроса до завтрашнего дня.

Член Рады Усачев. — Ввиду того что мы до сих пор верили нашему войсковому атаману и председателю правительства и в искренности их мы не сомневаемся, то прошу принять предложение об отсрочке рассмотрения ст. 9-й. Они не поведут нас к плохому; у нас есть много доводов для того, чтобы не повредить нашему краю, и наше согласие с этими доводами послужит на благо края.

Председатель. — Прения прекращены. Слово принадлежит докладчику.

Член Рады Коробьин. — Господа члены Рады! Может быть, я не в курсе дела. Я полагал, что недоразумение с командованием Добровольческой армии возникло на почве организации и Южно-Русского союза и взаимоотношений союза с означенным командованием. Этот пункт действительно вызвал разноречивые мнения. Что же касается ст. 9-й, то, насколько мне память не изменяет, представители Добровольческой армии не возражали до сих пор против нее и она не вызывала до сих пор каких-либо недоумений. Поэтому я и не находил нужным откладывать обсуждение статьи на завтра, но ввиду того, что прения затянулись, сейчас поздно, я сказал бы, что вообще нужно отложить заседание на завтра и тогда продолжать рассмотрение проекта. *(Смех, шум, протесты.)*

Председатель. — Фактически нужно отложить до завтра, но надо смотреть в глаза действительности. Если желательно отложить обсуждение ст. 9, то надо отложить впредь до выяснения соответствующего вопроса в согласительной комиссии, для того чтобы опять не заставлять комиссию и президиум тратить время на излишние

разговоры. Я отлично знаю, что назавтра положение вещей не изменится, и, может быть, дело затянется на два-три дня. Я могу ограничиться простым перерывом, что сейчас и сделаю, перерывом до того момента, когда согласительная комиссия придет к соглашению. Сейчас сделано будет заявление председателем земельной комиссии, членом Рады Омельченко.

Член Рады Омельченко. — Во вчерашнем заседании принято постановление — предварительного обсуждения в пленарных заседаниях проекта основных положений земельной реформы в Кубанском крае, подвергнуть его рассмотрению в отделах. Чтобы не замедлить прохождение законопроекта, я убедительно прошу отделы посвятить его рассмотрению ближайшие вечерние заседания.

Председатель. — Объявляю перерыв до 11 ч. дня 19 ноября.

Заседание закрыто в 2 часа дня.

Стенографический отчет 17-го заседания Чрезвычайной Рады Кубанского края 18 ноября 1918 года.

Заседание открывается в 11 час 25 мин. утра председателем Н. С. Рябоволом.

Председатель. — Заседание возобновляется. Господа члены Рады! Я предлагаю продолжить нашу работу и начать с пункта 4-го, оставив спорные п.п. 9-й и 16-й к концу. Возражений нет? *(«Нет».)* Слово предоставляется докладчику, члену Рады Коробьину.

Член Рады Коробьин. — Господа члены Рады! Раздел 4-й предусматривает организацию и компетенцию краевой Рады. Он состоит из пяти параграфов. 10-й параграф гласит:

«Состав краевой Рады и порядок ее избрания определяются особым законом, принятым краевой Радой».

Этого особого закона, т. е. избирательного закона, до сих пор нет. правительство его не успело заготовить и на наше рассмотрение не представило. Мы, за отсутствием времени, также не могли создать такой избирательный закон, поэтому будущая Законодательная Рада должна изготовить проект избирательного закона и представить на утверждение следующей краевой Рады, и после этого уже состав краевой Рады будет точно определен законом. Поэтому я прошу, чтобы 10-й параграф был принят в предложенной редакции. Вы сами понимаете, что наши занятия затянулись, а создание избирательного закона — сложная работа и для нас невыполнимая, ибо правительство такого проекта нам не представило.

Параграф 11-й предусматривает компетенцию краевой Рады, он гласит следующее:

«Краевая Рада созывается: для избрания войскового атамана и для рассмотрения и утверждения законов, вносящих изменения в основные положения об управлении краем, а также для решения вопросов, вносимых на ее рассмотрение войсковым ата-

маном или Законодательной Радой по постановлению всех ее членов, или вопросов, возбужденных по почину краевой Рады во время ее сессии».

Вы увидите из последующего текста конституции, что глава исполнительной власти, войсковой атаман, является лицом не ответственным и избирается не Законодательной Радой, а Чрезвычайной, и Чрезвычайная Рада будет специально созываться в определенные сроки для выборов войскового атамана. Затем она созывается для утверждения законов, вносящих изменения в положение об управлении краем. Я уже имел случай говорить о разнице между основным законом и обыкновенным. Обычно для внесения и изменения основного закона предусматривается особая процессуальность. Все основные законы: законы о территории, избирательный, об организации власти законодательной и исполнительной — они могут быть изменены не Законодательной Радой, а только краевой, ибо только краевая Рада, как учредительное собрание нашего края, может изменять основные законы. Созывается краевая Рада для выборов войскового атамана или для разрешения вопросов, возбужденных Законодательной Радой по постановлению двух третей всех ее членов. Таким образом, если войсковой атаман разойдется в понимании какого-либо политического вопроса с Законодательной Радой, то он имеет право апеллировать к краевой Раде как высшему учреждению. Он может не согласиться с постановлением Законодательной, Рады и созвать краевую Раду для разрешения вопросов, которые она считает не вправе разрешить. Но ввиду того что краевая Рада — организация слишком громоздкая и подымать из края с лишком 500 человек — вещь очень сложная и дорогая, поэтому мы вносим ограничение, что такие вопросы должны решаться не абсолютным большинством, а двумя третями, квалифицированным большинством. Наконец, сама краевая Рада, предыдущая, может поставить некоторые вопросы для разрешения. Она уже ставит такие вопросы, которые не может разрешить Законодательная Рада, например — вопрос об избирательном праве. Законодательная Рада может изготовить проект для краевой Рады. Вот, следовательно, три института: войсковой атаман, краевая Рада и Законодательная Рада — которые могут созвать краевую Раду для разрешения тех или иных вопросов,

§ 12-й гласит: «Краевая Рада созывается войсковым атаманом по его инициативе или по решению Законодательной Рады, принятому большинством двух третей всех ее членов».

Вы видите сами, что войсковой атаман сам созывает, и Законодательная Рада сама созывает краевую Раду большинством всех своих членов. Причем может быть, конечно, такой поставлен вопрос: а если в то время нет Законодательной Рады? Что, если сессии закончены и члены ее разъехались по всему Кубанскому краю? Тогда по инициативе войскового атамана члены могут быть вызваны.

Я должен довести, господа члены Рады, до вашего сведения еще один вопрос, который был возбужден в комиссии по самоуправлению, что краевая Рада может быть созвана еще одним институтом, которого у нас пока нет и который, по-видимому, будет организован. Предположено организовать отдельские рады, т. е. каждый отдел будет иметь свою раду, которая будет избирать своего отдельского атамана и нести административные обязанности по местному управлению в пределах своего отдела. Если

предстоит демократический строй, то отдельские рады будут созывать по своей инициативе краевую Раду. Наше предложение было так формулировано, что абсолютное большинство отдельской рады имеет право созвать краевую Раду для разрешения тех или иных вопросов. Пока этого института мы в конституцию не включали. Но когда вопрос этот будет разрешен в положительном смысле, то следующая краевая Рада внесет дополнение, что инициатива созыва краевой Рады может исходить и от абсолютного большинства отдельских рад.

§ 13-й гласит: «Для открытия сессии краевой Рады необходимо прибытие не менее 2/3 членов ее».

§ 14-й гласит: «Краевая Рада сама проверяет полномочия своих членов».

Председатель. — § 10-й: «Состав краевой Рады и порядок ее избрания определяются особым законом, принятым краевой Радой» Желающих высказаться по поводу этой статьи нет? Слово предоставляется члену Рады...

Член Рады (фамилия не установлена). — Господа члены Рады! Обратите внимание на эту статью: «Состав и порядок избрания краевой Рады определяются особым законом, принятым краевой Радой». Докладчик говорит, что краевая Рада поручает Законодательной Раде выработать особый порядок избрания краевой Рады, и этот закон будет утвержден следующей краевой Радой. Получается какой-то заколдованный круг: краевая Рада должна быть избрана по определенному закону, закон этот еще не выработан и не утвержден нами, следовательно, перед Законодательной Радой и войсковым атаманом встанет вопрос: по какому закону будут они созывать краевую Раду, раз такого закона не существует? Естественно, они будут поставлены в тупик. От имени Таманского отдела вношу предложение, чтобы комиссия по самоуправлению сейчас же приступала к выработке избирательного закона в краевую Раду.

Председатель. — Кто желает высказаться? Слово принадлежит докладчику.

Докладчик Коробьин. — Господа члены Рады! Этот вопрос, конечно, может представляться в виде заколдованного круга. Мне представляется трудным сказать, на основании каких же законов избирательных собралась наша Законодательная и наша краевая Рада? Мы собрались и считаем себя полномочными. Поэтому я просто предлагаю создать избирательный закон и представить его на утверждение. Никакого заколдованного круга я тут не вижу, кроме того, чтобы следующая краевая Рада обсудила этот законопроект, и тогда уже, после следующей краевой Рады, мы будем действовать на основании этого закона.

Председатель. — Прошу тех, кто согласен принять эту статью в редакции комиссии, поднять руки. Кто против? Принято.

Параграф 11-й гласит: «Краевая Рада созывается: для избрания войскового атамана, для рассмотрения и утверждения законов, вносящих изменения в основные положения об управлении краем, а также для решения вопросов, возбужденных по почину самой краевой Рады во время ее сессии».

Слово предоставляется члену Рады Мореву.

Член Рады Морев. — В дальнейшем вы увидите, что в Законодательной Раде все вопросы решаются абсолютным большинством, вопрос же о созыве краевой Рады — квалифицированным большинством. Из мотивировки, приведенной доклад-

чиком, следует, что квалифицированное большинство потребовалось потому, что краевая Рада — громоздка и недешево стоит. Рада — это то учреждение, которое призвано нормировать жизнь и творить законы, по которым мы будем жить. Разве могут быть разговоры о том, что нужно квалифицированное большинство для созыва краевой Рады по тем мотивам, которые здесь были приведены? Ведь получится практически такая история, что две трети собрать нельзя будет, а Законодательная Рада находит необходимым выдвинутые вопросы разрешить спешно, но она не в состоянии будет этого сделать. Урезания прав Законодательной Рады в таких случаях нельзя допустить. Мы, поручая издавать законы, даем все права, а в вопросе о том, чтобы созвать краевую Раду, ограничиваем — это совершенно неуместное введение. Я предлагаю ст. ст. 11-ю и 12-ю редактировать так, чтобы упоминание о двух третях было опущено.

Председатель. — Кто желает еще высказаться? Слово предоставляется члену правительства Намитокову.

Член правительства Намитоков. — Господа члены Рады! Большинство двух третей введено было не потому, что краевую Раду трудно подымать и трудно созывать, а вопрос обстоит так: для того чтобы возбудить вопрос, скажем, об изменении конституции, вопрос, который составляет компетенцию краевой Рады, нужно установить особый порядок возбуждения этого вопроса. Известно, что для того, чтобы возбудить вопрос об изменении конституции, требуется усложненный порядок. В некоторых странах, например, в Швеции, Соединенных Штатах, требуется постановление определенного количества штатов и т. д., словом, я хочу сказать, что все вопросы, которые подлежат рассмотрению краевой Рады, имеют особый учредительный характер, и краевая Рада является, по существу, органом учредительным. Чтобы возбудить вопрос о созыве ею краевой Рады для рассмотрения тех или иных важных вопросов, требуется особый квалифицированный порядок, т.е. как и сказано — две трети. Таким образом, я поддерживаю тот проект, который был внесен и предложен докладчиком.

Председатель. — Слово предоставляется докладчику.

Докладчик Коробьин. — Господа члены Рады! Я ненадолго отниму ваше внимание и постараюсь конкретно пред вами представить абсолютное большинство и квалифицированное, в две трети всех членов. Законодательная Рада, предположим, созывалась в количестве 80 человек. Таким образом, кворумом является 41 человек, а 21 человек есть абсолютное большинство данного кворума. Таким образом, 21—22 человека в некоторых случаях могут созвать Чрезвычайную Раду. По нашему положению, две трети — 54 члена Законодательной Рады — могут созвать краевую Раду. Вы видите, что такая гарантия необходима для того, чтобы созвать такое ответственное и большое учреждение, как краевая Рада, поэтому прошу принять эту статью в той редакции, в какой предлагает комиссия.

Председатель. — Я еще раз прочту. *(Читает.)* Голосую. Принята в редакции, предложенной комиссией.

Пункт 12-й: «Краевая Рада созывается войсковым атаманом по его инициативе или по решению Законодательной Рады, принятому большинством двух третей всех ее членов.

По разрешении краевой Радой вопросов, для коих она была созвана, а равно возбужденных по ее инициативе, полномочия ее считаются прекращенными».

Слово предоставляется члену Рады полковнику Чекалову.

Член Рады Чекалов. — Господа члены Рады! Докладчик по этой статье сделал предпосылку, в которой употребил фразу, что войсковой атаман может сам, непосредственно, созывать краевую Раду. Не знаю, правильно ли он формулировал ст. 12-ю или нет. Статья 49-я говорит, что все акты войскового атамана должны быть скреплены председателем правительства или отдельными членами правительства по принадлежности, без каковой скрепы акты войскового атамана недействительны. Я себе представляю такой случай, когда войсковому атаману необходимо созвать краевую Раду помимо желания правительства, и акт этот, не подписанный правительством, является недействительным. В статье 12-й говорится, что атаман может созвать краевую Раду непосредственно, по собственной инициативе. Я хотел бы, чтобы это разъяснили и чтобы эта статья была представлена в более ясной форме.

(Председательское место занимает товарищ председателя Д. А. Филимонов.)

Председательствующий. — Слово предоставляется председателю краевой Рады Н. С. Рябоволу.

Н. С. Рябовол. — Господа члены Рады! То, что для г. Чекалова непонятно, для меня совершенно ясно. Ведь в парламентских странах президент является главой исполнительной власти, как и по нашей конституции ею является войсковой атаман. Войсковой атаман, как глава исполнительной власти, с правительством может разойтись во мнениях; тогда Законодательной Раде надо апеллировать к мнению и настроению края. В другом случае — войсковой атаман издает акт о созыве краевой Рады, конечно, скрепленный главой правительства, в лице председателя правительства или соответствующего министра. Никакого расхождения, никакой неясности для меня здесь нет. Войсковой атаман не может разойтись с председателем правительства, иначе он не был бы главой исполнительной власти.

Председательствующий. — Слово принадлежит докладчику.

Докладчик Коробьин. — Господа, вопрос, который смутил члена Рады Чекалова, кажется, очень многих смущает. Многие, в сущности, так говорили, не будучи достаточно осведомлены о технических взаимоотношениях всех властей. Член Рады Чекалов ставит вопрос: войсковой атаман созывает Раду по своей инициативе. Он отсылает к параграфу 49-му и резонно замечает, что войсковой атаман не может созвать краевую Раду, раз председатель правительства не захочет скрепить акта о созыве. Конечно, так созвать Раду нельзя. Я отошлю члена Рады Чекалова к § 40-му, который гласит, что войсковой атаман приглашает председателя правительства. Таким образом, если председатель правительства не захочет скрепить акт войскового атамана, в этом случае войсковой атаман может распустить данное правительство и пригласить такого председателя правительства, который согласится скрепить акт о созыве. У нас соблюдается полная безответственность главы исполнительной власти и в то же самое время — ответственность всех министров перед законодательными учреждениями. Да не смущается сердце ваше тем, что ограничивается власть войскового атамана. Я повторяю то, что я говорил уже неоднократно. Уж на что, кажется, Вильгельм

представлял собою олицетворение абсолютной власти, однако он ни одного акта не мог провести в жизнь без скрепления рейхсканцлера. Это — основное правило всякого парламентаризма.

Председательствующий. — Я полагаю, что вопрос, затронутый членом Рады Чекаловым, во всяком случае, баллотировать нужно не сейчас, потому что здесь ясно сказано — «по инициативе атамана», тогда, когда мы будем баллотировать § 49-й. Я баллотирую текст в редакции комиссии. Кто за этот текст? Большинство. Принят.

Пункт 13-й *(Читает.)*: «Для открытия сессии краевой Рады необходимо прибытие не менее двух третей членов ее». Есть желающие высказаться? Нет. Баллотирую. Кто за принятие этого пункта? Большинство. Принят.

Пункт 14-й *(Читает.)*: «Краевая Рада сама проверяет полномочия своих членов». Прошу высказаться по этому пункту. Желающих нет? Кто за принятие? Большинство. Принят.

Господа члены Рады, хотя пункт 16-й согласно вашему желанию мы не будем баллотировать, я все-таки прошу докладчика для цельности картины коснуться и этого параграфа. Баллотировать его мы не будем, но докладчик по пути сделает свои разъяснения, а баллотировка этого параграфа будет произведена тогда, когда будут известны результаты работ согласительной комиссии.

Докладчик Коробьин. — Раздел 5-й предусматривает порядок созыва и компетенцию Законодательной Рады. Параграф 15-й гласит: «Законодательная Рада избирается на три года на основании особого закона, принятого краевой Радой».

Относительно этого закона я напомню вам свои соображения, которые были мною высказаны по поводу порядка созыва краевой Рады. Те же самые соображения заставляют этот вопрос отложить до будущей краевой Рады. Законодательная Рада нам изготовит избирательный законопроект, который будет принят следующей краевой Радой; следующие краевая и Законодательная Рады будут действовать на точно обоснованном законе, но непосредственно следующую Законодательную Раду мы принуждены избирать порядком ненормальным. В примечании сказано: «Избрание первой по принятии настоящего положения Законодательной Рады производится сроком на один год Чрезвычайной краевой Радой созыва 28 октября 1918 года, в количестве 80 человек, из числа лиц, имеющих пассивное избирательное право при выборах в означенную краевую Раду, пропорционально количеству населения каждого отдела. Чрезвычайная краевая Рада избирает также кандидатов к членам Законодательной Рады в числе 40 человек». Перед комиссией стал вообще вопрос: каким образом организовать Законодательную Раду? До сих пор в практике имелся один случай, что Законодательная Рада избирается краевой Радой, но комиссия нашла такой порядок ненормальным. Дело в том, господа, что законодатели, законодательная власть, не могут быть ни перед кем ответственны, они получают свои полномочия непосредственно от избирателей. И вот в силу этого, для того чтобы законодатели были свободны в своих законодательных мыслях, они не могут избираться никакими другими органами, никаким другим институтом, кроме как непосредственно самим народом на его избирательных собраниях. В самом деле, Законодательная Рада, которая избирается Чрезвычайной Радой, как будто бы несет ответственность перед Чрезвычайной Ра-

дой, но Законодательная Рада никакой ответственности нести не может — она безответственна. Если она будет чувствовать себя связанной перед другим институтом, если она будет чувствовать, что она должна давать отчет в своей работе, то это не будет Законодательная Рада, ибо она не сможет свободно творить законы. Это — порядок ненормальный. На будущее время мы должны твердо установить, что Законодательная Рада должна избираться непосредственно населением края. Члены Законодательной Рады несут ответственность перед избирателями только в том смысле, что в следующие выборы данные депутаты могут не заслужить доверия своих избирателей и могут быть не избраны снова. Но ввиду того что избирательные законы не изготовлены, мы признаем, что на этот год Законодательная Рада должна быть выбрана вами, Радой краевой, но только на один год, ибо мы надеемся, что Законодательная Рада изготовит законопроект, который и будет утвержден следующей краевой Радой. Таким образом, в следующий год можно будет произвести нормальные выборы в Законодательную Раду.

Когда стал вопрос о том, каким образом производить выборы в Законодательную Раду, то мы здесь натолкнулись на предложение правительства о том, чтобы эти выборы производились не только из числа членов краевой Рады, но вообще из числа лиц, имеющих пассивное избирательное право при выборах в краевую Раду. По этому вопросу у нас произошло столкновение мнений. Одна часть комиссии настаивала на том, что недопустимо, чтобы Чрезвычайная Рада выбирала в Законодательную Раду не из среды своих членов, а откуда-то со стороны, из пользующихся пассивным избирательным правом. Но большинство стало на ту позицию, что надо допустить выборы в Законодательную Раду не только из своей среды по практическим соображениям: ввиду вообще ненормальности избирательного закона и ввиду часто случайных, преходящих обстоятельств — отсутствия многих видных общественных деятелей, которые почему-либо не вошли в Чрезвычайную Раду и тем самым лишены возможности войти в Законодательную Раду. Большинством комиссии принято предложение правительства о том, чтобы выбирать не только из своей среды в Законодательную Раду, но вообще из числа лиц, пользующихся пассивным избирательным правом. Затем возник вопрос: каким образом выбирать? Перед нами стала цифра 80, предлагали больше и меньше, но большинством голосов решено было остановиться на этой цифре по практическим соображениям: на основании полученного опыта комиссия нашла эту цифру самой подходящей. Затем возник вопрос: каким образом производить выборы в Законодательную Раду? У нас имеется 7 отделов — по равному ли количеству членов должен дать каждый отдел или нет? Кроме того, у нас имеется группа горцев, имеются представители от городского и так называемого иногороднего населения. Но, принимая во внимание, что представители городов и иногородних до сих пор особой самостоятельной группы не составили, а слились с отделами, мы решили, что представительство должно быть только от отделов. Представители горцев также заявили, что горцы могут не выделяться для особого представительства и выборы их будут произведены от отделов. Мы в нашей работе так это наладили, мы настолько доверяем друг другу, что не сомневаемся, что интересы всех трех групп в Законодательной Раде будут представлены, конечно, в соответствующей пропорции. Казачество пройдет в абсо-

лютном большинстве, потом пройдут горцы, затем представители городов, для защиты специальных городских интересов, и представители иногородних. Если вы согласитесь с нашим мнением, что действительно в Раде не замечается трений между этими тремя элементами, то, конечно, тогда наше положение примете, потому что каждый отдел может дать представительство всех трех элементов. Затем мы провели пункт об избрании членов пропорционально количеству населения каждого отдела. Есть отделы одни меньше, другие больше, и отделы с большим количеством населения вправе требовать, чтобы от них прошло и большее количество представителей. Против этого вы, конечно, возражать не будете. Во 2-м абзаце мы исправили: в проекте было сказано, что число кандидатов определяется в двадцать человек; мы нашли это количество недостаточным и определили его в половину всех членов Законодательной Рады, т. е. цифрой 40. Я думаю, вы с этим согласитесь. В наше ненормальное время, когда жизнь каждого висит на волоске, число кандидатов нужно увеличить до 40.

Пункт 16 *(Читает.)*: «Законодательная Рада осуществляет законодательную деятельность, поскольку она не отнесена к ведению краевой Рады и пользуется правом законодательной инициативы. По законодательным предположениям своих членов или комиссий она может поручить краевому правительству разработку соответствующего законопроекта на принятых Радою основаниях».

Вы видите, что мы определили законодательную работу чисто отрицательным признаком. Все то, что не относится к ведению краевой Рады, относятся к ведению Законодательной Рады. Во втором абзаце мы определяем и положительным признаком деятельность Законодательной Рады: она пользуется законодательной инициативой. Комиссия сочла необходимым ввести оговорку — не только пользуется законодательной инициативой, но по законодательным своим предположениям она может поручить войсковому правительству разработку того или иного законопроекта на принятых Радою основаниях. Это вопрос — очень важный. Законодательная Рада не обладает всем тем фактическим материалом, который иногда требуется для разработки того или иного законопроекта. Весь фактический материал находится в руках министров, в руках министерств. Только они, обладая этим материалом, могут во всех деталях разработать тот или иной проект. И практика законодательных учреждений — Государственной Думы и западноевропейских парламентов — показала, что парламент часто не в состоянии сам разработать законопроект, поэтому он должен обладать правом заставить свое правительство изготовить в такой-то срок законопроект на тех основаниях, которые приняты парламентом. С этим добавлением я прошу краевую Раду согласиться. *(Читает.)*

«В частности, к ведению Законодательной Рады относятся: рассмотрение и утверждение краевого бюджета, утверждение проектов правительственных займов, определение ежегодного контингента лиц, подлежащих призыву на военную службу, утверждение договоров, заключаемых с другими государствами, государственными образованиями и областями, и обсуждение деятельности Кубанского краевого правительства, к которому она может обращать вопросы и запросы».

Эту часть сейчас обсуждать не приходится, потому что здесь затрагивается вопрос общегосударственный, который командование Добровольческой армии просит

нас предварительно обсудить в согласительной комиссии, так что мы сейчас останавливаться на этом вопросе и голосовать второй абзац не будем. Призыв на военную службу, равно как и утверждение договоров, заключаемых с другими государствами, — вопросы также общегосударственного значения. Мы, конечно, согласны, когда будет создана центральная власть, предоставить ей утверждение и обсуждение этих двух пунктов, но, пока ее нет, мы должны разрешать эти вопросы сами. В конце второго параграфа говорится, что Законодательная Рада может к правительству обращать запросы и вопросы. Я должен дать объяснение этих двух парламентских терминов. Вопросом — на парламентском языке — называется такой акт со стороны каждого члена законодательного учреждения, когда он обращает свой вопрос к министру и просит дать ответ. Но, прежде чем этот вопрос ставить с трибуны законодательного учреждения, депутат должен пойти к министру и сказать: «Господин министр, принимаете ли вы мой вопрос или нет?» Если министр ответит, что он принимает, — только тогда член законодательного учреждения от своего личного имени может поставить перед министром этот вопрос, и министр должен дать ему исчерпывающий ответ. Вы видите, здесь требуется соблюдение двух условий: 1) от своего личного имени ставить вопрос и 2) предварительное согласие со стороны министра на постановку этого вопроса с кафедры.

Запрос — это на русском языке, а на французском это называется «интерпелляция». Это — положение другое, это — право не от имени данного депутата, а от имени всего законодательного учреждения без предварительного разрешения со стороны того или иного министра ставить министру или всему министерству запрос. И по этому запросу министр или министерство обязаны дать ответ парламенту. Но для того, чтобы этот запрос был поставлен, требуется определенное количество подписей, ну, скажем, не меньше пятнадцати. Запрос вносится на предварительное обсуждение палаты, Законодательной Рады в данном случае. Законодательная Рада принимает это предложение, и тогда от ее имени ставится запрос, или интерпелляция, данному министру или министерству — и последние без всяких отговорок должны дать исчерпывающий ответ. Вопросы, конечно, носят мелкий характер, а запросы возбуждают очень жестокие, ожесточенные прения, и, в конце концов, вотумом выражается доверие или недоверие министру. Если выражено доверие — министерство остается, если нет доверия — министерство уходит в отставку и Законодательная Рада выбирает новое правительство. Вот разница между вопросом и запросом.

Пункт 17-й: «Члены Законодательной Рады принимают участие в заседаниях краевой Рады с правом совещательного голоса». Это — пункт ясный, не требующий пояснения.

Пункт 18-й: «Законодательная Рада собирается ежегодно по праву на очередную сессию, открываемую 15 ноября».

Здесь сказано, что Законодательная Рада собирается по праву на очередную сессию, открывая ее 15 ноября. Таким образом, будет ли издан войсковым атаманом указ о созыве Законодательной Рады или нет, она по собственному праву каждое 15-е ноября собирается для несения своих законодательных обязанностей. Перед вами станет вопрос: почему Законодательная Рада начинает свою очередную сессию непременно

с 15-го ноября, почему не другого числа другого месяца? Это вопрос очень серьезный, который и в комиссии возбудил очень серьезное к себе отношение, и мы немало его обсуждали. Это — вопрос чисто практический. Вы из последних параграфов увидите, что первый вопрос, который должна разрешить Законодательная Рада, — это вопрос по обсуждению росписи краевых расходов и доходов. Таким образом, если 15-го ноября Законодательная Рада созывается, то 16-го ноября министерство должно представить проект росписи краевых расходов и доходов. В этих же числах Законодательная Рада должна приступить к обсуждению внесенного проекта, чтобы к первому января, к началу календарного года, был изготовлен и утвержден бюджет на будущий год, на основании которого могло бы правительство нести свою исполнительную работу. Вот поэтому Законодательная Рада и созывается к 15-му ноября, в надежде, что до 20-го декабря успеет роспись рассмотреть, утвердить и к началу календарного года представить для исполнения. Здесь практически этот вопрос иногда наталкивается на большие затруднения, именно в том смысле, что исполнительная власть в лице министра финансов не в состоянии в ноябре месяце составить и представить роспись краевых доходов и расходов на рассмотрение Законодательной Рады, потому что в ноябре она еще не имеет всех данных относительно экономического результата данного года. Поэтому на практике западноевропейские страны начали переходить к другим способам, к созыву очередной сессии не в ноябре, а в феврале. Французская конституция гласит: «Палата созывается во второй вторник января месяца». Английский парламент, сначала созывавшийся в ноябре, теперь созывается в феврале и даже в марте, потому что министр финансов не успевает собрать весь накопившийся за год материал. Мы, став перед этим вопросом, вполне учитывали возможность, что и наше ведомство не успеет собрать соответствующий материал, изготовить проект росписи и представить его на утверждение Законодательной Рады, но здесь, вследствие отсутствия практики с нашей стороны, мы этого вопроса не могли выяснить и решили оставить его так, как это значится в проекте правительства. Мы попробуем, что из этого выйдет; сможет ли ведомство финансов изготовлять проект росписи доходов и расходов и сможет ли Законодательная Рада к 1 января его утверждать. Если это абсолютно невозможно, то впоследствии краевая Рада примет это к сведению и установит иной срок, скажем — 15 января. Большинство членов Законодательной Рады будет освобождаться от своих сельских работ к этому времени и будет иметь свободное время для несения законодательных функций. Комиссия просит этот пункт принять, а практика покажет, как дальше нужно быть. Нужно иметь практический материал, чтобы вынести определенное решение. Значит, очередная сессия будет только один раз в год: Законодательная Рада будет собираться к 15 ноября и работать до тех пор, пока не исполнит текущей законодательной работы, после чего она делает перерыв до следующего 15 ноября. Но может встретиться необходимость еще раз собрать Законодательную Раду. Мы этот случай предусматриваем во второй части той же статьи:

«На чрезвычайную сессию Законодательная Рада созывается войсковым атаманом по его инициативе, а равно по заявлению не менее одной трети числа членов Законодательной Рады».

Следовательно, достаточно одной трети числа членов для того, чтобы собраться им всем для решения тех или иных вопросов и для того, чтобы открыть чрезвычайную сессию Законодательной Рады.

Параграф 19: «Немедленно по открытии очередной сессии Законодательной Рады на ее рассмотрение правительством вносится роспись краевых доходов и расходов».

Самое важное — это утверждение росписи доходов и расходов. Без утверждения ее исполнительная власть не сможет нести исполнительных функций. И поэтому первым делом Законодательная Рада рассматривает и утверждает проект росписи доходов и расходов.

Параграф 20: «До принятия Законодательной Радой росписи никакой налог не может быть взимаем и никакой расход не может быть произведен без специального на то разрешения Рады».

Вы видите, господа, тут мы можем встретиться с таким случаем. Предположим, к 1-му января Законодательная Рада не успеет рассмотреть тот или иной проект росписи доходов и расходов. Правительство станет перед фактом неимения утвержденного бюджета, и ему остается прекратить свою деятельность. Но ведь государственный механизм ни в коем случае остановиться не может, и в этом случае Законодательная Рада издает простое постановление, разрешая краевому правительству пользоваться одной двенадцатой или даже двумя двенадцатыми бюджета предыдущего года. На каждый данный год, раз Рада не успела рассмотреть данный законопроект, она издает постановление, коим разрешается краевому правительству пользоваться одной или двумя двенадцатыми бюджета предыдущего года.

В примечании к ст. 20 сказано: «Существующие налоги и сборы, а также производимые по временным штатам и особым постановлениям правительства расходы сохраняются до момента утверждения Законодательной Радой первой росписи краевых расходов и доходов». Это, конечно, совершенно ясно.

Параграф 21: «Законодательная Рада избирает краевого контролера для наблюдения за правильным исполнением краевой росписи доходов и расходов и контроля над финансово-хозяйственной деятельностью всех органов исполнительной власти края».

Вы видите, господа, что правительство конструируется войсковым атаманом. Войсковой атаман приглашает председателя правительства и утверждает в качестве министров лиц, которых представляет ему председатель правительства. Но для краевого контролера мы делаем исключение. Мы считаем, что этот пост совершенно независим. Он должен быть особенно ответственным перед законодательной властью, но стоять вне исполнительной власти, потому что он должен эту исполнительную власть контролировать. Поэтому вы, конечно, согласитесь, что краевой контролер должен особо избираться Законодательной Радой, потому что вы понимаете, что его положение в высшей степени ответственно: он должен все время контролировать исполнительную власть в расходовании народных денег, и поэтому он особенно ответственен перед Законодательной Радой. Я думаю, этот вопрос ясен, и вы согласитесь с той редакцией, которую предлагает комиссия.

Председательствующий. — Оглашаю пункт 15: «Законодательная Рада избирается на три года на основании особого закона, принятого краевой Радой». Желающих прошу высказаться по этому вопросу. Слово предоставляется Султану Шахим-Гирею.

Султан Шахим-Гирей. — Господа члены Рады! Чтобы избежать сложности в данный момент, я заявлял, что пока выделять горцев не следует, но, так как представители горцев сейчас довели до сведения, что лучше было бы, если бы их выделить, я прошу в примечании к 15-й статье нашего положения после слов «количество населения» добавить, что горцы выделяются в особый округ. Это — заявление представителей горцев, и я делаю его. Горцы выделяются в особый округ, с предоставлением им восьми мест.

Член Рады Коробьин. — Господа члены Рады! Я извиняюсь, что упустил из виду осветить вам один очень существенный пункт, который мы выделили в 15 статью. Мы устанавливаем срок для созыва Законодательной Рады на три года, конечно, исключая ту Раду, которую мы сейчас избираем. Этот срок должен быть поставлен в связи со сроком полномочий войскового атамана. Вы увидите из следующих отделов, что войсковой атаман избирается на четыре года. Здесь есть соотношение между сроком работ законодательного органа и главы исполнительной власти. Обычно глава исполнительной власти получает свои полномочия на больший срок, чем представители законодательного учреждения. В самом деле, если французская палата выбирается на 4 года, то президент избирается на 7 лет; если представители в американскую палату выбираются на два года, то президент выбирается на четыре года. Это делается на тот предмет, что исполнительная власть в своей работе должна приобрести устойчивость. Эта устойчивость, конечно, будет колебаться вследствие частых смен главы исполнительной власти. Второе условие, что не должно происходить одновременно изменение и обновление всего государственного механизма. В самом деле, если бы мы определили один срок, то получилось бы такое положение при выборах на три года: через три года истекает срок полномочий и главы исполнительной власти, и законодательного учреждения. Выбираются новые лица в правительство и новый глава. Получается перерыв в работе государственного механизма, который может губительно отразиться на его работе. Необходимо, чтобы работа исполнительной власти шла безостановочно, чтобы перерыв в работе законодательной не отражался на исполнительной власти. Для этого мы установили разные сроки выборов законодательной власти и главы исполнительной власти; таким образом, пока происходит обновление законодательной власти, глава остается тот же, и наоборот, в то время как избирается глава исполнительной власти, законодательная власть продолжает свою работу. От этого работа государственного механизма только выигрывает. Мы просим принять, чтобы Законодательная Рада выбиралась на три года, а в соответствии с этим глава исполнительной власти — на более долгий срок.

Член Рады Новосельцев. — Господа члены Рады! Я буду говорить по вопросу о том, как должны быть избраны члены Законодательной Рады. Конечно, самым идеальным способом было бы избрание непосредственное, но докладчик заявил, что в связи с переживаемым моментом этого произвести нельзя, и в комиссии по этому вопросу произошло столкновение двух мнений: одни говорили, что члены Законодатель-

ной Рады должны быть избраны из числа членов краевой Рады, а другие говорили — из числа членов, имеющих пассивное избирательное право. Если мы считаем наиболее справедливым и идеальным способом избрание членов Законодательной Рады самим населением, то, конечно, ни в коем случае мы не должны давать возможности, чтобы члены Законодательной Рады по нашему законопроекту избирались из членов, имеющих пассивное избирательное право, потому что эти лица не получили никакого доверия с мест. Я полагаю, что необходимо редактировать эту статью таким образом, что члены Законодательной Рады избираются из наличных членов краевой Рады и потому что у них имеются полномочия от населения. Если бы мы предоставили право быть избранными вообще лицам, имеющим пассивное избирательное право, то эти права были бы далеки от справедливости, тем более далеки от избирательного идеала. Я обращаю ваше внимание на этот вопрос, потому что боюсь, что он может вызывать среди нас разногласия и повести к большим толкам на местах.

Член Рады М. Гатагогу. — Господа члены Рады! Я хочу немножко пояснить и мотивировать то заявление представителя горцев, которое он сделал относительно формирования Законодательной Рады. Здесь сказано в примечании, что количество членов Законодательной Рады должно быть восемьдесят человек и что они избираются на определенных условиях краевой Радой, Дело в том, что если выборы будут происходить по отделам, то может случиться, что интересы горцев в Законодательной Раде полностью представлены не будут. Если бы горцы состояли из однородных элементов, то от этого положение особенно не изменилось бы — могли бы попасть вместо восьми три представителя от горцев; принимая во внимание общее число членов, большинство окажется не на стороне горцев. Но здесь, в Кубанском крае, горцы не составляют однородного населения: есть карачаевцы, есть черкесы, абадзехи и т. д., масса различных племен и народностей. В прошлой Законодательной Раде мы просили для себя определенное число — восемь, ибо если число представителей наших будет меньше восьми, то интересы горцев не будут представлены вполне выпукло и ясно, ибо различные интересы у этих племен. И вот, наша просьба заключается в том, чтобы при формировании этой Законодательной Рады или путем частного соглашения, или же особым примечанием к § 15-му конституции впредь до выработки закона о выборах в Законодательную Раду горцам было предоставлено из 80 восемь мест. Менее восьми мест нас не удовлетворяет, ибо они не представят наших интересов. Бояться того, что здесь будет восемь наших представителей, никто не должен, потому что из 80 восемь решающего значения иметь не могут, в то же время они представят наши интересы. Пусть представители от отделов нам дадут гарантию, что наши представители по отделам пройдут в Законодательную Раду.

Председательствующий. — Слово предоставляется председателю краевой Рады Рябоволу.

Н. С. Рябовол. — Здесь только что выступал член Рады Новосельцев и говорил, что избирать в Законодательную Раду необходимо только лишь членов краевой Рады. Я совершенно не согласен с этим предложением. У нас и так мало работников, и из них много таких, которые по тем или иным причинам не могли попасть в число членов краевой Рады. Зачем мы будем себя стеснять в выборе людей? Если человек для

нас — полезный, если он обладает знаниями, зачем мы его будем лишать права участия в Законодательной Раде?

Я полагаю, что этого делать не должно, и мы должны этот пункт принять в той редакции, которая предложена правительством и комиссией. Нужно предоставить право каждому быть избранным в Законодательную Раду. Если мы этого не сделаем, то мы ограничиваем себя и исключаем полезных для края работников, не даем им возможности работать.

Член Рады Каплин. — Господа члены Рады! Я, к сожалению своему, должен выступить против того, что было здесь сказано председателем Рады. Я привык подходить к вопросам государственно-правовым, к вопросам юридического характера с точки зрения стройности определенной теории, с точки зрения юридической правильности. Я не могу разрешать государственно-правовых вопросов на основании каких-либо особых соображений.

Должен сказать, что мы очень много говорим о парламентском строе, но по необходимости мы уже вводим некоторые отступления от этого строя. Так, например, парламентский строй требует, чтобы правительство состояло только из числа членов парламента, а у нас уже есть отступление: правительство наше состоит не только из числа членов парламента, но даже, по новой конституции, оно может состоять из лиц, не вошедших в состав краевой Рады. Но если мы с этим отступлением от основ парламентаризма еще можем примириться как-нибудь, то я не вижу никаких оснований вводить новое уродство в парламентскую жизнь. А это, конечно, уродство, если мы раскрываем объятия каждому, если предлагают вам составить Законодательную Раду не путем выборов из членов краевой Рады, а по особой системе назначения, ибо здесь говорят, что можно выбирать, кого пожелают, из лиц, находящихся на территории Кубанского края и пользующихся пассивным правом. Это то же самое, что назначение, и допускать этого нельзя. Ведь мы даже о комиссиях наших, работающих здесь, в краевой Раде, говорим, что решающее право голоса в них принадлежит не следующим лицам, не тем, кто приглашен — они пользуются только правом совещательного голоса, — а только членам Рады, облеченным доверием населения; когда же создаем законодательный орган, мы вдруг отступаем от элементарной точки зрения, говорим, что можно выбирать кого угодно. Что-нибудь одно: или мы будем строить нечто невиданное и неслыханное, тогда мы бросим говорить о парламентаризме; если же мы говорим о принципе избирательного права, то не должны уродовать этот принцип. Если даже в комиссии решающее право голоса может иметь только член краевой Рады, то в Законодательной Раде, которой вы вручите верховную власть, тем менее могут быть представлены лица по назначению.

Член Рады И. Макаренко. — Господа члены Рады! Возникли большие прения по вопросу, казалось, совершенно очевидному и, во всяком случае, не вызывающему двух мнений. Если мы будем аргументировать свои речи тем, что мы идем в объятия широкому парламентаризму, то, конечно, этими аргументами можно доказать любое положение. А если мы возьмем во внимание действительность, то мы придем к тому выводу, к которому пришел предыдущий оратор. Во всяком случае, если человек много трудится, то он думает, что он большой специалист по этому делу и что другой в

этом ничего не поймет. Так и мы, если мы года сидим над законами, творим их, то нам кажется, что это и есть самый широкий парламентаризм. Господа члены Рады! Существовали в древнем мире касты жрецов. Жрецами могли быть только сыновья, потомки жрецов, но никто другой — забронированная группа людей, служители Бога. Хотят, чтобы здесь было то же самое. Неужели это каста кубанских законодателей, вот что в этих четырех стенах находятся?

Они — законодатели, испытанные в боях, а те, которые живут в станицах и городах, тех нельзя избрать, те не законодатели, потому что это не будет последовательность, стройность системы?! Ссылка на стройную систему еще не доказывает ничего. Меня не удовлетворяют те ораторы, которые говорят: «Выбирайте только из числа членов, находящихся в краевой Раде». Господа, существовали парламенты на протяжении уже нескольких сот лет, в которые избирались от 80 до 400 человек законодателей из огромного числа людей, населяющих страну. В России существовала Государственная Дума, число членов в ней приблизительно равнялось числу законодателей, которых здесь выставляют. Если мы станем на ту точку зрения, что в Законодательной Раде должно быть 80 человек, и если при этом станем еще на точку зрения, чтобы эти 80 человек были избраны из 400 человек, здесь находящихся, то это будет актом ограничения прав населения. Еще вопрос — избрали ли бы тех или других из станиц, если бы это им было предоставлено.

Господа, нельзя думать, что только мы можем быть законодателями и что из данного состава нам удастся выбрать подходящий состав в число членов Законодательной Рады. Из общего числа 80 человек на каждый отдел приходится выбрать по 10 человек. Значит, эти 10 человек должны быть избраны из 50–60 человек, ныне состоящих членами краевой Рады. При этом очень трудно нам будет доказать, что именно они оказались более способными законодателями. И мне думается, что всякий, кто захочет, чтобы в Законодательную Раду попадали только те, которые здесь сидят, очень слабыми доводами могут это доказать. Конечно, выбирать членов Законодательной Рады следует не по назначению, не в силу свойства, семейного родства или единства интересов, а будут избирать тех, кто наиболее подходит к этой роли. Выбор будет зависеть от отделов. Здесь идет разговор о том, что в Законодательную Раду могут быть избираемы лица, обладающие пассивным избирательным правом в краевой Раде, но это не значит, что обязательно их будут избирать, а может быть, мой отдел скажет: «Половину изберем тех, а половину других». Если Ейскому отделу придется избирать 13 человек, может быть, 10 он изберет из своих, а 3 со стороны, а может быть, и всех изберет из своей среды. Но зачем так поступать, как говорит Каплин? Так ограничивать себя — нельзя. Недопустимо из 500 человек избрать 80. Рада вправе воспользоваться свободой выбора. Я думаю, предложение Каплина должно быть отвергнуто, и мы должны будем согласиться с тем, что предлагает нам законопроект комиссии.

Член Рады (фамилия не установлена). — Я привык так же логически мыслить, как член Рады Каплин, и думаю, что не менее знаю законы парламентаризма, и удивляюсь, откуда взялись парламентские сведения у г. Каплина? Он говорит, что будет непарламентарно, если мы предоставим право участия в Законодательной Раде всем, а не только тем, кто будет членом краевой Рады. Интересно знать, в каких странах он

нашел такие законы? Единственно, такой закон был написан Столыпиным, Если смотреть с такой точки зрения, то он, безусловно, прав, но в других странах этого закона не наблюдается. Но я оставляю г. Каплину его знание парламентаризма и обращаюсь к практической необходимости. Совершенно прав наш председатель, говоря, что круг лиц у нас не настолько велик, и совершенно верно, что многие лица не были проведены в члены Рады только потому, что станицы их были в то время заняты театром военных действий или станицы не знали, живы ли такие-то или нет. Многие не попали в число членов настоящей краевой Рады, хотя и были облечены полномочиями не только от отдела, но и от всего войска, и многие попали в краевую Раду только потому, что приехали в свою станицу заблаговременно.

Член правительства Намитоков. — Господа члены Рады! Если подходить к этому вопросу с точки зрения отвлеченной, с точки зрения требований теории, то кажутся очень убедительными те доводы, которые развивал здесь член Рады Каплин. Он говорил, что нигде не видано и не слыхано, чтобы избирательный корпус, собрание выборщиков избирало члена законодательного собрания не из своей среды. Но ведь, господа, мы допустили одно очень существенное нарушение тем, что предоставили органу законодательному, даже не законодательному, а учредительному — краевой Раде — право избирать членов нормального законодательного собрания. Нигде я не знаю такого порядка, чтобы так избирались члены собрания. Когда выбирались члены краевой Рады, то для них не было стеснительных условий, которые устанавливаются этим проектом для членов Законодательной Рады. Тут сказано в примечании, даже не в примечании, а в статье, что все члены Законодательной Рады не могут занимать должностей по назначению правительства, а также выборных, административных и полицейских должностей. Для члена же краевой Рады никаких ограничений нет. Это — одно соображение; другое — при выборах членов краевой Рады население прежде всего руководилось, конечно, близостью депутатов к самому населению, из тех соображений, что данный депутат может отражать насущные нужды и интересы населения. Нормальное законодательное собрание, скажем, парламент, конечно, должен быть интеллектуальным в смысле подбора сил, должен отличаться особым подбором. Тут уже требуется гораздо более сильный ценз образования, гораздо более строгие требования к членам, чтобы они могли отправлять те задачи, которые ставятся веред этими законодательными органами. С этой точки зрения ограничивать круг лиц, из которых должен создаться состав Законодательной Рады, нет никаких решительно оснований. Я думаю, что закон этот временный: члены Законодательной Рады выбираются только на один год, и будущий наш парламент будет собираться на основании особого закона, по всем правилам и требованиям науки и практики. Этот состав Законодательной Рады, как временный, выбранный только на один год, должен составляться, избираться из гораздо большего круга лиц.

И нет надобности ограничивать выборы тем, что непременно нужно выбирать из членов краевой Рады. Я всецело поддерживаю проект, предлагаемый на ваше усмотрение, что члены Законодательной Рады могут избираться не только из членов краевой Рады, но также и из круга лиц вне Рады.

Член Рады Преображенский. — Господа члены Рады! Этот — один из самых важных пунктов данного момента — необходимо рассмотреть всесторонне; между тем в заявлении, которое вы только что слышали, вопрос освещен далеко не исчерпывающе. Тут вас пугали страшным словом «касты», хотя между кастами и выборным собранием решительно нет ничего общего. Здесь вам настойчиво внушали мысль, что среди вас, уполномоченных доверием населения, не найдется достаточного состава таких законодателей, которым можно было бы доверить это дело. На основании многих данных я лично с этим не согласен. Я полагаю, что нужно стать на совершенно другой путь, путь единственно правильный. Вы, господа, — представители населения Кубанского края, несете на себе огромнейшие полномочия и величайшие обязанности. Конституцией, составленной комиссией, на вас возложена большая обязанность: вы ответственны не только за те основные законодательства, которые вы вырабатываете во время сессии, но вы несете ответственность и за тот порядок законодательства, который будет результатом работ будущей Законодательной Рады. По конституции вы намечаете будущих законодателей. Теперь обратите внимание на следующее. Я знаю, что почти каждый представитель станиц, хуторов, селений, аулов и пр., приславших своих защитников, заступников, имеет наказ. И этот наказ, подробно разработанный, определенно говорит, что население относилось к своим задачам в высшей степени осмотрительно. Мало того, население, назначая определенных лиц, связало их определенными обязательствами, веря, что его голос вполне и всецело проявится в этом собрании. Я думаю, что население верит, что в будущем законодательстве его голос, его желание, его стремление будут осуществлены.

Теперь, господа члены Рады, посмотрим на действительность. Правительство, по конституции, приглашается из кого угодно. Оказывается, мы можем и Законодательную Раду составить из кого угодно, только, конечно, с известным ограничением — если он не лишен права сам избирать. Если он может избирать, то и мы можем избирать его. Куда? В Законодательную Раду. А в краевую Раду его не избрали, не сочли возможным избрать! *(Аплодисменты.)* Что же касается соображений такого рода, что Бог его знает, жив ли он или нет, — то мы знаем, что население с этими соображениями не считалось. Ведь мы видим среди членов Рады тех, что были с нашими защитниками, которые ходили по ледяным полям — пробивались к Екатеринодару для того, чтобы осуществить право, важное право — избирать лиц в качестве членов краевой Рады. Называть фамилии нет нужды. Очевидно, если населению говорили: «Как вы будете избирать, скажем, хотя бы того же Филиппа Семеновича Сушкова, раз вы не знаете, где он», то население отвечало: «Нет, мы его изберем, а если его не будет в живых, то эту заплату мы как-нибудь зашьем, выберем другого» — оно, очевидно, не считалось с этим обстоятельством. Если население кого-нибудь не избирало, то потому, что оно не хотело его избирать. И вдруг, представьте себе, окажется, что лицо, которое не попало в краевую Раду, попало в Законодательную Раду. Что мы скажем нашим избирателям? «Вы не избирали, а мы избираем. Значит, наша воля сильнее вашей». *(Смех, аплодисменты.)* Это очень серьезный вопрос. Мы обязаны в Законодательную Раду ввести тех лиц, которые участвовали в выработке принципов этого

законодательства, для того чтобы население было уверено, что эти лица проведут эти принципы во всей чистоте, без каких-либо помарок.

Председательствующий. — Поступило предложение сделать перерыв. Я полагаю предоставить слово докладчику, а перед голосованием мы сделаем перерыв. *(Голоса: «Просим».)* Слово предоставляется докладчику.

Докладчик Коробьин. — Здесь возбуждено два вопроса, первый — относительно внесения поправки одного из представителей горцев, что горцы должны быть выделены из членов краевой Рады в особый округ избирателей для выборов в Законодательную Раду. Я против этого возражаю по тем соображениям, которые были высказаны вторым представителем горцев, который говорил, что для них только важно, чтобы каждый избирательный округ, каждый отдел мог дать им горца, чтобы их представители по отделам прошли в Законодательную Раду, и больше восьми им не нужно. По предварительному соглашению они могут наметить, кого именно выбрать, и отдел выбирает этих горцев. Если же горцы выделяются в особый избирательный округ, то тогда представители городов и иногородних должны быть поставлены в такое же положение. Мы это обязаны сделать. Но представители городов и иногородних до сих пор такой самостоятельной группы не представляют, и тогда придется для них делать особое исключение. И это необходимо сделать уже потому, что города являются умственными и экономическими центрами Кубанского края, и оставлять города без представителей совершенно невозможно. Вообще, я согласен со вторым предложением. Отделы вполне поймут положение той и другой группы и произведут выборы согласно справедливости. Выборы дадут от каждого отдела представителей — и горцев, и городов, и иногородних, так что прошу в этом вопросе никаких добавлений не делать, а оставить его в той редакции, в какой вам предложила комиссия. И своим вотумом вы нам покажете, что вы действительно стоите на той точке зрения, которая здесь высказывается. Никаких разногласий у нас нет в том, что мы делаем; у нас солидарные цели и солидарная работа.

Второй вопрос поставлен относительно исключения примечания, гласящего: «имеющих пассивное избирательное право». Должен сознаться, что я как докладчик поставлен в очень неприятное положение. Я был в меньшинстве в комиссии, которое возражало против включения этого пункта по тем соображениям, которые здесь приводил член Рады Каплин. Мое юридическое сердце прямо возмущается этим добавлением, т. к. это противоречит всем юридическим теориям. *(Аплодисменты.)* Вот слышите, мне председатель комиссии говорит: «Не извольте подводить». — Здесь я высказываю свое личное мнение.

Председательствующий. — Поступило предложение сделать перерыв. Кто за перерыв — прошу поднять руки. Кто против перерыва? Большинство.

Прежде чем я буду голосовать статью 15-ю, я, согласно наказу, должен проголосовать добавление и поправку. Добавление вводится в ст. 15-ю, там, где говорится о выборах в Законодательную Раду, после слов: «пропорционально количеству населения каждого отдела» прибавить: «горцы составляют особый избирательный округ». Кто за то, чтобы это дополнение было внесено в ст. 15-ю? Кто против? *(Голоса: «Непонятно».)* Ввиду того что раздаются голоса: «Непонятно», я снова разъясняю. От

горцев поступило заявление, чтобы в ст. 15-ю было внесено дополнение, что при выборах в Законодательную Раду горцы составляют особый избирательный округ и избирают членов Законодательной Рады самостоятельно, не по отделам, а из своей среды, Понятно? *(Голоса: «Понятно».)* Кто за то, чтобы это дополнение было внесено в ст. 15-ю? Кто против? Большинство. Дополнение отвергнуто.

Голосую поправку. В примечании к статье 15-й сказано, что члены Законодательной Рады могут быть избираемы не только из числа членов краевой Рады, но и вообще из всех лиц, пользующихся пассивным избирательным правом, которые могут быть избраны в краевую Раду, но в настоящее время не попали сюда. Поступило предложение исключить слова: «из числа лиц, пользующихся пассивным избирательным правом при выборах», а оставить в следующей редакции: «Избираются из числа членов настоящей краевой Рады, пропорционально количеству населения каждого отдела». Понятно? *(«Понятно».)* Кто за то, чтобы слова: «из числа лиц, имеющих пассивное избирательное право при выборах» — были исключены, тех прошу поднять руки. Кто против? Меньшинство. Кто за то, чтобы члены Законодательной Рады избирались только из числа настоящей краевой Рады? Кто против? Меньшинство. Принято. *(Аплодисменты.)* Объявляю перерыв на 10 минут.

После перерыва.

Председательствующий Д. А. Филимонов. — Заседание возобновляется. Оглашаю статью 16-ю: «Законодательная Рада осуществляет законодательную деятельность, поскольку она не отнесена к ведению краевой Рады и пользуется правом законодательной инициативы. По законодательным предложениям своих членов или комиссий она может поручать краевому правительству разработку соответствующего законопроекта на принятых Радой основаниях. В частности, к ведению Законодательной Рады относятся: рассмотрение и утверждение краевого бюджета, утверждение проектов правительственных займов, определение ежегодного контингента лиц, подлежащих призыву на военную службу, утверждение договоров, заключаемых с другими государствами, государственными образованиями и областями, и обсуждение деятельности Кубанского краевого правительства, к которому она может обращать запросы и вопросы». Я полагаю, что голосование этой статьи должно быть отложено, но обсуждение может быть допущено и сейчас. Угодно ли собранию отложить обсуждение этой статьи? Слово принадлежат докладчику.

Докладчик Коробьин. — Господа члены Рады! Я полагаю необходимым не только утверждение, но и рассмотрение отложить. Нельзя выхватывать одни пункты и их голосовать, а другие оставлять. Так нельзя — или нужно все отложить, или все сейчас рассмотреть. Вся 16 ст. не должна подлежать обсуждению, ее нужно отложить.

Председательствующий. — Возражений нет? *(«Нет».)* Оглашаю статью 17-ю: «Члены Законодательной Рады принимают участие в заседаниях краевой Рады с правом совещательного голоса». Есть желающие высказаться?

Член Рады (фамилия не установлена). — Господа члены Рады! 17-я статья вызывает некоторое недоумение. Выходит, что один парламент целиком входит в состав другого парламента. Получается не заседание краевой Рады, а совместное заседание краевой Рады и Законодательной. Какими соображениями руководствовалась здесь

комиссия, мы не знаем. Понятно, что толкование этой статьи может вызвать нежелательные, вредные последствия. Дело в том, что каждый парламент имеет свое определенное политическое лицо, придерживается определенного политического курса. Если члены этого парламента войдут в состав другого парламента, то они будут действовать в пользу своего политического курса, будут навязывать свое политическое мировоззрение. Не секрет, что у нас на отдельских совещаниях почему-то установилось, что руководящую роль играют члены Законодательной Рады. По каждому вопросу они считают своим священным долгом выступать и говорить, тем самым придавая определенную политическую окраску разнообразным вопросам. Для того чтобы на высший орган нашего края не производилось постороннего воздействия, для того чтобы сохранить его самобытность, — я предложил бы статью эту упразднить. Но все-таки связь между членами Законодательной Рады и членами краевой Рады должна существовать; и мы приняли для этого статью, по которой Законодательная Рада может вносить свои предложения. Принимая во внимание это обстоятельство, я и предложил бы 17-ю ст. заменить следующей: «Законодательная Рада через избранных ею докладчиков может вносить на обсуждение краевой Рады свои предложения, принятые большинством двух третей Законодательной Рады». Таким образом, мы предохраняем краевую Раду от постороннего влияния, сохраняем ее самобытность и вместе с тем устанавливаем связь между Законодательной Радой и краевой.

Докладчик Коробьин. — Господа члены Рады! Проект, предложенный на наше рассмотрение правительством, существенно разнится от окончательной редакции, которую мы сейчас предлагаем. Проект правительства гласит следующее: «Члены Законодательной Рады принимают участие в заседаниях краевой Рады с предоставлением им права решающего голоса». Мы сочли недопустимым это по техническим соображениям. Ведь когда в краевую Раду происходят выборы, то все население здесь выражает доверие определенным своим депутатам, часто бывшим членам Законодательной Рады. Раз они населением и не избираются, следовательно, потеряли доверие со стороны народа. И, таким образом, краевая Рада не имеет права облекать данного члена Законодательной Рады каким-нибудь законодательным доверием, раз депутат его не получил непосредственно от самого народа. И предоставлять членам Законодательной Рады право решающего голоса ни в каком случае нельзя. Нельзя согласиться и с тем предложением, которое сейчас делал предыдущий оратор, а именно, чтобы предоставить право совещательного голоса только докладчикам или членам определенной комиссии Законодательной Рады, которая выносит тот или другой законопроект на рассмотрение Чрезвычайной краевой Рады, Каждая комиссия, конечно, может быть пополнена в большом количестве свежими новыми людьми, потому что она должна будет освещать очень много вопросов. И кто же другой может это сделать, кроме членов Законодательной Рады? Таким образом, нужно, чтобы каждый член Рады имел право высказаться, но ему нужно предоставить только право совещательного голоса. Я предлагаю принять статью в той редакции, как она принята комиссией.

Председательствующий. — Внесено предложение ст. 17 исключить и вместо нее внести статью следующего содержания: «Законодательная Рада может через избираемых ею докладчиков вносить на обсуждение краевой Рады свои предложения, при-

нятые большинством двух третей ее». Ввиду того что это предложение совершенно исключает ст. 17, я ставлю его на голосование первым. Кто за то, чтобы предложение, только что мною оглашенное, было внесено вместо ст. 17? Кто против? Предложение отвергнуто. Кто за то, чтобы ст. 17 принять в редакции, предложенной комиссией? Принято.

Ст. 18 *(Читает.)*: «Законодательная Рада собирается ежегодно по праву на очередную сессию, открываемую 15 ноября. На чрезвычайную сессию Законодательная Рада созывается войсковым атаманом по его инициативе, а равно по заявлению не менее одной трети числа членов Законодательной Рады». Есть желающие высказаться? Нет. Голосую. Кто за то, чтобы принять статью в редакции, предложенной комиссией? Принято.

Ст. 19 *(Читает.)*: «Немедленно по открытии очередной сессии Законодательной Рады на ее рассмотрение правительством вносится роспись краевых расходов и доходов». Желающих прошу высказаться. Нет? Кто за принятие этой статьи? Кто против? Принято единогласно.

Ст. 20 *(Читает.)*: «До принятия Законодательной Радой росписи никакой налог не может быть взимаем и никакой расход не может быть произведен без специального разрешения Рады. Примечание. Существующие налоги и сборы, а также производимые по временным штатам и особым постановлениям правительства расходы сохраняются до момента утверждения Законодательной Радой первой росписи краевых расходов и доходов». Желающих прошу высказаться. Кто за принятие статьи? Кто против? Принято единогласно.

Ст. 21 *(Читает.)*: «Законодательная Рада избирает краевого контролера для наблюдения за правильным исполнением краевой росписи доходов и расходов и контроля над финансово-хозяйственной деятельностью всех органов исполнительной власти края. Проект росписи представляется в Раду с замечаниями краевого контролера». Желающих прошу высказаться. Таких нет? Кто за принятие этой статьи? Принято единогласно. Слово принадлежит докладчику следующего раздела члену Рады Каплину,

Член Рады Каплин. — Господа члены Рады! Дальнейший раздел касается порядка ведения дел. Это — общее постановление, которое, разработанное затем более детально, дает наказ. Первая статья раздела 6-го, статья 22, говорит о том, что заседания Законодательной Рады и краевой считаются действительными при наличности абсолютного большинства членов, т. е. половины плюс один. Я думаю, что сомнений и возражений эта статья не встретит, она не нуждается в разъяснениях. Собственно, поскольку дело касается Законодательной Рады, статья устанавливает, что при наличности 80 человек — 41 должен присутствовать для того, чтобы заседание было действительным и решения имели силу.

Далее 23 ст. говорит о порядке принятия решений; она устанавливает правило, по которому все решения считаются принятыми, если имеют за собой абсолютное большинство голосов присутствующих членов. Для того чтобы иметь кворум, нужно разделить пополам число входящих в Раду членов, т. е. 80, и прибавить 1. Если при таком кворуме за данное решение выскажется более половины членов, оно считается

принятым, при равенстве голосов предложение считается отвергнутым. Существует другое правило — при равенстве голосов слово председателя дает перевес. Но ввиду важности вопросов, которые разрешают Законодательная Рада и краевая, конечно, нет возможности, нет оснований для предоставления решения вопросов голосом председателя и потому вводится правило, что при равенстве голосов предложение считается отвергнутым.

Следующая, 24 статья говорит о том, что внутренний порядок деятельности краевой и Законодательной Рад определяется особым наказом. Это совершенно необходимое правило, которое существует в парламентах. Но предусматривать в конституции весь внутренний порядок делопроизводства не представляется нужным. Сама Рада определяет внутренний порядок своей деятельности наказом.

По ст. 26 краевая Рада и Законодательная Рада избирает свой президиум, причем президиум краевой Рады избирается только на время сессии. Краевая Рада кончает свои работы, и прекращаются полномочия президиума. Законодательная Рада избирает президиум в начале каждой очередной сессии, открываемой, согласно принятому положению, 15 ноября. Как только съезжается Рада на очередную сессию, она первым делом ставит выборы президиума, и этот президиум сохраняет свои полномочия, по предположению комиссии, до следующей очередной сессии. Значит, все время в крае будет существовать президиум Законодательной Рады, облеченный соответствующими полномочиями.

Затем, для того чтобы плодотворно протекать работе, следующая, 26 статья указывает на необходимость учреждения комиссий. Это — вопрос ясный, не требующий пояснений. Вторая часть этой статьи говорит о комиссиях, действующих непрерывно, т. е. не только во время сессий. По общему правилу, парламентские комиссии действуют до тех пор, пока действует парламент; раз парламент закрывает сессию, то прекращают действие комиссии. Но у нас, конечно, нужно будет сделать так, чтобы были комиссии не только в то время, когда заседает Законодательная Рада, но и в промежутках между сессиями. Для того и вводится оговорка. Если бы ее не было, то понималось бы так, что, когда закрывается сессия Законодательной Рады, то вместе с этим закрывается и деятельность комиссий. Заседания краевой Рады публичны — это элементарное правило принципа народоправства; парламент заседает не в закрытых заседаниях, и то, что здесь делается, должно быть известно населению, население следит за действиями парламента и реагирует на них так или иначе — путем общественного мнения, путем прессы, путем резолюций, петиций и собраний. Деятельность парламента должна быть в известной степени в связи с общественным мнением. Если парламент может и должен влиять на общественное мнение, то, с другой стороны, и общественное мнение должно быть осведомлено о деятельности парламента и должно влиять на последний. Но бывают случаи, когда требуется, чтобы заседания не были публичны. Обычно это необходимо в вопросах военных ассигнований, мобилизации, в вопросах ежегодного призыва определенного контингента лиц. Эти вопросы должны быть обсуждены, в интересах дела, в закрытых заседаниях, потому что нежелательно, чтобы все, что делается здесь, стало бы достоянием общества и врагов. Порядок для закрытия заседания таков: или председатель своею властью закрывает заседание, или

это он обязан сделать по предложению членов краевой Рады или членов Законодательной Рады. В таком случае закрываются двери, и Рада окончательно обсуждает вопросы.

Раздел 7-й общего положения о краевой и Законодательной Радах заключает в себе...

Председательствующий. — Я предлагаю сначала рассмотреть раздел 6-й, а затем перейдем к следующему.

Оглашаю статью 22-ю. «Заседания краевой и Законодательной Рад действительны только при наличности абсолютного большинства членов». Желающих высказаться нет? *(«Есть».)* Слово предоставляется докладчику.

Докладчик Каплин. — Я знаю наперед, что думает сказать член Рады Преображенский. Вы хотели сказать, чтобы в 13 статье было сказано, что нужно наличие двух третей членов Рады? *(«Нет! Совершенно другое».)*

Председательствующий. — Слово принадлежит члену Рады Преображенскому. Он отказывается. Итак, я голосую статью 22. Принята большинством.

Статья 23: «Решения краевой и Законодательной Рад принимаются абсолютным большинством голосов присутствующих членов, за исключением случаев, предусмотренных настоящим положением. При равенстве голосов предложение считается отвергнутым». Желающих высказаться нет? Голосую! Принято единогласно.

Ст. 24: «Краевая и Законодательная Рады определяют внутренний порядок своей деятельности посредством наказов». Желающих высказаться нет? Принято единогласно.

Статья 25: «Краевая и Законодательная Рады избирают свой президиум в составе председателя, его товарищей и секретарей, причем президиум краевой Рады избирается лишь на время сессии и прекращает свои функции вместе с ее окончанием; президиум Законодательной Рады избирается в начале каждой очередной сессии». Желающих высказаться нет? Ставлю статью 25-ю на голосование. Принята единогласно.

Статья 26: «Краевая и Законодательная Рады могут образовывать комиссии, которые пользуются правом требовать устные и письменные объяснения и справки от членов правительства, всех правительственных и других учреждений и должностных лиц. Комиссии могут приглашать в свои заседания сведущих лиц с правом совещательного голоса. Законодательная Рада может образовывать комиссии, действующие непрерывно». Желающих высказаться нет? Принята единогласно.

Статья 27: «Заседания краевой и Законодательной Рад публичны, но по распоряжению председателя или по предложению, подписанному в краевой, а в Законодательной Раде 1/10 присутствующих членов, двери заседания закрываются, после чего абсолютным большинством голосов принимается решение о публичном или непубличном порядке рассмотрения того или иного вопроса». Желающих высказаться нет? Принята единогласно. Слово предоставляется докладчику, члену Рады Каплину

Член Рады Каплин. — Дальнейшие разделы, господа члены Рады, касаются общих правил Рады и ее членов. Первая статья 7-го раздела, статья 28, устанавливает тот принцип, что краевая и Законодательная Рады неприкосновенны и всякое лицо, по-

сягнувшее на их свободу и независимость, ответствует как за тягчайшее государственное преступление. Эта статья носит характер декларативного выступления, ибо в ней сказано только, что отвечает тот, кто посягнет на независимость и свободу Рады. Но каким образом он отвечает, это не предусмотрено и в конституции этого предусмотреть нельзя; для этого необходимо издание особого уголовного закона, который осуществил бы то декларативное положение, которое заключается в этой статье. По существу же у нас, в нашем чрезвычайно молодом и неразвитом народоправстве, надлежит ввести не только эту декларацию, но и статью уголовного законодательства, для того чтобы оградить до известной степени — конечно, бумага не всех ограждает — деятельность и независимость верховных учреждений от посягательства на их свободу, которое может выразиться введением вооруженной силы в помещение парламента, окружением вооруженной силой здания, парламента, введением толпы в заседание парламента, чтобы заставить принять парламент то решение, которое желательно толпе. Для того чтобы пресечь в корне всякую возможность в этом смысле авантюристических выступлений в стране, которая идет по дороге к народоправству, для этого необходимо в самой конституции торжественно и твердо сказать, что Законодательная и краевая Рады, как органы народной воли в пределах Кубанского края, являются священными для всех, и всякое посягательство должно рассматриваться как тягчайшее преступление. Должен сказать, что в некоторых конституциях имеются аналогичные статьи, какова конституция Дании. Конечно, в Англии в этих статьях нет нужды.

Там, слава Богу, парламент существует сотни лет, и ни одному безумному англичанину не придет в голову воздействовать силой. Но мы, к сожалению, не англичане. И вот, для тех, кто держится не английского образа мыслей, вводится эта статья. Далее устанавливается свобода суждений народных представителей. Это также является элементарным правилом всякой конституции. Возьмите конституцию Франции, Дании, Бельгии, Англии — везде вы найдете незыблемый порядок, по которому представители за мнения, высказываемые ими в законодательном учреждении, не отвечают. Это — понятно почему: должна быть совершенная свобода суждений, всестороннего освещения вопросов. Эта статья необходима и для тех, которым может не понравиться решение народных представителей, и для предержащих властей. Мы помним практику Государственной Думы, когда эта свобода суждений была недостаточно обеспечена. Введение этого правила является элементарным и необходимым требованием. В порядке уголовного обвинения правительство не может привлекать членов Рады за то, что они произносят антиправительственные речи, — это ясно и непреложно, ибо иначе свобода суждений была бы уничтожена и парламент был бы сведен к нулю. Но другой вопрос — более сложный: можно ли предоставить отдельным частным лицам право привлекать в порядке частного обвинения, напр., за клевету, народных представителей, выступающих с трибуны? Мнения по этому поводу различны, но комиссия, придерживаясь прежнего порядка, установила, что в порядке частного обвинения нельзя привлекать народных представителей, ибо мы думаем, что народные представители — лучшие люди. Если иногда им придется коснуться деятельности частных лиц, то это будет сделано исключительно в видах государственной пользы, и поэтому привлекать тех, которыми задето имя какого-либо чиновника с трибуны, нельзя. Должен сказать,

в Англии установился следующий обычай: если депутат произносит речь и в ней затрагивает деятельность какого-либо лица, то для того, чтобы быть защищенным в своей депутатской неприкосновенности, он помещает это письменно в газете, и тогда это частное лицо, которое задето в своих чувствах, может привлечь депутата не за речь, произнесенную с кафедры, а за письмо, помещенное в газете. Желательно, чтобы это было установлено и здесь.

Далее опять элементарные правила, которые, однако, необходимы. Тридцатая и тридцать первая статьи говорят, что члены краевой и Законодательной Рад во время сессий без разрешения соответствующего представительного собрания не могут подлежать личному задержанию или судебному преследованию, за исключением случаев задержания на месте преступления, и что по постановлениям краевой и Законодательной Рад личное задержание члена той или другой Рады отменяется и судебное преследование приостанавливается на все время сессии. Это опять-таки делается в интересах обеспечения нормальной деятельности законодательных органов, ибо всегда — конечно, мы не говорим о странах недемократических, где возможен произвол правительственной власти, которая может арестовывать неугодных ей депутатов, — и не только для стран недемократических, но и для демократических следует иметь статью, защищающую интересы депутатов. Если бы этих правил не было, то во время сессии депутаты могли бы арестовываться и задерживаться. Это значит, что правительство, зная, что какой-либо депутат должен выступить в открытой речи с критикой деятельности правительства, спокойно предписывает властям предержащим арестовать его на два-три дня, а когда вопрос будет решен, освободить. Во избежание такого произвола желательно было бы установить правило, чтобы члены Рады не подлежали задержанию и судебному преследованию. Но бывают моменты, когда все-таки допускаются исключения из общего правила: это захват на месте преступления. Если меня захватывают на месте убийства, конечно, странно сказать: «Вы свободны». Я могу бежать, принять меры к сокрытию уличающих меня доказательств. Когда очевидно, что преступление налицо, когда арест производится не по произволу правительства, а в силу очевидных фактов, то депутат может быть арестован. Но следующая статья, 31, говорит: «По постановлению краевой и Законодательной Рад личное задержание члена той или другой Рады отменяется и судебное преследование приостанавливается на все время сессии». Таким образом, если вы даже захвачены на месте преступления, но, может быть, этот арест произведен неправильно или инсценирован, то все-таки Законодательная Рада по тем или иным соображениям может постановить, чтобы на время сессии вы были в нашей Раде. Но нужно быть осторожным в этом случае. Мы думаем, что заведомые преступники не могут быть в составе Рады, и это предполагается лишь на случай сомнения, действительно ли тот или другой депутат арестован по вине или по желанию правительства от него избавиться. То, что здесь изложено, в несколько иных формах имеется в конституциях французской, бельгийской и других; в английской конституции это выражено несколько иначе: не только во время сессии, но и за 40 дней до открытия сессии уже нельзя арестовывать члена парламента.

Статья 32 говорит о торжественном обещании, которое произносится членами Рады.

Статья 33 устанавливает порядок вознаграждения членов краевой Рады, суточное довольствие и проездную плату. Члены Законодательной Рады получают не суточные, а годовое содержание.

Это нужно рассмотреть в связи со ст. 34, которая говорит, что члены Законодательной Рады не могут занимать платных должностей, за исключением членов правительства и их товарищей. Лица, занимающие должности, несовместимые с депутатским званием, в двухнедельный срок должны подать заявление об отчислении от занимаемой должности, а не исполнившие сего почитаются отказавшимися от избрания. Эти статьи находятся в известной связи, поэтому я прочел их вам обе вместе. Я думаю, есть основание устанавливать суточное вознаграждение членам краевой Рады, так как время ее работ неизвестно и она прекращает свои полномочия, как только разрешит вопросы, поставленные на очередь. Члены Законодательной Рады получают годовое денежное довольствие. Должен сказать, что вопрос о довольствии депутатском имеет свою историю. Вначале в Англии депутаты вообще не получала вознаграждения. Это считалось выборной должностью, почетной и не подлежащей оплате. До последнего времени у нас в таком положении находились гласные городской думы. Они собирались для решения вопросов, но платы не получали. То же самое было и в других странах по отношению к народным представителям, но с течением времени этот вопрос подвергался пересмотру, ибо обычно бесплатно может работать человек только обеспеченный, который ничем не занят и которому ничего не стоит 2–3 месяца в году посвятить свою деятельность на общую пользу. Это положение подвергается критике, переоценке с точки зрения демократических положений, потому что когда демократия вступает в качестве полновластного хозяина в историю, то такое правило невозможно, ибо ни крестьянин, ни рабочий, ни человек интеллигентной профессии бросить все на произвол судьбы на 2–3 месяца не может; он не может бесплатно заседать тут, потому что у него нет средств. Поэтому в демократических конституциях в последнее время всегда проводят необходимость вознаграждения годового, а не так называемого суточного довольствия. Вот почему комиссия согласна выдать годовое довольствие, а не суточное, членам Законодательной Рады.

Затем, здесь имеется 34 статья, которая составляет некоторое новшество, как некоторые и другие статьи в новой конституции. В сравнении с прежним порядком она категорически устанавливает, что члены Законодательной Рады не могут занимать платных должностей по назначению правительства и даже выборных административного или полицейского характера. Почему это правило нужно внести? Должен сказать, что прежде всего нам нужно посмотреть на опыт тех стран, которые имеют парламентаризм не в младенческом состоянии, которые имеют столетний опыт. В особенности в этом отношении образцом нам служила Англия. Англия — это мать парламентаризма. И вот это правило вводится в нашу конституцию по образцу английского обычая, который говорит, что чиновник не может быть членом парламента. Потому что, если имеется правительство, а в Раде — парламенте — сидят чиновники этого правительства, то нет народного представительства, а это — представительство правительства, которое существует для того, чтобы получать деньги, потому что ни свободы суждений, ни независимости мнений быть не может. Потому что, если чиновник, подчинен-

ный правительству, осмелится критиковать деятельность министра или правительства, он завтра будет уволен. В Англии этот вопрос имел свою историю. И там уже приблизительно двести лет тому назад стояли на той точке зрения, что нельзя допускать такого совместительства, и там были случаи, что чиновники сами просили, чтобы их лишили избирательных прав. Вот почему и нам нужно раз и навсегда сказать, если мы хотим иметь совершенно свободное народное представительство, что члены Рады на платных должностях по назначению правительства состоять не могут, за исключением членов правительства и их товарищей. Это — должность министра. Она является особой должностью — политической; это не чиновник, а политический деятель. Для должности членов правительства и их товарищей установить такого правила нельзя. Наоборот, члены правительства должны быть обязательно из членов парламента. Конечно, если член Рады назначается в правительство, он не лишается депутатских полномочий.

Примечание к ст. 34: «Члены Законодательной Рады, избранные Чрезвычайной краевой Радой созыва 1918 года, сохраняют за собой право по истечении срока своих полномочий занять прежнее место своей службы». По правилу всякий чиновник, как только он избран, должен подать прошение об отчислении от должности, ввиду того что мы считаем недопустимыми службу правительству и участие в парламенте, и затем он становится членом Рады, если подал это прошение. Когда истекает срок работ законодательного учреждения, он должен подать прошение о представлении ему снова должности. Но для членов Законодательной Рады, ныне избираемой, той, которая должна состояться теперь, комиссия считала необходимым внести оговорку в связи с тем проектом, который был предложен. Решено, что члены ее сохраняют за собой право на прежние места своей службы, потому что комиссия руководилась такими соображениями: избираются члены только на год; что будет через год — неизвестно, а лишать человека должности сейчас окончательно, чтобы он только год пробыл депутатом, а затем очутился в положении неопределенном, комиссия считала неудобным. Много учителей и других служащих могут отказаться войти в Раду только на год. По аналогии с тем, существовавшим во время войны, правилом, согласно которому за призванными по мобилизации сохранялись места их службы, комиссия считала возможным ввести такое примечание в виде исключения из общего правила.

Ст. 35-я: «Члены краевой и Законодательной Рад до истечения срока своих полномочий не могут быть отозваны своими избирателями и не могут быть лишены депутатских полномочий иначе, как вследствие приговора суда, с коим связано лишение избирательных прав». Дело в том, что это до известной степени аксиома, т. е. истина, не подлежащая опровержению и сомнению. В тех странах, где имеется правильно построенная народная власть, там права избирателям отзывать своих депутатов не предоставлено; такого права нигде нет. Оно впервые стало проводиться советской властью, но это право является совершенно неприемлемым с точки зрения правильного устройства законодательных учреждений. Вы знаете сами, что мнение избирателей станиц может измениться совершенно случайно, часто под влиянием совершенно неправильных и даже ложных сведений. Предположим, станица избрала депутата в краевую Раду. Затем приезжает какой-нибудь человек и говорит: «Что вы наделали, он

такой-то и этакий, он контрреволюционер или, наоборот, революционер; вы погубили себя, погубили край; гораздо лучше избрать такого-то». Не всегда находятся люди, которые могут дать отпор, и в результате приговор — отозвать этого представителя и вместо него послать нового. Это правило вводило бы невозможный хаос в законодательные учреждения: сегодня решают одни, завтра другие, послезавтра третьи; никакой устойчивости, никакой определенной работы при таких условиях быть не может. Такое положение — невозможно, и я думаю, что этот пункт возражений не встретит.

Наконец, статья 36-я: «Председатель правительства, члены правительства, краевой контролер и их товарищи пользуются правом свободного доступа в заседание краевой и Законодательной Рад и могут обращаться с объяснениями к собранию вне очереди, как только этого пожелают». Это — правило, которое не требует пояснений. Оно говорит, что члены правительства, т. е. лица, которые опираются на большинство в Раде, должны, конечно, пользоваться правом преимущественным, иметь право свободного доступа в заседания и внеочередного выступления. Этого требует особое положение правительственной власти, которая должна пользоваться известными привилегиями для разъяснений и сообщений. В голосовании члены правительства могут принимать участие только тогда, когда они состоят членами Рады.

Председательствующий. — Господа члены Рады! Прежде чем приступить к постатейному обсуждению законопроекта, я должен рассеять недоразумение, внесенное докладчиком. Когда докладчик говорил о статье 29-й, где сказано, что члены Рады не подлежат личному задержанию, и, ссылаясь на парламентарные страны, на то, что это правило проводится там от начала до конца, сказал, что у нас, конечно, могут быть отступления, то у меня лично и у других членов президиума возникло недоумение: разве у нас было нарушение этого парламентарного требования? Я как участник законодательных работ заявляю, что у нас это требование парламентаризма ни разу не было нарушено, и будем надеяться, что и в дальнейшем оно будет проводиться не хуже, чем в старых парламентарных странах. *(Голоса: «Перерыв».)*

Господа члены Рады! Раздаются голоса о перерыве. Ставлю на голосование. Кто за то, чтобы сделать перерыв до завтрашнего дня? Меньшинство. *(Голоса: «Продолжать».)* Господа члены Рады! Голосование покажет, кто желает продолжать обсуждение раздела 7-го и кто — нет. Кто за то, чтобы сейчас перейти к обсуждению раздела 7-го, тех прошу поднять руки. Кто против? Против мало.

Оглашаю статью 28-ю. «Краевая и Законодательная Рады неприкосновенны. Всякое лицо, посягнувшее на их свободу и независимость, отвечает как за тягчайшее государственное преступление». Желающие высказаться есть? *(«Нет».)* Кто за принятие ст. 28-й? Принята. Прошу соблюдать тишину. Публику прошу не мешать нашим занятиям.

Ст. 29-я: «Члены краевой и Законодательной Рад за мнения, высказываемые при исполнении ими своих обязанностей, не несут никакой ответственности ни в общеуголовном порядке, ни в порядке частного обвинения». Желающие высказаться есть? Слово предоставляется члену Рады Оверя.

Член Рады Оверя. — Здесь может получиться досадное недоразумение. Мы в пункте 12-м говорим: «По разрешении краевой Радой вопросов, для коих она была

созвана, а равно возбужденных по ее инициативе, полномочия ее считаются прекращенными». Значит, я так понимаю: в последнем заседании председатель говорит, что заседания краевой Рады закрываются, и наши полномочия, значит, отняты. Но вместе с тем условия нашей работы говорят другое — что полномочия наши не кончены. Мы должны разъехаться по домам и о заседаниях Рады говорить со своими избирателями. И вот теперь может получиться, что найдутся досужие люди, которые, может быть, начнут и протоколы составлять. Ведь за мнения, высказанные при исполнении своих обязанностей не только здесь, с кафедры, но и там, дома, когда мы будем говорить с избирателями, разъяснять им смысл вот этих самых пунктов, написанных — как обыкновенно излагается закон — сухим языком, мы не должны нести ответственности. Но здесь, как я уже сказал, может случиться, что, когда я буду излагать, приводить примеры — как объяснял, например, Султан Шахим-Гирей, что значит децентрализация и централизация, — так вот, все это может и не понравиться кому-нибудь. Я считаю, что я буду исполнять обязанность и дома, сообщая избирателям о трудах Рады, а поэтому я не должен нести никаких кар, потому что я буду освещать правду.

Член Рады Воропинов. — Господа члены Рады! Совершенно разделяя точку зрения, высказанную членом Рады Оверя, я бы дополнил его речь определенным конкретным предложением, именно что полномочия членов краевой Рады прекращаются с момента дачи отчета своим избирателям.

Докладчик Каплин. — Видите, господа члены Рады, у нас — особые условия. Конечно, это не совсем правильно, и я должен разъяснить. Депутаты не отвечают за свои мнения, которые они высказывают с трибуны; но если я буду говорить вне заседания Рады, то уже подлежу ответственности как гражданин. Значит, если я на трибуне, то я — депутат, а если на митинге, то я гражданин; если написал статью в газете, то я ее писал как сотрудник газеты и отвечаю одинаково с другими. Я лично возражаю против внесенного предложения. На улице, за пределами парламента, должно быть равенство граждан, только в парламенте должна быть привилегия свободы суждений. Я депутат и буду писать противозаконные статьи — это не значит, что я исполняю свои обязанности. Поэтому я прошу, если вы согласитесь, этот вопрос до второго чтения отложить и передать на рассмотрение комиссии по самоуправлению.

Член Рады Коробьин. — Господа члены Рады! Конечно, российская практика ставила нас в положение, совершенно невозможное в странах правовых, стоящих на почве законности. Мы приняли §6, в котором сказано: «устанавливается свобода слова и печати». Теперь поднят вопрос о свободе слова. Обсуждаемый нами пункт предусматривает то положение, что депутат, который по окончании своих занятий является в свои районы и делает доклад своим избирателям, пользуется, конечно, свободой слова. А если администрация, как вполне резонно заметил член Рады Оверя, может его за эту самую свободу слова взять за шиворот *(Смех.)*, это уже — российская практика, и с нею нужно бороться законодательным порядком. § 6 должен гарантировать свободу слова, и если она будет нарушаться, то это вина не конституции, а администрации.

Председательствующий. — К ст. 29-й вносится дополнение в такой редакции: «Полномочия членов краевой Рады прекращаются с момента дачи отчета своим избирателям». Докладчик это дополнение предлагает передать в комиссию по само-

управлению для детального обсуждения. Ввиду того что предложение докладчика исключает возможность голосования этого дополнения, я ставлю на баллотировку самое предложение докладчика, а именно — передать ли это дополнение в комиссию для обсуждения или же не передавать. Кто за то, чтобы передать в комиссию? Кто против? Большинство. Ставлю на голосование дополнение, внесенное членом Рады Воропиновым, что депутаты пользуются свободой суждения до тех пор, пока они не дадут отчета своим избирателям. Кто за принятие этого дополнения? *(Шум.)* Господа, очевидно, происходит недоразумение. Член Рады Воропинов внес предложение, чтобы к ст. 29-й конституции, которая гласит: «Члены краевой и Законодательной Рад» и т. д. — сделать дополнение, которое я вам уже прочел. Ст. 29 предусматривает, что никто из депутатов, которые говорят с этой трибуны, не несет ответственности за высказанные ими мнения. У члена Рады Оверя возникло недоумение: а как же быть тогда, когда депутат, вернувшийся домой после окончания занятий Рады, будет делать доклад своим избирателям? Пользуется ли он свободой суждения или же за свои мнения, которые будет высказывать перед теми, кто его избрал, может подлежать задержанию? Член Рады Воропинов, чтобы разрешить этот вопрос, и внес дополнение, что до тех пор, пока депутат будет давать отчет, он пользуется свободой суждений и за эту свободу суждений не подлежит задержанию. Господа члены Рады! Это дополнение докладчик, со своей стороны, предлагает передать в комиссию для детального обсуждения. Я проголосовал: предложение было отвергнуто, решено было в комиссию не передавать. Теперь я ставлю на голосование самое предложение члена Рады Воропинова. Если оно будет принято, то будет внесено в ст. 29-ю, если же будет отвергнуто, то ст. 29-я останется в той редакции, в какой она предлагается комиссией. Ставлю на голосование предложение члена Рады Воропинова. Кто против дополнения? Большинство. Кто за то, чтобы это дополнение было введено? Меньшинство. Дополнение отвергнуто. Ставлю на голосование ст. 29-ю, которую предварительно оглашаю. *(Читает.)* Кто за принятие этой статьи? Принята единогласно.

Ст. 30-я: «Члены краевой и Законодательной Рад во время сессии без разрешения соответствующего представительного собрания не могут подлежать личному задержанию или судебному преследованию, за исключением случая задержания на месте преступления». Есть желающие высказаться? *(«Нет».)* Кто за принятие этой статьи? Кто против? Принята единогласно.

Ст. 31-я: «По постановлению краевой или Законодательной Рад личное задержание члена той или другой Рады отменяется и судебное преследование приостанавливается на все время сессии». Прошу согласных с этой статьей поднять руки. Виноват, господа, ввиду того что эта статья не обсуждалась, я прошу высказаться желающих. Таких нет? Кто за принятие ст. 31? Кто против? Нет. Принята единогласно.

Статья 32-я: «Члены краевой и Законодательной Рад тотчас после открытия первой сессии дают торжественное обещание по прилагаемому при сем тексту. Кто желает высказаться по содержанию этой статьи? Нет. Голосую. Кто за принятие ст. 32-й? Принята.

Статья 33-я: «Члены краевой Рады получают из краевых средств суточное вознаграждение в размере, определяемом самой Радой. Кроме того, они пользуются правом проезда за счет краевых средств перед началом и по окончании сессии от места своего жительства до места заседания Рады и обратно. Члены Законодательной Рады получают из тех же средств денежное годовое довольствие в размере, установленном краевой Радой». Есть желающие высказаться? Член Рады Добренко.

Член Рады Добренко. — Баталпашинский отдел, обсуждая вторую часть статьи этой, нашел, что краевая Рада, назначая членам Законодательной Рады определенное жалованье, должна лишать такового за время непосещения заседаний отдельными депутатами. Допустим, так: войдет человек, увидит, что есть кворум, — посмотрел и ушел. На опыте, на прошлых заседаниях Рады, были такие случаи. Я думаю, что привлекать к ответственности за это нельзя, нужно штрафовать. Поэтому я вношу такое предложение: «Члены Рады, не посещающие парламентских заседаний без уважительных причин, лишаются получения содержания за время отсутствия».

Докладчик Каплин. — Господа члены Рады! Нисколько не возражая против сделанного предложения, чтобы не посещающие заседаний члены Рады подвергались вычету из содержания, я считаю, что этот вопрос является тем вопросом, который не следует вводить в конституцию, так как конституция — акт более или менее важный, тем более что по наказу, если я не ошибаюсь, штрафы такие полагаются. В будущем, несомненно, наказ Законодательной Рады — установить штрафование не являющихся на заседание депутатов.

Председательствующий. — Ставлю на голосование дополнение, внесенное Баталпашинским отделом. *(Голос с места: «Баталпашинский отдел снимает свое предложение».)* Ввиду того что Баталпашинский отдел снимает свое предложение, я его не голосую. Кто за принятие ст. 33? Кто против? Принята.

Статья 34: «Члены Законодательной Рады не могут занимать платные должности по назначению правительственной власти, а также выборные административные или полицейские должности, за исключением членов правительства, краевого контролера и их товарищей. Лица, занимающие означенные должности, со дня уведомления их о выборе членами Законодательной Рады должны в двухнедельный срок подать прошение об отчислении от занимаемой должности. Не исполнившие сего почитаются отказавшимися от полномочий депутата. Примечание: «Члены Законодательной Рады, избранные Чрезвычайной краевой Радой созыва 1918 года, сохраняют за собой право по истечении срока своих полномочий занять прежнее место своей службы». Есть желающие высказаться? Слово принадлежит члену Рады Преображенскому.

Член Рады Преображенский. — Ввиду того, господа члены Рады, что момент созыва Законодательной Рады и вообще сессия Законодательной Рады не определены точно, возможны подобного рода случаи. Предположим, я оказался выбранным в Законодательную Раду; в течение двух недель я должен подать заявление о выходе в отставку; через две недели перестает идти жалованье по моей прежней службе, а сессия Рады начнется, предположим, через месяц или еще позже, — тут и может случиться, что я останусь без каких бы то ни было средств к существованию.

Я предлагаю несколько изменить редакцию статьи: не в двухнедельный срок после выборов, а за две недели до открытия сессии.

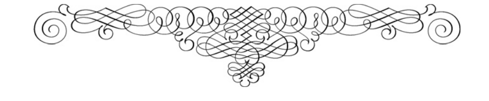
Докладчик Каплин. — Мне кажется, что член Рады Преображенский заблуждается. Он думает, что если избранные члены Рады откажутся от платных должностей, а сессия Рады будет только через полгода, то полгода член Рады не будет получать содержание ни по должности, ни по Раде. Я. полагаю, что содержание члену Рады должно уплачиваться с того момента, как он будет избран, поэтому я возражал бы против поправки, внесенной членом Рады Преображенским.

Председательствующий. — Голосую за поправку, внесенную членом Рады Преображенским. Поправка им снимается. Голосую статью 34-ю. Принята единогласно.

Статья 35-я: «Члены краевой и Законодательной Рад до истечения срока своих полномочий не могут быть отозваны своими избирателями и не могут быть лишены депутатских полномочий иначе, как вследствие приговора суда, с коим связано лишение избирательных прав». *(Голосование.)* Принята.

Статья 36-я: «Председатель правительства, члены правительства, краевой контролер и их товарищи пользуются правом свободного доступа в заседания краевой и Законодательной Рад и могут обращаться с объяснениями к собранию вне очереди, как только этого пожелают. В голосовании они могут принимать участие только в том случае, если состоят членами данной Рады». *(Голосование.)* Принято единогласно. Ко мне поступило предложение сделать перерыв до следующего заседания. *(Голосование.)* Большинством голосов заседание закрывается до 10 часов завтрашнего дня.

Заседание закрыто в 2 часа 45 минут дня.

Стенографический отчет 18-го заседания Чрезвычайной Рады Кубанского края 19-го ноября 1918 года.

Заседание открыто в 10 часов утра председателем Н. С. Рябоволом.

Председатель. — Заседание возобновляется. Господа члены Рады! Если вы постановляете подавляющим большинством начинать заседание в 10 часов, покорнейше прошу вас собираться к указанному сроку, или же мы будем выбирать другое время, более удобное для нас всех. Президиуму приходится собираться раньше за полчаса, а члены Рады являются значительно позже ими же установленного срока. Слово принадлежит для внеочередного заявления представителю чешского народа господину Дюрих.

Представитель чешского народа Дюрих. *(Аплодисменты.)* — Многоуважаемые господа представители, милостивые государи, братья-славяне! Я очень благодарен за радушный прием, который вы мне только что оказали. Я прошу вас принять братский привет моего чешского народа, которого представителем я имею честь быть здесь.

Наш чешский народ, когда хочет отличить храбрость, удалость кого-нибудь, он имеет привычку говорить: «Это казак» — тогда, когда русский скажет: «Молодец».

Я решился, милостивые государи, приветствовать вас здесь под радостным впечатлением, которое я унес из торжественного вечернего обеда, который вы давали в честь представителей союзников. Я слышал там слова, такие искренние, любовные, и не только к вашей родине — Кубани, но и к вашей обширнейшей Родине, к России. Я слышал слова симпатии.

Что касается Добровольческой армии, что касается ее храброго генерала Деникина, я могу уверить вас, что эти слова найдут отзыв не только между славным народом чешским, но они найдут отзыв и между союзниками. И можно сказать, что теперь вся политическая Европа, мало того — весь политический мир, все глаза устремлены теперь на эту вашу прекрасную Родину, потому что здесь возрождается опять новая свободная Россия. Если политический мир услышит такие имена с поля сражения, как генерал Деникин, и от стола дипломатии, как г. Сазонов, то он будет вполне уверен, что судьбы России в руках надежных и что можно теперь надеяться на лучшее будущее России.

Мы, чехи, разделяем это мнение, и мы понимаем также очень хорошо ваши стремления к автономии. Мы видим и мы знаем из собственного опыта, что тот централизм, какой был в Германии, в Австрии и даже у вас в России, что он был не в пользу государства, что это не соединительные, а разрушительные средства для каждого государства. И мы боролись за нашу автономию с бывшей Австрией, но разница в том, что мы имеем дело с нашим врагом, а вы — с вашими братьями, с вами самими. Мы желаем успеха, чтобы великая Россия выросла на началах широкой автономии тех своих частей, у которых есть на это основание.

Мы, чехи, как славяне, отрасль славянского народа, не имеем ни с каким славянским народом распрей, потому что мы тоже любим свою землю, как каждый славянский народ, и что касается России, мы это доказали не только на словах, но и на деле. Вы знаете, что наша армия борется теперь под Уралом, и что когда боролся корниловский отряд, то его на одну треть. составляли чехи *(Аплодисменты.)*, и что эти чехи положили свою жизнь за вашу свободу, и не только около Ставрополя, но и здесь, во время первого наступления генерала Корнилова. *(Аплодисменты.)* Теперь они так рады были бы увидеться с вами, но, к сожалению, их двинули в скором времени в Новороссийск, где они и будут продолжать свою работу и борьбу за нашу и вашу свободу. Эти чувства не только в наших сердцах, эти чувства имеют свой отзыв и в наших головах.

Теперь экономические деятели как Чехии, так и России думают о том, как объединить в будущем не только Россию, но и Чехию с Россией. По этим экономическим вопросам делаются уже предварительные работы. И если мы, чехи, успеем в нашем желании добиться доступа к Дунаю — мы с вашей Кубанской областью будем, так сказать, прямыми соседями, потому что, вы знаете, старая пословица говорит: «Моря не разделяют, но соединяют народы». Если у нас будет судоходство от границ, южных границ, и потом будут близко берега Черного моря, будет возможность товарообмена, обмен сырья между Чехией и Россией будет очень легкой работой. Таким образом, ваша страна сделается, так сказать, первым звеном, которое будет в экономическом отношении соединять Чехию и Россию. Я думаю, что как я, так и вы желаете этой будущей работе полного успеха. И вы из этих чувств, из моих намерений, из моих мыслей, вы увидите, что мои прощальные слова, которыми я заканчиваю речь, идут из полного сердца, что они вполне искренни. И эти слова суть вкратце: «Да здравствует казачество! Да здравствует свободная Кубань, свободная Россия!» *(Шумные аплодисменты.)*

Председатель. — Слово предоставляется товарищу председателя Султану Шахим-Гирею.

Султан-Шахим-Гирей. — По поручению президиума краевой Рады я приветствую славного представителя славного народа чешского. Много общего в жизни было у нас. Под гнетом централизма австрийского стонал чешский народ, под гнетом австрийского национализма плакал чешский народ! Но он верил и знал, что настанет для него день, когда он воспрянет, сбросит иго националистического централизма и восстанет на тех, кто являлся его угнетателем. Мы явились свидетелями борьбы чехов за свои права и свободу с теми, кто угнетал их в течение многих веков. Приветствуя эту борьбу, желаем от души мы, кубанцы, счастливого исхода этой борьбы и успеха в стремлении чехов к свободной жизни. *(Аплодисменты.)*

В далеких степях необъятной России, там, где лилась кровь несчастных сынов степей, там поднялась рука одного народа против тех, кто угнетал этот народ. Это были чешские полки, шедшие победно по степям России, разрушая врагов и не давая им пощады. То был первый народ, который подал руку помощи России *(Аплодисменты.)*, и мы этого никогда не забудем. Мы, кубанцы, когда бродили по степям своим, мы с большой надеждой ждали тогда появления чешских полков. Мы знали, что они

сражаются и стремятся соединиться с нами. Мы этого никогда не забудем. Мы никогда не забудем, что они в эту тяжелую годину, годину борьбы за свободу с теми, которые хотят насадить рабство, — в эту тяжелую годину чехи были с нами. Привет им от кубанских казаков, горцев и остального русского населения. Передайте привет вашему народу и наше пожелание успеха в дальнейшей борьбе и успеха по пути благоденствия чешского народа. *(Дюрих с места: «Не премину».)* Нам сегодня здесь говорили о том, что мы думали в течение веков. Так пусть же сегодняшний день послужит первым днем объединения чешского народа с нашей свободной Россией, свободным русским народом. *(Аплодисменты.)* Желаем вам успешного окончания борьбы, счастливого пути, передайте Чехии сердечный привет. *(Аплодисменты.)*

Председатель. — Приступаем к рассмотрению раздела 8-го положения об управлении Кубанским краем. Слово предоставляется докладчику — сотнику Филимонову.

Докладчик член Рады Д. Филимонов. — Сегодня мы приступим к рассмотрению конструкции нашей исполнительной власти. Всем известно, что в государстве власть распадается на три элемента: власть законодательную, исполнительную и судебную. Конструкцию власти законодательной мы закончили. На очереди стоит вопрос о том, как мы должны сконструировать власть исполнительную.

Один из параграфов, который нами не принят, гласит: «Исполнительная власть осуществляется в Кубанском крае войсковым атаманом и Кубанским краевым правительством.

Этот пункт пока не принят, но можно думать, что он будет принят. Во главе исполнительной власти стоит войсковой атаман. Но, осуществляя чисто исполнительные функции, он, по нашей конституции, предлагаемой вашему вниманию, является, кроме того, и главой края. Прежде чем говорить о том, из кого и как избирается войсковой атаман, я позволю себе остановиться на вопросах, на тех вопросах, в которых он как глава принимает участие. Войсковой атаман как глава края принимает участие в законодательной деятельности, и в исполнительной, и в судебной. Вот в таком порядке я и постараюсь вкратце изложить вам, какую роль в каждой из этих областей играет войсковой атаман. Что касается участия войскового атамана в законодательной деятельности, то об этом говорят ст. 47, 42, 43, 44. Ст. 47 гласит: «Войсковому атаману принадлежит право законодательной инициативы». Вы, конечно, понимаете, что войсковой атаман, стоящий во главе края, являющийся главой исполнительной власти, находится в курсе всех текущих событий. В его распоряжении находятся все необходимые материалы и средства для того, чтобы своевременно возбудить тот или другой вопрос, разрешения которого настоятельно требует жизнь. И вот, комиссия краевой Рады вполне согласилась с тем проектом, который был предложен правительством, где войсковому атаману предоставляется право инициативы.

Дальше, ст. 42-я гласит: «Все законопроекты, принимаемые Законодательной Радой, должны поступать на утверждение войскового атамана, который и утверждает их в двухнедельный срок. Не утвержденный войсковым атаманом законопроект возвращается вторично на рассмотрение Законодательной Рады». Дело в том, господа, что важно не только разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную, важно и то, чтобы эти власти всегда находились в известном взаимоотноше-

нии, чтобы между ними было всегда равновесие, чтобы ни одна власть не узурпировала прав другой власти, чтобы не было гегемонии одной власти над другой. И вот с этой целью вводится право главы исполнительной власти не утверждать те законопроекты, которые, по его мнению, являются или скороспелыми, или принятыми случайным большинством палаты, или не отвечающими данному политическому моменту. В этом случае войсковой атаман не утвержденный им законопроект обязан с мотивированным объяснением возвратить в Законодательную Раду. Это в науке о праве называется правом главы государства, правом «вето». Но это не значит, что возвращенный законопроект не может воспринять силу закона. Законопроект, вторично рассмотренный законодательным учреждением, в данном случае — Законодательной Радой, если с ним и не соглашается войсковой атаман, воспринимает силу закона, так что это «вето» атамана — не полное «вето», суспензивное. Значит, законопроект, принятый вторично законодательным учреждением, воспринимает силу закона, если даже войсковой атаман с ним не согласился. Правда, после возвращения законопроекта в Законодательную Раду для принятия его требуется не простое большинство голосов, как в обыкновенных случаях, а квалифицированное, большинство двух третей присутствующих членов Рады. Вот, собственно, к чему сводится участие войскового атамана в законодательной деятельности.

Что касается деятельности войскового атамана в области судебной, то тут роль сводится к помилованию и смягчению участи осужденных. Вы знаете, господа члены Рады, что иногда случаются в судебных делах судебные ошибки, которые никто никогда не исправит, как только путем предоставления главе государства права помиловать. Иногда суд на основании существующих законоположений выносит слишком суровый приговор, и сам же суд, принимая во внимание совокупность всех обстоятельств дела, делает постановление о смягчении участи осужденных. И вот это право предоставляется нашей конституцией также войсковому атаману. Об этом гласит ст. 39.

Следующей областью деятельности войскового атамана является его участие в правительственной власти. По нашей конституции, войсковому атаману подчинены прежде всего все краевые военные силы, и все, что связано с командованием этими краевыми силами, находится в ведении войскового атамана. Войсковой атаман назначает и увольняет военачальников, войсковой атаман дает награды и чины. Более важным, более существенным является право, которое мы предоставляем нашей конституцией войсковому атаману — право формирования правительства. До сих пор, господа члены Рады, вы знаете, что наше правительство конструировалось по конституции, принятой в октябре прошлого года. Ст. 9-я этой конституции предоставляет право формировать правительство Законодательной Раде. Законодательная Рада избрала председателя правительства и членов правительства, и сформированный таким образом кабинет продолжал работу. Войсковой атаман избирался краевой Радой. Но конституция не распределила точно границ деятельности войскового атамана и правительства. Естественно, отсюда получались, как вам всем известно, недоразумения, трения, и, как докладывал сам войсковой атаман, они устранялись только благодаря личным качествам как председателя правительства, так и войскового атамана. Но при прежнем положении об управлении краем эти трения никогда бы не могли быть устранены, если

бы не обладали необходимыми личными качествами представители власти. Настоящая конституция такое ненормальное явление устраняет. Положение об управлении краем исходит из следующих соображений. Исполнительная власть должна быть единой, не единоличной, а единой, единообразной. От исполнительной власти требуется быстрота решений, и поэтому совершенно ненормально, чтобы исполнительная власть двоилась, как было до сих пор. Ведь ни для кого не секрет, что бывали такие случаи, что издает распоряжение войсковой атаман, а об этом не знает правительство, и наоборот. Это явление — совершенно ненормальное, и ненормальность объясняется тем, что самый способ формирования правительства и взаимоотношения его с атаманом не были точно регламентированы положением. Это ненормальное явление нынешней конституцией устраняется; правительство формируется, по конституции, войсковым атаманом; войсковой атаман приглашает председателя правительства и назначает членов правительства из числа лиц, предложенных ему председателем правительства. Так гласит ст. 40 предлагаемого нами проекта конституции. Она разнится от соответствующей статьи конституции, предложенной правительством. В правительственном проекте было сказано, что войсковой атаман избирает председателя правительства из числа лиц, пользующихся доверием большинства Законодательной Рады. При обсуждении этих вопросов большинство членов комиссии пришло к заключению, что, собственно говоря, способ определения тех, кто пользуется доверием большинства Законодательной Рады, не выяснен, и выяснить и определить его трудно. В конституции имеется статья, что войсковой атаман не может присутствовать на некоторых заседаниях Рады — следовательно, узнавать о том, кто пользуется доверием большинства Рады, ему пришлось бы через посредство других лиц, через посредство общественного мнения. Такой способ формирования может внести двойственность в организацию исполнительной власти: приглашенный таким образом председатель правительства из числа лиц, пользующихся доверием большинства, естественно, будет опираться на большинство законодательного учреждения и, естественно, не будет идти в своей деятельности в том направлении, в каком ведет эту работу глава края. На этой почве могут происходить невольно печальные недоразумения между главой края и председателем правительства. Для устранения этого комиссия и решила, что председателя правительства приглашает войсковой атаман независимо от того, пользуется ли приглашаемое лицо доверием большинства или нет. Конечно, комиссия полагала, что каждый атаман, избранный народом, будет прислушиваться к голосу законодательного учреждения при приглашении на пост председателя правительства того или другого лица.

Здесь скажут, что исполнительная власть в этом случае как будто бы ускользает из-под контроля законодательной власти. Нет. Для этого в конституцию введена статья 56, которая говорит, что правительство, сформированное войсковым атаманом, вынуждено уйти в отставку, если ему будет выражено недоверие большинством Законодательной Рады.

Таким образом, здесь зависимость правительства от Законодательной Рады устанавливается, только не при самом формировании правительства, а уже потом, в период деятельности этого правительства. Такая конституция, мы полагаем, избавит, с одной стороны, войскового атамана от необходимости приглашать на пост председе-

дателя правительства, скажем, лицо, которое в данный момент пользуется доверием большинства, но с которым во взглядах и направлении деятельности он расходится; с другой стороны — это и связывает войскового атамана. Он, в случае выражения недоверия законодательным учреждением правительству, дает отставку этому правительству и составляет новый кабинет. Эта конструкция правительства заимствована из конституции Северо-Американских Соединенных Штатов; там президент формирует правительство совершенно независимо и самостоятельно, не прислушиваясь к тому, пользуется ли оно доверием большинства палаты или нет.

Все распоряжения войскового атамана, издаваемые по части управления, скрепляются, говорит статья 49-я, подписью председателя правительства и члена правительства по тому ведомству, по которому издается тот или иной акт. Дело в том, господа, что во всех странах, как конституционных, так и республиканских, глава края не несет ответственности за управление; он ответственен лишь за случаи нарушения конституции и за тяжкие государственные преступления. Что касается управления, то ответственность за него несет кабинет, составленный или монархом, или президентом. А так как глава края ответственности за управление не несет и она переносится на кабинет, то естественно, что каждое распоряжение должно быть скреплено подписью соответствующего министра или председателя совета министров. Иначе, если ответственность переносится на министров, а они не будут скреплять подписью актов главы исполнительной власти, то может получиться очень и очень серьезное и недопустимое положение: глава исполнительной власти может издавать акты, идущие вразрез с интересами края. Таким образом, по нашей конституции, все распоряжения войскового атамана должны скрепляться председателем правительства и членом правительства по принадлежности. Мне могут возразить, что член правительства может не согласиться подписать тот или иной акт, который войсковой атаман находит необходимым издать. При том способе, о котором я говорю, это положение может быть легко устранимо: назначает министров войсковой атаман, и, следовательно, министр, не согласный подписать тот или иной акт атамана, просто может получить отставку, а на его место атаман пригласит другого министра, который вполне разделит точку зрения атамана.

Следующим вопросом является вопрос о взаимоотношениях войскового атамана и Законодательной Рады уже не в области законодательной, а применительно к самому законодательному учреждению. Дело в том, господа, что, как я вначале сказал, необходимо власть сконструировать таким образом, чтобы между ними было равновесие, чтобы ни одна власть не могла узурпировать другую власть, принадлежащую другому органу. И вот, между ними должна быть установлена такая зависимость, чтобы обе могли влиять взаимно друг на друга: законодательное учреждение — на власть исполнительную, а власть исполнительная — на власть законодательную. Если бы законодательному учреждению было предоставлено право неограниченного законодательства, то, принимая во внимание, что законодательная власть есть власть господствующая, власть, издающая законы, она могла бы эти законы издавать в таком направлении, что глава исполнительной власти оказался бы совершенно обезличенным. Чтобы этого не было, конституции предоставляют главе исполнительной власти право роспуска парламента, право перерыва сессии, право назначения новых выборов в парламент. Если,

например, глава края находит тот или иной закон не соответствующим настроению страны, то у главы края нет другого выхода, как распустить парламент, потому что, я уже сказал, существует право главы государства, право «вето»; оно не дает возможности законодательному учреждению издать такой закон, который глава государства находит не отвечающим интересам данного момента, и единственным путем для него остается или перерыв сессии, или роспуск парламента.

Наша конституция права роспуска войсковому атаману не предоставляет, но она предоставляет ему право перерыва сессии. Вы знаете, что вотум недоверия обязывает правительство выйти в отставку, но если войсковой атаман находит, что правительство и он делают именно то, что требует данный момент, то войсковой атаман может, согласно статье 45, сделать перерыв сессии, для того чтобы депутаты, разъехавшись на места, смогли бы учесть настроение масс, для того чтобы или согласиться с настроением правительства, или подтвердить снова ложный путь, по которому идет правительство. А быть может, за время перерыва минует тот политический момент, который явился неподходящим для того или иного закона. Кроме этого войсковому атаману принадлежит право созыва сессии Законодательной Рады. Правда, право перерыва сессии Законодательной Рады без ее на то согласия может произойти не ранее рассмотрения Радой росписи расходов и доходов, кроме того, перерыв этот не может происходить более двух раз в течение сессии и не может продолжаться каждый раз более одного месяца. Это связывает атамана и не дает ему возможности неограниченно пользоваться перерывом сессии. Если бы это право не было ограничено, он мог бы фактически лишать возможности работать законодательное учреждение Вот те три области, в которых войсковой атаман принимает участие и которые регламентируются статьями, предлагаемыми конституцией.

Мы подходим к вопросу о том — кто же у нас должен быть главою края? По этому вопросу комиссия долго спорила, приводила доводы за то, что главою края может быть вообще человек, который принес известную пользу краю, который знает край, который любит край, но были и возражения против такой широкой формы, были и другие мнения, выразители которых настаивали на том, что войсковым атаманом, главою края, может быть человек, знающий психологию народа, во главе которого он будет поставлен, что психологию эту он может изучить, только будучи сам казаком, что, отсюда, войсковым атаманом может быть только тот, кто родился казаком и вырос на кубанской земле. Эта точка зрения восторжествовала, но в самый последний момент перед голосованием статьи 38 внесено Майкопским отделом заявление, что нельзя лишать возможности быть избранным войсковым атаманом человека, не родившегося казаком, но послужившего краю и имеющего все данные для того, чтобы быть главою этого края. На основании этого соображения Майкопский отдел внес предложение, что войсковым атаманом может быть не только природный казак, но и приписной казак, послуживший краю не менее 15 лет. Дело в том, что ограничение для лиц, имеющих право занять пост главы государства, введено не только нами: это ограничение существует и в других государствах. В Северо-Американских Соединенных Штатах президентом может быть не каждое лицо, а гражданин, который бы носил звание американского гражданина не менее 14 лет и прожил бы в Америке не менее четырех лет.

Вот это дало возможность комиссии принять статью 38 в том смысле, что войсковым атаманом может быть не только природный казак, но и из приписных казаков, прослуживших краю не менее 15 лег. Таким образом, вот сущность всего раздела 8-го о войсковом атамане. При постатейном чтении в комиссии лично я был не согласен с теми, кто хотел сделать ограничение срока пребывания на кубанской земле. Я смотрю так, что краевая Рада будет учитывать все данные и за, и против. Этого ограничения вводить в конституцию, по-моему, не следовало бы.

После перерыва.

Председатель. — Заседание возобновляется. Господа члены Рады! Стенограммы, розданные авторам для просмотра, своевременно не возвращаются; поэтому те стенограммы, которые не будут возвращены в течение суток, поступят в печать в таком виде, в каком они были посланы для просмотра. Вечером состоится заседание согласительной комиссии совместно с представителями Добровольческой армии. Члены комиссии, избранные Кубанской краевой Радой, желают днем подготовиться к этому заседанию, поэтому мы должны будем закончить нашу работу к часу дня.

Оглашаю параграф 37 конституции: «Кубанский войсковой атаман почитается главою Кубанского края и Кубанского казачьего войска. Ему как главе края подчинены все краевые военные силы». Желающих высказаться нет? Принято единогласно.

Пункт 38: «Войсковой атаман избирается краевой Радой на четыре года из числа природных кубанских казаков и горцев, а также из числа приписных казаков, прослуживших Кубанскому краю не менее 15 лет». Желающих прошу высказаться. Слово принадлежит члену Рады полковнику Чекалову.

Член Рады Чекалов. — Господа члены Рады! В этой статье не обусловлено, кто у нас должен быть войсковым атаманом, штатский или военный, т. е. человек со специальным военным образованием. Я полагаю, что, безусловно, войсковой атаман должен быть военный, кроме того, на это нам указывает и история, этого также требует и настоящий момент. Я вношу предложение — к этой статье добавить: «и должен быть военный». В большинстве наказов у нас прямо говорится, что войсковой атаман должен быть военным.

Председатель. — Напоминаю, нужно представить отделам сводку наказов, без этого я не имею возможности проверить то, что говорит член Рады Чекалов.

Член Рады Муратов. — Господа члены Рады! В этой статье указано, что войсковым атаманом может быть лицо из приписных казаков, прослужившее краю не менее 15 лет. Нужно это понимать в том смысле, что именно Кубанскому краю, но не войску. Иначе, если какой-нибудь из кандидатов, которых мы наметили здесь, служил, в силу каких-нибудь причин, в Закавказье или в Персии, несмотря на то что мы желали бы его избрать и он заслуживает этого, — не может быть избран. Я хочу обратить ваше внимание на цифру 15. Почему не взято 10, 5, 7 и т. д.? Были ли серьезные мотивы, чтобы ввести такую поправку, какую внесла комиссия? Я полагаю, что поправку нужно внести в следующем виде: «прослуживший Кубанскому краю», а цифру 15 выпустить и совершенно не указывать количества лет.

Член Рады Воропинов. — Господа члены Рады! Вопрос о том, должен ли войсковой атаман обладать каким-либо специальным образовательным цензом, де-

тально обсуждался в комиссии по самоуправлению, и комиссия, насколько мне не изменяет память, почти единогласно, за немногими исключениями, пришла к выводу, что такого ограничения создавать для кандидата в атаманы ни в коем случае нельзя. Здесь вам было указано, что войсковой атаман должен быть непременно военным, а я вас спрашиваю и спрашиваю тех, кто внес это предложение, — какой именно военный? Рядовой ли офицер, или офицер, получивший высшее военное образование? Все это нуждается в пояснении. Если мы станем на ту точку зрения, что войсковым атаманом должен быть военный, то, чтобы быть последовательными, мы должны прибавить, что атаманом должен быть человек, получивший высшее военное образование; а если мы согласимся с этим, то, конечно, по необходимости придем, я думаю, к смешному положению. Дело в том, что у нас в войске людей с высшим военным образованием немного, а людей, на которых Рада могла бы с некоторой надеждой остановиться, — совсем мало. Таким образом, Рада должна ограничить круг кандидатов на должность атамана двумя, тремя, пятью лицами. И вот, я полагаю, что этот принцип абсолютно не выдерживает критики.

С другой стороны, деятельность войскового атамана складывается не только из его распоряжений военного характера; атаман является не только главой вооруженных сил края, но главой края вообще. Вы видите по нашему проекту конституции, что войсковой атаман имеет право «вето», т. е. он имеет право вмешиваться в законодательную работу нашей Рады. Войсковой атаман имеет право осуществления исполнительной власти. Таким образом, объем его полномочий можно расчленить на три элемента: военная власть, исполнительная власть и власть законодательная. Если вы сопоставите, с одной стороны, необходимость для атамана высшего военного образования, а с другой стороны, что атаман должен быть и политиком, и дипломатом, и хорошим администратором, то вы увидите, что иметь высшее военное образование для него совершенно не нужно. И вот на этом основании комиссия пришла к выводу, что такого ограничения для войскового атамана ставить не следует, и, вообще говоря, для атамана какого-нибудь ценза устанавливать нельзя, кроме единственного, о котором здесь в статье 38 упоминается и о котором я буду говорить.

Господа члены Рады, если вы внимательно прочтете ст. 38, если вы попытаетесь оценить эту статью с точки зрения правильности логического построения, то вы увидите, что она с этой стороны критики не выдерживает, ибо здесь введены два понятия, из которых одно уже заключается в другом. Здесь, во второй части этой статьи, говорится: «а также из числа приписных казаков, прослуживших Кубанскому краю не менее 15 лет». Это нужно понимать так, что войсковой атаман может быть избран из числа казаков, которые прослужили войску не менее 15 лет, а с другой стороны, указывается, что войсковой атаман может быть из природных казаков. Но одно из двух: или то, или другое, но оба эти понятия вводить в статью, я говорю, является логической несуразностью. Таким образом, я нахожу, что если бы даже Рада по существу того, что говорится в этой статье, согласилась с ней, то, во всяком случае, текст ее необходимо переredактировать. Но я не могу согласиться в корне с прибавкой, которая внесена: «а также из числа приписных казаков, прослуживших Кубанскому краю не менее 15 лет». На первый взгляд вам может показаться несколько преувеличенным, несколько сме-

лым, если я скажу, что между Кубанским краем и Северо-Американскими Соединенными Штатами есть кое-что, даже много, общего. Дело в том, что, как Соединенные Штаты представляли некогда заманчивый уголок, в который со всех концов Европы устремлялись искатели счастья, точно так же по отношению к России Кубанский край представляет заманчивый уголок, куда стекаются искатели счастья. Кубанский край так же, как и Соединенные Штаты, энергично колонизуется. Ежегодно, как и в Соединенные Штаты, в Кубанский край плывет масса пришельцев, и вот в числе этих пришельцев обычно бывает очень много людей, которые слишком гоняются за фортуной. Соединенные Штаты, разрешая вопрос о том, кто у них может быть президентом, пришли к необходимости установить преграды для людей со всякого рода авантюристическими наклонностями, людей, которые из честолюбия могут пойти на все, которые, стремясь занять президентское кресло, не остановятся ни перед чем. Едва ли нужно доказывать, что авантюристы обыкновенно отличаются недюжинными способностями и свою деятельность проводят так, что она обыкновенно вскрывается тогда, когда эти господа успеют взять от жизни все, что им нужно было. Чтобы устранить таких людей, для которых честь, честное имя — пустой звук и которым все равно, что о них скажут потом, Соединенные Штаты в статье 5 конституции говорят об этом следующее: «На должность президента не может быть избран никто, кроме природного гражданина или состоявшего гражданином во время утверждения этой конституции. Он должен достигнуть 30-летнего возраста и иметь постоянное жительство в Соединенных Штатах в течение 14 лет». И вот, господа, исходя из того, что наш Кубанский край, в смысле колонизации, в смысле наплыва ищущих счастья, имеет много общего с Америкой, я убежденно стал на изложенную точку зрения и думаю, что мы должны последовать примеру Северо-Американских Соединенных Штатов и не вводить в ст. 38 каких-либо льгот. Я полагаю, что необходимо отбросить дополнение к этой статье, внесенное в нее уже при вторичном ее рассмотрении.

Войсковым атаманом, господа, у нас должен быть только природный казак, только тот, кто родился казаком или горцем. *(Аплодисменты.)* Для меня это представляется таким ясным, как этот день, никаких сомнений в этом отношении у меня нет. На атамана возлагается долг разрешать вопросы в высшей степени ответственные; от его честного отношения к интересам войска, интересам края будет зависеть все. Если правительственная власть будет в руках природного казака, то этот человек в первую голову, в первую очередь поставит интересы не личного честолюбия, не интересы какой-нибудь определенной группы лиц, а прежде всего интересы той среды, которая его родила и вскормила; он прежде всего будет стоять на точке зрения интересов кубанского казачества, Кубанского края. Если бы в этот момент атаманом у нас был не природный казак, если бы это был случайный человек, то вы поймете, конечно, что если бы мы, краевая Рада, собравшись, выслушали отчет нашего войскового атамана о его деятельности и увидели, что она была направлена не в пользу, не в сторону интересов казачества Кубанского края, если бы мы сказали, что этот атаман не выполнил наших надежд, не оправдал нашего доверия, что он, может быть, опозорил наш край, принес ему непоправимый вред — то этому атаману останется только нам поклониться, покорнейше отблагодарить за честь, ему оказанную, и лететь туда, откуда он прилетел

испытать счастья. Если же на его месте будет природный казак, вы поймете, что ему некуда будет уйти от позора, который падет на его голову и на весь его род: куда бы он ни уходил, он снова должен прийти в это же место. И если такой человек будет жить между нами, на него будут указывать пальцами и говорить: «Это — тот, кто опозорил нас». Эти внутренние побуждения всегда будут стоять на первом плане у истинного природного казака, и в решительную минуту, минуту колебаний личного честолюбия или каких-либо иных побуждений, они его удержат от роковых шагов. Поэтому, господа, на основании того, что я сказал, я предлагаю ст. 38 редактировать следующим образом: «войсковой атаман избирается краевой Радой на четыре года из числа природных казаков и горцев». Прибавление же «из числа приписных казаков, прослуживших Кубанскому краю не менее 15 лет» отбросить. *(Голоса: «Правильно»; аплодисменты.)* Я еще понимал бы, господа, эту статью и не возражал бы принципиально против нее, если бы она была редактирована следующим образом: «войсковой атаман может быть избран из природных кубанских граждан» — независимо от того, будет ли он казак, будет ли он горец, будет ли он коренной житель из числа иногородних. Я бы тогда — если бы у нас было установлено понятие кубанского гражданина — против нее не возражал, но против такой формы, как здесь сказано, я решительно возражаю.

Член Рады Перегородиев. — Господа члены Рады! Тут создалось такое впечатление, что если не ввести в статью прилагательных «природный» и «прослуживший не менее 15 лет», то мы как будто бы изберем не того, кого нужно. Между тем, мы будем выбирать и без всяких прилагательных, тех, кто достоин быть атаманом; конечно, когда выдвинуты кандидаты и за некоторыми кандидатами окажутся прилагательные «природный», «прослуживший казачьему войску столько-то лет», то ясно, что они будут иметь большую силу. Но очень может быть, что и без этих прилагательных найдется человек, который окажется нам наиболее полезным. Имея в виду эту возможность, зачем мы будем ставить ненужные ограничения и суживать круг кандидатов терминами «природный», «прослуживший не менее 15 лет»? Притом мы, вводя эту статью и на будущее время, заставим будущие краевые Рады, когда они соберутся, смотреть на дело в тех же рамках. Неужели мы сами себе не доверяем и сами отдадим судьбу края недостойному человеку? Я лично смотрю, что здесь никаких прилагательных не должно быть. Как только он казак, каким бы путем он ни был им, он вправе быть атаманом. У нас есть пословица: «Тот не казак, кто не думает быть атаманом». Она недаром была сказана. Если мы ограничим и не дадим возможности каждому казаку думать, что когда-то он будет атаманом, это не будет казак, а полуказак. Казачество и встарь имело атаманов, и много было среди них выдающихся. *(Шум.)* Но ведь тогда, чтобы получить права гражданства, не нужно было требовать приговора станицы, не нужно, чтобы зачислить в казачество, особого приказа. Прошло известное число лет, и он признавался казаком. *(Шум.)*

Председатель. — Прошу соблюдать тишину.

Член Рады Перегородиев. — А у нас же, чтобы получить звание казака, нужно пройти много инстанций и приговор станичный написать о том, что мы принимаем человека в казаки, потому что он оказывал или окажет в будущем пользу нашему родному краю. Значит, ничего общего с прежним порядком приема нет. Таким образом, го-

спода члены Рады, я предлагаю оставить эту статью в таком виде: «Войсковой атаман избирается на четыре года из числа казаков и горцев» — и никаких прилагательных не добавлять. Опять я вам напомню пословицу, которая испокон веков повторялась нами, казаками: «Тот не казак, кто не думает быть атаманом».

Член Рады Преображенский. — Ваши симпатии, господа члены Рады, определенным образом изволили проявиться в аплодисментах одним ораторам и в видимом нежелании слушать других, с которыми вы не согласны.

Председатель. — Симпатии и антипатии определяются только баллотировкой.

Член Рады Преображенский. — И вот, мне кажется, что мне, пожалуй, придется встретиться тоже с не совсем сочувственным отношением, потому что я буду говорить то, что, может быть, не всем понравится, но совесть моя меня заставляет быть прямым всегда, когда я оказываюсь на этой кафедре, и я покорнейше прошу отнестись с полным доверием к моим словам. Редакция ст. 38 меня не удовлетворяет по многим причинам. Прежде всего я обращаю ваше внимание на слова: «из природных кубанских казаков и горцев». В числе вас, господа члены Рады, не меньше, если не больше, представителей коренного и иногороднего населения. *(Шум.)* Это население участвовало в течение почти 50—60 лет в устроении жизни Кубанского края. *(Шум.)* Я знаю, что я говорю. *(Шум. Звонок председателя.)* Я вполне вас понимаю, понимаю ваши желания, чтобы во главе края стоял казак. Я не только понимаю, но с этим лично и соглашаюсь. Я только не понимаю, почему делается исключение для группы горцев.

Председатель. — Не для группы, а для горцев.

Член Рады Преображенский. — А иногороднее коренное население обделено. *(Шум.)* Я предлагаю сказать, что атаман избирается или из казаков, или, как совершенно правильно изволил сказать член Рады Воропинов, из коренных граждан Кубанского края. Третьей редакции быть не должно. Что же касается сделанного добавления — «из числа приписных казаков, прослуживших краю не менее 15 лет», — то позвольте, исходя из интересов и данных настоящего момента, вас спросить: во сколько лет вы оцените тот подвиг, который совершали как природные казаки, как коренные иногородние, так и приписные казаки, бродившие в течение пяти месяцев похода по степям Кубани, защищая ее от врага и освобождая ее для вашего строительства? Во сколько вы будете считать каждый час, каждую минуту этой постоянной готовности отдать свою жизнь за ваше благо? И вот, если вы имеете в виду опыт, то опыт должен быть оцениваем объективно, а не с точки зрения личных симпатий. Если вы оцениваете услуги казачества, то они должны быть оцениваемы с точки зрения тех жертв, которые принесены для края. *(Шум.)* Конечно, трудно говорить, когда одна часть не хочет слушать. Но я нахожу, что, если бы я этого не сказал, то я не выполнил бы долга перед теми лицами, которые послали меня сюда, в заседание краевой Рады. Я лично предлагаю не вводить в статью каких-либо оговорок, но сказать в ней следующее: «Войсковой атаман избирается на четыре года из числа кубанских казаков» — и точка.

Член Рады Попов. — Я ходить окольными путями не буду. Я хочу сказать, что у меня как у казака наболело на душе. Меня смущает добавление: «а также из числа приписных казаков, прослуживших Кубанскому краю не менее 15 лет». Ведь факты налицо. У нас в станице есть иногородние, которые жили по 50 лет между нами,

но все-таки пользы от них мало, и как раз в эту эпоху они много вреда натворили, действуя на руку большевикам. Недаром есть мудрая русская пословица: «Сколько волка ни корми, он все в лес смотрит». *(Аплодисменты.)* Если говорят, что у вас мало людей, которые бы соответствовали назначению на пост атамана, то я бы посоветовал обратиться к нашим братьям-казакам, к донцам, к сибирцам и т. д. Поэтому я предлагаю внести в редакцию следующее изменение: исключить слова «а также из числа приписных казаков, прослуживших Кубанскому краю не менее 15 лет» и сказать в ней: «вообще из казаков или из природных казаков и горцев Кубанского края». *(Аплодисменты.)*

Член Рады Колесников. — Я с большим трепетом вхожу на эту кафедру. И трепет этот входит в мою душу, потому что нас слушает не только одна Кубанская область, но и те, которые далеко за пределами этой области. Судьбы казачества в эту минуту решаются. И когда я слышал слово «провокатор», то мне казалось, что на воре шапка горит. И когда я слышу такие упреки, вижу такое подозрительное отношение, то на меня страх находит. *(Шум.)* По шуму, который вызван моими словами, я вижу, что многие не хотят слушать. При таких условиях трудно рассуждать и делать логические выводы. Но я должен все-таки сказать, что ссылка на Соединенные Штаты, здесь не раз приводимая, не заслуживает никакого внимания. Там нет казачества, и то, что здесь приемлемо, — там неприемлемо, и что там приемлемо, неприемлемо здесь у нас. Эта ссылка сама собой отпадает и служит только украшением ораторам, которые посылали нас и в Австралию, и в Соединенные Штаты. Гораздо лучше взглянуть на историю казачества и посмотреть, как образовалось казачество и сколько лет надо служить, чтобы заслужить звание атамана. Посмотрите на черниговское казачество, на полтавское, которые несут идеалы свои, посмотрите, как там было. Был ли там ценз на время? — не было никогда. Были ли там какие-нибудь ограничения? — нет. Да, там казаки, извините меня, не те, что вы видите здесь.

Казак — это состояние не физиологическое, а это психологическое состояние души. *(Аплодисменты.)* И недостаточно родиться казаком, а надо быть казаком в душе. Прошлый год всем показал, что родиться казаком, быть казаком физиологически — не значит быть казаком психологически. Вы посмотрите на эти отрепья, на эти отбросы казачества, с которыми вы сейчас воюете: 10 проц. там, на фронте большевистском, воюет с нами. *(Голоса: «Больше».)* А может быть, и больше — я не считал. И не казак, а насильник казачества тот, кто здесь чуть ли не хвалебные песни слагал Петрову и Горькому.

Председатель. — Этого не было.

Член Рады Колесников. — Было.

Председатель. — Прошу со мной в пререкания не вступать.

Член Рады Колесников. — Филимонов здесь говорил о талантах Горького и Петрова. Если меня будут перебивать, то я не смогу говорить.

Председатель. — Буду перебивать, когда найду нужным.

Член Рады Колесников. — Это ваше право, а мое право все-таки высказать правду. Итак, господа, исходя из положения, что казак — психологическое состояние души, я утверждаю, что та редакция, которая предложена комиссией и здесь так хо-

рошо защищалась докладчиком, по-моему, не заслуживает сколько-нибудь серьезного внимания. Год борьбы на Кубани показал, кто у нас был атаманом, кто у нас были атаманами. Когда большевики погнали нас, так они попрятались там, где-то в подполье, и когда все разбежались, то у нас сами собой и атаманы явились. И защитники были наши не из этой среды, а пришли чужие люди, и я видел, как они шли освобождать край, я видел, как кровь лилась за освобождение Кубани, кровь и наших, и ваших детей. Вот это — атаманы, вот это — психологические атаманы. *(Аплодисменты.)* Вот здесь юристы собрались, конституцию пишут, а я вам скажу: сколько вы конституций бумажных ни пишите, вы ими не возродите государственность. Вот здесь каждый день вы слышите музыку, похоронный марш: там пишется другая конституция — кровью наших детей. Вот — моя конституция! *(Голоса: «Правильно».)* Это и есть реальное соотношение сил. Казак пойдет за тем атаманом, который не по подвалам прятался, не в погребах сидел, когда он шел умирать, а за тем, который вместе с ним кровь проливал. *(Аплодисменты; движение в публике.)*

Председатель. — Я покорнейше прошу публику не мешать нам работать. В противном случае я буду принужден принять зависящие меры.

Член Рады Колесников. — Чтобы не возбуждать страсти, я только скажу, что я поддерживаю Перегородиева, который говорит, что атаманом может быть лишь кубанский казак, и отбрасываю «коренной» и «15 лет».

Член Рады Гудзь. — Господа, в противовес всем ораторам, я скажу, что редакция этой статьи, принятая комиссией, должна остаться таковой. Здесь нет никаких противоречий, о которых говорил Воропинов. Мне кажется, когда комиссия поместила выражение: «из числа природных казаков и горцев», то она тут имела большое основание. Конечно, казак по рождению психологически может и не быть казаком, и обратно, но природный казак больше всего связан с тем доминирующим элементом, каким является казачество на Кубани. Этого отрицать нельзя. Я говорю также против внесения сюда вопроса о правах гражданства: так как они еще не установлены, то пришлось бы об этом слишком много спорить, а это поведет нас по неправильному пути. Когда защищали положение, что атаман должен быть военным, специально военным, то здесь указывалось на то, что это даст нам возможность избрать атамана, который будет наиболее подходящим к данному моменту, наиболее нужным человеком — с этим нельзя не согласиться. И когда делается еще одна добавка, что войсковой атаман может быть избран из тех, кто прослужил краю не менее 15 лет, то этим предоставляется еще большая возможность избрать атамана наиболее удачно. Вот в силу этих соображений я и говорю, что комиссией совершенно правильно редактирована эта статья. Войсковой атаман должен быть избираем из природных казаков и горцев, а также и из тех, кто не является природным казаком, но оказывается особенно подходящим для этого поста.

Член Рады Омельченко. — Господа члены Рады! Для меня нет сомнений в том, что поправка, внесенная первым из говоривших ораторов, полковником Чекаловым, что атаман должен быть с военным образованием, безусловно, должна быть отвергнута. Эта поправка свидетельствует о том, что высказавшийся не отдает себе отчета в том, какие задачи ставятся перед Кубанским краем, и не учитывает, что мы переживаем время, когда должны задаваться следующими вопросами: как нам, например,

добиться, чтобы в области экономической и в области духовного строительства именно нам принадлежала дирижерская палочка. Он думает, что обязанности атамана ограничиваются исключительно военной сферой. Если бы даже войсковой атаман и захотел непосредственно водить полки, то в силу многообразия тех обязанностей, которые на нем лежат, он этого сделать не может. Следовательно, требования специальных знаний военной области будут аннулированы самой жизнью. Но беда в том, что если в конституцию будет введено это ограничение, то мы лишим возможности людей с широким кругозором, которые могли бы определить экономическое и духовное строительство Кубанского края, стать во главе его. Мы должны стоять на той точке зрения, что если мы хотим поймать хорошую рыбу, то должны закинуть невод на всю Кубанскую область и выудить голову, которая соответствовала бы тем задачам, которые стоят перед Кубанским краем. *(Аплодисменты.)* И вот, исходя из этого житейского примера, мы именно должны выбирать голову, соответствующую задачам данного момента.

Если мы станем на ту точку зрения, что войсковой атаман должен быть обязательно военным, то я скажу, что это положение не соответствует жизненным требованиям. Людей с военным образованием слишком много, и, вводя этот ценз, безусловно, нужно ввести известное пояснение, какое имеется в виду образование — среднее или высшее. Докладчик, внесший эту поправку, очевидно, говорит об атамане с высшим образованием, иначе не может быть, а тогда мы, силою обстоятельств, повторяю, придем не к выборам, а к тому, что перед нами будет три-четыре человека, которые, в силу этой поправки, и могут только претендовать на эту высокую, почетную должность. Я говорю: атаман должен быть вообще только казак. Недаром мудрая пословица говорит: «Терпи, казак, — атаманом будешь». И эта пословица должна послужить критерием, кто может быть атаманом. Атаманом должен быть природный казак, а не человек, в силу тех или других обстоятельств очутившийся на данной территории, потому что последний в критический момент может еще колебаться, положить ли на чашку весов интересы свои личные или интересы целого края. Кровный казак на чашку весов положит только интересы Кубани, а не интересы личного благополучия. Исходя из этого положения, я говорю, что атаманом должен быть, безусловно, природный казак, но, имея ввиду ситуацию переживаемого момента, я ничего не имею и против той оговорки, по которой атаманом может быть лицо, послужившее краю не менее 15 лет. Это только уступка времени и месту и даже слабость с нашей стороны, диктуемая обстановкой переживаемого момента. Заканчивая свои слова, я скажу, что я вполне присоединяюсь к предложенной комиссией редакции статьи.

Председатель. — Ко мне поступило предложение закрыть запись ораторов. Баллотирую. Большинством голосов запись ораторов закрыта. Слово предоставляется члену Рады Коробьину.

Член Рады Коробьин. — Господа члены Рады! Член Рады Чекалов в своей поправке просит вас признать, что войсковым атаманом должен быть обязательно военный. Я полагаю, что центр тяжести всей работы главы края лежит в работе гражданской, в области законодательной, исполнительной, судебной, но не военной; таким образом, вводить этот ценз не приходится. Вы мне скажете: «Сейчас мы все переживаем военное время, мы все пропитаны войной, как же можно допустить,

чтобы глава края был не военным человеком»? Я вам отвечу, что это дело предстоящих на днях выборов, но мы пишем конституцию не на один год, а надолго. Она послужит краеугольным камнем, на котором будет построена вся жизнь Кубанского края, и мы должны теоретически, принципиально взглянуть на вопрос. Когда мы будем избирать атамана на текущий срок, то я сам, может быть, буду голосовать за то, чтобы он был человеком с военным образованием, чтобы он мог вести войско, но это все-таки не дает мне основания подобное ограничение вводить в конституцию. Я предлагаю этих дополнений не вводить, а вы сами учтете и выясните, что в данный момент нужно для Кубанского края, — нужен ли глава с военным образованием или штатский.

Что касается возбудившего здесь страстные прения вопроса о дополнении статьи упоминанием о приписных казаках, то я буду поддерживать старую редакцию проекта правительства, где просто сказано: «из числа казаков и горцев». В этом отношении я совершенно согласен с членами Рады Перегородиевым и Колесниковым. Раз мы знаем, что верховная власть осуществляется Чрезвычайной Радой, то будем последовательны и будем ей верить. Член Рады Воропинов боится авантюристов, а я верю в здоровое чувство народа и знаю, что никакой авантюры народное собрание не допустит, что краевая Рада всегда разберет, где истинные интересы народа и где ложные, которые могут повести по неправильному пути. Член Рады Омельченко сказал, что необходим простор для избрания настоящего главы края, и в то же время требует, чтобы глава края был с высшим военным образованием и чтобы он был природный казак. Это — непоследовательно. У нас в Кубанском крае живут три элемента: казаки, горцы и иногородние, и если вы будете знать, что данный человек не изменит интересам Кубанского края, то почему вы не вручите ему атаманской булавы?

Если мы стоим на демократической позиции, то будем верить в то высокое собрание, которое избирает войскового атамана: оно всегда будет знать, кого ему нужно выбрать, независимо от того, природный он или неприродный казак.

Председатель. — Список ораторов исчерпан. Слово предоставляется докладчику.

Член Рады Филимонов. — Господа члены Рады! В своем докладе я уже сказал, что не разделяю точки зрения, изложенной в статье 38-й. Предыдущий оратор изложил доводы, по которым затруднительно стать на защиту того взгляда, который комиссия провела в разобранной нами статье. Должен прибавить, что все вопросы, которые вызвали столь горячие прения, являются вопросами преходящими, вопросами данного момента, и поэтому вводить их в конституцию я полагал бы совершенно ненужным. Кроме того, всем вам известна конструкция нашей краевой власти. Если бы власть состояла из одного войскового атамана и ему была бы вручена вся полнота власти, тогда могли бы иметь основание те опасения, о которых так много говорил член Рады Воропинов. Но не забывайте, что у нас власти войскового атамана и правительства противопоставляется власть законодательных учреждений, и если мы примем это во внимание, то, конечно, не будем настаивать на тех ограничениях для войскового атамана, которые здесь предлагаются.

Председатель. — Я вам слово дал не как оратору, а как докладчику.

Член Рады Филимонов. — С этой статьей я попал в очень тяжелое положение: я совершенно не разделяю этой статьи, но как докладчик я должен ее докладывать. Я и в комиссии предлагал принять эту статью в редакции, предложенной правительством.

Председатель. — Я должен обратить внимание, что докладчику предоставляется последнее слово, чтобы защищать мнение комиссии по тому или иному вопросу, но ни в коем случае он не должен выступать как отдельное лицо. Я в дальнейшем этого не допущу.

Оглашаю статью 38: «Войсковой атаман избирается краевой Радой на 4 года из числа природных казаков и горцев, а также из числа приписных казаков, прослуживших Кубанскому краю не менее 15 лет». Я голосую сначала в редакции комиссии, так как в наказе имеется параграф, который говорит, что если законопроект предварительно рассматривался в комиссии и вносится ею, то тогда голосуется в первую очередь редакция комиссии, а потом другие редакции. Кто высказывается за сохранение статьи в таком виде, как предлагает комиссия? Кто против? Принята большинством 217 человек против 170. Далее я голосую поправку первую, чтобы атаман был природным казаком с военным образованием. *(Баллотировка.)* Отвергнута большинством голосов. Голосую следующую поправку — об исключении из статьи слова «природных». Отвергнута. Голосую третью поправку — об исключении конца статьи, начиная от слов «а также». Отвергнута. Согласно четвертой поправке слова: «из числа природных кубанских казаков и горцев» должны быть заменены словами: «из числа природных казаков и горцев Кубанского края». Ставлю на голосование. Отклонена. Таким образом, статья 38 принимается в редакции комиссии.

Оглашаю ст. 39: «Войсковой атаман обладает правом помилования и смягчения наказаний по судебным приговорам, но не может прекращать судебное следствие и освобождать от ответственности до постановления судебного приговора.

Амнистия может быть дарована только актом, изданным в законодательном порядке». Желающих высказаться нет? Голосую. Принята.

Следующее заседание назначается на 20 ноября в 10 час. утра. Объявляю заседание закрытым.

Заседание закрыто в 1 час дня.

Стенографический отчет 19-го заседания Чрезвычайной Рады Кубанского края 20-го ноября 1918 года.

Заседание начинается в 10 ч. 40 м. утра под председательством Н. С. Рябовола.

Председатель. — Заседание возобновляется. Господа члены Рады! Сейчас мною получено от атамана станицы Казанской Кавказского отдела сообщение о том, что учительский союз станицы посылает в пользу Добровольческой армии 8100 руб., собранных частью путем устройства спектаклей, частью сборами среди населения; кроме того, казаки станицы Казанской отказались от получения денег, следуемых им за содержание Добровольческой армии во время ее пребывания в станице, и просят краевое правительство следуемые им 71 тысячу зачислить как пожертвование в пользу Добровольческой армии.

Во время армавирских боев казаки станицы Казанской пожертвовали на содержание питательного пункта 6000 руб. и пять мажар провизии и, вообще, всегда принимали деятельное участие в оказании помощи армии. *(Аплодисменты.)* Учительским союзом ст. Казанской очень много сделано. Разрешите президиуму краевой Рады выразить от вашего имени благодарность как обществу станицы Казанской, так и местному учительскому союзу за его труды и хлопоты. *(«Просим!»)*

Господа члены Рады! Вчера мы остановились на статье 40 положения об управлении краем. Она гласит: «Войсковой атаман приглашает председателя краевого правительства и назначает членов правительства из лиц, предложенных председателем правительства». Кто желает высказаться? Слово предоставляется члену Рады Омельченко.

Член Рады Омельченко. — Статья 40-я немного иначе формулирована в редакции комиссии, нежели в проекте, представленном правительством. Я бы обратил ваше внимание на то, что формулировка ее в рассматриваемом нами проекте не является вполне парламентарной. В 40-й статье представленного правительственного проекта сказано: «Что касается председателя правительства, то он приглашается из числа лиц, пользующихся доверием большинства Законодательной Рады, и председатель формирует правительство»; в данном же случае говорится о приглашении председателя без отношения к тому, пользуется ли он доверием большинства Законодательной Рады или нет. Лично я в этом усматриваю повод к возможным недоразумениям в будущем между Законодательной Радой и войсковым атаманом на почве приглашения председателя правительства. Есть у нас 55-я статья, которая говорит, что в случае выражения недоверия Законодательной Радой правительство должно выйти в отставку. Это уже конфликт, которого мы должны каким-то образом избежать, который нужно как-то предотвращать.

Практически войсковой атаман, если он не пожелает столкнуться с 55 статьей, безусловно, будет поставлен в необходимость считаться с Законодательной Радой. А раз так, то необходимо оговорить, что он приглашает председателя из числа лиц, пользующихся доверием большинства Законодательной Рады. Без такового условия

окажется слишком большой простор для влияния личности войскового атамана на дела нашего маленького государства. Строительство на Кубани будет более целесообразным, будет на правильном, на истинном пути только в том случае, когда Законодательная Рада как коллектив будет оказывать влияние на исполнительную власть. Если же войсковой атаман будет поставлен в условия, что он может и не считаться с Законодательной Радой, то могут быть нехорошие последствия. Вообразите себе войскового атамана с характером слишком суровым, самостоятельным, который не побоится идти на конфликт, — произойдут самые нежелательные последствия. Если же в конституции будет оговорена обязанность приглашать председателя из числа лиц, пользующихся доверием большинства Законодательной Рады, и без отношения к его личным качествам, то атаман должен будет считаться с этим законом. Иначе будут постоянные трения, которые придется смягчать только личными качествам и войскового атамана и членов правительства. Мы столкнемся тогда с теми фактами из нашего недавнего прошлого, о которых говорил войсковой атаман. Конечно, в период выработки первой конституции мы были слишком молоды для того, чтобы создать совершенный строй управления; от этого были пробелы, неблагоприятное действие которых устранялось на практике только индивидуальными качествами как той, так и другой стороны, теперь же необходимо прямо оговорить, что председатель правительства должен избираться из числа лиц, пользующихся доверием большинства Законодательной Рады. Некоторые ставят вопрос: «А вдруг в то время, когда атаман, по тем или другим соображениям, должен устранить председателя, Законодательной Рады не будет — как быть в этом случае?» Но раз вы на годовой службе, раз вы — постоянные члены Законодательной Рады, то Законодательная Рада должна быть всегда к услугам дела, всегда должна быть на месте, когда это нужно. Следовательно, указанный отвод не выдерживает критики. Я бы настаивал статью 40-ю формулировать в редакции, предложенной правительством, а именно: «Приглашается из числа лиц, пользующихся доверием большинства Законодательной Рады».

Член Рады Чекалов. — Я должен, господа члены Рады, напомнить вам то, что было сказано с этой кафедры три дня тому назад. Докладчик комиссии Коробьин, оппонируя на мое предложение по ст. 12, сказал, что он обращает мое внимание на статью 40, из которой, по его мнению, ясно, что раз войсковой атаман приглашает председателя правительства, то, значит, может и уволить его. Я с ним в этом не согласен, и ст. 40-я, обсуждаемая нами сейчас, мне прямо говорит, что войсковой атаман может только приглашать председателя правительства. Я думаю, что каждый закон только тогда действительно закон, если он написан точно и ясно, без всяких кривотолков. Статья говорит, что войсковой атаман приглашает председателя правительства, а будет ли он увольнять или нет, — этого из нее не видно. Далее, статья 40-я не оговаривает того обстоятельства, принадлежит ли увольнение председателя к числу тех актов, которые должны быть скреплены соответствующим членом правительства. Статья 55-я — о вотуме недоверия — тоже совершенно игнорирует вопрос о соотношении войскового атамана с председателем правительства. Безусловно, господа, в практике всегда может случиться, что у войскового атамана будет расхождение во мнениях с председателем правительства и даже с членом правительства. В этом отношении войсковой атаман

должен быть, по моему, мнению, поставлен в точные, определенные рамки, иметь точные указания, как ему выходить из данного положения. Статья 40-я, повторяю, об этом не говорит. Тут указывается, что войсковой атаман может приглашать председателя правительства и утверждать предложенных ему председателем членов правительства. Если даже, по толкованию члена Рады Коробьина, войсковой атаман и может уволить председателя правительства, то из смысла статьи еще не вытекает, что он может увольнять членов правительства, поскольку в данном случае потребуется контрассигнирующая подпись соответствующего члена правительства. Получается аномалия: председатель правительства атаманом может увольняться, а члены правительства не могут. Вот эта неясность ст. 40-й подсказывает необходимость внести в нее точную и ясную формулировку прав войскового атамана в указанных отношениях. Если, по мнению Рады, войсковой атаман имеет право приглашать председателя и увольнять его, то необходимо взамен всяких отдельных намеков поставить точки над «i» и сказать: «и увольняет». Я предлагаю формулировать статью следующим образом: «Войсковой атаман приглашает и увольняет председателя правительства и назначает членов правительства из лиц, предложенных ему председателем правительства».

Член Рады Коробьин. — Господа члены Рады! Я в комиссии поддерживал ст. 40 в том виде, как она предложена нам в проекте правительства, т. е. что войсковой атаман приглашает председателя правительства из числа лиц, пользующихся доверием большинства Законодательной Рады. Но большинство комиссии последнюю часть фразы решило выбросить. В сущности говоря, этот вопрос, пожалуй, большого практического значения и не имеет. Примем ли мы это добавление или нет — практически результаты будут совершенно одни и те же, раз, по статье 55, вотум недоверия Законодательной Рады влечет за собой отставку правительства. Я приглашаю вас представить себе картину того, что может произойти в том и другом случае. Из той редакции, которая предлагается комиссией, вытекает, что войсковой атаман может пригласить председателя правительства независимо от настроения Законодательной Рады и поручить ему составить кабинет. Войсковой атаман как будто вправе не сообразоваться с настроением Законодательной Рады. Предположим, однако, что приглашенный атаманом председатель составляет кабинет и является на второй день в Законодательную Раду, для того чтобы прочесть свою декларацию или провести в жизнь те или другие начинания, и наталкивается там на настроение, которое совершенно не соответствует настроению правительства. Что же получается? Получается вотум недоверия, и правительство должно уйти в отставку. Это — основание всякого парламентаризма. Конечно, при недостаточной точности закона в условиях нашей практики могут выйти затруднения — атаман может подумать, что эта статья дает ему право не считаться с настроением Законодательной Рады. Вот чтобы этого не было, необходимо добавление к статье поставить обратно на свое место — что председатель правительства приглашается из числа лиц, пользующихся доверием большинства, так как это закреплено смыслом 55 ст., и от этого мы никуда не уйдем. Нелишне, однако, чтобы всем было ясно, указать и в статье 40, что атаман должен считаться с настроением Законодательной Рады.

В сущности говоря, нет нигде в мире такого парламента, как у нас. Всякий парламент разбивается на партии — есть партия большинства и партия меньшинства. Часто несколько партий входят в блок и тем самым добиваются своих целей. Из большинства парламента и создается правительство. У нас партий нет; у нас совершенно своеобразный парламент, который разбивается не на партии, а на отделы, в которых мы и работаем. Таким образом, когда перед войсковым атаманом станет вопрос: «Где большинство Рады?» — то сразу ответить на него будет затруднительно. Тем не менее, хотя наш парламент на партии и не разбивается, но дело политического чутья и политического такта уловить настроение парламента в данный момент. У нас, например, отношение к местному самоуправлению и будущей организации государственного строя вполне достаточно определилось, и ясно, что войсковой атаман не должен выбирать правительство, которое идет вразрез с этим основным настроением. Пусть он попробует поставить во главе совета министров заведомо монархиста — ясно, что это правительство не может работать в контакте с Законодательной Радой и в будущем обязательно натолкнется на оппозицию. Войсковой атаман, обладающий известным политическим чутьем, конечно, нащупает это политическое настроение. Я поэтому полагаю, что ту вставку нужно принять.

Члену Рады Чекалову, который находит необходимым сделать добавление «и увольняется», я отвечу, что я с этим не согласен. Дело в том, что, в сущности говоря, и это будет, пожалуй, спор, который никаких практических результатов не может иметь. Член Рады Чекалов согласен, что войсковой атаман должен приглашать председателя правительства из большинства Рады, хотя бы и не партийного, во всяком случае того, которое обнаружилось в Раде, таким образом, волей-неволей войсковой атаман будет очень стеснен в своем выборе и должен будет непременно пригласить председателя правительства из определенного круга лиц. Таким образом, ясно, что если данный председатель или член правительства не захочет скрепить акт войскового атамана, последнему трудно будет найти подходящего министра из большинства, если же он пожелает найти его среди меньшинства — тогда по поводу этого акта Законодательная Рада сейчас же сделает запрос, выразит недоверие, министерство должно будет уйти в отставку, и опять войсковому атаману придется приглашать правительство из большинства. Итак, здесь вопрос только парламентской практики, и не следует принятием поправки Чекалова вводить войскового атамана в заблуждение, будто бы он по своему произволу может брать и увольнять председателя правительства. На деле он не будет так поступать, ибо должен работать в соответствии с Законодательной Радой. Да не смущает вас и то обстоятельство, что министры контрассигнируют каждую подпись главы правительства. Например, король Англии, который вообще не имеет права выехать на территорию своего государства без сопровождения министра иностранных дел, нигде не может вести разговора с представителями другой державы без того, чтобы здесь же не присутствовал названный министр, не имеет права ни одного своего акта издать, чтобы он не был контрассигнирован подписью какого-нибудь из министров. Едет король Георг, а рядом с ним непременно сэр Эдуард Грей или другой министр, который скрепляет каждую бумажку, который присутствует при всяком разговоре, когда он ведется с представителем другой державы. А у нас Николай II, когда заключалось соглашение с Францией и Англией, в это самое

время в шхерах вел с Вильгельмом подобные же переговоры. Таким образом, вы видите, что нужен безответственный глава и ответственный министр, который избирается из большинства законодательной палаты.

Член Рады Подтопельный. — Господа члены Рады! Я не вижу необходимости вставлять сюда слова: «из лиц, пользующихся доверием большинства Законодательной Рады». Это так очевидно, и в интересах атамана пригласить на посты председателя правительства и министров таких лиц, которые пользуются доверием Законодательной Рады, потому что иначе последняя, согласно ст. 66, вправе выразить вотум недоверия правительству и вынудить его уйти в отставку. Атаман не может каждый раз менять своих министров. А если мы введем эти слова сюда, то для нас явится необходимость создать учреждение, которое будет руководить лицами, пользующимися большинством голосов, или коллегию, которая будет указывать: вот этот кандидат пользуется доверием, а этот нет. Такого учреждения мы не можем создать и по сему всецело должны довериться чутью атамана и не будем вводить в проект предлагаемое дополнение.

Член Рады Воропинов. — Господа члены Рады! Вчера докладчик комиссии чл. Рады Филимонов, обосновывая статьи раздела восьмого, относительно ст. 40, между прочим, упомянул, что слова правительственного проекта «из лиц, пользующихся доверием большинства Рады», комиссия сочла необходимым выбросить на том основании, что если их оставить в этой статье, то атаман был бы поставлен в очень тяжелое положение. С одной стороны, статья требует, чтобы он руководился мнением большинства Законодательной Рады, а с другой, по статье 48 проекта, он не может принимать участия в обсуждении ею делаемых им сообщений о важнейших событиях; следовательно, атаман фактически лишен возможности знать настроение Законодательной Рады. Я, господа, на эти доводы обращаю ваше серьезное внимание, потому что они на первый взгляд кажутся очень убедительными, но если вы внимательно присмотритесь к ним, то ясно, что они грешат такими же очевидными несуразностями, как и опасения, только что высказанные предыдущим оратором о том, будто бы придется для осведомления атамана о настроениях Рады создавать особое бюро, которое определяло бы эти настроения; таких учреждений не понадобится, если наш атаман будет интересоваться жизнью края. Если он будет интересоваться его устроением, то, конечно, он должен будет следить постоянно за тем, что делается в Законодательной Раде и в правительстве, ибо, вообще говоря, атаман должен быть тем рулем, который будет направлять корабль нашего общества. Атаман, вероятно, если пожелает и проявит интерес к данному моменту, будет лично присутствовать в Законодательной Раде. Он будет человек грамотный, значит, будет читать газеты и может интересоваться отчетами и протоколами заседаний Рады. Наконец, атаман в состоянии пригласить к себе наиболее видных руководителей среди членов Законодательной Рады, вести с ними личные беседы, и естественно, что, беседуя с атаманом, лидеры не могут вводить его в обман. Таким образом, атаман, безусловно, имеет полную возможность определить настроение Рады. Для того же, чтобы жизнь наша текла нормально, атаман должен и обязан считаться с этим настроением, и мне в этом отношении приходится только развить одно из приведенных чл. Рады Коробьиным соображений. Им уже указано на то обстоятельство, что если атаман пригласит председателя правительства из лиц,

которые не пользуются доверием большинства Рады, то, очевидно, правительство, как только столкнется с Законодательной Радой, должно будет, на основании ст. 55, немедленно уйти в отставку. Если атаман и после этого не будет иметь возможности определить настроение Законодательной Рады и пригласить в состав правительства соответствующих лиц, то и следующий кабинет должен будет уйти в отставку по упомянутым причинам. Таким образом, край будет переживать длительный министерский кризис. И вот, чтобы этого не случилось, давайте будем последовательными парламентариями и примем те приемы и формы, которые приняты в конституциях других стран или освещены долголетней практикой. Как известно, в английской конституции не содержится указания, что премьеры приглашаются из лиц, пользующихся доверием парламента, но там зато существуют выработанные веками непоколебимые традиции, которых не нарушит никакая власть, и, в частности, король не пригласит премьера из лиц, не пользующихся доверием большинства. У нас же пока таких традиций нет, и нам, по необходимости, нужно в ст. 40 ввести те слова, которые — я скажу как член комиссии — были случайно из нее исключены.

Член Рады Балабас. — Я вношу предложение принять ст. 40 в редакции, предложенной правительством, и вот по каким соображениям. Член Рады Коробьин здесь сказал, что наша конституция не такая, как за границей, хотя бы и английская. Я вам скажу, почему наша конституция не такая — потому что она принята в духе казачьих традиций, она глубже и демократичнее, чем конституции, существующие на Западе или в Америке. Если мы примем ст. 40 в той же редакции, какая принята в комиссии, то этим мы погрешим против демократичности нашей конституции — мы поставим атамана в положение лица, безответственного в своих действиях даже перед Законодательной Радой. Во всяком случае, мы на это своей конституцией не можем дать никакого права и должны вменить войсковому атаману в обязанность при назначении кабинета руководствоваться мнением большинства. Я указал, что конституция наша составлена в духе принципов демократического казачества, и укажу на один очевидный пример, быть может, это будет маленький пример, но характерный. Как известно, в станичном управлении власть формируется на строго демократических началах посредством выбора станичного атамана. И, однако, этому выбранному атаману ни в коем случае не предоставляется права назначать себе помощника без согласия сбора. Он, выбирая помощника, обязательно должен опираться на большинство станицы; иногда, конечно, сбор специально предоставляет ему это право, и он выбирает сам. Если же мы войсковому атаману не вменим в обязанность узнавать настроение большинства Рады пред назначением нового кабинета, то мы поставки его в неловкое положение, и вот почему. Согласно ст. 55 он должен считаться с мнением Рады и не назначать неугодного ей кабинета, в противном случае последний должен уйти в отставку. Чтобы не ставить себя в неловкое положение, атаман, безусловно, обязан будет пойти к председателю Рады и спросить его мнения. И то, что он фактически вынужден будет делать частным образом, может быть, поступаясь своим самолюбием, надо прямо оговорить в законе. Тогда никто и никакого унижения для войскового атамана как главы государства не увидит в том, если он спросит у председателя Рады, кто, по его мнению, больше всего подходит в данный момент на пост председателя правительства. По этим соображениям считаю

необходимым принять ст. 40 в той редакции, какая была предложена в правительственном проекте, т. е. что войсковой атаман приглашает председателя правительства из лиц, пользующихся доверием большинства Законодательной Рады.

Председатель. — Поступило предложение о прекращении прений. Записано два оратора. *(«Довольно, довольно».)* Кто желает высказаться против прекращения прений? Нет. Голосую. Кто за прекращение? Кто против? Прения прекращены. К ст. 40 представлено две поправки. Слово принадлежит докладчику.

Член Рады Д. Филимонов. — Господа члены Рады! При организации власти исполнительной и вообще власти, какой бы то ни было, нам, начинающим жить государственной самостоятельной жизнью, нужно руководствоваться не столько теоретическими соображениями, сколько соображениями чисто практического характера. Предыдущий оратор предлагает в ст. 40 внести слова, что председатель правительства приглашается войсковым атаманом из лиц, пользующихся доверием большинства Законодательной Рады, и делает ссылку на парламентаризм. Но я должен сказать, что сущность парламентаризма заключается не только в том, что председатель правительства приглашается из лиц, пользующихся доверием большинства палаты, но из лиц, входящих в ее состав. Остальные члены кабинета приглашаются или назначаются премьером также из числа членов законодательного учреждения. В этом отношении мы уже признали целесообразным допустить существенное отступление; почему же мы должны непременно настаивать на том, чтобы председатель правительства приглашался из числа лиц, пользующихся доверием большинства? Каким образом войсковой атаман должен определять, кто пользуется доверием большинства? Если бы поправка сводилась к тому, что войсковой атаман приглашает председателя из членов законодательного учреждения, тогда я понимал бы смысл этой поправки; но когда этого нет, то мне непонятен тот способ, при помощи которого атаман будет определять, кто пользуется доверием большинства. Неужели атаман, если не найдет подходящего кандидата в составе законодательного учреждения и избирает стороннее лицо, может быть, даже почти неизвестное законодательному учреждению, и должен будет предварительно обратиться к последнему и совещаться, подходит или не подходит данное лицо для занятия места председателя?! Ведь такое обращение к законодательному учреждению снимало бы с атамана всякую ответственность за деятельность исполнительной власти, или, по крайней мере, ответственность разделялась бы между атаманом и Законодательной Радой. Между тем исполнительная власть должна быть единой по своему существу, по своей организации. Она должна быть стройной, для того чтобы принимать решения, которые она находит необходимым принять в данный момент, независимо от того, разделяет ли в данный момент законодательное учреждение политику исполнительной власти или нет. Спрашивается далее: если настанет время, когда Рада не будет функционировать, и в это же самое время нужно пригласить председателя правительства, каким образом войсковой атаман должен тогда определять настроение ее большинства? Он будет лишен возможности сделать это. Поправка эта на практике приведет к существовавшей у нас двойственности власти, а этого быть не должно. Власть исполнительная и законодательная должны быть сорганизованы так, чтобы они могли воздействовать друг на друга. Если мы примем предлагаемую ныне поправ-

ку, то при наличности ст. 55 мы создадим такие условия, которые дадут возможность в случае вотума недоверия исполнительной власти воздействовать на законодательное учреждение, а законодательному учреждению при помощи ст. 40 воздействовать на исполнительную власть. Таким образом, получится громоздкость воздействий законодательной и исполнительной властей. Член Рады Коробьин говорил, что сущность дела не меняется, примем или не примем мы дополнение к ст. 40, так как есть ст. 55. По существу это дела не меняет, но практическое значение смешения функций, как видим, может быть колоссальное. Статья 55 всегда дает возможность законодательному учреждению воздействовать на власть исполнительную и заставить войскового атамана переменить кабинет. Но тогда необходимо дать возможность главе исполнительной власти самостоятельно выбрать председателя правительства, ибо только при такой постановке дела он будет чувствовать ответственность за действия исполнительной власти. Здесь говорили о том — что за атаман, если он не будет считаться с мнением большинства? Совершенно верно, это — не атаман, если он будет игнорировать мнение большинства законодательного учреждения. Но дайте же ему возможность учитывать это мнение таким образом и при помощи тех средств, которые он найдет нужными и возможными, и не указывайте ему, как надо действовать. Кроме того, нам не мешает воспользоваться опытом парламентарных стран. Ни в одной конституции вы не найдете постановления, чтобы глава государства формировал кабинет из лиц, пользующихся доверием большинства. Это делается в силу установившихся обычаев, установившихся традиций. Почему же мы, начинающие жить парламентарной жизнью, должны ставить всякие препятствия главе края? Я предлагаю, на основании тех соображений, которые здесь высказывались, и на основании опыта политической деятельности войскового атамана и правительства за прошлые месяцы, принять ст. 40 в редакции комиссии. Она принята в комиссии не случайно, а после всестороннего и самого внимательного обсуждения каждого из тех доводов, которые приводились в ней, ради установления стройной гармонии между исполнительной и законодательной властью. С принятием ст. 40 в редакции комиссии нет, конечно, необходимости вводить поправку, предложенную членом Рады Чекаловым, она совершенно отпадает. Я полагаю, что войсковой атаман, раз он приглашает кого-нибудь по своему усмотрению, не из числа лиц, рекомендованных ему, может его и уволить.

Председатель. — Статья 40 гласит: «Войсковой атаман приглашает председателя краевого правительства и назначает членов правительства из лиц, предложенных ему председателем правительства». Согласно поправке чл. Рады Чекалова, после слова «приглашает» надлежит вставить слова «и увольняет». Другая поправка, предложенная Омельченко и Воропиновым, гласит: «приглашает председателя правительства из лиц, пользующихся доверием Законодательной Рады». Голосую поправку Чекалова. *(Баллотировка.)* Отклонена. Кто за вторую поправку? Меньшинство. Отвергнута. Голосую статью в редакции комиссии. *(Баллотировка.)* Принята.

(Заседание продолжается под председательством товарища председателя Омельченко.)

Председательствующий. — Статья 41 говорит: «Войсковой атаман назначает на все военные и гражданские должности, за исключением случаев, законом предусмо-

тренных. Он производит в чины и дает награды». Кто желает высказаться по этому пункту? Слово предоставляется генералу Гулыга.

Член Рады генерал Гулыга. — Господа члены Рады! Я, как председатель военно-морской комиссии, обязан доложить то мнение, которое высказано комиссией в отношении прав производства войсковым атаманом. Статья 41 говорит, что войсковой атаман назначает на все военные и гражданские должности, производит в чины и дает награды. Военно-морская комиссия предлагает внести дополнение: «до полковника включительно». Комиссия руководствовалась тем, чтобы сохранить права на производство за краевой Радой, чтобы только она имела право производить в высшие военные чины.

Член Рады Подтопельный. — Господа члены Рады! При обсуждении этой статьи Майкопский отдел пришел к такому заключению, что сюда необходимо внести оговорку, которая обеспечивала бы получение служебных должностей казакам, горцам и коренным иногородним. О целесообразности такой поправки говорить не приходится. Край — наш, и мы должны служить ему. Итак, в эту статью после слов: «на все должности, законом предусмотренные» нужно внести слова «преимущественно из граждан Кубанского края».

Член Рады Чекалов. — Я, как военный, должен сказать, что с мнением военно-морской комиссии я не вполне согласен: почему такое разделение? Ведь всякий служащий знает, что у нас три градации чинов: обер-офицерские, штаб-офицерские и генеральские. Конечно, наивысшая градация — чин генеральский; средняя градация — полковника и самая первая — обер-офицерские чины. Почему войсковой атаман может производить только в первые две градации, а в третью градацию — краевая Рада? Все акты войскового атамана должны скрепляться соответствующим членом правительства, в данном случае — по военно-морским делам. Этот член правительства безусловно ответствен перед краевой Радой за все акты производства. Если же выделять чин генерала, то следует выделить и чин штаб-офицера. Ведь этот чин получает прослуживший не менее 15—20 лет при нормальных условиях. Поэтому я вношу предложение: выделить не только производство в чины генеральские, но и в штаб-офицерские.

Член Рады Воропинов. — Господа члены Рады! Производство в чины и краевая Рада — я глубоко убежден — вещи несовместимые. Краевая Рада, обладающая правом устраивать жизнь, творить основные законы в нашем крае, и... производство в чины! Не знаю, как для кого, но для меня небезразлично, если краевая Рада будет собираться ежегодно, чтобы производить в генералы господ полковников. Ведь это значит — низводить краевую Раду до последней степени. С другой стороны, и гражданские чины также скажут: «Почему же нас будет производить атаман в статские советники? Пусть и нас производит краевая Рада». Что это такое? Войсковой атаман лишается права производства в чины! Я категорически протестую и считаю, что обычное производство в чины несовместимо с достоинством Рады. Краевая Рада может заниматься производством в чины только в том случае, когда данное лицо некому произвести в чин. Но таким единственным случаем является производство в следующий чин войскового атамана, притом не только в чин генерала, а даже если его нужно будет произвести из хорунжего в сотники. Я считаю принципиально недопустимым зани-

маться здесь чинопроизводством. Я вижу, что выступление предлагавших здесь перенести чинопроизводство в краевую Раду как будто встретило некоторое сочувствие среди членов Рады. Для меня это совершенно непонятно. Я так глубоко убежден, что это несовместимо с достоинством краевой Рады, что готов идти на уступки. Если уж законодательной власти надлежит заняться чинопроизводством, то у нас существует Законодательная Рада; но не вносите же, господа, вопросов о производстве в чины генерала, или статского советника, или хотя бы тайного, в общее собрание Чрезвычайной краевой Рады.

Член правительства Намитоков. — Вопрос этот казался совершенно ясным. Невозможно себе представить, чтобы законодательное собрание, даже не законодательное собрание, а, я сказал бы, учредительное собрание, могло бы взять на себя роль, совершенно не приличествующую и несовместимую не только с характером ее работ, но и с достоинством этого законодательного учреждения. По нашей конституции, войсковой атаман является главой исполнительной власти; кроме того, он наделен функциями отчасти законодательного характера. И вот генерал Гулыга предлагает, чтобы производство в чины, которое составляет неотъемлемое право всякого представителя исполнительной власти, передать, хотя бы в известной части, в краевую Раду. Это — недопустимо. Конечно, могут быть случаи, когда краевая Рада окажется вынужденною заняться подобными вопросами, скажем, о производстве в высший чин войскового атамана. Но это только потому, что последний самому себе не может дать повышение чина и единственным органом, который может отметить его заслуги, является краевая Рада. Но чтобы чинопроизводство, в частности, по военному ведомству, производила краевая Рада, это недопустимо. Поэтому я вполне присоединяюсь к доводам предыдущего оратора и совершенно категорически возражаю против предложения генерала Гулыга.

Председательствующий. — Поступила записка о прекращении прений. *(Голосование.)* Большинством голосов прения прекращены. Слово принадлежит докладчику.

Докладчик Д. Филимонов. — Генерал Гулыга, предлагавший отнести к ведению краевой Рады производство в генеральские чины, совершенно не обосновал своего предложения, и я не знаю, по каким мотивам он это сделал. Но, с своей стороны, я должен сказать, что, вероятно, у него были какие-нибудь опасения на этот счет. Мне неизвестны те мотивы, которые заставили военную комиссию сделать это предложение, но те доводы, которые приводились против него, достаточно ясны и убедительны. Ведь краевая Рада собирается для вполне определенной работы — работы, которая отмечена ст. 11-й настоящего положения, и загромождать конституцию частными вопросами, как бы серьезно, как бы велико ни было их значение, конечно, не следует. Чинопроизводство вообще планируется особыми законами, и войсковой атаман, конечно, и в производстве руководится только теми законоположениями, которые уже существуют, или такими, которые будут изданы законодательными учреждениями. Конечно, это производство в чины он будет делать не потому, что данное лицо ему симпатично, а строго будет руководиться изданным на сей предмет регламентом. По этим соображениям предлагаю поправку военной комиссии отвергнуть и принять статью в редакции комиссии по самоуправлению. Что касается предложения Майкопского отдела, чтобы в статью 41 было внесено

дополнение: «преимущественно из граждан Кубанского края», то, конечно, вопрос этот серьезный и о нем нужно позаботиться. Но он является вопросом частным, и не место ему в конституции нашего края. Этим займется, быть может, в первую очередь наша Законодательная Рада и вынесет соответствующий закон, которым будут руководиться при назначении чиновников на то или другое место. Поэтому я и эту поправку предлагаю отклонить.

Председательствующий. — Ставится на голосование поправка, внесенная военно-морской комиссией, чтобы войсковому атаману предоставлено было право производства только до чина полковника включительно, а производство в генеральский чин осталось за краевой Радой. *(Баллотировка.)* Большинством голосов поправка отвергнута. Голосую вторую поправку о включении слов: «преимущественно из граждан Кубанского края». *(Баллотировка.)* Большинством голосов поправка отвергнута. Статья принимается в следующей редакции: «Войсковой атаман назначает на все военные и гражданские должности, за исключением случаев, законом предусмотренных. Он производит в чины и дает награды».

Голосую ст. 42: «Войсковой атаман в двухнедельный срок утверждает принятые Законодательной Радой законопроекты и их обнародует. Законопроекты, признанные особым постановлением Законодательной Рады спешными, должны быть утверждены и обнародованы в трехдневный срок. Законы, издаваемые краевой Радой, опубликовываются войсковым атаманом немедленно по их принятии Радой». Возражений нет? Принята.

Статья 43: «В случае неутверждения войсковым атаманом законопроектов Законодательной Рады последние вместе с замечаниями войскового атамана возвращаются в Законодательную Раду для нового рассмотрения». *(Баллотировка.)* Принята единогласно.

Статья 44: «Не утвержденный войсковым атаманом законопроект, будучи вторично без всяких изменений одобрен Законодательной Радой, большинством двух третей присутствующих членов, немедленно воспринимает силу закона и в трехдневный срок опубликовывается войсковым атаманом». *(Баллотировка.)* Принята.

Статья 45: «Войсковой атаман издает указы о созыве или перерыве сессии Законодательной Рады по своей инициативе или по постановлению Законодательной Рады; указы о закрытии сессии Законодательной Рады издаются им только по ее постановлению». *(Баллотировка.)* Принята.

Статья 46: «Перерыв очередной сессии Законодательной Рады без ее о том постановления может произойти не ранее рассмотрения ею краевой росписи доходов и расходов; перерыв очередной или чрезвычайной сессии Законодательной Рады без ее о том постановления может происходить не более двух раз в течение одной и той же сессии и не может продолжаться каждый раз свыше месяца». *(Баллотировка.)* Принята единогласно.

Статья 47: «Войсковому атаману принадлежит право законодательной инициативы». *(Баллотировка.)* Принята единогласно.

Статья 48: «Войсковой атаман может устно или письменно делать сообщение Законодательной Раде о важнейших событиях, обсуждение которых в Раде в присут-

ствии войскового атамана не допускается». Кто желает высказаться по этому вопросу? Слово принадлежит члену Рады Коробьину.

Член Рады Коробьин. – Я очень извиняюсь, что разбиваю ваше настроение принимать все без прений. Я возражать не буду, наоборот, я буду поддерживать, но считаю долгом остановить ваше внимание на том, что эта статья — очень серьезная. Мне хотелось бы, чтобы этот пункт был принят вами вполне сознательно. В большинстве парламентов обычно такой непосредственной формы общения главы страны с законодательным учреждением нет: сношения происходят только в письменной форме. В этой последней форме был предложен и нам проект. И вот я хотел бы, чтобы члены Рады вполне сознательно отнеслись к этому сделанному комиссией нововведению. Я должен сказать, что этот вопрос принципиального значения не имеет. На Западе сношения главы страны с законодательным учреждением вылились просто из обычаев. Вначале сношение с законодательным учреждением происходило в устном порядке, и в Англии до сих пор глава государства имеет возможность являться на соединенные заседания двух палат — нижней и верхней — для прочтения своей тронной речи. Но во французской и бельгийской конституциях и в Америке такого права главе государства не дано. Он может только в письменной форме входить в эти отношения. Но это явилось результатом практики. Первые два президента Соединенных Штатов давали представителям народа личные объяснения. Глава края имел право уведомлять конгресс о тех или иных политических течениях. Но третий президент, не обладая даром слова, сносился с парламентом в письменной форме. После него установился такой порядок для всех, и теперь президенту не разрешается входить в палату с устным докладом. Существо и цель этого ограничения заключаются в том, чтобы оградить главу власти от утраты своего престижа, поскольку по поводу его заявления могут произойти прения. Мы же, как известно, в особенности обладаем зудом протеста, и, вероятно, найдется кто-нибудь из нас, кто захочет уязвить главу государства. От этого будет страдать авторитет власти, и необходимо оградить главу власти, чтобы в присутствии его никто не имел права выступать с критикой его декларации. Но мы полагаем, что нужно представить войсковому атаману способ и устного, и письменного сношения, тот способ, какой он найдет возможным и удобным для себя. Ведь возможно, что войсковой атаман, желая изложить свою точку зрения, захочет оказать влияние на Законодательную Раду именно непосредственным освещением дела. Ему нужно это право предоставить, потому что письменная форма будет не так для него удобна и недостаточно ясно выразит его мысль. Итак, мы просим принять способ сношения войскового атамана с Законодательной Радой не только в письменной, но и в устной форме, с тою, однако, оговоркою, которая содержится в статье.

Председательствующий. – Кто согласен принять ст. 48-ю в такой редакции: «Войсковой атаман может устно или письменно делать сообщение Законодательной Раде о важнейших событиях, обсуждение которых в Раде в присутствии войскового атамана не допускается». *(Баллотировка.)* Принята.

Статья 49: «Все акты войскового атамана должны быть скреплены председателем краевого правительства или отдельными членами правительства по принад-

лежности, без каковой скрепы акты войскового атамана недействительны». *(Баллотировка.)* Принята единогласно.

Статья 50: «Войсковой атаман по своем избрании приносит присягу по прилагаемой при сем форме». *(Баллотировка.)* Принята.

Статья 51: «В случае смерти войскового атамана до истечения срока его полномочий его функции исполняет председатель краевого правительства до избрания нового атамана краевой Радой, которая в этом случае созывается председателем правительства не позже одного месяца со дня смерти атамана. В случае тяжкой болезни или выезда войскового атамана за пределы Кубанского края его обязанности временно исполняет также председатель краевого правительства. *(Баллотировка.)* Принята.

Переходим к ст. 52.

Член Рады Белоусов. — В 52 статье есть одно место, на которое я считаю своим долгом обратить ваше внимание, именно, что войсковой атаман ответствен только в случае нарушения настоящего положения и в случае тяжких государственных преступлений. Войсковому атаману на основании статей, только что вами принятых, предоставляется широчайшая власть. И здесь, если вы точно не определите его ответственности, вы не можете быть, как народные избранники, всегда спокойны, тем более что время, которое мы переживаем, — неспокойное время. И теперь вы особенно тщательно должны все предусмотреть и все оговорить. В таких общих выражениях: «ответствен в случае тяжких государственных преступлений» — составлять конституцию нельзя. Тогда, по крайней мере, вы точно должны оговорить, что вы считаете тяжким государственным преступлением. Целесообразнее же было бы изложить обсуждаемую статью в иной форме, а именно, что войсковой атаман — раз у нас вполне демократический строй — отвечает вообще перед законом, существующим в данном штате или в данной республике. Но объявлять, что отдельное лицо, равноправное по существу со всеми гражданами, почему-то пользуется особым исключением, и не в положительном смысле, а в отрицательном, в смысле возможности совершить преступление, — является нарушением принципов демократического государства, где никто в этом отношении привилегией пользоваться не может. Если вы хотите отметить его заслуги, его достоинство, вы можете давать ему привилегии как защитнику народа; но кто же, как не власть имущий, должен нести ответственность за нарушение закона? Тот, кто стоит у власти и стоит высоко, тот должен нести и наибольшую ответственность. Кому много дано, с того много и взыщется. Здесь нет и не может быть никаких привилегий. Вы даете человеку всю полноту власти, вы возносите его на необычайную высоту, и вот, помимо всего этого, помимо верховной власти вы еще даете ему привилегию в смысле совершения преступления. Я — простой смертный, и я за все преступления караюсь, а человек, стоящий у власти, руководящий многими жизнями, — отвечает только за важные государственные преступления. Да разве это не та же царская власть, которая тоже не отвечала по рядовым преступлениям? Я предлагаю обратить на это сугубое внимание. Раз мы в демократической стране, раз мы в крае, который представляет республиканский образ правления, — никаких привилегий в смысле совершения преступления не может быть. Все равны перед зако-

ном, и войсковой атаман одинаково должен отвечать по всем преступлениям, которые ему заблагорассудится совершить. Иначе это не будет истинным народоправством.

Член Рады Курагин. — Господа члены Рады! Мне было странно слышать члена Рады Белоусова, убеждавшего нас в том, что будет диктатура, если мы примем текст статьи, выработанный комиссией. Ведь я полагаю, что ему как юристу все-таки необходимо иметь в виду то обстоятельство, что всякий акт, исходящий от войскового атамана, скрепляется подписью председателя правительства. Отсюда имеет начало то, чем руководилась комиссия при формулировке ст. 52. Когда мы говорим об ответственности, то, следовательно, мы говорим о том, что власти абсолютной у атамана нет. Ведь нечего скрывать, что, раз здесь прошел принцип демократический, прошло и то, что мы взамен президента просто написали — атаман. Поэтому говорить о том, что он наделен каким-то особенным правом, как говорит член Рады Белоусов, не приходится. С другой стороны, нет никакой опасности совершения им преступления в будущем. Если бы он совершил его, то я вас смею спросить: да как же он может совершить преступление, раз у него есть председатель правительства, есть ведомство, которое ставит свою подпись под его актами? Поэтому подобного рода поправка, сделанная членом Рады Белоусовым, должна быть отвергнута, и текст должен быть оставлен таким, как он принят в проекте положения об управлении краем.

Член Рады Чекалов. — Господа члены Рады! Меня крайне удивляет то предложение, которое сделал член Рады Белоусов. Ведь ст. 52 говорит о войсковом атамане, следовательно, и поступки его разбираются как поступки должностного лица, как главы отдельного государства или нашего войска. Но при чем здесь сравнение Белоусова с войсковым атаманом? Первый должен отвечать как Белоусов, а войсковой атаман, связанный определенными обязанностями, которые тот же Белоусов выполнять не будет, будет нести ответственность как войсковой атаман. За общие же преступления, за преступления общеуголовного характера атаман точно так же отвечает, как и обыкновенный гражданин, а здесь, в статье 55, говорится очень определенно о войсковом атамане. Никакие поправки здесь не должны иметь место.

Член Рады Коробьин. — Господа члены Рады! Мне думается, нельзя рассматривать этот вопрос в такой постановке, как это было сделано членом Рады Белоусовым, что по всем преступлениям войсковой атаман должен отвечать так же, как и все граждане. Ведь мы выбираем главу края, мы выбираем человека на самый ответственный пост, — и это наша предпосылка, что не может быть глава края мелким мошенником *(Смех.)*, которого будет иметь право каждый проходимец тащить к мировому судье и обвинять его по ст. 96. Ведь мы выбираем главу края, и краевая Рада не выберет такого человека, против которого может возникнуть подозрение, что он способен заниматься всякими шахермахерами. *(Смех, шум, аплодисменты.)*

Председательствующий. — Член Рады Коробьин, прошу вас выбирать парламентские выражения.

Член Рады Коробьин. — Извините, больше не буду...

Докладчик член Рады Филимонов. — Я вполне согласен с тем, что высказал член Рады Коробьин относительно ответственности за преступления общего характера. Что касается преступлений, возможных со стороны войскового атамана по долж-

ности, то ведь за это несет ответственность не войсковой атаман, а член правительства, подписью которого скрепляются все его акты. Лично атаман несет ответственность только за нарушение настоящего положения и за совершение тяжких государственных преступлений, как, например, измена. На основании всех соображений, высказанных здесь ораторами, я предлагаю эту статью принять в редакции комиссии.

Председательствующий. — Статью 52 член Рады Белоусов предлагает изложить следующим образом: «Войсковой атаман ответствен не только за нарушение им настоящего положения, но и вообще, в случае совершения им преступлений, отвечает по законам края наравне со всеми гражданами». Кто согласен с такой формулировкой ст. 52, тех прошу поднять руки. Кто против? Явным большинством отвергнута. Ст. 52 в редакции комиссии гласит: «Войсковой атаман ответствен только в случае нарушения им настоящего положения и в случае тяжких государственных преступлений». Кто согласен с таким текстом? Кто против? Принята.

Член Рады Каплин. — Прошу слова.

Председательствующий. — Господа члены Рады! *(Шум.)* Минуту внимания. Член Рады Каплин намерен внести дополнительную статью.

Член Рады Каплин. — Я думаю, что по недосмотру здесь опущена статья о вознаграждении войскового атамана, которое должно устанавливаться краевой Радой. Здесь, в настоящей конституции, предусмотрено вознаграждение, которое устанавливается краевой Радой для членов Законодательной Рады. Мы считаем это правильным, но если мы не оговорим, что войсковой атаман также получает вознаграждение по постановлению краевой Рады, то, согласно положению, выйдет, что это вознаграждение может устанавливать Законодательная Рада, что явилось бы неправильным, так как войсковой атаман избирается краевой Радой. И нет нужды, нет оснований ставить его в этой сфере в зависимость от Законодательной Рады. Поэтому я предлагаю 53-ю статью раздела восьмого изложить следующим образом: «Войсковой атаман за исполнение своих обязанностей получает вознаграждение в размере, устанавливаемом краевой Радой». *(Голоса: «Правильно».)*

Председательствующий. — Господа члены краевой Рады! Член Рады Каплин внес статью, которая, по своей ясности, не должна вызвать никаких дебатов. Как угодно поступить? *(Голоса: «Баллотируйте».)* Кто согласен, чтобы 53 статья раздела 8-го была принята в такой формулировке, тех прошу поднять руки. Кто против? Таковых нет. Статья 53 принимается в изложении члена Рады Каплина. Объявляю перерыв на 10 минут.

После перерыва.

Председательствующий. — Господа члены Рады! У нас на очереди раздел 9-й. Докладчик — председатель комиссии по самоуправлению Султан Шахим-Гирей.

Султан Шахим-Гирей. — Господа члены Рады! До сих пор рассматривали вы те пункты настоящего положения, которые касались прав и компетенции законодательных учреждений, а также главы Кубанского края. Из всего того, что вы рассмотрели, вы, по всей вероятности, сами сознали одно, что эти учреждения делают только определенные постановления, а о том, кем они будут приводиться в исполнение, кто должен двинуть ту машину, которая должна работать беспрерывно, которая должна

проводить в жизнь те или другие постановления, — об этом на было сказано ни одного слова. И вот об этой машине будет говорить раздел 9-й настоящего положения.

Дело в том, что человек вообще одарен разумом, отличающим его от остальных животных; этот разум позволяет ему вглядываться в окружающую обстановку, принимать те или другие меры для того, чтобы предотвратить грядущие несчастия и для того, чтобы создать будущее благоденствие. Но этот разум вне общества, вне людей не приводит ни к каким результатам. Отсюда следствие: сила разума, сила человека заключается в единении. Кладя в основание этот принцип, а также вглядываясь в ход истории развития тех органов, которые являются исполнителями воли, выраженной определенным законодательным учреждением, мы должны сказать одно, что этой машиной, этим органом является правительство — не правители, а именно правительство. Эти два слова нужно различать. правительство — это есть внешнее воплощение общественного строя; правительство само по себе является динамомашиной, которая приводит в движение все постановления, которая исполняет их, почему и называется исполнительным органом. И вот, я и буду иметь честь докладывать о компетенции и формировании правительства в Кубанском крае. Об этом говорит раздел девятый под заглавием: «Кубанское краевое правительство».

Статья 53 проекта говорит таким образом: «Исполнительная власть в Кубанском крае осуществляется Кубанским краевым правительством в составе председателя и членов правительства, составляющих совет правительства». Как вы видите, здесь сказано: не законодательствуют, а осуществляют. Это слово указывает на то, что правительство именно приводит в движение постановление законодательных органов или главы нашего края, войскового атамана. В тексте, представленном правительством, было сказано таким образом: «Кубанское краевое правительство, в составе председателя и девяти членов, составляющих совет правительства»... Мы решили, что указывать определенное число членов правительства не следует, ибо установление количества ведомств управления будет относиться к компетенции Законодательной Рады; если бы мы ограничили его числом 9, а жизнь потребовала бы создания еще десятого ведомства в силу тех или других обстоятельств, могущих сложиться, то тогда правительство и Законодательная Рада не имели бы права нарушить то постановление, которое было бы утверждено вами как высшим органом в Кубанском крае. А потому мы решили, что лучше не указывать числа, а предоставить Законодательной Раде установить количество этих ведомств.

Статья 54: «Совет правительства несет солидарную ответственность перед Законодательной Радой за общее направление своей деятельности. За личные свои действия члены правительства несут индивидуальную ответственность». В ст. 53 было сказано о членах правительства, составляющих совет правительства, а в 54 говорится об ответственности правительства. Совет правительства несет солидарную ответственность за общее направление политики — это значит, что кроме строго определенной компетенции каждого ведомства есть еще вопросы, которые должны разрешаться общим составом правительства. Такими вопросами могут быть, главным образом, вопросы, затрагивающие политическую конъюнктуру положения края. И если совет правительства выносит то или другое постановление, противоречащее тем принципам,

тем началам, которые положены в основание настоящего положения, если его меры будут противоречить этим принципам или приведут нас к ущербу — тогда правительство должно отвечать в целом. Другое дело, когда происходят недоразумения или нарушения по какому-нибудь ведомству. Естественно, что здесь должен отвечать тот, кто это допустил, ибо он действует в данном случае самостоятельно. Это предусмотрено второю частью 54 статьи.

Ст. 55 гласит: «Вотум недоверия, принятый в Законодательной Раде простым большинством голосов, влечет за собой отставку правительства». Как вам известно, в одном из пунктов мы говорили о том, что члены Законодательной Рады могут делать запросы и вопросы, иначе говоря, мы дали право Законодательной Раде следить за тем, что происходит в правительстве, какие меры им принимаются. И вот, если будет нами замечено, что правительство — в целом или в отдельном ведомстве — идет не по тому пути, как следовало бы, то, естественно, в целях выяснения положения Радою могут быть сделаны запросы или вопросы. Если законодательное учреждение найдет действия правительства не соответствующими тем требованиям и началам, которые положены в основание положения, и если увидит нарушение или несоответствие их с действительностью, тогда, конечно, Законодательная Рада постановляет свой вотум. Ясно, что если будет выражено недоверие и, следовательно, те меры, которые были проведены или приняты правительством, признаются Радой нецелесообразными, правительство должно выйти в отставку, как не соответствующее своему назначению. Статья 55 устанавливает связь между Законодательной Радой и правительством и служит несколько контролирующим и сдерживающим началом в порывах отдельных членов правительства.

Ст. 56: «Во время отсутствия занятий Законодательной Рады, в случае чрезвычайной к тому необходимости, совет правительства пользуется правом издания законов, которые требуют утверждения войскового атамана и им опубликовываются».

Ст. 57: «Законы, изданные в порядке предшествующей статьи, должны быть внесены на рассмотрение Законодательной Рады в течение двух недель после открытия ближайшей сессии, законы, не внесенные в Законодательную Раду в течение указанного срока, теряют свою силу». Статья 56 есть не что иное, как ст. 87 положения о Государственной Думе, на основании которой во время перерыва занятий Думы правительство России могло издавать те или иные законы. Необходимость издания законов в таком порядке диктуется тем положением, что не всегда Законодательная Рада может работать, не всегда сессии законодательных учреждений могут тянуться, притом законодательная палата не может своевременно предусмотреть все возможные на практике случаи и сделать соответствующие пояснения или же быстро внести в закон необходимые изменения. В исключительных случаях ради быстрого проведения закона прибегают к роспуску законодательного учреждения, и правительство опубликовывает закон, принимая на себя всю ответственность. Но во избежание злоупотреблений этим правом исключительного законодательства вводится оговорка в нашем проекте ст. 57, что изданный в указанном порядке закон должен все-таки быть утвержденным Законодательной Радой, которой он и должен быть представлен правительством в течение двух недель по открытии сессии. Этим самым гарантируются права Законодательной Рады и возможность оценки с ее стороны того закона, который будет проведен пра-

вительством в порядке ст. 56. Если Законодательная Рада найдет этот закон нецелесообразным, нежизненным и не устанавливающим порядка, а, наоборот, нарушающим и дезорганизующим, то, естественно, она отвергнет этот закон, и он теряет свою силу.

Теперь ст. 58: «Акты войскового атамана и краевого правительства, изданные с нарушением настоящего положения, почитаются недействительными». Против этой статьи были возражения различного характера; говорили, что она — неудобна, что проводить ее не стоит, поскольку содержащееся в ней положение оказывается само собою очевидным. Но было течение и другое, которое доказывало, что лучше ее внести по соображениям следующего характера. Допустим, в нарушение положения об управлении издается определенный акт, и, как здесь говорится, этот акт создает определенные последствия — например, на основании его совершается то или другое событие или сделка. Через некоторое время этот акт, как оказывающийся вредным или нарушающим конституцию, отклоняется или признается недействительным. И вот тогда возникает вопрос не только в отношении действий атамана и правительства, но и в отношении тех событий, которые совершились на основании изданного акта. Это со стороны юридической имеет громадное значение. Для того чтобы не было никаких кривотолков и различных толкований, сюда и вводится такое положение, которое должно устранить все кривотолки, именно, что как самый акт, так и последствия его нужно считать недействительными.

Раздел десятый — об ответственности войскового атамана, членов правительства и членов Законодательной Рады. Статьей 59-й предусматривается выработка и издание краевой Радой закона о том порядке, в каком должны быть привлекаемы атаман, члены правительства, краевой и Законодательной Рад, которые совершили то или другое нарушение. Статья 60 предусматривает право Законодательной Рады возбудить преследование и привлечь к ответственности весь совет правительства, а также указывает порядок предания их суду — тому суду, которому будут подсудны войсковой атаман и члены Законодательной Рады. По этой статье, естественно, следует учредить особый суд или же издать такой закон, который распространил бы на предусматриваемые ст. 60 случаи действие соответствующих правил наших судебных установлений.

Раздел одиннадцатый содержит в себе одну статью, которая нами была введена в предотвращение возможных недоразумений в области, главным образом, гражданских прав населения Кубанского края. Мы живем в тот момент, когда все разрушается, а творческо-созидательная работа идет слишком медленным темпом. Мы живем в тот момент, когда события развиваются с быстротою молнии, и, конечно, сейчас создать закон о гражданских правах населения мы не в состоянии. Мы не в состоянии переделать IX-й том свода законов государства Российского; мы не в состоянии сейчас выбрать из XVI-го тома то, что наиболее необходимо и наиболее отвечает потребностям края в отношении судопроизводства. По этим соображениям, мы в данный момент решили, что до тех пор, пока основные законы о гражданских правах и отношениях не будут изданы у нас, на Кубани, — законы Российской империи должны сохранить всю свою силу, поскольку они касаются жизни Кубанского края, в том числе и законы, изданные Временным правительством. Это делается в интересах и целях гарантии прав и обязанностей населения Кубанского края и для

того, чтобы не было анархии и тех неправильных действий, к которым очень часто бывают склонны люди, пользуясь отсутствием законов.

Председательствующий. — На очереди бывшая ст. 53 раздела 9-го, теперь 54-я. Желающих высказаться нет? *(Читает.)* «Исполнительную власть в Кубанском крае осуществляет Кубанское краевое правительство в составе председателя и членов, составляющих совет правительства». Баллотирую. Кто за? Кто против? Принята единогласно.

Ст. 54 *(Читает.):* «Совет правительства несет солидарную ответственность перед Законодательной Радой за общее направление своей деятельности. За личные же свои действия члены правительства несут индивидуальную ответственность». Баллотирую. Принята единогласно. Ст. 55-я.

Член Рады Павлоградский. — В том виде, в каком статья изложена, мне кажется, она неприемлема. Нельзя упускать из виду, что дело происходит в момент политической борьбы, чрезвычайно грандиозной и ожесточенной. Представьте на минуту, что в Законодательную Раду вошли 21 человек, которые несогласны с большинством Рады. Улучив момент, когда не будет большинства тех, которые избрали правительство, эти 21 человек выносят вотум недоверия правительству, и последнее должно будет немедленно выйти в отставку. Свергнуть правительство таким большинством вполне возможно, раз заседание Рады считается действительным при наличии 41 человека, т. е. половины состава Рады. Всегда может быть такое положение, что многие члены Рады будут работать на местах, и вот незначительная группа, под тем или иным предлогом оставаясь здесь, сразу провалит правительство. Я обращаю на это ваше внимание и вношу поправку: «при кворуме двух третей состава Законодательной Рады». При такой поправке нужно будет не 21 человек, чтобы свалить правительство, а несколько больше, приблизительно 33 человека, — и правительство будет гарантировано от случайных падений.

Председательствующий. — Еще кто желает высказаться? Слово предоставляется докладчику.

Докладчик Султан Шахим-Гирей. — Прежде всего я должен заметить, что тот пример, который привел член Рады Павлоградский, бросает нас в крайность, и, конечно, с этим примером особенно не приходится считаться. Дело в том, что предъявление запроса правительству обыкновенно является одним из самых важных моментов в жизни Законодательной Рады, и в этот момент обыкновенно народу бывает больше, чем в остальное время. Затем имеется налицо президиум Рады, который должен наблюдать и знать действительное положение дел. Затем, я должен сказать, что установить — это значит впадать в другую крайность. Предположим, что из 80 человек членов Законодательной Рады явилось только 60 человек, а, остальные не явились по тем или иным условиям. Если Законодательная Рада, приступающая к работам, признает нужным сделать запрос правительству, она не в состоянии будет этого сделать, ибо запрос не приведет к намеченной цели. Может быть, нужно будет выразить недоверие правительству — собравшиеся члены не смогут этого сделать, потому что требуется присутствие двух третей наличного состава. Поэтому я настаиваю на принятии текста комиссии без всяких изменений.

Председательствующий. — Членом Рады Павлоградским внесено предложение дополнить ст. 55 после слов «простым большинством» словами: «при кворуме всего состава членов Законодательной Рады». Кто согласен? Кто против? Явным большинством поправка отвергнута. Голосую ст. 55 в редакции комиссии: «Вотум недоверия, принятый в Законодательной Раде простым большинством голосов, влечет за собою отставку правительства». *(Баллотировка.)* Принята.

Статья 56: «Во время отсутствия занятий Законодательной Рады, в случае чрезвычайной к тому необходимости, совет правительства пользуется правом издания законов, которые требуют утверждения войскового атамана и им опубликовываются». *(Голос с места: «А если войсковой атаман не утвердит этот закон, тогда как же? Требуется пояснение».)*

Докладчик Султан Шахим-Гирей. — Очень печально, что часто приходится слышать такие возражения, которые, собственно говоря, делаются не по существу: «если не утвердит», «если на сделает». Я полагаю, что мы облечем властью людей, которые задались одной целью и которые, понятно, определенно пользуются нашим доверием. Ясно, что правительство, которое будет вырабатывать законопроекты, по всей вероятности, будет совещаться с атаманом как с главою края и затем издавать законы с его утверждения. Это ясно и определенно. А если мы будем основываться на «если», то многого провести не удастся, и работа наша разобьется на мелочи, поскольку придется конкретизировать каждое положение особо и притом не достигая цели. Например, мы знаем, что законопроекты, принятые Законодательной Радой, представляются на утверждение войсковому атаману. Если законопроект им возвращается обратно и Законодательная Рада остается при своем решении, то, при известных условиях, он воспринимает силу закона и атаман обязан его опубликовать. Выход, таким образом, в законе указан, тем не менее такое положение, когда атаман не желает утвердить закон и между ним и Законодательной Радой происходят трения, свидетельствует уже о том, что им «не по пути».

Председательствующий. — Кто за принятие оглашенной статьи? Кто против? Принята большинством.

Ст. 57: «Законы, изданные в порядке предшествующей статьи, должны быть внесены на рассмотрение Законодательной Рады в течение двух недель после открытия ближайшей сессии. Законы, не внесенные в Законодательную Раду в течение указанного срока, теряют свою силу». Кто согласен принять эту статью, прошу поднять руки. Кто против? Принята.

Ст. 58: «Акты войскового атамана и краевого правительства, изданные с нарушением настоящего положения, почитаются недействительными». Кто за принятие статьи, прошу поднять руки. Кто против? Принята.

Ст. 59: «Порядок ответственности войскового атамана за преступления, предусмотренные ст. 52 настоящего положения, а также порядок суда над членами краевой и Законодательной Рад, в случае совершения ими преступлений, определяются особым законом, изданным краевой Радой». Кто согласен принять эту статью, прошу поднять руки. Кто против? Принята.

Ст. 60: «За должностные преступления, совершенные членами краевого правительства, Законодательная Рада может возбудить против них, а равно против совета

правительства в целом, обвинение и предать их суду того судебного установления, коему будут подсудны войсковой атаман и члены Законодательной Рады». Желающих высказаться нет? («Нет».) Кто согласен с этой статьей, прошу поднять руки. Кто против? Принята.

Раздел 11, ст. 61: «Все законы государства Российского, в том числе все законы, изданные Временным правительством, поскольку те и другие касаются Кубанского края и поскольку они не отменены и не изменены высшей краевой властью, сохраняют свою силу». Кто согласен с этой статьей, прошу поднять руки. Кто против? Принята,

Сейчас будет оглашен текст присяги войскового атамана.

Слово принадлежит докладчику.

Докладчик Султан Шахим-Гирей. — Помещенный в приложении к статье 50-й текст присяги войскового атамана гласит: «Именем Всемогущего Бога перед Святым Его Евангелием и Животворящим Крестом и перед славными боевыми знаменами Кубанского казачьего войска обещаюсь верно и нелицеприятно служить избравшему меня своим войсковым атаманом кубанскому казачеству и населению Кубанского края, ради славы и процветания его не щадить своего живота до последней капли крови. Все, что от меня будет зависеть в деле исполнения законов, направлять ко благу родной Кубани и поступать по их смыслу, духу и цели, памятуя, что нет счастья народного без закона, правды и свободы. Боже Милосердный и Истинный! Рука Твоя благая да укажет мне путь правый, ведущий к пользе государственной и к величию Кубанского края, во главе которого я поставлен волею краевой Рады. Помоги мне в великом служении моем». Эта редакция предусматривает, конечно, присягу для лиц христианского вероисповедания, и в таком виде, по одобрении местным епископом, комиссия вам представила изложенный текст.

Председательствующий. — Кто желает высказаться по этому вопросу? Желающих нет. Оглашаю форму торжественного обещания для членов Рады: «Мы, нижепоименованные, обещаем перед Всемогущим Богом исполнять возложенные на нас обязанности членов краевой (Законодательной) Рады по крайнему нашему разумению, совести и силам, все помыслы свои направляя к пользе государственной и ко благу и крепости родного Кубанского края, в удостоверение чего своеручно подписываемся». Кто желает высказаться по этому вопросу? Слово предоставляется члену Рады Курагину.

Член Рады Курагин. — Господа члены Рады! Казалось бы, что ни у кого не возникнет сомнения против самого текста. Но мы только что приняли положение, согласно которому войсковым атаманом может быть горец, и теперь уже эта форма требует видоизменения, поскольку она неприемлема для горцев как для магометан. Я предлагаю передать приложение к ст. 60 в комиссию, и пусть она выработает новый текст.

Докладчик Султан Шахим-Гирей. — Я думаю, что изменять оглашенный текст не следует. Что касается лиц нехристианского вероисповедания, то для них можно установить особый порядок. Обыкновенно в законах были особые тексты присяги для евреев, магометан; например, тексты уголовной присяги для лиц христианского вероисповедания одной формы; а для свидетелей магометанского вероисповедания — другой формы. И разница заключается в том, что в то время как христианин целует Евангелие и крест, горец целует Коран, но суть текста остается одна и та же. Мне кажется, можно сделать, в виде примечания, добавление к тексту присяги атамана о том, что

лица нехристианского вероисповедания приносят присягу соответственно требованиям и обрядам своей религии.

Председательствующий. — Я голосую текст присяги для войскового атамана с предложенным примечанием. *(Баллотировка.)* Большинством голосов приняты.

Кто согласен с формой торжественного обещания для членов Рады, предложенной комиссией по самоуправлению? Большинством голосов принята.

Таким образом, проект положения об управлении Кубанским краем вами в первоначальном чтении принят, за исключением ст. 9 и 15. Слово предоставляется министру-президенту украинского посольства барону Боржинскому.

Барон Боржинский. *(Заявление приводится в переводе с украинского на русский язык.)* — Разрешите мне, господа члены Чрезвычайной Рады, при первом моем здесь выступлении приветствовать ваше высокое собрание от имени Украинской державы, с которою Кубань всегда связана была самыми тесными узами, и воскликнуть: Слава Кубани! *(Аплодисменты.)*

Господа члены Рады! Я вынужден поставить вас в известность о печальном случае, происшедшем в минувшую ночь. По распоряжению штаба Добровольческой армии арестован секретарь украинского посольства Поливан и другие чины и произведена выемка бумаг секретариата. Инцидент этот, с моей точки зрения, является очевидным недоразумением. И я, один из состава посольства оставшийся на свободе, счел долгом обратиться к вам относительно содействия к скорейшей ликвидации допущенного нарушения прав дипломатического представительства.

Вместе с тем, в целях освещения действительного положения дел в Украинской державе, позволю себе занять ваше внимание изложением телеграммы, полученной по прямому проводу от коменданта гор. Екатеринослава: «Екатеринослав в центре — во власти гетманцев, вокзал — Петлюры. Сообщение между вокзалом и почтой есть — телеграфом, что указывает на то, что власть гетманцев только юридическая, все на стороне Петлюры. Пользуясь междувластием в городе, большевики на заводах агитируют за Советы. Город сжат тесным кольцом петлюровцев. По всей Украине власть у республиканцев, крестьяне без мобилизации идут в войска, в ряды республиканцев. Гетманцы почти везде разбиты, есть слух, и очень, упорный, что Киев взят Петлюрой. Немцы совершенно нейтральны. Во главе республиканской власти стоит Винниченко. Гетманцы в агонии. Все украинское офицерство перешло на сторону украинских республиканских войск, кроме гетманского и черносотенно-монархического элемента. Краснов с отрядами добровольцев находится на линии Дебальцево—Ясиноватая—Юзовка. Украинцы обороняются, ожидая подкреплений. Атаман Городец, командующий войсками в Екатеринославщине, приветствует: «Від імені украіньскіх республіканскіх війск, що повсталі зараз за незалежність і кращу будучину Матері Украіни на боротьбу в віковічними ворогами, котрих репрезентуе на Кубани киівскій черносотенец Шульгін, висловлюе щіру подяку за прихільність до Украіни нащадкам славного війска Запорожського кубаньским козакам. Думаю, що як не можно загатити сідого Дніпра, так не можно ворогам нашім згубити украинську державну волю і ідею. Хай живе вільна суверенна Кубань! Слава, слава, слава кубанському козатцтву!». *(Бурные аплодисменты.)*

Председательствующий. — Объявляю перерыв на три минуты.

После перерыва.

Председательствующий. — Прошу занять места. Господа члены Рады! Любительский кружок казачьей молодежи и писарей желает чествовать членов краевой Рады в воскресенье 25 ноября, в 12 час. дня, устройством спектакля и дивертисмента. *(Аплодисменты.)* Угодно ли Раде приглашение принять и выразить признательность названному кружку? *(«Просим».)* Принято. Слово предоставляется председателю правительства Л. Л. Бычу.

Л. Л. Быч. — Господа члены Рады! Представитель Украины сообщил вам о чрезвычайно печальном инциденте, имевшем место сегодня ночью, — об аресте секретаря украинского посольства Поливан, приветствовавшего вас здесь в первом заседании. Он был арестован не Кубанским правительством, и, к сожалению, правительству неизвестны причины, по которым он был арестован. Утром, узнав об этом аресте, я отправился к г. войсковому атаману для того, чтобы иметь возможность выяснить этот случай. Г. войсковой атаман счел нужным лично поехать к главнокомандующему Добровольческой армией и выяснить условия, при которых произошел указанный факт. Г. главнокомандующий сообщил некоторые сведения и затем выразил желание, чтобы генерал Романовский дал по этому поводу объяснение для сообщения краевой Раде. Пока для правительства вопрос этот является еще не выясненным, хотя мы полагали бы, что Кубанское правительство должно было бы знать об этом.

Вообще, мы смотрим на те отношения, которые должны установиться между Кубанью и Украиной, так. На Украине в настоящее время происходят чрезвычайно важные и серьезные события, там сейчас имеются две силы, борющиеся между собой, — правительство гетмана Скоропадского и организация, возглавляемая Петлюрой и Винниченко. Мы думаем, что вмешиваться в эту борьбу мы не имеем никакого права. Как решится этот спор, в чью пользу, в пользу ли гетманского правительства или в пользу восставших против этого правительства, — мы, во всяком случае, не должны как той, так и другой стороне ни оказывать помощь, ни вредить. Таково было наше отношение, таковым оно должно и остаться. И поэтому мы на представителей Украины здесь смотрим как на представителей самой страны и считаем своею обязанностью дать им гарантию неприкосновенности. Так как рассматриваемый случай является чрезвычайно сложным и важным, то мы просим дать нам время, чтобы выяснить этот вопрос. Затем, если краевая Рада пожелает это дело рассмотреть, то должна дать нам возможность рассмотреть этот материал в особой комиссии, чтобы мы могли разобраться во всех деталях этого дела. *(«Просим».)*

Председательствующий. — Ввиду заявления председателя правительства президиум предлагает Раде принять следующую формулу перехода: «Выслушав сообщение председателя краевого правительства по поводу ареста секретаря украинского посольства штабом Добровольческой армии, краевая Рада поручает правительству спешно выяснить основания, послужившие причиной упомянутого ареста, с последующим докладом о том краевой Раде, — и переходит к очередным делам». Кто за принятие оглашенной формулы? Кто против? Большинством голосов принята. На сегодня повестка дня исчерпана. Следующее заседание назначается 21 ноября, в 10 час утра. Объявляю заседание закрытым.

Заседание закрыто в 1 час дня.

Стенографический отчет 20-го заседания Чрезвычайной Рады Кубанского края 21 ноября 1918 года.

Заседание открывается в 10 час. 30 мин. утра председателем Н. С. Рябоволом.

Председатель. — Заседание возобновляется, господа члены Рады! Вчера мы закончили постатейное чтение положения об управлении краем. Сегодня мы должны приступить к чтению, обсуждению и принятию в целом этого законопроекта. Но вы знаете, что две статьи его были отложены впредь до выяснения соответствующих вопросов в согласительной — с представителями Добровольческой армии — комиссии. Теперь президиум поставлен в весьма затруднительное положение, потому что по наказу мы не имеем права перейти к обсуждению другого законопроекта, пока не окончим обсуждение первого. Я полагаю, что нам было бы небезынтересно знать от председателя согласительной комиссии, в каком положении находится ее работа. В зависимости от хода ее занятий мы можем постановить прервать обсуждение конституции и перейти к следующему земельному вопросу или же отложенные статьи принять условно, чтобы потом нам к этому вопросу не возвращаться. Вот два возможных решения. Во всяком случае, я нахожу нужным, чтобы комиссия ныне же сообщила о ходе ее работы. Возражений нет? *(«Нет».)* Принято. В таком случае я предлагаю председателю комиссии члену Рады И. Л. Макаренко сделать доклад.

Член Рады И. Макаренко. — К даче ответа по этому вопросу я не подготовлен, тем паче что я обязан докладывать то, что мне поручит комиссия, но поднятый сейчас вопрос дает мне возможность кое-что сообщить вполне точно и определенно. Дело в том, что, сколько мне известно, вами отложено рассмотрение нескольких статей конституции впредь до рассмотрения их в согласительной комиссии. Докладываю, что после обмена мнений, который произошел у нас с представителями Добровольческой армии, выяснилось, что, с их точки зрения, вызывают необходимость предварительного пересмотра и обсуждения в комиссии не только те статьи, которые вами опущены и не рассмотрены, но и некоторые другие пункты, которые вами уже приняты. Таким образом, мне кажется, что если вы обсудите и, как предлагает ваш председатель, условно примете и те параграфы, которые вами опущены, то это дела не меняет; скажу даже, что, с точки зрения ваших представителей в согласительной комиссии, пожалуй, было бы лучше, если бы вы их приняли условно, и вот почему. Мы знали бы при переговорах с представителями Добровольческой армии ваше мнение по этим пунктам в законченном виде, и, зная ваше мнение, были бы на более твердой и прочной почве, и знали бы, где возможны уступки, а где нет. Вот то, что можно сказать по этому поводу. Что касается того, когда могут быть получены вами те или иные решения согласительной комиссии по пунктам, подлежащим рассмотрению, то я в данный момент по этому поводу совершенно затрудняюсь определить время, даже приблизительно. Правда, вчера мы заявили главнокомандующему Добровольческой армии, что необходимо спешить, так как работы краевой Рады затягиваются. Но это наше заявление не вылилось пока что в конкретную форму, которая позволила бы мне указать определенный срок,

когда мы можем представить на ваше рассмотрение обсуждаемые нами вопросы. Я, по совести, никакого срока указать не могу, тем более что в данный момент согласительная комиссия еще не существует; есть только представители наши и представители командования Добровольческой армии. Мы уже вместе работали, но это не есть работа лиц, уже составляющих одно учреждение, именуемое «согласительной комиссией». Мы встречались только для того, чтобы выяснить предварительно, можем ли мы совместно работать, и этот вопрос пока еще не выяснен. Вот такова картина положения. Почему так происходит? Вы понимаете, что вопросы, подлежащие нашему рассмотрению, чрезвычайно серьезны, многие наши разногласия довольно глубокого характера, и решений по ним быстро принять нельзя. Только важностью вопросов и их серьезностью объясняется то, что работы согласительной комиссии проходят несколько более длительно, чем, может быть, кто-либо предполагал, а равно и то, что мы до сих пор с представителями Добровольческой армии не решили еще — работаем ли мы совместно в согласительной комиссии или же окончательно не в состоянии найти общий язык.

Председатель. — Таким образом, перед нами стоит вопрос: продолжать ли работу по рассмотрению и утверждению положения об управлении краем или перейти к следующему — земельному вопросу. Лично я полагаю, что необходимо нашу работу с конституцией закончить, причем мы можем оговорить, что, в зависимости от того или иного постановления согласительной комиссии по вопросам конституции, мы возвратимся снова к пересмотру соответствующих ее мест. Но зато у нас будет хотя одна работа закончена, и у нас будет цельность впечатления; сейчас все высказанное при обмене мнений сохраняется в памяти, а если мы приступим к другому вопросу и проработаем неделю, то при возобновлении работ по рассмотрению конституции придется опять возвращаться к каждому пункту и повторяться, что очень обременительно. Есть желающие высказаться? *(«Нет».)* Я голосую. Прошу тех, кто согласен с сделанным мною предложением, поднять руки. Кто против? Принято. Таким образом, мы продолжаем рассмотрение статей конституции, но с тем, что в случае внесения согласительной комиссией в принятый нами текст каких-либо изменений последние будут приняты во внимание при окончательном установлении текста положения.

У нас остались нерассмотренными статьи 9 и 16. Ст. 9 гласит: «Источником высшей власти в Кубанском крае является воля его граждан, выражаемая на представительных собраниях. Носителями законодательной власти в Кубанском крае являются краевая и Законодательная Рады, а носителем исполнительной власти — войсковой атаман и краевое правительство. Судебная власть осуществляется независимыми судами, действующими на основаниях, в законе определенных. Судебные решения и приговоры выносятся именем закона». Кто желает высказаться? *(«Без прений».)* Слово предоставляется полковнику Феськову.

Член Рады Феськов. — «Источником высшей власти в Кубанском крае является воля его граждан» — на этом пункте я и останавливаюсь и обращаю на него ваше внимание. Прошлый раз я совершенно случайно не имел возможности указать вам на неотложную необходимость точно определить, кто такие граждане Кубанского края. Я очень боюсь, чтобы мы не запутались в этом понятии, ведь оно у нас не установлено и в предыдущих статьях. Правда, в ст. 3 сказано: «Права кубанских граждан

определяются особым законом», но вопрос в том, когда этот закон у нас будет издан, когда мы его получим? Если он будет разрабатываться в течение полугода или года, то мы будем поставлены в тяжелое положение, угрожающее нежелательными последствиями, поскольку в воле граждан мы полагаем источник высшей власти в крае. По моему мнению, необходимо теперь же точно установить значение термина «гражданин Кубанского края».

Председатель. — Кто желает высказаться? *(«Нет».)* Слово принадлежит докладчику.

Докладчик член Рады Коробьин. — Господа члены Рады. Я полагаю, что поднятый сейчас вопрос не должен нас смущать при принятии ст. 9, поскольку центр тяжести ее лежит в категорическом указании, что выражением воли граждан служат представительные собрания. Мы это знаем, и, в сущности, для нас этого достаточно. Мы будем гражданами называть тех, которые будут участвовать в избрании представителей. Как бы закон о выборах ни был разработан — его можно расширить и охватить им все население, включая женщин, хотя бы до 16 лет, — это, по существу, дела не меняет. Важно одно — что источник высшей власти вырабатывается на представительном собрании и что в политическом смысле гражданином будет называться всякое лицо, принимающее участие в выборах в представительное собрание. На основании этих соображений я прошу принять статью 9 в том виде, в каком она изложена комиссией.

Председатель. — Оглашаю еще раз ст. 9: «Источником высшей власти в Кубанском крае является воля его граждан, выражаемая на представительных собраниях. Носителями законодательной власти в Кубанском крае являются войсковой атаман и Кубанское краевое правительство. Судебная власть осуществляется независимыми судами, действующими на снованиях, в законе определенных. Судебные решения и приговоры выносятся именем закона». Прошу согласных с редакцией ст. 9 поднять руки. Кто не согласен? Статья принимается в редакции комиссия. По поводу предложения члена Рады полковника Феськова слово предоставляется докладчику.

Докладчик член Рады Коробьин. — В связи с ст. 3-й конституции нам пришлось коснуться этого вопроса, и мы решили, что права граждан Кубанского края будут определены особым законом, который имеет быть разработан Законодательной Радой. Если мы теперь, в отступление от ранее состоявшегося решения, определим попутно понятие «кубанского гражданства», то может получиться, что последующее решение будет противоречить принятому нами теперь.

Председатель. — Находит ли Рада необходимым сейчас же, в этой сессии, дополнить конституцию параграфом, которым бы определялось понятие о гражданстве кубанском? Кто находит нужным ввести такое дополнение, прошу поднять руки. Кто против? Очевидным большинством предложение полковника Феськова отвергнуто.

Статья 16. Слово принадлежит докладчику.

Докладчик член Рады Коробьин. — Господа члены Рады! Я имел уже случай докладывать вам эту статью и теперь ограничусь несколькими словами. Первая часть статьи гласит: «Законодательная Рада осуществляет законодательную деятельность, поскольку она не отнесена к ведению краевой Рады, и пользуется правом законода-

тельной инициативы. По законодательным предположениям своих членов или комиссий, она может поручить краевому правительству разработку соответствующего законопроекта на принятых Радою основаниях».

Здесь, как вы видите, объем компетенции Законодательной Рады определяется отрицательно; ее ведению подлежит все то, что не входит в компетенцию краевой Рады и в тех пределах, поскольку Законодательная Рада пользуется правом законодательной инициативы и члены ее, а равно комиссии, могут сами предлагать законы и проводить их через Раду. «В частности, к ведению Законодательной Рады относятся: рассмотрение и утверждение краевого бюджета, утверждение проектов правительственных займов, определение ежегодного контингента лиц, подлежащих призыву на военную службу, утверждение договоров, заключаемых с другими государствами, государственными образованиями и областями, и обсуждение деятельности Кубанского краевого правительства, к которому она может обращать запросы и вопросы». Я уже объяснил вам, чем было вызвано добавление о праве Рады поручать разработку законопроектов правительству, что не предусматривалось первоначальным проектом. Дело в том, что Законодательная Рада, как законодательная палата, не обладает необходимым материалом для того, чтобы разработать какой-либо законопроект. Этот материал всегда сосредоточен в соответствующем министерстве. Члены Рады могут вырабатывать только принципиальные положения; и вот на основаниях установленных ими начал весь законопроект должен быть разработан соответствующим министерством.

Затем в статье определяется общая компетенция Законодательной Рады путем перечисления некоторых наиболее важных вопросов, подлежащих ее ведению. В числе их на первом месте стоит рассмотрение и утверждение краевого бюджета. Это — самая необходимая работа Законодательной Рады, потому что бюджет — это закон, и утверждение бюджета есть утверждение закона, без какового исполнительная власть не может расходовать ни одной копейки. Относительно этого пункта представители Добровольческой армии заявляли, что вопрос о бюджете затрагивает интересы общегосударственного значения и поэтому Чрезвычайная Рада самостоятельно разрешать его не может, а лишь по соглашению с командованием Добровольческой армии. Таким образом, мы сейчас этот пункт примем условно. Затем — утверждение договоров, заключенных с другими государствами. Этот пункт также встретил возражения со стороны представителей командования Добровольческой армии, как имеющий общегосударственное значение и потому не подлежащий, по их мнению, разрешению краевой Рады. Ведению Законодательной Рады подлежит также обсуждение деятельности Кубанского краевого правительства, к которому она может обращаться с запросами и вопросами. После сделанных мною в Раде разъяснений по данному пункту мне пришлось встретиться с возражениями некоторых компетентных юристов. Я должен сказать, что этот вопрос очень серьезный в области государственного управления, и в разных странах он различно толкуется и различно понимается. Но сущность заключается в том, о чем я уже вам говорил: вопрос ставится непременно одним из членов палаты. В некоторых странах, например, во Франции, характерная особенность парламентского вопроса заключается в том, что член палаты должен получить предварительное согласие министра на постанов-

ку данного вопроса с кафедры; если он не получит на это согласия — не может его ставить. Но существует и другой порядок: вопрос ставится без предварительного на то согласия министра, и дается на него ответ. Какой практики в этом случае будет держаться наша Законодательная Рада, это подскажет политическое чутье, но для нас важно, чтобы запрос или вопрос мог ставить каждый из членов Рады.

Что касается права запроса, или интерпелляции, то и по этому предмету наблюдается различная практика и неодинаковое его освещение государствоведами. Запрос может быть поставлен от группы членов законодательной палаты. У нас, в Государственной Думе, необходимо было не менее тридцати подписей для того, чтобы внести запрос, притом обычно по внесении запроса группою членов в палате происходят прения о его направлении, и лишь по принятии запроса большинством палаты он, уже от имени последней, предъявляется правительству. Итак, интерпелляцию — запрос — не может вносить отдельный член палаты. Наказом или законом будет определено число членов Рады, которые вправе будут вносить запрос. Важно, что каждый запрос ставится по более важным, существенным политическим вопросам. Запросы вызывают прения, которые могут окончиться выражением доверия или недоверия правительству, и в результате последнее или укрепляется, или должно выйти в отставку. Таким образом, я думаю, что, при условном принятии вызывающих возражение пунктов, ст. 16 может быть принята Радой.

Председатель. — Желающих высказаться нет? *(«Нет».)* Согласных с редакцией ст. 16 прошу поднять руки. Кто против? Принята. *(Голос с места: «Воздержавшихся подсчитать».)* Воздержавшиеся присоединяются к большинству.

Сейчас будет оглашен весь текст положения об управлении Кубанским краем, принятый Радою, и, после того так желающие выскажутся, будем голосовать его в целом с теми поправками, которые будут сделаны. *(Товарищ председателя Омельченко читает текст положения.)*

Председатель. — Господа члены Рады! Я считаю нужным напомнить, что нам предстоит сейчас третье чтение законопроекта, а посему я предложил бы не открывать прений и вносить только редакционные поправки. Слово предоставляется члену Рады Каплину.

Член Рады Каплин. — В конце статьи 25, которую я имел честь докладывать краевой Раде, сказано: «президиум Законодательной Рады избирается в начале каждой очередной сессии», а непосредственно перед этим сказано, что президиум краевой Рады собирается и прекращает свои полномочия вместе с прекращением сессии. Может получиться впечатление, что и президиум Законодательной Рады избирается тоже только на время сессии, между тем здесь положение несколько иное. Необходимо для ясности включить в статью дополнение редакционного характера, а именно: «президиум Законодательной Рады избирается в начале каждой очередной сессии и сохраняет свои полномочия до избрания президиума на следующей очередной сессии».

Председатель. — Слово принадлежит члену Рады Колесникову.

Член Рады Колесников. — Мне казалось, что все здесь говорили о временном положении, о временном характере действия основных начал нашей конституции. Однако в тексте проекта я не нашел этого слова: «временный». Я думаю, что этот термин

нужно внести в это положение, согласно духу всей нашей конституции, и озаглавить его — «Временное положение об управлении Кубанским краем». Эта необходимость вытекает из тех соображений, которые здесь высказаны. Кроме того, есть еще одно основание, которое выпущено из виду, а именно наличность долгов империи, которые на нас легли, ибо мы, безусловно, — граждане Всероссийской империи. Положением этот вопрос не предусматривается. Если же мы назовем его «Временное положение», то тогда этот вопрос неизбежно будет поставлен в иную плоскость, и на нашей совести не будет греха, что мы забегали вперед перед событиями. Это — первая поправка. Затем, я просил бы выбросить из первого пункта, в коем сказано, что территория Кубанского края образуется из Кубанской области бывшей Российской империи, слово «бывшая». Я положительно протестую против его употребления. Это неправда, она есть и будет! *(Голоса: «Нет»; шум.)* Позвольте, говорят: «Царя нет, поэтому и империи нет» — я вас спрошу: а когда царь был, тогда Россия была? *(Шум.)*

Председатель. — Виноват, вы здесь вносите совершенно новое предложение; это уже не редакционная поправка.

Член Рады Колесников. — Он мне мешает говорить.

Председатель. — Прошу ко мне так не относиться. Я не «он», а председатель краевой Рады.

Член Рады Колесников. — Я не имею охоты с вами спорить. Я прошу выбросить слово «бывшая». *(Шум, крики: «Довольно».)*

Председатель. — Прошу продолжать.

Член Рады Колесников. — Я не могу говорить, так как шумят и не дают говорить, а здесь мне делают замечания.

Председатель. — Я имею право вам делать замечание; если вы мне так будете отвечать, я вас лишу слова.

Член Рады Колесников. — Г. председатель угрожает лишить меня слова. Позвольте, господа, я так не могу говорить.

Председатель. — Продолжайте, пожалуйста.

Член Рады Колесников. — Потом, в параграфе 4, где обусловливается вероисповедный вопрос, я ни звука не услышал о господстве нашей православной церкви.

Председатель. — Виноват, простите, пожалуйста! Я сказал, что здесь могут вноситься не поправки по существу, а только поправки редакционные. А то, что вы предлагаете, это уже есть изменение смысла принятой конституции. Здесь может быть сделана поправка, подобная той, которая внесена членом Рады Каплиным, разъясняющая срок сохранения полномочий президиума Законодательной Рады. Вы же здесь затрагиваете совершенно новый вопрос, по которому я должен открыть прения. А я открывать прения не имею права, поэтому я прошу вас иметь это в виду.

Член Рады Колесников. — Я не понимаю, почему вы не можете открыть прений? *(Смех.)* Казаки всегда были православными, и мы без этого никогда не будем казаками. *(Частичные аплодисменты.)*

Председатель. — Голосую поправку члена Рады Каплина, которая заключается в следующем: «Президиум Законодательной Рады избирается в начале каждой очередной сессии и сохраняет свои полномочия до избрания президиума Законодательной

Рады следующей очередной сессией». Кто согласен ее принять? Кто против? Принята. Поправку Колесникова к ст. 1, хотя она и не является редакционной, но, чтобы не было нареканий, я все-таки проголосую. Член Рады Колесников находит, что из указанной статьи нужно выбросить слово «бывшая», и тогда будет она читаться так: «Территория Кубанского края образуется из Кубанской области Российской империи». Прошу согласных поднять руки. Один, два... *(Колесников с места: «Поймете, тогда все примете».)* Кто против? Громадным большинством отвергнута.

Член Рады Колесников, может быть, вы точнее формулируете то, что вы хотели сказать по 4-му пункту — я не мог уловить смысла.

Член Рады Колесников (с места). — Вы меня поняли отлично. *(Протесты.)*

Председатель. — Член Рады Колесников, я прошу вас так не разговаривать со мной, я у вас прошу точную формулировку, и вы должны ответить мне. *(Шум.)*

Член Рады Колесников. — Вы меня прекрасно поняли.

Председатель. — Я не голосую поправку, потому что член Рады Колесников ведет себя неподобающим образом.

Член Рады Колесников. — Я прошу внести такой пункт: «Господствующей церковью на кубанской территории признается православная церковь» — и больше ничего.

Председатель. — Я повторяю, что это совершенно новый пункт, а не редакционная поправка, и голосовать его я не могу.

Член Рады Колесников (с места). — А «Временное положение»?

Председатель. — Вы вносите предложение назвать положение об управлении Кубанским краем временным. Эту поправку я не имею права не проголосовать. Здесь возражений быть не может, потому что это положение действительно временное. Кто согласен с этой поправкой? Принята.

Господа члены Рады! Согласно принятому нами положению, подлежат нашему разрешению вопросы: об определении содержания членам Законодательной Рады и, согласно ст. 53, об установлении содержания войсковому атаману. Определение содержания членам правительства относится к кругу ведения Законодательной Рады; что же касается членов Законодательной Рады и войскового атамана, как избираемых краевой Радой, то это — компетенция краевой Рады. Я сейчас объявляю перерыв и прошу этот вопрос обсудить в отделах. *(Шум, протесты.)* Господа члены Рады! Я покорнейше прошу не делать мне указаний с места. Я решительно протестую против усвоенных некоторыми членами Рады способов высказывания своих мнений. Вопрос ясен: конституция принята, статья 53 тоже принята, и мы должны ими руководствоваться. Итак, я предлагаю отделам посоветоваться о содержании членов Законодательной Рады и войскового атамана.

Объявляю перерыв на 15 минут.

После перерыва.

Председатель. — Заседание возобновляется. Ко мне поступило предложение подвергнуть обсуждению вопрос о вознаграждении войскового атамана и членов Законодательной Рады в отдельских совещаниях. Когда в отделах придут к соглашению о размерах содержания, я тогда прямо пробаллотирую соответствующие цифры. Возражений нет? *(«Нет».)* Принято.

Господа члены Рады! После того как представитель Всевеликого войска Донского генерал Ажинов в заседании 17 ноября огласил нам сообщение о победах наших братьев-донцов, президиум Рады по вашему поручению послал телеграмму атаману Всевеликого войска Донского. На эту телеграмму получен следующий ответ: «Прошу вас, господин председатель, от имени Донской армии и моего передать краевой Раде величайшую признательность и благодарность за ваш прием. Верю, что по одному пути идем с вами — к закреплению казачьих вольностей и освобождению нашей матери — великой России. Донской атаман Краснов». *(Аплодисменты, овации по адресу представителя Всевеликого войска Донского генерала Ажинова.)*

Господа члены Рады! Представитель войска Донского генерал Ажинов просит сделать вам сообщение, что, согласно полученной им сейчас телеграмме, донцами 17—18 ноября одержана новая победа, в результате которой занят Новохоперск и взята большая добыча. *(Бурные аплодисменты, крики «Ура!».)*

Ввиду того что вопрос о вознаграждении войскового атамана перенесен на одно из следующих заседаний, сейчас перейдем к проекту основных положений земельной реформы. *(Голос: «А декларация?»)* Я просил бы, господа, не задавать мне вопросов о декларации, так как она не имеет непосредственного отношения к конституции. Ведь последняя от того, что декларация будет та или другая, ничего не теряет. Во всяком случае, декларация еще не пробаллотирована, значит, не считается принятой. Слово предоставляется члену Рады Омельченко.

(Заседание продолжается под председательством товарища председателя Султана Шахим-Гирея.)

Член Рады Омельченко. — Предлагаю вашему вниманию четыре раздела проекта земельной комиссии. В первом из них говорится о субъекте права на землю; во втором — о землях, подлежащих отчуждению; в третьем — о принципах отчуждения, и в четвертом — о том, между кем и как земля будет распределена.

Раздел первый, статья 1. *(Читает.)*

Председательствующий. — Господа члены Рады! То, что вы сейчас слышали, является настолько серьезным и сложным вопросом, что я считаю необходимым обратить внимание на следующее. Быть может, краевая Рада, прежде чем перейти к постатейному чтению, пожелает высказаться вообще, об общем направлении этого проекта? Желающие высказаться по этому поводу есть? Слово предоставляется члену Рады А. Белоусову.

Член Рады Белоусов. — Господа члены Рады! Вы сейчас должны приступить к решению вопроса первостепенной важности. Вопрос земельный для России — это ее будущность. От того, как вы его разрешите, в частности на Кубани, и вообще, как он будет разрешен в России, — от этого зависит не только спокойное существование наше, но скажу больше: от этого, может быть, зависят дальнейшие судьбы трудящихся всего мира. И поэтому я вполне поддерживаю предложение председательствующего о том, чтобы нам не спешить с этим вопросом и, прежде чем обсуждать каждый пункт отдельно — а это связано с краткостью обсуждения, ибо каждый пункт отчеканивает определенную мысль, — поднять вопрос принципиально, во всей его широте. Было бы большим ущербом для такого важного вопроса, как земельный, не осветить его

всесторонне, и я всецело присоединяюсь к предложению Султана Шахим-Гирея о том, что, прежде чем перейти к постатейному чтению предложенного законопроекта, нам необходимо осветить вопрос о земельной реформе во всей его широте и глубине. Если мы, быть может, устали, если мы нервничаем, неспокойны — все должно быть забыто, все должно быть оставлено. Если мы теперь по каким-либо соображениям, личным или другим, уклонимся от самого детального, самого широкого освещения вопроса о земле, вопроса, разрешения которого ждут все трудящиеся в России, мы совершим тяжкое преступление по отношению к тем, кто нас сюда послал. Большинство из вас — представители хлеборобов, большинство приехало сюда с одной-единой мыслью удовлетворить вековой голод земельный, и здесь вы обязаны, если вы хотите свой долг исполнить, осветить вопрос земельный во всем его объеме. Я думаю, что вы согласитесь с этим, и прежде чем перейти к постатейному обсуждению законопроекта, прежде чем принять по нему решения, вы осветите вопрос земельный во всей широте его и глубине. Мы должны предварительно открыть прения по принципиальным вопросам без ограничения времени.

Председательствующий. — Угодно ли краевой Раде приступить к обсуждению общих начал проекта земельной реформы? Кто за это предложение, прошу поднять руки. Кто против? Принято. Слово предоставляется члену Рады И. Макаренко.

Член Рады И. Макаренко. — Совершенно правильно, господа, было сказано, что земельный вопрос — вопрос большой важности. Я обращаю ваше внимание на одну сторону дела, только на одну сторону предлагаемого вашему вниманию законопроекта. Вы помните, господа, что докладчик в первой своей речи касался земельного вопроса, как он стоял в древности. Но мне показалось, что он недостаточно коснулся истории этого вопроса в Кубанском крае. Если бы он достаточно коснулся его, то, вероятно, не было бы таких промахов и недочетов — крупных недочетов в земельном законодательстве, который предложен вашему вниманию. А такие промахи имеются, и вот в каком отношении.

Прежде всего нужно выяснить, почему и у нас, на Кубани, имеется недостаток в земле? Откуда эти причины проистекали и проистекают? Мне кажется, что таких причин две: одна, вполне естественная, — увеличение населения. Население увеличивается, а площадь земли, конечно, не растет. Против этой причины никто поделать ничего не может, так как это — естественно, это — закон жизни. Другая причина — искусственное сокращение земельной площади, находящейся у хлеборобов. Эта причина у нас, на Кубани, имела место, и на нее я хочу обратить ваше внимание. Вы помните, что из войсковой территории не так давно было вырезано много земельных участков. Об этих земельных участках говорит п. 6 законопроекта, который у нас на руках имеется. Я их перечислять не буду. Все мы хотим знать, а казаки в станицах особенно хотят знать, в чем дело — почему были вырезаны участки офицерские, чиновничьи и другие? Это я называю искусственным урезыванием, сокращением земельной площади. Это была, как говорится, историческая неправда. И прежде всего мы должны исправить то, что было сделано ошибочно в прошлом в отношении широких масс населения, но вопрос: кто у нас обижен тем обстоятельством, что эти участки были вырезаны? Выяснение вопроса, кому нанесен ущерб, является не

пустым вопросом. Дело в том, что, как вы изволите знать, пользование правом собственности на землю в Кубанском войске не принадлежит отдельным казакам. Мало того, оно не принадлежит отдельным станицам. Владельцем всей территории нашей является войско, взятое в целом, а станицам распределено юртовое довольствие, но не на правах собственности, а на правах владения и пользования. Таким образом, когда вырезались участки разные и передавались в частную собственность, то этим ущерб наносился войску как целому. И теперь вопрос: если земельная комиссия предлагает, чтобы эти земельные участки, вырезанные в частную собственность, были возвращены, то кому они должны быть возвращены? Комиссия предлагает, что они должны быть возвращены в краевой земельный фонд. А для меня вопрос не так стоит. Они должны быть возвращены тому, у кого они взяты. Это естественно и просто. В самом деле: Кубанское войско есть установление, которое немыслимо без территории и населения. Если есть войско, значит — есть территория. И если из этой территории взято нечто, оно не должно поступать куда-то, оно должно вернуться в состав войсковой территории. Так точно должно быть поступлено и с теми землями, которые вырезаны, выделены, отобраны у владельцев исторических. У нас есть горцы. Мне кажется, что, если бы оказались у горцев такие частновладельческие земли, то они тоже должны быть возвращены в их территорию. В четвертом пункте законопроекта комиссии есть примечание, которое говорит о территории карачаевского народа. Таким образом, комиссия понимает, что карачаевский народ также имеет право на землю и владеет ею как народ, а не как собственник. Вот те основные соображения, на которые я обратил ваше внимание.

Но есть другая сторона дела. Хорошо: есть в войсковой территории земли частновладельческие; вы их у частных владельцев отбираете и отдаете в краевой земельный фонд. А что из этого получится? Согласно дальнейшим статьям, из этого фонда будет необходимо черпать земли, необходимые для наделения лиц, нуждающихся в земле. Что же из этого получится? Представьте себе, что в районе станицы Батуринской, Лабинской, Старо-Минской и т. д. имеются клочки земли частновладельческой. Начнут наделять ею нуждающихся, и окажется, что будет в состав чисто казачьего населения вкраплен другой элемент, без видимой нужды. Мне кажется, что это не в интересах ни войска, ни края, ни будущего государства Российского, чтобы была перетасовка населения. Вы знаете, обычно обработка земли у казаков носит свой особый характер. Особенность эта есть, и дальнейшее развитие сельскохозяйственной жизни нашего края зависит от того, чтобы местное население наше, владеющее этой землей, было однородным. Для чего? Чтобы все мероприятия были одинаковы, чтобы движение, общее развитие мероприятий было гарантировано, а не так, чтобы одни вперед, а другие назад. А если создастся вкрапливание населения, то это, господа, не обеспечит единства сельскохозяйственного развития.

Еще одно. Комиссия предлагает вашему вниманию законопроект и в статье 3-й говорит, что Кубанское казачье войско сохраняет за собой все права по владению. Я против этого не спорю. Говорю, что это — правильно. Но решение комиссии передать частновладельческие земли в краевой фонд создает чересполосицу. Вот территория войска, а среди его территории — земли, которые войску не принадлежат, и этим

может создаться чересполосица, против которой в России боролись и будут бороться, ибо она всегда порождает большие недоразумения.

Вот эти соображения заставили Ейский отдел призадуматься над тем, так это или не так. И показалось, что не должно быть так, а несколько иначе. Но есть, конечно, у нас земли, которые никогда не входили в состав территории войсковой. Эти земли, по нашему мнению, должны поступить в общий краевой фонд, и если в числе этих земель есть и частновладельческие участки, то вполне понятно, если они также будут отведены в краевой фонд. Это ясно и понятно.

Разрешите еще на одну сторону обратить ваше внимание — напомнить об одном обстоятельстве не земельного характера, а политического, но имеющего прямое касательство к земле.

Если бы нас кто заверил, если бы нам кто доказал, что все будет так, как мы желаем, как мы решаем, то, пожалуй, можно быть спокойными. А именно, чего мы желаем? Создаем, устраиваем свой край. И мы уже создали, устроили самоуправление. Вот наша Рада властвует и управляет краем. Мы приняли конституцию, в которой говорится о территории этого края, что эта территория — с границами, которые были и прежде. А я вас спрашиваю, что вас может уверить в том, что так оно и останется? Старые государства валятся, а наши новые государства едва могут удержать натиск волны анархии, которую мы переживаем. Наши начинания совершаются во времена, которые характеризуются тем, что все идет «вверх тормашками». В Германии, в Австрии, в России все идет тем же порядком. Если мы живем в такую историческую эпоху, то едва ли мы можем верить, что все будет так, как мы желаем, как мы устраиваем. А если мы не можем надеяться, что так оно и будет, то должны быть особо осторожными. Что получится, если вы дадите землю в краевой земельный фонд, а потом окажется, что все ваше «краевое строительство» улетучится вместе с краевым фондом? Что касается войска, то оно всегда будет, а что касается Кубанского края, то вы сами уже теперь рассчитываете, что к нему присоединится Черноморская губерния. Уже из этого ясно, что краевое строительство, а значит, и краевой земельный фонд, есть нечто неустойчивое, изменчивое. А сверх того, может быть, явится другая сила, которая скажет: «То, что ваше — ваше, а это отдайте нам». Так не будет ли преждевременно теперь нам спешить отчуждать нашу землю в краевой фонд? Не случится ли так, что этот фонд, как нечто для войска чужое, уйдет и унесет с собою наши земли? Такие соображения Ейского отдела заставили меня говорить об этом.

Ейский отдел предлагает вашему вниманию проект первых статей закона в несколько ином виде, который предохраняет нас от тех неприятных последствий и неудобств, которые проистекали из предложенного вами законопроекта. Вами обсуждался вопрос о том, как быть с частной собственностью вообще? В этом отношении Ейский отдел присоединился к мнению комиссии: частная собственность на землю должна быть устранена. Это наш девиз и основное положение, так как оно отвечает тому моменту, который требует прежде всего разрешения этого вопроса. И вот, Ейский отдел предлагает вам взять эту статью первой. Тогда получаются первые статьи в следующей редакции: 1-я статья из раздела 1-го — «Право частной собственности на все земли, с их водами, лесами, недрами и надземными богатствами в Кубанском крае уничтожает-

ся». Это — точная редакция статьи, изложенной в законопроекте, имеющемся в ваших руках. Вторую статью мы оставляем в этом же виде. А третью статью редактируем так: «Кубанское войско владеет, пользуется и распоряжается самостоятельно и независимо всеми расположенными в пределах его территории землями, недрами, лесами, рыболовными водами как внутренних речных и озерных бассейнов, так и внешних морских на семиверстном расстоянии от берегов», т. е. мы здесь говорим как раз то, что до сих пор и было, что создано исторически и с чем мы существуем в настоящий момент. Вам докладчик уже вначале намекал в первой своей речи, что в их законопроекте есть некоторое юридическое противоречие. И это совершенно верно, ибо в их первой статье говорится, что центральная кубанская краевая власть распоряжается всеми без исключения водами, землями, недрами, лесами и т. д. А в третьей их статье говорится, что войско обладает такими же правами. Как же, в конце концов? Весь семиверстный берег Азовского моря — это берег войска; теперь право войска упраздняется?! Если Кубанское войско упраздняется, тогда будет понятна первая статья законопроекта, а если, согласно статье 3-й, войско сохраняется, тогда статья первая непонятна. Ибо, по статье первой, краевому фонду нечем будят распоряжаться, а раз нечем, так нечего и писать. Вот это противоречие и отметил докладчик, а я подчеркиваю.

Что касается дальнейшего: «Земли и леса, принадлежащие станичным и хуторским, аульным и сельским обществам, остаются в распоряжении и пользовании их владельцев» — они эту фразу говорят в примечании к 4-му пункту, а я докладываю, что это дело основной статьи: такой серьезный вопрос в примечании ставить нельзя. Содержание этой статьи не соответствует тому месту, которое ей отводится в законопроекте. Мы стали немножко в затруднение. Мы начали спрашивать членов нашей комиссии земельной: а что такое за прокламация графа Евдокимова — читали вы ее или нет? А если нет, тогда как мы будем ссылаться на прокламацию, если никто из нас ее не читал? Ейский отдел просит, чтобы ее огласили; чтобы мы видели, действительно ли карачаевский народ обеспечивается и удовлетворяется землей по той прокламации. Итак, мы предлагаем, чтобы этот пункт был выяснен так или иначе. Таким образом, 2-й и 3-й статьями мы обозначаем, с одной стороны, войсковой фонд, а с другой стороны — фонд карачаевского народа, и вот нам казалось, когда мы таким образом распределим: это войску, это карачаевскому народу, а это ни войску, ни карачаевскому народу, а сельским и аульным общинам, — тогда все становится ясным и понятным, и не получается та неразбериха, которая предлагается вашему вниманию земельной комиссией. Итак, Кубанское войско распоряжается недрами и лесами, находящимися на его территории, карачаевский народ также распоряжается землями, находящимися в его владении. А кто же распоряжается прочими богатствами, имеющими общекраевое значение? Государственными и теми, которые находятся у аулов и сел, которые не входят в состав территории Кубанского войска и карачаевского народа? Это — во-первых. А во-вторых, кто распоряжается недрами тех земель, которые входят в состав краевого фонда? Ясно, кто должен распоряжаться ими. По нашему мнению — это краевая власть. И не войско, не карачаевский народ, а именно краевая власть. В силу этого получается у нас статья 6-я: «Все недра, надземные богатства и воды, имеющие общекраевое значение и не состоящие в пределах войсковой и карачаевской

территории, находятся во владении и распоряжении краевой власти». Вот, господа, то желательное основное изменение, на которое прошу обратить внимание ввиду тех соображений, которые я докладывал.

Еще одна оговорка: Ейский отдел поручил мне сказать, что мы предлагаем изменить существо дела, а не редакцию, и если будут спорить, что редакция не та, мы за редакцию не спорим, это дело редакционной комиссии, а нам важна сущность дела. Раз она будет принята, то естественно, что и самая статья должна потерпеть некоторые изменения.

Следующая статья у нас 7-я, а у вас 6-я. В статье шестой у вас сказано следующим образом: «Все частновладельческие земли отчуждаются в краевой земельный фонд», а мы не можем, в силу предыдущего, этого сделать и говорим: зачисляются по месту их нахождения в земельный фонд соответствующих территорий, а именно: если эти земли вырезаны у войска, пусть идут туда, а если они вырезаны у карачаевцев, пусть идут к карачаевцам. Кроме этого мы добавляем одно примечание такого содержания: земли, поименованные в настоящей статье, вырезанные из юртового довольствия, поступают непосредственно в распоряжение подлежащих общин. Дело в том, что, раз земли вырезаны не из общего, а из юртового довольствия, то какое основание попадать им в какой-либо фонд? Они должны вернуться в тот самый юрт, из которого они были вырезаны. Это примечание мы делаем первым. Мы впереди двух прежних примечаний ставим свое. Что касается тех примечаний, которые имеются у вас, то мы их сохраняем и только, в силу предыдущего нашего предложения, видоизменяем немного редакцию, а именно: «Переход отчуждаемых земель в подлежащие фонды» — это мы говорим, а вы говорите: «в краевой земельный фонд». Что касается примечания второго, у нас третьего, то там поправка вносится, которая вызывается нашим предложением. Само собой разумеется, если наше предложение будет отвергнуто, то и поправка, вероятно, также отпадет. Этим я заканчиваю свой доклад. Вы видите, что наша поправка вносит существенное изменение в законопроект, именно существенное, и я с своей стороны и от имени Ейского отдела еще раз на эти поправки прошу обратить особенно серьезное внимание, иначе могут быть впоследствии некоторые осложнения — я говорю о чересполосице, о вкрапливании в местное однородное население других элементов, я говорю о неустойчивости исторического положения, которое мы теперь переживаем. И, кроме того, господа, мы этим изменением как раз устраним те юридические противоречия, о которых я вам докладывал.

Меня председатель просит сказать, каково наше мнение о дальнейшем. Вполне понятно, что если Рада эти соображения уважит и посчитает ценными, то она должна поступить следующим образом: постатейно проект не обсуждать, а сдать его в комиссию *(«Правильно!»)* и сказать, чтобы она переработала его в духе предложения Ейского отдела. Комиссия представит вашему вниманию уже готовое дело. Это — естественный выход. Может быть, кто другой выход найдет, не знаю. *(«Просим».)*

Председательствующий. — Слово принадлежит докладчику.

Член Рады Омельченко. — Господа члены Рады! Мне кажется, что то, что предлагает член Рады Макаренко от имени Ейского отдела и лично от себя, безусловно должно подвергнуться самому детальному обсуждению Рады. Только тогда земельная

комиссия будет в состоянии в известной степени установить, поскольку те принципы, которые предложены от Ейского отдела, могут быть согласованы с представленным ею проектом, ибо, на мой взгляд, принципы Ейского отдела безусловно и абсолютно противоречат тем принципам, которые внесены комиссией. Я не буду вдаваться в рассмотрение и детальную критику принципа, выдвигаемого Ейским отделом, но скажу: раз сам отдел говорит, что этот принцип является не совсем ясным, то, для того чтобы знать, в чем заключаются его недочеты, необходимо здесь обсудить это подробно; сдавать же в комиссию — это значит снова вернуть его сюда с прежнею неясностью. Член Рады Макаренко говорит, что те положения, которые выставлены Ейским отделом, ясны и определенны, но я скажу, что между ними противоречий еще больше, чем между первой и третьей статьями проекта комиссии. Это противоречие вскроется в свое время. Сейчас же я как докладчик говорю лишь, что сдавать в комиссию в таком виде, как предлагает Макаренко, нельзя. Нужно дать возможность высказаться всем ораторам и выяснить общие принципы земельной реформы.

Председательствующий. — Я думал, что вы будете говорить по существу, а вы говорите о порядке направления дела. Это — вопрос особый. Слово предоставляется члену Рады В. Колесникову.

Член Рады Колесников. — В течение последних четырех лет русские ценности подходят к минимуму, русские ценности, с которыми Россия вправе была входить на международный рынок и с которыми она имела право голоса, — эти ценности страшно понизились, а промышленность наша и торговля раздавлены, и все поднялось в цене. При таких условиях принять земельный вопрос можно только с государственной точки зрения, и только с государственной точки зрения. Это значит принять этот вопрос во всей широте, как он есть во всей империи. Эта необходимость вытекает для нас, казаков, из этого положения.

Председательствующий. — Империи нет, а есть государство Российское.

Член Рады Колесников. — Так вот, об этом необходимо говорить с точки зрения интересов государства Российского. Нужно быть особенно внимательным к этому вопросу и голосовать осторожно, а вопрос прост. Если мы здесь докажем, что такое решение вопросов, какое предлагает нам земельная комиссия или какое намечено нашим правительством, если оно действительно государственное, то — да, да благословит Бог нашу работу; а если у нас явится сомнение, то мы не постесняемся отвергнуть то и другое. Если мне скажут здесь, что при той реформе, которую мы здесь примем, вместо 30—40 пудов с десятины мы получим 60—80 и т. д., то — да, да благословит Бог нашу работу, а если этого невозможно будет доказать... *(Шум.)*

Председательствующий. — Прошу не мешать говорить оратору.

Член Рады Колесников (продолжает). — то наша работа будет вычеркнута. Вот, когда я подхожу к этому вопросу, то чувствую, что он прежде всего разбивается на две части — землевладение и землепользование. Землевладение на Кубани как таковое в течение ста лет находилось в таких условиях, что здесь не было определенных границ и никто толком не знал, чем владеет. Юрты не были распределены, и никто не мог точно представить свои границы. И вот что было, господа, с этой точки зрения. В то время, когда в 1861 году крестьяне в Харьковской губернии получили надел по 3 десятины,

здесь в то же время, в 1868 году, устанавливалась норма — от 20 до 30 десятин, и это при условии, что Харьковская губерния и Кубанская области по качеству земли не отличаются, даже кубанская земля лучше харьковской.

Вот теперь спрашивается: каким образом вышло так, что там такое обеднение получилось, а здесь такое богатство? Да очень просто: на казаков возлагали государственную службу и несение государственных обязанностей. По тому времени уже казаки получили в семь раз больше, чем крестьяне Харьковской губернии. Правительство смотрело на эту землю, считаясь с интересами государства, и раздавало землю, поощряя казаков за службу государству. В 1888 году казачество получает 200 тысяч десятин наградных от императора Александра III. Это было раньше общеимперское достояние; в том же году она переходит в фонд казачий. Казачество получило эти большие земли за то, что оно воевало, за заслуги перед государством. Теперь, когда мы проводим земельные грани и когда стремимся отмежеваться от центра государства, то я должен вас предупредить, что, когда это окончится, не спросит ли центр: «А вы, господа казаки, исполнили ли свои обязанности по отношению к государству?» Если мы ответим: «Исполнили», тогда нам скажут, чтобы мы пользовались своими привилегиями на землю и впредь, а если мы не сможем этого сказать, то может произойти совершенно другое, неожиданное для нас: у нас землю тоже могут отобрать. Об этом надо подумать.

Ссылка на Ветхий завет очень характерна. Здесь докладчик говорил, что Богом освящен тот порядок на землю, который установлен в Ветхом завете. Я возражаю и указываю, что мы живем в Новом завете; уже прошло более трех тысяч лет от Моисея, и за это время человечество так далеко ушло вперед, что ссылаться на Ветхий завет — это будет по-детски. Совершенно верно: «Божья земля» — это пустыня Сахара, это Палестина. «Божья земля» и здесь была тогда, когда ее нужно было завоевывать.

В 1892 г., когда я сюда первый раз приехал из Харьковской губ., вспоминаю, земля в Кубанской области, в Баталпашинском отделе, отдавалась в аренду по 25 коп. за десятину в год. Через 10 лет в районе ст. Беломечетской — по рублю за десятину. Теперь, когда земля дошла до ста рублей, пошли разговоры другие: теперь забывается, что в нее вложен человеческий труд и энергия, отчего поднялась и цена. И в силу того, что в землю вложен величайший человеческий труд, оценивается земля не как таковая, а как вложенный труд и желание получить известный результат. *(Шум, протесты.)*

Председательствующий. — Прошу соблюдать тишину. Оратор говорит по своему убеждению. Кто не согласен, может потом возражать.

Член Рады Колесников. — Нашему вниманию предложен законопроект, в котором нет самого главного — здесь нет цифр, на которых необходимо базироваться, а между тем собираются строить ту или иную постройку. Я пережил две революции — дай Бог не дожить до третьей — и знаю, что, когда нужно увлечь за собою толпу, тогда нужно давать много обещаний. Так именно делали и большевики, когда, желая увлечь за собою толпу, обещали сколько угодно земли, и им верили. А откуда большевики возьмут землю для раздачи и как возьмут, никто этого не знал и никто не входил в обсуждение этого вопроса, и только говорили, что большевики земли дадут сколько угодно.

Председательствующий. — Прошу не занимать время сообщениями не по существу. Прошу говорить по существу вопроса.

Член Рады Колесников. — Выходит так, что, когда мы подходим к практическому разрешению этого вопроса о земле, нам говорят: «Будьте осторожны, трудно сейчас решить этот вопрос». Я скажу: ничего тут трудного нет, все так просто и несложно. Тут получается вот какая вещь. Из доклада правительства выходит, что отчуждение земли необходимо для государства, а таких земель, которые можно отчуждать, у нас всего полмиллиона; между тем у нас населения чисто казачьего больше миллиона, да прибавьте горцев и коренных жителей, которые тоже имеют право на эту землю, — выйдет, что населения у нас больше полутора миллионов. Так я спрашиваю, по скольку же вам придется на пай? *(Шум; члены Рады постепенно покидают зал; звонок председательствующего.)* Всего по одной трети десятины. А где же теперь взять остальную землю?

Председательствующий. — Господа члены Рады! Покорнейше прошу не выходить из зала заседания ввиду обсуждения такого серьезного вопроса. Если вы утомились, то можно сделать перерыв на несколько минут, а выходить я не советую.

Член Рады Колесников. — Из доклада правительства мы видим, что в Майкопском отделе есть станицы, имеющие по две с половиной десятины пахотной земли, а в Ейском и Кавказском отделе есть станицы, имеющие более 20 десятин, и это при теперешнем положении. Это — факт налицо. Так я спрашиваю — с чего начинать? С того, чтобы по 1—3 десятины раздавать или по 3—4 десятины? Надо этот вопрос решить немедленно, не откладывая. Я — представитель станицы Гладковской, и станица меня послала сказать: «Доставайте землю сейчас и раздайте землю». У Карцева, например, много земли, много хуторов, на которые есть охотники переселиться. Вот при такой спешности, при такой жажде земли давайте землю эту раздадим сейчас пропорционально живым душам казачьим. Только тогда мы со спокойной совестью разъедемся по домам. Надо вменить в обязанность Законодательной Раде, чтобы к весне мы были наделены землею по принципу равенства и чтобы этот принцип равенства был между казаками, горцами и коренными жителями, чтобы он был общим для всех. *(Аплодисменты.)*

Председательствующий. — Объявляю перерыв на 10 минут.

После перерыва.

Председательствующий. — Обсуждение земельного вопроса продолжается. Слово предоставляется для оглашения резолюции комиссии докладчику.

Докладчик Омельченко. — Господа члены Рады! Я очень извиняюсь, что упустил из виду огласить тексты постановления и резолюции, которые вчера только вечером комиссия приняла и которых я в момент обсуждения этого вопроса не имел под руками. Сейчас я оглашаю эти постановление и резолюцию, дабы в дальнейшем избежать тех недоразумений, которые могут встречаться в речах ораторов.

Постановление № 1. «Принимая во внимание остроту малоземелья во многих населенных пунктах Кубанского края, и преимущественно нагорной полосы, Кубанская краевая Рада признает необходимым поручить краевому правительству принять все меры к тому, чтобы до окончательного распределения краевого земельного фонда

отчуждаемые земли по возможности предоставлялись указанным населенным пунктам во временное пользование».

Резолюция № 1. «Признавая, во-первых, что при отмежевании станицам Кубанского войска земельных юртов допущены были явные неправильности, нарушившие принцип уравнительного землепользования и вызвавшие во многих станицах малоземелье, граничащее с безземельем; во-вторых, что настоящее земельное устройство казачьего населения не соответствует требованиям современной экономической и политической жизни казаков, Кубанская краевая Рада, в целях достижения наиболее справедливого и равномерного распределения земельного довольствия и урегулирования землепользования в войске, предлагает Законодательной Раде в первую очередь выработать законопроект о внутреннем земельном устройстве казачьего населения края, который и представить на одобрение краевой Рады в ближайшую сессию, и поручает краевому правительству немедленно приступить к производству таксации земель Кубанского края».

Эти заявления комиссии, я думаю, избавят многих ораторов делать предложения, которые могут разбить однообразное настроение казачества по земельному вопросу.

Председательствующий. — Резолюция оглашена для сведения и руководства. Ставить ее на голосование я не буду, но прошу всех ораторов во время обсуждения земельного вопроса иметь в виду и тезисы этой резолюции. Считаю своим долгом предупредить членов Рады, что у нас порядок просить слова установлен: нужно передать записку непосредственно секретарю, а не обращаться ко мне, потому что из-за этого происходят некоторые недоразумения. Слово предоставляется члену Рады Белоусову.

Член Рады Белоусов. — Господа члены Рады! Вопрос о земле, который вы теперь должны разрешить, настолько серьезен, что я как представитель группы меньшинства, которая допущена в краевую Раду — группы иногородних, — считаю долгом высказать свою точку зрения на этот вопрос самым обстоятельным образом. Вопрос о земле, во всей его широте, в России был поднят и разработан партией социалистов-революционеров, партией, в программе которой были отражены все надежды и чаяния русских крестьян и казаков-хлеборобов. Я как представитель этой партии обязан и должен отразить те взгляды, которые я исповедую по чистой совести.

Пятьдесят с лишком лет тому назад, когда русские крестьяне перестали быть крепостным скотом, когда они, наконец, получили образ человеческий, — тогда, как принято было выражаться, с высоты престола бывшей Российской империи было провозглашено: «Осени себя крестным знаменьем, православный русский народ, и призови Божие благословение на твой отныне свободный труд». Это была великая неправда, ибо свободного труда не было. Член Рады, который говорил в сегодняшнем заседании, что не только «бывшая», но и «настоящая» империя еще существует, тот сказал, что при освобождении крестьяне Харьковской губернии получили по три десятины земли, но он умолчал о тех выкупах, которые были наложены на эти три десятины и которые крестьяне платили вплоть до войны. Он умолчал о тех колоссальных залогах, которые крестьяне платили с этих трех десятин. Он сказал: «Вы должны задуматься над тем, исполнили ли вы долг перед государством за ту землю, которая вам была дана», но он умолчал о том, исполнила ли бывшая империя все то, что она должна была исполнить в отношении граждан.

Теперь мы знаем, что это за «свободный труд», и теперь мы должны принять все меры к тому, чтобы не повторился второй великий обман, обман с землей. Ибо та кровь, которая льется теперь, которой вообще много лилось русскими крестьянами и казаками за свободную землю, за землю Божию, за ту землю, которой должен пользоваться только тот, кто на ней работает, кто на ней проливает свой пот, — эта кровь обязывает нас выполнить наш долг перед теми, кто нас сюда послал. Вспоминают ужасы пугачевских бунтов — действительно ужасы, — но умалчивают о том, чем были вызваны эти ужасы, умалчивают о том, что крестьяне и земли раздавались, я скажу прямо, любовникам императрицы. Теперь этого быть не должно; теперь, после великой русской революции, несмотря на то, какие бы отрицательные стороны она ни имела, какие бы ужасы мы ни переживали в период революции, — земельный вопрос будет решаться под единым лозунгом: «Земля — трудовому народу». Я глубоко убежден в том, что это совершится не только в России, что отчуждение земель и передача их трудовому народу пройдет по всему миру. И мы, русские, должны гордиться тем, что мы первые это сказали и первые понесли неисчислимые жертвы за это. В одном из пунктов вашего земельного законопроекта говорится также об отмене частной собственности на землю. Эти великие слова сказаны в первый раз так ясно и так определенно человечеству русским народом. Теперь вы, которые так определенно и ярко заявили, что вы хотите видеть единую свободную Россию, вы не должны, разрешая земельный вопрос, забывать одного, что вы — часть России, что вы, казаки хлеборобы, — часть великого земледельческого русского народа. Ибо я глубоко убежден, что вопрос земельный может более или менее безболезненно разрешиться только во всероссийском масштабе, но только тогда, если будет проведена федерализация земли, то есть отдельные части земли, входящие в территорию отдельных штатов Российской федерации, должны будут остаться в распоряжении этих штатов. Мы ни на одну минуту не должны забывать о том, что мы составляем, или в скором времени войдем, в состав единого федеративного государства. Поэтому здесь должно быть повторено то, что было сказано в прошлом году, в январе месяце, Всероссийским Учредительным собранием, разогнанным большевиками, что частная собственность на землю должна быть раз и навсегда в Российском государстве упразднена. И мы должны принять такой законопроект, в котором этот принцип был бы проведен ясно и определенно.

Может быть, многие задумаются, многие будут колебаться, можно ли нарушить право частной собственности, это священное право, о святости и неприкосновенности которого так много и долго говорили человечеству. А не получится ли от этого крах? Ведь один из предыдущих ораторов говорил: «Если мне докажут, что после реформы с десятины земли будет получено 60—80 пудов, я приму ее». А если не докажут? По-моему, мы должны ясно и определенно сказать, можно ли и должно ли отменить частную собственность и что из этого выйдет.

Частная собственность на землю в некоторых странах уже отменена: в Новой Зеландии частной собственности с правом перепродажи и переуступки нет — там земля принадлежит целому государству. В Австралии было также крупное землевладение, но оно существовало главным образом для скотоводства и для получения шерсти в более крупном масштабе. В конечном результате, благодаря тому что там был свободный

строй, народоправство, там этот вопрос был разрешен в порядке не революционном, а в порядке эволюции, путем издания отдельных законодательных актов, без кровопролитий и борьбы. Там существует следующая форма землепользования: государство отчуждает крупные участки земли и раздает их в аренду на 999 лет, причем арендная плата устанавливается не на известный период времени — на год, два, три, а пока данный участок не будет давать определенного дохода, тогда пропорционально повышается и плата. Там государство открывает земледельцам кредит на самых льготных условиях, в то время как вы, хлеборобы, здесь в этом отношении поставлены в самые ужасные условия: вы не могли найти кредит дешевле 12 %, и это в прежнее время. Конечно, в отношении Новой Зеландии я говорю о том времени, когда была написана эта книга, т. е. 25 лет тому назад. Капитал тогда ходил там из 5 %, и то государство находило, что это слишком дорого для хлебопашца. Оно само, имея возможность кредитоваться в Англии из 3 %, пользовалось этим кредитом и открывало кредит своим земледельцам из 4 % — таким образом, оно давало кредит дешевле на 1 %. Там были приняты государством меры к тому, чтобы все продукты вывозились по железным дорогам; там для сохранения продуктов строили холодильники; там крестьяне, имея небольшой надел, благодаря разумной и заботливой помощи государства получают достаточные доходы, чтобы иметь полное довольствие, чтобы иметь пианино и жить по-человечески, не так, как живут наши крестьяне — в курных избах, обрабатывая свои жалкие наделы так же, как сто лет тому назад обрабатывали.

Если мы теперь посмотрим, сколько затрачивалось государством на улучшение земледельческой культуры — к сожалению, я не знал, что сегодня будет доклад по земельному вопросу, и не захватил всех материалов, но, насколько припоминаю, в Венгрии, например, государство тратило 2 рубля на десятину, а у нас 6 копеек, — то становится очевидным, какие должны быть плачевные результаты. Об этом мы должны помнить, когда мы перейдем к вопросу, что же дала нам частная собственность. Действительно ли она принесла пользу? Мы должны смело сказать: нет, кроме вреда, кроме порабощения, она ничего не дала. Вы сами знаете, что в конечном результате всегда налоги, которые взимались в пользу государства, падали всею тяжестью на хлебопашца. Из докладов представителей правительства видно, что все ложится на хлеборобов, потому что устанавливаются твердые цены только на тот продукт, который определяет цены всем остальным продуктам, — на хлеб, значит, в конечном счете, платит за все хлебопашец. Если он не имеет в своих руках того, из чего он извлекает существеннейший и необходимейший продукт — хлеб, составляющий богатство нашего государства, если он не имеет земли, то он не имеет в своих руках ничего. Здесь говорили, что раньше аренда десятины земли в Баталпашинском отделе стоила 25 копеек. Я не старый человек, но я помню примерно такую цену. Теперь же цена под городом Ейском возросла до 500 рублей. Теперь извольте, какая же цена должна быть, на хлеб, когда крестьяне должны платать такую цену? И это особенно нужно помнить, потому что ни одна отрасль труда не подвержена такому риску, как хлебопашество: достаточно засухи — и весь ваш труд погиб, потому что от урожая ничего не останется; достаточно града — и все погибло. И вы, имея это все в виду, должны принять все меры для того, чтобы уменьшить этот риск. Если вы рискуете только вашим трудом,

если только ваш труд может погибнуть от всякой случайности — града, засухи, это — полгоря, но если вы работаете только для того, чтобы заплатить аренду тому, кому земля досталась даром, кто на ней не работал, кто ничем не рискует, кто на ней даже не живет, а живет где-то за границей, — то я должен сказать, что это — ненормально. Ведь у нас были владения, как у князя Голицына, до миллиона десятин, и это в одних руках. А исполнил ли он долг перед государством за тот миллион, который он имел? *(Аплодисменты.)* А сколько было у царя? До сорока миллионов десятин — это был крупнейший хлебороб в России. *(Смех.)* Он получал только в Сибири и на Урале за свои земли до 12 миллионов аренды с крестьян. Вот видите, к чему приводит частная собственность на землю.

Здесь некоторые говорят, что нужно отменить только крупную частную собственность, но оставить мелкую частную собственность — пусть будет 25—50 десятин, а я скажу: «Коготок увяз, всей птичке пропасть», так и в частной собственности. Мы должны считаться с примерами прошлого; мы должны помнить везде и всюду, что, как бы хорошо законы ни были написаны, всегда возможны обходы законов, да еще при таком культурном уровне, который мы имеем. Если вы скажете, что 25 десятин на одного человека не много, что это не настоящая крупная частная собственность, то я скажу: путем фиктивных сделок эти 25 десятин могут превратиться в 125, а потом и 525 десятин. Примером может служить Америка, где земля отдавалась в собственность всем приезжавшим в Соединенные Штаты — до 60 акров на душу, с единственным условием построить там хибарку и хоть раз в месяц ночевать в ней. И, в конечном счете, не прошло и 20 лет, как все участки были скуплены и попали в собственность банков. Сделки совершались таким путем. Тот, кто продавал землю, по условию, за известное вознаграждение, должен был приезжать каждый месяц на этот участок и ночевать на нем, в то время как фактически участок давно уже был в руках банка. Таким образом, не отменять мелкой частной собственности нельзя: она обязательно будет расти — это естественный закон, это сущность землевладения, основанного на принципе частной собственности.

Вы убедились на опыте России, к каким ужасным результатам привела частная собственность на землю. У нас из ста человек — 86 хлебопашцев, и эти люди за триста лет не пошли вперед ни на шаг. Многие готовы по всякому поводу кричать об ужасах революции, все уверяют, что наш народ дик и некультурен. Да как же он может быть культурным, когда он не имеет возможности удовлетворять самых насущных потребностей, когда он живет в такой избе, где люди и спят, и дышат вместе со скотом? На Западе в культурных странах я не видел хлева, который был бы похож на наши крестьянские избы. И все это только потому, что крестьяне были прикованы к земле, как рабочий скот, а потом были освобождены без земли. Поэтому теперь вы, из коих большинство представители этих крестьян и казаков, должны принять меры, чтобы в дальнейшем в истории государства Российского этого не повторилось. Само казачество как образовалось? Пришли люди с вольным духом на вольные земли. И кем же, как не донскими казаками, были Пугачев и Стенька Разин. Оттуда выходили те люди, которые на себе испытали, что значит вольная земля и как за эту землю должно бороться народу. Ведь вся наша экономическая жизнь, в сущности, сводится к земле;

нет ничего, что бы не из земли вышло, нет ни одного продукта, который не исходил бы из земли. Единственный продукт, который вышел не из земли, — азот, который добывается химическим путем из воздуха. И вы как представители хлеборобов, выросшие на земле, вы должны сказать: раз в государстве главную массу населения составляют землеробы, земля должна принадлежать им и больше никому. Это должно быть раз и навсегда установлено.

Исходя из того принципа, что частная собственность на землю должна быть уничтожена, я перехожу к тому проекту, который был предложен вашему вниманию. Я с особым вниманием отношусь к положениям той конституции, которую вы только что приняли, и я, между прочим, скажу: если к этой конституции, которая охраняет ваши политические права, если к этой конституции вы прочно не приложите земельного раскрепощения, то этой конституции цены будет мало. Ибо существуют страны, где политическая свобода кажется бесконечной, но из-за экономического рабства никто пользоваться политической свободой не может. Я сам был в Америке, где политическая свобода очень широка и как будто бы хорошо гарантирована, но я сам там так работал на фабриках и на фермах, что за все время, хотя и прожил там достаточно долго, ни разу не мог воспользоваться политической свободой — я должен был, чтобы не умереть с голоду, работать, есть и спать. И только те, кто живет на чужой счет и чужим трудом, только те и могут пользоваться всеми прелестями политической свободы. Потому-то сейчас и в свободной Франции, и в Англии идет определенная непримиримая, жестокая война за свободу экономическую. И здесь вы, так или иначе гарантируя свободу политическую — с этим, может быть, многие и не согласны, — должны заложить фундамент экономической свободы, иначе все повиснет в воздухе.

Когда я читаю в одном месте земельного проекта, что право частной собственности на все земли с их водами, лесами, недрами и надземными богатствами в Кубанском крае уничтожается, а дальше читаю, что за Кубанским казачьим войском сохраняются права по владению, распоряжению и пользованию всеми землями, находящимися на территории Кубанского края, то я должен сказать, что здесь чистый принцип уже нарушен. С одной стороны, вы говорите об упразднении частной собственности, а с другой — вы вводите целый ряд почти собственников. И я боюсь, что из этого получится только чересполосица. Здесь говорят о землях карачаевского народа. Я сам раньше жил в Баталпашинском отделе и знаю, что сорокатысячный карачаевский народ едва ли имеет пять тысяч десятин земли, которую он может пахать. Здесь оговорено, что карачаевскому народу отводится прежняя земля, но я должен сказать, что эта оговорка не разрешит голода земельного у карачаевского народа. Затем, когда создается земельный краевой фонд и одновременно вводится существенная оговорка, что земля, бывшая раньше у войска, остается в его владении, распоряжении и пользовании, то я думаю, что из всего этого вы в ближайшем будущем никак не выпутаетесь и у вас получится не только чересполосица, но и кровавый спор. Мы должны подумать, чтобы в конечном результате земли поделить поровну, так, чтобы никто не был обижен; мы должны подумать о том, что одним параграфом мы отменяем право частной собственности, а с другой стороны, вводим целый ряд пунктов, предусматривающих почти что собственников. Употребление в проекте слов: «в полном владении и рас-

поряжении карачаевского народа»; «в полном владении и распоряжении войска»; «в полном владении и распоряжении краевого фонда» — я думаю, может породить чрезвычайные результаты. Нельзя говорить: край и войско — и противопоставлять: вот это войско, а вот это край. По-моему, существует край, а у края есть свое войско. Нельзя иметь два государства в одном государстве; войско или край — что-нибудь одно. В конституции вы сказали: «Источником высшей власти в крае является воля его граждан», и дальше: войсковой атаман является главою края: ему как главе края подчинены все краевые военные силы. Значит, вы Кубанский край себе представляете как нечто целое, неразрывное, в котором не может быть двух элементов, друг другу противопоставляемых. И вдруг, когда вы переходите к земельному вопросу, вы уже вводите четыре величины: край, войско, карачаевский народ и отдельные станицы. И этим чистота мысли, чистота принципа, требование трудового народа, чтобы частная собственность на землю была упразднена, а землею распоряжались только те, кто на ней работает, — этим чистота принципа нарушена. Вы знаете, что войску и раньше, как и теперь, принадлежали, как отдельному собственнику, чрезвычайно крупные единицы земли, и вы должны сказать, что помимо юртовых, станичных и сельских земель вы войсковыми землями пользовались очень мало; пользы от войсковой земли получалось не очень много. Главную пользу казаки извлекали из юртовых, а не войсковых земель, и не из тех недр, которые принадлежали войску, а из тех, которые принадлежали станицам. Возле моей станицы Баталпашинской есть чудные озера, которые могли бы обогатить всю станицу, но они принадлежали войску, и их эксплуатировал один купец, да и то плохо, так как мало получал доходов. А станице, которая была в десяти верстах, пользы не было. Поэтому я настаиваю на том, чтобы был единый край с единым населением. Член Рады Макаренко находит, что получится ужасная вещь, когда среди казачьего населения, основного населения, будут вкраплены чуждые элементы. Я думаю, что конституция выражает волю граждан, и вы в конституции вопрос о взаимоотношениях казачьего и коренного иногороднего населения должны разрешить, иначе будет бесконечная борьба и бесконечное кровопролитие. И, разрешая этот вопрос, вы должны разрешить и земельный вопрос в Кубанской области. Если вы не успеете разрешить земельный вопрос во всероссийском масштабе, вы так или иначе должны разрешить в законопроекте Кубанского края, что земля должна принадлежать всем трудящимся на территории Кубанского края. Фонд нечего делить, потому что из этого дележа ничего не получится. Говорят, краевой фонд будет в распоряжении краевой власти, а войсковой фонд — в распоряжении войска. А войско что же такое? Войско разве не ваше, станицы разве не ваши, разве все это не ваше? Разве это не значит — единый край с единой территорией? Или вы уже разделяете территорию? Это — глубочайшая ошибка, и это не простая неясность, а это уже неясность принципа, нарушение чистоты принципа, что частная собственность в Кубанской области отменяется. Я лично глубоко убежден, что если вы нарушите этот принцип, вам придется в ближайшее время этот вопрос перерешать, ибо вы на опыте сами знаете, насколько остро этот вопрос стоит в станицах, как там спорят из-за земли. Как вы разделите земли, раз нет единого органа, который может распределять их? Краевого фонда не хватит — тогда откуда же брать? Из войскового фонда? А войско заявляет:

«Нет, я на это не согласно» — вот и конфликт. И выйдет опять, что у одной станицы будет пай 20 десятин, у другой — 10, у третьей — полторы, а может быть, и одна десятина, а нагорные станицы живут сплошь и рядом тем, что продают груши. Я знаю, чем живут казаки закубанских станиц: они рубят лес и продают дрова. Если вы встретите казака, который носит бандаж, значит, он из станицы закубанской и надорвался еще шестнадцати лет. У нас есть станица Воровсколесская, которая недаром носит это название. «Иначе жить нельзя, как леса не украдешь». Если вы думаете о единой власти, о едином государстве, о едином управлении — вы должны сказать и решить, что должен быть единый земельный фонд. Как вы его назовете, не важно, не в названии дело, но в первой же статье этот вопрос нужно поставить. Член Рады И. Макаренко сказал, что при проектируемом распределении земли будет чересполосица, а я скажу: он своим проектом только урезал краевой фонд и увеличил войсковой, иными словами, взял из краевого фонда и перенес в войсковой фонд. Но, господа, не в этом сила, ибо здесь речь идет о едином земельном фонде и единой народной власти, которая бы им распоряжалась. Только тогда и будет мир и спокойствие. В противном случае ваша земельная реформа не будет земельной реформой.

Я ставлю основным пунктом создание одного краевого фонда вне зависимости от того, как вы его назовете. Что у вас будет единое гражданство — это несомненно, какое оно будет — это вопрос другой, но единое гражданство должно быть, и единый земельный фонд должен быть образован.

Далее, здесь сказано, что участки культурные должны сохраниться и оставаться в ведении их владельцев, но нужно оговорить — в каком размере. Нельзя все свалить в один мешок — в Законодательную Раду. Опыт декабрьской сессии показал, что значит сваливать все на Законодательную Раду, когда она начала рассматривать, разбирать вопросы, то вы знаете, к каким она пришла результатам. Одни говорили, что краевая Рада думала так, а другие — иначе. По основным вопросам вы должны сказать свое решающее слово. Если вы устанавливаете содержание войсковому атаману, если вы предусматриваете, что колодезь, выкопанный в земле, должен быть измерен и осмотрен комиссией, хотя я уверен, что посылка комиссии обойдется гораздо дороже, чем постройка самого колодца, то тем более вы не должны таких важных вопросов откладывать и отдавать на рассмотрение Законодательной Рады

Затем, у вас говорится: «Бывшим собственникам земли, заявившим желание обрабатывать ее, оставляется из принадлежащей им земли площадь в размере установленной законом нормы». Но кто же будет устанавливать эту норму? Вы как учредительное собрание должны были установить норму, вы должны были поставить это своей задачей. Вы говорите, что земли частновладельческие и офицерские отчуждаются в краевой земельный фовд без выкупа, но разве это справедливо, чтобы земли, пожалованные офицерам за службу, отчуждались без выкупа, в то время как, согласно ст. 10 законопроекта, земли, приобретенные покупкой, отчуждаются с возвратом их владельцу непокрытой покупной стоимости. Далее — у вас говорится о том, чтобы земли выкупать. Я лично думаю и Екатеринодарский отдел слышал наказы о том, что надежды хлебопашцев насчет выкупа земли определены: земля должна отойти без всякого выкупа. Точно так же стоит и вопрос о том, как оплачивать стоимость

заложенной земли. Здесь сказано: раз земля заложена, нужно оплатить этот залог. В другом пункте сказано: «Если земля не заложена, она отчуждается бесплатно, а если заложена, то нужно ее выкупить», и получится, что вы крупным землевладельцам заплатите, так как их владения по большей части заложены, а мелкие останутся ни при чем. Этот вопрос нужно разобрать. Если вы говорите об оплате заложенных земель, то вы должны сказать, каким образом они должны оплатиться — краевыми ли средствами, путем ли обложения земли, которую вы хотите отобрать бесплатно, или какими-нибудь другими способами. Может быть, вы постановите, что эта земля должна быть оплачена прогрессивными налогами — во всяком случае, пока все эти вопросы комиссией не разработаны. Еще одна несправедливость: здесь сказано, что все земли, выделенные из юртов и не пополненные наделами, возвращаются обратно. Как же мы не рассмотрели вопроса о том, как быть с иногородними? Вам известно, что на многих участках офицерских жили иногородние по 40—60 лет и отстроились на них. Теперь представьте их положение, когда их участки не входят в юрты. Вы здесь не предусматриваете, куда их девать, по крайней мере, тех иногородних, которые не участвовали в большевизме. Ведь нужно их обеспечить, иначе из-за этого получатся недоразумения, тем более что вы подчеркиваете, что Кубань — родная сестра Украины, а большинство этих иногородних — крестьяне, сидящие на Кубани по 40—50 лет, приехали сюда из Украины. Это — хохлы, ваши «рідни брати». И вот теперь нужно подумать, выкинуть ли их или оговорить, что если на возвращаемых юртам участках жили люди долго и работали, то их нужно выделить.

Вот по всем этим соображениям я и утверждаю, что проект комиссии отличается отсутствием чистоты принципа.

Здесь все смешано: упразднение частной собственности — и вместе с тем как будто сохранение частной собственности, как например, за карачаевским народом и войском. Если вы не освободите проект от этих наслоений, вы натолкнете на мысль, что вы сами не прочь отстаивать право частной собственности. Слишком долго за вас решали, вас опекали. Ныне же сам народ пришел сюда и хочет сам решать эти больные вопросы. И теперь, когда вы будете разрешать их, позаботьтесь, чтобы не было обиженных. Конечно, в результате сотен лет у вас накопились местные интересы и вопросы, за которые теперь льется кровь. Прежде было простительно, что бедные подбирали крохи и уходили с богатого пиршества голодными, но если вы теперь будете пировать, а сотни, тысячи голодных будут смотреть вам в глаза, то это к добру не приведет. Все должны уйти отсюда удовлетворенными — все, кто живет на этой земле.

В заключение я предлагаю возвратить этот проект, в корне несовершенный, в комиссию с теми замечаниями, которые будут делаться членами краевой Рады, ибо мы не можем разрешить их так легко, как здесь некоторые полагают. Права политические можно истолковать всячески, можно растянуть их, как резину; но земля не резина, она не увеличивается, не уменьшается, и земля не фабрика, которую можно и разрушить, и создать, земля — Божья, и нужно поставить этот вопрос так, чтобы обиженных не было. Не смущайтесь тем, что здесь говорили: «Вы собираетесь делить землю, и большевики ее делили», — не бойтесь громких фраз: что делали большевики — и

плохо, вы делайте лучше; вы для того и призваны сюда, чтобы улучшить строй жизни и исправить. Вы должны сказать: «Земля — трудовому народу», не боясь, что это же говорили и большевики. Вы должны сказать: «Мы отдадим ее по закону, который удовлетворит всех». Я повторяю, что это не так страшно, как кажется: «отмена частной собственности». Я глубоко убежден, как убеждена вся партия социалистов-революционеров, к которой я принадлежу, что земельный вопрос уже решен, что трудовой народ никогда земли не отдаст — умрет, но не отдаст. Этим будет заложен первый камень того здания свободы, где, наконец, будут жить трудящиеся, пользуясь своими трудами, не давая никому плодов своих трудов. Я горжусь, что я русский и что Россия первая это сказала.

Председательствующий. — Я обращаю внимание ораторов, чтобы они свои предложения давали в письменном виде. Слово принадлежат члену Рады Салову.

Член Рады Салов. — Господа члены Рады! Я в начале своей речи хочу сказать вам следующее: я человек, хотя немного и грамотный, но учился еще у полкового священника, потому что в наших горных станицах в мой школьный возраст школ не было. И вот учивший меня священник часто говорил мне: «Смотри, детка, будешь жить, то всегда делай по правде и говори только правду». Вот эту-то правду я и хочу сказать вам, господа члены Рады, по земельному вопросу. Перед нами стал самый важный вопрос, вопрос земельный, который требует от нас самого справедливого разрешения. И вот я, избранный от одной из тех малоземельных станиц нагорной полосы Майкопского отдела, ст. Нефтяной, взял слово, чтобы доложить вам и осветить жизнь казаков горных станиц по случаю малоземелья. Я не буду утруждать вашего внимания малейшими подробностями, потому что вы сами хорошо знаете, что казаки горных станиц добывают больше всего хлеб в степных станицах, обменивая леса и лесные фрукты на хлеб. Но как достается им добытый таким образом кусок хлеба, я вам скажу: очень и очень тяжелым и непосильным трудом. Кто побывал в наших горных станицах, тот представляет себе этот труд. Тот лес, который мы вывозим, добывается не так-то легко: его нужно нарубить, да нарубить в трущобах и оврагах, потому что тех лесов, какие были 16—20 лет тому назад близ станиц и на равнинных сравнительно местах, их уже давно нет, их вырубили, и теперь там одни пеньки, обросшие молодняком. И вот, нарубивши такого леса, его нужно умело отесать, дать ему просохнуть, чтобы больше положить на воз, да проездить с ним, как мы называем, на «линию» по меньшей мере 4—5 недель, а то и больше, смотря по времени года, — а это делается главным образом осенью, после уборки хлебов. В поездках приходится проводить бессонные ночи, под колесом повозки, без сна, для того чтобы не украли быков или лошадей, а случаев кражи очень много. Вы, наверное, в ваших станицах видели этих путешественников, измученных, изнуренных, грязных и голодных. Почему все это? Да потому что им, обездоленным, негде посеять хлеба; земли много, а пахать нечего, она вся под лесом.

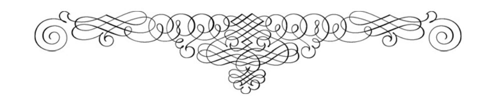
Хочу к этому добавить: вы думаете, что вывозимый лес нам доставался даром, я вам скажу — нет. Мы, казаки горных станиц, в течение десятков лет платили так называемые попенные деньги в доход войска по выработанным областным правлением таксам. Таких попенных денег нами уплачено, по добытым мною сведениям, более

двух миллионов рублей. Видите ли, мы платили войску за срубленный лес в своих юртах и на своих юртовых наделах, а это я считаю равносильным поземельному налогу, и я бы спросил: платили ли линейцы и черноморцы за проданный ими хлеб, полученный на своих наделах? Конечно, нет. Итак, уплаченные горными станицами деньги и поныне находятся в общем войсковом капитале и хотя, по ходатайствам станиц, распоряжением бывшего Военного совета в Петрограде взысканные деньги признаны принадлежащими тем станицам, с которых они взысканы, и на них было приказано из того же Петрограда нашим бывшим областным начальникам построить у нас на реках мосты, переправы и вообще улучшить пути сообщения, но бывшим правительством сделано очень мало. Попенные деньги за лес мы перестали платить, как я припоминаю, с 1895 г., после целого ряда побоищ с лесниками на мосту реки Белой под городом Майкопом и после самоубийства майкопского лесничего Пальчинского, унесшего с собой в могилу все грехи взыскания этих попенных денег. Но мы считаем, что деньги, уплаченные горными станицами войску, принадлежат им, и на них для горных станиц что-то нужно сделать, и я бы сказал, что можно выкорчевать в горах удобные земли для хлебопашества, и думаю, что таких земель много, но они под лесом и требуют разработки. Последнее указание мое говорит о том, чтобы вы не подумали, что «вот мы земли отберем, да и придется отдать их целиком горным станицам, а нам, линейцам и черноморцам, ничего не останется». Господа, этого пугаться не следует, если вы изыщете краевые средства для раскорчевки земель в горных станицах; сами же станицы этого не сделают — им это не по силам. Правда, есть станицы, которым теперь же нужно прийти на помощь, я укажу хотя бы на свою станицу: по последнему переделу у нас пахотной по полдесятины и сенокосной — по полторы десятины, а таких станиц в Майкопском отделе порядочно, и их необходимо удовлетворить. Это вопрос, конечно, очень важный и сложный. Мне кажется, нужно бы обследовать станицы, более нуждающиеся в земле, и из освободившихся земель их наделить в первую очередь. Господа, мы сюда съехались строить нашу новую жизнь и раскрыть все карты несправедливости, оставленные нам в наследство от произвола царизма. Ведь закрывать глаза нечего; нужно откровенно сказать, как размежевывались господами землемерами наши юртовые земли и производилась их таксировка: кто больше дал да лучше угостил, тот больше и получил. Многие из вас знают этих благодетелей, я их перечислять не буду. Я не знаю, куда девались те мешочки с землей, которые были навалены в здании областной чертежной, — наверно, они лежат там и до сих пор и ждут исследования пригодности земли. И вот, я думаю, что все межи и таксировку земель придется проверить. Я убежден, что при этом найдутся лишние земли. Господа, да неужели же мы, казаки горных станиц, ваши братья, другие люди от черноморцев и линейцев казаков? Хотя, пожалуй, я соглашусь с тем, что мы не такие, а совсем отменные. Отменные, потому что посмотришь на черноморца и линейца — вы меня простите за справедливость — у него и краска в лице, да и сам он по себе стройненький, объемистый, а посмотришь на нас, горных казаков, — разве мы такие? А это почему? От недоедания, непосильного труда над тем лесом, который приходится возить за сотни верст и менять на хлеб, потому что посеять его не на чем. И вот я, переживший с малолетства с моими братьями — гор-

скими казаками — все те тяготы жизни, обращаюсь к вам, представителям родной Кубани, с открытой душой: будьте же справедливы в решении земельного вопроса, наделите в первую очередь малоземельные горские станицы, дайте же и им возможность жить, а не страдать. Этим вы исполните ваш священный долг и слова Спасителя: «Голодного накормите, нагого оденьте». Вот все то, что я мог сказать вам, господа члены Рады, и что за долгие годы наболело в моей казачьей душе, с моими братьями-казаками. Хочу только прибавить, что если вы и теперь оставите горные малоземельные станицы без надела землей, то на вашей совести останется великий грех. Избавьте же этих обездоленных казаков, несущих службу наравне со всеми, ибо по справедливости русской пословицы — вы простите за нескромность меня, старого человека, — «Горским казакам слава-то казачья, а жизнь...» — я скажу: самая и самая горькая.

Председательствующий. — Следующее заседание состоится завтра в 10 часов утра. Объявляю заседание закрытым.

Заседание закрыто в 2 час. 45 мин. дня.

Стенографический отчет 21-го заседания Чрезвычайной Рады Кубанского края 22 ноября 1918 года.

Заседание открывается в 10 и. 35 м. утра председателем Н. С. Рябоволом.

Председатель. — Оглашаю приговор общества сел. Кубайского, Лабинского отдела, о пожертвовании 80 175 руб. продуктами и фуражом для Добровольческой армии. *(Читает.)* Разрешите президиуму выразить благодарность. *(«Просим».)* Продолжается обсуждение земельного вопроса. Слово предоставляется члену Рады Перегородиеву. *(Председательское место занимает товарищ председателя Султан Шахим-Гирей.)*

Член Рады Перегородиев. — Господа члены Рады! Я прошу дать возможность мне высказаться; я предупреждаю, что буду говорить об отчуждении земли, о том, как она будет отчуждена. Здесь предыдущие ораторы, депутат Белоусов и депутат от нагорных станиц, заявили о своем образовательном цензе. Депутат Белоусов говорил, что бывал за границей, а второй депутат говорил, что у дьячка учился. Я также учился, но не у дьячка, а в станичной школе. Далее я до 21 года был при земле, и остальное мое образование было такое же, как у многих из вас — при земле, у отца. И если я не буду говорить так же красиво, как говорят некоторые, то прошу меня извинить.

Вчера многие говорили о земле, особенно запечатлелась речь члена Рады И. Л. Макаренко. Меня удивляет, что он, хотя человек и умный, но не совсем понял обязанности члена Рады. Он всячески проводил мысль о том, что ему нужно что-то такое взять для своих избирателей; все его домогательства ничем иным нельзя объяснить, как желанием увеличить в своем отделе земельную норму за счет малоземельных отделов. Нам известно из доклада члена правительства по земельным делам, что земельная норма в Ейском отделе не так мала: в то время как в некоторых отделах она не выше одной-двух десятин, в этом отделе земли в пять раз больше. Здесь речь идет о том, кто урвет лишний кусок.

Председательствующий. — Я покорнейше прошу таких слов не произносить.

Член Рады Перегородиев. — Я только говорю, какое впечатление произвела на меня речь Макаренко. Несомненно, частновладельческой земли они не получат, а они ее добивались. Приведу пример. В станице Гиагинской 15 тысяч земли собственников и 15 тысяч юртовой; что же получится, если мы пойдем по шагам Макаренко и отчислим эти земли в юрт? Станица Гиагинская получит, а Даховская не получит. Я лично смотрю несколько иначе на звание депутата. Меня послала станица и сказала, что мы должны защищать интересы всего края, говорить и поступать так, чтобы жилось в крае всем хорошо. Это они мне сказали, потому что они знают, что когда будет житься всем хорошо, тогда и им будет хорошо. Я думаю, что этого и не нужно доказывать. Наказа мне никакого не давали, да я и не брался выполнить то, что противно моим убеждениям. При этом заявил я, что все мои убеждения могут в Раде измениться, потому что мы едем сюда, чтобы обменяться мнениями и тогда уже решать вопросы, причем возможны будут отступления против наказов.

Я лично смотрю так на дело. Земля — не Божья, Богу она не нужна, земля наша, людская, иначе скажу: земля — фабрика сырья, и вот мы — Кубанский край, как называем мы себя по конституции, — имеем право распоряжаться той фабрикой, которая охватывает наши границы. Как же мы должны ею распоряжаться? Ясно, что она должна нас всех накормить, напоить, одеть, обуть; она должна дать нам все блага. Выходит, что она — для всех, все мы должны ею распоряжаться. Я не говорю об исторической ошибке, о которой говорил Макаренко, и подхожу к этому вопросу с другой точкой зрения. Я думаю, мы одинаково заинтересованы все, и краевая Рада, представляющая здесь в миниатюре всю область, стремится сделать так, чтобы не было голодных и разутых. Можем ли мы это сделать при тех условиях, если будут собственники, которые будут распоряжаться землей помимо нашего желания? Нет, этого мы не сможем сделать, потому что собственники, имеющие 14 тысяч десятин, могут довольствоваться 20-ю тысячами дохода с части земли и будет жить великолепно, а на остальной земле они будут разводить зайцев, мы же будем голодать. Итак, единственным выходом является — землю эту отчудить, прямо сказать, что эта собственность находится в полном нашем распоряжении, тогда она будет вся обработана, так как это в интересах всего края.

Я повторяю, что земля должна принадлежать только краю, при условии, если мы на отобрание этой земли будем смотреть так, как я смотрю, — чтобы земля отобрана была с тем, чтобы улучшить ее обработку. Нужно улучшить землю на будущее, мы должны заботиться не только о себе, но и о будущем поколении. Что нам скажет наше потомство, когда оно получит не землю, а золу? Ведь оно может нас проклясть. В будущем население увеличится, и следует подготовлять землю так, чтобы и она доходность свою увеличила. Вот тут я подойду к тому, о чем так великолепно рассказывал вчера Белоусов: за границей хорошо живут, там сараи для скота лучше, чем у нас хаты для людей; но он не сказал, как же нам пользоваться землей? Свалить ли все в кучу или нет? Я за границей не был, потому что у меня таких средств не было, как у Белоусова, но, однако, я знаю по книгам, что там ею пользуются так, что она не скоро истощается. Тут скажут: «Это приближение к столыпинской реформе, к отрубному хозяйству» — но я должен заявить, что мы от столыпинской реформы не можем отказаться; если хотите пользоваться землей так, чтобы она давала доход и при этом улучшалось ее качество, то это возможно только при условии, когда земля будет принадлежать и мне, и моему сыну, и внуку. Я отступаю от столыпинской реформы в том, что он давал землю в собственность, я же думаю иначе: дать землю в постоянное пользование, но не в аренду. Я слова «владение» всячески избегаю, я говорю только — «пользование», именно чтобы сами, своими средствами работали на этой земле, но не так, как можно понимать это по-казачьему: «распоряжаться и владеть этой землей». В конце концов, это постоянное владение... *(Сильный шум заглушает оратора.)*

Председательствующий. — Я прошу соблюдать тишину.

Член Рады Перегородиев. — Я должен сказать, что говорю громко, а выкрики были такие же и в прошлом году, когда я коснулся этого вопроса.

Председательствующий. — Прошу вас не делать замечаний и не уклоняться в сторону.

Член Рады Перегородиев. — Вот я и докладываю собранию — для того чтобы всем было хорошо, нужно установить такие условия, чтобы земля дала максимум дохода и чтобы постепенно улучшалось ее качество. Это даст нам возможность жить так, как вчера расписывал Белоусов. Но он хотел, очевидно, склонить нас в другую сторону — к общинному пользованию, которое у нас начало проводиться. Опять повторяю: только при указанном мною способе пользования землею мы можем громко сказать тем владельцам, у которых отняли землю, что мы сделали это, потому что вы, получивши землю в великолепном виде, не улучшили ее качеств. Я думаю, что никто не будет спорить, что землевладельцы получили землю очень хорошего качества, но давали ее в пользование проходимцам, и те превратили ее в золу. Вот те мотивы, по которым, я говорю, можно отобрать землю у помещиков.

Теперь могут сказать: «А как можно осуществить хуторское хозяйство на той земле, которая подлежит отчуждению от собственников?» — Ее взять с будущей весны и объявить: кто желает получить землю для пользования, а не для аренды? И когда явятся таковые, дать им примерную трудовую норму, о которой здесь говорится в проекте. Спросят: «Что же получится, если дать в постоянное пользование? Ведь, в конце концов, казаки окажутся безземельными?» Я не спорю. Ну, а если мы примем ту программу, которую нам предлагают, если мы все будем делить помаленьку, то разве мы избежим этого, скажем, через 20 лет? Что будет тогда — всякий знает. Придется кое-кому куда-то уходить с земли. Земля — фабрика, а если на фабрику послать лишних людей, то они друг другу будут мешать; если мы начали делить землю и если будут лишние работники впоследствии, то они будут мешать. Поэтому я говорю, что мы должны частновладельческую землю отчудить не потому, что это будет исправлением исторической несправедливости — если мы пойдем на исправление исторических несправедливостей, то, исправив несправедливость в отношении земли, дойдем до исправления исторической несправедливости в отношении домов, сараев и амбаров, до чего хотим дойдем — а потому что это необходимо в интересах всего края. Таким образом, сейчас самый подходящий момент перейти на правильный путь землепользования; сейчас все желающие обрабатывать землю получат ее в достаточном количестве, а если сделать это через двадцать лет, тогда уже земли окажется недостаточно. Напр., если через 20 лет один из хозяев получит 30 десятин на семью, а у него пять сыновей, естественно, что между всеми сыновьями он не сможет разделить землю, он отдаст ее только двум, а троих должен выбросить, приспособить их к другой жизни. Не все счастье в земле. Каждый отец даст сыну известное направление в жизни. Если он не наделит сына землей, то он приучит его к какому-нибудь ремеслу. Я об этом говорил часто в станицах, но мне отвечали, что этого нельзя сделать, потому что нельзя сразу отвыкнуть от земли. Некоторые говорили, что этим будут нарушены казачьи традиции, нарушен быт. А я знаю, что 20 лет тому назад такое же было приблизительно пользование землей, т. е. тот, кто пахал, тот и пользовался ею, а тот, кто не обрабатывал, тот не пользовался. Вот каковы были традиции. Я сам до 17 лет жил на земле, которая не принадлежала мне как собственнику, но я пользовался ею. *(Шум, крики: «Довольно, ближе к делу».)*, и именно думаю, что говорю то, что следует. Так вот, когда мы перейдем к такому пользованию на землях, которые мы отберем у вла-

дельцев, то, естественно, явится желание у некоторых казаков перейти на пользование хуторское. Этим мы спасем на будущее время казачество, которое иначе должно остаться без куска хлеба. Таким образом, мы сейчас будем подготовлять казачество к жизни без земли. Иначе мы ошибемся. Нам нужно сейчас, постепенно приближаясь к этому моменту, занять определенное положение. Если же мы будем по кусочкам делить — в конце концов придем к тому, что, когда поднимем голову, то окажется, что все занято другими людьми, не казаками, а мы останемся на низу, и я на это обращаю особое ваше внимание. Тот способ пользования, который нам сейчас предлагают, проводился большевиками, но с какой целью? Руководители большевиков, когда я им указал, что это окончательно ведет к гибели, отвечали: «Мы это знаем, но знаем и то, что только голод заставит перейти нас к коммунистическому образу жизни». Правду говорили они, что дробление на мелкие участки приведет к голоду. *(Шум.)* Я думаю, что здесь коммунистов нет, а приближаться к этой гибели мы не будем, наоборот — будем искать выхода, удаляясь от такой постановки вопроса, какую предлагает член Рады Белоусов. *(Шум.)*

Председательствующий. — Покорнейше прошу соблюдать тишину, оратор говорит на тему.

Член Рады Перегородиев. — Что же мы видим здесь, на Кубани? Нам все время обещали, что напишут законы. У нас, по крайней мере в прошлом, много было написано законов, но, так как законы эти невозможно провести в жизнь, то они совершенно и не осуществлялись. Для чего же их тогда пишут?

Предлагаемый законопроект я также не рассматриваю иначе, как обещание, потому что он непрочно построен. Я человек малограмотный, и то удивляюсь тому, как он написан. Тут одна статья говорит, что собственность уничтожается, а дальше идут статьи 3 и 4, которые говорят, что собственность восстанавливается. Тут могут сказать — как кто-то и заявил: «Это не собственность: иметь собственность — значит не только пользоваться, но владеть, пользоваться и распоряжаться». Как же понимать: «владеть и пользоваться»? Пахал дома машинами — это есть пользование, а раз я имею право заарендовать — я уже владею. Припомним то, как было при старом режиме, который мы так ругаем, — и тогда «владеть» и «пользоваться» могли только поверхностью, а теперь — у карачаевского народа недра остаются, у войска недра тоже остаются. А что из себя представляет Кубанское войско? Рассматриваю конституцию и нахожу единственное выражение в таком духе: «Кубанский войсковой атаман почитается главою Кубанского края и Кубанского казачьего войска».

Председательствующий. — Я прошу говорить по вопросу, а не о конституции.

Член Рады Перегородиев. — Я привел для примера и говорю на тему. Кубанское казачье войско распоряжается недрами, карачаевский народ тоже, т. е. наблюдается то, чего не было раньше, а мы говорим, что собственность уничтожается.

Тут есть примечание к ст. 6, что юридическим моментом перехода отчуждаемой земли считается первое января 1918 года, днем же фактического перехода считать первое сентября 1919 года, а за это время арендная плата должна быть внесена в краевой фонд. Это пишется прямо для того, чтобы никогда не исполнить. *(Шум.)* Кто же внесет арендную плату, которая получена и израсходована? Спрашивается, для чего этот

закон? Дальше говорится: «в пределах установленной для края нормы». Но, сколько я ни справлялся, мне еще никто не сказал, что земельная норма установлена, а тут написано так, как будто она уже установлена. Может быть, я только не могу объяснить в достаточной мере этого законопроекта, но, по-моему, здесь есть все, кроме логического построения, есть чисто грамматические ошибки, которых даже я не мог не заметить. В этой комиссии были люди с университетскими значками, и я просто не понимаю, для чего это написано? Вероятно, для того, чтобы было не так понятно *(Шум.)*, иначе я не могу себе объяснить этого. Назвать их людьми малограмотными я не могу — они вполне грамотные.

Тут в ст. 12 сказано, что будут оплачены затраты на улучшения, постройки, пруды, мосты, если они не использованы, т. е. уже забрались в «исправление исторической ошибки» не только по отношению к землям, но и к домам и мостам. Лично я предполагаю, к чему приведет это «исправление». Этот проект я считаю какой-то сплошной загадкой — к чему она? Я думаю, что он приведет к тому, к чему привел прошлогодний проект реформы. У нас не было раньше собственности в юртовых землях, а здесь, как вы видите, есть собственность и на юртовые земли. *(Читает.)* «Земли бывших собственников под усадьбами, садами, виноградниками и торгово-промышленными предприятиями, имеющих землю в пределах установленной земельной нормы, остаются в распоряжении и пользовании их настоящих владельцев». Я уже объяснял, как тут понимают «распоряжение и пользование», т.е. может и арендовать, и продавать, и пользоваться. Те сады, которые я видел, подъезжая к станице Царской, остаются в полном распоряжении их владельцев, казаков. Этот закон не только не лишает собственности тех собственников, которых мы имели раньше, но утверждает новых собственников, новую формацию собственников. Тут только отбрасывается слово «владение», а под ним понимается «пользование». *(Шум.)* Я, господа члены Рады, здесь, когда в первый раз обсуждали вопрос земельной реформы, заявил, что, прежде чем поставить на обсуждение и баллотировку земельную реформу, нам необходимо окончательно разработать этот законопроект, так как он очень серьезен. А то, что нам сейчас предлагают, — только обещание отдельных лиц для уловления масс при выборах в Законодательную Раду и правительство.

Председательствующий. — Этот законопроект представлен комиссией, а не отдельными лицами, поэтому я прошу относиться с должным вниманием к тому, что говорилось.

Член Рады Перегородиев. — Россия оттого и погибла, что все чрезвычайно много обещали и ничего не дают. Не будем много говорить, ибо большинство этих обещаний мы не в состоянии будем выполнить. Обещаниями нас так долго кормили, что уже дальше мы позволим себе им и не верить. *(Частичные аплодисменты.)*

Председательствующий. — Господа члены Рады! Ко мне поступило предложение за подписью многих лиц об ограничении ораторов десятью минутами. Есть желающие высказаться по этому вопросу?

Член Рады Жук. — Господа члены Рады! Земельный вопрос — это самый серьезный вопрос, это главный нерв нашей жизни. И меня заставило выйти сюда, на трибуну, желание сказать: необходимо ограничить время ораторов десятью минутами,

дабы мы имели возможность выслушать большее количество ораторов. А тут, вы видите, теряется время: выходит оратор и рассказывает сказки.

Председательствующий. — Прошу быть осторожным в выборе выражений. Если бы оратор рассказывал сказки, то председатель его остановил бы.

Член Рады Жук. — Нам важно, чтобы каждый оратор вносил новые данные и давал ценные справки, но зачем же выходят ораторы и два часа говорят, когда члены Рады их совершенно не слушают? Поэтому необходимо высказаться за то, чтобы время ораторов было ограничено десятью минутами, дабы иметь возможность выслушать других ораторов.

Председательствующий. — Кто желает высказаться против сокращения прений?

Член Рады М. Гатагогу. — Господа члены Рады! Я буду высказываться против ограничения времени ораторов десятью минутами. Конечно, возможны злоупотребления ораторами в отношении времени; возможно, что они утомляют вас своими речами, но, лишая их возможности полностью выразить то настроение, те нужды, которые они явились защищать, вы лишаете и нас возможности детально разобраться в таком серьезном и важном законопроекте. Мы должны точно и определенно высказаться по этому вопросу. До сих пор мы слышали здесь, что говорили представители казаков, теперь должны говорить и представители горцев. Если ограничить время десятью минутами, то я как представитель горцев всего того, что хотел бы сказать, в десять минут не смогу. Поэтому я предлагал бы не ограничивать времени, а просить докладчиков, насколько можно, сократить свои речи и не утомлять нашего внимания излишними подробностями. *(Аплодисменты.)*

Председательствующий. — Кто за ограничение времени ораторов, прошу поднять руки. Кто против? Очевидное меньшинство. Постановлено времени не ограничивать. Поступило еще предложение о прекращении записи ораторов. Из записавшихся 20 ораторов высказалось только 5. Кто будет говорить за прекращение записи ораторов? Есть ли желающие говорить? Я ставлю на баллотировку. Кто за прекращение записи ораторов, тех прошу поднять руки. Кто против? Предложение отклонено,

Член Рады Гатагогу. — Господа члены Рады! Вопрос, который сейчас поставлен на наше разрешение, — вопрос, безусловно, больной, и не только для нас, кубанцев, но, пожалуй, для всего мира. От правильного и основательного разрешения этого вопроса зависит очень многое в нашей жизни: наше спокойствие и наше культурное преуспеяние. Многие ораторы здесь говорили, что земельный вопрос для их избирателей — вопрос жизни и смерти. Это совершенно правильно. Так же остро стоит этот вопрос и у нас — горцев. После покорения Кавказа кубанцами, в частности после покорения нас, горцев, земли наши были заселены победителями-казаками и частью иногородними, бывшими николаевскими солдатами. Потом, в дальнейшем, земли опять отбирали у нас под различными предлогами то в казну, то как подарок, то как пенсия за службу — словом, предлогов для отобрания у нас земли было бесконечно много, и мы дошли до такой жизни, что в дальнейшем должны были переселяться и искать на стороне счастья и возможности жить, или же, как это наблюдалось в некоторых местах, — наши горцы должны были чуть ли не с голоду умирать. Я вам должен сказать, что из всех населяющих край групп горцы являются наиболее не обеспеченными зем-

лей. В то время когда казачьи наделы колебались между двадцатью, пятью и шестью десятинами, наши наделы в некоторых местах колебались от 8 до 1 десятины и даже до полдесятины; а есть такие аулы, как Карт-Джюртский, Баталпашинского отдела, которые совсем не имеют земли. Такое положение горцев на Кубани, конечно, ненормально, но уходить нам отсюда, где мы родились, выросли, искать где-то земли и счастья — не к лицу и невозможно.

Вы видите, что вопрос о земле для нас, горцев, поставлен очень и очень остро. Что же сделать, чтобы как-нибудь этот земельный голод горцев утолить, удовлетворить его хотя бы отчасти? Конечно, для этого нельзя — и ни один горец никогда не думал об этом — большинство или часть населения выселить из Кубанского края и землю эту возвратить горцам. Такого желания, повторяю, у горца не может быть. Горцы могут быть удовлетворены не путем насилия одной части населения над другой, не путем выселения пришельцев из края, а путем удовлетворения их из тех земель, которые могут быть отобраны у частных владельцев, получивших эти горские земли путем всевозможных наград — или за службу, или за особые старания перед царской властью. Как же это сделать, каким образом удовлетворить горцев? Может получиться, что земли будут отобраны и отданы горцам. Но как? Ведь по проекту, который предлагает Ейский отдел, отобранные участки нужно отвести обратно в те юрты станиц, аулов и сел, из которых они были вырезаны. Может получиться, что одному аулу, как Тохтомокаю, будет прирезано 2000 десятин, а карачаевскому народу, менее обеспеченным горцам, может быть, ничего не достанется. Возьмем два аула — Ульский и Темиргоевский. Последний находится сбоку частновладельческих земель, вырезанных из этих юртов, и он может получить достаточно много земли, а рядом лежащий Ульский аул ничего не получит. Такое разрешение вопроса, конечно, не удовлетворит и не может удовлетворить горцев — этим аграрный вопрос не разрешится. Мы, горцы, хотели бы, чтобы вопрос о земле, разрешение этого сложного вопроса в отношении горцев, был передан самим горцам. Мы хотели бы получить обратно все те земли, которые у нас были отняты и отданы другим — путем пожертвований, путем наград за службу и т. д. Из всех этих земель, отобранных у горцев и пожертвованных частным лицам, должен быть образован особый фонд для распределения земли между горцами. Этого требует жизнь, этого требует справедливость. У нас было все отнято, но мы требуем вернуть только хоть часть.

У горцев масса земель была отнята даже за последнее время. Так, приведу пример, в Майкопском отделе была отдана земля казакам только потому, что некому было защищать. Мы дошли до такого состояния, что жить так дальше не можем. Но наши потребности, наши нужды в данном проекте не выражены, не отражены, так как наши голоса, к сожалению, в комиссии не были услышаны. В том виде, как проект представлен комиссией, он неприемлем для горцев. Наше желание, чтобы этот проект снова был передан в комиссию и то, что я высказал сейчас, было бы внесено, точно указано в проекте, т. е. что все земли, принадлежавшие горцам и потом перешедшие к частным лицам путем перепродажи, пожертвований, дарений, наград за службу и проч., были бы соединены в особый горский фонд, которым распоряжаются самостоятельно и независимо горцы Кубанского края.

Председательствующий. — Объявляю перерыв на 10 минут.

После перерыва.

Председательствующий. — Призываю к порядку. Прошу занять места. Завтра к двум часам прошу членов Рады собраться здесь по весьма важному вопросу. Я покорнейше прошу дальнейших ораторов вопроса о том, кто нуждается в земле, а кто нет, не касаться, так как по этому вопросу много было высказано, и это только отрывает время. Наша задача не в том, чтобы вносить жалобы, что нет земли, а как лучше и целесообразнее провести вопрос о земле на территории Кубанского края. Слово предоставляется члену Рады Манжула.

Член Рады Манжула. — Господа члены Рады! Неоднократно всякий оратор, начиная свою речь, заявлял, что земельный вопрос — вопрос очень серьезный. С этого начну и я. Хотя земля есть все-таки Божий дар, но, тем не менее, она всегда в жизни народа играла громадную роль и была предметом всяких вожделений. Для того чтобы подойти к разрешению земельного вопроса с определенным взглядом, необходимо установить, как и каким образом создалось землевладение и землепользование у нас, на Кубани.

Нужно сказать, что когда в 1775 г. была разрушена Запорожская Сечь, то, опять-таки помимо чисто политических мотивов, которыми руководилось тогдашнее российское правительство, одним из главных побуждений было прихватить ту земельку, которая была в распоряжении Сечи, и мы знаем, что за разрушением Сечи стали насаждаться огромные землевладения: за доблестную заслугу перед отечеством кн. Вяземский получил 200 тысяч десятин земли, Потемкин — 50 тысяч и т. д., и даже графиня Браницкая, которая перед отечеством никакими особыми заслугами неизвестна, тоже получила солидный кусочек. Сечь была разрушена, земелька захвачена и распределена.

Началась вторая турецкая война. Вспомнили о том, что когда-то было запорожское казачество, и создали из него войско верных черноморцев, которое в эту вторую турецкую войну оказало массу заслуг. Ему были указаны земельные пределы: это между Днепром к Западным Бугом, возле местечка Слабодзина. Но этой землей недолго попользовались черноморцы, так как она была забрана помещиками. И вот тогда войску Черноморскому, верному царице Екатерине, был пожалован полуостров Фанагорийский, а также земля по Кубани от Усть-Лабинской и затем на север до земли войска Донского, а там по границе до Ейского городка, в общинное и вотчинное владение. Грамота на это была дана летом 1792 г. Конечно, можно оспаривать эту грамоту, но это тот документ, на основании которого пожалована земля войску Черноморскому в общинное и вотчинное пользование. Тем не менее, с места в карьер, наши старики стали жаловаться на произвольную раздачу земли, а также и чинов — часто бывало, что лица военной службы награждались сразу через два чина от бригадира — это то же, что сейчас из хорунжих в полковники. Из известных мне документов и записей об отмежевании земель мне хочется сообщить вам некоторые данные. В одной из записок, составленной в 1796 г., сказано, что, несмотря на то что земля отдана в общинное и вотчинное пользование, господам бригадирам и кавалерам отводятся земли по реке Кирпили, считая от хуторов вверх и вниз на 12 верст по обоим берегам реки, а в

степи — сколько потребуется. *(Читает документы.)* Я прочел о том, как делалось, когда нужно было отвести землю, я указал только на одно лицо, а список таких лиц колоссальный. Кроме того, указываю, каким образом стало появляться личное землепользование. Войсковое правительство тогда состояло из кошевого Чепиги и писаря Котляревского; этот писарь не является на заседание и подает заявление, что ему надо столько-то земли, то есть столько, сколько потребно; столько, сколько потребно, выдается ему на основании его заявления. Я сделал ссылки на документы для того, чтобы подчеркнуть историческое право на общинное пользование землей всей территории, а также отметить начало появления частного землевладения на Кубани.

Когда мы подходим к вопросу, как нашу землю распределить, каким образом ее распланировать, то должны открыто и честно заявить, что земли всем живущим на территории Кубанского края не хватит. В этом отношении, как я ни присоединяюсь к оратору Белоусову, все же я должен открыто и честно заявить, что земли на территория Кубанского края столько, что дай Бог, чтобы ее хватило для казачьего населения, на что оно имеет историческое право и право давности. *(Среди членов Рады шум, протесты.)* Надо сказать, что, безусловно, мы должны в первую очередь вместе с коренным казачеством наделить землей и коренное иногороднее население, ибо это — дети тех солдат, которые рука об руку вместе с казаками завоевывали этот край. Нам могут возразить, особенно с той стороны, откуда ясно и твердо звучит сетование о том, что совершается социальная несправедливость: чем виноваты дети и внуки, что они привыкли к определенному образу жизни и владению землей, которая теперь отчуждается? Я должен сообщить, что ваш законопроект устанавливает возможность каждому, при желании его работать, пользоваться определенным участком земли; таким образом, законопроект предусматривает то, чтобы не оставить людей без куска хлеба.

Надеюсь, у вас сохранилась в памяти речь представителя Ейского отдела Макаренко, который внес определенный законопроект. Вы знаете, что в проекте земельной комиссии первая глава его гласит, что Кубанский край как таковой владеет, пользуется и распоряжается всеми землями. По поводу этих слов докладчик говорил, что они вводятся для того, чтобы ясно и определенно установить, что в пределах Кубанского края распоряжаемся землею мы, представители граждан края, и только мы; и никакого вмешательства и никаких указаний извне мы не позволим. Но есть сомнение относительно того, как нам придется поступить, если вдруг, стоя на этой точке зрения, нам придется уступить и сдать эту позицию? Во избежание этого Ейский отдел, как я уже сказал, внес свой контрпроект, по которому ясно и определенно установлены права войска, по которым войско как таковое может распоряжаться всеми своими землями, и я говорю, что нужно очень внимательно отнестись к этому. Что касается офицерских участков, выделенных из войсковой земли, то мы настаиваем, чтобы эти земли перешли не в краевой фонд, а в войсковой, потому что если случится катастрофа и это будет не в нашу пользу, то вся земля останется за войском. Я просил бы, чтобы на это обратили самое серьезное внимание и каждый дал бы себе отчет, в чем тут сущность дела. А она не в том, чтобы прирезывать от станиц, у которых высокие наделы, а в том, чтобы возвратить достояние войска обратно этому самому войску, возвратить ему то, чем оно владело раньше на основании исторических данных.

Другое основное положение, которое выставлено законопроектом земельной комиссии и о котором можно очень долго говорить, это уничтожение права частной собственности. Говорить об этом — и хорошо, и плохо — можно очень долго, и все-таки всего не переговоришь. Можно говорить, насколько это справедливо или несправедливо, и без конца ссылаться на всякие примеры. Я только одно могу сказать, что это нужно сделать, это требование основано на исторических наших правах, и если я могу на что указать, то только на то, что при разрешении вопроса об отчуждении частновладельческой земли мы должны прежде всего бережно и осторожно отнестись к мелким собственникам. Из доклада вам известно, что всех собственников в Кубанском крае насчитывается 12 053 владеющих 1 067 000 десятин земли; из них мелких частных собственников, владеющих от 1 до 25 десятин и от 25 до 50 десятин, — около 9 тыс., значит, три четверти всех собственников составляют мелкие частные собственники, все они владеют 80 000 десятин земли. Вы представляете себе картину, что все остальные 3000 владеют чуть ли не миллионом десятин! И вот когда вводится новый закон, нужно помнить, что всякий закон, как бы ни высока была его идейность, не может удовлетворить всех до единого. И это нужно взять за правило. Солнце освещает всех одинаково, но в то время как хозяин не нарадуется, городские барышни ругаются, ибо веснушки на лице выступают. Всякий законопроект, как бы он ни был тщательно и умно разработан, все-таки вызовет у некоторых недовольство. Земельная комиссия не претендует на то, что ее законопроект есть верх совершенства, и сама жизнь покажет недостатки, и мы полагаем, что Рада в своей дальнейшей деятельности внесет в него соответствующие изменения. И все-таки, когда вопрос касается мелких собственников, я говорю — обратите на это серьезное внимание. Выговаривая себе землю в количестве 80 тысяч десятин, вы должны помнить, что в то же время речь будет идти о 9 тысячах мелких собственников из трудового народа, которых вы обездолите и тем увеличите на 9 тысяч человек контингент недовольных. В то же самое время вы знаете, что на Кубани у нас есть два владельца, имеющие 53 000 десятин. Я просил бы членов Рады чрезвычайно бережно отнестись к мелким собственникам, оставив в их распоряжении количество земли в пределах нормы.

Здесь многие ораторы говорили о том только, что нормы, нормы и нормы... Нужно посмотреть в проект, где сказано, что нормы будет определять Законодательная Рада. Может быть, это кому и не нравится, но вы знаете, что у нас в краевой Раде сейчас масса серьезных вопросов, а для выработки нормы нужно собрать материал. Я хотел обратить ваше внимание на слова одного из ораторов, который говорил, что в Харьковской губернии получали по 3 десятины, а вы получили по 20 десятин и не исполнили своего долга и т. д.; кроме того, он указывал, что пережил две революции. Кстати сказать, первая революция послужила ему не во вред, а как будет вторая, мы не знаем. Я предлагаю тем, кто выходит на эту кафедру, говорить то, что слышал, а не то, чего не слышал. Он заявлял о том, что вы не сумеете «хозяиновать», не сможете поднять хозяйство; а вам всем известно, что мы, казаки, умеем хозяиновать и не такой никчемный народ, как это по его словам выходит. Не нужно забывать, что мы, казаки, к мирной жизни призваны только 50—60 лет тому назад; до того времени мы вообще не могли заниматься хозяйством. Из истории мы знаем, как жило казачество

на Кубани первые 60 лет. Я думаю, что все знают, как приходилось держать кордонную линию, когда одна треть, а то и половина всех казаков находилась на кордоне. Вы понимайте, что в силу этого проистекала оторванность от всей России, особенно принимая во внимание отсутствие железных дорог. Даже когда кончилась Кавказская война, вы знаете, как протекала жизнь казака, когда два года до службы, четыре года на службе и еще служба...

Конечно, сейчас Кубань представляется, особенно правобережная ее сторона, прекрасным земельным районом. Едешь по железной дороге и видишь без конца садки, степи, виноградники; но пусть наши старики расскажут нам, что тут было раньше. Что нам стоило привести все это в такой вид, говорить об этом не приходится, потому что все об этом прекрасно знают. Говорят, что вы получили благоденственный уголок, а я вам скажу, что у нас была такая же земля, как и у всех: сама по себе она ничего не стоит, и вы сами это прекрасно знаете.

Я не буду утруждать вашего внимания и сошлюсь только еще на один пример, чтобы показать, между кем должна быть распределена земля. Здесь есть один известный человек, кажется, он уже умер, но он изучил Кубань и нравы казаков и много писал об этом. Его поразило одно обстоятельство: живет иногородний с казаками в станице 40 лет и не приписывается в казаки, когда легко было это сделать. Его это заинтересовало. «Почему это происходит, отчего это?» — спрашивал он, и ему резонно заявляли: «Зачем я буду записываться в казаки, зачем мне служить целый век, а земли у меня и сейчас довольно?» Теперь, конечно, дело другое. Недавно, когда мы, кубанские казаки, с удовольствием и с «широким сердцем» принимали всех, приглашали и просили, тогда не шли, а теперь не приглашают, а все идут. *(Аплодисменты.)* Когда мы обсуждаем земельный вопрос, мы должны помнить и не забывать этого обстоятельства.

Нам тут говорят, что на Раде все только обещают, а ничего не дают. Так давайте же говорить серьезно, не будем пользоваться всякими побочными обстоятельствами и припомним, что представляла собой Кубань за все время революции.

Когда революция началась, мы сперва отбивались с одной стороны, потом с другой. Теперь, может быть, еще придется отбиваться; мы еще не можем ни минуты спокойно дышать и знать, что никакого фронта нет, что все, слава Богу, хорошо, и потому, когда говорят, что здесь только обещают, мне становится неловко за тех людей, которые говорят об этом. Что касается земельного вопроса, то мы сейчас должны разрешить его коренным образом относительно собственности, организации фонда — одного, двух, трех, как будет угодно. Когда все успокоится, когда мы будем более или менее единодушны, в более или менее спокойной обстановке, мы и потасовку учиним — конечно, словесную; но теперь, когда нам приходится быть плечом к плечу, рука об руку, для того чтобы решать такие важные вопросы, не нужно вовлекать друг друга во взаимные ссоры и недоразумения. Сейчас не нужно делать ни в каком случае этого. Я указываю на ту серьезность, которая из этого проистекает. Есть люди, которые в своих интересах и сознательно, а отчасти и бессознательно, делают все, чтобы нас поссорить. Говорят: «Смотрите на мелких собственников, как с ними поступают». Но мы не можем смотреть на «закутки». Мы организуем земельный фонд, который будет

распределяться между нами. Я смею призывать Раду и просить, чтобы она отнеслась к этому вопросу спокойно. При всем моем характере экспансивном, я говорю спокойно и потому и вас приглашаю к этому. Вопрос очень серьезный. Он может породить массу недоразумений. И когда уважаемый мною Василий Салов, с которым мы вместе «блуждали» шесть месяцев по степям кубанским, говорит о тяжелой жизни горных казаков, я понимаю, что это не жизнь, а каторга, когда войско брало попенные сборы. Но пусть он поймет, что эти попенные сборы забирало то правительство, которое мы добром никогда не помянем. В этом отношении разговоров быть не может. Для меня ясно и понятно, что за Кубанью должны быть организованы по плавням колоссальные работы. Хотя это вопрос не второстепенный, не второочередной, но в первую очередь нужно установить правило и порядок отчуждения частной собственности и организацию земельного фонда. Я еще раз прошу высокое собрание относиться к этому вопросу спокойно и отстранять все, что идет слева, справа, откуда бы оно ни шло, и помнить, что основной нашей задачей должно быть разрешение коренных, основных вопросов. Я полагаю, что есть два таких вопроса: основные положения земельной реформы и второй вопрос — положение о земельном устройстве. Оба эти вопроса очень важные, и в первую очередь надо поставить вопрос об основных положениях земельной реформы.

Член Рады Каплин. — Господа члены Рады! Вопрос, который сейчас стоит у нас на обсуждении, является самым больным вопросом русской жизни. Это — вопрос, который волнует, я не скажу — казачество, но волнует русский народ, русское крестьянство в течение полустолетия, с тех пор как русское крестьянство было освобождено от крепостной зависимости и не было наделено в достаточной степени землей. Вопрос этот, острый чрезвычайно для России, представляет меньшую остроту для нас, потому что сравнительно с тем землевладением, которое наблюдается в России: в Харьковской губернии, в Тамбовской и в других губерниях Центральной России — положение такого же вопроса на Кавказе, например хотя бы в Ейском отделе, более благоприятно. Если в Харьковской губернии очень часто на душу приходится 1/2 или 3/4 десятины, то вы сами понимаете, что это есть то самое хозяйство, при котором «и курицу выпустить некуда». У нас этого нет. Но, тем не менее, и у нас есть станицы, которые уже страдают от малоземелья. И у нас вопрос о землепользовании в той плоскости, в которой он находится, конечно, нуждается в коренных изменениях. Должен сказать, что главное несчастье всякого русского хозяина заключается, конечно, во-первых, в малоземелье, во-вторых, в недостаточной высоте сельскохозяйственной культуры.

Статистика землевладения Западной Европы показывает, что там мелкое землевладение столь же обширно, как и у нас в России; например, во Франции мелкие хозяйства имеют не более гектара земли. Гектар — это несколько меньше десятины. Но должен сказать, что при таком развитии мелкого крестьянского землевладения во Франции, Бельгии, Дании положение крестьянства как земледельческого трудового населения никогда там не было так остро, как у нас. Это объясняется исключительно тем, что там сельскохозяйственная культура стоит значительно выше нашей; там урожайность земли в два-три раза выше нашей. Во Франции там, где распространены посевы кормовых трав, широко развито маслодельное хозяйство, скотоводство и т. п. Возьмите такую страну как Дания, которая имеет население не более чем Кубанская

область, а площадь земли даже меньшую. Должен сказать, что Дания является первой страной по выработке масла и вывозит на рынок больше масла, чем какая-либо другая страна, хотя Дания и меньше Кубанского края. Вот какое огромное значение имеет поднятие сельскохозяйственной культуры. Для того чтобы сельскохозяйственная культура стояла высоко, нужно, чтобы размеры хозяйства были достаточными, потому что там, где две десятины каменистой почвы, там не может быть разговора о поднятии сельскохозяйственной культуры.

Когда мы говорим о земельном вопросе, о сельском хозяйстве, то здесь имеются две стороны, собственно говоря, один вопрос разлагается на два элемента. С одной стороны, нужно увеличить размеры владения, а с другой стороны, нужно обязательно поднять культуру сельского хозяйства, ибо, как бы ни увеличивали размеры землевладения, но без соответствующего поднятия культуры сельского хозяйства мы не поднимемся до такой степени, на которой стоит Дания, Бельгия и другие страны. Вот почему я считаю важным обратить ваше внимание на тот вопрос, который не затрагивается здесь в проекте. Чтобы повысить продуктивность сельскохозяйственного труда, необходимо развитие агрономического образования, необходимо создание сельскохозяйственных школ. У нас их очень мало, а если и есть, то только высшие, но средних и низших совсем нет. Необходима организация выставок, передвижных и не передвижных, необходима организация в крае сельскохозяйственных товариществ для покупки сложных и дорогих машин и необходима организация вывоза и ввоза, организация кредита и т. д. *(Шум, голоса: «Довольно».)* Я извиняюсь, что доставляю некоторое неудовольствие нетерпеливым слушателям, но я должен указать, что в этом вопросе есть две стороны, и если вы обсуждаете одну, то нужно обратить внимание и на другую. Я не коснусь вопросов, которых коснутся еще следующие 15 ораторов, а я хочу обратить внимание на поднятый мною вопрос, несмотря на то что говорят: довольно, и вот потому что нам нужно увеличить производительность труда, я просил бы членов Рады внести в дополнение к проекту постановление, чтобы Законодательная Рада приняла все меры к тому, чтобы и эта область сельского хозяйства не была забыта, ибо в этом для Кубанского края — главный вопрос. Статистика нам говорит, что из 8 миллионов десятин земли, которая находится на Кубани, шесть миллионов уже находятся у казачества в общинном владении; таким образом, сильно увеличить землепользование мы не можем, и для того чтобы идти к расцвету нашей экономической жизни, нужно обратить внимание на поднятие производительности труда. Этим я не уклоняюсь от темы, не уменьшаю необходимости этого законопроекта, который вносится на ваше обсуждение. Частные владения нужно уничтожить, это по экономическим и политическим причинам неизбежно и необходимо, но кроме этого необходимо принять меры и нужно теперь же представить те гарантии для поднятия производительности труда, о которых я вкратце хотел вам сказать.

Председательствующий. — Я прошу ораторов, которые имеют предложения, излагать их в письменной форме и подавать президиуму. Следующее слово принадлежит члену правительства Намитокову. *(«Его нет».)* Слово принадлежит председателю Рады Рябоволу.

Н. С. Рябовол. — Господа члены Рады! Краевая Рада, президиум Рады и правительство для координирования наших действий, для целей осведомительных и других находят необходимым немедленно отправить делегацию в Новочеркасск, к донскому правительству, в следующем составе: Петр Леонтьевич Макаренко — председатель делегации, генерал Гейман — товарищ председателя, Гатагогу и Рябцев — члены. Я докладываю вам об этом для сведения и прошу вашего разрешения, чтобы они могли выехать. *(«Просим».)* Таким образом, эти члены Рады выедут в срочном порядке.

Председательствующий. — Внесено предложение о прекращении прений по общему вопросу. Кто желает говорить о прекращении прений? Слово предоставляется члену Рады Воропинову.

Член Рады Воропинов. — Господа члены Рады! Несмотря на то что еще недавно разрешался вопрос об этом и так недавно Рада высказалась единодушно, чтобы эти прения продолжались, я считаю необходимым настаивать, чтобы общие прения были прекращены на следующих основаниях: эти прения были бы необходимы, если бы в Раде было два-три более или менее определенных сильных течения по общему взгляду на разрешение земельного вопроса; но у нас, сколько можно судить по общему настроению и направлению, существует одно течение, и поэтому вся работа общих прений сводится к тому, чтобы к нашему законопроекту подвести то или иное основание. Ясно и определенно, что частная собственность должна быть уничтожена и землей должны пользоваться трудящиеся на ней — вот основание законопроекта, вот две точки отправления, которые сдаются, чтобы перейти к постатейному чтению. Кроме того, замечания, которые былии сделаны членом Рады И. Макаренко, также заслуживают большого внимания, и я полагаю, что больше того, что мы сказали, сказать нельзя. Мы будем только повторяться или будем говорить по отдельным статьям проекта. На этом основании я бы предложил общие прения прекратить, а в дальнейшем — или перейти к постатейному чтению, или передать этот вопрос обратно в комиссию.

Председательствующий. — Кто желает высказаться против прекращения прений? Слово предоставляется члену Рады Мореву.

Член Рады Морев. — Господа члены Рады! Очень недавно вам были высказаны мотивы, почему прекращать прения по столь существенному, важному и больному вопросу не следует. Рада согласилась, но член Рады Воропинов находит, что ему уже все ясно и что уже высказаны все мысли, которые могли бы быть по этому вопросу, и он не представляет, что у других могут быть тоже мысли, которые еще здесь не высказаны. Он думает, что проект земельной реформы так обоснован, настолько правильно скомпонован, что можно перейти уже к постатейному его обсуждению. Я состою в земельной комиссии и принимал участие в ее работе, сам я по образованию агроном, но из всего того, что здесь было сказано, я пришел к заключению, что пока здесь слышались только митинговые речи и митинговые решения этого вопроса. Если мы остановимся на этом, то покажем, на что мы способны как законодатели. Земельный вопрос в России — больной вопрос. Я здесь не коснусь того, действительно ли этот вопрос — больной на Кубани, но считаю, что его здесь сделали больным. Для члена Рады Воропинова все кажется ясно, а я вас прошу к этому вопросу все-таки относиться серьезно и запастись терпением, чтобы выслушать тех, которые желают по этому вопросу вы-

сказаться. Может быть, вы услышите что-нибудь новое — не от меня, так от других. Хотя здесь высказалось уже много ораторов, но их речи носили общий характер, и я получил впечатление, что на самое серьезное и важное не было обращено достаточного внимания. Почему вы не должны прекратить общих прений, я вам объясню. Потому что ваши наказы с мест находятся в противоречии с предлагаемым законопроектом, ибо наказы вам сводятся к тому, чтобы принять программу 20 декабря 1917 года. Вы сами знаете, в каких условиях возник этот проект. Он явился из ведомства земледелия: между прочим, сам председатель правительства заявил вам, что это вопрос серьезный, что правительство к нему не подготовилось, но все-таки проект земельного закона был представлен в комиссию от ведомства, которое укрылось, таким образом, за ее спиною. В комиссии он подвергся небольшому изменению и попал сюда, как будто продукт работы комиссии. Я еще раз прошу: на этом вопросе испытайте ваше терпение, дослушайте всех до конца, а потом уже решайте, и если у вас не найдется материала для решения, тогда передайте его в комиссию, но у нас будет совесть чиста, когда мы сделаем все, что нам по силам.

Председательствующей. — Голосую за прекращение прений. *(Голосование.)* Большинством голосов постановлено прения продолжать. Слово предоставляется члену Рады Мореву.

Член Рады Морев. — Господа члены Рады! Признаюсь, я с волнением вступаю на эту кафедру. Волнение мое происходит оттого, что столь существенный вопрос перенесен в сферу страсти. Но я желал бы удержаться в сфере спокойного обсуждения, и если это мне не удастся, прошу меня простить.

Член правительства Скобцов в своем докладе по земельному вопросу заявил, что земельный вопрос на Кубани — вопрос больной и острый и что от правильного ответа на него зависит правильный ответ и на другие вопросы кубанской жизни, острые и больные; что только тогда братья-враги, которые проливают сейчас кровь, протянут друг другу руки и наступит желанный мир и порядок, по которым все мы стосковались. Так заявил Скобцов. Я должен сказать, что земельный вопрос в России — действительно вопрос больной и острый, и причин того, что он больной и острый, главных причин — две. Когда в России осуществлена была освободительная реформа, там была допущена историческая несправедливость. До реформы крепостные находились в распоряжении помещика, то есть помещику принадлежала не только земля, но и люди; но все же земля у крепостных была, хотя они и были в тяжелом положении. Осуществилась земельная реформа: часть земли была вырвана, именно вырвана из хозяйств, уже существовавших, крестьяне же дворовые ее не получили совсем, а дарственники получили в ничтожном количестве. Здесь имела место историческая несправедливость. Все это породило в русском сердце боль, и она не затихала, а разрасталась. Вторая причина, почему этот вопрос нам больной и острый, заключается в том, что с самого момента освобождения крестьян в наличности уже имелось острое малоземелье.

Здесь говорили, что в Харьковской губернии при освобождении крестьяне получили на душу земли по три десятины с лишком. Получили, но далеко не все. Вы, может быть, понимаете, «на душу» так, как это здесь, на Кубани, часто понимается. Нет, это на ревизскую душу приходилось по три с лишком десятины; во многих же

случаях действительный размер наделов был значительно ниже. Вот откуда то обстоятельство, что на Руси земельный вопрос — больной и острый вопрос и что он давно был там таковым.

Вопрос земельный на Кубани также стал больным и острым, как говорил член правительства Скобцов. Я думаю, что болезненность вопроса и острота здесь созданы искусственно; что оснований к тому, тех оснований, которые имели место в России, никогда на Кубани не было. Дело в том, что здесь земля являлась не только средством для приложения сельскохозяйственного труда, но также и средством агитации и пропаганды, скажу даже — демагогии. Поэтому земельный вопрос не только в России, но и, в частности, на Кубани для общества, для массы населения и даже для интеллигенции оставался в тумане. Туман этот населялся и населяется призраками манящими, многообещающими, сулящими счастье и довольство, и, наконец, окрасился в кровавый цвет. Этот туман на Кубани еще не рассеян. Я, конечно, думаю, что при данных обстоятельствах рассеять его мне не удастся, но я все-таки к этому стремлюсь.

После того как мы услышали от товарища председателя Рады Омельченко обоснование доклада земельной реформы, туман, в который погружен земельный вопрос, не только не рассеялся, но еще больше сгустился, и мы еще меньше стали видеть, в чем дело, где предел, где границы этого вопроса, какова его глубина. Господин Омельченко, для того чтобы разобраться в земельном вопросе, пригласил нас обратиться к урокам истории, чтобы в ее нелицеприятных данных найти ключ к его разрешению. «История, — заявил он, — единственный учитель, приговор которого неподкупен, история как учитель стоит выше всевозможных условностей времени и места, история говорит только истину, которая нам должна освещать путь строительства на будущие времена». Г. Омельченко рекомендует воспользоваться данными истории, и что же он из этих данных почерпнул? Он нас увлек в древние времена, в туманные дали прошлого, в которых и сам остался беспомощным, затерялся там, и нас оставил, и нас затерял там. Из данных истории он усмотрел только, что при Моисее земельный вопрос разрешался довольно просто: земля считалась принадлежащей Богу (Иегове) и что Платон, если не ошибаюсь, сказал, что земля есть собственность всех. Затем он сказал, что в Риме были случаи, когда всякие документы — залоговые и другие обязательства на земли — сжигались. Вот, собственно, и все, что в истории нашел по земельному вопросу г. Омельченко. Вы видите, что этот жалкий багаж недостаточен для того, чтобы разрешать такой важный вопрос нашего времени, уложив всю историю его в то, что я вам сейчас привел, и больше ничему не научившись.

Таким образом, докладчик обосновал представленный им доклад единственно тем положением, что земля — Божья. На этом, к несчастью, ограничивается в массе и население русское. Конечно, правы те, кто говорит, что земля Божья, но ведь и мы — Божьи, и если идти дальше, то и все — Божье. Если это положить как основу законопроекта, то здесь, кроме слов, ничего нет. Член Рады Белоусов тоже на этой точке зрения стоит, и, исходя из того, что земля — Божья, он идет дальше и говорит: «Все то, что мы имеем, происходит тоже из земли». Я должен сказать, что из этого есть логический вывод, которого никто из вас отрицать не будет: если земля — Божья, то и мы, рабы Божьи, имеем каждый лично равное на нее право. Это — неопровержимый

логический вывод, но если вы вздумаете его применять, осуществлять по отношению к земле, то натолкнетесь на то, что физический закон стоит в непримиримом, непроходимом противоречии с возможностью осуществления этой концепции. Я стою на этом месте, я этот кусочек земли занимаю, и, по указанной концепции, на него имеет право каждый, но когда каждый из вас захочет осуществить свое право, то тут получится сумятица больше той, что происходит сейчас в России. Однако эта концепция в некоторой мере может получить руководящее значение при решении земельного вопроса и конструкции земельного законопроекта. Для агитации и даже демагогии эта божья точка зрения чрезвычайно подходящая. В чистые сердца, прямые головы, можно сказать, открыто западет мысль, что мы все — равны, что ни у кого ни на что никакого права нет, и на этом можно увести далеко. Если, как говорит член Рады Белоусов, все от земли, то казалось бы, что на все без исключения мы имеем равное право. А ведь это и есть логическое построение большевиков, это — несомненно *(Аплодисменты.)*, и отсюда та сила, которую они имеют в смысле завладевания умами. Это самое мы слышим и здесь.

Дальше докладчик в истории нашел другое поучительное место, которое заслуживает самого серьезного внимания, и потому мне хотелось бы передать его в подлиннике. (Читает.) «Вдумываясь на протяжении истории в земельную реформу, мы можем сделать вывод, что кто хочет чего-либо достичь, тот должен к доброй воле, к своему желанию помочь присоединить еще мужество; история говорит, что политическая умеренность в земельной реформе часто бывает вредна».

Председательствующий. — Это вы из стенографического отчета читаете?

Член Рады Морев. — Нет, это выдержка из газеты «Кубанский край». Что же требуется? Оказывается, по мнению докладчика, требуется добрая воля. Несомненно, у всех нас она есть, есть желание помочь. Против этого возражать никто не будет. Дальше требуется, по мнению докладчика, еще только мужество и больше ничего — не требуется ни знаний, ни мудрости, ни опыта. Где же больше мужества, чем у большевиков, которые так же этот вопрос разрешали, и что же — удовлетворительное разрешение удалось им? Мы должны руководствоваться не только мужеством: смелость ума тут уместна, но мужество больше требуется там, где льется кровь. Я скажу, что эта Божья точка зрения свидетельствует о нашей примитивности, о нашей архаичности. Когда мы здесь составляли конституцию, обсуждали ее, то и дело слышалось: а вот в Америке так, а в Англии вот этак, а во Франции вот так; когда же обсуждается земельный вопрос — мы слышим другое: Моисей, Платон, Древний Рим, Греция... Член Рады Белоусов сказал, что не нужно бояться того, что большевики говорили (конечно, в особенности теперь, когда мы защищены Добровольческой армией и казаками!), большевики только плохо сделали, но он согласен с чем, что думали они тоже правильно, и рекомендует: «Сделайте только хорошо, но так же». *(Аплодисменты.)* Это было, несомненно, так.

Вся тяжесть и весь ужас земельного вопроса в России — именно ужас — заключается в том — я не располагаю сейчас справочниками, но думаю, что память мне не изменяет, — что к той земле, которая принадлежит в России крестьянам, привязано 45 000 000 рабочих рук, 45 000 000 не ртов, а рабочих рук, — ртов гораздо больше,

а по исчислению специалистов оказывается, что для того, чтобы обработать всю ту землю, требуется всего лишь около 12 000 000 рабочих рук — 33 000 000 рабочих рук тут излишни. Вот источник нашей бедности, причина того, что земельный вопрос больной и так трудноразрешимый. Нужно использовать 33 000 000 рабочих рук, т. е. из всех тех, кто привязан к земле; нужно их использовать и устроить их там, в России.

Вы в малоземелье у себя на Кубани не сомневаетесь, а я сомневаюсь, не потому, что я предубежденно настроен, а потому что есть цифры, которые говорят, что в Кубанской области удобной земли 7 711 000 десятин, а я спрашиваю, сколько земли обработано в Кубанской области? Ведомство земледелия цифр не дало, но мне приблизительно известно, что площадь обработанной земли — 4 000 000, не больше 4 200 000, а свыше 3 500 000 десятин не обработано. Как же можно говорить, что у нас малоземелье, когда тут же столько удобной земли не обработано? Это, конечно, не значит, что в некоторых случаях не может быть действительного малоземелья, но вообще в Кубанском крае, я это утверждаю, малоземелья нет. Можно заподозрить, что эти необработанные земли находятся в условиях, лишающих население возможности их обрабатывать. Но есть другие данные, которые свидетельствуют о том, что у казачьего населения в Кубанском крае удобной земли свыше 5 200 000 десятин; сколько из нее распахано, точно неизвестно, потому что представитель ведомства земледелия заявил, что о малоземелье они судят по размерам пахотной земли, и потому я могу привести цифры только приблизительно: из 4 600 000 удобной земли — это в основных наделах — 3 500 000 пахотной, а 1 100 000 удобной не пашется; в дополнительных наделах из 608 000 десятин удобной земли 308 000 пашется, а 300 000 — не пашется. То же самое замечается и у горцев.

Теперь я подхожу дальше к вопросу о малоземелье. Нам член правительства, заведующий ведомством земледелия, сказал, что в Кубанской области имеются населенные пункты (сведения приурочены к населенным пунктам, а не к хозяйствам), в хозяйствах которых пахотной земли приходится на пай всего до двух десятин — и таких пунктов 16, и от двух до трех десятин — таких пунктов 11. Я интересовался узнать: а почему это так, почему пахотной земли так мало? Оказывается, что там, где приходится до двух десятин на пай пахоты, там удобной земли 168 000, а распахано 40 000 десятин. Там, где приходится на пай от двух до трех десятин пахоты, удобной земли 133 000 десятин, а распахано 13 300 десятин. Значит, земля есть — это несомненно, и причиной малоземелья здесь и вообще на Кубани является не недостаток земель, а условия хозяйничанья — наша беспомощность и наше неумение хозяйничать. Вы здесь слышали, как представитель станицы Нефтяной Салов сказал, что у них земли нет, что у них малоземелье, что жить им тяжело; там, где они селились, они рубили лес, продавали его и на то жили. Что же дальше? Земли из-под вырубленного леса оставались в пеньках, а леса хорошие все вырублены. Этот член Рады сказал, что если она в пеньках, нам ее не нужно, а если ее освободить от пеньков — нам больше земли не нужно. Следовательно, земли достаточно, и причина малоземелья не в размере площади земли, а в чем-то другом. Мы получили не только прекрасную землю, но и хорошие леса. Но как мы хозяйничали? Леса вырублены, ценности уничтожены, а земля стала неудобной, та земля, которая раньше представляла богатство и опять будет

представлять богатство, если ее расчистить. Разве это умелое хозяйничанье, разве это не наша беспомощность? Это — несомненно так.

Теперь я приведу другой пример, почему же в Нефтяной случилось, что при хорошей земле нужен дополнительный надел? Я скажу, что в данном случае этому причиной — исключительно условия хозяйничанья. В станице Крымской — представители ее здесь — земля находится в общинном владении. И пока существовали переделы, никто не хотел себя затруднять, чтобы эту землю раскорчевывать. Но когда было постановлено, что 20 лет беспрерывно этой землей можно пользоваться, то земля была сразу расчищена и является основой благосостояния казачьего населения станицы Крымской. Я уже вам говорил, что, когда мы обсуждали конституцию, мы все забегали в Америку, в Англию, во Францию; член же Рады Белоусов, а затем и член Рады Каплин напомнили нам об Австралии и о Новой Зеландии. Для обоснования божьей точки зрения член Рады Белоусов сказал, что в Австралии права собственности на землю нет, а что там существует аренда на 999 лет. А скажите, что же это такое — аренда на 999 лет? В Канаде другого вида владения землей, как собственность, не существует. И когда наши духоборы приехали и сказали: «Мы не желаем брать землю в собственность», им отвечали: «А у нас закон иначе не дает земли, берите на общих основаниях и распоряжайтесь ею как хотите». Из-за этого возникли трения, и канадцы только удивлялись. Вот каковы условия владения в Австралии и Канаде. Значит, с институтом собственности будьте осторожнее и вдумайтесь в то, что вы теперь делаете.

Один из членов Рады пытался объяснить, что такое собственность, и запутался: собственность — не то распоряжение, не то пользование, не то владение, и все так перемешал, что ничего не поймешь. *(Смех.)* Нужно к этому вопросу отнестись осторожно, потому что, повторяю, земельный вопрос — один из важных вопросов. И я скажу, что нужно задуматься над тем, что мы почему-то сзади всех стоим, между тем у нас земли столько, и земли богатой, как нигде. За границей также существует аграрный вопрос, но он стоит там в совершенно другой плоскости, не в той, в какой мы бьемся. Я боюсь вас затруднять и утомлять и только потому не останавливаюсь на этом подробно, но смею вас уверить, что он ничего общего с постановкой земельного вопроса в России не имеет. Я уже указывал, что малоземелья на Кубани не существует, что здесь существует в наличности необработанная удобная земля, к которой труд не приложен, с ней не сумели справиться. Даже история Кубанского края говорит. *(Голос с места: «Мало вы ездили по Кубанской области».)* Был правительственным агрономом и ездил по Кубанской области достаточно, — история кубанская говорит, что местное население с сельскохозяйственными работами не управлялось и сюда приходили для того рабочие извне, что в нашей области все те успехи, которые были достигнуты в сельском хозяйстве, все те улучшения, которые здесь имеют место, были произведены не на общественных землях, а на землях частного владения.

Я думаю, я убежден в том, что характер владения на Кубани является причиной того жалкого состояния, в котором находится сельское хозяйство. И не только я так думаю, а уже местные хлеборобы это прекрасно сами поняли. Рядом с юртом станицы Благовещенской и станицы Николаевской есть небольшие участки мелких собственников — это сплошные виноградники, это цветущие сады. Двадцать лет тому назад

эти участки менялись на дилижанс и пару лошадей, теперь, конечно, эти участки стоят очень дорого. Там на неудобной земле развилось виноградарство; а рядом — казачьи земли, и на них ничего нет, между тем как прочие условия для ведения хозяйства одинаковы. Почему это так? Потому что земли эти находятся в общинном владении, характерной чертой которого являются частые переделы.

Как же я буду виноградарством заниматься, когда моя земля может поступать в передел? И только тогда, когда станичные общества решили, что земли должны быть выделены в особые участки и отданы в пользование с тем, чтобы в передел они не поступали, — только тогда на этих землях начали зацветать сады. То же самое наблюдается в ст. Троицкой, на тех землях, которые были выделены лет двадцать тому назад, которые в передел не поступали и не могут поступать. Так как при интенсировании хозяйства в землю вкладывается кроме огромного труда еще и капитал — и в большом размере, то эти земли и не могут подлежать переделу; если же вы через небольшой промежуток будете переделять землю, то вы заберете не только землю, но и то, что в нее вложено, не дадите возможности воспользоваться тем, кто создал все, что на ней, трудами рук своих. Переделы земли несовместимы с прогрессом сельского хозяйства. Член Рады Макаренко сказал, что в общинном землепользовании все равняются. По чему? По нищете? По нерадивости? Да разве это то, на что мы можем пойти, что устроит нас? Это равнение по нищете большевики стремятся провести в жизнь. Член Рады Белоусов говорил, что за границей конюшни лучше, чем дома, в которых здесь у нас живут, — в этих словах есть доля правды; а разве там общинное владение? Следовательно, к вопросу о форме владения в интересах будущего Кубанского края нужно отнестись внимательно.

Общинное владение там, на Западе, давно пережито, а вот здесь мне приходилось в беседе с сельскими хозяевами слышать, что частый передел уничтожает всякое желание работать. «Помилуйте, — говорят, — вот я даже не могу посеять люцерны, потому что через три года произойдет передел». Если теперь из общинного владения отстранить передел — чего желают все, кроме тех, которые заражены Божьей точкой зрения и хозяйством не занимаются, — что же остается? Вы ведь понимаете, что сделать человека рабом земли нельзя. Когда вы писали конституцию, вы были воодушевлены мыслью, что граждане должны быть свободными, вольными и сильными. А в какое же отношение вы ставите граждан к земле? Конечно, в рабское. Ведь если я начал хозяйничать на земле и если я преуспеваю, то, значит, я обзавелся домом, постройками и т.д., потому что жить надо по-человечески; я завел фруктовый сад, виноградник; все это дело моих рук, иначе говоря, все хозяйство в исправности. Что же оказывается? Если я захотел оторваться от земли, от своего хозяйства, потому что надо мной несчастье стряслось или потому что у меня явилось желание и потребности переменить деятельность, разве я могу это сделать? Разве я могу оставить это хозяйство? Нет, не могу, потому что я должен буду лишиться всего того, что я потратил в продолжение всей своей жизни, — все это мною будет потеряно. Вот результаты моих жизненных трудов. Значит, вы ставите сельское хозяйство в неблагоприятные условия, и люди, любящие сельское хозяйство, не будут иметь возможности заниматься тем, что их влечет, и им придется пойти в совершенно другую сферу. Такой постановкой дела вы

удерживаете людей и делаете их не свободными, а рабами земли, и эта привязанность цепями и годами человека и земли друг к другу несовместима с понятием человеческой свободы, и, кроме того, это отражается на успехах сельскохозяйственной деятельности.

Здесь нам был поставлен вопрос о форме землевладения, и вот от этого-то вопроса отмахнулся член Рады Манжула! Он сказал, что по условиям времени это ясно и нечего обсуждать, по условиям времени ясно, что нужно покончить со всем этим, — и больше ничего. Почему? Да по условиям времени! Представитель ведомства земледелия говорит, что от правильного разрешения вопроса о земле зависит то, что, может быть, братья-враги, обагряющие кровью поля, протянут друг другу руки. Он сказал, что на это надеется. А что если это так? Тогда этот вопрос спешный и неотложный. Если можно прекратить братоубийственную войну, мы должны, не колеблясь, сделать для этого все зависящее от нас. Но действительно ли мы можем надеяться прекратить братоубийственную войну принятием предлагаемого законопроекта и, следовательно, предлагаемое решение земельного вопроса будет правильным? Очевидно, это неверно. Неужели оно станет правильным и приобретет силу, когда к положению Рады 17-го года будет прибавлено то, что рекомендует член Рады Скобцов? Если бы это было так, то и разговаривать нечего. Но вы знаете, что Учредительное собрание в Петрограде первым делом сказало, что частная собственность отменяется. И что же случилось? — Братоубийственная война не была предотвращена, народ отвернулся от Учредительного собрания и пошел за большевиками. Это — факт несомненный. И, значит, надеяться на то, что это — правильный ответ, нет оснований. Вы понимаете, что психология народа иная; он желает взять землю, получить землю, но ваши наказы не говорят о том, как он будет владеть ею. Этого еще нет и не обсуждалось как следует. Общинная форма владения землей уже нарушается выделением полных земельных участков, и в этом направлении пойдет изменение формы владения землею в Кубанском крае. Я думаю, тем, от чего отмахивался член Рады Манжула, нельзя ничего достичь; как не достигло цели своим решением Учредительное собрание, так не достигнет и краевая Рада. Значит, так к вопросу относиться нельзя, отмахиваться не следует, нужно спокойно подойти и рассмотреть, в чем дело.

Председательствующий. — Никто не отмахивался, и подходили к вопросу так, как понимали. Прошу продолжать. *(Среди членов Рады шум, протесты.)* Призываю к порядку.

Член Рады Морев. — Я высказываю свое отношение к вопросу о собственности на землю и думаю, что в этой реформе дело не в том, что будет собственность или не будет собственности. Это особое решение вопроса, и на этом настаивает, это поддерживает и самобытная русская социалистическая партия социалистов-революционеров, доказывая, что собственность на землю должна быть уничтожена. И вы увидите, что земельная комиссия, предлагающая проект, только расширила это положение и захватила даже те земли, которые находятся под домами.

Мы знаем, что земельный вопрос вызван другими обстоятельствами, но частная собственность на землю в известных случаях является самым жестоким и непреоборимым средством примитивной эксплуатации и порабощения человека. И вот в этой своей части, в этих случаях собственность на землю должна быть ограничена, чтобы

земля не являлась средством для порабощения людей. Исходя из этого, я предлагаю, чтобы собственность на землю была ограничена в пределах нормы, в которых можно наилучше использовать землю и рабочие руки, которые привязаны к ней. Член Рады Белоусов сказал, что нужно совсем уничтожить частную собственность; что, если оставить частную собственность хотя бы для участков маленьких, находящихся в руках трудового населения, то могут быть злоупотребления, закон может быть обойден. Белоусов — юрист и говорит, что закон этот не нужно издавать, потому что его можно обойти, им можно злоупотреблять, а нужно издать другой. Но ведь и другой тогда можно обойти! Вот поэтому я и думаю, ясно и определенно, что собственность должна быть ограничена, она не должна являться средством порабощения людей, и никто не имеет права на владение участком более установленной нормы.

Теперь перейду к следующему. Должен сказать, что здесь, когда говорили о земле как собственности и распоряжении землей, то смешивали эти два понятия. Я думаю, что если сохранить право распоряжения и пользования землей, то заведомо это будет не что иное, как частная собственность, так как право распоряжения — главнейшая составная часть права собственности. Это первое мое положение. Теперь второе положение. Оно касается вопроса о том, на какие земельные размеры рассчитана реформа в Кубанском крае. Из-за чего же проливается кровь? Как здесь говорилось, представитель ведомства земледелия вам сказал, что из-за той земли, которой насчитывается у нас 500 тысяч десятин; что эта земля стоит 4—5 миллиардов, — она причина пролития крови. Я с ним говорил относительно расчета по оценке этой земли; он согласился, что при умножении ошибся, потому что 500 тысяч десятин при самой высокой расценке — по 400 руб. десятина — стоят всего 200 миллионов, а не 4—5 миллиардов. Затем дальше. В проекте, который предлагают, сказано, что землю нужно отобрать бесплатно. Если действительно народ стоит на той точке зрения, что надо землю бесплатно дать, то — это верно, надо дать ее бесплатно, но есть и другая сторона. Бесплатно отчуждать дело нелегкое, потому что земля обременена долговыми обязательствами, и, кроме того, есть земля купленная. Я думаю, что в отношении тех, кто покупал землю, не особенно будет удобно, если землю возьмут и ничего не заплатят. Сколько задолженности на земле в Кубанской области — я не мог в этом отношении получить точных сведений от ведомства, но, по моему соображению, не менее 80 миллионов. Значит, стоимость отчуждаемой земли приближается к 120 миллионам. Но и это, скажем, неприемлемо. Если уменьшить оценку в два раза, то будет 60 миллионов. Если правда, что из-за этой земли льется кровь и люди, вцепившись друг в друга, попутно загубили колоссальные ценности, исчисляемые миллиардами, то вы же понимаете, что это нелепость, а если подумать о загубленных при этом жизнях, то нужно сказать — нелепая, безумная жестокость, бесконечно обидная для человека и непоправимо тяжелая, кошмарная.

До сих пор по закону имущества лишали только преступников, для нужд же государственных лишали за плату. Осуществлять реформу за счет группы лиц, реформу государственного значения, несправедливо. Тот, кто имеет имущество в земле, тот понесет расходы по осуществлению этой реформы, но тот, кто имеет дом, фабрику или капитал, или кто успел уже продать землю, тот, оказывается, никаких расходов по осуществлению этой реформы не понесет. Повторяю, это — несправедливо.

Затем я должен сказать, что начинать строительство свободного правового государства с экспроприации не следует, и нужды в этом нет. Когда я сказал об этом в комиссии, то один из членов комиссии заявил мне: «Так вы хотите озолотить землевладельцев?». *(Голос с места: «Правильно».)* На это я ответил: от «озолотить» до «сделать нищими и пустить по миру» — дистанция огромного размера. И комиссия знала, что сделает нищими и пустит по миру. Об этом свидетельствует особый пункт законопроекта, в котором говорится, что у землевладельцев безвозмездно отчуждается земля и те из них, которые по состоянию своего здоровья не могут работать на земле, должны получать пособие из краевой казны. *(Читает.)* «Владельцы безвозмездно отчуждаемых земель, а также их вдовы и сироты, которые по своему возрасту или состоянию здоровья не могут добывать средства к жизни личным трудом и не имеют других источников, кроме бывшего дохода с земли, получают пособие из краевой казны в установленном законом размере». Иначе говоря, сделают нищими и по миру их пустят, за исключением тех, которые должны умереть от голода. Я думаю, что в этом тоже есть несправедливость. Я вам скажу, что будущность той страны, где издаются неразумные законы, — печальна; тот народ несчастен *(Шум, протесты.)*, но где издаются законы заведомо несправедливые, там народ разлагается. Этого допущено быть не должно. Я прямо заявляю, что, прежде чем вы перейдете к постатейному чтению, вы должны выслушать другие мотивы, более подробные, о том, что земли нужно выкупить. *(«Довольно, довольно».)* Я знаю, что для вас «довольно». Конечно, взять эти деньги с тех, кому земля будет дана, невозможно, потому что она будет дана безземельным или малоземельным, т. е. тем, у кого, конечно, средств не имеется. Раз земельная реформа проводится в интересах государства, то расходы по ее осуществлению должны быть приняты всем населением области. Нужно привлечь к покрытию этих расходов домовладельцев и спекулянтов, которые на бирже теперь наживают бешеные деньги, торговцев, фабрикантов, заводчиков и вообще всех имущих, потому что это делается для устроения края и достижения их же благ.

Теперь я коснусь самого последнего, самого важного пункта — это вопрос о том, что, как вы слышали, реформа проводится не в обычное время, а под давлением исключительных обстоятельств: затуманенные массы населения, результаты братоубийственной войны и проч., и земля должна быть взята для того, чтобы дать ее тем, кто не имеет, или кто ее имеет, но не в достаточном размере. Я тоже не сторонник создания эфемерных хозяйств, т. е. чтобы раздавать землю в таком размере и устраивать такие хозяйства, которые, привязывая человека к земле, не давали бы возможности рассчитывать на какое-либо благосостояние. Хозяйства должны быть так поставлены, чтобы труд был использован наилучшим способом и полностью. Здесь говорили о порядке отдачи земли — кому и в каком количестве нужно отдавать землю в Кубанском крае. Если эта реформа — государственного значения, то при разрешении вопроса, кому нужно отдавать землю, всякие признаки принадлежности к тому или другому сословию должны быть отброшены. В первую очередь нужно давать малоземельным, а не безземельным, исходя из того соображения, чтобы дополнить и поддержать, сделать прочными те хозяйства, которые уже существуют, — это и разумно, и необходимо, и осуществимо, тогда как безземельным мало дать землю, им нужно дать еще и инвен-

тарь, и капитал для того, чтобы поставить это хозяйство как следует. Я думаю, что все население Кубанской области — казачье и неказачье — в притязаниях на землю должно быть уравнено.

Должен сказать, что новый проект, оглашенный от имени Ейского отдела, зовет нас не вперед, а имеет целью на основании исторических прав восстановить то, что было. Это мне напоминает одно грустное обстоятельство, когда в государственном совете один из членов его — тоже на основании исторических данных — говорил о восстановлении крепостного права. Тут есть бесспорная аналогия. Чем вы представляете себя в тот момент, когда вы строите новое свободное государственное образование, а вас просят в земельной реформе не вперед идти, а назад, к тем формам, которые были созданы при условиях, ничего общего с настоящими не имеющих? Конечно, это предложение вызвано не государственными соображениями, а соображениями совершенно другого характера, и потому не только по обстоятельствам политического момента, но и по чувству справедливости допущено быть не должно, и я скажу, что за этим проектом идти не следует. До сего момента в Кубанской области помимо казачьего населения насчитывается около 1 милл. 700 тысяч неказачьего населения, занятого большею частью в сельском хозяйстве. Очень часто земельное неказачье население помимо обработки своих участков арендовало земли у крупных владельцев и у казаков из дополнительных их наделов. На практике бывало так, что эта аренда происходила через посредников, которые забирали большие барыши от хозяев. Что же случится, если эти земли возвратить, как предлагает проект Ейского отдела? А то, что у значительной части населения будет выдернуто всякое основание для продолжения его хозяйственной деятельности, и это действительно станет еще большей опасностью, чем было раньше. Вы поставите себя в условия, из которых выхода не будет.

Председательствующий. — Считаю долгом напомнить оратору, что, по наказу, вы можете пользоваться временем не более часа. Ваш срок истек. *(С мест: «Просим», «Время кончить».)*

Член Рады Морев. — Позвольте мне сказать всего только два слова. Я вижу, что вы слушать не расположены, и отмечаю это с болью в сердце, но я задержу вас не более как на две минуты.

Председательствующий. — Виноват, краевая Рада вас слушала уже целый час. Я прошу вас не пререкаться.

Член Рады Морев. — К сожалению, земельный вопрос такой обширный, что вы должны были заслушать и три часа.

Председательствующий. — Рада разрешила вам продолжать.

Член Рады Морев. — Что случится, если вы примете проект Ейского отдела? Вся земля пойдет туда, откуда она пришла, но не к историческим ее владельцам, а к тем, которые после появились, — она перейдет к казакам, а для устройства остального населения ничего не останется. Вы скажете, что для сельскохозяйственного устроения населения неказачьего имеются земли казенные — но вы и их забираете. Этим вы действительно засвидетельствуете свое отношение к неказачьему населению, которое также имеет право на эту землю. Итак, с какой бы точки зрения ни подходить к этому вопросу, надо прямо сказать, что в этом деле нужно быть и осторожным, и справедли-

вым. Предложение же Ейского отдела сочувствия не найдет ни у нас на Кубани, ни в остальной России. *(Аплодисменты.)*

Председательствующий. — Слово предоставляется члену Рады полковнику Роговец. *(«Перерыв», «Перерыв».)*

Член Рады Роговец. — Господа члены Рады! Я знаю, что надо сделать перерыв. Я вошел на эту кафедру не с такой кипой газет и разных документов, как предыдущий оратор, а вошел с чистым казачьим сердцем и буду говорить от него. Предыдущий оратор намекнул, что докладчик с этой кафедры применял те способы, которые применяли большевистские демагоги. Я, господа, говорю, что предыдущий оратор пользовался теми же приемами демагогии. *(Кто-то с места: «Правильно».)*, когда он говорил… *(Шум, протесты, «Просим».)* А когда он перешел к вопросу о земле, он стал говорить уже совершенно иное.

Господа, этот вопрос, который, конечно, разбирается и в станицах, здесь, в конце концов, решится, и мы придем к тому, что сказал член Рады Манжула, т. е. что нам нужно эту землю распределить между малоземельными и безземельными, и тогда уже займемся тем, о чем здесь говорил предыдущий оратор. И затуманивать нам вас нет смысла. Мы не ведем этим законопроектом к нищете, мы сперва хотим получить землю и тогда уже будем изыскивать средства к ее улучшению, как ее лучше обработать, чтобы быть богаче в 10—20 раз. Предыдущий оратор указал нам, что казаки многоземельны. Но, господа члены Рады, оратору, вероятно, известно, что казаки четыре года были на войне, а дома оставались старики, жены и дети, вот и получилось, что земля осталась незасеянной, оказалась как бы лишней. Сейчас льется кровь, и мы полагаем, что разрешение земельного вопроса уменьшит антагонизм в этом отношении, хотя разрешить этот вопрос так, чтобы было полное удовлетворение, невозможно, так как взаимоотношения трудового населения крайне обострились. Я хотел вам напомнить слова члена Рады Манжула, что нам нужно выслушать каждого оратора, вникать в каждое его слово, но не поддаваться, не идти по той торной дорожке, которую нам указывают; казакам нужно стоять плечом к плечу. Когда мы образуем фонд, распределим землю, тогда мы изыщем средства более совершенной обработки земли — может быть, мы будем пахать тракторами и т. п.; тогда, может быть, через десятки лет, мы будем одними из наилучше обрабатывающих землю. Но мы должны сначала это право приобрести, чтобы не было недоразумений, которые существуют. Некоторые ораторы говорят, что это неразумно, и хотят повести по другой дороге, но я вас предостерегаю в этом отношении. Мы должны смотреть с точки зрения именно казачьей на распределение земли, тогда мы будем думать правильно и напишем разумные законы.

Председательствующий. — Ко мне поступило предложение о закрытии списка ораторов. Записавшихся 31, высказалось только 12 человек, остается еще 19. Голосую. Большинством голосов список ораторов закрыт. Объявляю перерыв на 5 минут.

После перерыва.

Председательствующий. — Слово принадлежит члену Рады Павлоградскому. Его нет? Это заставляет меня проверить наличность кворума. Я прошу от каждого отдела избрать по одному представителю и подать мне сведения о числе депутатов. Следующее слово принадлежит мне, но некому председательствовать. Поступило

предложение о том, чтобы устроить перерыв до завтра. *(Шум.)* Я призываю к порядку: раз поступило предложение, то я должен поставить его на голосование. Кто против перерыва, тот может высказаться. Порядок заседания зависит от вас, от вашего внимательного отношения к тем обязанностям, которые вы в силу назначения должны выполнить. Поэтому я приглашаю вас к порядку.

Член Рады (фамилия не установлена). — Господа члены Рады! По-моему, прямо преступно делать перерыв. Я был в станице, там ожидают с нетерпением, что мы сделаем что-нибудь, а у нас почти не было работы. Посидим немного, и опять перерыв. Поэтому я прошу, чтобы хотя до 4—5 часов не делать перерыва и заниматься.

(Председательское место занимает товарищ председателя Усачев.)

Председательствующий. — Голосую. Большинством перерыв отвергнут и постановлено заниматься до 4-х часов дня. Слово принадлежит Султану Шахим Гирею.

Член Рады Султан Шахим-Гирей. — Господа члены краевой Рады! Только теперь, после речи члена Рады Морева, наметилось два течения. Одно течение отрицает в корне принцип частного владения, другое течение, в лице Морева, настаивает и защищает принцип частного владения, но с некоторыми ограничениями, и эти ограничения сводятся только к установлению максимума. Вопрос этот действительно очень спорный, и трудно установить превосходство того или другого принципа. Но есть отдельные законы в отдельных государствах, в которых установлены принципы владения землей. Почти во всех государствах, правда, существует частное владение землей, но в Австралии этого нет, а есть другое, это отдача земли в потомственное владение на 999 лет. По существу разницы между тем и другим нет, но последствия могут быть различны, в том смысле что частновладелец имеет полную возможность заложить, передать землю другому лицу, в то время как пожизненный владелец владеет, пользуется, но не распоряжается этой землей. И совершенно был прав тот, кто говорил, что в проекте имеются оба признака владения землей: право распоряжения — это есть отличительный признак права частной собственности — и право владения и пользования без права распоряжения.

Переходя к вопросам землевладения и пользования в Кубанском крае, устанавливаемым законопроектом комиссии, нужно заметить, что этот законопроект в том виде, в каком он представлен, должен быть изменен и пополнен. Я полагаю, что мы удовлетворим ушедших отсюда и внесем успокоение в население Кубанского края и не увидим кровавой бойни после того, как этот раздел земли произойдет так, как того требует жизнь и позволят условия обстановки. Законопроект этот отличается многими дефектами и недостатками. Прежде всего, если вы всмотритесь в законопроект, то увидите, что порядок землевладения разделяет население на 2—3 группы; имеются несколько отдельных групп, которым по законопроекту предоставлено право пользования на основании различных одно от другого прав. Такое разрешение земельного закона, когда одна сторона может быть облагодетельствована, а другая несколько обижена, не приведет к тому, к чему мы стремимся, к цели — установить порядок и поднять экономическое и культурное благосостояние Кубанского края.

В этом законопроекте есть и другой недостаток. Он совершенно не касается отраслей труда, вытекающих из самой жизни и склада хозяйства, — это вопроса о ско-

товодстве. Между тем вопрос этот должен быть строго разграничен. В то время когда хлебороб пользуется землей и увеличивает благосостояние своего хозяйства путем обработки земли посредством машин или приложения непосредственного физического труда, скотовод является кочующим человеком, живущим там, где лучше и где имеются более удовлетворительные пастбища для прокорма скота. Скотоводство имеет большое значение в Кубанском крае, и пройти мимо него — это значит поставить в такое положение кубанское население, когда оно будет покупать мясо не по 1 рублю, как сейчас, а по 15—20 рублей за фунт. А скотоводство, не обеспеченное пастбищами, вынуждено будет уйти на Амур или в Сибирь. *(Голос: «Это при распределении».)* Виноват, это совершенно другой вопрос, и его мы должны коснуться и сказать определенно, что для скотоводства должен быть определенный район и определенная территория, ибо, если такой обстановки для него не создадите, оно упадет. Скотоводством занимаются главным образом в нагорных полосах. Эти нагорные полосы изобилуют природными богатствами — вокруг них могут создаться отдельные поселения, даже города, образоваться горная промышленность, под влиянием чего скотоводство в нагорных полосах принуждено будет претерпеть большие изменения в смысле пользования пастбищами и ограничения территории землепользования.

Ко многому тому, что было сказано здесь, я присоединяюсь; в особенности к замечаниям, которые были сделаны здесь Ейским отделом. Ейский отдел более близко подходит к этому вопросу. Правда, в его предложениях есть недостатки и дефекты, но в них больше законченности и определенности, чем в проекте, представленном комиссией.

В силу вышесказанных соображений я бы внес такое предложение: ввиду того что вопрос этот является очень сложным и проект, представленный комиссией на обсуждение краевой Рады, подвергся большой критике и в него внесено много замечаний, — передать его обратно в комиссию, чтобы она вновь разработала его, приняв во внимание все те замечания, которые были сделаны в пленуме; тогда этот законопроект в переработанном виде, может быть, разрешит более благоприятно земельный вопрос. Но я как представитель горского народа в Кубанской краевой Раде должен высказаться по существу этого вопроса, имея в виду защиту земельных интересов кубанских горцев. Один из ораторов сравнил положение городов, этих культурных центров, с положением горцев. Такого сравнения не должно быть и не может быть. Горцы отличаются от остального населения Кубани по религиозным и бытовым условиям, но они, несомненно, также имеют право на развитие своей национальной культуры, конечно, не в ущерб русской культуре, а только в помощь. И вот возникает вопрос, какими мерами можно создать для горцев те условия, при которых они могли бы развить свою культуру? Вчера один из ораторов, говоривших с этой кафедры, сказал, что недостаточно дать право, недостаточно сказать, что мы — свободные граждане, а нужно эту свободу построить на прочном фундаменте экономического обеспечения. Если мы посмотрим на карту Кубанского края и проследим историю экономического развития края, то увидим, что он является преимущественно краем земледельческим и экономическое благосостояние его покоится на землепользовании и землевладении. Я не буду говорить об исторических правах, ибо, если разбираться в этих правах, то можно,

делая те или иные выводы, в них запутаться; тогда можно говорить о праве военного захвата и других правах, которые проистекают из существования самого народа на территории Кубанского края. И эти вопросы могут осложнять работу, но не разрешать основного вопроса.

Когда возникает вопрос относительно Кубанского войска как общинного владения, мне невольно вспоминаются те времена, когда отделы составляли одну единицу, не разделенную на юртовые территории, и горцы пользовались своей землей, как пользуется до сих пор Кубанское казачье войско. Там не было перехода из одного аула в другой, и понятие «иногородние» им было чуждо. Каждый отмежевывал себе кусок земли и работал и жил на ней. Иду далее: был обычай в старину, который я еще застал, будучи мальчиком: все аулы засевали всю площадь, и затем урожай каждый брал для себя. Это был примитивный вид того кооператива, который в настоящее время развивается. Ясно, что не чужд горскому народу принцип общинного землевладения, и если я стану на точку зрения развития, просвещения, культуры этого народа, то, несомненно, должен позаботиться и о том, чтобы они имели почву для дальнейшего развития, для чего горцам и должны быть возвращены прежние права и они должны пользоваться своими землями на началах общинного владения, как пользуется Кубанское казачье войско, и у них должен быть свой земельный фонд. Как будто принцип общинного владения устарел, жизнь выбросила его за борт и возвращаться к нему не следует, но если мы оглянемся назад, на историю развития культуры человечества, а в особенности на историю землепользования, на историю взаимоотношения отдельных обществ, то вы увидите, что тогда каждый человек заботился о себе и не было тех организаций и технических средств, которые объединяли бы людей, общество в смысле приложения общего труда для оборота капитала и товарообмена. Но при развитии кооперации общинные начала землепользования послужат тем цементом, который будет связывать людей; дополняя друг друга, эти два начала, кооперативное и общинное землепользование, дадут больше, чем мы думаем. Я предлагаю закончить на следующем: передать законопроект обратно в комиссию для переработки, чтобы она разработала, изменила и дополнила его, руководствуясь теми соображениями, которые были высказаны. Это — предложение Ейского отдела; оно поддерживалось многими; присоединяюсь к нему и я и предлагаю этот законопроект передать в комиссию для разработки.

(Председательское место занимает товарищ председателя Султан Шахим-Гирей.)

Член Рады полковник Налетов. — Рассматривая законопроект земельной реформы, который был предложен вашему вниманию, должен вам сказать, что ст. 1-я этого проекта рассматривалась неделю тому назад, когда еще не было утверждено положение об управлении Кубанским краем. Эта статья у нас вызвала много прений; в ней сказано, что «Кубанский край владеет, пользуется самостоятельно и независимо» и т. д.; невольно у членов Рады и в отделах явился вопрос: почему пользуется всем Кубанский край, а не истинный хозяин этого края — Кубанское казачье войско? Говорили и за, и против. В конце концов, большинство членов Майкопского отдела на частном совещании признало необходимым статью первую изменить и изложить таким образом: «Кубанское войско владеет и распоряжается всеми землями, недрами» и т. д.

Вчера, когда пересматривали проект земельной реформы, мною было внесено предложение, в защиту которого я должен выступить в отдельском совещании; но теперь это предложение я снимаю на том основании, что раз конституция утверждена и раз мы признаем, что Кубанское казачье войско не существует, то естественно, что вся земля должна принадлежать не Кубанскому казачьему войску, а Кубанскому краю.

Председательствующий. — По конституции Кубанское казачье войско не упразднено.

Член Рады полковник Налетов. — Тогда простите, я сбиваюсь. Предложение ввести слова «Кубанское войско» вместо «Кубанский край» исходило из соображений, что истинным хозяином на Кубани является, несомненно, Кубанское казачье войско. Когда большевики захватили власть и вошли на Кубань с лозунгами: «Свобода и земля трудовому народу», то эти заманчивые лозунги были приняты особенно сочувственно молодыми казаками и борьбы против себя сразу не вызвали. Когда же эти лозунги были жестоко нарушены и вместо воли большевики навязали свои собственные хотения; когда из казаков никто не мог высказать своих собственных мнений, а должен был говорить так, как думают большевики; когда произвол властей распространился не только на личность, но и на имущество; когда земельный вопрос, который большевики обещали разрешить, не был разрешен в положительном смысле, а, наоборот, у казаков стали отниматься последние крохи, — казачество взялось за оружие и стало доказывать, что само является единственным хозяином края и не допустит кого-либо распоряжаться своей землей и своей волей. Казачество восстало с оружием с одним могущественным лозунгом, что оно живо и будет жить, и что ему впереди предстоит великая работа по воссозданию России. Кубанское казачество еще не изжило себя, казачество должно существовать, и казачество должно распоряжаться в своем крае всем положительно и решительно. И раз во главу законопроекта должно быть поставлено прежде всего Кубанское казачье войско, то поэтому мы думали, что не нужно будет писать и в первом разделе — «Кубанское казачье войско владеет, пользуется и распоряжается», а писать: «Кубанскому казачьему войску принадлежат все находящиеся в крае земли» и затем: не «в краевой земельный фонд», а — «в фонд Кубанского казачьего войска». Я полагаю, что это явится логическим следствием работ той комиссии, которую вы назначили.

У нас есть согласительная комиссия для урегулирования взаимоотношений между иногородними и казаками; у нас назначена комиссия, которая должна выработать условия приема иногородних в казаки. Но если мы приняли конституцию, то надобности в этой комиссии нет, потому что каждый составной элемент Кубанского края получает права гражданства и нет надобности коренному иногороднему жителю перечисляться в казачье сословие. Конституция ясно гласит: «Все граждане равны перед законом и пользуются всеми свободами и равными правами». Я хочу сказать, что законопроект о земельной реформе составлен не в духе казачества, не в духе наших наказов, которые нам давались из станиц нашими избирателями. Избиратели, посылая каждого из нас, говорили, чтобы мы прежде всего разрешили военный и вопрос земельный, но полномочий на отдачу казачьих прав нам никто не давал. *(Аплодисменты.)*

Председательствующий. — Господа члены Рады! Я не хотел перебивать оратора и потому должен сейчас сделать фактическую поправку, указать, что Кубанское каза-

чье войско по конституции существует. Второе — в конституции говорится о том, что все граждане одинаковы перед законом, а не в смысле экономическом или социальном. Считаю это своим долгом заметить. Поступило предложение о прекращении прений и о передаче законопроекта в комиссию. Есть желающие говорить против? Докладчик от своего последнего слова отказался. Кто за то, чтобы этот законопроект передать в комиссию? *(«Спешно».)* Прошу согласных поднять руки. Кто против? Принято значительным большинством.

Господа члены краевой Рады! Сегодня мы должны решить вопрос о размере содержания главе Кубанского края, а также Кубанского казачьего войска. Мне представили цифры только два отдела: Екатеринодарский и Лабинский. Таманский отдел также вырешил этот вопрос, но только в условной форме. Может быть, мы сейчас перейдем к обсуждению этого вопроса? Лабинский отдел внес такое предложение: войсковому атаману жалованья 24 000 и на представительство также 24 000 рублей в год; председателю Законодательной Рады — 12 000, товарищам и секретарям по 10 000, членам Законодательной Рады по 9000 рублей в год, членам краевой Рады по 25 рублей в сутки. Мы будем обсуждать вопрос только о жалованье войскового атамана. Екатеринодарский отдел предлагает: войсковому атаману жалованья 48 000 и на представительство 24 000; председателю Законодательной Рады 18 000 рублей, товарищам и секретарям по 12 000 рублей, рядовым членам 9600 рублей и, кроме того, увеличить жалованье председателям соответствующих комиссий на время занятий комиссий; членам краевой Рады по 25 рублей в сутки. Кавказский отдел предлагает: войсковому атаману 36 000, членам Законодательной Рады по 9000 рублей. Ейский отдел предлагает: войсковому атаману жалованья 36 000, собрание делегатов Ейского отдела предлагает в бюджетном порядке образовать особый фонд по расходам на общее представительство. Таманский отдел — войсковому атаману 48 000, включая сюда и представительство, членам Законодательной Рады по 12 000 в год, членам краевой Рады по 25 рублей в сутки; председателю Законодательной Рады — как и председателю правительства. Я должен вам заметить, что председателю правительства будет определять жалованье Законодательная Рада. Майкопский отдел предлагает войсковому атаману 36 000, членам Законодательной Рады 10 800 рублей в год, членам краевой Рады по 30 рублей суточных. От других отделов сведений нет. По поручению Ейского отдела член Рады Павлоградский заявил, что членам Законодательной Рады по 6000 рублей годового оклада. *(«Мало».)* Таким образом, внесены предложения от шести отделов. Желающие по этому вопросу говорить есть? Нет. Я повторяю, не угодно ли вопрос о содержании войскового атамана рассматривать отдельно, а потом о членах краевой и Законодательной Рад. Угодно ли принять такой порядок? *(Голоса: «Просим».)* Желающих говорить по этому поводу прошу подавать записки. *(Голоса: «Без прений, баллотировать цифры».)* Я все-таки предложил бы высказаться по этому вопросу хотя бы двум или трем, чтобы не было недоразумений. *(Голоса: «Этот вопрос в отделах обсуждался».)* Ставлю на баллотировку. Кто за то, чтобы без прений баллотировать? Кто против? Принято без прений.

Ставлю на голосование не в порядке поступления предложений, а в порядке цифровых данных. Начинаю с большей цифры — предложения Екатеринодарского от-

дела. Войсковому атаману жалованья 48 000, на представительство 24 000. Кто за то, чтобы атаману было определено жалованья 48 000? *(Голоса: «А представительство?»)* Я баллотирую отдельно жалованье и отдельно представительство. Кто за то, чтобы войсковому атаману было назначено жалованье 48 000, тех прошу поднять руки. Кто против? Большинство против. Кто согласен, чтобы на представительство было определено 24 тысячи? Кто против? Большинство против. Предложение Екатеринодарского отдела отвергнуто.

Предложение Таманского отдела. Жалованья 36 000 и 12 000 на представительство. Кто за то, чтобы жалованье атаману было 36 тысяч? Кто против? Очевидным большинством принята цифра 36 000. Кто за то, чтобы на представительство было 12 000? *(Голоса: «Мало».)* Я прошу не перебивать. Это своего рода агитация, когда во время баллотировки посылаются с мест возгласы — это недопустимо. Кто находит, что этого мало, может не поднимать руки за принятие этого предложения. Кто за то, чтобы войсковому атаману было определено 12 000 на представительство? Кто против? Принято очевидным большинством 12 000. Прикажете голосовать дальше?

Я голосую предложение Лабинского отдела. Жалованье атаману 24 000, на представительство 24 000. Голосую отдельно. Кто за то, чтобы войсковому атаману было жалованья 24 000? Кто против? Явное большинство. Господа члены Рады! Таким образом, считается принятым предложение Таманского отдела: жалованья 36 000 и 12 000 на представительство. Прикажете голосовать дальше? *(Голоса: «Просим».)*

Предложение Екатеринодарского отдела отличается наибольшей полнотой и порядком цифровых данных, а потому я буду голосовать его первым. Председателю Законодательной Рады жалованья 18 000 рублей, его товарищам по 12 000 и секретарям тоже по 12 000, а членам Законодательной Рады по 9600. Предложение Лабинского отдела: председателю Законодательной Рады 12 000, товарищам по 10 000, членам Законодательной Рады по 9000 рублей. Вот эти два предложения и имеются. *(Голоса: «А Таманский отдел?»)*

Член Рады Омельченко. — Господа члены Рады! Жалованье председателю Законодательной Рады Таманский отдел в принципе решил назначить не меньшее, чем председателю краевого правительства, и так как председателю правительства будет определять Законодательная Рада, то этот вопрос Таманский отдел полагал вырешить в краевой Раде только принципиально, а потом, когда уже будет определено жалованье председателю правительства, такое же жалованье определить и председателю Законодательной Рады.

Председательствующий. — Я полагаю, что определение жалованья председателю Законодательной Рады и президиуму — это, несомненно, входит в компетенцию краевой Рады, и краевая Рада выносит об этом постановление. Поэтому я ставлю на голосование предложение Екатеринодарского отдела: председателю Законодательной Рады — 18 000.

Член Рады Омельченко. — Разрешите мотивировать предложение Таманского отдела. Дело в том, что здесь было высказано мнение, противное мнению Таманского отдела.

Председательствующий. — Я вновь заявляю о компетенции краевой Рады. Екатеринодарский отдел председателю Законодательной Рады определил 18 000, Лабинский отдел — 12 000; Екатеринодарский отдел: товарищам председателя и секретарям по 12 000, Лабинский отдел — по 10 000, Екатеринодарский отдел: членам Законодательной Рады по 9600 р., Лабинский отдел — по 9000 р., все это прошу принять во внимание. Голосую предложение Екатеринодарского отдела. Кто за то, чтобы председателю Законодательной Рады жалованье дать 18 000 рублей? *(Голоса: «Непонятно».)*

Председательствующий. — Что же тут непонятного? Кто за то, чтобы председателю Законодательной Рады определить жалованье 18 000, тех прошу поднять руки. Кто против? Большинство. *(Голос с места: «Таманский отдел воздерживается от голосования».)* Представитель Таманского отдела просит слова для мотивировки. Угодно ли собранию дать слово? *(Голоса: «Просим».)*

Член Рады Омельченко. — Господа члены краевой Рады! Таманский отдел, обсуждая вопрос о вознаграждении, пришел к заключению, что председатель Законодательной Рады должен получать не меньше, чем председатель краевого правительства, иначе, как находит Таманский отдел, этим будет унижено достоинство такого высокого представительного учреждения, каким является Законодательная Рада, а так как председателю правительства определяет содержание Законодательная Рада, то мы от определения цифры жалованья председателю Законодательной Рады отказались впредь до определения такового председателю правительства.

Председательствующий. — Я ставлю на баллотировку, так как голоса требовали проверить. Кто за то, чтобы председатель Законодательной Рады получал 18 000 рублей в год, тех прошу поднять руки. Кто против? Большинство. Цифра 18 отклонена. Кто за то, чтобы председатель Законодательной Рады получал жалованья 12 000? *(«Пятнадцать».)* Я ставлю на голосование цифру 15. Прошу согласных поднять руки. Кто против? Меньшинство. Принято 15 000. Но все-таки я поставлю на голосование и 12 000. Кто за эту цифру? Кто против? Очевидное большинство. Значит, принято 15 000. *(Протесты. Голоса: «Эта цифра внесена с мест, она не обсуждалась в отделах».)* Ставлю на голосование еще раз. Кто за то, чтобы председателю Законодательной Рады определить жалованья 15 000? Прошу подсчитать. 116 голосов. Кто против этого предложения? Прошу подсчитать. 123 голоса. Предложение о 15 000 отклонено. Ставлю на баллотировку предложение Лабинского отдела. Кто за то, чтобы 12 000? Кто против? Очевидное большинство. 12 000 отклонено. Благодарю вас! У нас на очереди ни одной цифры больше нет.

Позвольте мне как председателю обратить внимание ваше на следующее.

Мною были поставлены на голосование все предложенные цифры, и вы их отклонили. Выходит как будто, что краевая Рада не желает обсуждать вопросы о цифровых данных. На самом деле, и баллотировка это показала, что этот вопрос стоит не так просто, как кажется с первого взгляда. Ввиду того что мы оказались в таком положении, вопрос о жалованье президиуму, а также и членам Законодательной Рады нужно обсудить и потом уже перейти к баллотировке. *(«Правильно».)* Угодно ли вам приступить к обсуждению вопроса о жалованье? Кто за то, чтобы обсуждать этот

вопрос? *(«До завтра».)* Кто против? Принято обсуждать. Угодно ли завтра или сегодня? *(«Довольно, завтра».)* Кто за то, чтобы сегодня? Кто против? Принято сегодня. Желающих по этому вопросу прошу высказаться. Прошу внимания. *(Шум. «Лабинский отдел предлагает остановиться на 15 тысячах, чтобы разговоров не было».)* Баллотировка окончена.

Член Рады Усатов. — У нас в отделе обсуждался этот вопрос, и отдельское заседание, исходя из тех соображений, что наша конституция установила такое положение, чтобы все существующие в крае власти сохраняли свою целость, чтобы одна власть не поглощала другой, предлагает, чтобы представители каждой власти не отличались и по размерам содержания друг от друга. И вот если председатель Законодательной Рады *(Председательствующий: «Прошу членов Рады зал заседания не покидать!»)* будет получать больше или меньше председателя правительства, это может вызвать недоразумения. Чтобы этого не случилось, Таманский отдел постановил, чтобы председатель Законодательной Рады как представитель законодательной власти в крае был на совершенно равных началах с представителем административной власти, т. е. с председателем правительства.

При обсуждении вопроса о вознаграждении президиуму Таманский отдел постановил, что все члены президиума должны получать жалованье наравне с рядовыми членами Законодательной Рады. Высказывалось мнение, что президиум работает больше, чем рядовые члены, и на него возлагается большая ответственность. В конце концов было принято большинством, что не только президиум работает, но и обыкновенные члены, особенно те, которые назначены в комиссии; есть такие комиссии, в которых членам их приходится работать не меньше, чем президиуму.

Член Рады (фамилия не установлена). — Господа члены Рады! Представитель Таманского отдела выяснил цифру о жалованье как-то однобоко. Он говорил, что председатель Законодательной Рады и председатель правительства должны быть уравнены, для того чтобы не умалять достоинства того или другого. Я смотрю на это совершенно иначе. Вы вникните в обязанности того и другого, возьмите работу, которая возложена на председателя Законодательной Рады и председателя краевого правительства. Дело в том, что председатель Законодательной Рады руководит парламентом, причем он сообразуется с определенными законами и работает не все время, и потому у него не такая масса работы, как у председателя правительства. Имеются и другие соображения: представители Законодательной Рады — люди выборные, а председатель правительства — это человек по назначению. Исходя из этих соображений, я говорю, что сравнивать председателя Законодательной Рады и председателя краевого правительства невозможно, ибо на председателе правительства лежит огромная и ответственная работа, и соразмерно с этим ему должно быть назначено повышенное жалованье.

Член Рады Ткаченко. — Екатеринодарский отдел при обсуждении вопроса о вознаграждении председателя Законодательной Рады, президиума и рядовых членов Законодательной Рады не касался того, сколько будет получать председатель правительства, так как это входит в компетенцию не краевой, а Законодательной Рады. Екатеринодарский отдел считался главным образом с дороговизной жизни в насто-

ящее время, и, принимая во внимание, что в прошлом году председатель Законодательной Рады получал 12 тысяч, жизнь же в сравнении с прошлым годом значительно вздорожала, остановился на 18 тысячах. Так как президиум Законодательной Рады должен работать без перерыва, то Екатеринодарский отдел нашел необходимым всему президиуму увеличить оклад по сравнению с рядовыми членами. Члены Рады будут иметь возможность пользоваться свободой, что им даст возможность искать себе другое место, тогда как члены президиума при беспрерывной работе будут лишены этого, Екатеринодарский отдел предлагает председателю Рады назначить 18 000, товарищу председателя и секретарю – 12 000 и рядовым членам по 9600 рублей. Кроме того, Екатеринодарский отдел усматривает, что на президиум, выделяемый комиссиями, будет возложена особая ответственность и особое внимание к делу, а поэтому Екатеринодарский отдел нашел необходимым сделать прибавку на время занятий президиуму каждой комиссии от 100 до 150 руб. в месяц.

Член Рады Слюсаренко. – Кавказский отдел предлагает председателю Законодательной Рады назначить жалованье 18 000, учитывая дороговизну жизни в настоящее время. Что касается сделанного здесь заявления, что председатель правительства будет работать с напряженным вниманием и следить за своим делом, должен спросить: а председатель Законодательной Рады как избранник, разве он не будет следить за своим делом? Я как представитель Кавказского отдела заявляю, что работа на представителях Законодательной Рады лежит не менее ответственная. Предлагаю председателю Рады назначить 18 000, а рядовым членам – 9600 рублей.

Представитель Ейского отдела (фамилия не установлена). – Ейский отдел не отделяет членов президиума от рядовых членов Законодательной Рады. Что касается членов Законодательной Рады, то при определении им содержания Ейский отдел стал на точку зрения тактическую. Вы помните, в прошлом году, когда Законодательная Рада была избрана и когда краевая Рада выработала оклады содержания, первыми политическими противниками на почве определения окладов оказались члены Законодательной Рады и члены правительства. Я скажу, что в настоящий момент эта сторона вопроса имеет существенное значение на том основании, что у нас ведется не только политическая борьба, но и борьба вооруженной силы, и эту вооруженную силу со всех сторон стараются развалить. Это естественно, и наши политические противники, применяя все способы и методы, изобретенные культурным человечеством за последнее время, стараются свалить и развалить вооруженную силу, которая мешает осуществить политические идеалы. Исходя из этих соображений, Ейский отдел полагает, что высокое содержание членам законодательных органов края вызовет целую бурю нападок и явится очень большим козырем в руках у наших политических противников. Поэтому, не определяя точных цифр, Ейский отдел постановил взять приблизительные – от 6 до 12 тысяч – и предложить их на усмотрение Рады.

Член Рады И. Белый. – Таманский отдел, обсуждая вопрос о содержании войсковому атаману и членам Рады, постановил, чтобы из числа членов президиума был выделен только председатель, а чтобы все остальные члены Рады и президиум получали одинаковое содержание, мотивируя это тем, что работу должны нести все члены Рады. Когда нам указывали, что президиум, т. е. члены его, несет больше ра-

боты, чем рядовые члены, то, вероятно, не все знали, что работа комиссий, особенно бюджетной или земельной, будет отнимать значительно больше времени, чем работа секретарей или товарища председателя. Дальше — эти комиссии будут работать вне сессий и задолго до начала занятий Рады будут собираться, а земельная комиссия, вероятно, будет оставаться и после сессий. Вот по этим соображениям Таманский отдел предлагает не устанавливать разделений между членами Рады и назначить им одинаковое содержание. Что касается цифры, то Таманский отдел решил, что все члены Рады должны получать по 12 000 в год. Конечно, можно назначить 6 и 4, но тогда я спрошу: кто за 4—6 тысяч будет работать? Если создавать парламент, то создавать так, чтобы он отвечал своему назначению и чтобы можно было требовать от него работы. Если же члены парламента должны будут бегать по урокам или на вечерние занятия, или вообще подрабатывать, уделяя парламенту очень мало времени, то какая же это будет работа?

Член Рады Подтопельный. — Господа члены Рады! Выходят представители разных отделов и опять-таки те же самые цифры приводят. Все равно голосовать придется, а так, мне кажется, мы ни до чего не договоримся и ни к чему не придем. Надо начать работать с другого конца. Давайте определять содержание нашим членам с добавлением квартирных — получим оклад рядового члена Рады. Учитывая то, что президиум Законодательной Рады будет работать больше, прибавим хотя бы по 150 руб., а председателю 250 руб. плюс на представительство. Нельзя же сказать, чтобы у председателя не было таких расходов. При таком порядке скорей придем к общей сумме и ничего недоговоренным не оставим. Кроме того, каждый отдел будет защищать свое предложение. Майкопский отдел предложил 30 руб. суточных, и это будет основой наших суждений. Исходя из 30 руб., получится в месяц приблизительно 900 р., а отсюда набавлять как президиуму, так и председателю, плюс на представительство.

Председательствующий Г. В. Омельченко. — Внесено предложение, которое направляет нашу работу по иному руслу. Слово предоставляется Султану Шахим-Гирею.

Султан Шахим-Гирей. — Я не вышел бы говорить по этому вопросу, если бы не было сделано предложение, которое невольно заставляет развести руками. Такие мотивы, которые были приведены, не могут быть приемлемы при определении размера жалованья председателю Законодательной Рады, президиуму и членам. Вы слышали предложение Таманского отдела, который хочет отделаться таким образом: когда его спрашивают, сколько назначить жалованья председателю Законодательной Рады, то он отвечает: «Столько, сколько председателю правительства». Иначе говоря, перенести обсуждение вопроса в Законодательную Раду. Я полагаю, что такое предложение не может быть приемлемо. В дальнейшем говорят, что председатель Законодательной Рады и остальные члены президиума должны получать одинаковое жалованье, а тем, кто будет работать в комиссиях, следует добавить; Таманский отдел говорит, что в комиссиях работают больше, и чтобы члены Рады не бегали по урокам, то им нужно увеличить содержание до 12 000. Прежде всего надо исходить из того положения, что председатель Законодательной Рады является представителем всего Кубанского края и потому

должен несколько отличаться от рядовых членов. Несомненно, он должен быть поставлен в такое положение, чтобы ему не приходилось искать заработка на стороне и не краснеть в случае, если бы пришлось принимать у себя дома того или иного общественного деятеля. Меня поражает то, что мы начинаем выгадывать на спичках, да и вообще на том, что необходимо, и хотим сделать то, чего нельзя делать. Надо бросить выгадывание на спичках и определить такое жалованье, какое оправдало бы его работу. Я предлагаю назначить председателю не менее 18 000. Здесь говорят, что товарищей председателя нужно уравнять с рядовыми членами, но это не так. Прежде всего товарищу председателя приходится работать очень много. Товарищ председателя должен работать беспрерывно в течение года, и из уважения к учреждению он не может поступить ни на какую другую службу и не может на стороне заниматься побочным заработком, в то время как рядовые члены работают 4—5 месяцев в году, а остальное время они свободны и имеют возможность зарабатывать кому как угодно. И вот эти соображения заставляют меня относиться осторожно к вопросу. Я предлагаю тов. председателя и секретарю жалованье не менее 12 000, так как, если судить по работе, то работу секретаря можно назвать «сизифовой». Баллотировать советую, исходя из 30 руб. суточных, отсюда определяется оклад членам президиума и председателю.

Председательствующий. — Внесено предложение об определении суточных для членов краевой Рады баллотировкой в порядке цифр: 30, 25, 20 рублей. Начинаю с 30. Кто согласен, чтобы члены краевой Рады получали по 30 руб.? Прошу поднять руки. *(«Перерыв», «Нет кворума».)*

(Председательствование принимает Султан Шахим-Гирей.)

Председательствующий. — Раздаются голоса, что нет кворума *(«Есть».)* На баллотировку в порядке старшинства ставлю цифру 30 руб. Кто за то, чтобы выдавать членам краевой Рады суточные в размере 30 руб.? Кто против? Ясно — большинством отклонено. Теперь ставлю на баллотировку 25 руб. Кто за 25 р., прошу поднять руки. Кто против? Принято 25. Поэтому 20 руб. не голосую. Этим решением будем руководствоваться и относительно членов Законодательной Рады, т. е. тем вознаграждением, которое установлено для членов краевой Рады, плюс квартирные. Ставлю на баллотировку. Предложение таково: установить годовой оклад в размере суточных для членов краевой Рады, т. е. 25 рублей умножить на 365 дней — будет 9000 р., да плюс квартирные. *(«Много», шум.)* Это ваше право — отклонить или принять; надо, чтобы был установлен годовой оклад. Предлагают 9000. Кто за то, чтобы принять 9000? Кто против? Принято 9000. Предложено было также квартирные прибавить к этому жалованью. *(«Нет, нет».)* Но я все-таки поставлю. Кто за то, чтобы прибавить квартирные? Кто против? Отвергнуто.

Теперь остается у нас президиум. Было предложено, чтобы членам президиума, секретарю и товарищам председателя определить содержание по 12 000. *(«Голосовать».)* Еще есть предложение Кавказского отдела: секретарю — 12 000, товарищу председателя — 15 000, а председателю — 18 000. Я прошу это иметь в виду. Кто за то, чтобы товарищ председателя и секретари получали по 12 000 годового оклада? Кто против? Принято 12 000. Остается разрешить вопрос об окладе председателю.

Кавказский отдел предлагает 18 000, другого предложения нет. *(«15 т.».)* Кто за то, чтобы было 18 000, прошу поднять руки. Кто против? Явным большинством предложение принято. *(«Посчитать».)* Ясно и так.

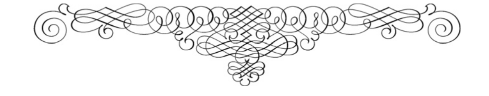
Вознаграждение членам Законодательной Рады и президиуму установлено в следующих размерах: 1) членам Законодательной Рады — по 9000, 2) секретарям — по 12 000, 3) товарищам председателя — по 12 000 и 4) председателю Законодательной Рады — 18 000. Членам краевой Рады установлено вознаграждение по 25 рублей суточных.

Имеется предложение Ейского отдела: «Собрание делегатов Ейского отдела выражает пожелание, чтобы был образован фонд расходов по общему представительству». Я понимаю это таким образом, что для покрытия расходов в случаях, когда нужно будет принимать представителей или посылать представителей, нужно образовать особый фонд. Угодно говорить по этому вопросу? *(«Нет».)* Большинством голосов предложение принято. Следующее заявление Екатеринодарского отдела о том, чтобы председатели и президиум комиссий получали оклады больше, чем рядовые члены Рады, на 150 рублей в месяц. Большинством голосов предложение отвергнуто.

Член Рады (фамилия не установлена). — Господа члены Рады! Я прошу сейчас решить вопрос, будет ли дворец предоставлен в распоряжение войскового атамана?

Председательствующий. — Это так ясно, что особого обсуждения не требуется. Дворец — главе края. Поступило предложение от Лабинского отдела, чтобы для ускорения работ Рады устраивать по два заседания в день — утреннее и вечернее. *(Голосование.)* Большинством голосов предложение Лабинского отдела отвергнуто. Объявляю заседание закрытым до 10 часов завтрашнего дня.

Заседание закрывается в 4 часа дня.

Стенографический отчет 22-го заседания Чрезвычайной Рады Кубанского края 23-го ноября 1918 года.

Заседание открыто в 10 ч. 35 м. утра председателем Н. С. Рябоволом.

Председатель. — Заседание возобновляется. Довожу до сведения гг. членов Рады, что в комиссию по рассмотрению докладов правительства вместо заболевшего члена Рады Крикуна выбран член Рады Высоцкий.

Господа члены Рады! От председателя земельной комиссии поступило сообщение, что, согласно вчерашнему постановлению Рады, состоялось заседание комиссии, и сегодня им может быть сделан доклад по проекту земельной реформы. Далее на очереди стоит обсуждение военного законопроекта. Но ко мне поступили заявления от отдельных членов Рады о необходимости ввиду устранения наблюдающегося ныне фактически правительственного кризиса возможно скорее, не ожидая конца занятий краевой Рады, произвести выборы атамана и членов Законодательной Рады. Они обращают внимание, что в продолжение всего этого месяца работ Рады у нас тянется правительственный кризис, потому что правительство и войсковой атаман заявили о сложении с себя полномочий. А вы понимаете, господа, что там, где жизнь и государственная работа едва налажены, там кризис тянуться долго не может, ибо это грозит тяжелыми последствиями для государства. Для устранения этого кризиса необходимо, по мнению означенных членов, несколько изменить существующий порядок. Обыкновенно Рада рассматривает сначала все законодательные вопросы и потом уже приступает к выборам, которые являются, так сказать, заключительным словом Рады. Но мы сейчас находимся в чрезвычайно тяжелом и сложном положении: нам приходится постоянно сноситься и вести переговоры с разными установлениями. В такой момент нам особенно нужны люди, облеченные доверием Рады. В настоящее же время тот из нас, кто хочет говорить с правительством, поневоле задумывается над тем, могут ли иметь какое-либо значение эти переговоры, когда, быть может, завтра этого правительства не будет. То же самое можно сказать и в отношении войскового атамана. И вот эти члены Рады предлагают вам сегодня обсудить по отделам вопрос: не признано ли будет возможным в ближайшем будущем сделать перерыв нашей текущей работы в целях избрания войскового атамана и Законодательной Рады, чтобы затем могло сформироваться правительство.

Это предложение я считаю своим долгом довести до вашего сведения и, в свою очередь, предлагаю поговорить об этом в отделах — производить ли выборы немедленно или в конце нашей работы; когда же будет конец этой работы — неизвестно, тем более что это зависит не от нас, а главным образом от хода работы согласительной комиссии; таким образом, правительственный кризис может затянуться на целый месяц. Этот вопрос удобнее предварительно обсудить в отделах, чтобы не тратить времени на прения здесь. Слово принадлежит докладчику земельной комиссии.

Член Рады Омельченко. — Господа члены Рады! В тех дебатах, которые были допущены по земельному вопросу, были сделаны доклады 15 ораторами, и в них вы-

сказывались некоторые пожелания. Я невольно должен остановиться, как докладчик комиссии, на этих пожеланиях, дабы было ясно, почему земельная комиссия пришла к тем решениям, которые я потом буду иметь честь вам доложить.

Дело в том, что гордиевым узлом в земельном вопросе является вопрос об уничтожении частной собственности. Почти все ораторы были солидарны с предлагаемым проектом и только два-три высказали сомнение в целесообразности предлагаемой реформы. Я невольно должен остановиться на соображениях г. Морева, потому что они послужили предметом обсуждения в комиссии. Морев, который принципиально стоит на отмене частной собственности, в данном случае отстаивал выкуп частной собственности. С этими соображениями комиссия согласиться не могла, ибо нам Морев предлагает в чистом виде программу партии «ка-де». Иначе рассуждать он и не может в силу личной заинтересованности в этом вопросе. Я невольно должен обратить внимание на речь Морева, потому что если он многих обвиняет в демагогических средствах, то в ответ на это я могу сказать, что г. Морев в этом отношении побил рекорд, потому что, проанализировав его речь, мы видим, что она сплошь представляет демагогию. Посмотрите, он говорит так, как говорили большевики, и звал к тому же: он советует равняться по бедноте — это лозунг большевиков. Этими приемами оратор старается доказать, что его мнения являются господствующими и целесообразными мнениями. Если проанализируете заявления Морева, то каждое из них является демагогией, несогласным с его личным убеждением. Г. Морев, будучи лично заинтересован в результатах реформы, в силу этого иначе рассуждать не может. Он жалеет, что народ думает, что земля — Божья. Да, это несчастье для таких, как г. Морев и К°. Я желаю, чтобы вы обратили внимание на те слова, которые он хотел мне приписать и которыми меня как докладчика хотел дискредитировать. На этом такие лица хотят строить свое личное благополучие. На протяжении истории мы имеем массу примеров, когда предложенные реформы не увенчались успехом. Конечно, такой взгляд я не обращаю на те мнения, которые высказывает г. Морев. Он спрашивает: «Почему мы должны стремиться к отчуждению, когда у нас земли и так много?», а только... *(Голос с места: «Докладчик должен беспристрастен».)*

Председатель. — Я предполагал, что вы выступаете как докладчик.

Член Рады Омельченко. — Я считаю своим правом напомнить о тех соображениях...

Председатель. — Виноват, господин Омельченко, я напоминаю, что как докладчик вы должны заняться своим вопросом, а сейчас не время и не место полемизировать с г. Моревым. Будет время, когда вы можете это делать и с г. Моревым, и с кем угодно, а сейчас прошу вас говорить по существу вопроса.

Член Рады Омельченко. — Уважаемые господа члены Роды! По-моему, мы имеем при обсуждении проекта остановиться главным образом на принципе отчуждения земли, необходимом для увеличения площади, которая будет находиться в нашем распоряжении. С точки зрение некоторых членов, как г. Морев и его единомышленники, нам не для чего стремиться к такому решению вопроса, потому что многие земли у нас еще не обработаны. Все члены комиссии единогласно заявили, что они такой земли не знают и желали бы знать, где такая земля и почему она не обработана. Перед нами

стал такой вопрос, и мы в недоумении пожали плечами. Морев как член комиссии нам успел несколько надоесть, выражаясь резко, особенно со своими взглядами партийного человека, партии «ка-де». Эти его взгляды встретили в нашей комиссии надлежащий ответ, но раз они были вынесены на пленарное заседание и раз проект был возвращен на рассмотрение комиссии, то я считаю долгом обратить внимание, почему мы с этим взглядом не могли согласиться.

В конечном счете мнения г. Морева для нас являются слишком правыми; с другой стороны, он выдвигает слишком левое положение, с которым мы также согласиться не могли, как не могли согласиться с предложением, выдвинутым г. Белоусовым, который, надо заметить, заявлял, что он стоит на одной платформе с нами, т. е. казаки и неказаки должны стоять на одинаковых кондициях и должны разрешить благоприятно земельный вопрос для всех тех, кого вы считаете гражданами Кубанского края. Такой принцип в чистом виде для нас является неприемлемым. Наш проект представляет нечто среднее — и не левое, как предлагает г. Белоусов, и не очень правое, как говорит г. Морев, а то, что диктуется сущностью дела.

При установлении конституции возникает вопрос, кто должен быть хозяином в крае, и нужно заявить, что хозяином является только казачество. Поэтому комиссия говорит, что нам не страшны те опасности, о которых так пессимистически говорил член Рады Макаренко; двадцать членов ее против одного — представителя Ейского отдела — заявили, что нам не страшны эти предупреждения, страшна лишь точка зрения, с которой говорил Макаренко, потому что она не устранит опасности, а навлечет, и потому, что казаки заявили, что все то, что они завоевали, должно принадлежать им, казакам, Этот сепаратизм казаков при политической ситуации является нетактичным, и мы не выиграем, а проиграем. А раз мы — край, то мы должны свой край строить с точки зрения края. Но мы должны добиться по нашему проекту всего того, о чем говорит г. Макаренко, и оставить за собою те две позиции, на которые мы должны будем отступить, если не на нашей стороне будет та сила, о которой говорил г. Макаренко. И вот, взяв это во внимание, мы на свой проект смотрим как на проект, удовлетворяющий казачье население. При данной ситуации событий мы смотрим на проект, что он ни в коем случае в сторону левизны пойти не может и не должен, потому что наш проект есть основа нашего казачьего бытия.

В нашем проекте красным платком является принцип отчуждения земли, который мозолит глаза члену Рады Колесникову, который говорит, что крови будет пролито еще больше, чем это было до сих пор. Меня удивляет, как это люди образованные не понимают следующих положений. В настоящее время вопрос идет об обсуждении принципов земельного законопроекта, а что касается распределения земли, то это будет ясно из наших резолюций, в которых мы говорим, что Законодательная Рада должна разрешить внутреннее земельное строительство. На Дону решили через каждые 17 лет делать передел, это их внутреннее решение, а у нас этот вопрос пока еще только решается: может быть, будет решено делать передел через каждые 25 или 50 лет. Это совершенно иной принцип, и смешивать эти понятия нельзя. Сеять некоторый сумбур в глазах слушателей и потом, пользуясь затуманенностью вопроса, достигать своих личных целей, которые в государственном строительстве являются только вред-

ными, не следует. Вся беда в том, что здесь ставят два вопроса и смешивают их, желая в своих речах дискредитировать первый вопрос. В конечном счете выплывает такое сомнение в глазах каждого из нас: а может быть, это на самом деле так? Я удивляюсь тому, как желают у нас этот вопрос затуманить кадетскими приемами.

Председатель. *(Звонок.)* — Что за выражение?

Член Рады Омельченко. — Итак, я кончаю. Принцип отчуждения — одно, а принцип распределения — это другое. Мы сейчас второго вопроса не ставим, ибо он является несвоевременным. Мы привыкли смотреть на землепользование с общинной точки зрения, а к каким результатам это нас приведет, мы увидим лет через пять-шесть, это скажет сама жизнь. Будут ли существовать переделы или что-либо другое — это вопрос отдельный и будет обсуждаться потом. Каплин и другие ораторы выдвигали вопрос об агрикультурном улучшении. Вы разрешите сначала основной вопрос, который перед вами поставлен, а тот вопрос — второстепенный. Что касается агрикультурного улучшения, то правительство занялось этим вопросом, и нам будет представлен доклад. Этот доклад настолько объемист, что если его доложить вам здесь, то практически работа Рады сведется только к одному земельному вопросу, а по другим она не успеет высказаться даже принципиально. Вот почему комиссия имеет в виду доклад об агрикультурном улучшении не делать, но, чтобы избавить некоторых от заботы ломиться в открытые двери, она вчера вынесла такую резолюцию: «Признавая, что экономическая будущность Кубанского края зависит от возможно быстрого поднятия сельскохозяйственной техники среди его земледельческого населения, Кубанская краевая Рада, в целях наилучшего использования производительности края и достижения прочного благосостояния казаков, горцев и крестьян, предлагает Законодательной Раде в спешном порядке разработать законопроект агрикультурной реформы и принять все меры для возможно быстрого проведения в жизнь стоящих на очереди сельскохозяйственных улучшений». Комиссия считает, что по этому вопросу ограничимся категорическим заявлением, что это должно быть сделано, но входить в рассуждение и детальное обсуждение проекта, который имеется у членов комиссии, мы сейчас физически не можем; не можем решать об этом потому, что ни у комиссии, ни у пленарного заседания не остается ни одной свободной минуты, которую можно бы было уделить тем вопросам, хотя и они являются вопросами первостепенной важности.

Я не буду утомлять вашего внимания разбором несостоятельности и неосновательности тех личных соображений, тех мотивов, которые высказывались здесь некоторыми ораторами по земельному вопросу, но смею вас уверить, что если бы мы не касались принципа отчуждения, то не имели бы места такие выступления, как Колесникова, который теперь не может арендовать землю по 25 коп. за десятину, ибо уже донское правительство в своем законе постановило, что спекулировать нельзя, и наша Рада, несомненно, вынесет такое же категорическое заявление, что пользоваться землей в таком виде невозможно. Тогда таким господам придется заниматься не чем иным, как поднимать руки к небу и вопить: «Какая несправедливость. Как вы можете так поступать и идти чуть ли не по стопам большевиков?» Я всем тем, которые пугают нас различными соображениями, скажу: как бы вы нас ни называли, а земля должна

быть отчуждена, и краевая Рада это сделает, потому что она иначе пред своими избирателями показаться не может. *(Аплодисменты.)*

Здесь очень хорошо по одному вопросу говорил член Рады г. Морев, за что мы будем ему только благодарны. Он говорил: «Если вы землю отбираете, то думайте о том, что платить нужно». — А где же денег взять? — «Зачем вы беспокоитесь об этом? Почему вы не берете денег с тех, кто имеет крупные капиталы, и зачем вы нас только обижаете?» — Так он советует и Раде, и комиссии, что земля должна быть выкуплена, а деньги взяты у крупных землевладельцев и помещиков. Мы, конечно, были очень благодарны за эти указания. Раз нужно при отчуждении выдавать пенсии и пособия, то, конечно, для этого нужны средства, а где взять и как взять, этим должна заняться не земельная комиссия, а финансовая. Финансовая комиссия примет во внимание и к руководству совет г. Морева и пойдет в этом направлении неуклонно. Конечно, в этом комиссия должна быть благодарна только г. Мореву, который дал целый ряд таких благих советов, но сейчас воспользоваться этими советами мы не можем, потому что это не по нашей специальности.

И вот, господа, те замечания, которые были сделаны, сами по себе, может быть, ценны, но мы стали на ту точку зрения, что комиссия исполнять работу согласно этим замечаниям не может, потому что в пленарном заседании, когда будут читать этот законопроект, вновь будут миллионы замечаний от ряда ораторов, и эти замечания будут ниспровергнуты как не выдерживающие критики. Комиссия была в затруднительном положении и не могла принять к сведению и руководству этих замечаний, так как тогда пришлось бы переделывать весь законопроект. Пока выдвигается два основных взгляда — земельной комиссии и Ейского отдела. Какая точка зрения, по мнению общего заседания, является приемлемой? Если вы заявите, что для вас более приемлем принцип Ейского отдела, то наш законопроект будет строиться в одном направлении; если же вы примете основную точку отправления нашей комиссии, то законопроект будет носить иную форму. Комиссия, находись в таком затруднительном положении, имеет честь доложить вам, что в пленарном заседании нужно поставить вопрос, с какой точки зрения нужно строить первые шесть статей нашего законопроекта, — с точки зрения комиссии или Ейского отдела? Однако, поскольку и тот и другой проект ставит принцип уничтожения частной собственности, то, значит, направление всего законопроекта обнаружится, как только Рада примет точку зрения первой, гласящей об этом статьи. Вот почему комиссия считает возможным представить на ваше усмотрение свой прежний проект и просит постатейно его читать и вносить поправки, потому что лишь в первой статье мы столкнемся с основным вопросом, а дальше все будет ясно, и потребуются только редакционные поправки. Я также прошу приступить к постатейному чтению проекта и положений Ейского отдела. *(Аплодисменты.)*

Председатель. — Некоторыми членами Рады мне сделан упрек. Указывают, что законопроект земельный был передан в комиссию; комиссия должна его пересмотреть, внести в президиум, а президиум заблаговременно поставит его на повестку. В данном случае я как председатель обязан был объявить, когда этот проект будет рассматриваться, чтобы все ораторы имели возможность принять участие в прениях. Упрек этот мне сделан правильно. Но, к сожалению, наша работа протекает при ненормальных

обстоятельствах, и я лишен возможности планомерно составить программу на два, на три дня вперед. Ввиду того что проект имеет чрезвычайно важное значение, я спрашиваю вас: находите ли вы нужным отложить рассмотрение этого проекта или будете рассматривать его сейчас? *(«Сейчас».)* Желающих высказаться нет? *(«Есть».)* Слово предоставляется члену Рады Маслову.

Член Рады Маслов. — Господа члены Рады! Вчера было решено передать законопроект в комиссию для переработки, поэтому есть многие члены Рады, которые не участвуют в сегодняшнем заседании. Я лично хотел выступать, но не приготовлен к этому, поэтому прошу передать вопрос в комиссию.

Председатель. — Кто будет говорить против передачи? Так как нет желающих высказаться, слово принадлежит докладчику.

Член Рады Омельченко. — Уважаемые члены Рады! Комиссия находится, как я вам уже изволил докладывать, в самом трагическом положении. Она выполнит волю краевой Рады, переработает этот проект, но она не знает, из какого принципа ей исходить. Помните, когда председатель комиссии по самоуправлению вышел и сказал, что комиссия по самоуправлению не может работать, потому что не знает, из каких принципов ей исходить, — точно в таком же положении находимся и мы. Необходимо установить два начала: строить ли этот законопроект, отменив частную собственность или закрепив ее, и, во-вторых, строить ли законопроект с точки зрения краевого управления или строить с точки зрения войскового управления. Если вы два эти вопроса разрешите, то все будет ясно, ибо это вопросы основные. Так как они находятся в первом разделе нашего законопроекта, то мы предлагаем, не откладывая, перейти к постатейному чтению, где мы столкнемся с этими вопросами и разрешим их как нужно, и тогда мы пойдем как по маслу. Если один из членов Рады не успел взять документов, соответствующих развитию его мотивов, это еще не служит причиною к отложению заседания. Те, кто не захватил с собою материалов, невольно мне напоминают богослова, который говорил: «Я бы победил тебя, но я не захватил с собою книг».

Председатель. — Ставлю на голосование вопрос: кто желает теперь же приступить к обсуждению проекта по существу? *(Большинство.)* Таким образом, переходим к обсуждению проекта. Прошу желающих ораторов записаться по общим прениям, по общему докладу. Слово предоставляется докладчику.

Член Рады Омельченко. — Господа члены высокого собрания! Я извиняюсь, что мне приходится третий раз вступать на эту кафедру, но должен сказать, что дело не в общих прениях, где мы будем высказывать свои взгляды. Так как эти прения выливаются в отдельные вопросы, то они могут происходить при постатейном чтении, и нам нужно открыть прения по статьям. Речами общего характера нам будут туман наводить, и мы не будем знать, что оратор хочет, но если мы будем говорить о статьях, тогда каждый оратор выскажет: «Я не удовлетворен этой статьей потому-то и потому-то». Все то, о чем мы будем говорить, заключено в статьях, а потому я предлагаю перейти к постатейному чтению.

(Заседание продолжается под председательством Султана Шахим-Гирея.)

Председательствующий. — Слово предоставляется члену Рады Рябоволу.

Н. С. Рябовол. — Господа члены Рады! Вчера каждый оратор всходил на эту трибуну и говорил, что мы приступаем к вопросу большой, чрезвычайной важности, что это вопрос особенный, даже как будто самый важный из тех, которые надлежит разрешить Раде. Я понимаю ваше настроение. Я понимаю, что вы сейчас можете разрешить этот вопрос, но не нужно давать нашим противникам повод критиковать наши действия. Они скажут, что нам замазывают рот, нарочито закрывают общие прения, чтобы не дать возможности высказаться. Я бы хотел, чтобы все высказались, как они думают, чтобы вырешить эти вопросы по совести. Я полагаю, что прения открыть нужно, здесь нечего экономить один-два дня. Я полагаю, что если вы решите этот вопрос в один, два часа, то вы не оберетесь упреков. Я лично прошу вас открыть общие прения по проекту, а там видно будет: если ораторы будут повторяться, от вас будет зависеть прекратить прения, но сейчас, когда некоторые желают говорить, не следует ставить им препятствий.

Председательствующий. — Слово предоставляется члену Рады Мореву.

Член Рады Морев. — Господа члены Рады! Всего только вчера Рада нашла, что самый проект докладчиком не был обоснован достаточно, поэтому был передан в комиссию для переработки. Чего же теперь докладчик добивается? Очевидно, он не может обосновать проекта, а потому и хочет перейти к постатейному чтению. Этот проект должен быть обсужден во всем объеме, а потому способ, который предлагают вам применить для решения столь важного вопроса, ни в коем случае допустить нельзя, потому что нет в мире парламента, который мог бы приостановить прения, гильотинировать их в такой форме, как нам предлагают. Записавшихся вчера было 31; из них, как вам вчера докладывали, высказалось всего 12 человек, а 19 человек вы почему-то не хотите выслушать по такому серьезному и важному вопросу. Если их неприятно вам слушать, то это еще не значит, что вы можете так поступать. Вы не привели ничего за прекращение прений, и вы сами же сказали, что упрек справедлив, и в душе вы это чувствуете. Нужно все выяснить населению, потому что создался тот порядок землевладения и землепользования, который необходимо вырешить в ту или другую сторону. А нас при решении этого земельного вопроса влекут в тесную и узкую щель и в эту щель желают протиснуть. Я протестую и думаю, что этого ни в каком собрании допустить нельзя.

Председательствующий. — Я прошу серьезно отнестись к этому вопросу. Голосую. Кто высказывается за общие прения? Кто против? Большинством принято продолжение общих прений. Слово предоставляется члену Рады Коробьину.

Член Рады Коробьин. — Господа члены Рады! Земельный вопрос является таким острым, что когда ораторы выступают, то их заподазривают в личной заинтересованности, как это позволил себе сделать докладчик Омельченко по отношению к члену Рады Мореву. Это недопустимо, но это указывает на остроту вопроса. Прежде чем говорить по существу законопроекта, считаю необходимым сделать две оговорки: в этом вопросе я не заинтересован — у меня земли не было, нет и в будущем, за исключением трех аршин, потребных для моего упокоения, не будет; затем я этого вопроса во всей широте объять и решить не могу. Я не специалист, но у меня имеется свое мировоззрение, с точки зрения которого я хочу разрешить главный, принципиальный вопрос, который лежит в основании данного законопроекта.

Этот проект гласит: «Право частной собственности на все земли в Кубанском крае уничтожается». Господа, в гражданском процессе существует такое правило: кто вчиняет иск, на того ложится тяжесть доказательства этого иска. И вот, если автор вносит проект, то на нем лежит обязанность доказать: полезно ли в интересах дела, в данном случае в интересах хозяйства, уничтожить частную собственность или нет? Но разве докладчик нам приводил доказательства, чтобы мы с этим пунктом согласились? Я вас спрашиваю: кто нам указал, что право частной собственности является тем злом, которое нужно отменить? Кто доказал, что право частной собственности, на котором стоит весь экономический мир в течение многих тысяч лет до Р. Х. и после, с корнем надлежит вырвать? Здесь докладчик хотел дать нам уроки истории и начал с Моисея. За этого Моисея ему уже тут не раз доставалось, и многие ораторы гладили его против шерсти; к сожалению, и я не могу себе отказать в этом удовольствии. Если уж оратору захотелось водить нас по истории и вспомнить Моисея, то и в этом отношении он фактически не прав, потому что тогда положение в Египте было такое же, как у нас на Кубани. Египтяне со своим фараоном — это все равно как казаки со своим атаманом, а евреи с Моисеем, — это мы, иногородние. И вот, когда у евреев с египтянами начались раздоры и когда, наконец, евреи вышли из египетской земли и попали в пустыню, и когда им посылалась с неба манна, — тогда они заговорили о Божьей земле. Но в Египте, где была скученность населения, о Божьей земле говорить не приходилось, так как из-за нее там происходила драка.

Что такое земельный вопрос? Это есть частное от деления количества удобной земли, находящейся в данной территории, на количество людей, живущих в пределах этой территории. Поэтому нельзя приводить в пример «времена царя Гороха, когда людей было трохи», и те аналогии, которые берутся из старых времен, — они неприменимы, и, вместо того чтобы обратиться к рассмотрению экономической жизни XIX—XX века, рекомендовать допотопные примеры.

Может быть, прав второй оратор, который наиболее ярко защищал эту точку зрения на Божью землю? Это был член партии социалистов-революционеров Белоусов. Однако все его аргументы сводились к тому, что форма землепользования есть основная причина всех российских бедствий. По его мнению выходило так: вот на Западе все хорошо живут, у крестьянина есть хорошая изба, в избе стоит пианино; у нас же, вследствие существующей формы землепользования, у крестьянина нечеловеческое житье; однако, если сейчас изменить форму землепользования и отменить частную собственность, то и у нашего крестьянина появится и изба хорошая, и пианино в избе будет стоять, а сам мужик будет на нем сонаты Бетховена разыгрывать. Но член Рады Морев вам доказал, что право частной собственности наиболее прочно стоит и является прочным фундаментом для благосостояния именно Западной Европы и Америки. Член Рады Морев правильно говорит, что основным злом нашего крестьянского быта является общинное землепользование, которое не дает уверенности каждому мужику, что его участок останется за ним, что он не уйдет через 15 лет в другие руки и что его труд не пропадет. Здесь член Рады Белоусов в доказательство необходимости отмены частной собственности указывал нам на Новую Зеландию, Австралию. Там проведено начало отмены частной собственности, но земля отдается во временное пользование

сроком на 999 лет. Что это? Игра слов в целях социалистическую «невинность соблюсти и капитал приобрести»? Если бы я был таким поклонником цифры 9, то почему бы мне не прихватить еще одну девятку? Тогда можно было бы землю сдать на 9999 лет! Конечно, Новая Зеландия — страна счастливая, но, мне кажется, еще и потому, что там нет партии социалистов-революционеров!

Председательствующий. — Прошу оратора воздерживаться от таких выражений.

Член Рады Коробьин. — И вот, господа, я вам изложил и напомнил все те доводы, которые представлялись за отмену частной собственности. Эта частная собственность, как тысячелетний дуб, вросла в психологию нашего народа. Если уж вы признаете отмену частной собственности, то отмените вообще право собственности — на дома и прочее имущество. Смешно отрывать листья, а дуб будет расти. Отменой частной собственности на землю вы не вытравите инстинкта собственности из народа. Этого вырвать нельзя, даже большевики своими резолюциями не могли этого сделать.

На дело надо смотреть трезво. Все страны вовлечены в мировой круговорот. Все продукты котируются на мировой бирже. Несколько десятков лет назад наша пшеница стояла на мировом рынке твердо. Потом появляется аргентинская пшеница, которая завоевала весь мировой рынок. Таким образом, Россия стоит перед ужасной катастрофой. Она на мировом рынке будет окончательно побеждена сельскохозяйственной страной — Аргентиной. И вот, конечно, первая задача, которая стоит перед Россией, — это закрепить за собой экономическую мощь, а для этого нужно усилить инстинкт трудоспособности в человеке, необходимо его усилить в земледельце. Для этого необходимо воспитать в хлеборобе твердую уверенность, что плоды его трудов будут находиться всегда в его руках. Необходимо не устранить частную собственность, а укрепить ее. Я заранее знаю, что мои слова будут гласом вопиющего в пустыне, но я по долгу своей депутатской совести должен сказать то, что я думаю. Не подозревайте, что я защищаю здесь какие-нибудь чужие интересы. Я говорю, что, конечно, отчудить землю необходимо; что земля должна находиться непосредственно в руках тех, кто на ней работает; необходимо образовать краевой земельный фонд — совершенно верно, но необходимо, чтобы из этого краевого земельного фонда земля разделялась в мелкие земельные участки. Только в этом случае мне представляется возможным поднятие продуктивности нашего сельскохозяйственного труда. От общинного землепользования нужно проснуться. Это есть наша российская отсталость.

Нам указывают на процветание в Западной Европе; а я вам скажу: одной из основных причин благосостояния этих стран является то, что там хлеборобы твердо стоят на своих участках. Аграрный вопрос на Западе совершенно не рассматривается в такой плоскости, как мы его рассматриваем. Там даже не понимают такой точки зрения. Если вы посмотрите на историю, то увидите, что почти на каждом социалистическом конгрессе ставился аграрный вопрос, но там не ставился вопрос об отчуждении земли; там вопрос разбирался в той плоскости, поскольку он касался борьбы сельскохозяйственного пролетариата с сельскохозяйственным буржуем. Только у нас — и главным образом социалисты-революционеры, которые всю свою программу строят на темном инстинкте русского мужика, недавно освободившегося от крепостной зависимости, — проводят программу общинного землепользования. Еще раз повторяю,

что отмена частной собственности и всякое нарушение права частной собственности в области земли — это есть понижение трудоспособности.

Я говорю, что этот параграф об уничтожении частной собственности нужно крест-накрест перечеркнуть, вместе с ним перечеркнуть весь первый раздел и перейти ко второму. Это мое конкретное предложение, и я просил бы поставить его на голосование.

Напомню вам доводы докладчика члена Рады Омельченко и, кажется, Макаренко: «Что мы будем спорить — ну, как будет, так и будет. Нам важно отчуждение земель, и об этом ясно говорится во втором разделе». В таком серьезном вопросе нам сам докладчик говорит: «Может быть, будет, а может быть, и не будет». Когда Петр I издавал приказ Сенату, то говорил: «Всуе законы писать, понеже их не исполнять», а здесь докладчик предлагает вам принять закон, относительно которого он сам не уверен, будут его исполнять или нет. Если их точка зрения так слаба, то лучше ее и не излагать, тем более что практически закон ничего не изменяет. Земли будут отчуждены и розданы, по их мнению, в долгосрочную аренду. А по моему мнению, будут розданы в собственность. И я совершенно не представляю, как можно вопрос об уничтожении частной собственности разрешать так легкомысленно, не приведя никаких доводов в пользу этого уничтожения. Прошу согласиться со мной и весь первый раздел просто-напросто вычеркнуть.

Председательствующий. — Поступило предложение об ограничении времени ораторов. Кто желает говорить против ограничения?

Член Рады Морев. — Краевая Рада только что согласилась с тем, что прения нужно продолжать. Разве предыдущий оратор злоупотреблял временем? Он говорил недолго, говорил по существу. Мы с ним можем согласиться или не согласиться — это другой вопрос, но он не испытывал вашего терпения. Откуда же исходит предложение об ограничении времени? Это то же желание гильотинировать обсуждение вопроса, и идет оно из тех же мест, откуда шло предложение совсем прекратить прения по существу. *(Аплодисменты.)*

Председательствующий. — Кто за ограничение времени желает говорить? *(Возгласы: «Баллотировать».)* Ставлю на голосование. Кто за ограничение времени ораторов? Кто против? Явным большинством предложение отклонено. Помимо этого предложения внесено еще другое, о прекращении записи ораторов. Записавшихся ораторов около десяти. Ставлю на баллотировку. Кто за то, чтобы прекратить запись ораторов? Кто против? Явным большинством предложение отклонено. Слово принадлежит члену Рады Болтунову.

Член Рады Болтунов. — Я буду краток, потому что я не юрист, и термины юридические у меня будут отсутствовать. Я не намерен по чужим странам ездить, а предлагаю поездить по Кубанской области вообще, а в Майкопском отделе в особенности. Здесь некоторые ораторы, в частности г. Морев, заявляли, что они исколесили Кубанскую область и видели в некоторых местах, что у казаков земли достаточно, но она не обработана, не приведена в порядок. Я не допускаю, чтобы ученый агроном говорил неправду, а в сущности, не знаю, так оно или нет. Взять хотя бы станицу Богоявленскую — интересно, г. Морев там был или нет? Как можно там землю обрабатывать, если там, чуть только копнешь, сейчас камни и глина. Там совершенно невоз-

можно обрабатывать землю, следовательно, ясно, могут ли представители станицы подтвердить слова Морева? Затем здесь говорил г. Каплин; говорил много, красиво: «Нам-де культуру нужно завести в крае, нужно образование поставить в первую голову, а земельный вопрос не такой важный». Позвольте доложить: как же можно у нас учиться? Если бы мы постановили открыть учебное заведение, так оно все равно было бы как мыльный пузырь — в этом учебном заведении и учиться не смогут. В настоящий момент у нас есть двухклассное училище, и наши дети даже его не оканчивают, потому что мы бедны, не имеем в достаточном количестве земли. Мальчик желает учиться, а здесь нет хлеба. Ему говоришь: «Это верно, сынок, что ты хочешь учиться, но ведь у нас хлеба нет, не уродило, вот нужно везти груши променять на хлеб». И его жаль, но делать нечего. Мальчик жмется, плачет, а отцу нужно говорить: «Ничего не поделаешь, умирать с голоду не приходится». Я везу эти груши несчастные в соседнюю станицу продавать. «Кричи, сынок», — говорю, а он ведь четыре отделения прошел, ему стыдно кричать: «Купите груши!» А там, куда привезешь груши менять, говоришь: «Купите, выручите, потому что у нас земли мало». Мне отвечают: «Что это ты сор привез менять на хлеб?» И другие говорят: «Вы предлагаете сор». Верно, я знаю, что это сор, но я должен жить, должен чем-нибудь кормиться. Вот как это дело обстоит, а здесь говорят об образовании и культуре. Наша насущная нужда есть земля, земля — больной вопрос, землю нам нужно дать, а остальное все приложится. Затем еще я так усматриваю, что до тех пор, пока в Кубанской области не будет равномерно распределена земля, до тех пор у нас будут партийные течения. Я скажу просто, по-казачьи: когда нас посылали сюда, то говорили: «Какие наши интересы — вы все равно изберете войсковым атаманом черноморца». Спрашиваю: зачем черноморца? — «Просто потому, что у них земли больше, и они постараются провести своего человека, чтобы он защищал их интересы. А мы с чем останемся?» — Отсюда и вытекают партийные разногласия. А вот когда мы всех равномерно наделим землей, то я думаю, что, посылая сюда, этого мне никто не сказал бы. Во избежание этих недоразумений. *(Шум.)*

Председательствующий. — Прошу публику не мешать вести заседание.

Член Рады Болтунов. — Во имя блага края всем нужно пожертвовать землей, всем тем, которые чувствуют, что у них больше, нежели у других. Здесь сказано в пункте 4: «Земли и леса, принадлежащие станичным, хуторским, аульным и сельским обществам, остаются в распоряжении и пользовании этих обществ». Закрадывается сомнение: следовательно, Кавказский и Таманский отделы что имеют, то и получат, а Майкопский в Лабинский отделы получат по две, по три десятины, не больше. Здесь является сомнение — опять, может быть, недоразумение — дадут ли нам эти станицы хотя бы чуточку от себя, раз мы примем пункт 4. Нужно изменить его так, чтобы ясно было. Затем пункт 17. «Все отчужденные земли, выделенные из юртов и не пополненные дополнительными наделами, возвращаются тем же юртам обратно». По моему мнению, это неправильно. Есть юрты, где на душу приходится по 10–15 десятин, и я спросил бы, со своей стороны; как же те станицы, которые имеют 15–20 десятин на пай, дадут ли они тем станицам, которые имеют гораздо меньше? Я просил бы, чтобы это было освещено в полном объеме.

Председательствующий. — Поступило заявление о том, что публика мешает вести заседание. Я считаю долгом предупредить, что вмешательство публики в заседание краевой Рады и ее работы недопустимо, это отклоняет Раду от ее прямой задачи. Слово принадлежит члену Рады Данилову.

Член Рады П. Данилов. — Господа члены Рады! *(Голоса: «Громче».)* С этой кафедры многие ораторы доказывали нам, что уничтожение земельной частной собственности невозможно, что это поведет к упадку культуры в нашем родном крае; что иначе ведется это дело за границей и именно потому, что там крепка земельная частная собственность; что земли у нас много на Кубани, и вопрос стоит не так уж остро; что, наконец, только нужно культуру ввести — и все будет гладко, и голос недовольства смолкнет, и пахарь успокоится. Это с одной-то десятиной пахарь будет доволен и не будет завидовать, что рядом землевладелец имеет 30 тысяч десятин, или участки в 300 десятин отдаются спекулянтам или ростовщикам, которые, разумеется, особенно не будут обращать внимания на то, что на земле творится?! Здесь указывали на то, что голод происходит от неумения обрабатывать землю, — а мы на это скажем: нет, не малоземелье нас заставляет роптать и не голод земельный, а нас заставляет роптать несправедливое распределение земли.

Здесь одни говорили, что земля — Божья, а другие не соглашались и доказывали, что человек, если бы ему предоставили возможность, пожалуй бы, и воздух обратил в собственность, эксплуатировал бы его и даже спекулировал на нем, беда лишь в том, что воздух вылетает во все трещины и его нельзя поймать, — а вот землю человек может поймать, может ее эксплуатировать и спекулировать ею так, как ему хочется. Начинают приводить примеры, что если отменить собственность на землю, то надо отменить собственность и на всякое другое имущество, напр., на фабрики и т. д. Но очевидно, что маслобойни, заводы и фабрики — это дело рук человеческих, и, так сказать, ценность их растет тогда, когда есть спрос, а предложения мало. Если на них большой спрос, человек, чтобы увеличить предложение, воздвигает больше фабрик — значит, они — дело его рук. А ведь те ораторы, которые говорили, что нельзя частную земельную собственность уничтожить, могут ли они сказать, что нашелся хоть один человек, который бы смог увеличить землю, чтобы ценность на нее уменьшилась, — такого человека нет. И вот, так как земля не увеличивается, а народ прибавляется, потребности растут, и возмущение в народе на несправедливое распределение земли тоже растет. Ропот растет и, в конце концов, обращается в бурную волну, проливается кровь за то, что одни владеют слишком многим, а другие не имеют и клочка. Это та масса несправедливостей, о которых пославшие нас говорили: «Доложите это высокому собранию, оно пусть разберется».

Этих несправедливостей много, примеры недалеко. Тут, по левую сторону Кубани, недалеко от Екатеринодара, есть некто землевладелец-собственник г. Сокольский. Он купил или заарендовал, точно установить не могу, лес у тамошнего населения. А спекулятор известно как его может использовать… Купил он этот лес, насколько помню, по 500 руб. за десятину, а теперь рубит дрова, платит за сажень дров по сто рублей, а продает на месте по 300 руб. за сажень. Таких саженей у лесопромышленника на десятину выходит 50. Выходит, что он чистой прибыли на 500 руб. получает

10 000 руб. По старым законам это преследовалось как ростовщичество, но теперь нет, теперь это возможно. И вот эти казаки-труженики бьют дрова за 100 рублей, покупают по 300 рублей, везут в Екатеринодар, продают и получают по 120 рублей на сажень. А тот, кто продавал, тот спекулятор сидит здесь и кричит: «Как можно за такую цену продавать, нужно твердые цены установить». Или еще пример. Спекулятор заарендовал несколько маленьких участков у частных лиц в юртовых или аульных землях, некоторые приобрел у частных владельцев и тут заводит «культуру». Но не подумайте, что он привез сюда тракторы или вообще что-нибудь сделал для казаков, для народа. А вот когда труженик вывозит что-либо продавать на базар и за все труды получает одну третью часть прибыли, для того чтобы справить обувь или что другое для себя или для семейства, ему говорят: «Однако какую цену требуешь, вот нужно твердые цены установить». *(Аплодисменты.)* Итак, пославшие меня сказали: «Уничтожьте в этом высоком собрании несправедливость, уничтожьте спекулянтов и виновников, создающих спекуляцию, уничтожьте особенно спекуляцию земельную. Не будет спекуляции, то и жить хорошо будет. Если же вы не уничтожите ее, то все равно не успокоите край, и волнения будут».

Я вполне присоединяюсь к проекту земельной комиссии, только лишь нужно рассмотреть по пунктам и внести некоторые поправки, когда перейдете к постатейному рассмотрению этого проекта. Земельная комиссия, прислушавшись к голосам трудового народа, к мнению представителей, может начать устанавливать справедливость, то есть справедливое распределение земли. Для того чтобы справедливо распределять ее, нужно собрать ее в один земельный краевой фонд. Тут говорили, приводили примеры, как вы ею пользовалась; угрожали, что культура будет убита, но я должен обратить внимание, что так точно пугали и коммерсанты в тех станицах, которые раздавали земледельцам под обработку земли деньги: «Они вас заведут к гибели, кооператив заведет вас к гибели». Теперь вы сами увидели, что кооператив именно и создал цветущие станицы, я в этом уверен. И уже теперь начинают создаваться мелкие кооперативы для культуры мелкого хозяйства. Три-четыре хозяина объединяют свои участки и говорят: «Давайте сообща обрабатывать землю, выписывать тракторы, выписывать сеялки». И работают не хуже, чем это делают в экономиях. Я уверен, эти мелкие кооперативы дадут хорошие плоды. А почему? Да потому, что у экономистов сидит управляющий, и его ум не может сравняться с теми четырьмя умами, которые объединились в кооператив. Итак, да не смущаются те, которые так боятся за положение нашей культуры, — я уверен, что культура будет развиваться. Я вполне согласен, что нужно установить длительное пользование. Вы проверите, осветите вопрос, может быть, оставите мелкую частную собственность, но, подчеркиваю, продажа и аренда земли должна быть уничтожена — ни аренду, ни продажу на этой земле нельзя допустить, ибо опять из этих мелких участков будут возникать крупные, и опять пойдет скупка земли, опять одна часть будет работать и голодать, а другая жить за чужой счет; опять польется кровь. С уничтожением земельной собственности и вместе со справедливым распределением земли будет уничтожена вся неправда, которую у нас посеяли спекулянты. Народ будет блаженствовать, и утихнет ропот народный. *(Аплодисменты.)*

После перерыва.

Председательствующий. — Заседание возобновляется; слово принадлежит члену Рады Белоусову.

Член Рады Белоусов. — Господа члены Рады! Здесь, когда говорили о земле, о земельном вопросе, очень многие ораторы ссылались на историю. И докладчик, и его противники — все говорили, что там где-то, в глубине истории кроются отношения к земле. Разрешите мне напомнить вам одну русскую старинную былину. Это былина о русском богатыре — пахаре Микуле Селяниновиче. Всем вам должно быть известно, как однажды русский пахарь Микула Селянинович пахал землю и оставил свою сошку в земле, а в это время проходила княжеская дружина и пригласила его к себе. Микула Селянинович попросил княжескую дружину, чтобы послали кого-нибудь выдернуть его сошку из земли. Послали одного, послали нескольких, послали всю княжескую дружину — сошку никак выдернуть не могли, а пахарь взял свою сошку одной рукой и выдернул. Но этот пахарь-богатырь был тогда, когда земля была вольная. Вот какие были тогда пахари, и даже княжеской дружине было очень трудно с ним справиться. А когда этого пахаря от земли оторвали и когда «освободили» его от этой земли, то не только сама княжеская дружина, а каждый земский начальник стал трепать за бороду, как хотел, русского пахаря. Богатырь-пахарь превратился в безземельного пьяного «камаринского» мужика. И теперь мы опять хотим посадить его на землю, чтобы он был богатырем-пахарем, а не поганым мужиком. И мне вполне понятно, почему, когда взошел сюда на кафедру защитник прав собственности — представитель прекрасного города Анапы, он заявил, что начинает свою речь о земле с глубоким волнением. Теперь все собственники волнуются, потому что дело их уже кончено. Они с волнением защищают то, что уже отжило, но это волнение уже не поможет. Раньше тоже боролись с теми, кто шел против частной собственности, кто говорил, что «земля — народу», боролись самыми лучшими и верными средствами. Всех социалистов хватали и убирали. Не знаю, по привычке ли или нечаянно этот метод пытался рекомендовать гражданин Морев: «Вот Белоусов, и Омельченко, и председатель правительства — они большевики». Конечно, это самый лучший способ избавиться от своего противника, и, конечно, самое лучшее — отправить его туда, где бы он не кричал, а молчал. Но этим способом бороться теперь трудно.

Председательствующий. — Я как председательствующий скажу, что вчера было сказано «прием большевистский», а не «большевики». *(«Совершенно верно».)*

Член Рады Белоусов. — Я извиняюсь. Другие защитники права собственности говорили, что над всеми нашими чаяниями как хлеборобов нужно поставить крест и ничего не ожидать. Тот самый крест, который вы целые столетия несли у себя на плечах, и его вам снова хотят навалить на плечи и заставить таскать еще целые столетия. Некоторые сторонники частной собственности пытались обосновать свою точку зрения более тонко. Между прочим, вам, гражданам Кубанской области, сказали: «Будьте любезны получить землю по суду. Вы и собственники земли будете тяжущимися сторонами, и вы, которым хочется отчудить эту землю, будьте любезны доказать на суде, что вы имеете право на отчуждение. Никто из вас на суде этого не доказал, а раз никто не доказал, то вопрос решен в пользу собственников, и земля должна будет остаться у них».

Но эти ораторы ошиблись в одном: революция — не камера мирового судьи. Это в камере мирового судьи можно свидетелей вызывать и доказывать, а во время революции права берутся силой, за них борются с оружием в руках. А попробуйте-ка так на суде побороться! Вот в чем коренная ошибка любителей частной собственности. Должен сказать, что не только права на землю, но вообще все права, даже политические, не на суде берутся. Здесь гражданин Коробьин сказал, что нужно доказать на суде, что мы имеем право на землю. Я думаю, что если бы мы судились на суде с самодержавием и хотели бы высудить свои права, то проиграли бы свой процесс и прав не получили даже и в том случае, если бы взяли такого «защитника народных прав», как Коробьин.

Гражданин Морев говорил, что все то, что здесь говорили относительно «Божьей» точки зрения на землю и уничтожение частной собственности, это — сплошная демагогия, это — игра на темных инстинктах. Народ ничего-де не понимает, а вот пришли социалисты, наговорили, смутили народ, и народ вздумал отбирать землю. Но ведь сам с этой кафедры, где он так «волновался», заявил, что в то самое время, как у крестьян не было по десятине, у помещиков было по 8000 десятин. Интересно знать, волновался ли он тогда, и было ли это справедливо, и была ли это демагогия или нет? Г. Морев говорит, что вы обидите, ограбите и пустите по миру и сделаете нищими земельных собственников, бывших помещиков. Он доказывает, что вы сознаете сами, что по миру пустите «этих несчастненьких», так как этим несчастным, ограбленным, которые останутся без средств, вы намерены давать помощь от казны, и они принуждены будут поступать в богадельни, будут превращены в стариков и старушек, живущих за счет благотворительности. Может быть, отбирать силой землю и несправедливо, но раньше, когда у крестьян отбирали землю, разве считались со справедливостью? Тут разница лишь в том, что демократия всегда более справедлива и милостива; она восстала и отобрала свои права на землю, но все-таки она говорит: «Если вы ничего не имеете для того, чтобы жить, то мы вам поможем». А когда у крестьян землю отбирали, то тогда не подумали, что крестьяне были бы благодарны за такую благотворительность. Все эти ссылки собственников на справедливость и несправедливость и на демагогию не имеют никакого существенного значения и напоминают разговоры, которые были при освобождении крестьян от крепостной зависимости. Если вы прочтете о тех способах, которые были направлены против освобождения крестьян от крепостного права, то это буквально то же самое, что здесь говорят по поводу раскрепощения земли. Тогда можно было слышать такие фразы: «Да разве их можно освободить? Ведь от этого рушится все государственное хозяйство! Разве это справедливо: вчера я купил 100 человек крестьян для фермы, а сегодня их отберут!» — Закрепостить людей справедливо, а освободить несправедливо. Закрепостить землю и взять за нее как можно больше тоже справедливо?! Вот тут говорил представитель города Анапы, что земля под виноградниками стоила «пару лошадей и бричку», а теперь она стоит 500 рублей десятина — это справедливо, а освободить землю — это несправедливо. Вы только вдумайтесь, как люди, желающие сохранить историческую несправедливость, хотят подействовать на вас, говоря: «Вы совершаете незакономерность, несправедливость. Как вы будете отбирать землю, ту самую землю, на которой трудился человек? Он ее покупал, и он ее обрабатывал». — Но ведь таких мало, и у

таких земля не будет отбираться. Она у них и останется. Все те мелкие частновладельческие земли, на которых сами владельцы работали своим трудом, отбираться не будут, они останутся в их пользовании, но только будет уничтожено право продавать или сдавать в аренду, т. е. то, что говорил предыдущий оратор — казак. Он говорил: «Уничтожьте право покупать, продавать или сдавать в аренду. А если вы пойдете по пути сохранения мелкой собственности, то тем самым вы возвратите все прежнее, а также крупную собственность».

Здесь много на меня нападали как на представителя партии социалистов-революционеров, этой самобытной русской социалистической партии. Эта партия первая подняла борьбу за переход земли к трудящимся, и, если в этом вопросе русскому народу суждено сыграть определенную роль, он обязан будет этим нашей партии. И мы будем этим гордиться. Меня всегда удивляло, что, когда врагам русского народа что-либо выгодно, то они ссылаются на заграницу, а в чем-либо другом с заграницы брать примера нельзя. Возьмите монархистов, они всегда говорят: «Вот нельзя России давать свободы, потому что она некультурна, а на Западе дело другое: там культурная страна, там можно, а у нас нельзя. У нас должна быть монархия — того требуют русская культура и русская самобытность». А когда мы говорим, что русская культура и самобытность, сохранившие общину, требуют отмены частной собственности на землю, нам говорят, что это некультурно, что просвещенная Европа держится только собственностью и мы должны брать с нее пример. А я скажу: русская душа требует, чтобы право собственности на землю было отменено, ибо это вкоренилось в русском крестьянине, и это живет не только в душе русского крестьянина, но и в душе казака. А между тем вы возьмите казачьи станицы и деревни крестьянина и посмотрите, как живут в деревне и как живут в станице. Вы посмотрите: станицы всегда большею частью богаты; они превосходят размерами и числом жителей уездные русские городки; казаки живут лучше, чем крестьяне в своих деревнях, и образование у казаков поставлено значительно выше. А почему это? Здесь этого не указали. А потому что основная масса земли на Кубани находится не в руках частных собственников, а в руках общинников, и эту землю нельзя было ни продавать, ни закладывать, а только сдавать в краткосрочную аренду для того, чтобы ее можно было обратно возвратить. Вот почему казаки были богаты и были с землей. Вас хотят сбить с толку тем, что постоянно путают землевладение и землепользование. Землевладение касается прав на землю, а землепользование — форм и способов ее использования и обработки. Нас сейчас интересует главным образом землевладение. Мы хотим закрепить землю за трудовым народом. Если вы зададите вопрос, почему некоторые казачьи хозяйства страдают слабой культурой, то оказывается, что это зависит от формы землепользования, а не землевладения. Мы можем устроить передел иначе, можно устроить общинную запашку, оказать агрономическую помощь и т. д. Вам здесь говорили о тех духоборах, которые попали в Америку и не хотели там признать права частной собственности, но их заставили это сделать. Я скажу: поверьте, те духоборы в Америке, которые не признают права частной собственности, до сих пор живут гораздо богаче тех виноградарей, которые могут получать за свои участки по 500 рублей за десятину.

Гражданин Морев говорил, что, ссылаясь на пример Австралии, я говорил против себя, что установленная там аренда на 999 лет, о которой я говорил, есть не что иное, как частная собственность. Но кто же может владеть землею 999 лет? Ведь она сто раз может перейти из рук в руки, и все же г. Морев — будь он не кубанский уроженец, а сам австралийский туземец, — он не смог бы приобрести там себе участок хотя бы такой маленький, чтоб развести там виноградник, оградить его и довести до такого предела, чтобы продавать его по 500 р. за десятину, потому что право собственности, право продажи и купли там отменено. Там существует только аренда. Мы говорим, что нужно освободить земли от аренды вообще и даже от государственной, потому что это может служить актом несправедливости. Но нас спрашивают: «Как же быть с землей, которая находится под фабриками, заводами, домами? Раз мы не можем отчудить дома и не можем сейчас социализировать и национализировать фабрики и заводы, то мы должны отказаться от права отчуждения земли». Так было сказано. Следовательно, если вы не можете устроить социалистическую республику, то возвращайтесь к монархии; раз вы не можете взять дома, то не нужно брать и землю?! А мы сначала разрешим вопрос о земле, а потом будет говорить о домах и фабриках. Как здесь сказал казак: «Фабрика есть продукт рук человеческих, а земля таковым продуктом быть не может». Вот те люди, которые нападают на ту точку зрения, что «земля Божья», говорят, что мы демагоги и обманываем народ. Я не знаю, как назвать другую точку зрения. Если наша точка зрения «Божья», то их точка зрения «дьявольская», ибо только дьявол мог выдумать право частной собственности на землю.

Г. Морев говорил: «Вот я стою на кафедре, и если кто захочет занять это самое место, а меня удалить, то я буду протестовать, и поднимется суматоха из-за этой земли». Я удивляюсь, как он, проживши столько лет, не видал суматохи из-за земли, и он ее увидел только с того момента, когда поднялся вопрос об отмене частной собственности? Ведь все войны, которые до сих пор велись, велись из-за земли. Кроме того, он указывал, что вот Учредительное собрание отменило частную собственность, а война не прекратилась, а еще хуже разгорелась. Я скажу, что частная собственность процветала, а мы все же имели и японскую войну, и мировую, и войны не прекращались в большинстве случаев из-за земли. Так доказывать нельзя.

Нам говорят, что отмена собственности опасна, что будет очень нехорошо. Было так же и при самодержавии, когда было крепостное право, когда говорили, что крестьян нужно освободить, — на это всегда отвечали: «Докажите, что тогда будет хорошо». И помещики, боясь освобождения, заявляли, что крестьяне их передушат, Россию разрушат, и, значит, освобождать их нельзя. Конечно, труднее доказать то, что должно быть, чем то, что уже было. Конечно, еще нигде в мире отмены частной собственности в такой мере и в таком виде не было. Из этого ясно видно, как медленно мы идем вперед, но это не значит, что это не нужно делать, что в России не должно быть хотя бы федеративной республики. Говорят: «Бог знает, что нам даст федеративная республика, пойдемте назад к монархии и к сохранению права собственности». — Нет, довольно! Мы слишком хорошо испытали монархию и право частной собственности», чтобы к ним возвращаться, попробуем лучше что-нибудь новое, Старого для нас достаточно!

Г. Морев говорит, что в этом вопросе не нужно иметь смелости, что смелость нужна только на фронте. Эго демагогический прием, ибо смелость нужна и на фронте, и еще больше в строительстве новой жизни государственной, и особенно при перестройке всего мира. Здесь много говорили о том, что нельзя ломать устоев, и это мне напоминает то время, когда захотели заменить соху плугом и встречали возражение стариков: «Мой дед пахал сохою, и я буду пахать»; то же самое и в отношении частной собственности: «Пусть еще так будет, как и было. Боже сохрани что-либо новое вводить». Во время французской революции, когда были провозглашены лозунги: «Равенство, братство и свобода», тогда тоже много кричали: «Что вы делаете?» Однако французская революция кое-что сделала. В конечном результате и русская революция кое-чего добьется и кое-что сделает. Защитники собственности на землю, когда им надо доказать свою точку зрения, почему-то обращаются к истории, идут вглубь веков и говорят: «Тогда-то было то-то», а если мы хотим обратиться к историческим основаниям владения землей и вспомним, что земля при Моисее была свободна, то гражданин Коробьин говорит: «Что мы будем слушать то, что было при царе Горохе». Из-за этого несчастного Моисея бедному докладчику досталось слишком много.

Здесь г. Морев раньше сказал, что мы равняемся по нищете, и гражданин Коробьин заявил, что нам нужно делать ставку на сильных. Только это не его изобретение, это сказал в свое время Столыпин. Г. Коробьин уверял, что нам нужно укрепить инстинкт собственности, нам нужно создать крепких крестьян-собственников, но его изобретение, к сожалению, не его, а Столыпина, который в свое время облагодетельствовал Россию. Вообще — нехорошо жить инстинктами, и если нас упрекают, что мы играем на инстинкте народа, то, очевидно, и сами не прочь поиграть на том же. Я вообще противник инстинкта — человечество достаточно развито и культурно, чтобы перестать жить инстинктом.

Я являюсь поклонником общины не потому, что у людей есть инстинкт жить в общине, а потому, что это подсказывает здоровый разум, потому что это выгодно. Я защищаю права народа не потому только, что я люблю народ — эта интеллигентская сентиментальная любовь не очень живуча, — я говорю: это — хорошо, потому что это выгодно народу, а мне как части народа тоже выгодно, Здесь вам говорят, что нужно укреплять инстинкт собственника, это поведет на пользу государства. Нет, это чрезвычайно опасно: все реакционные правительства старались укрепиться на мелких собственниках. Нет ничего более неспособного к развитию, как мелкий собственник, ибо нет более раба, как раб мелкой собственности. И эта мелкая собственность так держит его в руках, что он объединиться не может. Он всю жизнь работает на мелкую собственность, всю жизнь трудится за фикцию собственности. Наполеон создал целую массу мелких собственников, которые зубами держались за эту собственность. Наполеон на защиту этой собственности давал и солдат и деньги, а он превосходно истреблял и солдат, и деньги. Таким образом, когда к вам подходят с ласковыми словами и говорят: «А где же будет садок вишневый, млынок и завалинка?» — не верьте им: они по садкам да по завалинкам лежали, а вам это удовольствие редко выпадало. Они говорят, что мы обманываем народ. Это значит — заведомо неправильно обсуждать вопрос, ибо принцип программы социалистов-революционеров об отмене частной соб-

ственности на землю не выдуман, он взят из самой жизни, из быта русского народа, и никакие ухищрения и стремления убить этот принцип не помогут, как бы ни старались господа адвокаты частной собственности, как бы они ни запугивали. Я глубоко убежден, что волнения их на этой кафедре вполне основательны. Я убежден, что здесь будут произнесены слова об отмене частной собственности раз навсегда в России, а потом и во всем мире она будет отменена. И если здесь позволили себе смеяться над «Божьей» точкой зрения, то я скажу, что когда смеются над этим выражением, то смеются над всем русским народом, но я глубоко убежден, что «Божья» точка зрения — как точка зрения самого народа — победит «дьявольскую» точку зрения на землю как на частную собственность.

Член Рады Морев. — Господа члены Рады! Я сейчас был чрезвычайно польщен, потому что предыдущий оратор говорил о Мореве не меньше, чем о земле. Я должен сказать, что земельным вопросом в России впервые занялись из социалистических партий социалисты-революционеры, — это верно. Я вчера объяснял, почему этот вопрос с самого начала освободительных реформ был больным и острым. На земле выросли социалистические партии, но земельным вопросом они занимались меньше других, а землею пользовались как орудием для агитации и пропаганды. Что тут, в земельном проекте, была проведена не реформа земельная, а точка зрения партии социалистов-революционеров, я очень просто докажу: когда обращаются к вам, то говорят, что земля нужна хлеборобам, крестьянам, землепашцам, а между тем в проекте земельном говорят, что и города лишаются земли. Да разве городская земля могла бы входить в проект? — Конечно, нет. Только социалистам-революционерам нужно было лишить города права собственности на землю.

Они это и сделали. Я должен сказать, что в Кубанской области городских владений у всех городов 40 000 десятин, а населения 100 000 человек. Здесь подходят к земельной реформе только с точки зрения программы соц.-революционеров и нам желают подменить земельную реформу и рассмотрение земельного вопроса совсем другим. Я призываю, я хочу вас возвратить к рассмотрению земельного вопроса.

Гражданин Белоусов был в Америке, я не был там, но один из американских экономистов говорил, что есть два рода спорщиков: одни желают понять, что говорит противник, а другие возражают на то, что сами сказали и приписали другому. И гражданин Белоусов здесь приводил не то, что я говорил, а то, что он сам мне приписал, и на это возражал.

Я должен вас предупредить еще об одном. Как я сказал, в проекте проведена программа партии социалистов-революционеров, но вы увидите, что вы сами не будете с ней согласны. По этой программе давать землю в арендное пользование нельзя; но как же вы думаете поступать с землей? Вы лишаете себя права сдавать ее в аренду, но ведь ваши желания и стремления не совпадают с желаниями партии социалистов-революционеров? Я вас и приглашаю рассматривать земельный вопрос осторожно, рассмотреть хорошенько, откуда он идет и в каких пределах он должен быть заключен. И в земельном проекте у вас сохранено за землевладельцем право распоряжения и пользования, а партия с.-р. говорит лишь о пользовании, но ведь от распоряжения, т. е. от права сдавать в аренду, никто из вас не думает отказаться?!

Я в мыслях не имел, что Рада отменит вчерашнее постановление и продолжит прения по общему вопросу. Я не захватил материала, чтобы кончить вчерашнюю свою речь. Когда возражают против права собственности, то приводят доказательства, что любовник императрицы Екатерины князь Голицын получил сотни тысяч десятин земли. Когда возражают таким образом, то обязательно употребляют и мою фамилию, но я вполне согласен с тем, что земля должна быть передана трудовому народу. Это — тот лозунг, на котором мы можем стоять твердо и прочно, и никогда я не говорил, что должна быть сохранена крупная собственность на землю; я говорил о том, что крупная земельная собственность должна быть ограничена в пределах тех норм, которые вы назначите, но дело в том, что далее идет разговор о формах владения. Нам сказали, что когда мы строим государство новое, мы идем вперед, а когда строим земельную реформу, мы идем назад. Нам говорят, что частная собственность существовала тысячу лет в России, а я вам скажу: это неверно. У крестьян в России и у казаков на Кубани издавна существовала форма общинного владения. Общинное владение именно характерно для России, но я должен сказать, что это прошлое не только одной России, но и прошлое всех народов. Эта форма владения была не чужда Франции, Германии, Англии, но там человечество двигалось вперед быстро и эту форму изжило. Когда мне возражают и говорят, что я сторонник частной собственности и потому волнуюсь — здесь даже было сказано, что я — заинтересованное лицо в сохранении частной собственности, — то это неправда. Я совсем не заинтересован в этом лично: у меня пятьдесят десятин земли и семь сыновей, а я — восьмой. Будете наделять землей — еще и прибавить придется! Таким образом, меня обвиняют в том, в чем я неповинен. Подозрение простирается и далее. Говорят даже, что цифры, которые я привел, не соответствуют действительности. Но цифры дало мне ведомство земледелия, и если они неправильны, значит, ведомство виновато. Полковник Роговец меня упрекнул в речи, которой я не имел счастья слышать, что я выступил здесь как демагог. Нет, это неправда, я не с этой целью выступал и таких приемов не употреблял. Смысл его выступления по земельному вопросу заключается только в дискредитировании меня, а не освещении земельного вопроса. Другой оратор, Белоусов, заявил, будто бы я доказывал, что взять землю у частных владельцев нельзя. Между тем я говорил, что земля впредь не должна быть средством порабощения человека, что она должна находиться в руках трудового населения, вот это я вам говорил.

Здесь шел разговор о том, какую площадь земли занимают частновладельческие земли. У меня нет под руками цифр, но некоторые я помню, и агроном Манжула приводил вам эти цифры. Он говорил, что в Кубанской области имеются мелкие землевладения, по 25 десятин, которые в общем охватывают площадь в 80 000 десятин, это составит 9000 хозяйств. Если на каждую семью считать по 4 человека, то на этих участках сидит около 40 000 человек. Крупной собственности я не защищаю, а защищаю мелкую. Очевидно, я защищаю то, что вас возмущать не должно. Мое мнение таково, что частновладельческие земли по выработанной норме должны быть выкуплены и взяты в фонд и отданы малоземельному населению в наделы. Далее я утверждаю: не решайте вы этим проектом формы владения. Я уже вам сказал, что у мелких владельцев всего 80 000 десятин земли, и население 40 000. Этого слишком мало для

отчуждения. Этим вы решения вопроса не достигнете, а достигнете обратных результатов. Предоставить решение этого вопроса нужно тем, кто действительно работает, а не говорит с этой кафедры. В Кубанском крае условия обработки земли равные, и формы владения землей должны соответствовать жизни и естественным климатическим условиям. Вы знаете, что в степной части Ейского отдела можно переделять землю, но там, где вы по необходимости будете затрачивать капитал, там нельзя не прийти к другой форме владения, к той, которую указало нам ведомство земледелия. Представитель ведомства земледелия в своей речи указал, что нужно программу Рады дополнить двумя пунктами. Первый пункт — об уничтожении частной собственности на всякие земли, второй пункт — чтобы земля была пожизненно-потомственная. Собственно, тут разницу уловить трудно. Но я вам скажу: если вы думаете выйти из затруднительного положения, вы должны считаться с той формой владения, от которой богатеет край и население, и вы должны будете общинное владение землей заменить в нужных случаях другой формой владения, и, таким образом, вы перейдете к частному владению землей, причем вы можете лишить мелких собственников права продажи земли. Белоусов говорил, что вы право аренды можете оставить, но я вам скажу, что всякий закон можно обойти, что можно запродать земли на правах аренды, поэтому смотрите правде прямо в глаза. Пусть земля не будет скопляться в одних руках и не будет служить орудием порабощения другого человека. Тогда только будет справедливость, а иначе достигнуть справедливости нельзя.

В том проекте, который был представлен вчера и к которому приходится по необходимости возвращаться сегодня, нарушены права и городских поселений. Сделано было это легко, без обсуждения. Написали краткий параграф, всего три строчки, а последствия могут быть очень серьезные, потому что, я уже говорил, что вся тяжесть земельного вопроса в России заключается в том, что к земле привязано больше рук, чем требуется. Об этих руках надо тоже позаботиться и найти им применение. Эти руки могут найти применение в городах, а потому и значение городов в жизни населения должно увеличиться. Обсуждался ли этот вопрос в комиссии? Нет. Обсуждался ли он в Раде? Нет. Так относиться к написанию законов нельзя. Это скрытая программа партии социалистов-революционеров, никому не нужная, но нарушающая весь экономический строй жизни в России, потому что она касается сельского хозяйства и других отраслей промышленности. Вам здесь говорили, что земля не резина, растянуть ее нельзя. Это правда — так нужно принимать меры к увеличению ее производительности. Поэтому я и говорю, что если нужно принять меры, то нельзя ограничиться исключительно земельной реформой: нужна не одна земельная реформа, а целый ряд других реформ, которые затрагивают другие отрасли промышленности. Ведь у нас все на земле делается, у нас все с землей связано, на воздухе ничего устроить нельзя.

В проекте, который представила вам комиссия, не решались все эти вопросы. Однако же здесь заявило о себе требование сохранить культурные хозяйства и хозяйства племенные, и комиссия решила их сохранить, уже теперь признавая, что они имеют общекраевое значение, культурно-экономическое. Но я спрашиваю: что же, эти хозяйства уже окончательно сложились и возникновение новых таких хозяйств вам в будущем уже не нужно? А если нужно, то не следует рубить сплеча при решении

земельного вопроса, как рекомендует партия социалистов-революционеров, а позаботиться о том, чтобы была возможность создания новых культурных хозяйств. При осуществлении же проектов, подобных рассматриваемому, они вырасти не могут, если только закон не будет обойден. Того, что для населения необходимо, как раз нет в нем.

Я вчера не имел возможности договорить вам до конца, потому что этот земельный проект не мог быть принят, он должен был быть передан снова в комиссию; и я был удовлетворен, когда Рада решила возвратить его в комиссию для пересмотра и переделки. Оказывается, никакой переделки, никакого пересмотра не понадобилось. Все горизонты открыты, и все они сводятся к одному — уничтожению права частной собственности на землю. Я бы не сказал того, что сказал какой-то член Рады, что право рыбной ловли, в особенности в морях, принадлежит только войску. Это говорил как раз представитель Ейского отдела. Но есть город Анапа, там права рыбной ловли в море принадлежат городу. Что же? Комиссия обсуждала, какое будет иметь значение это отчуждение прав для города и для его населения в 25 тысяч человек, располагающего одним клочком земли? Нет, этот вопрос даже не обсуждался в комиссии. Итак, это — основательно составленный законопроект? Конечно, нет. Я должен извиниться и сказать, что я настолько не ожидал решения этого вопроса сегодня, что не захватил материала и самого законопроекта, чтобы его прочесть. Там сказано — вы посмотрите, как далеко законодатели пошли, — мы сами отчудим землю. Но дело в том, что сейчас нельзя отчудить. И вот законодатели говорят: «Пока пользуйтесь землей, а потом аренду нам заплатите». И вот в комиссии обсуждался вопрос о том, чтобы аренду взять за 1919 г. Что это — серьезное отношение к делу? Уничтожение хозяйств — это их не смущало, а арендную плату — позвольте. Это в законопроект вводить невозможно. Я вам указал лишь примеры, насколько законопроект был составлен поспешно и насколько он был составлен, так сказать, преднамеренно.

Председательствующий. — Вы сами член комиссии.

Член Рады Морев. — Да, но я все время оставался в комиссии в единственном числе, не потому, что я не приводил доводов, а потому, что многие говорили: тут обсуждать нечего. Вчера я пошел в земельную комиссию и предложил, что, так как волею Рады этот законопроект передан в комиссию для пересмотра, то необходимо несколько освежить состав комиссии; однако теми, кто вносил законопроект, это предложение не было принято и не было даже доведено до сведения Рады. Я думаю, что если комиссия не была в состоянии исполнить волю Рады и сумела заставить Раду переменить свое решение без всякого основания, то тут произошло недоразумение и то, чего произойти не должно. И я предлагаю вновь этот законопроект передать в комиссию, и если эта комиссия не находит материалов для решения этого вопроса, то или изменить ее состав в целом, или пополнить его и освежить Я предложил бы пополнить комиссию представителями от отделов и лицами, которые внесли бы новое течение. Мое предложение сводится к тому, чтобы вновь передать этот законопроект в комиссию и земельный вопрос решить уже не с точки зрения партии социалистов-революционеров, а с точки зрения ваших требований, ожиданий тех, кто вас послал. Я настаиваю на том, что земельная реформа должна ограничиться землями сельскохозяйственного пользования. Все речи и разговоры, которые я имел возможность слышать, касались земель

сельскохозяйственного пользования, но разве законопроект ограничивается только решением вопросов сельскохозяйственного пользования? Нет, он именно захватывает весь земельный вопрос в постановке партии соц.-революционеров. Кубани этого не нужно, потому что последствия такого рода реформы будут очень серьезными. И я думаю, что нужно относиться с уважением и вниманием к тому, что желает Рада, и к чаяниям народа. Нужно правильно уловить, чего желает народ и Рада, потому что правильным разрешением коренного вопроса работа комиссии была бы чрезвычайно облегчена. А чтобы не путаться и не оказаться беспомощными, нужно земельный вопрос рассматривать в рамках сельскохозяйственного пользования. В этом смысле Рада, конечно, может принципиально указать комиссии, что ее интересует вопрос не о землях, находящихся под садами, не о землях под фабриками, а что ее интересуют земли сельскохозяйственного пользования и что только об этих землях следует писать закон. Если же вы поставите земельный вопрос в иной плоскости, то представители, приехавшие сюда с определенными наказами, могут оказаться к этому совершенно неподготовленными. *(Аплодисменты.)*

Председательствующий. — Я убедительно прошу всех ораторов, которые вносят новые предложения, подавать их в письменном виде, иначе запомнить их очень трудно.

Член Рады Воропинов. — Господа члены Рады! Прежде всего я должен сказать, что я не социал-революционер, не социал-демократ, не кадет, а просто казак, и с этой точки зрения я и буду рассматривать земельный вопрос. Я уже и прежде имел случай здесь выступать и говорить, что мы не должны особенно останавливаться на том, чтобы подводить какие-нибудь твердые, убедительные основания под наш земельный законопроект. С этим Рада не согласилась, и мы теперь имеем удовольствие наблюдать полемику, борьбу между партией эсеров, с одной стороны, и представителями партии ка-де с другой. Но я всегда думал, что все это только затягивает время и затуманивает такой серьезный вопрос, который мы сейчас обсуждаем. Один из ораторов, если не ошибаюсь, Морев, приводил здесь пример русских духоборов и говорил, что когда русские духоборы приехали в Америку и когда узнали, что им предоставляется там право собственности на землю, то они отказались на таких условиях владеть землей. Он приводил это для того, чтобы убедить нас в том, что общинное землепользование критики не выдерживает. Насколько это верно, я не буду оспаривать, я только хотел обратить ваше внимание и внимание г. Морева на то обстоятельство, что мы должны считаться с психологией народа. Вот почему, когда русские духоборы, общинники, привыкшие работать на общинной земле, приехали в Америку и получили предложение пользоваться землей на правах собственности, то, по словам Морева, отказались пользоваться этими землями на принципе частной собственности. Я, господа, хотел провести параллель между землями русских духоборов в Америке и вашими землями, землями казачества. Господа, загляните вы хоть на одну минуту в историю казачества: когда оно становилось на путь частнособственнического владения? Этого никогда не было. Мы, казаки, сжились, мы выросли на принципе общинного землепользования, и нам не так просто отказаться от него, хотя, может быть, этот способ действительно имеет некоторые недостатки. Здесь указывали на то, что этот способ землепользования не дает возможности хозяину обрабатывать землю наиболее целесообразно,

наилучшими способами; не дает возможности удобрять эту землю как нужно; не дает возможности вести правильное хозяйство на этой земле. Мы этого не отрицаем, но ведь форма общинного землепользования может быть изменена: земля может идти в передел не через три, четыре, пять лет, а через пятнадцать, двадцать лет. При таких условиях явится возможным ввести такие способы обработки, которые явятся наиболее выгодными для тех, кто работает на ней. Я еще хотел обратить внимание на то обстоятельство, что у нас в России по отношению к русским крестьянам было не то, что по отношению к казакам. Когда указом 9 ноября об отрубном хозяйстве были сделаны попытки к установлению мелкой частой собственности, — вы помните, как наше казачество, несмотря на то, что правительство всеми мерами стремилось провести его в жизнь, как казачество отнеслось к этим мерам. Казачество единогласно тогда сказало: «Так не нужно, так не должно быть — это нас погубит». У крестьян не спросили их желания, и в крестьянских губерниях насильственно проводился этот закон в жизнь. Вы помните, что тогда делалось в России, и это для того, чтобы удовлетворить желания двух-трех лиц, которые хотели владеть землей на правах собственности и перевести свои земли, которые находились в общине, на деньги. И мне сейчас вспоминается указ Столыпина 9 ноября об отрубном хозяйстве. Но, господа, я говорю еще раз: нужно считаться с психологией народа. Мы на общинном землепользовании выросли, мы к нему привыкли. Но, может быть, с течением времени, когда мы придем с очевидностью к выводу, что старые формы общинного землепользования неудовлетворительны, — тогда в наших руках будет находиться право изменить формы пользования землей; мы оставим для себя возможность выхода из этого положения. Но если бы мы сейчас, под влиянием горячих речей депутатов Морева и Каплина, стали на их точку зрения, — мы пошли бы против мировоззрения наших казаков, против казачьего мнения. Этот закон, может быть, был бы более целесообразным, более полным, зато, если мы придем теперь к необходимости осуществить его, то принуждены будем проводить его в жизнь силой оружия, а это не в наших интересах. Нам нужна поддержка населения, и особенно теперь, когда мы освобождаем наш край от большевиков. Я повторяю, что не нужно подводить твердые основания под этот закон; я говорю, что нужно определенно сказать, что право частной собственности на землю должно быть уничтожено, что земля должна быть передана в пользование трудовому населению. Я должен вам сказать, что основания под этот закон подвела вся история кубанского казачества. Вся истории казачества говорит, что земельный вопрос может быть только таким образом разрешен.

Господа, у нас на Кубани несчастья и неправда развелись после того, как создалась такая обстановка, что перестали считаться с волей казачества. Это произошло в конце царствования Екатерины II. Уже в 1794 г. войсковым атаманом Рада не была созвана. Был издан закон, по которому вся власть предоставлялась наличному — правда, выбранному — составу правительства, а о Раде не упоминалось ни слова. Казачество, сделав этот ложный шаг, пошло и дальше. Свершилась та неправда, та несправедливость, которую мы призваны уничтожить здесь раз и навсегда. Мы это должны сделать, не колеблясь ни одной минуты. Вам член Рады Манжула указывал на то, что актом Екатерины II черноморцы получили землю от крепости Фанаго-

рийской на юг до Усть-Лабинской, на север до Ейского городка. В этом манифесте, данном в 1791 году, было сказано, что земля принадлежат войску Черноморскому и никому больше. Вот когда Рада, войсковая Рада, была уничтожена и когда во главе правительства, во главе управления войском оказались люди, не ответственные перед войском, тогда создалась та несправедливость, которую мы призваны разрешить теперь. Тогда-то при войсковом атамане Головатом и кошевом атамане Чепиге и появилась возможность в устьях реки Кирпили отводить участки по реке 12 верст вниз и 12 верст вверх, а в степи — сколько хочешь и куда хочешь. И немало тогда в лучших уголках кубанской земли создалось так называемых панских кутков, один из которых находится вблизи нас, приблизительно между Екатеринодаром и станицей Пашковской, принадлежавший одному из лучших казаков, атаману Головатому. Я напоминал некоторым членам земельной комиссии о желательности на время разрешения земельного вопроса принести сюда очень большую карту Кубанской области из областного правления, на которой различными красками отмечены различные виды земли, вы увидели бы, как характерно у нас в Кубанской области, а в особенности на Черноморье, распределяются частновладельческие земли; вы увидели бы, что лучшие кусочки, прибрежные по Кубани, по протокам, все те места золотые, неоценимые, — все это оказалось в руках тех, кто мог тогда на законном основании творить беззаконие и неправду. Я думаю, что начиная с 1794 года здесь у нас, на Кубани, творилась неправда по земельному вопросу, и вот теперь мы имеем возможность эту неправду уничтожить. И я полагаю, что есть большие основания для того, чтобы принять этот законопроект, который здесь предлагается и который, в сущности, сводится к тому, чтобы уничтожить частную собственность на землю, я бы сказал, чтобы восстановить войско Кубанское в правах на землю, которые были попраны, поруганы предыдущей историей. Вот те главные, я бы сказал, единственные основания для того, чтобы разрешить земельный вопрос именно в таком духе, а совсем не потому, как уверяет г. Морев, что мы поймались на удочку партии «эсеров» и теперь барахтаемся, не зная, как разрешать этот вопрос. Ничего подобного.

Совершенно верно, когда краевая Рада в прошлом декабре выработала свою политическую программу, наш наказ депутатам в Учредительное собрание, то, с одной стороны, мы сходились с «кадетами», с другой — с «эсерами», с третьей — еще с какими-нибудь партиями, сходились так или иначе; по одним вопросам мы соприкасались, а по другим коренным образом расходились. Я только говорю, что мы сейчас не по программе партии «эсеров» идем, а по законам истории казачества. Какова история казачества, таков и ход нашей жизни. И мы сейчас, собственно говоря, исправляем только то, что было нарушено 125 лет тому назад и что нарушалось в течение 125 лет. Здесь, на Кубани, мы должны восстановить правду на землю, и для нас никакие партии не указ. Теперь далее, господа: здесь противники этого законопроекта, особенно г. Морев и другие, указывают на то, что этот законопроект несовершенен. Может быть, он несовершенен, может быть, он отличается крупными недостатками, но, господа, я прошу вас помнить одно, что мы сейчас переживаем тяжкий момент, что этот земельный вопрос мы должны разрешить скорее, что мы останавливаться долго на нем не можем. Но мы верим, что воля народная останется в руках самого народа, и

когда мы выйдем из полосы гражданской войны и заживем мирной жизнью, тогда мы увидим, какие недостатки в этом законопроекте мы допустили, — и тогда совершенно свободно можем их исправить. А сейчас, господа, я все-таки думаю, что в подведении всяких оснований под этот законопроект — чтобы это было убедительно, точно нам нужно оправдываться, — нет необходимости. Нам, по возможности, необходимо перейти скорее к постатейному чтению, принять этот законопроект и продолжать нашу дальнейшую работу. *(Аплодисменты.)*

Председательствующий. — Господа члены Рады! Ко мне поступило заявление, имеющее серьезный характер, поэтому я как председательствующий считаю нужным пока прения по докладу приостановить и дать слово председателю правительства для внеочередного заявления. *(Голоса: «Просим».)*

Председатель правительства Быч. — Господа члены Рады! В заседании 20 ноября вам было доложено об аресте секретаря украинского посольства. Я докладывал по этому вопросу в таких словах (цитирую по газете «Россия»): «Господин главнокомандующий выразил желание, чтобы генерал Романовский сделал сообщение членам Рады или правительству. Для правительства этот вопрос является невыясненным. Предлагаю вам отложить обсуждение этого вопроса, так как прежде всего правительство должно быть ознакомлено с делом». Затем дальше: «Если краевая Рада пожелает рассмотреть вопрос, то должна представить материал в комиссию, чтобы рассмотреть все детально». Рада постановила: «Выслушав заявление правительства по поводу ареста секретаря посольства, поручить правительству спешно установить основания, послужившие поводом к аресту, и доложить Раде». До сего времени правительство не могло выполнить поручение Рады, и поэтому я считаю необходимым дать объяснение о причинах задержки, неисполнения такого повеления Рады.

Войсковому атаману было обещано, что ему будут присланы документы и письмо или сведения, послужившие причиной ареста. Письмо это не было прислано, и потому правительство не имело материала, чтобы ознакомиться с этим делом. Господин войсковой атаман вчера просил ускорить присылку этих сведений и обещал по получении переслать их мне, но до сих пор от г. войскового атамана этих сведений я не получил. Между тем в газете «Россия», в сегодняшнем номере, появилось официальное сообщение от штаба главнокомандующего Добровольческой армией с изложением оснований, послуживших поводом к аресту. В начале этого сообщения описывается история переговоров, которые вел секретарь украинского посольства с городом Екатеринославом по прямому проводу.

Я должен сказать, что на правительственном телеграфе существует две организации, следящие за правильностью переговоров, — организация наша, правительственная, и организация Добровольческой армии. Правительственный телеграф содержится на средства Кубанского края; его чины подчинены Кубанскому краевому правительству и находятся в его распоряжении, — но за последнее время установилось несколько, скажу даже — много, ненормальностей в этом деле. Так, дело дошло до того, что телеграммы, получаемые на имя председателя правительства, председателя Законодательной Рады, войскового атамана, подвергаются военной цензуре. Нам казалось, что право распоряжения телеграфом должно находиться в руках правитель-

ства. И вот, те представители стран, земель, которые не состоят в войне с Кубанью или Добровольческой армией, получили разрешение на переговоры по прямому проводу по телеграфу. Такое разрешение имеют представители Дона; когда здесь были представители Грузии, они имели такое же разрешение; имели его и представители Украины, так как мы не находились в состоянии войны с последней. От правительства Кубанского явился на телеграф уполномоченный, сотник Жежель, член краевой Рады. Ему было поручено правительством вызвать Киев, а вызов этот можно было делать только случайно, так как постоянное сообщение прерывалось, и осведомиться, что там происходит, тем более что в Киеве находятся наши представители, уполномоченные для того, чтобы закончить операцию по получению массы предметов, нам необходимых: снарядов, инженерного имущества, авиационного имущества, аппаратов, медикаментов и т. д. на много миллионов рублей. Там остался наш уполномоченный полковник Курагин вместе с целым отрядом казаков-приемщиков. Сотнику Жежелю поручалось вызвать полковника Курагина и просить у него сведений, если же сообщение с Киевом явилось бы невозможным, вызвать Екатеринослав и узнать, что происходит на Украине.

В ту ночь, когда произошел арест секретаря украинского посольства Поливана, сотнику Жежелю вызвать Киев и говорить с полковником Курагиным не удалось; вызван был только Екатеринослав, так как дальше сообщения не было. В это же время там присутствовал секретарь посольства, который имел разрешение от краевого правительства вести переговоры с Украиной. Таким образом, состоялись переговоры секретаря украинского посольства с Екатеринославом. Когда мне донесли — это было около 12 часов ночи, — что происходят на телеграфе недоразумения, что представитель штаба Добровольческой армии хочет иметь ту телеграмму, то сообщение, которое было получено из Екатеринослава, то я прежде всего поставил вопрос: кто говорил? Говорил ли временный уполномоченный правительства сотник Жежель или же секретарь украинского посольства? И когда сказали, что фактически говорил секретарь украинского посольства, я заявил, что не могу дать разрешение изъять телеграмму из рук секретаря украинского посольства. Это было передано. Кроме того, я заявил, что если будет употреблено насилие, то это дело представителей штаба Добровольческой армии. Так и было передано в штаб армии.

В сообщении штаба армии указано, что разговор велся с повстанцами — явными врагами Добровольческой армии и дружественной ей Донской армии, Кто вел разговор из Екатеринослава, само собою разумеется, я знать не могу; затем мне достоверно известно, что Добровольческая армия, в состав которой входят кубанские казаки, находилась в состоянии войны с повстанцами на Украине. Секретарь украинской миссии заявил на телеграфе, что он, как представитель его светлости пана гетмана, считает такие действия не только оскорбительными, но и нарушающими закон международного права, и что он не преминет заявить протест в Париже и Лондоне. Одновременно, схватив конверт с документами, он вскрыл его и предложил прочесть. Очевидно, секретарь украинского посольства не считал, что содержание этой телеграммы заключает в себе нечто составляющее тайну, ибо он сам предлагал вскрыть и прочесть, но начальник отказался от этого, и затем конверт был запечатан и отобран.

Далее было сказано: «Текст всех разговоров не может быть приведен, т. к. лента была взята председателем п-ва Бычем и находится у последнего». Я заявляю, что это не так, что у меня этой ленты не было и нет, так что это сообщение не отвечает действительности; где эта лента, я совершенно не знаю. Затем в телеграмме содержится благодарность кубанскому казачеству за их сочувствие. Должен сказать, что ни с каким выражением сочувствия, приветствия и т. д. от имени правительства и от имени кубанских казаков я не обращался. И, очевидно, имелся в виду тот прием, которым Раде угодно было удостоить представителя Украины. Я думаю, что мы имеем основание выражать сочувствие Украине и оказывать представителям ее прием теплый, ибо я напомню, что еще в мае месяце мы первую помощь получили оттуда, и до сих пор мы получаем ее только оттуда. Неблагодарными мы, казаки, не должны быть. *(«Правильно». Аплодисменты.)*

В сообщении говорится, что по докладу происходивший разговор был прекращен и главнокомандующий приказал подвергнуть Поливана задержанию и отправить его в Киев, что и было исполнено. Мы полагаем, что посольство украинское состояло только при Кубанском краевом правительстве, и если бы было доказано упущение или какое-нибудь преступление со стороны того или другого члена посольства, то только Кубанское краевое правительство могло бы предпринять те или другие меры. Во всяком случае, эти меры должны быть предприняты, по нашему глубокому убеждению, только с ведома и согласия Кубанского краевого правительства, ибо, повторяю, посольство было при Кубанском краевом правительстве, и наша честь и достоинство должны заключаться в том, чтобы охранять свободу тех, кто к нам приезжает как посланник, как уполномоченный. Ибо кто к нам приедет, если он не будет огражден здесь, на нашей территории, от посягательства на арест, удаление и т. д.? *(Аплодисменты.)*

Далее, сообщается о том, что предложение дать Раде разъяснение исходило от атамана, но Быч под предлогом невыясненности этого вопроса для правительства предложил Раде разъяснение командования Добровольческой армии отклонить, что и было исполнено. Я вначале процитировал свое предложение по газете «Россия», которую нельзя упрекнуть в том, что мои слова были переделаны в каком-нибудь выгодном для меня свете. И вот, по этому изложению вы, господа члены Рады, изволите видеть, что я не предлагал отклонить, а предлагал предварительно рассмотреть обстоятельства дела и ознакомиться с его деталями, и даже предлагал, чтобы это дело возможно подробнее было рассмотрено и передано в комиссию. Таким образом, от моего лица предложения отклонения не исходило. *(«Правильно».)*

Следующий абзац представляет чрезвычайно большой интерес — это отношение Добровольческой армии к Петлюре и возглавляемому им движению, которое, согласно официальному сообщению, вполне определяется приведенным ниже текстом разговора Поливана, причем видно, что это движение вносит в страну анархию, совершенно родственную большевизму. Вот это — основные пункты. В дополнение к тому, что сообщено здесь, в этом официальном сообщении, могу добавить, что 21 ноября я получил от генерала Драгомирова письмо, при котором мне был прислан манифест временного рабоче-крестьянского правительства Украины и прокламация, распространяемая в районе Харькова и Екатеринослава. В письме говорится, что «манифест не

оставляет сомнения в том, что главное движение на Украине — чисто большевистское, а поступающие сведения указывают на то, что оно идет рука об руку с национальным движением Петлюры и др. самостийников, которых вы защищали в своей Раде 11 ноября». Вероятно, члены Рады помнят, что я не защищал ни Петлюры, ни Балбачана, ни других, о которых я даже и не упоминал, ибо прежде всего я думаю, что они в моей защите не нуждаются, а затем я только хотел для себя и для других выяснить истинное положение вещей на Украине. Вот та прокламация, которая здесь приложена и поможет нам выяснить это положение.

Я в свое время возражал ораторам — Филимонову и другим — и говорил, что будет колоссальной непоправимой ошибкой теперешнее движение на Украине, возглавляемое Центральной украинской Радой Винниченко и Петлюры, смешивать с большевистским движением, а мне прислали в доказательство того, что это движение есть большевистское, прокламацию большевистскую. Но когда мы начнем читать эту прокламацию, то мы прежде всего увидим, что это говорят большевики: «Кровавый праздник справляли буржуа, помещики и тогдашние хозяева Украины». Затем дальше: «Мы, члены исполнительного большевистского совета, объявляем, что законы, приказы, договоры и распоряжения Центральной Рады незаконны и не подлежат исполнению. Всякий уклоняющийся от исполнения этого требования подлежит расстрелу на месте». Таким образом, я не понимаю и не могу понять, как можно идти рука об руку с большевиками, когда большевики призывают на месте расстреливать членов Рады и отвергают их власть. Я тогда говорил, что первыми кандидатами на расстрел со стороны большевиков являются Петлюра и Винниченко и все те, кто стоит на платформе украинской Центральной Рады. Эта прокламация только лишний раз подтверждает, что я был прав, что нельзя смешивать эти два движения.

Затем я имел случай докладывать о том, что мы стоим на той точке зрения, что вмешательства во внутренние дела Украины мы не признаем; что на Украине идет своя борьба, с одной стороны — между Центральной Радой и гетманом, а с другой — между Центральной Радой и большевиками. Как разрешится эта борьба, мы не знаем, но ни той, ни другой стороне оказывать помощь мы не будем и не желаем. Не желаем, чтобы мы были втянуты во внутренние дела Украины и чтобы наша казачья кровь проливалась. У нас свои задачи — очищение края и окончание кровавой борьбы с большевизмом. Перед нами стоит высокая задача — строительство государства совместно с теми странами и землями, которые не подчинились большевикам, и этих задач нам достаточно. Они слишком велики, слишком тяжелы и потребуют от нас еще много крови и жизней. А вмешиваться во внутренние дела и разбираться в тех делах, которые там происходят, мы не считаем вправе и не считаем себя обязанными. Это — наша основная точка зрения, наша основная позиция. Обвинять нас в том, что мы стоим и защищаем тех, которые стоят за большевиков, никто не имеет права, ибо все время, больше года, мы боремся с большевиками, и тот, кто пошел рядом с большевиками, тот не друг нам, и защищать его мы не будем. *(Аплодисменты.)*

В последнее время вокруг краевой Рады и правительства атмосфера до чрезвычайности сгустилась, и стоит взять ту газету, которую я цитировал, для того чтобы прийти к такому выводу. Я процитирую одну фразу: «Жутко становится от подобных

настроений общественных собраний», т. е. от Рады нашей, «Тяжело и обидно видеть первые шаги новых свободных учреждений, призванных в роковой час всеобщей опасности на великое дело спасения России». Таким образом, жутко делается от наших заседаний, от того, что мы тут как можем, как умеем, разрешаем дела; от того, что мы думаем, как бы получше построить здание государства. Если от этого жутко, то от другого явления нашей жизни нам еще более жутко должно быть. Мы стояли и стоим на той точке зрения, что только представители народа должны встроить эту жизнь, и от того, как мы приступим к постройке этой жизни, народу жутко не должно быть и не будет. *(Аплодисменты.)*

Я бы хотел, чтобы в нашу работу, работу краевой Рады, была внесена струя спокойного, хладнокровного обсуждения, чтобы проходящие случаи этой работе не мешали. Собрание представителей народных может спокойно обсуждать и разумно решать лишь в то время, когда вокруг этого собрания не будут сгущаться разные слухи, разные толки и ожидание всевозможных событий. Как законодательное учреждение краевая Рада может работать только в атмосфере спокойствия, и разум — холодный разум — должен руководить нашей работой. Поэтому я от всего сердца и души желаю, чтобы была наконец создана такая обстановка, при которой Рада могла бы продуктивно и спокойно продолжать свою работу. Только такие условия дадут возможность получить от Рады все то, чего жаждет и желает наше исстрадавшееся население. *(Аплодисменты.)*

Председательствующий. — Постараемся принять к сведению. Слово принадлежит генералу Покровскому. *(Шум.)* Прошу соблюдать тишину, призываю всех к порядку.

Член Рады генерал Покровский. *(Аплодисменты.)* — Господа члены Рады! В то время когда наши полки, измотанные, истомленные, там, за Ставрополем, истекая кровью, продолжают делать великое государственное дело, ведут борьбу за восстановление попранных основных человеческих прав; в то время как казаки создают казачество, — в тылу, здесь, в Екатеринодаре, нет того единения, которое есть там между казаками, горцами и иногородними добровольцами. Мы видели раскол и в Раде, и в правительстве, и здесь мы не видим представителей Добровольческой армии. Нельзя сказать, что все обстоит у нас благополучно; нельзя сказать, что Рада в своей политической работе приняла тот путь, который желала бы видеть армия; на фронте носятся слухи, что существует расхождение в основных принципах между Радой и армией. Вопрос слишком сложный и слишком больной, и в своем решении этого вопроса Рада, казалось бы, не должна была затягивать время.

Тот путь, по которому мы прошли в течение этого года и который привел нас сюда, в это здание, этот путь кошмарен и бесконечно тяжел. Слишком много пришлось пережить и слишком много пришлось приносить жертв во имя конечных результатов, и эти результаты должны быть потом слишком ценными, чтобы действительно стоило все это испытать во имя их. Веками существовала великая Российская держава, и казачество слишком много принесло труда на это общее дело созидания России. Настал грозный час государственного экзамена — настала война. Она не была нами проиграна в 17-м году. Разразилась революция: зашатались основные устои государства

и заколебалась стойкость армии; появились демагоги и болтуны революции. В море революции, в пене волны, выплеснулись отдельные лица, поведшие за собою митинговую толпу и погубившие Россию; были только пышные фразы — «свободная страна», «земля и воля народу»... Самым видным демагогом был Керенский, который взял власть в свои руки, создавал и вводил комитеты на фронте и разлагал армию. Когда поднялась красная мутная волна большевизма, когда вышла русская армия из окопов и эта муть залила Россию, Россия не имела сил сопротивляться и... распалась... Великое торжище — продажа совести, чести и независимости — привело нас к тем гнусным результатам, с которыми нам пришлось столкнуться.

Но казаки были стойки и не приложили своих рук к делу, погубившему Родину. Вы вспомните, как на Кубани ждали возвращения своих полков; вспомните, как старики из станиц не знали, что делать, что предпринять; как они ждали, что придут фронтовики, научат их и поддержат. А агитация тем временем делала свое дело, пропаганда распространялась по Кубани, и когда пришли фронтовики, здесь от них не могли получить того, чего желали, и не увидели в них той бодрости и стойкости, которые были так необходимы. Сентябрьская Рада явилась продуктом нашего безвременья, ибо вы знаете, что в этот период у нас на улицах и площадях митинговали все, «кто в Бога веровал». Появились демагоги и стали вести за собой толпу, потерявшую разум и совесть. В то время было слишком неспокойно и тревожно, и трудно было разобраться в том, что делалось. Сентябрьская Рада создала конституцию, по образцу которой создается конституция сейчас, т. е. урывая права атамана и предоставляя права правительству, — и наметила путь государственного строительства. Но здесь, в силу безвременья, власть не могла опереться на общественные доверие и симпатии и не была в глазах масс авторитетной.

В декабре начала формироваться Добровольческая армия на Кубани. Вы помните, что формирование это сопровождалось большими трениями и затруднениями, и не всегда и не везде она встречала сочувствие, которое следовало бы ожидать. В январе первые шаги добровольцев сопровождались общей ненавистью и инсинуацией самого гнусного свойства. Защиты добровольцы не получали и делали свою работу в невероятно тяжелых условиях. Когда лилась кровь на фронте добровольцев и казаков, в то время здесь, в городе, Законодательная Рада почтила вставанием одновременно с добровольцами и большевиков, «проливавших свою кровь за свободу». *(Шум, возгласы: «Позор».)*

Председательствующий. — Прошу соблюдать тишину.

Член Рады ген. Покровский (продолжает). — Сил не хватало, возможности не было удержать позицию под городом — войска ушли, и начался длительный, тяжелый, кошмарный поход.

Я вспоминаю, как в ст. Мечетинской, в районе которой находились наши войска, было волнение и стали ходить слухи, что кто-то из наших представителей на Украине вошел в какие-то сношения не с тем, с кем надо было. Мы обратились к атаману, и он, не смогший сдержать этого волнения среди окружающих его казаков и офицеров, собрал всех в ст. Мечетинской и обратился с просьбой помочь ему, ибо он чувствует, что все делается не так, как нужно, и без его ведома; он просил поддержать его. Мы его поддержали — он получил общее доверие и одобрение от окружающих его казаков и

офицеров. И когда после атамана пожелали некоторые выступить с протестом, то это им не было дано.

По приходе в Екатеринодар мы ожидали, что административный аппарат создаст все, что можно создать, и ждали, что получим то благополучие, которое должно быть в рядах армии, идущей на фронт. Но, к сожалению, мы этого не видели, и фронт знает, что Екатеринодар помощи ему не дал. Здесь пошла агитация, разыгрались политические страсти, и фронт был Екатеринодаром забыт. Это я знаю, знают и все те офицеры и казаки, которые находятся на фронте. Я могу привести примеры: на фронте нет офицеров, нет казаков, зачастую не хватает одежды и т. д., а в Екатеринодаре есть офицеры, а в крае есть казаки. И вот, можно было бы создать такой аппарат, который бы в достаточном числе снабжал и пополнял ряды армии. Офицеры, измотанные, изнервничавшиеся, измученные на фронте, не могут видеть спокойно, что сотни, тысячи офицеров находятся в тылу. Это явление ненормальное, недопустимое. *(Аплодисменты.)*

Расхождение в коренных взглядах между Радой и Добровольческой армией крайне болезненно отозвалось на войсках. Я имею сведения, что это так же болезненно отозвалось и вообще на казачестве. *(Шум, «Неправда».)* Я думаю, что никто из казаков не может себе представить, чтобы тот союз, который спаян кровью, мог бы быть кем-нибудь расторгнут. Этого уже, наверно, никто не мыслит. *(«Нет».)* Тем не менее, есть тревога на фронте — это я могу подтвердить, ибо я знаю это. Этого не должно быть. Может быть, для этого специально создаются причины, изобретаются поводы, но фактически таковых не может быть, я надеюсь. Я не десятки, а сотни раз командовал войсками в бою и помню, что в высочайшие, самые красивые моменты, когда все войско, сломив сопротивление врага, вдруг слышит, что в тылу небезопасно, что его «обошли», — оно не выдерживает, в нем начинается смятение, переходящее в панику, и весь успех вмиг идет насмарку. Так страшен тыл, так важно спокойствие в тылу для фронта. И вот здесь, в тылу, должно быть полное благополучие.

В газете «Россия» есть слова, исходящие от штаба главнокомандующего: «Стоя на страже интересов Добровольческой армии, кубанских казаков, идущих с армией, и Донской армии, дерущейся рядом против общего врага, главнокомандующий не может допустить, чтобы в пределах расположения штаба зрело предательство, а потому принимает исключительные меры против предателей». Вот что говорит штаб. И вот призрак чего-то ужасного стоит перед нами. Неужели можно допустить, чтобы в то время, как измотанные полки истекают кровью на фронте, здесь могло родиться предательство? Вспомните, что сделала Добровольческая армия для Кубани, — она спасла Кубанскую область, она дала возможность вам здесь сидеть спокойно. *(Голоса: «Мы сами себя спасли».)* Мы не можем забыть армию, мы не можем не помогать, мы не можем допустить, чтобы от кого-нибудь был армии нанесен удар в спину. Этого не будет. Армия создала вам возможность идти по пути государственного строительства, работать для восстановления нормальных условий жизни края. Этот путь она прокладывала штыками, шашками, омывала кровью своей, кровью добровольцев, казаков и горцев. Вот кто пробил эту дорогу. Чтобы идти далее по этому пути, вся область должна всячески помогать армии и обогащать ее.

Здесь говорилось о том, что между Добровольческой армией и Радой существует основное расхождение. Оно вытекает из декларации правительства. Я скажу вам, что для нас, военных, немыслимо иметь во главе себя какое-нибудь коллегиальное учреждение, какой-то комитет и что-то похожее на «совдеп». У нас впереди может быть один вождь. Нас может вести только один вождь, облеченный властью главнокомандующего, облеченный военной диктаторской властью. Все знают, что успех боев на фронте зависит от объединения войска, а я вам скажу, что успех, в смысле оказания помощи войскам, зависит от единого тыла, и к этому объединению я призываю вас. Если вы будете разбросаны, если вы не будете соединены в одно целое, то успеха не будет, и не ждите тогда от своих измотанных сынов и братьев, что они закончат с честью то великое дело, которое она делают сейчас. *(Аплодисменты.)*

Председательствующий. — Господа, мы выслушали доклад председателя правительства и внеочередное заявление генерала Покровского. Председатель правительства просит слова.

Председатель правительства Л. Л. Быч. — Господа члены Рады! Здесь тяжкие обвинения брошены тылу. Говорили, что тыл должен быть спокоен и что только тогда будет спокойна и армия, и тогда только победоносно она сможет бороться; что в тылу происходят события, нервирующие армию. Да, это верно. Но для устроения тыла и собрана краевая Рада; для этого и собрались вы сюда. *(«Правильно», аплодисменты.)* Если вам, гг. члены краевой Рады, будет дана возможность спокойно, как я перед этим говорил, работать, то мы глубоко убеждены, что тыл будет устроен. Откуда же идет эта нервность? Вы, господа члены Рады, вы, вероятно, знаете, откуда все это исходит. *(Голоса: «Знаем».)* И не Раду, и не правительство нужно обвинять в том, что произошло, как и в том, что не все благополучно. Злые слухи ходят вокруг Рады и не дают ей возможности спокойно работать. Нам говорят, что об армии никто не заботится, никто не беспокоится. Да те, кто говорят это, не знают, что они говорят! *(«Правильно».)* Краевая Рада выделила специальную комиссию, которая этим делом занимается. В свою очередь, правительство отдавало этому делу много времени и сил. Но наша роль, роль правительства, сводилась к очень немногому. Мы должны были мобилизовать и доставлять казаков — бойцов. Больше мы ничего не могли сделать, ибо правительство армией не распоряжается. Кубанская армия и ее полки не в распоряжении войскового атамана, который, по нашей конституции, должен являться главою военных сил. Командование было передано тому, кто признавался наиболее талантливым полководцем, но мы свои обязанности в доставлении всего того, что было в нашем распоряжении, насколько это было возможно, мы эту обязанность выполнили.

Нам говорят, что нет казаков, нет офицеров на фронте. Я должен засвидетельствовать, что правительство принимало меры к тому, чтобы все казаки были на фронте, и пусть укажут нам, где здесь, в тылу, имеются организованные казачьи части. Есть запасные части в Екатеринодаре, да еще какие-то сотни стоят в станице Пашковской; больше у нас нет войсковых частей, которые бы не несли действительной службы. Я должен также сказать, что г. войсковым атаманом, который является у нас, по нашему положению, начальником всех краевых военных сил, сделано распоряжение о том, чтобы все офицеры, не бывшие на фронте, отправились на фронт, а здесь, в тылу, были

бы оставлены только раненые, больные и инвалиды, неспособные нести фронтовую службу. Эго, господа члены Рады, сделано.

Говорят, что материальная часть наших полков не обеспечена. Это верно. Но ведь вы, господа члены Рады, знаете, в каких условиях вообще находится снабжение армии и населения в настоящее время. Ведь мануфактуры мы ни аршина ниоткуда не получаем. Она вырабатывается в Московском районе, а в Москве и районе ее находятся сейчас большевики. Ни проходу, ни проезду туда нет. Насколько возможно, правительство старалось получить мануфактуру и получало. Оно старалось получить ее из Грузии, но, к сожалению, его попытка не увенчалась успехом и в этом отношении не привела к желанным результатам. Мы оттуда хотели получить большое количество необходимых предметов взамен на хлеб, на мясо и другие продукты питания. Нам, к сожалению, этого сделать не удалось, и не по нашей воле. И вот, господа, когда говорят о том, что не допущено будет предательства, я говорю: да, предательство не должно быть допущено, но оно не там, где хотят его искать. Предательство есть в посягательстве на это учреждение, на краевую Раду. И мы всем, кто хотел бы посягнуть на Раду, должны сказать: «Прочь руки от этого места, ибо это место свято». *(Бурные аплодисменты.)*

Председательствующий. — Слово предоставляется председателю Рады Рябоволу.

Н. С. Рябовол. — Господа члены Рады! Я взял для себя слово как председатель Законодательной Рады. Последней здесь было брошено обвинение в том, что она в январе почтила вставанием одновременно с добровольцами большевиков; раздалось здесь несколько голосов: «Позор». Это было в тот момент, когда полчища большевиков двинулись из Новороссийска на Екатеринодар и когда генерал Покровский, здесь докладывавший вам, отразил этот натиск. Это было после победы. Мы, члены Рады, принимавшие самое непосредственное участие в организации сил казачьих для отражения натиска, мы верили, что то, что случилось в тот момент, есть нечто преходящее, навеянное чужими людьми, и казаки должны будут восстать и взять оружие, чтобы защищать идею государственности. Мы тогда видели, что наряду с проходимцами, с хулиганами, с подонками общества двигались на нас, к сожалению, и казачьи силы. Был двинут, вы помните, Таманский полк; он был под Афипской. Законодательная Рада смотрела так: в гражданской войне, где гибнут многие, против которых мы воюем сейчас, нашими врагами являются наши же, русские. В этом наше несчастье, что мы принуждены воевать со своими собственными братьями по крови. И мы должны жалеть об этом. И в этом соболезновании нет сочувствия большевикам, в котором нас обвиняют. Как мы можем выражать сочувствие большевикам, когда, например, у меня лично убит ими старик отец, много родных и лучшие друзья, все имущество разграблено, — разве после всего этого я могу чувствовать любовь к руководителям большевизма? Но, господа, там находятся заблудшие, там темный народ идет против нас под влиянием временного заблуждения. Разве у вас никогда не болит сердце, что мы занимаемся самоистреблением? И когда было заявлено о победе, когда Рада встречала бурными аплодисментами и радостью победу под Афипской, она в то же время не могла не вспомнить о заблудших, о наших несчастных казаках, которые частью погибли,

и Рада действительно почтила память заблудившихся и насильно забранных наших братьев. Это было сделано по моему предложению. Я думаю, если у нас и обливается сердце кровью, все же мы обязаны бороться, биться до последней капли крови, но в то же время мы обязаны и жалеть об этом. Позорного в этом я ничего не вижу. Это сделано было не в похвалу большевизму. И разве можно было обвинять членов Рады, что они этим хотели похвалить большевиков? Это было выражение глубочайшей грусти, печали, и только.

Председательствующий. — Господа члены Рады! Я как председательствующий в настоящем собрании считаю своим долгом удостоверить, что, во-первых, разрыва между нами и Добровольческой армией не было и, во-вторых, что у нас образована согласительная комиссия в составе представителей как от Добровольческой армии, так и от краевой Рады. Вчера днем уже получено разрешение верховного главнокомандующего Деникина, и эта комиссия должна приступить к работе. Таким образом, первый фундамент для общей работы заложен, о чем я и довожу до вашего сведения. *(Аплодисменты.)*

Господа члены Рады! Заявляю, что внеочередные заявления закончены, обсуждать их мы не будем, а перейдем к очередным делам. На очереди продолжение прений по земельному вопросу. Ввиду позднего времени я хотел бы сделать перерыв до завтрашнего дня, но по просьбе председателя согласительной комиссии Ивана Леонтьевича Макаренко вынужден дать ему слово для внеочередного заявления.

Член Рады И. Макаренко. — Господа члены Рады! Мое внеочередное заявление по духу и по целям своим значительно отличается от того внеочередного заявления, которое мы уже выслушали. Я должен сделать эту оговорку, чтобы не было смешения и путаницы, ибо наши роли с предыдущим оратором, делавшим внеочередное заявление, наши роли — совершенно разные, я бы сказал: даже противоположные. Я делаю заявление как председатель согласительной комиссии, согласно вчерашнему ее постановлению, и делаю его в виде кратких и сжатых фраз, ибо знаю, что от ошибочности и неточности заявлений в нашем деле может быть много лишних болезней. Об этой неточности я говорю с особым ударением, ибо прежнее мое заявление по поводу деятельности согласительной комиссии, о котором вы, конечно, помните, нашло несколько неточных отражений в печати и уже имело свои, хотя и небольшие, но нездоровые последствия. И я, если бы имел право, я бы просил представителей печати о том, чтобы мои заявления были передаваемы точнее, и обещаю им, что я им помогу в этом. Итак, я приступаю.

Армия — вне политики, это закон. Представителей кубанских строевых частей на Раде нет, и это правильно. Рада есть представительство от населения Кубани; Кубань есть политическая единица, включающая определенные территории и население, и возглавлена народом созданной властью законодательной и исполнительной. Добровольческая армия и ее командование есть рядом стоящая военно-политическая организация. Военная понятно почему; политическая — потому что ее командование ставит себе определенные государственно-политические задачи; о них вы слыхали здесь с трибуны. Добровольческая армия не есть местное население и не составляет определенного населенного пункта. Ввиду того что армия должна быть вне политики, что

армия не есть населенный пункт Кубани, что Добровольческая армия в отношении Кубани есть рядом стоящий организм — это точная фраза генерал-лейтенанта Лукомского, — ее представители в Раде как члены Рады не должны были быть. Таким образом, по формальным соображениям, включение в состав Рады представителей Добровольческой армии было ошибкой нашего правительства. Конечно, мы понимаем те мотивы, по которым это включение сделано. Я об этом не говорю, я говорю о формальной стороне дела и только. Те мотивы мы понимаем и их ценим. Наше правительство должно было предоставить представителям Добровольческой армии первое из почетных мест в Раде для высоких и дорогих Кубани гостей, не указывая количества представителей. Краевая Рада во внимание величайших заслуг Добровольческой армии перед краем могла и должна была пожелать предоставить представителям Добровольческой армии не права совещательного или решающего голоса, а право вообще, не в пример другим, высказывать свои суждения по любым вопросам, и не в порядке записи ораторов, а в любой момент, не ограничивая ораторов во времени. Таковой почет должен был быть предоставлен в заседаниях краевой Рады; такова формальная сторона дела, формальная сторона вопроса о представительстве Добровольческой армии в Раде.

Нарушение формальной стороны вопроса привело к нездоровым последствиям, а именно — к ограничению числа представителей Добровольческой армии, лишению их возможности принимать участие в работах всех комиссий; второе — предоставление права решающего голоса — привело к тому, что вся тяжелая ответственность за все решения Рады падала в равной мере как на Раду, так и на Добровольческую армию. Это, конечно, ненормально. Таким образом, Добровольческая армия вовлеклась во всю сутолоку общественно-политической жизни края, в водоворот борьбы местных политических групп и партий. Для Добровольческой армии создалось ложное положение, принижающее ее великую роль в судьбе всей России. Это положение ненормальности создалось и в другом отношении: раз тяжелая ответственность за решения Рады в равной мере распределялась между Радой и Добровольческой армией, то надо было создать и количественное равенство сил при голосовании. Ответственность падает в равной мере, а при голосовании Добровольческая армия, конечно, всегда должна оставаться в меньшинстве, ибо ее представителей — или один, или, как было потом, только четыре. Но если это исправить, если создать равенство при голосовании, то это привело бы нас к новому абсурду, ибо потребовалось бы введение в состав Рады с правом решающего голоса целого кавалерийского полка четырехэскадронного состава. Само собою разумеется, что представители Добровольческой армии, поставленные в столь тяжелое положение, должны были при голосовании сделать то, что они сделали 11 ноября, а именно: будучи диаметрально противоположного мнения по вопросам, ставившимся на голосование Рады, сознавая, что вся тяжесть ответственности за принимаемые решения падает и на Добровольческую армию, и учитывая, что их мнения не могут быть поддержаны таким же количеством голосов, представители Добровольческой армии должны были не только воздержаться от голосования, но и немедленно выйти из состава Рады, дабы не возлагать на Добровольческую армию ответственности за решения, явно несогласные с видами и взглядами командования Добровольческой армии. Это ясно и это понятно. Таким образом, порожденная прежде ошибка

формальная повлекла за собой целый клубок нездоровых явлений, которые непосвященная и не разобравшаяся в сущности дела толпа, улица, жадная до всяких сенсаций, обратила в грозные события, — разрыв с Добровольческой армией. Толпа зажужжала, заговорила, сама себя напугала, вытаращила глаза от испуга и понесла эту весть по всем базарам, городам и селам края и на фронт. Толпа своеобразно поняла и извратила факт выхода Добровольческой армии из Рады 11-го ноября, и это в то время, когда выход был направлен лишь к тому, чтобы оградить Добровольческую армию от ответственности за то, за что она не может и не должна нести никакой ответственности. Вот, господа, суть того, что произошло. И прав председатель, который здесь говорит о том, что разрыва не было.

Председательствующий. — Извиняюсь, дело в том, что от некоторых членов согласительной комиссии поступило заявление, что вы не уполномочены выставлять те или другие мотивы, а уполномочены просто изложить протокол вчерашнего дня.

Член Рады И. Макаренко. — Я это имею в виду. Ненормальность заключалась не только в формальных причинах, но и в существе дела. Само собою разумеется, что то, что должно составлять предмет переговоров правительства и Добровольческой армии, не должно было быть темой для решения Рады, ибо переговоры с Добровольческой армией как силой, рядом стоящей, не составляют задачи законодательного органа, каким является Кубанская краевая Рада. Благодаря этому и с этой стороны создалось то же самое — с формальной стороны, неправильное и нездоровое положение вещей. С этой точки зрения, я лично нахожу и думаю, что именно в этом отношении поймут и правильно поступят, если поддержат, что предмет переговоров с Добровольческой армией, как и с Доном, как и с Грузией, — это есть вопрос исполнительной власти. Вот тот фундамент, на котором я стою в данный момент и буду стоять. Таково общее направление, на котором комиссия, избранная вами, и приступила к работам. То, что я доложил вашему вниманию, я обязан был доложить в целях рассеяния неправильных тех толков, которые ныне идут, и в тех целях, чтобы мой доклад о результатах специальной работы комиссии был понят совершенно правильно, ибо, если бы я докладывал только голые факты, опять пошли бы толки, догадки, разноречия, противоречия; а передай на улицу — там это вновь обратится в клубок новых недоразумений, новых толков, новых сенсаций. Вот с настоящего времени я и перехожу к докладу о работах комиссии.

Когда была избрана вами комиссия, то через полчаса или через час поступило предложение командующего Добровольческой армией. Это предложение необходимо довести до вашего сведения, тем паче что на этом настаивал главнокомандующий Добровольческой армией. Оно кратко сказано: «Вследствие недоразумений (вы заметьте, господа, не разрыва) между краевой Радой и командованием Добровольческой армии в заседании 11-го ноября командование Добровольческой армии считает, что отношения между армией и доблестным казачеством не должны омрачаться, и всякие недоразумения между ними должны быть рассеяны. Для этого представляется необходимым, чтобы решения краевой Рады, принятые по предложению краевого правительства (речь идет об 11-м ноября), были призваны краевой Радой не окончательными, а как пожелания. Судьба связала Добровольческую армию и Кубань такой близкой

кровной нитью, что необходимо образовать смешанную согласительную комиссию из представителей Добровольческой армии и краевой Рады, в которую должны вноситься на предварительное рассмотрение как положения, аналогичные принятым 11-го ноября, так и все затрагивающие проводимые командованием Добровольческой армии государственные идеи или касающиеся интересов Добровольческой армии. Все члены согласительной комиссии, назначенные от Добровольческой армии, должны как в комиссии, так и в общих собраниях краевой Рады пользоваться правом решающего голоса. Подлинное подписал: генерал-лейтенант Романовский. 16 ноября 1918 года».

Этого заявления, этого предложения краевая Рада не имела в тот момент, когда производились выборы в согласительную комиссию, а посему 17 ноября мы, сорганизовавшись, решили обратиться к командующему Добровольческой армией с просьбой командировать своих представителей в состав согласительной комиссии. Кроме того, было решено просить нашего атамана, председателя правительства и председателя Законодательной Рады информировать нас возможно подробнее и детальнее по вопросам о взаимоотношениях с Добровольческой армией. На следующий день, во вторник, я был у генерала Деникина, и в результате собеседования командующий согласился командировать своих представителей, но не для вхождения в состав комиссии, а для предварительного обмена мнениями по вопросам, вытекавшим из предложения главнокомандующего, которое я огласил. В тот же день вечером у нас состоялось первое совместное заседание с представителями Добровольческой армии. Это было частное совещание, был обсужден первый пункт предложения главнокомандующего и была вынесена резолюция, которая окончательно была принята на следующий день и которая, согласно совместному нашему решению, должна была быть оглашена вам. Эта резолюция следующая: «Полагая, что принятая 11 ноября Кубанской краевой Радой резолюция представляет собой в первых двух пунктах констатирование фактического положения вещей, а в остальных семи пунктах изложение пожеланий Рады, частное совещание согласительной комиссии признает необходимым, во избежание возможных неясностей, вышеуказанную резолюцию подтвердить особым постановлением краевой Рады». — Суть дела понятна. Если признать принятую Радой 11-го ноября резолюцию решением, а не пожеланием, то может возникнуть вопрос о необходимости пересмотра этой резолюции в согласительной комиссии, так как некоторые ее пункты встречают возражение со стороны представителей Добровольческой армии. Если же названную резолюцию отнести к области мнений, пожеланий, то она не может быть предметом суждений комиссии. Мы, ваши представители в согласительной комиссии, согласились считать резолюцию, принятую 11-го ноября, не решением, а мнением Рады и пожеланием. Я думаю, что все присутствующие здесь помнят в общих чертах, по крайней мере, те резолюции, которые были приняты Радой 11-го ноября. Если же оказалось бы необходимым их огласить, то, вероятно, по вашему желанию председатель Рады их огласит.

20-го числа состоялось второе частное совещание наше. Была окончательно принята резолюция, которая доводится вашему вниманию, и затем приступлено ко второму пункту предложения главнокомандующего. Так как второй пункт предложения главнокомандующего представляет из себя в своей редакции нечто общее, так как во

второй пункт представляется возможность включить любое содержание, то нами было решено в разъяснение этого пункта поставить представителям Добровольческой армии ряд вопросов, каковые вопросы были поставлены, и на них были получены ответы. Эти вопросы, если бы ими поинтересовалась Рада, я доложу особо, но сейчас, ввиду позднего времени и утомления всех, я обхожу их пока что молчанием. На этом и закончилось наше второе частное совещание, но суть дела сводится, главным образом, к вечернему нашему совещанию — второе частное совещание было перенесено на вечер того же дня.

На своем, представителей ваших, частном совещании мы подняли важный, с нашей точки зрения, вопрос, важный с точки зрения интересов дела, важный с точки зрения того, чтобы действительно достигнуть разъяснения тех туманностей и действительно обеспечить согласительную работу с представителями Добровольческой армии. Мы рассуждали так: нам Рада вменила в обязанность идти на соглашение с командованием Добровольческой армии. На предыдущих двух совещаниях с представителями Добровольческой армии вполне определилось, что после обсуждения предложения главнокомандующего Добровольческой армией, которое я здесь огласил и которое состоит из трех пунктов, после обсуждения и принятия этих пунктов представители Добровольческой армии должны были войти в состав Рады. Так определялась линия наших действий, но мы поставили себе такой вопрос: чем мы гарантированы, что не случится того, что случилось 11-го ноября, тем более что в частном совещании 20 ноября, совместно с представителями Добровольческой армии, генерал-лейтенант Лукомский прямо заявил, что в случае принятия Радой решений, несогласных с решением согласительной комиссии, командующий оставляет за собой свободу действий и поступит так, как найдет полезным для дела. Далее он продолжал, что представители Добровольческой армии в случае расхождения с мнениями Рады могут быть вынуждены вновь оставить заседание Рады. Мы должны понимать, что такое положение вещей нас не только не удовлетворяет, но грозит прямо-таки катастрофическими последствиями. Эго каждому понятно и каждому ясно. Очевидно, наметившийся в первых двух совещаниях путь — путь нездоровый, непрочный, не ведущий Кубань и Добровольческую армию к прочному соглашению, к прочным совместным работам. Очевидно, мы прежде всего обязаны сделать все, чтобы гарантировать, что инцидент, имевший место 11-го ноября, не повторится. Очевидно, нужно искать какой-то более верный путь. Мы с этим предложением и обратились к представителям Добровольческой армии, с предложением предварительно в наших заседаниях комиссий выяснить важнейшие принципиальные вопросы, которые вызывают расхождения, разногласия, и, нащупавши там точки соглашения, определять дальнейшие наши действия. Когда мы сделали это заявление представителям Добровольческой армии, они так же точно, как и мы, оценили всю серьезность вопросов и в результате, обратившись за новыми указаниями к главнокомандующему, заявили нам, что поднятый нами вопрос действительно должен быть уважен и что главнокомандующий предлагает Раде огласить принятую частным совещанием в согласительной комиссии резолюцию по поводу пункта первого, вот ту резолюцию, которую я вам огласил. После принятия Радой названной резолюции, точнее, после освещения мнений и соображений, высказанных в ней, представители

Добровольческой армии окончательно вступили в состав согласительной комиссии. Ее работа начинает носить официальный характер.

На заседаниях согласительной комиссии были подвергнуты предварительному обсуждению важнейшие принципиальные вопросы, вызывавшие разногласие; только после этого был принят вопрос о дальнейшем направлении и характере работ согласительной комиссии и о необходимости вступления в состав Рады представителей Добровольческой армии. Мы сразу почувствовали и поняли, что дело становится на прочную ногу, и если мы пойдем этим путем, то легко и верно разрешим все туманности и недоразумения, которые возникли и возникают. Мы не можем не заметить и не понять того, что командование Добровольческой армии стремится к нам навстречу так же, как и мы к ним.

Заканчивая свой доклад, я прошу вас всех от имени своих коллег подтвердить принятую нами резолюцию, заключающую в себе толкование тезисов, принятых Радой 11 ноября, а весь доклад о работе комиссии принять к сведению. Итак, господа, повторяю, что разногласия и недоразумения, которые были, попадают наконец на путь, где они могут быть разрешены и где они могут быть рассеяны. Такое мое личное и моих коллег убеждение. Здесь я должен сделать маленькую оговорку: председатель Рады мне заметил, когда я делал первую часть доклада, насчет того, что это не есть мнение представителей комиссии. Да, совершенно верно, это не было мнение комиссии, но это было констатирование фактов — раз обстоятельства породили недоразумения, то я должен о них доложить. Что касается второй части доклада, то повторяю, что вам была освещена резолюция, принятая в комиссии, и чтобы вы благословили нас на дальнейшую совместную работу с представителями Добровольческой армии по урегулированию недоразумений, которые были и есть, но должны быть предупреждены на будущее время.

Председательствующий. — Я совершенно неожиданно поставлен в такое положение, из которого может быть только один выход, это — обсуждение доклада сегодня отложить. Члены комиссии внесли предложение об освещении этого вопроса, а для того чтобы осветить, требуется обсуждение. Я никому не могу дать слова по этому вопросу. Я должен заявить, что они такого поручения докладчику не давали, что они многого с ним не разделяют. Это заявление членов комиссии. Я нахожу, что сейчас, за поздним временем, перейти к обсуждению вопроса невозможно по тем же причинам, а посему объявляю о том, что сегодня должны состояться отдельские совещания, как это было постановлено, а пока объявляю перерыв до завтра, до 10 часов утра.

Заседание закрывается в 3 ч. 35 мин. дня.

Стенографический отчет 23-го заседания Чрезвычайной Рады Кубанского края 24 ноября 1918 года.

Заседание начинается в 10 ч. 55 м. утра под председательством Н. С. Рябовола.

Председатель. — Заседание возобновляется. Господа члены Рады! Ко мне поступили уже в законченном виде законопроекты от военно-морской комиссии и комиссии по увековечению памяти погибших в борьбе за освобождение края. Я прошу председателей всех комиссий, если имеются законченные работы, готовые законопроекты, передать их в срочном порядке президиуму. Для внеочередного заявления предоставляется слово председателю согласительной комиссии Макаренко.

Член Рады И. Макаренко. — Господа члены Рады! Я вчера, если бы не был обязан, не должен был бы выступать ввиду накаленной атмосферы, которая вчера была, и ввиду позднего времени, но так как был уговор с представителями Добровольческой армии, чтобы вчера сделать доклад и вчера же результаты сообщить, то я вынужден был это сделать вчера, чтобы не быть просто-напросто в чем-нибудь заподозренным. Я вчера чувствовал, что мой доклад был сделан при несколько ненормальных условиях, но эти условия еще более увеличились, когда вчера мой доклад начали прерывать и с мест, и с тыла, и с фланга. А суть доклада сводилась к следующему: я высказал во внеочередном заявлении сперва мое личное мнение, а затем делал доклад по делам комиссии. Вчера я не закончил оглашение той резолюции, которую хотел предложить вам как член Рады.

Вы помните, к чему сводилась первая часть доклада, особенно в связи с докладом о работах комиссии. Я вчера доложил, что представители Добровольческой армии, посоветовавшись с главнокомандующим, решили вступить официально в состав комиссии и, таким образом, работы комиссии обратить из частных совещаний ее правильные заседания с тем, что в этих заседаниях будут обсуждаться принципиальные вопросы, которые вызвали разногласия у представителей Добровольческой армии и у ваших представителей в согласительной комиссии. Вчера же я заявил, что для нас, с нашей точки зрения членов комиссии, и, вероятно, с вашей, это важный шаг, что отныне мы становимся на прочный и правильный путь в деле соглашения, в деле разъяснения тех недоразумений, которые могли быть, были и есть, так как представители командования Добровольческой армии согласились с нами и пошли на этот путь, то естественно, что и с нашей стороны должен быть такой же акт, акт, свидетельствующий о том, что и мы идем навстречу. И вот я вчера в своем личном внеочередном заявлении выяснил, как, с моей личной точки зрения, нужно в данном случае поступить, а именно: в согласительной комиссии представители Добровольческой армии, предложившие этот путь, должны работать, может быть, день, а может быть, и пять дней, смотря по тому, сколько потребует дело; но у нас, в Раде, представителей Добровольческой армии нет, и мне казалось, что, не предрешая вопроса о том, чтобы представители Добровольческой армии вошли с правом решающего или совещательного голоса, не предрешая этого, я лично от себя вносил предложение вашему вниманию, чтобы Рада предоста-

вила им место как высоким гостям, как представителям армии, которая принесла краю чрезвычайно большие услуги. Вчера об этом я не докладывал вашему вниманию, потому что атмосфера была накалена и вносить такое примиряющее предложение казалось неудобным. Вот мое личное внеочередное заявление, а что касается доклада комиссии, то я сейчас хочу напомнить итоги его.

Как я вчера доложил, что и сегодня повторяю, представители Добровольческой армии вступают в состав комиссии, но при условии, если мы ту резолюцию, которую приняли в частном совещании, здесь огласим и Рада подтвердит правильность того толкования, которое там приведено. А ту резолюцию, которую мы приняли в частном совещании в согласительной комиссии, я вчера оглашал. Долгом считаю огласить ее и сегодня. Эта резолюция, по нашему мнению, не должна вызывать ни прений, ни суждений — она сама по себе ясна. Вы помните, господа, что 11-го ноября, согласно докладу председателя правительства и согласно тем предложениям, которые были после того, нами принята резолюция из 9 пунктов относительно общего положения. Я не знаю, вероятно, члены Рады помнят ее, или, чтобы не было недоразумений, огласить ее? *(Голоса: «Помним».)* Так вот, по поводу тех пунктов нами и была принята резолюция в согласительной комиссии. В ней сказано: «Полагая, что принятая 11-го ноября Кубанской краевой Радой резолюция представляет собой в первых двух пунктах констатирование фактического положения вещей, в остальных семи пунктах — изложение мнений и пожеланий Рады, частное совещание согласительной комиссии признает необходимым во избежание возможных неясностей и толкований вышеуказанную резолюцию подтвердить особым постановлением краевой Рады». Т. е. что подтвердить? Что в первых двух пунктах заключается констатирование фактического положения вещей, а в остальных семи пунктах заключаются выражения наших мнений, пожеланий, наших убеждений, взглядов на то, какова должна быть наша будущая жизнь. Все это необходимо подтвердить здесь, в Раде. Сегодня мы с представителями Добровольческой армии должны приступить к официальным заседаниям в комиссии. Вот суть дела. Первое — чтобы представителям Добровольческой армии было предоставлено в Раде место как почетным гостям, принимая во внимание великие ее заслуги перед краем. Второе — это одобрить наше толкование резолюций, принятых 11-го ноября. Вот и все.

Председатель. — Что касается первого предложения, то, конечно, оно не вызывает никаких сомнений, даже странно, что оно появляется. Как прежде, так и теперь мы рады видеть здесь представителей Добровольческой армии. Никаких прений поэтому не может быть, это само собой ясно. Что касается резолюции, предложенной председателем комиссии, то, по-моему, также совершенно ясно, что в первых двух пунктах резолюции 11 ноября мы констатировали то, что было, а в остальных пунктах мы высказывали мнения, как должно быть. Поэтому я полагаю, что это предложение председателя согласительной комиссии должно быть принято без прений. *(«Голосовать».)* Прошу согласных поднять руки. Кто против? Принято единогласно.

Продолжаем обсуждение земельного вопроса. Слово принадлежит Ильченко.

(Заседание продолжается под председательством Султана Шахим-Гирея.)

Член Рады Ильченко. *(Говорит на украинском языке, и речь его не могла быть записана за неимением знающих украинский язык стенографисток.)*

Член Рады Тимченко. — Господа члены Рады! С этой кафедры очень много говорилось о земельном вопросе. Говорили отсюда эсеры, говорили эсдеки, говорили отсюда и кадеты, и, возможно, скрытые монархисты. А разрешите вас спросить, к какой партии вы принадлежите? И сам же отвечу: большей частью или даже всецело вы принадлежите к партии хлеборобов. Я должен сказать, что с самого начала обсуждения земельного вопроса нас загнали в древнюю историю, и до сего времени мы никак не можем выбраться оттуда. А после того как эсеры, эсдеки и кадеты загнали нас в Австралию, то и оттуда мы возвратиться никак не можем. *(Смех.)* И вот для того, чтобы подойти ближе к вопросу, давайте лучше выбираться из чужих стран. Говорят, что в русском языке имеется 80 тысяч слов, вот каждый эти 80 тысяч слов стремится здесь использовать, но что же практически выходит из этих слов? Я скажу, есть одна цифра практическая, которая указана, это аренда на 999 лет, а остальное покамест ничего не говорит нам. И вот, чтобы ближе подойти к практике, я бы посоветовал эсерам, и в частности г. Белоусову, не ездить за границу, а взяться за плуг. Тогда бы они узнали, что земля — «Божья». *(Аплодисменты.)* А что касается того, чтобы поднять культуру, как лучше обрабатывать землю, то посоветовал бы г. Мореву одиннадцать месяцев посидеть в земле и поработать, а то господа агрономы одиннадцать месяцев в кабинете сидят, а в июне разъезжают и только посматривают и кивают головой, что мужики не умеют обрабатывать землю. *(«Правильно», аплодисменты.)* Потому так и получается. *(Шум.)*

Председательствующий. — Призываю к порядку.

Член Рады Тимченко (продолжает). — Господа члены Рады, вы помните, в своей речи уважаемый председатель правительства, когда касался земельного вопроса, сказал: «Земельный вопрос — серьезный и сложный вопрос, и его разрешить никак нельзя раньше, как через 10 лет». И вот смею вас уверить, если вы поедете на места, то вас первым делом спросят: «А как земельный вопрос?» Я и говорю: «В Австралии покамест». *(Смех.)* Я думаю, что если мы приедем на места и скажем, что земельный вопрос раньше, как через 10 лет, разрешить нельзя, то, уверяю вас, вы больше не приедете в Раду. *(Смех.)* Многие из здесь сидящих были членами Рады декабрьского созыва прошлого года. Почему же нас послали сюда опять? Нам сказали; «Поезжайте и отстаивайте ту точку зрения, которую вы постановили. И вот, для того чтобы прийти к практическому выводу, нам следовало бы то постановление об отмене частной собственности на землю, которое у нас было, подтвердить и сказать, что в законопроекте есть много несовершенных мест. Так, например, пункт 17-й говорит, что все земли, выделенные из юртов и не пополненные дополнительными наделами, возвращаются обратно. Этот пункт может много причинить вреда. Во многих местах станицы получают много земли, а в других ничего не получают. Если так мы к этому пункту, подойдем, если мы его так оставим, то будет, конечно, много недоразумений. Что касается того, что нужно заниматься культурой, нужно проводить те или другие улучшения, то я скажу, что мы должны созвать сельскохозяйственный съезд и тогда будем говорить, как нам нужно поступить, какие планы мы имеем, какие нужды, а сейчас, господа члены высокого собрания, мы разрешаем крайне важный вопрос, он уже намечен, и мы именно к нему должны подходить. А против того, чтобы поднять культуру, никто, конечно,

говорить не будет. Никто, без сомнения, не будет говорить против того, что такое землепользование, какое у нас есть, нужно изменить, и никто не станет оспаривать необходимости этого. Многие наказы говорят то же самое, что прочел предыдущий оратор. Во многих наказах говорится, что по земельному вопросу нужно поддерживать постановление декабрьской Рады прошлого года, что земельная собственность должна быть, безусловно, отменена. Я предлагаю перейти к постатейному чтению, и там, где будут недостатки, мы сумеем разобраться. Если же мы будем ездить по Австралии и другим местам, мы из этих вопросов никогда не выберемся и, не сговорившись до 24 декабря, бросим все и уедем, а земельный вопрос не разрешим. Я предлагаю после окончания записи ораторов приступить к постатейному чтению. *(Аплодисменты.)*

Член Рады Жук. — Три или четыре дня мы только и делаем, что тут балакаем. И разве неправду сказал предыдущий оратор, что Бог знает, куда нас водят? Я также тут должен сказать о различных ориентациях, или, как теперь принято говорить, о различных равнениях. Одни держатся равнения на Америку, другие на Австралию, третьи на Англию, а все вообще на свою сторону. Один из ораторов сказал, что у нас немало свободных земель, а я на это имею сказать: это говорит только о том, как велико усердие гг. агрономов на практике. *(Смех.)* Г. Коробьин сказал, что нужно убрать весь первый раздел, а я скажу: давайте решать так, как казачество думает. Нас водят по Америке, по Австралии, а вот у меня постановление от пяти тысяч, которые ждут, как же разрешится земельный вопрос. Мы должны сказать, что частная собственность должна быть уничтожена. Когда мы это скажем, то нечего будет говорить и г. Мореву. Вот г. Роговец высказал ту точку зрения, которой и казачество держится. Я спрашиваю, где были социалисты, когда наши казаки в полки шли, когда наши казаки скитались по непроходимым трущобам; они сидели, как индейки на песке, а потом появились всевозможные эсеры, эсдеки, кадеты, и все указывают, как нам устроить жизнь. Большевики тоже нам указывали, как нам жить: сделаем общий ящик и назовем его коммуна. А мы знаем, что это за коммуна. «Кому — на, кому — нет ничего». *(Смех.)* И вот мое конкретное предложение: мы должны обязательно начать постатейное чтение. Вот там мы и заявим, как казаки думают. А г. Морев останется в единственном числе. Что мы будем слушать? Перейдем к постатейному чтению, и только тогда мы выйдем из этого тупика. От нас ждут ответа; теперь уже существует провокация, говорят, что здесь хотят отдать землю собственникам. Этого не должно быть.

Председательствующий. — Господа члены Рады! Дальнейших ораторов я убедительно прошу в своих выводах и соображениях по земельному вопросу руководствоваться теми данными, которые имеются на руках, и не допускать никаких выпадов, которые могут быть оскорбительны для отдельных личностей, иначе я буду останавливать. Слово принадлежит представителю карачаевского народа.

Член Рады Биджиев. — Из тех делегатов, которые прибыли сюда с гор, никто наказа не привез. Когда я задал вопрос, какой наказ вам дали, они говорят, что уже в прошлом году казаки земельный вопрос разрешили, и в этой программе есть § 6, касающийся горцев. Тем и удовлетворились. Вот весь наш наказ. Земельная комиссия из этого проекта выкинула § 6. Может быть, она и имела основания это сделать, но я думаю, что раз Кубанское казачье войско сохраняет за собой права по пользованию и

владению землею, раз существует в проекте этот пункт, то, без сомнения, § 6 казачьегорской программы должен быть целиком внесен.

Я позволю себе сказать несколько слов о карачаевцах. Оратор Салов говорит, что у них, в горных станицах, жизнь не так прекрасна и славна, что они не могут выкорчевывать землю без посторонней помощи, а гражданин Морев добавляет, что у горцев есть земля нераспаханная, а у казаков такой земли слишком много, у горцев также. Я позволю себе сделать маленькое отступление. Горцами называют вообще всех людей, которые живут здесь, на Кавказе, и исповедуют магометанскую религию; позволю себе сказать, что и ногайцев на русском языке называют горцами, хотя они живут на равнинах. Черкесы тоже живут на плоскостях, но и их называют горцами. По-настоящему же горцами нужно называть только тех, кто живет в горах, а у вас принято горцами называть всех, кто исповедует магометанскую религию. Я говорю о карачаевцах: они за 300 верст приходят и арендуют землю у станиц и это считают за счастье для себя. Положение казаков, живущих в таких местностях, о которых говорит член Рады Салов, — это еще ничего, а вот каково положение тех, которые за 200–300 верст приходят в станицы, чтобы арендовать землю? — И это мы, карачаевцы. Если мы находим такое место, где можно выкорчевывать, то мы считаем такое место за счастье, а то большею частью приходилось на местах камни сжигать.

В конституции нашей помещен пункт, который говорит о «федерации». Я просил бы сказать, в чем тут заключается самая «федерация». Ведь о том, как живут карачаевцы, как и где они обитают, никто не думает. Карачаевец у себя дома только желанный гость; есть такие, которые дома не живут по 15 лет, живут в чужих станицах. Спросите, где они хлеб берут? Да в станицах, которые расположены на плоскостях, покупают на базаре. Здесь некоторые говорили о том, что в земельную комиссию нами внесен не тот документ (прокламация графа Евдокимова от 19 февраля 1862 г.), а я позволю сказать: неужели мы позволили бы, не имея никакого документа, ссылаться на него? Я думаю, что это было бы обманом. Документ этот имеет следующее значение: земля эта ни Божья, ни казачья, а карачаевская. А почему карачаевская? Да потому, что карачаевцы отвоевали ее у других народов и камни на ней жгли и жгут. Я год уже не был там, и за это время, где были кучи камней, теперь их нет. Эго мы, карачаевцы, отвоевали эту землю у природы. Были у карачаевцев вокруг этих земель околицы, где часовые стояли; это те околицы, где карачаевцы держали свои караулы. И карачаевцы пользовались этой землей до тех пор, пока враг не приходил, но когда приходили враги, то они удирали за эту охрану. Когда Россия стала покорять, русские подошли к этой границе. И вот из русских документов видно, что мы, карачаевцы, освобождены в 1828 году. В станицах же говорят, что в русских документах раньше ничего этого не писали. Спрашивается, отчего же кровь казачья и солдатская проливалась за границей этой земли? Тогда же было нам заявлено: «Отныне эта земля будет неотъемлемой вашей собственностью» — и обещали документ дать. Документ этот дали в 1862 году, где говорится, что земля эта — неотъемлемая собственность карачаевского народа. Г. Манжула говорил, что такие документы раздавались и направо, и налево, и добавил, что в земельной комиссии на такие документы не смотрят как на документы, и что это не наше дело, даже не хотят вникать в сущность. Но разве могут горцы сами

писать такие документы? Как я заявил, документ этот имеет значение, я ссылаюсь на него и прошу обратить внимание на него. Карачаевский народ мыслит, чтобы он был обеспечен землей, но этому мало верится, пока горские и плоскостные станицы не будут уравнены землей. Будьте справедливы, и раз земля будет у казаков, то пусть она будет и у горцев; § 6 удовлетворит всех нас, горцев. Если же он будет изменен, будьте настолько милостивы и не трогайте нашего. Мы не желаем входить ни в аульные, ни в хуторские, ни в сельские земли, мы желаем только справедливости как горский народ. Ввиду этого по моему настоянию было помещено примечание о карачаевцах. Заканчивая свое слово, я как горец настаиваю и прошу, чтобы § 6 был оставлен целиком в казачье-горской программе, а если что-нибудь будет изменено, то, во всяком случае, в благоприятном смысле для горцев, иначе я и на родину не вернусь. Не был год и еще не буду. *(Аплодисменты.)*

Член Рады Преображенский. — Господа члены Рады! Земельный вопрос проходит в настоящей Раде в условиях необычайно трудных. Эта трудность заставила некоторых ораторов, прежде чем приступить к обсуждению земельного вопроса, заняться особой рекомендацией. Трудность эта заключается в том, что большинство из вас явилось сюда с больными вопросами, и самым больным вопросом является вопрос земельный. Целый год прошел после того, как вы начали реформировать земельный вопрос. Год тому назад вы сказали о тех чаяниях, о тех надеждах, которые возлагает кубанское население и казачество на краевую Раду, которой население приписывает единственную возможность и силу в разрешении этого насущного и больного вопроса. Я вполне понимаю, почему здесь, вместо того чтобы серьезно, объективно и беспристрастно обсудить этот страшный вопрос, в большинстве случаев ударяются в полемику, в борьбу одного оратора с другим, и, между прочим, каждый считает необходимым указать, что этот — эсер, этот — кадет, этот собственник, а этот не собственник. Все об этом говорят с остротой и нервностью. Мне придется рекомендовать себя: я не эсер и не кадет и подступаю к этому вопросу с точки зрения, которая свойственна мне как человеку, несколько понимающему вопросы и запросы данного момента.

Земельный вопрос является насущным, и от разрешения его зависит все строительство государственной жизни. Поэтому к этому вопросу нужно подходить с двух точек зрения. Первая точка зрения — справедливость, вторая — это политико-экономические интересы. И вот, подходя к вопросу с точки зрения справедливости, я невольно вспоминаю совершенно правильно указанный эсером Белоусовым факт, что история не только русская, но и мировая говорит о том, что земля была тем самым куском, из-за которого человечество дралось, ибо земля — первый источник существования каждого из нас, и потому каждый из нас считает себя вправе на определенный кусок земли. Борьба из-за куска хлеба есть стремление, свойственное всякому голодному. Я не буду говорить о том, до каких пределов и необычайной крайности разлилась эта борьба: ведь весь большевизм, который мы пережили, — это есть борьба за хлеб и за кусок земли.

И вот, господа члены Рады, сложность вопроса заставляет меня остановиться на особых исторических условиях Кубанского края. Некоторые смотрят слишком упрощенно на волнующие нас вопросы и, например, с недоумением спрашивают: «Почему

в наших законопроектах вместо Кубанского края не стоит Кубанское казачье войско?» Я попрошу у вас терпенья выслушать те короткие исторические соображения, которые я считаю необходимым вам дать. Кубанская область многолюдна, и русской крови на Кубани пролито немало и лилась она не только в XIX столетии, а и сотни лет тому назад. Первая кровь здесь пролилась еще в 965 году, когда русскими князьями было завоевано Тмутараканское царство. И вот это самое царство было на Кубани. Вторая дата — в начале XVII века на берегу Кубани, на Северном Кавказе, погибла 70-тысячная русская армия. Дальнейшее завоевание Кавказа, и в частности Кубани, вам, наверно, известно. Я помню только одно, что когда устанавливалась линия по реке Лабе, то эта линия заселялась не только казаками — донцами, уральцами, волжскими и черноморцами, но и солдатами — крестьянами. *(Шум, протесты: «Мы сами историю знаем».)*

Председательствующий. — Прошу с мест не говорить.

Член Рады Преображенский. — Я очень рад, что исторические сведения, которые я сообщал, подтверждаются с мест. Историческая справедливость говорит, что нужно говорить о Кубанском крае и о населении Кубанского края, по крайней мере о тех, кто участвовал в заселении и колонизации Кубанского края. Историк Кубанского края г. Надеждин, которого вы не упрекнете в шовинизме в отношении к Кубани, поместил свой большой серьезный научный труд о колонизации Кубани, начавшейся в 1808 г. и которая оказалась настолько важной в развитии края, что можно утверждать, что Кубань стала житницей России главным образом благодаря этому самому пришлому иногороднему элементу. Это его слова, а не мои. *(Шум, протесты.)* Прошу терпения выслушать.

Председательствующий. — Прошу не обращаться с такими словами к Раде — она обязана выслушивать каждого оратора. Продолжайте.

Член Рады Преображенский. — Я первый раз слышу о том, чтобы председатель указывал способы обращения к Раде. Итак, господа, мне будет трудно говорить, потому что я, к сожалению, связан в способах выражения.

Председательствующий. — Вы не связаны. Я прошу, чтобы Рада имела терпение слушать, ибо она обязана выслушивать.

Член Рады Преображенский. — Итак, господа, справедливость устами знатока Кубани говорит, что иногороднее население мирным путем и мирным трудом способствовало развитию хозяйства на Кубани; способствовало тому, что Кубань стала житницей не только России, но Европы и всего мира. И вот эта точка зрения, известная науке, заставляет меня еще раз сказать: справедливость в этом отношении — это самое важное и самое полезное, и всякая ошибка может повлечь за собою серьезные последствия. Едва ли прав был член Рады Воропинов, который говорил: «Если ошибемся, не беда, можно потом поправить». Однако это не так легко: хорошо, если при постройке ошибка будет где-нибудь в крыше этого строения, а если в фундаменте? Тогда придется рушить все здание. И вот этого я боюсь. Моя гражданская совесть заставляет меня это сказать.

Нет сомнения, что в речах многих ораторов чувствовалось подчинение партийной дисциплине, партийной мысли; это увлекало в теорию и заставляло прибегать к от-

влеченным и часто искусственным доказательствам, причем последние были не всегда объективны. Здесь г. Белоусов заявил, что от количества земли зависит все — даже образование и научное развитие. Фактически дело стоит несколько иначе. Развитие образования находится в зависимости от разного рода условий, прежде всего от племени, поскольку не все племена одинаково склонны к образованию; во-вторых, от причин политических и, наконец, — экономических. Между прочим, к сожалению, мне непонятно, на чем основано утверждение, будто бы Кубанская область находится чуть ли не на первом месте по образованию. Я должен глубоко разочаровать вас: на первом месте в данном случае находится Ярославская губ. — и она в то же время самая малоземельная. Кубанская область, к великому сожалению, в смысле образования приближается к средним местам. И я скажу, что не только количество земли, экономический уклад, но и политические условия — все это вместе имеет значение. Так, в Центральной России было земство, здесь его не было, и в этом главная причина отсталости. Но я верю, что Кубань разовьется и в этом отношении, и, пожалуй, благодаря тому, что Кубань богата землей. Итак, справедливость заставляет нас быть в высшей степени требовательными к доводам, которые мы приводим, справедливость заставляет нас взглянуть на вопрос земельный не с точки зрения облаков, а с точки зрения действительности и справедливости. До сих пор я не слышал, чтобы стояли на этой точке зрения.

Господа члены Рады! Посмотрите, что делается в настоящий момент у нас на Кубани. Кровавая борьба продолжается... *(Шум заглушает речь оратора.)*

Председательствующий. — Я прошу с мест не кричать. Продолжайте, пожалуйста.

Член Рады Преображенский. — Кубанскому краю грозит голод. Об этом вам говорило лицо, мнение которого вы считаете в высшей степени ценным: вам говорил председатель правительства Л. Л. Быч, что в будущем, если не будут приняты меры к улучшению сельского хозяйства, Кубани грозит голод. Господа члены Рады! Сосредоточьте ваше внимание на этом; это не столь незначительный аргумент, и его не нужно повторять сто раз. Подходя с этой точки зрения к земельному вопросу, я начинаю читать программу, или попытку реформы земельной, с самой последней статьи. И вот статья 18 поручает Законодательной Раде в течение необычайно короткого времени разработать детально все то, что здесь намечено, не только разработать, а и представить готовый законопроект краевой Раде, которая должна собраться не позже апреля. Нужно будет сделать передел, ибо сельскохозяйственный 1919—1920 год по этому законопроекту должен проходить уже на новых, установленных законопроектом условиях. Как понимать этот параграф, я решительно отказываюсь! Если понимать так, как он написан, то придется Законодательной Раде проделать гигантскую работу. Тут и отчуждение, тут установление земельной нормы, определение количества отчуждаемой земли, и организация способов наделения малоземельных, и выработка плана переселения — все это предстоит совершить Законодательной Раде, и она до начала засева должна все это сделать, переделить и т. д. Очевидно, в законопроекте не все предусмотрено, он нуждается во вдумчивом к себе отношении, и не в таком большом собрании обдумывать столь важные, огромные вопросы. Этого мало: возьмем статьи 2, 8 и 14. Они находятся во взаимном некотором противоречии — во всяком случае, оставляют очень много неясного. Ст. 2-я подтверждает общинность владения, статьи

же 8 и 14 скорее допускают владение отрубное. А крупные и мелкие землевладельцы? А какова будет земельная норма? И как отнесется к этому население Кубанской области?

Мне пришлось слышать, что у нас будет такое общинное владение, которое будет вроде отрубного хозяйства. Подумайте об этом — ведь что-нибудь одно: или община, или отруба. Справедливость не допускает разных точек зрения. Если мы хотим утвердить этот законопроект и провести его в чистом виде, то он породит огромные недоразумения. Припомните Столыпинскую реформу, припомните те явления, которые она повлекла за собой, припомните, как более способных, имеющих возможность выходить на отруба крестьян грабили общинники. Это вы, наверно, помните. Вот в какое трагическое положение ставит нас законопроект, если мы настаиваем на нем. Нужно же решить, наконец, какое владение лучше — общинное или частновладельческое. Я не буду этого вопроса касаться в полном объеме. Для меня безразлично то или другое. Мне кажется, нужно найти лучший способ обработки, потому что все зависит от обработки и от воспитания народа. Член Рады Воропинов сослался на духоборов и говорил, что они отказались взять землю на правах собственности и решили обрабатывать общиной; но то были духоборы, а то мы — ведь большая разница между ними и нами. Я только спрашиваю вас: в состоянии вы были бы исполнить, если бы ваше правительство обратилось к вам с просьбой: «Господа, в такой-то день, в такой-то час бросьте все курить». — «Ишь, чего захотело», — сказали бы вы, а вот духоборы, когда обратился к ним их Веригин, они бросили курить. Вот, господа, на кого нам указывали. К сожалению, мы в сравнении с ними немощны духом. Духоборы — это те люди, которых ударишь в левую щеку, а они подставляют правую. А мы — нет; мы не подставим, а сами ударим. Общинное владение я исповедую как член партии народных социалистов. Эта партия, как вам известно, ничем себя не запятнала. Можно сказать следующее: общинное владение может только тогда дать реальные результаты, когда усовершенствуется не только способ обработки, но и способ распорядка. Для этого необходимы земельные кооперативы. Только при этих условиях общинное владение землей даст максимум того, что должен дать разумный труд над землей.

Я возвращаюсь еще раз к тому, что в настоящий момент на нас лежит тяжелая ответственность и что нам нужно использовать все средства, чтобы не дать возможности погибнуть от голода нашим семьям.

Я вполне разделяю точку зрения почти всей Рады, что крупное землевладение должно быть уничтожено совершенно. С этим мы все согласны, и такой шаг не вызовет особенного протеста на местах. Мало того, этот шаг обязательно поведет нас к улучшению землепользования, ибо ни для кого не секрет, что господа крупные землевладельцы намеренно поднимали плату, чтобы земля пустовала. Должно быть, им не нужно было засевать земли, а от этого получился результат, сами видите какой. Крупных землевладений быть не должно. Что касается мелкого землевладения, в особенности мелких земельных владений, находящихся у землеробов, то над уничтожением их нужно призадуматься, Я понимаю, что каждому хочется земли, но не каждый сможет, взяв землю, обработать ее как следует. Средств обработки — земледельческих

орудий — у нас совершенно нет; из центра их достать нельзя, в Екатеринодаре они не запасены, и неоткуда их взять. Помните, как бы нам не пришлось потом с голоду жаловаться на слишком скороспелое решение, которое мы здесь приняли.

Правильно сказал председатель правительства Быч, что это вопрос не недели, не месяца, не года, а десятилетий. Но мы должны начать проведение этой реформы с того, что нам всего доступнее, — отобрания земли у крупных землевладельцев для наделения, согласно статье десятой, в первую очередь малоземельных; средние же владения землей временно нужно оставить. Вообще же, всех, у кого будет в руках земля, обязать приложить все силы, чтобы ни один клочок земли не остался незапаханным и незасеянным. Я знаю, господа члены Рады, что подобного рода мнения трудно выслушивать, и, признаюсь, мне потребовалось немало мужества, чтобы высказать это мнение. Я думаю, что и вам нужно быть мужественными до конца, чтобы вы, приехав на места, могли сказать: «Вот что нам удалось сделать». Вот именно к этому мужеству я и призываю вас в этот момент.

Председательствующий. — Объявляю перерыв на десять минут.

После перерыва.

Председательствующий. — Ко мне поступило предложение о прекращении прений. *(Голоса: «Сколько осталось ораторов?»)* Всего было записавшихся ораторов 21, из них высказалось только 12, осталось еще 9. Слово за прекращение прений предоставляется члену Рады Коробьину.

Член Рады Коробьин. — Господа члены Рады! Мне кажется, что за три дня все точки зрения высказаны и дальнейшее словоизвержение нужно прекратить. Я предлагаю сейчас принять это предложение и прекратить прения по общему вопросу и перейти к постатейному чтению.

Председательствующий. — Слово предоставляется члену Рады Траценко против прекращения прений.

Член Рады Траценко. — Мое положение очень невыгодное. Мне приходится высказываться за то, чтобы дать возможность записавшимся ораторам говорить по этому вопросу. Вопрос запутан, разногласия не выяснены. Так как и многие ораторы, особенно последние, признали этот вопрос запутанным, то, я полагаю, чтобы выяснить наши точки зрения, нужно дать возможность записавшимся высказаться. Но вместе с тем я предложил бы ограничить время говорящего 10—15 минутами, чтобы были речи по существу, а не словоизвержение, и одновременно закрыть список ораторов. Нужно уважать наше вчерашнее постановление и дать возможность высказаться всем.

Председательствующий. — Поступили предложения: закрыть список ораторов, ограничить время и прекратить прения. Голосую сначала предложение о прекращении прений. *(Баллотировка.)* Очевидным большинством голосов прения по общему вопросу прекращаются. Слово принадлежит докладчику Омельченко.

Член Рады Омельченко. — Господа члены высокого собрания! Мы выслушали тут более 30 ораторов по земельному вопросу, и я рад засвидетельствовать, что из этих 30 ораторов, собственно, никем не было внесено существенной поправки в этот проект, придерживающийся именно казачье-горской программы 1917 года. Вносились поправки чисто партийного характера, но нам, казакам, приходится и теперь, как в январе и феврале

этого года, в особенности доказывать, что нашу казачью программу вообще, и земельную в частности, нельзя подогнать ни под одну программу. Тогда нам пришлось оправдываться, что мы не кадеты, и доказывать, что наша программа не кадетская. И сейчас при решении земельного вопроса нам приходится останавливаться на том же самом.

Господин Белоусов усиленно рекомендует нам провести чистые принципы партии социалистов-революционеров. Мы ему должны сказать, что ни в каком случае казачья программа по земельному вопросу не может исповедовать принципы социалистов-революционеров, потому что принципы распределения земли по этой программе должны низвести казачество к нулю. Мы сами себя уничтожить не можем и провести этот принцип в чистом виде не можем.

Господин Коробьин является для большинства из нас некоторой загадкой. Его убеждения из его кратких речей являются не вполне уловимыми. Я считаю необходимым остановиться на его заявлении, чтобы указать, что по тому пути, по которому он нас зовет, мы в земельной программе идти не можем. С одной стороны, он готов укрепить право частной собственности на землю, а с другой стороны, он говорит об отчуждении частной собственности. Эти два принципа для большинства из нас являются непонятными. Итак, кто же такой Коробьин? Каково его политическое кредо? Расшифровывая эти понятия, именно то, что он готов закрепить частную собственность, а с другой стороны, отчудить ее, мы видим, что перед нами стоит социал-демократ чистейшей марки. Но мы должны сказать, что и по этому пути казачество пойти не может. Мы должны, кроме этого, еще Коробьину сказать: «Вы являетесь именно чистым догматиком, стоящим на букве учения Маркса, но в земельном вопросе этого провести нельзя. Нельзя, чтобы мы в царство социализма в сельском хозяйстве прошли через тот капитализм, который допустим в области промышленности. Мы не можем допустить большого накопления земельной собственности в руках немногих, как это по его проекту должно быть. Укрепить частную собственность, т. е. сказать: «Распоряжайтесь как вам вздумается, пусть немногие хозяйничают, а вы должны остаться в таком положении, как рабочие на фабриках и заводах, вы должны пройти стадию пролетаризации», — с таким учением согласиться мы не можем. И тот путь, на который нас толкает господин Коробьин, для нас является неприемлемым.

Я теперь перейду и остановлюсь на уважаемом сочлене своем по отделу, на господине Мореве. При теперешнем выступлении он начинает пугать нас, что наш проект именно составлен под влиянием точки зрения социалистов-революционеров. Он говорит: «Берегитесь этого, разве вы согласитесь на то, чтобы вы не имели права сдавать свою землю в аренду? Смотрите, вот на какой шаг вы решаетесь. Этот проект составлен по программе социалистов-революционеров». Я сказал бы: горе в том, что г. Морев в этом случае пускает в ход немного некрасивое средство, запугивая тем, на что мы и не думаем решаться. Мы заявляем, что с партией социалистов-революционеров мы не согласны. И мы ни в коем случае своей программой не думаем лишить права стариков и вдов распоряжаться своей землей и сдавать ее в аренду. Я боюсь, что если бы слова Морева дошли до станиц, они бы там произвели бурю и Бог знает какой переполох. Я хочу, чтобы мое заявление с этой стороны сделалось известно. Я скажу, что он нарочно пугает нас, зная, что мы на это не собираемся идти. Я скажу, что, в

конечном счете, все эти запугивания, будто бы наша программа, наш проект составлен под углом зрения социалистов-революционеров, направлены на то, чтобы мы шарахнулись в другую сторону и попали в объятия кадетов. Наша казачья программа вообще и земельная в частности не могут стать на точку зрения той справедливой оценки, по которой земля должна быть выкуплена, потому что эта справедливая оценка будет нам слишком дорого стоить. Я считаю необходимым доказать, что мы последовательны в своих выступлениях с момента революции и до сего дня. Справедливая оценка — конечно, слова, но за ними скрывается содержание. Если эти цифры расшифровать, то получится вот что. Аренда одной десятины земли стоит пятьдесят рублей, я беру минимальные цифры, предположим, мы берем с земли такую прибыль, как банковские проценты, т. е. 5 процентов, и, таким образом, мы решим задачу на проценты: какой капитал приносит нам прибыли 50 рублей в год из расчета по 5 %? Оказывается, что этот капитал тысяча рублей. Следовательно, одна десятина земли по этой задаче должна быть оценена в тысячу рублей. Эта стоимость должна изменяться в зависимости от арендной платы, исчисление же последней в 50 руб., принимая во внимание теперешнее положение, а также то, что частновладельческие земли представляют лакомый кусочек, не только не является преувеличением, а лишь приближением к существующей норме. При теперешнем положении за 50 руб. хорошей земли при реке не найдешь, и эта арендная плата является, таким образом, минимальной. Та справедливая цена, на которую толкает партия народной свободы, исходит из размера арендной платы в сто рублей за десятину пахотной земли. Если мы возьмем сто рублей арендной платы, что приближается к действительной арендной плате, то, по справедливой оценке, десятина пахотной земли будет стоить не 1000 руб., а 2000 рублей. Если мы теперь возьмем полмиллиона десятин земли, которую нужно выкупить по справедливой цене, считая по 1000 руб. за десятину, то окажется, что частновладельческие земли должны стоить 500 миллионов. Если мы примем население в 3 000 000, то окажется, что, начиная от ребенка Кубанской области и до старика, на душу ляжет по меньшей мере по 100 руб. И вот я говорю, если мы хотим иметь дело с цифрами, если мы хотим честно, так сказать, вести борьбу и честно говорить, то мы должны знать, что за этим скрывается. Цифры — это тот беспристрастный свидетель, который скажет: «А что же это значит?» Я говорю, если бы не кровь пролитая, если бы мы еще не потеряли пятьдесят тысяч тех бойцов, которые легли, тех кубанцев, о которых говорил министр земледелия, тогда можно было бы иметь смелость поднимать вопрос о выкупе. В настоящее же время, когда пролилось столько крови, когда осталось столько вдов и сирот, я удивляюсь, что еще находится смелость в той или иной форме предлагать такой способ ликвидации частновладельческих земель. И, конечно, для широких масс казачьего населения такой способ приемлемым быть не может. И слезы оставшихся вдов и сирот заставляют нас именно сказать: никакого вопроса о выкупе быть не может, потому что у нас достаточно осталось вдов и сирот, отцы которых сложили свои буйные головы за свободу и счастье Кубани. Мы лучше эти деньги должны потратить на то, чтобы оставшиеся сироты и вдовы имели, в конечном счете, кусок хлеба. *(Аплодисменты.)*

Я еще обращаю внимание на одно замечание г. Коробьина, где он как юрист говорил: «Если вы не смогли оправдать правоты отчуждения, то и нельзя тогда говорить об

отчуждении», — я на эту сторону и должен обратить внимание. Конечно, кому, как не Коробьину, из соответствующей литературы известно, что, пока не решен земельный вопрос в таком смысле, как мы предлагаем, именно путем отчуждения частной собственности, до тех пор результаты мировой культуры, результаты усилий всех нас, все труды наших работ будут попадать в карман тех немногих, которые являются частными собственниками. Для Коробьина, конечно, как юриста, знакомого с политической экономией, в особенности должно быть известно, что культура движется вперед в силу труда и в силу капитала. Первым источником является труд, капитал есть уплотненный труд, воплощенный в известные ценности. И он должен знать больше, чем кто-либо, что если мы посмотрим на мировую культуру, то оказывается, что, начиная с первых веков существования человечества и до настоящего времени, труд от капитала получает только надлежащий процент. Но то, что называется земельной рентой, — он хорошо знает, что это попадает в карман тех немногих, кто является частным собственником.

25–30 лет тому назад десятина земли стоила 5–6 руб., а 100 лет назад стоимость ограничивалась несколькими копейками, Проходит 50 лет — что это значит? Это значит, что в течение этого времени человечество, безусловно, удвоилось и, может быть, утроилось. По статистике, которая проводилась на страницах органа «Вольной Кубани», через 25 лет население удваивается, а через 50 лет два раза успеет удвоиться; в течение этих 50 лет население умножилось в несколько раз. В течение этого времени построены были железные дороги, культура края подвинулась вперед. Чем же собственники в этом отношении, так сказать, больше понесли, чем каждый из нас? Разве они затратили больше труда, чем каждый из нас, для того чтобы все это было? Оказывается, ничего. Мы все, все население Кубанского края, приложили труды и усилия, чтобы культура двинулась вперед, а плоды попадали в конечном счете в карманы частных лиц, в руки тех, которые являются собственниками земли. Если десятина земли с 6 рублей поднялась до 2000 рублей, то интересно знать, что сделали собственники, для того чтобы поднять культуру ее, увеличить ценность ее? Оказывается, что стоимость земли поднялась не потому, что они культуру двинули вперед, а только вследствие того, что умножилось население. И культуру не они, а мы все двинули вперед. И вот речь идет в нашем законопроекте о том, чтобы результаты всех наших трудов положить в общественный карман, а не только в карман частных лиц. Вот эта сторона, конечно, хорошо известна г. Коробьину. Речь идет о справедливости, о том, чтобы труды всех сделать достоянием всех, а не только отдельных личностей. А это Коробьину, конечно, прекрасно известно. Кто виноват в том, что клочок земли, пустыня, с точки зрения сельскохозяйственной ничего не стоящий, но находящийся близко к железной дороге, близко к городу, вдруг в цене поднимается с пятидесяти рублей до 100 тысяч рублей. Кто в этом виноват? Только мировой прогресс и результаты этого мирового прогресса; плоды мирового прогресса должны быть именно достоянием всех, а не отдельных личностей. Те сто тысяч рублей, которые мы должны заплатить в прямом или косвенном виде, оказывается, должны пойти в карман отдельных лиц. Оказывается, что плоды усилий всего населения именно должны пойти на то, чтобы, я скажу, несправедливо, положить их в карман отдельных личностей. Значит, те юридические основания, о которых так бес-

покоится г. Коробьин, у нас налицо имеются. Все работали, поэтому класть в карман одного несправедливо. Если вы хотите исповедовать точку зрения справедливости, о которой говорил член Рады Преображенский, то должны посмотреть именно с такой точки зрения, и тогда вы увидите, что мы поступаем справедливо в разрешении этого вопроса.

Я останавливаюсь из 30 высказавшихся на речах тех ораторов, которые являются защитниками своих партийных взглядов; остальные высказывали в той или иной форме те взгляды, которые исповедываются членами земельной комиссии и Радой. Мы именно учитывая дух казачества, учитывая историю казачества, строим свой проект, опираясь на исторические и экономические данные. Почему? Да потому что — и это для господ агрономов больше, чем кому-либо, должно быть известно — у человека на различных ступенях развития имеются различные потребности, и что если мы говорим о минимальной площади земли, то это значит, что она все-таки должна быть достаточной для того, чтобы можно было, имея ее, удовлетворять свои потребности. Если мы сейчас ограничиваемся пятью десятинами и даже двумя, то 25 лет тому назад в нашем распоряжении было больше, и мы тоже едва-едва сводили концы с концами. Почему? Да потому что потребности человека и средства, которыми удовлетворяются эти потребности, всегда находятся в известном взаимоотношении. И если мы сейчас и пользуемся 5 десятинами или 2,5, как это в Баталпашинском отделе, то я должен сказать, что у нас потребности слишком не соответствуют той площади земли, которую мы имеем сейчас в своем распоряжении. Ведь всем известно, что у нас недохватка земли для того, чтобы удовлетворять эти потребности и в области образования, и в области достаточного питания, — вообще в смысле человеческого существования; единственным выходом может быть увеличение той площади земли, которая находится в нашем распоряжении. Вместе с тем должны приниматься меры для того, чтобы интенсивность приложения нашего труда была больше, чем она есть в настоящее время. Тот вопрос, то положение, которое высказывается некоторыми ораторами, мы сейчас воплощаем в жизнь, именно — действительное увеличение площади земли. Это первый вопрос. Вместе с увеличением площади земли необходимо заботиться и о том, чтобы получить соответствующие сельскохозяйственные знания.

И вот разрешите мне напомнить, что мы новых аргументов в речах вчерашних и сегодняшних ораторов не слышали и не можем принять во внимание, потому что у нас есть принципиальная точка зрения на частную собственность, и ничто не должно поколебать основного нашего убеждения. Разрешение земельного вопроса под тем или иным флагом партийных точек зрения эсеров, эсдеков и кадет тоже является неприемлемым, потому что мы — самобытны, мы поставлены в условия самобытного существования, и мы самобытно строим нашу программу. И вот, в частности, я перехожу к тем притязаниям, которые были заявлены ораторами и были заслушаны в комиссии. Я думаю, что в пленарном заседании Рады эти, с моей точки зрения справедливые, притязания будут уважены и соответствующие мнения могут быть закреплены в тех или других параграфах, которыми вы внесете успокоение в население. В общем, я скажу то, с чего я начал, т. е. как бы ни разрешали земельный вопрос, мы, приняв его, не избежим нареканий; они будут, но мы должны сказать, что мы, учитывая полити-

ческую ситуацию, учитывая самобытные условия, построили программу и говорим, что только такая программа может вывести нас на светлую дорогу. Мы верим только в общину, мы верим, что в царство социализма если нам и надлежит перейти, то мы перейдем путем кооператива. И Рада определенно должна заявить о том пути, который должен привести в конечном счете в царство социализма.

Председательствующий. — Господа члены Рады! Прения по этому вопросу закончены. Вы слышали последнее слово докладчика. Ввиду того что земельный вопрос является очень серьезным вопросом, я должен вам сделать краткое резюме из всего того, что было сказано по этому вопросу ораторами, которые вели между собою борьбу. Это не будет выражением моих личных мнений, а будет лишь напоминанием всего того, что прошло здесь перед вами.

В земельном вопросе столкнулись два течения, борьба двух принципов — принципа частного владения и принципа уничтожения частного владения. Последний принцип так и остался не вполне охарактеризованным: есть ли это переход к общинному владению, или национализация земли, или, наконец, социализация? Но один факт налицо, что одно течение категорически отрицает всякое частное владение, а другое течение указывает на то, что частное владение необходимо и приводит соответствующие мотивы. Мотивы эти следующие: человек по своему существу привык смотреть на обрабатываемую им землю как на свою собственность, и это чувство собственности развивает жизнь, развивает тот капитал, которым человек располагает. Другой принцип, отрицающий частную собственность, указывает, что уничтожение собственности и переход земель в общинное владение есть одно из тех начал, которые ведут к тому, чтобы приложение труда было наиболее нормальным. Все земельные богатства должны быть сконцентрированы в одном фонде, откуда и будет производиться справедливое наделение землей. Вот те точки расхождения, которые замечаются, а точки соприкосновения таковы: и то и другое течение категорически отрицают крупное землевладение и высказываются за переход к мелкому владению. Что касается последнего, то одна сторона заявляет, что оно должно быть на праве частной собственности, а другая говорит, что в данном случае могут быть допущены лишь права владения и пользования, впрочем, по мнению некоторых, на срок 999 лет. Точки соприкосновения между этими двумя течениями заключаются в том, что они согласны с тем, чтобы в конечном результате тот продукт, который получается от земли, доставался тому, кто приобрел его путем своего труда или каким-нибудь другим. Это есть так называемая индивидуализация продуктов производства и, в последнем случае, индивидуализация капитала. Это и заставляет меня говорить, что в данном случае чистоты социалистического принципа, о котором здесь говорилось, здесь нет, ибо социалистический принцип — это есть обобществление продуктов производства и равномерное их распределение. Таким образом, вы видите, что продукты, получаемые от земли, поступают в частные руки, и эти продукты могут быть капитализированы. Дальнейшие вопросы носят чисто практический характер, а именно: как осуществить земельную реформу, передавать ли владение по праву наследования или же это наследование не допускать, и, наконец, передавать ли путем выкупа или бесплатно? Вот те три оси, вокруг которых вращались общие прения.

Напомнив в кратких чертах о тех течениях, которые вступили между собою в борьбу, я перехожу к определению тех положений, которые поступили ко мне в письменной форме. Есть и другие предложения, но, так как они не внесены в письменной форме, то я не считаю обязанным о них напоминать. Первое предложение поступило от Морева: «Передать земельный законопроект обратно в комиссию, указав, что земельная реформа должна охватить лишь земли сельскохозяйственного пользования; состав комиссии пополнить новыми силами, в количестве трех человек от каждого отдела и трех от горцев». Второе предложение — Преображенского: «Принимая во внимание угрозу голода, экономические интересы края и жажду населения, чтобы земельный вопрос был по возможности немедленно разрешен, Рада постановляет: 1) немедленно уничтожить крупное землевладение; 2) земельный законопроект в целом обязать разработать Законодательную Раду, ввиду того что немедленная разработка его в краевой Раде может привести к безвыходному положению и 3) немедленно приступить к наделению малоземельных из земельного фонда, указанного в статье 10 земельного законопроекта». Поступило еще предложение — прекратить общие прения и перейти к постатейному чтению. Так как предложение Преображенского исключает все остальные предложения, то я считаю своим долгом именно его поставить первым на баллотировку. Затем будет поставлено предложение члена Рады Морева, и последним — предложение о переходе к постатейному чтению. Ставлю на голосование предложение Преображенского. Слово принадлежит докладчику.

Член Рады Омельченко. — То предложение, которое вносит член Рады Преображенский, не обсуждалось и было внесено только оратором, а по сему, безусловно, голосованию не подлежит. *(С места: «Правильно».)*

Председательствующий. — Я должен заявить, господа члены Рады, следующее. Это предложение с трибуны было оглашено Преображенским, а затем вам угодно было прекратить прения. *(«Правильно».)* Таким образом, не вина председательствующего, если это предложение не обсуждалось. Потом я должен указать, что всякие предложения, которые поступают, должны быть поставлены мною на баллотировку. *(«Правильно».)* Кроме того, смею указать, что если вам угодно обсудить это предложение, то можете обсуждать сейчас. Прошу тех, кто за принятие этого предложения, поднять руки. Кто против? Абсолютным большинством это предложение отклонено. Ставлю на голосование предложение члена Рады Морева. Кто за то, чтобы законопроект передать в комиссию? Кто против? Явным большинством предложение отвергнуто. Баллотируется последнее предложение — о переходе к постатейному чтению. Кто за то, чтобы перейти к постатейному чтению? Кто против? Принято значительным большинством. Слово предоставляется по личному вопросу члену Рады Мореву.

Член Рады Морев. — Я у вас займу всего пять минут. За это время вы выслушали помимо земельного вопроса целый ряд предложений, касающихся лично меня. Я должен упомянуть об этом. Начну с члена Рады Белоусова — он сказал, что право собственности является изобретением дьявольским. Должен сказать, что право собственности имеется в Англии и Франции и в других государствах и что это изобретение человеческое. Так что я являюсь защитником не дьявольского изобретения, а только человеческого.

Затем член Рады Воропинов заявил, что я кадет. Он, очевидно, это знает, но откуда, мне это неизвестно. Во-первых, никогда в партии кадет я не состоял и в первой Государственной Думе примыкал к группе «трудовой».

Следующее заявление было сделано полковником Роговцем о том, что я — демагог. Это заявление я оставляю на его совести, потому что меня вынуждает выйти на кафедру мое желание разрешить земельный вопрос, а не желание пользоваться демагогическими приемами. Но есть и другое: меня не только заподазривают, что я руководствуюсь другими интересами, а даже заподазривают, что те цифры, которые мне даны были ведомством земледелия, ошибочны. Пусть все те, которые считают эти цифры неправильными, обращаются по другому адресу, хотя я знаю, что приведенные мною цифры правильны.

Наконец, последний выпад против меня превзошел все сказанное по моему адресу. Здесь член Рады Ильченко заявил о том, что я готов всех вас и всю Раду продать за 50 десятин земли. Должен сказать, что ниже моего достоинства отвечать на подобные заявления, но я удивляюсь, как можно было допустить подобное выражение с кафедры и удивляюсь тому, что председатель не остановил такого оратора. *(Аплодисменты.)*

Председательствующий. — Я не помню, чтобы Ильченко так говорил, но если бы я это слышал, я бы его остановил. *(«Правильно».)* Слово предоставляется... *(«Перерыв», «Перерыв».)* Объявляю перерыв на 10 минут.

После перерыва.

Председательствующий. — Ко мне поступило заявление от некоторых членов Рады следующего содержания: «Просим председателя краевой Рады запретить частной публике во время заседания Рады выражать удовольствие или неудовольствие по отношению к тому, что высказывают члены Рады». Это заявление заставляет меня обратиться к публике с покорнейшей просьбой держать себя, как полагается гостям. Продолжается обсуждение проекта земельной реформы. Раздел первый, статья первая. Слово предоставляется члену Рады Коробьину.

Член Рады Коробьин. — Если вы не забыли, гражданин Макаренко внес предложение о том, чтобы в голову этого законопроекта была поставлена статья вторая, гласящая, что право частной собственности уничтожается. Я поддерживаю это, потому что, нападая на законопроект, мне удобнее будет бить его по голове, а для того эта статья должна стоять в самом начале.

Председательствующий. — Поступило предложение, чтобы первой статьей считать не ту, которая помещена в законопроекте, а ту, что предложил Ейский отдел. Ставлю это предложение на баллотировку. Слово просит докладчик.

Член Рады Омельченко. — По долгу докладчика я только должен сказать, что это существенно не важно и я ничего не имею против того, чтобы вторая статья стояла первой.

Председательствующий. — Ставлю на баллотировку предложение члена Рады Коробьина. Кто согласен с ним? Кто против? Принято очевидным большинством. Теперь в разделе 1-м ст. 1-ю проекта комиссии нужно считать второй.

Переходим к обсуждению по существу ст. 1-й: «Право частной собственности на все земли с их водами, лесами, недрами и надземными богатствами в Кубанском крае уничтожается». Слово принадлежит члену Рады Коробьину.

Член Рады Коробьин. — Вы знаете, что я и в земельной комиссии и здесь являюсь представителем «дьявольской» точки зрения, по выражению члена Рады Белоусова. Однако я должен сказать, что не так страшен черт, как его малюет гражданин Белоусов, стоя на «божественной» точке зрения. Дело в том, что право частной собственности является основным законом для экономической жизни на всем земном шаре. Повторяться я не буду, а только, во избежание недоразумений, я должен дать ответ председателю земельной комиссии Омельченко. Не знаю, в силу примитивности или чего-либо другого, он на всех ораторов хочет наклеить ярлык; но прежде всего нужно знать, что я ни к какой партии не принадлежу, и нет никаких оснований называть меня социал-демократом. Какой правоверный социал-демократ может быть сторонником укрепления и насаждения мелкой частной собственности на землю? *(Шум.)*

Председательствующий. — Прошу оратору не мешать.

Член Рады Коробьин. — Чтобы не быть неправильно понятым, повторяю, что все сводится к тому, чтобы была укреплена мелкая частная собственность. Я не говорю о том, чтобы эта собственность была сосредоточена в немногих руках; наоборот — основная мысль моя заключается в том, чтобы поднять производительность сельскохозяйственного труда и сосредоточить землю в руках многих, а не немногих. А для этого нужно насаждение частной собственности и издание закона, который ограничит это право частной собственности. В силу этого я не согласен со всеми остальными разделами. Я согласен с тем, что крупное землевладение должно быть уничтожено. Вот мои соображения, и я попрошу впредь никаких ярлыков на меня не наклеивать. Я вношу предложение статью первую изъять из настоящего проекта.

Член Рады Траценко. — Господа члены Рады! Мне кажется, мы должны твердо помнить о том, что мы сюда явились не по своему личному желанию и выражаем не личные взгляды, а то, что нам наказывали станицы, села и города. И вот я хочу выразить не свой личный взгляд, а хочу сказать, как и что думает моя родная станица. Я должен довести до вашего сведения, что моя родная станица живет не так, как следует, и что нужно с терпением и вниманием выслушать то, что говорят представители других станиц.

Перед нами стоит вопрос о частной собственности и о статье первой. Моя станица исходит из того соображения, что право частной собственности на землю несправедливо, а это соображение покоится на том общем соображении, что вообще всякая частная собственность несправедлива. Мы должны ответить на вопрос: так ли это? Мы стоим перед тяжелым вопросом, который волнует и волновал не один десяток мудрецов. Я предлагаю вспомнить, как один из мудрецов ответил по этому волнующему вопросу: «Частная собственность — это варварство». Предлагаю также вспомнить, как другой внес существенную поправку, утверждая, что не всякая собственность есть варварство: что коль скоро собственность не является продуктом личного труда, ясно — она не может быть справедливой, но если это — собственность, впитавшая в себя личный

труд и взявшая кровь человека, то ясно, она не может называться варварством. Итак, надо строго разделять собственность трудовую и нетрудовую.

От этого общего соображения переходим к соображениям относительно частной собственности на землю. Моя станица полагает, что этот вопрос мы должны разделить: есть трудовая частная собственность и нетрудовая частная собственность на землю. Моя родная станица полагает, что мы в своих работах должны исходить не из книжных теорий, а из нужд населения; о них всего больше нужно думать. И вот, принимая все это во внимание, нужно обдумать: допустить ли существование мелкой частной собственности и к какому разряду отнести мелких земельных собственников — к разряду собственников трудовых или нетрудовых. Моя родная станица полагает, что мелкие частные собственники — это такие собственники, которые имеют собственность в виде лошади, плуга и дома, что у нас у всех есть, и что эти мелкие собственники будут относиться к разряду трудовых собственников. И вот, спрашивается, если мы включим в свой проект статью, которая лишает нас священного права обладать такой своей собственностью, то не сделаем ли мы крупной тактической ошибки. Моя станица полагает, что в переживаемый момент должно быть сохранено единство демократического трудового элемента, а такой пункт, который предлагают внести, вносит раскол. Несомненно, мелкие частные собственники, т. е. демократический трудовой элемент, которого найдется в Кубанской области до десяти тысяч человек, ошибочным постановлением нашим будет отброшен в лагерь тех, которые говорят, что собственность — неприкосновенна. Если мы включим в наш законопроект параграф, покушающийся на мелких земельных собственников, мы создадим себе противников и усилим лагерь наших врагов. Мы создадим условия для новой гражданской войны. Мы должны помнить, что текущая гражданская война, к сожалению, не последняя, и мы предвидим еще новую гражданскую войну. Пока мы идем по общей дороге и к общей цели, то можем разойтись, и вот, чтобы наши сотрудники не примкнули к лагерю наших будущих противников, мы предлагаем ничего лишнего не делать.

Вот те соображения, о которых мы считаем нужным довести до вашего сведения. Мы полагаем, что таких шагов, как покушение на частную мелкую собственность, делать не следует. Моя родная станица полагает, что нужно исходить из нужд населения. Спрашивается: есть ли у нас надобность покушаться на мелкую частную земельную собственность? Нет. Я полагаю, что нужды казачества этого не требуют, и полагаю, что лишнего ничего делать не следует, а делать постольку, поскольку этого действительно требуют наши интересы. Покушение на трудовую мелкую собственность будет вредно для наших общественных интересов. В этом отношении мы не придем за помощью ни к Мореву, ни к каким-либо другим фамилиям, а придем только к прошлогодней Раде, к казачье-горской программе по этому вопросу. Мы полагаем, что отменять один из важных пунктов прошлогодней программы нет оснований, и что прошлогодняя программа заслуживает уважения. В ней есть пункт 5-й, в котором мелкая земельная частная собственность признается. *(Шум, протесты.)* Прошу внимания ко мне и к моей станице. Многие полагают, что обсуждаемая нами статья совсем не отменяет пункта 5-го прошлогодней программы. Нет, я говорю, что отмена есть, потому что здесь мелкая частная собственность утверждается за соб-

ственниками, а наша статья 1-я вообще отменяет всякую собственность. Мы стоим на точке зрения прошлогодней программы — чтобы крупная земельная собственность была отчуждена, притом бесплатно, и полагаем, что первый пункт данного проекта является противоречием тому, что было сделано в прошлом году; что он является ненужным привеском к настоящему законопроекту, покушаясь на мелкую частную собственность. Моя станица не находит целесообразным это делать. Вот соображения, которые мы просим принять во внимание. Повторяю, что здесь — не присоединение к отдельным личностям, а присоединение к прошлогодней Раде, в которой было более половины сейчас здесь присутствующих. Нельзя менять наших убеждений каждый год, потому что это будет неудобно. Если вы в таком порядке и дальше пойдете, то на будущий год вы должны будете отменять то, что постановили в этом году, и, таким образом, получится недопустимая чехарда. Вот те соображения, которые привели меня на эту кафедру. Вот мое и моей станицы убеждение, изложенное в нашем наказе. *(Аплодисменты.)* В большинстве наказов, прочтенных в заседаниях отделов, ясно сказано, что мы должны подтвердить земельную программу, принятую Радой 20 декабря 1917 года. Я напоминаю, что пункт 1-й как раз находится в коренном противоречии с этой программой. Если многие представители наши достаточно имели оснований отказаться от тех наказов, которые им были даны, — это их воля; но в земельной программе, принятой Радой 20 декабря 1917 года, есть свой основной пункт, за который я стоял и ныне стою, — этот пункт гласит следующее: «Все земли сельскохозяйственного пользования должны быть бесплатно переданы трудовому населению». Конечно, нам ныне решать вопрос для всей Российской республики не приходится, но я думаю, что если вы стоите на точке зрения казачье-горской программы, то вы должны принять первым пунктом не тот, который предложен вам, а тот, который я предлагаю и который находится в соответствии с казачье-горской программой, утвержденной Радой прошлого года и подтвержденной наказами, с которыми, если не желаете нарушить волю пославших вас, должны считаться. Этот пункт является декларативным, потому что это есть то, за что сейчас бьются на фронте. Земля должна быть передана трудовому народу бесплатно, и это Рада должна заявить во всеуслышание, но не нужно вводить спорных вопросов, которые не обсуждались на местах и недостаточно ясны, нужно следовать тому, что было принято Радой в прошлом году. Я предлагаю взамен ст. 1-й подтвердить то положение из программы декабрьской Рады, которое я привел.

Член Рады Белоусов. — Господа члены Рады! Здесь вам гражданин Траценко говорил, что если вы примете первый пункт об отмене частной собственности, этим самым нарушите прошлогоднее постановление, посягнете на трудовую собственность. Он особенно подчеркивает, что нельзя касаться священного права трудовой собственности на землю. Я думаю, он не вполне ясно представляет, что такое трудовая собственность. Трудовая собственность — это то, что приобретено трудом, это могут быть продукты труда; но здесь мы говорим о собственности на землю, и так как земля не есть продукт труда, то не может быть и собственности на землю, это — вопрос чистоты принципа. Я только скажу, что Траценко и Морев просто, может быть, нечаянно, ввели вас в заблуждение. В прошлогоднем проекте сказано в пункте 5: «Земли, при-

надлежащие крестьянским товариществам и мелким собственникам в пределах Кубанской области, должны остаться за их владельцами в размере установленной для края земельной нормы». Возьмем теперешний проект: «Земельные участки с высококультурными хозяйствами, имеющие общекраевое экономическое значение, оставляются настоящим владельцам». Как видите, — то же самое. На первый взгляд, и здесь частная собственность не отменяется, тогда как в первом пункте частная собственность отменяется. Что такие участки остаются за их владельцами, говорит и следующий пункт 8: «Земли под усадьбами, садами, виноградниками и торгово-промышленными предприятиями, а также земли мелких владельцев, имеющих землю в пределах установленной в крае земельной нормы, остаются в распоряжении настоящих владельцев», т. е. буквально все то, что сказано в пункте 5 прошлогоднего проекта, только в более развитом виде. Член Рады Траценко говорил, что если вы не примете этот пункт, то земли останутся за их владельцами, значит — за ними утверждается право собственности (он не дочитал: «в пределах установленной для края земельной нормы»). Если же вы примете пункт, частная собственность будет отменена. Что же получилось? 15 десятин — мелкая собственность, 25 — тоже мелкая собственность. Но предположим, вы установили земельную норму в 10 десятин, а у мелкого собственника 15 десятин, как же вы 5 десятин у него отберете, раз нет пункта, говорящего об отмене права частной собственности? Если вы установите земельную норму, то по пункту 5-му, если вы его примете, вы уже вмешиваетесь в право собственности мелких землевладельцев. Раз мелкий землевладелец будет иметь земли более определенной земельной нормы, то ее придется отбирать. Как — вопрос другой, за выкуп или каким-нибудь иным способом. Не вдавайтесь в заблуждение: казачье-горская программа тоже право собственности отменила, раз она утвердила земельную норму; а о мелких собственниках там то же самое говорится, что земли остаются за их владельцами. И все дело в том, что проект просто писали люди, тогда еще неопытные законодатели, а может быть, и сделавшие ошибку; там не было добавления — «остаются за их бывшими владельцами, или за настоящими владельцами в их только пользовании». Нельзя смешивать этих понятий — пользование и владение: когда вы говорите, что частная собственность отменяется, то вы нарушаете право владения, но не право пользования». Те мелкие частные собственники, которые приобрели землю и трудятся на этой земле, не должны беспокоиться: этой земли у них никто не будет отнимать, она у них и останется; только при помощи государства будет отнято одно право, право продавать эту землю.

Многие говорили: оставьте право собственности, запретите только продавать землю, а ведь это и есть основной элемент собственности — право распоряжаться землей, право давать свой участок. Новый проект уже более совершенный, чем тот, о котором говорил г. Траценко; то программа партии, если можно назвать партией казачье-горскую фракцию, а это проект верховного законодательного учреждения, краевой Рады; здесь прямо говорится, что краевая Рада постановила частную собственность отменить, а мелкие собственники будут, как бывшие владельцы, пользоваться своими участками. Это оговорено в пункте 7 и 8. Здесь даже говорится о землях под усадьбами, питомниками, семенными хозяйствами, которые землевладельцы, согласно ст. 8, имеют право оставлять за собой для дальнейшего пользования, не имея только права

продавать. Точно так же и землевладельцы, занимающиеся виноградарством, раз они имеют эти участки, могут пользоваться, только без права продажи. Это именно и нужно — убить возможность продавать, потому что мы знаем, к чему это ведет. Здесь защитник права собственности Морев за предложение Траценко серьезно ухватился, он даже говорил: «Передайте трудовому народу землю бесплатно, только оставьте право собственности за мелкими землевладельцами». А я скажу: «коготок увяз, всей птичке пропасть». Из этой мелкой собственности неминуемо вырастет крупная, и вы на это не поддавайтесь. Не нужно затемнять этот вопрос, нужно определенно и прямо сказать; право частной собственности отменяется, а вопрос о пользовании — это второй вопрос, и мы разберем его так, чтобы от этого не пострадали трудовые элементы. Это зависит от вас, вы должны этот пункт сохранить, без него все пойдет насмарку, ибо этим пунктом вы исполните волю пославших вас сюда.

Член Рады Шевченко. — Господа члены Рады! Мне пришлось первый раз в жизни выступать на трибуне перед таким высоким собранием. Я — представитель от мелких земельных собственников села Федоровского Кубанской области. Я слышал, как здесь говорили, что нужно отобрать земельную частную собственность у всех в Кубанской области. Я все время прислушивался к тому, как же это будет. Мне говорят: «Отберем землю, дадим в ваше владение, а потом усмотрим, как ею пользоваться». Когда меня сюда избирали, то все мои сожители сказали, что мы эту землю купили, что эту землю мы не так, как другие, получили: ее нам не подарил Чепига, мы воевали и проливали кровь, как и прочие наши деды, наши сыны, братья, как и казаки, землю кровью и потом добывали, да кроме того, мы еще и деньги платили. Теперь нам скажут, что вы будете владеть, дальше — только пользоваться, а потом статьи говорят, что земли отбираются, т. е. оставляются у вас две-три десятины, и вам не заплатят, а потащат арендную плату. Мы жили на этой земле долго, мы в этом юрте живем около 35 лет, начиная с 82 г., и закончилась покупка главным образом в 1891 году. За эти годы нас топило более 30 раз, часто по три-четыре раза в год, нам эти земли огромных денег стоят, мы их закладывали десять раз после того, как дешево купили, платили проценты, сейчас есть земли заложенные. Я знаю тех несчастных владельцев, знаю о той работе, которую они всегда вкладывали в свое владение, потому что я имел счастье служить в 1905 г., во время революции, заслужил доверие и, по избранию, стоял, так сказать, на верху станицы. Теперь мы получим расчет: кто-то получит, кто-то воспользуется землей, а наша польза какая? Теперь нам говорят: «Мы вам заплатим, подсчитаем вашу аренду», но как вы теперь эту аренду подсчитаете, определите, сколько трудов, сколько борьбы пришлось положить? А как мы можем показать, что мы сделали и что за тридцать лет пошло в Кубань? Мы не можем показать. Вы отберете частную собственность сейчас, а там что же будет, с чем мы останемся? В пункте 2-м сказано: край владеет, пользуется и распоряжается всей землей, а ведь в крае мы не одни, в крае есть казаки, а мы крестьяне. Теперь вы скажете: приписывайтесь к казакам. Я с этим согласен, но покамест этот законопроект не разработан, и как вы его разработаете — еще неизвестно. По совести я должен сказать: вы будете полновластно владеть землей и указывать нам, как нам пользоваться ею. Хотя это, может быть, и единый голос в пустыне, но я это должен сказать по долгу совести.

Теперь указывают: «Пользуйтесь так», а потом скажут: «Приписывайтесь в казаки», а потом, может быть, найдут, что и это — лишнее, неподходящее; скажут: «Они там-то замешаны, они могут владеть и пользоваться только так, как им скажут». Уже теперь бывает, что по какой-либо причине один или два человека, которые там что-то сделали, не понравились казакам — может быть, они даже с большевиками не были, а просто так не понравились, — и вот целых селений не приписывают в казачество и говорят: «Идите туда, где вы были». Я так понимаю, как вам говорю.

Сообразовавшись со всем этим, я вышел сказать, что я сомневаюсь, что далее будет. Вы уничтожаете частную собственность, а потом говорите: «Край владеет» — а ведь край-то ваш, а не наш. Мы все пришлые, хотя и считаемся коренным населением. Но, с другой стороны, мы-то ведь землю купили и на этом только и держимся, поэтому и просим краевую Раду внимательно рассмотреть, потому что земельный законопроект имеет чрезвычайную важность. Вы видели, как спешно они действовали, как спешно разобрали дело, как все сколочено на скорую руку, как все настаивают: «Без прений, скорей, скорей, скорей». Почему это так? Земельный вопрос — самый больной вопрос в Кубанской области, но не для всех одинаковы условия. Одни могут отобрать землю и считать аренду, другие явятся и начнут спешить делить землю, а потом вы начнете выселять нас, когда мы отдадим частную земельную собственность.

Председательствующий. — Поступило предложение о прекращении прений по данному вопросу. Кто желает говорить против прекращения прений?

Член Рады Морев. — Когда я шел сюда, поднялся шум, тем не менее я должен сказать и остановиться на одной стороне дела. Приняв первую статью в той редакции, которая предложена комиссией, вы лишаете права собственности и города, и городские поселения. Это — шаг, на который можно решиться, только обдумавши и обследовавши этот вопрос, а так, сплеча рубить, что всякое право собственности на землю уничтожается, нельзя. Вы не обсудили этого вопроса, а его нужно решить со спокойной совестью; вы даже как следует не разобрались в этом вопросе. Я высказываюсь за то, чтобы эта сторона вопроса была выяснена, чтобы прения были продолжены, иначе получится, что не только мелкие собственники, но и все население городов поставлено будет в условия невозможные. *(Шум.)*

Председательствующий. — Вы говорите не по существу.

Член Рады Морев. — Я говорю, почему нельзя прекращать прений. Если вы их прекратите, то не выясните значения этой статьи в отношении городов.

Член Рады Воропинов. — Господа члены Рады! Нас пугают тем, что мы открыто гильотинируем прения, и тем, что мы противоречим своим наказам, что мы недобросовестно выполняем свои обязанности перед своими избирателями, и это для того, чтобы так или иначе, по возможности, больше затянуть прения. Вы видели, что когда настаивали на том, чтобы по общим вопросам прения прекратить, нас пугали всячески: мы продолжали прения, и все-таки те цели, во имя которых настаивали здесь на продолжении прений, не достигнуты. Я полагаю, что и в данном случае переубедить уже нельзя, поэтому разговоры, особенно лишние, нужно прекратить и тем предупредить возможные упреки со стороны защитников управления только при помощи единолич-

ной власти, высказывающихся против парламентаризма, — чтобы они не имели повода говорить: Рада — это говорильня.

Председательствующий. — Я полагаю, что боязнь нападок не может служить основанием к тому, чтобы прекратить прения. Я ставлю на баллотировку предложение. Кто за прекращение прений? Кто против? Прения прекращены. Слово принадлежит докладчику.

Член Рады Омельченко. — Господа члены краевой Рады! Если мы поступим согласно совету г. Траценко, то, собственно говоря, вся работа не только теперешней, но и бывшей краевой Рады свелась бы ни к чему. Это только свидетельствовало бы, что мы не во всей глубине понимаем, что таит в себе принцип, который мы должны положить в основание нашей программы. Г. Траценко удивлялся, почему бы не сохранить право частной собственности на пять десятин земли. Да потому, что если 50 лет тому назад одна десятина земли стоила 5 руб., а через несколько лет 100 рублей, то потом будет стоить 10 000 руб., а через 100 лет, может быть, и миллион, потому что, как справедливо некоторые заметили, земля не растет, а население увеличивается. И, позвольте спросить, в каком положении должны быть те, которые появятся на свет Божий, когда земля, хотя бы по несколько десятин, будет на правах собственности находиться в крепких руках? Что они должны будут сказать миру, который произвел их, но который им не дает ни пяди земли, а существование их стало очевидностью? И в этом отношении право собственности должно быть уничтожено, потому что в дальнейшем это должно повести к большим кровопролитным войнам. Если хотя бы по 10—20 десятин попадет в крепкие руки, а цена будет выражаться в 10 000 руб., а может быть, и в 100 000 руб., то тогда населению придется много пролить крови, бороться, чтобы из этих крепких рук так или иначе получить землю и только для того, чтобы питаться. Я говорю: этот принцип отмены частной собственности должен быть громко провозглашен и проведен в жизнь.

Председательствующий. — Приступаю к голосованию. Первая статья проекта гласит: «Право частной собственности на все земли с их водами, лесами, недрами и надземными богатствами в Кубанском крае уничтожается». Ейский отдел предлагает последний, только что прочтенный, пункт исключить, т. е. снять, и его по существу на баллотировку не ставить. Я это предложение и ставлю на голосование. Если вы его отвергнете, то другое предложение, которое внесено членом Рады Траценко, баллотировать не придется, так как оно само собой отпадает. Кто за то, чтобы первую статью исключить, снять, тех прошу поднять руки. Кто против? Очевидное большинство. Ставлю на голосование предложение члена Рады Морева изложить статью 1-ю в такой редакции: «Земли сельскохозяйственного пользования в Кубанском крае должны быть бесплатно переданы трудовому народу». Кто за это предложение? Кто против? Явным большинством отклонено. Имеется и третье предложение, внесенное чл. Рады Белым: «В Кубанском крае право частной собственности на землю, в пределах установленной Учредительным собранием нормы, предоставляется трудовому народу — казакам, горцам и коренным жителям — без права продажи в другие руки». Кто за это предложение? Кто против? Предложение отклонено. Состоявшимся по ст. 1 голосованием разрешен лишь вопрос о ее сохранении, но по существу она еще не

была поставлена на голосование. Баллотирую означенную статью в редакции проекта комиссии. Кто за принятие этой статьи? Кто против? Очевидным большинством статья принята. *(Аплодисменты.)*

Следующая, 2-я статья проекта гласит: «Кубанский край владеет, пользуется и распоряжается самостоятельно и независимо всеми расположенными в пределах края землями, недрами, лесами, рыболовными водами как внутренних речных и озерных бассейнов, так и внешних морских на семиверстном расстоянии от берегов». Прошу желающих высказаться.

Член Рады И. Макаренко. — Как вы изволите помнить, мною внесено предложение, чтобы после статьи 1-й, которую вам угодно было принять, была ст. 2-я следующего содержания:

«Кубанское войско пользуется и распоряжается самостоятельно и независимо всеми входящими в состав его территории землями, недрами, лесами, рыболовными водами как внутренних речных и озерных бассейнов, так и внешних морских на семиверстном расстоянии от берегов». Прошлый раз я уже докладывал вашему вниманию те соображения, которые заставляют настаивать на ее принятии. Повторяться нет надобности, и я не желаю, и, кроме того, предлагаемая редакция есть по существу ст. 3 обсуждаемого нами законопроекта. Значит, пока что изменен лишь порядок статей. Сейчас еще добавлю одно обстоятельство: раз комиссия признает за войском то, что она признает, то об этом нужно сказать в первую очередь, ибо Кубанское войско — организм, исторически сложившийся и имеющий определенное право, и, кроме того, Кубанское войско по территории своей занимает значительную часть Кубанского края. Об этом нужно говорить не где-то, а поближе к голове законопроекта. *(«Правильно», аплодисменты.)*

Член Рады Каплин. — Господа члены Рады! Я не могу согласиться с предложением, только что сделанным. Я думаю, что ст. 1-я проекта комиссии, которая говорит о Кубанском крае и его праве, есть необходимое ближайшее логическое следствие в применении к земельному вопросу той конституции, которую мы приняли, и именно 9 статьи этой конституции, которая гласит, что высшей властью в крае является воля всего населения, выражаемая на представительном собрании, т. е. на краевой Раде. Таким образом, переворачивать и ставить всю организацию вверх ногами не представляется возможным. Я считаю уже ошибкой, что эту статью в проекте комиссии сделали 2-й статьей, но я тем более решительно возражаю против намерения представителя Ейского отдела уничтожить эту статью. Я этого не понимаю. Ведь, в конце концов, чего хотят достигнуть замалчиванием факта, который сам собою ясен? Ведь как вы ни замалчивайте, но затушевать факт, что высшей властью во всех отношениях является краевая Рада, Кубанское краевое правительство и войсковой атаман, нельзя, ибо это есть воля всего населения. Это необходимо сказать в проекте, ибо все, что здесь сейчас мы решаем, есть результат первого положения, т. е. того, что мы имеем право решить этот вопрос. И если мы будем выдвигать вперед что-то другое, а этот факт замалчивать, то получится обратный результат. Для того чтобы сделать последующие постановления законными и легкими, необходимо принять положение, содержащееся во 2-й статье, т. е. что Кубанский край, и именно воля его населения, выраженная в краевой

Раде, распоряжается и владеет землей, находящейся в пределах территории края. Изменений нет никаких, и все остается по-старому, между тем как редактировать первый раздел, согласно предложению Ейского отдела, было бы логически неправильно, ибо высшая власть есть краевая власть, а Кубанское казачье войско есть элемент этой власти, т. е. часть территории и силы, но не есть то, что стоит над краевой властью. Ведь с точки зрения г. Макаренко выходит то, что Кубанское казачье войско стоит над краевой властью. Но ведь тогда и в конституции нужно было сказать, что высшая власть в крае принадлежит Кубанскому казачьему войску. Тогда бы я понял его, но раз мы сказали, что высшая власть — это краевая власть, то я не понимаю уничтожения этого пункта, как предлагает Макаренко.

Председательствующий. — Других ораторов нет? *(«Нет, есть».)* Сейчас вопрос обсуждается не по существу: здесь вопрос идет о порядке постановки статьи. Статья, которую предложила комиссия, является 2-й статьей настоящего проекта, а Макаренко предложил вместо этой 2-й статьи поставить 3 статью, но с тем, чтобы «Кубанский край» исключить, а поставить «Кубанское казачье войско». Таким образом, ст. 2-я должна являться третьей, или он ее не введет. Теперь я ставлю на баллотировку. Кто за то, чтобы 2-й статьей являлась не предложенная Ейским отделом редакция, а предложенная комиссией, тех прошу поднять руки. Кто против? Принято. Таким образом, предложение комиссии является 2-й статьей. *(Чл. Р. Морев с места: «Это настолько важный вопрос, что нужно сделать подсчет».)* Прошу высказаться по существу. Есть желающие говорить? *(Шум.)*

Член Рады И. Макаренко. — Я должен сказать: мое впечатление было такое, что, очевидно, при голосовании вкралось недоразумение, и теперь я не протестую против того, чтобы первую статью проекта поставить ранее предложенной Ейским отделом. Эта пусть остается, пусть она будет второй, как вы приняли. Но неверно, что будто бы мы предлагаем заменить «Кубанский край» словами «Кубанское казачье войско». То, что предлагает Ейский отдел, это не есть замена первой статьи, а это есть коренная разница в существе вопроса. Если мы примем 2-ю статью первой статьей законопроекта, то мы впадем в противоречие, которое в будущем создаст чрезвычайное затруднение и путаницу. Начну разъяснять, в чем дело. Что войско владеет, распоряжается всем, что ему принадлежит, об этом говорится в ст. 3, а комиссия в первой статье проекта говорит, что кубанская краевая власть всем владеет, — значит, и войсковыми землями. Тогда последующая власть, которой придется пользоваться правами, вытекающими из законопроекта, в каком положении будет? Вот создается почва для явного столкновения властей. Если вы примите то, что предлагает комиссия, то будет явное столкновение властей ввиду противоречия. Я предлагаю, чтобы кубанская краевая власть распоряжалась и владела всем, за исключением принадлежащего войску. Это будет логично и правильно *(«Да, да».)* Эту статью нужно средактировать таким образом, чтобы те права, которые изложены в статье третьей, были действительными, а не фиктивными правами. На это я обращаю особенное внимание. Краевая власть, по нашей конституции, есть высшая власть, и этой власти предоставляется право распоряжения и владения всем; тогда сокращаются права войска, которые комиссия определяет в 3 пункте. При наличии этой конституции они обращаются в фикцию.

(«По существу».) Я слышу «По существу», но это и есть по существу. Мы попали в такое положение, что статья 2-я будет статьей 1-й. И вот я указываю, что нам надо: пусть принятый порядок статей остается, но необходимо прежде всего перейти к ст. 3 и выяснить, действительно ли за войском остаются присвоенные ему права. И когда вы подтвердите, что за войском остаются эти права, то будет ясно, разбирать 2-ю статью, иначе мы попадем в чрезвычайно тяжелое противоречие: статья 3-я будет фикцией и будут упразднены права войска. *(«Правильно», «Правильно».)* Еще раз отмечаю и указываю, что над краем распоряжается краевая власть, она выше войска. И, таким образом, всем владеет и распоряжается краевая власть. Тогда я вас спрашиваю — что же остается у войска? Значит, принимая эту статью, вы упраздняете фактически права войска, Мое предложение такое: прежде чем рассматривать ст. 2-ю, рассмотреть ст. 3-ю законопроекта и выяснить: действительно ли за войском остаются все те права, которые у него есть, и если дело будет ясно, то тогда будем говорить о 2-й статье, иначе будет противоречие.

(Заседание продолжается под председательством Н. С. Рябовола.)

Председатель. — Мне несколько неясна та постановка, которую делает член Рады И. Макаренко. Предложение рассмотреть статью 3-ю прежде 2-й едва ли приемлемо, ибо вопрос о порядке статей уже проголосован.

Член Рады Султан Шахим-Гирей. — Все те опасения, которые здесь были высказаны чл. Рады Макаренко, все эти опасения кроются в недоразумениях. Никакого посягательства и никакого желания упразднить Кубанское казачье войско — определенную организацию — ни у кого не имеется.

Предложенный проект этого не предусматривает, и нет сомнения, что та краевая власть, которая будет избрана всеми правоспособными и пользующимися правами гражданства элементами населения Кубанского края, должна стать выше власти войска, ибо само войско входит как один из составных элементов, образующих эту краевую власть. Кубанское казачье войско есть определенная юридическая организация, юридическое общество, пользующееся и распоряжающееся своим имуществом независимо и самостоятельно от власти, регулирующей жизнь Кубанского края. Ясно, что постановка вопроса в таком виде, как здесь перед вами развил член Рады Каплин, — правильна и никаких посягательств нет. Общее положение говорит о том, что «Кубанский край владеет, пользуется и распоряжается», статья 3-я говорит о Кубанском войске. Вот если бы третьей статьи вслед за второй введено не было, тогда явился бы вопрос об упразднении Кубанского казачьего войска, но так как 3-я статья вводится как специальный закон, так называемый «jus specialis» то, значит, эта самая статья ставит Кубанское казачье войско в определенные юридические отношения к Кубанскому краю в отношении того имущества, которым Кубанское войско владеет и пользуется. Теперь становится ясно, что посягательства нет. А разбирать статью с той стороны, с которой подходит Макаренко, — нельзя, ибо тогда можно всякую статью толковать так, как «мне кажется», но не так, как нужно ее толковать и понимать. Исходя из этих соображений, я предлагаю статью вторую принять так, как предлагает комиссия. Третья статья касается прав и преимуществ Кубанского казачьего войска, и никаких посягательств на имущественные права Кубанского войска здесь, конечно,

нет и не должно быть. Иначе говоря, войско становится в отношении краевой власти в такое положение, в котором вы стояли в отношении центральной власти: точно такое же положение будет и в данном случае. Вот по этим соображениям я предлагаю предложение Каплина принять, а именно: баллотировать статью 2-ю в редакции комиссии, так как она является наиболее правильной и целесообразной.

Член Рады Трепетун. — Господа члены Рады! Нас никто не уполномочивал умалять Кубанского войска. Группа Майкопского отдела просит, чтобы в начале статьи вместо слов «Кубанский край» было сказано: «Кубанское войско владеет, пользуется и распоряжается» и т. д. *(«Правильно».)*

(Заседание продолжается под председательством Султана Шахим-Гирея.)

Председательствующий. — Слово предоставляется Н. С. Рябоволу.

Н. С. Рябовол. — А я скажу: совершенно неправильно, и вот почему. Если мы это сделаем, то упраздним всю работу, которую сделали в течение месяца. Тогда нам будут говорить: «Какой же власти хочет кубанское казачество?» Ведь вы создали определенный правопорядок, определенную власть. Вы говорите, что высшим источником этой власти являетесь вы, Кубанская краевая Рада. Вы являетесь действительно той высшей властью, которая может изменять законы. А теперь вы хотите другого: чтобы высшей властью явилось Кубанское казачье войско. Тогда давайте вычеркнем всю конституцию, бросим всю работу и начнем сначала. Совершенно неправильно думать, что редакцией проекта создается умаление прав Кубанского войска. Никакого умаления здесь нет. Этим пунктом мы лишь подтверждаем то, что приняли на протяжении месячной работы. В третьей статье оговорено, что Кубанское войско владеет, пользуется и т. д.; зачем же мы будем нарушать то, что сделали. Это совершенно неправильно. Вы аннулируете этим всю работу, которую мы сделали, и даете повод к лишним разговорам. *(Аплодисменты.)*

Председательствующий. — Смею заявить, что когда я говорил по этому поводу, я никогда не умалял значения Кубанского казачьего войска; никакого умаления его в моей речи не было. Слово предоставляется докладчику.

Член Рады Омельченко. — Господа члены высокого собрания! Я желал бы, чтобы ораторы со всех сторон осветили этот вопрос; я боюсь, чтобы не было разногласий между членами Рады. Но, к сожалению, ораторов не оказалось. Я буду краток и не буду убеждать вас, чтобы вы стали на точку зрения комиссии. Я заявляю, что в комиссии из 21 человека, которые были в заседании, только представитель Ейского отдела, присутствовавший, к сожалению, в единственном числе, выступил с поддержкой контрпроекта, который предложил Ейский отдел. Представители остальных отделов абсолютно такой точки зрения не разделяли. Я как докладчик говорю, что комиссия со всех сторон рассмотрела этот пункт и решила, что лучше третью статью, как я говорил, оставить. Все это мы рассмотрели подробно и решили, что редакция должна быть такова, каковой она предложена вашему вниманию комиссией.

Председательствующий. — Прежде чем приступить к голосованию статьи 2-й и предложенной поправки, считаю долгом огласить результаты подсчета голосов, поданных при баллотировке статьи первой об уничтожении частной собственности. Статья первая принята всеми против трех. Ставлю на голосование внесенное Ейским отделом

предложение о замене в ст. 2 слов «Кубанский край» словами «Кубанское казачье войско». Кто согласен с этим предложением, прошу поднять руки. Кто против? Большинством голосов отклонено. Ставлю на баллотировку статью в редакции комиссии. *(Баллотировка.)* Принята.

Переходим к обсуждению статьи 3-й: «Кубанское казачье войско сохраняет за собою все права по владению, пользованию и распоряжению принадлежащими ему землями, недрами, лесами и водами». Слово предоставляется члену Рады Жуку.

Член Рады Жук. — Господа члены Рады! В программе прошлогодней Рады есть параграф шестой, согласно которому принадлежащие казакам и горцам земли и леса составляют их неотъемлемую собственность, которой они пользуются и распоряжаются самостоятельно и независимо. Ввиду того что наши братья-горцы имеют такие же права на землю, как и мы, казаки, я хотел бы внести поправку и изложить статью 3-ю таким образом: «Кубанское казачье войско и горцы сохраняют за собой все права по владению, пользованию и распоряжению принадлежащими им землями, недрами, лесами и водами».

Член Рады И. Макаренко. — Господа члены Рады! Я не возражаю против поправки, которую сделал предыдущий оратор, член Рады Жук, но я хочу предложить несколько иную, более точную, ясную редакцию этой статьи, а именно: «Кубанское войско владеет, пользуется и распоряжается самостоятельно и независимо всеми входящими в состав его территории землями и рыболовными водами, как внутренних бассейнов, так и внешних морских на семиверстном расстоянии от берегов». В проекте комиссии сказано, что «войско сохраняет за собой все права» и т. д., а я предлагаю редакцию, которая точно фиксирует, что это за права, чтобы каждому было ясно и понятно, действительно ли все права, которые перечислены мною, принадлежали и принадлежат Кубанскому войску. В целях точности и ясности, чтобы не было недоразумений, я предлагаю краевой Раде утвердить предлагаемую мною редакцию. *(Шум.)* Я сказал, что против поправки я не возражаю. Можно было бы изложить статью так: «Кубанское войско и горцы владеют, пользуются и распоряжаются самостоятельно и независимо всеми входящими в состав их территории землями, недрами, лесами, рыболовными водами и т. д.».

Член Рады А. Белоусов. — Господа члены Рады! Я как в своей речи вообще о проекте земельном, так и теперь считаю долгом остановить ваше внимание на этой третьей статье. Я боюсь, что если у нас не будет единой мысли, единого принципа в разрешении земельной реформы, то не пройдет и года, как вы принуждены будете здесь собраться и вновь рассматривать ее; но за этот год будет принесено много жертв из-за той ошибки, которую вы здесь совершаете. Я глубоко убежден, что то, что я буду здесь предлагать, не встретит сочувствия большинства, но я считаю своим долгом сказать и скажу об этом. Вы все время говорите о Кубанском крае, но потом, когда подходите к вопросу такому важному и серьезному, из-за которого все время идет междоусобная война и распри, вы вдруг вводите новый элемент — войско. Особенно ярким защитником этого является член Рады Макаренко. Мне эти прения немного напоминают те прения, которые, слава Богу, навсегда умерли в Кубанской области. Это было в апреле месяце, когда создавалась кубанская конституция, когда мы гово-

рили о том, кто должен пользоваться гражданскими правами. Тогда одни говорили, что гражданские права принадлежат краю, другие — войску, а третьи — иногородним. Вы помните, тогда ввели для представителей края областной исполнительный комитет, а для представителей войска — областной совет. Вы знаете, к каким печальным результатам это привело. *(Шум.)*

Председательствующий. — Прошу спокойно выслушать оратора, а оратора прошу не напоминать о прошлых днях.

Член Рады А. Белоусов. — Я, к сожалению, не могу не касаться прошлого. Если вы не создадите единого земельного фонда, при распределении земли у вас начнутся сейчас же недоразумения. *(Шум.)* Здесь выходят одни и говорят: «земля — казачья», другие — «земля Божья», третьи — «земля карачаевцам», а четвертые говорят — «и крестьянская земля здесь есть». *(«Верно», шум.)* Да, кроме того, не нужно забывать, что у нас есть черноморские казаки и есть линейцы. *(Шум.)* Я повторяю, как и заявил раньше, что то, что я буду говорить, вызовет недовольство, но выслушать меня необходимо, чтобы все это раз навсегда умерло. Я скажу: ни карачаевцам, ни казакам, ни линейцам, ни черноморцам; нам остается единственный выход — создать как единую краевую власть и единую конституцию, так и единый краевой фонд. И если вы теперь этого не сделаете, то должны будете в ближайшем будущем это сделать. *(«Правильно».)* Иначе пострадают от отсутствия единого земельного фонда те, у кого земли мало. Куда они обратятся за прирезкой земли? Я не говорю об иногородних, я говорю о тех коренных жителях Кубанского края, которые имеют немного земли. Они в первую очередь, как малоземельные, попросят земли, а откуда они эту землю будут брать? Из краевого фонда или из войскового? И вот между краевой властью и войсковой немедленно начнутся пререкания и трения, и если вы не создадите единого земельного фонда, вы не сможете, несмотря на отмену частной собственности, провести земельную реформу в области землепользования и в области землевладения. Разрешить земельную реформу теперь легко, когда вы сказали, что частной собственности нет, но с этой секунды необходимо образовать единый земельный фонд, потому что, когда придется распределять землю — а вы знаете, как разгораются страсти при решении земельного вопроса, — вот тогда вы убедитесь, как опасно и трудно брать и распределять, если у вас не будет ни единого источника, откуда брать, ни единой воли, которая будет распределять. От этого пострадают в первую очередь малоземельные и безземельные. Я бы предложил изменить эту статью следующим образом: «Все земли, расположенные в пределах Кубанского края, а также все земли, подлежащие отчуждению, как-то: частновладельческие, офицерские, чиновничьи, составляют единый Кубанский краевой земельный фонд и из этого единого земельного фонда наделяются все общины, которые здесь находятся. Из этого земельного фонда будут удовлетворены прежде всех малоземельные». Я не могу вам говорить теперь о том, что было, потому что это вызовет неудовольствия, но если вы не хотите того, что было, то сделайте так. *(Шум.)*

Председательствующий. — Прошу не мешать оратору высказаться.

Член Рады А. Белоусов. — В силу логики, в силу чистоты того основного принципа, который вы вложили в программу — «земля трудовому народу», вы должны

признать «единый трудовой народ и для него единый земельный фонд». *(«Правильно», шум.)*

Председательствующий. — Слово предоставляется члену правительства Намитокову.

Член правительства Намитоков. — Господа члены Рады! Я не буду говорить по существу того пункта, о котором говорил сейчас член Рады Белоусов. Может быть, действительно, было бы правильно с точки зрения партийных требований социалистической программы, с точки зрения теоретической провести земельную реформу в том направлении, чтобы действительно частная собственность была в целом виде отменена, и чтобы фонд был один, и чтобы недра, леса и воды принадлежали краевой власти, иначе говоря — государству. Обычно так разрешается земельный вопрос во всех партийных программах, но у нас другие условия. Сейчас переходное время и соотношения сил не равны. Нужно признать реальную роль казачества и горцев и долго на этом вопросе не следует останавливаться. Я буду говорить о проекте, предлагаемом Ейским отделом. Я считаю эту редакцию совершенно неудачной. Там сказано, что кубанское казачество пользуется, распоряжается и владеет всеми землями, водами и т. д., входящими в состав территории Кубанского войска. Я спрашиваю, какую территорию имел Ейский отдел в виду? Если так ставить вопрос, то можно считать весь Кубанский край территорией Кубанского войска. Для меня неясна редакция: какие земли имеются в виду — все ли земли, которые выделены из юртов, или те земли, которые не находятся в пользовании станичных юртов, но лежат между ними. Если толковать распространительно проект Ейского отдела, то получится, что все земли, как бывшие в юртах, так и частновладельческие, казенные, подходят под категорию тех земель, которые входят в состав Кубанского войска. Таким образом, весь Кубанский край составляет территорию Кубанского войска. Это последовательно. Тогда нужно было бы постановить так, чтобы был один войсковой фонд. Однако вы считаете, что в крае необходимо образовать фонд краевой, а если вы думаете иметь такой фонд, то совершенно неприемлема та редакция, которая предложена Ейским отделом. Нужно сказать так, как предлагает комиссия: «Кубанское казачье войско сохраняет за собой все права по владению, пользованию и распоряжению землями, водами, недрами, которые этому войску принадлежали и составляли собственность этого войска». Тогда никаких недоразумений быть не может. Затем я поддерживаю другую поправку, чтобы прибавлено было, что и горцы сохраняют за собой все права по пользованию и распоряжению землями и т. д. Если эта поправка будет принята, то отпадает примечание, в котором говорилось о карачаевцах и других горских племенах, находящихся в Майкопском и Екатеринодарском отделах. Если такая статья будет принята, то необходимость внесения особого примечания отпадает и создается впечатление целого, что казаки и горцы пользуются одинаковыми правами, как земельными, так и другими. Поэтому я настаиваю, чтобы внесена была поправка: «Казаки и горцы пользуются одинаковыми правами».

Член Рады Перегородиев. — Господа члены Рады! Здесь Султан Шахим-Гирей сказал, что Кубанское казачье войско будет находиться по отношению к краевой власти в таком положении, как оно находилось раньше по отношению к России. Раньше был войсковой штаб и областное правление. Теперь этого не будет. Мне кажется, что

этот вопрос очень запутан, что мы только название оставляем: «Кубанское казачье войско», а кто защитит наши права на краевой Раде? Наш войсковой атаман? Других лиц нет. *(Шум, многие уходят.)*

Председатель. — Прошу не выходить, ввиду того что вопрос очень серьезен, и прошу всех членов Рады участвовать в баллотировке.

Член Рады Перегородиев. — Мне кажется, что эта статья хочет только охранить и защитить права казаков на те земли, которыми они пользовались до сих пор, но редакция неудачна. Кубанскому войску по конституции никаких прав не дано, там только говорится о крае, и только в одном пункте говорится, что конституция почитает главой края войскового атамана, которого выбирает краевая Рада. Лучше всего эту статью заменить так: «Казаки и горцы сохраняют за собой все права по владению и пользованию принадлежащими им землями» и т. д. Можно еще пояснить: «тем, что принадлежало Кубанскому войску», иначе говоря, мы запутались, потому что Кубанское войско внести в конституцию нельзя. А здесь если мы и написали «Кубанское казачье войско», то на воздух, потому что утверждаемые за ним права осуществлены не будут. Мы теперь не будем здесь создавать Кубанский войсковой штаб и областное правление. Я повторяю, что нужно заменить слова «Кубанское войско» словами «казаки и горцы».

Член Рады Усачев. — Господа члены Рады! Во время нашего похода все время мы говорили одно, что если придем в Кубанский край, то постараемся или подвести население под одну рубрику, или выселить, чтобы население было однородное. Теперь, когда мы создали проект земельный, оказываются две позиции: одна в защиту краевого земельного фонда и другая — войскового. Если мы стоим на той позиции, что нужно подвести население под одну рубрику, то все будут наделяться из фонда войскового, и я думаю, что никто не будет заявлять претензий, равно как никто не будет посягать на те права, о которых сейчас заявляют горцы, ходатайствующие о сохранении за ними земель. Но мы должны в первую голову наделить казаков, во вторую — горцев и в третью — иногородних. Мое предложение эту статью совершенно упразднить, потому что она внесет раздор, и мы тогда не будем в состоянии ничего сделать, как это и было в предыдущей Раде.

Член Рады Жук. — Господа члены Рады! Я не согласен с членом Рады Перегородиевым, который говорит: «Прежде было областное правление, а теперь его нет; остается только название Кубанского казачьего войска; все его права — это фикция». Но мы не фикция. Я также не согласен с членом Рады Белоусовым, который нас стращает раздорами. Большевики нам говорили, что устроят все за один год, но это невозможно. В настоящее время мы находимся в периоде строительства. Мы защищаем законные исторические права казаков и горцев, и если мы подходим к тому, чтобы не обездолить никого, то давайте строить, но не строить ту коммуну, о которой сказал член Рады Белоусов, а то мы очутимся и без правительства, и без территории, и без народа.

Член Рады Макеев. — Господа члены высокого собрания! К Кубанскому казачьему войску относятся земли: офицерские, вдовьи, сиротские. Об уничтожении войска говорить здесь не приходится: это противоречило бы всем наказам, настроению

широких масс казачества, это противоречило бы переживаемому моменту. Дело в том, что мы пережили уже натиск врага, и я боюсь, что если нам будут говорить, что больше Кубанского войска как юридического лица нет, то с нами легче всего будет поступить, и тогда защищать свои права у нас не будет ни силы, ни энергии. Дело в том, что край мы строим на новых широких демократических началах, и он зиждется на реальной силе, а такой реальной силой и таким фундаментом является войско. Если вы разрушите этот фундамент, то я уверен, что край существовать не будет. Нет никакого основания уничтожать права войска. Теперь я перехожу к тем поправкам, которые внесли некоторые из представителей горцев и некоторые из казаков, т. е. о добавлении после слов «Кубанское войско» слов «и горцы». Это неправильно. Дело в том, что горцы не обладают теми правами, которыми вы хотите их наделить. Действительные права их на землю, как и наши казачьи, указаны в последующих статьях. Те права, которые у них есть, не отбираются. Как можно отдельные элементы сравнивать с войском как с юридическим лицом? Горцы не представляли из себя юридического лица, как и казаки в отдельности тоже не представляли юридического лица. В проекте есть статьи, которые определяют права казаков, и горцев, и коренных крестьян. Эти права одинаковы, а по сему никаких поправок в эту статью вносить не следует.

Член Рады Воропинов. — Мнение предыдущего оратора, что войско уничтожено быть не может, я всецело поддерживаю, но относительно его мнения о том, что горцев ни в каком случае нельзя сравнивать с казачеством, я, господа, поддерживать не могу. Я стою на иной точке зрения; я вспоминаю тот момент, когда самое казачество заколебалось, когда наши воинские части отказывались поддерживать идею казачества, когда мне, скрываясь от большевиков, приходилось проходить по аулам и вести разговоры с горцами. Я и говорю: господа, горцы даже в этот момент, в этот страшный последний момент, когда сами казаки дрогнули, были настроения противоположного: они с ужасом, с болью смотрели, что казаки падают духом, но, тем не менее, говорили: «Ну что ж делать, куда казаки, туда и мы, без казаков мы не можем жить». Я полагаю, что эта верность горцев по отношению к казакам должна быть нами понимаема, нами чувствуема. И я полагаю, я на основании личных наблюдений могу с твердой, определенной уверенностью сказать, что, каковы бы ни были судьбы истории в дальнейшем, что бы ни происходило с казачеством, — горцы в массе своей будут с казаками. Я убежден, что, что бы ни творилось, куда бы казачество ни пошло, будет ли счастье или несчастье, но горцы пойдут с казаками одной дорогой. И, исходя из этого, я стою на той точке зрения, что по земельному вопросу — этому основному вопросу — мы с горцами должны стоять в совершенно одинаковых условиях. Защищая этот организм от будущих исторических потрясений *(Голоса: «Довольно».)*, мы тем самым должны утвердить и наши права, и права наших братьев-горцев. *(«Довольно»; шум.)* Я не кончил. *(Голоса: «Перерыв».)*

Председательствующий. — Господа члены краевой Рады! Я прошу выслушать оратора до конца.

Член Рады Воропинов. — На этом основании я прежде всего всецело поддерживаю старую редакцию этой статьи с той поправкой, которая была внесена членом Рады Жуком. *(Аплодисменты.)*

Член Рады Салов. — Господа члены Рады! Я только возражаю против поправки, внесенной членом Рады Жуком. Мы в первой статье говорим, что кубанское казачество владеет землями, а член Рады Жук говорит, что «кубанское казачество и горцы». Я понимаю это так, что казаки недрами владеть не могут, а горские аулы, оказывается, могут. *(Шум. Голос с места: «Ничего подобного».)* А как же нашим казакам прав не дать?

Председательствующий. — Благодаря тому, что я председательствую, я не могу осветить, к сожалению, в достаточной степени вопроса о положении горцев. Господа члены краевой Рады! Помимо этого вопроса есть еще один вопрос и внеочередное заявление. Закончим баллотировку этой статьи. *(Голоса: «Перерыв», «Отложить».)* Кто за то, чтобы голосование и обсуждение этой статьи перенести на понедельник, тех прошу поднять руки. Кто против? Громадным большинством постановлено перенести голосование на следующее заседание.

Для внеочередного заявления слово принадлежит члену Рады сотнику Жежелю.

Член Рады сотник Жежель. — Господа члены высокой Рады! Вчера г-н председатель краевого правительства доложил вам и разъяснил некоторые выдержки из официального сообщения, помещенного во вчерашнем номере газеты «Россия». Считаю своим долгом пояснить их в дальнейшем. Беру выдержку первую. В газете «Россия» говорится: «Сотник Жежель прикрывал своим правом вести без цензуры разговоры разных лиц, не имеющих на то права». На это я должен сказать следующее, что эти «разные лица», т. е. г. Поливан, секретарь украинского посольства, получил такое право от краевого правительства. Что касается того, что здесь говорится: «прикрывал разных лиц», то я должен разъяснить, что прикрывать я никогда никого не прикрывал и не мог прикрывать уже в силу тех обстоятельств, что лица, получившие право на разговор, пользовались этим правом с разрешения правительства. Здесь говорится, что в разъяснениях сотника Жежеля есть противоречие, как будто бы он сначала говорил одно, а потом как будто бы отказывался. Я должен доложить вам, что технически обстановка переговоров по прямому проводу не так проста, как это кажется с первого взгляда. Мы непосредственно прямого провода никогда не имели. Так, например, для того чтобы получить Киев, нужно вызвать город Ростов, город Екатеринослав, а потом уже вызвать Киев, и когда я вызвал Екатеринослав, то оттуда сказали, что Киева нет. Следовательно, мое задание, те вопросы первостепенной важности, которые я должен был передать: о снарядах, о вывозе артиллерийского имущества — осталось невыполненным ввиду того, что дальше не было проводов. Дальше здесь говорится, что сотник Жежель совместно с секретарем украинского посольства неоднократно вел переговоры. Я останавливаюсь на этом и говорю, что это было два раза: первый раз я вел переговоры с городом Екатеринославом, и, насколько помню, в это время в Екатеринославе и даже близко от Екатеринослава не было войск повстанцев. Когда велись переговоры с телеграфным чиновником города Екатеринослава, то он абсолютно ничего не сказал, уклонился и только ответил, что Киева не имеем, там что-то происходит. Дальше говорится: «Сотник Жежель совместно с секретарем украинского посольства вел переговоры с войсками...» — я говорю, что этого не было. Насколько помню, 14 числа, когда я вел переговоры, тогда, как мне известно, этих войск не было. Я по-

вторяю, что я вел переговоры с чиновником, которого просил дать мне Киев. Дальше говорится: «Сотник Жежель передавал сведения о политических событиях, происходящих в районе действий Добровольческой армии». Я должен сказать, что этого не было, ни одной буквы, ни одной йоты. Такого рода сообщения я не передавал и передавать не мог.

Председательствующий. — Лабинский отдел предлагает поставить на обсуждение краевой Рады вопрос об издании приказа, касающегося поведения местного населения по отношению к иногороднему населению и возвращающимся иногородним, ушедшим вместе с большевиками. Я полагаю, что это нужно подвергнуть обсуждению в отделах, а потом издать приказ.

Слово предоставляется для внеочередного заявления члену Рады Каплину.

Член Рады Каплин. — Господа члены Рады! Я по настоятельной просьбе Кавказского отдела делаю это внеочередное заявление. Дело в том, что Кавказский отдел чрезвычайно волнуется вопросом, который считается неотложным, — о преобразовании местного самоуправления. Мы уже несколько раз затрагивали этот вопрос, поскольку он касается общего строя управления, выработки конституции, установления центральных органов власти, но мы во все это время не успели подойти к одному из важнейших вопросов — к реформе местных органов власти. В самом деле, каковыми же являются отдельские органы и, до известной степени, станичные органы власти? Мы работаем около месяца, но, к сожалению, к этому вопросу — не по нашей вине, а по стечению целого ряда обстоятельств — мы не приступили. И вот, для того чтобы подчеркнуть необходимость обратить внимание на этот вопрос, Кавказский отдел просит признать этот вопрос чрезвычайно спешным и поручить комиссии его разработать, чтобы законопроект о реформе местного самоуправления мог быть рассмотрен в настоящей сессии краевой Рады.

Председательствующий. — Господа члены краевой Рады! Я должен засвидетельствовать, что у нас в комиссии по самоуправлению после того, как конституция была вами принята, поставлен на очередь вопрос о реформе местного самоуправления, о котором говорит член Рады Каплин.

Следующее заседание 26 ноября в 10 часов утра. Объявляю заседание закрытым.

Заседание закрыто в 3 часа 45 мин. дня.

Стенографический отчет 24-го заседания Чрезвычайной Рады Кубанского края 26-го ноября 1918 года.

Заседание открыто в 10 ч. 30 м. утра председателем Н. С. Рябоволом.

Председатель. — Господа члены Рады! Большинство из нас имело удовольствие присутствовать на спектакле, устроенном для нас писарями нашего штаба и любительским кружком казачьей молодежи. Разрешите от имени Рады выразить искреннюю признательность устроителям и всем участникам концерта и спектакля. *(«Просим».)*

В дальнейшем мы предлагаем такой порядок работ. У нас закончены законопроекты: 1-й военный, 2-й о принятии в кубанское казачество и исключении из него и 3-й о наградах участникам освобождения Кубанского края от большевизма. Таким образом, три законопроекта находятся уже в совершенно законченном виде. Вы выразили желание, чтобы предварительно эти законопроекты были заслушаны в отделах и обсуждены; после этого они должны быть поставлены на повестку общего собрания. Я предлагаю сегодня вечером пленарного заседания не делать, а назначить завтра утреннее заседание, чтобы в срочном порядке обсудить законопроект о помощи семьям, пострадавшим в гражданской войне. Решения этого вопроса ожидают на местах, и мы непременно должны что-нибудь сделать. Затем у нас предстоят, согласно общему желанию, выборы войскового атамана. Я полагаю, что в эти два дня должны быть рассмотрены на отдельских совещаниях законопроекты о наградах, военный и о приеме и исключении из казачьего сословия, а равно закончиться обсуждение кандидатур войскового атамана и членов Законодательной Рады. Что касается самого порядка выборов, то при избрании атамана кандидатуры намечаются по отделам и затем обсуждаются в общем собрании, после чего происходит закрытая баллотировка; при избрании *(Пропуск.)* Законодательной Рады по отделам намечаются кандидатуры в члены *(Пропуск.)* заместители членов и Рада утверждает их. Таким образом, сегодня и завтра вечерних заседаний не будет, а в дальнейшем мы предполагаем делать заседания вечерние и утренние ежедневно. С этим порядком вы согласны? *(«Согласны».)* Принято.

Мне еще задают вопрос относительно определения количества человек от каждого отдела в члены Законодательной Рады. У нас в положении об управлении Кубанским краем сказано: «избираются пропорционально населению каждого отдела». Мы брали последние статистические данные и руководствовались ими. Я полагаю, что этот вопрос должен быть рассмотрен комиссией по самоуправлению. Таким образом, мы сегодня вечером можем собраться и сделать эту механическую работу. О результатах будет объявлено завтра на отдельских заседаниях.

На очереди сейчас стоит продолжение обсуждения земельного законопроекта. Слово предоставляется члену Рады Ткаченко.

Член Рады Ткаченко. — Господа члены Рады! Екатеринодарский отдел, обсуждая вчера в своем совещании законопроект земельной комиссии, пришел к тому заключению, что этот законопроект сейчас трудно, а может быть, даже невозможно в полном

объеме принять. А потому, чтобы избегнуть всех будущих ненормальностей и недоразумений, которые могут возникнуть в связи с принятием в полном объеме этого законопроекта, Екатеринодарский отдел находит возможным принять основные положения этого законопроекта, т. е. то, что сейчас необходимо нам. А нам кажется необходимо упразднить частную собственность на землю, что уже принято Радой. Затем изъять от всех крупных землевладельцев земли сверх той нормы, которая будет установлена. Но так как эта норма еще не установлена, и когда она будет установлена, еще неизвестно, то Екатеринодарский отдел находит, что возможно поступить так: оставить у каждого крупного землевладельца приблизительно то количество земли, которым пользуются казаки соседних станиц по их паевым наделам, — как тем, кто будет ее обрабатывать, так и тем, кто не будет. Основными пунктами земельного законопроекта Екатеринодарский отдел считает следующие: 1) Право частной собственности на земли с их водами, лесами, недрами и надземными богатствами в Кубанском крае уничтожается. 2) Кубанский край владеет, пользуется и распоряжается самостоятельно и независимо всеми расположенными в пределах края землями, недрами, лесами, рыболовными водами как внутренних речных и озерных бассейнов, так и внешних морских на семиверстном расстоянии от берегов. 3) Все частновладельческие земли, офицерские, чиновничьи участки (высочайше пожалованные, выделенные по положению 70-го года, охотничьи), земли приобретенные: по дарственным, по праву наследования и вообще перешедшие безвозмездными способами, путем покупки, а также церковные, причтовые, монастырские и казенные отчуждаются в краевой земельный фонд. 4) Земельные участки с высококультурными хозяйствами, имеющие общекраевое культурное и экономическое значение (сады, древесные питомники, заводы: конские, племенного скота, сахарные, крахмальные и другие, семенные хозяйства, опытные и показательные поля, станции культуры разных лекарственных и других растений), оставляются их настоящим владельцам для дальнейшего пользования, под непосредственным контролем краевой власти. 5) Земли, высочайше пожалованные, отведенные за службу, охотничьи, полученные по дарственным, по праву наследства, и вообще перешедшие безвозмездными способами, монастырские, церковно-причтовые отчуждаются в краевой земельный фонд без выкупа, земли же, приобретенные покупкой, отчуждаются с возвратом владельцу не покрытой доходами покупной стоимости, обозначенной в крепостном документе. За основание для определения полученных с земли доходов принимается существовавшая в данной местности средняя арендная плата за все время нахождения земельного участка в пользовании владельца. 6) Всякие сделки об установлении или переходе права собственности, залога или иного вещного права на все частновладельческие земли Кубанского края с момента принятия сего закона воспрещаются. Сделки же, совершенные после 1 марта 1917 года без разрешения министерства земледелия бывшего Временного российского правительства и Кубанского краевого правительства, признаются недействительными. 7) Лежащие на отчуждаемых частновладельческих землях залоговые обязательства погашаются из краевых средств. 8) Бывшим собственникам оставляется в их пользование и распоряжение впредь до установления Законодательной Радой земельной нормы из принадлежащих им земель площадь в размере паевого надела, существующего в том юрте, к которому причислен

отчуждаемый участок. По мнению Екатеринодарского отдела, если принять эти положения, то можно достигнуть того, что в настоящее время является необходимым, т. е. уничтожения вообще собственности на землю и отобрания с 1-го сентября от всех крупных землевладельцев земель. Что же касается распределения, то мы не берем его на себя, чтобы не вызвать могущих произойти недоразумений.

Председатель. — Слово предоставляется докладчику — члену Рады Омельченко.

Член Рады Омельченко. — Господа члены высокого собрания! Я очень извиняюсь, что мне придется говорить против предложения, внесенного Екатеринодарским отделом. То предложение, которое внесено Екатеринодарским отделом, нам ничего реального не даст; оно лишь отнимет у нас сегодняшний день, так как будет много разговоров относительно этого предложения. Сейчас Екатеринодарский отдел говорит: «Вот те существенные пункты, которые нам стоит принять», а другие отделы будут оспаривать это предложение, говоря, что без этого можно обойтись, а вместо этого будут предлагать другие статьи, и мы должны время потратить на установление тех статей, которые являются таким минимумом, на котором мы можем остановиться. Я не понимаю Екатеринодарского отдела. Он видит, что мы основные положения разобрали: частная собственность отменяется. Вот главное положение, из которого вытекает дальнейшее: кто же является хозяином края?

Председательствующий. — Я должен предупредить господина докладчика, что в данном случае Екатеринодарский отдел вносит предложение, из которого ясно, что вопрос может быть разрешен следующим образом: параллельно с рассмотрением проекта обсуждается предложение Екатеринодарского отдела, а то объяснение, которое вы даете, не имеет ничего общего с предложением Екатеринодарского отдела.

Член Рады Омельченко. — Разрешите мне напомнить, что мы имеем проект правительства, контрпроект комиссии и контрконтрпроект Екатеринодарского отдела. Остановимся на некоторых положениях последнего. Дело в том, что он ничего не говорит о тех резолюциях, которые говорят об агрокультурном разрешении вопроса.

Председательствующий. — Виноват, прошу говорить по существу.

Омельченко. — Я лишен возможности мотивировать, почему я против этого контрпроекта.

Председательствующий. — Слово предоставляется председателю краевой Рады Рябоволу.

Н. С. Рябовол. — Господа члены Рады! Происходит недоразумение, поскольку докладчик не вникнул в предложение Екатеринодарского отдела: им не вносится ничего нового. Я считаю совершенно ясным смысл предложения. Вы будете продолжать рассматривать законопроект по пунктам, иначе и быть не может, раз Рада приступила к постатейному его обсуждению, но, когда мы дойдем до такого пункта, которого нет в предложении Екатеринодарского отдела, председатель заявит: «Екатеринодарский отдел предлагает этот пункт опустить». Ведь нельзя же лишать права Екатеринодарский отдел высказать свою точку зрения. Он заранее говорит: «Вот эти пункты надлежит оставить, а эти выбросить». Это есть облегчение работы — только и всего. Сейчас председательствующий будет давать слово по статье 3-й, на которой мы остановились. После этого будет разбираться ст. 4-я, и, вместо того чтобы каждому оратору вы-

сказываться отдельно, Екатеринодарский отдел уже представил свое общее мнение. Докладчик совершенно неуместно начал критиковать это предложение.

Председательствующий. — Вопрос ясен? *(«Ясен».)* Хотя прения по третьему пункту закончены, но меня несколько ораторов просят дать слово. *(«Просим», «Нельзя», «Нет».)* Кто за продолжение прений? Большинством голосов прения прекращены. В проекте земельной комиссии статья 3-я изложена в таком виде: «Кубанское казачье войско сохраняет за собой все права по владению и пользованию принадлежащими ему землями, лесами и водами и т. д.». Была внесена поправка: «и горцы». Ейским отделом внесено добавление: «Кубанское казачье войско владеет, пользуется и распоряжается самостоятельно и независимо всеми входящими в состав его территории землями, недрами, лесами, рыболовными водами как внутренних речных и озерных бассейнов, так и морских на семиверстном расстоянии от берегов». Екатеринодарский отдел эту статью предлагает исключить и передать ее на разрешение в Законодательную Раду, т. е. когда Законодательная Рада будет рассматривать этот законопроект, то она должна будет коснуться Кубанского казачьего войска. Вот в каком смысле нужно понимать опущение Екатеринодарским отделом этого пункта. Ввиду того что Екатеринодарский отдел поставил вопрос об исключении этой статьи, я ставлю на баллотировку: кто за то, чтобы эту статью исключить из законопроекта? Слово предоставляется члену Рады Мореву по мотивам голосования.

Член Рады Морев. — Господа члены Рады! Я покорнейше прошу ввиду того, что законопроект чрезвычайно важный и существенный, каждый раз вести подсчет голосов за принятие статьи, против нее и воздержавшихся при баллотировке. *(«Правильно».)*

Председательствующий. — Господа члены Рады! Я взял слово по мотивам голосования. Екатеринодарский отдел предлагает эту статью исключить и передать на рассмотрение в Законодательную Раду, очевидно, полагая, что в ней не заключается чего-либо существенного, краеугольного. Между тем эта статья — одна из основных краеугольных статей этого законопроекта. Ввиду этого я буду голосовать против того, чтобы эту статью изъять из сферы компетенции краевой Рады и передать ее в ведение и на разрешение Законодательной Рады.

Член Рады Ткаченко. — Господа члены Рады! Екатеринодарский отдел смотрел так: на Кубани занимают особое положение два слоя населения: это казаки и горцы, и Екатеринодарский отдел полагал отнести и горцев, и казаков к одной категории; вопрос о том, кто будет владеть и распоряжаться, ясен — краевая власть. Не знаю, ясно ли я высказываю эту мысль. У нас возник вопрос: может создаться краевой фонд, войсковой, затем особый горский, затем еще полагали, что карачаевский фонд может создаться; так как у нас сейчас еще не прошел закон о том, кто у нас граждане, а кто нет, и мы полагаем, что гражданами будут казаки, то мы говорим, что и фонд должен быть краевой. Несколько неясно было сказано о Законодательной Раде. Мы полагали, что Законодательная Рада разрешает вопросы не основные, а вопросы распределения. Вопросы же отчуждения здесь решаются, а самые детали распределения, конечно, здесь трудно провести. Мы полагали, что этим законом не можем задержать краевой Рады надолго, а Законодательная Рада может его разработать детально и внести на рассмотрение краевой Рады следующего созыва.

Докладчик член Рады Омельченко. — Господа члены высокого собрания! Исключить эту статью с целью передать ее в Законодательную Раду — это значит, что в таком первостепенной важности вопросе Законодательная Рада должна именно свою компетенцию проявить: как она готова понимать то, вокруг чего мы сегодня бились. Передать этот вопрос в Законодательную Раду без детального обсуждения краевой Рады нельзя, потому что формулировка этой статьи не так проста.

Председательствующий. — Ставлю на баллотировку вопрос. Кто за то, чтобы третью статью теперь исключить и передать разрешение этого вопроса Законодательной Раде? Большинством голосов предложение Екатеринодарского отдела отвергнуто. Я голосую предложение Ейского отдела. *(Голосование.)* Большинством отклонено. Остается предложение комиссии: «Кубанское войско сохраняет за собой все права по владению и т. д.».

Ко мне поступило заявление члена Рады И. Макаренко дать ему слово по мотивам голосования. *(Шум. Голоса: «Просим».)* Господа члены краевой Рады, прошу быть спокойнее и отнестись к этому вопросу серьезно. Раз поступает заявление о том, что вопрос неясен, я обязан дать слово.

Член Рады И. Макаренко. — Я, господа, не собираюсь вашу волю склонять своими словами в ту или другую сторону; мое желание, чтобы эта воля была выражена ясно, чтобы человек, голосуя, отдавал отчет в том, что он делает, и поступал так, как он хочет, а не так, как я хочу. *(Шум.)*

Председательствующий. — Прошу не мешать. *(Шум, отдельные возгласы протеста.)* Прошу не кричать. Вы можете что угодно делать, но вы должны выслушать члена Рады Макаренко. *(Голос с места: «Вы сейчас не имеете права делать замечания».)* Извините, я как председательствующий обязан делать замечания. *(Голос с места: «Прочтите наказ».)* Раз есть неясности, я обязан дать слово. *(Шум.)* Прошу не кричать.

Член Рады И. Макаренко. — Прежде всего я должен сказать, что добавка в прошлом заседании была принята. *(Голос с места: «Не была принята».)* Может быть, я ошибаюсь, но подтверждают и другие, что эта добавка была принята в прошлом заседании. *(Голос с места: «Не было голосования».)* Я в этом могу ошибаться, но я не могу ошибаться в том отношении, что происходит неясность в другом направлении. Я сейчас слышал мнение, что если включить и горцев, то это значит, что они будут иметь права и на казачьи земли, между прочим, этого как раз нет. *(Шум.)* Эту неясность я долгом совести своей считаю здесь перед вами разъяснить. То право, которое войско оставляет здесь, в этой статье, за собой, это право нужно оставить и за горцами на те земли, которые у них есть. Этого требует чувство справедливости. *(Шум.)*

Председательствующий. — Господа члены краевой Рады! Я покорнейше прошу быть внимательнее. Я ставлю на голосование. Кто за то, чтобы ввести добавление «и горцы»? *(Голоса: «Подсчитать».)* Прошу подсчитать. Кто против? Очевидное большинство. *(Голос с места: «Против чего?»)* Против внесения добавления «и горцы». Еще раз: кто против добавления, тех прошу поднять руки. Явное большинство. Поправка отклонена. Объявляю перерыв на 10 минут.

После перерыва.

(Заседание продолжается под председательством Н. С. Рябовола.)

Председатель. — Заседание возобновляется. У нас неожиданно, господа члены Рады, разыгрались страсти. Мы немного вышли из равновесия; это нельзя допустить при разрешении такого важного вопроса. Я предлагаю выйти из этого положения следующим образом: так как статья третья в целом еще не голосовалась и так как этот вопрос чрезвычайно важен и чреват всевозможными последствиями, я предлагаю открыть прения общего характера по статьям 3, 4 и, может быть, 5-й, как они обозначены в проекте. Мне заявили сейчас, что получилось недоразумение: некоторые отделы полагали, что примечание к п. 4, где говорится о прокламации графа Евдокимова, и сам пункт 4-й говорит то же, что и пункт 3-й. Мне сейчас сказали, что многие из тех, кто голосовал против поправки «и горцы», полагали, что горцы совершенно ограждены пунктом 4-м с его примечанием и, отклоняя добавление, вовсе не думали лишить права горцев на владение им принадлежащей землей. Вот, чтобы не получилось недоразумения, я предлагаю обсудить пункты 3 и 4 совместно. Я вношу предложение, чтобы 3-й и 4-й пункты обсуждались вместе, так как они друг друга дополняют и так как от этого и произошло недоразумение. Я категорически заявляю, что многие из голосовавших думали, что 4-й пункт даст горцам то, что им нужно. Докладчик вносит еще предложение.

Член Рады Омельченко. — Господа члены Рады! Я внес предложение, чтобы этот пункт был для легального обсуждения передан в отделы, а мы будем продолжать чтение проекта с 6 параграфа и, по всей вероятности, пойдем без недоразумений и скоро окончим программу. Спорный вопрос сначала сдадим обсудить в отделы, а потом, когда в пленарном заседании будет доложено о нем, мы сможем продуманно принять следующие пункты.

Член Рады Султан Шахим-Гирей. — Господа члены Рады! Я лично возражаю против того предложения, которое было внесено докладчиком: оставить 3, 4 и 5 пункты пока без рассмотрения, а перейти к разделу II-му, к статье 6-й. Я не знаю, в каком порядке в дальнейшем будет разрешен вопрос в отношении третьего, четвертого и пятого пунктов, и принимать участие в голосовании раздела II-го, который, может быть, совершенно будет уничтожен, я считаю неправильным. Это будет обход, хождение вокруг да около, хождение вокруг тех вопросов, которые являются наиболее важными и серьезными, если не для всех, то, во всяком случае, для горцев. По этим соображениям я настаиваю, чтобы сегодня же был разрешен вопрос в том виде, как предлагает председатель. *(Голоса: «Правильно».)*

Член Рады Морев. — Я думаю, что то, что случилось, — это совершенно необычное явление; но еще необычнее то, что нам предлагают: после того как были закончены прения по пункту 3-му, поправка отвергнута и голосование не кончилось, желают совершенно изменить все течение дела и снова открыть общие прения. Ясное дело, что при таких условиях планомерной работы в Раде не может быть. Или не нужно закрывать прения, или, если они закрыты, не возобновлять их. Высокому собранию надлежит быть последовательнее и не допускать того, что не допускается ни в одном парламенте на всем земном шаре. Я протестую против того, чтобы после перехода к

голосованию по соображениям, возникшим в этот момент, вновь открывать прения. *(Аплодисменты.)*

Председатель. — Господа члены Рады! Совершенно верно, это недопустимо ни в одном парламенте, а я вам на это скажу, что, может быть, такого парламента нигде не было, как у нас *(Смех.)*; мы работаем в исключительной обстановке, и, в силу определенных условий, наша работа протекает совершенно иначе, не так, как она обыкновенно протекает в парламенте, где имеется партийная группировка. Здесь получилось нижеследующее. Голосовавшие совершенно иначе поняли пункт 4-й; поэтому, для того чтобы разъяснить этот пункт, необходимо было открыть прения. Я никогда не смущался нарушением тех парламентских обычаев, которые имеются в больших парламентах, и меня замечание г. Морева не смущает; мне важно получить решение определенное и удовлетворяющее большинство членов краевой Рады. Вот к чему я стремлюсь и вот что я считаю необходимым. Если, чтобы получить при действительно важном решении вопроса продуманное большинство, потребуется иногда пойти на отступление от общепринятых обычаев парламентских, я всегда на это пойду и не побоюсь никаких претензий. Я считаю, что вопрос стоит остро, и предлагаю для обсуждения пункта 3-го открыть прения. По наказу это мы можем сделать, если этого желает большая группа, если этого желает краевая Рада. Обсудив 3-й и 4-й пункты в старой редакции, мы, может быть, и найдем решение, которое всех нас удовлетворит, а уже после мы будем считаться и с парламентскими обычаями. Докладчик свое предложение снимает, остаются два предложения. *(Голос с места: «Еще есть».)*

Член Рады Подтопельный. — Господа члены краевой Рады! Происходит какое-то недоразумение. Дело не в пункте, дело в чем-то большем. Здесь творится что-то не то. Несомненно, что мы — хозяева, мы — войско, а теперь над нами нагромоздили еще какой-то край...

Председатель. — Над вами никто ничего не нагромождал.

Член Рады Подтопельный. — К Кубанскому войску относятся как к бедному родственнику на свадьбе. Мы считаем, что хозяином должно быть войско. Я говорю от имени Майкопского отдела: мы должны устраивать жизнь как хозяева этой земли. В состав войска должны войти все те...

Председатель. — Это предложение совершенно не относится к земельному проекту, и я его баллотировать не буду.

Член Рады Подтопельный. — Я говорю не о конституции, а о земельном фонде. Я имею в виду внести предложение, что земельный фонд должен быть один, а именно — Кубанского казачьего войска.

Председатель. — А я говорю, что это будет относиться именно к конституции.

Член Рады Султан Шахим-Гирей. — Здесь задали вопрос о войске; я предлагаю отложить этот вопрос впредь до рассмотрения вопроса о том, как мы понимаем слово «казаки», пока мы не выявим свою физиономию. *(Голоса: «Правильно».)*

Председатель. — Правильно или неправильно, это скажет Рада, когда будет голосовать. Имеется предложение вынести ныне же решение по вопросу, что такое Кубанский край и Кубанское войско. Может быть, у меня голова плохо работает, но я все-таки утверждаю, что это — вопрос конституции, а не земельного проекта. Таким

образом, согласно одному из внесенных предложений в порядке дальнейшего обсуждения надлежит открыть прения по пунктам 3-му и 4-му, согласно другому — отложить разрешение этого вопроса впредь до рассмотрения, что такое Кубанский край и Кубанское войско. Я голосую первое предложение. Кто за то, чтобы пункт 3 и 4 обсуждать сейчас совместно, тех прошу поднять руки. Кто против? *(Возгласы: «Не знаем, что голосовать».)*

Председатель. — Ввиду возникших при голосовании поправок к ст. 3-й недоразумений было внесено предложение — открыть сейчас прения по статьям 3 и 4 совместно, так как в обеих говорится, между прочим, о правах горцев. Тех, кто согласен с этим предложением и желает прийти к какому-нибудь соглашению, прошу поднять руки. Кто против? Мало. Я открываю прения. Имелось предложение отложить обсуждение этого вопроса впредь до рассмотрения и установления понятий: что такое Кубанский край и Кубанское войско. Кто за это предложение? Кто против? Громадное большинство. Итак, я даю слово по ст. 3 и 4.

Член правительства по делам юстиции Намитоков. — Господа члены краевой Рады! Основная мысль председателя земельной комиссии заключается в следующем: частная собственность отменяется; земли, которые по программе социалистических партий должны поступить во владение государства для наделения малоземельного населения, делятся на три категории: во-первых, земли, которые находятся в распоряжении войска как юридического лица, а равно земли карачаевского народа; во-вторых, земли, находящиеся в распоряжении станичных обществ на правах общинного пользования, и, в-третьих, фонд краевой, фонд, из которого будут наделяться в первую голову казаки, горцы и другие нуждающиеся в земельном дополнительном наделе лица. Третья статья говорит: «Кубанское казачье войско сохраняет за собой все права по владению, пользованию и распоряжению всеми принадлежащими ей землями». Для меня не совсем ясно, о какой категории земель речь идет в этой статье, о той ли, которая составляет собственность войска, о так называемых войсковых землях, или сюда включены и те земля, которые находятся в распоряжении станичных обществ. Я лично склонен толковать во втором смысле. Что эта статья предполагает гораздо больший круг земель, видно хотя бы из того, что во всем проекте, который я внимательно много раз прочитал, я не нашел указания на то, кто же, в конце концов, распоряжается этими станичными и юртовыми землями, не только землями, но и недрами. Статья 4-я говорит о правах пользования станичных обществ. Здесь устанавливается закрепление фактического положения настоящего времени: юрты остаются в распоряжении станичных обществ, но о недрах ничего не говорится. Очевидно, что эти недра должны принадлежать или государству, в данном случае Кубанскому краю, или войску. Я думаю, что в земельной комиссии земельный вопрос был направлен таким образом, что земли юртовые принадлежат на правах распоряжения войску, но на правах пользования остаются за станичными обществами. Исходя из этого толкования, мы, горцы, предлагали включить в статью слово «и горцы» — этим путем мы хотели достигнуть уравнения в правах земельных. Если же такой мысли относительно казачьих земель не было, то тогда действительно справедливы те упреки, которые здесь раздавались, будто бы для горцев устанавливаются льготы, привилегии, на основании которых они могут распо-

ряжаться недрами аульных юртовых земель, а казаки за собой этого не сохраняют, ибо казаки распоряжаются лишь недрами войсковых земель.

Мы толковали права на земли казачьи в смысле распространительном и потому настаивали на включении добавления «и горцы». Приобретать какие-либо преимущества по сравнению с казачеством в области земельных прав не входило в намерения. Голосование, которое началось перед этим, отвергло поправку включить слова «и горцев». Мы считаем, что это результат простого недоразумения. Если бы статья третья была редактирована точно, если бы было выяснено, что Кубанское казачье войско сохраняет за собой все права по владению, пользованию и распоряжению принадлежащими ему землями, в том числе и юртовыми землями, недрами, лесами и водами, — то, конечно, включение слов «и горцы» не могло встретить никаких возражений; в противном случае непринятие такой поправки есть просто-напросто очевидное нежелание считаться со справедливыми домогательствами горцев, есть желание подавить меньшинство. Если вы хотите уравнять в правах горцев и кубанцев, если вы устанавливаете равные обязанности — а таковые обязанности действительно устанавливаются, потому что военной комиссией уже принято, что отбывание воинской повинности должно быть всеобщим, значит, и для горцев, — то вы должны в данном случае дать то толкование, которого мы хотим, принять поправку, предлагаемую горцами, т. е.: «Кубанское казачье войско и горцы сохраняют за собой все права по владению, пользованию и распоряжению принадлежащими им землями, в том числе юртовыми землями, недрами и водами». Приняв такую статью, мы внесем большую ясность и последовательность в изложение проекта. Тогда ясно будет, что кроме этих земель будут иметься земли запасные, земли краевого фонда, который составляется из частновладельческих земель, казенных, монастырских, причтовых. Этот краевой фонд находится в распоряжении не отдельных групп или сословий, казаков, горцев, иногородних, а в распоряжении краевой высшей власти, которая наделяет из этого фонда малоимущих дополнительным наделом, который сохраняется, согласно статье 4-й, за станицами и аулами. В заключение я прошу высокое собрание разъяснить статью 3-ю в том смысле, как я понимаю, и дополнить ее словами «и горцы».

Член Рады Траценко. — Господа, я должен указать прежде всего на то, что ваши проекты по равным вопросам, хотя и затрагивают разные области жизни, тем не менее имеют внутреннюю связь. И когда мы говорим о земле, то невольно молчаливо, может быть, касаемся и других проектов. Вот земельный вопрос — он отчасти задевает и некоторые параграфы нашей конституции. Все мы стремимся к тому, чтобы в области не было ни казаков, ни иногородних, ни горцев, а было бы единое кубанское гражданство, где не было бы никого, кроме граждан; ни первые, ни вторые, ни третьи, а были бы только граждане из бывших казаков, иногородних и горцев, чтобы они были совершенно одинаковы. Наш идеал — единое кубанское гражданство. *(Шум.)*

Раз все граждане будут совершенно одинаковы, будут пользоваться совершенно равными правами и преимуществами, значит, предполагается, что не будет разных фондов — краевого, казачьего, горского, а будет один краевой фонд. Как скорее достигнуть этого идеала, это вопрос иной, но важно к этому стремиться. Я обращаю внимание на то, что мы находимся в переходном периоде, мы на пути к этому идеалу.

Как же можно к этому идеалу перейти? Несомненно, нужно идти путем избегания ошибок. Мы, казаки, особенно должны стремиться к такому решению земельного вопроса, чтобы не были нарушены интересы существующих довольно крупных, имеющих большое значение групп.

Спрашивается, нужно ли в интересах ли казачества, нарушать интересы горцев? Нет. Несомненно, что нам решительно нет оснований нарушать интересы горцев. Обладаем ли мы сейчас теми благами, которые находятся сейчас у горцев? Нет. Нужно ли допускать стремление к такому обладанию, чем фактически обладают горцы? Нет, не нужно вносить розни в нашу среду Мы внесли особый пункт, где их права и преимущества на их землю, на их леса, на их недра мы признаем неприкосновенными. И собственность горцев, согласно этому пункту, считалась неотъемлемой. Сегодня мы как будто бы говорим иным языком и распространяем свои претензии на то, что в прошлом году считалось неотъемлемой и неприкосновенной собственностью горских народов. Вот какие соображения мы должны иметь в виду при разрешении земельного вопроса.

Пока наш идеал, идеал единого фонда, не достигнут, мы должны идти к этому идеалу путем установления краевого фонда, войскового фонда и фонда отдельных народов. Что касается карачаевского народа, то за ним это право признается, несомненно, согласно примечанию к ст. 4; за другими же племенами почему-то этих прав не признается. Почему дается преимущество только карачаевскому народу и допускается пренебрежение к другим народам? Указывают на то, что существует племенная горская собственность. Я в этом вопросе малокомпетентен, но если комиссия предполагает признать за карачаевским народом право на их племенную собственность, то почему не признать его и за другими горскими народами? Мы должны идти к единому гражданству, к единому фонду путем временного признания разных фондов. Пусть это будет в течение нескольких месяцев, потом все эти фонды незаметно сольются в один, так же, как потом мы все — казаки, иногородние, горцы — сделаемся равными гражданами Кубанского края. Я предлагаю включить прибавку «и горцы». Может быть, даже это явится некоторым распространением, но этого нужно достигнуть, для того чтобы не было розни из-за земли между нами, чтобы мы представляли собой единую трудовую демократию, делающую общее дело.

Член Рады Горбушин. — Я, господа, со многим согласен, что сказал предыдущий оратор, но хочу указать на одно, что мы сейчас находимся в таком периоде, когда край образовывает и перестраивает свою область и когда создание кубанского казачьего фонда приведет к нежелательным результатам. Мы все хотим, чтобы Россия была единая, а сами теперь разбились на несколько частей, и, скажу, что-то плохо соединяемся. Так будет и тогда, когда мы здесь признаем, что должен быть фонд казачий, горский и т. д. Мы должны сразу создать единый фонд Кубанского края. Я должен оговориться: сначала мы должны рассмотреть вопрос, как будут приниматься в кубанское казачье сословие, и когда в Кубанское казачье войско войдут горцы и иногороднее население, то это и будет Кубанское казачье войско и кубанский казачий фонд. Если это сделаем, то не придется применять ст. 3—4 и 5. Мы к этому должны стремиться и сделать это сейчас, и это относится к кубанскому казачьему фонду. *(Аплодисменты.)* Практическое мое предложение следующее: исключить стст. 3, 4 и 5, чтобы был кубанский краевой фонд.

Член Рады Султан Шахим-Гирей. — Господа члены Рады! Когда я сегодня как председательствующий допустил сделать внеочередное заявление представителю Екатеринодарского отдела, то я имел в виду, что этот третий пункт, как предлагал Екатеринодарский отдел, будет исключен из нашего обсуждения. Я имел в виду, что принятие его вызовет огромные недоразумения, благодаря которым может произойти тот или другой инцидент. Я имел в виду, что вопрос относительно Кубанского казачьего войска наиболее правильно может быть разрешен только Кубанской Законодательной Радой. Я смотрел на этот вопрос не как на что-то принципиальное, а просто как определение прав юридического лица, имеющего свое историческое прошлое, и полагал, что Кубанская краевая Рада не станет определять, что такое Кубанское войско, а передаст решение этого вопроса на рассмотрение Законодательной Рады. Получилось, однако, некоторое недоразумение, и, я полагаю, это недоразумение мы должны так или иначе устранить. Те господа, которые заявляли с этой трибуны о незыблемости парламентских правил и постановлений, глубоко ошибались: все постановления парламента могут быть изменены, дополнены и даже исключены, и разница только в том, что у нас это делается через полчаса, а в других парламентах — через полгода. По существу вопроса мы никаких нарушений не делаем.

Когда я рассматривал этот проект, передо мною стал вопрос о том, почему согласно этому проекту намечается несколько фондов: фонд Кубанского казачьего войска, кубанский краевой, горский, а остальное население как будто бы обходится молчанием. Передо мною встал далее вопрос: но что это значит, что Кубанское казачье войско явно стремится гарантировать все принадлежащие ему права и оградить себя от притязаний остального населения к землям Кубанского казачьего войска? Может быть, скрепляя свои права, оно предоставит право пользоваться всем остальным фондом прочему населению?! Я извиняюсь перед краевой Радой, но мною руководит одно основное начало: все мы — равны, а раз мы все равны, то такие принципы проводить не следует. На иную точку зрения я стать не могу и вынужден возражать от лица всего горского населения.

Если Кубанское войско становится на точку зрения объединения всех земель, то мы, горцы, ничего не имели бы против, чтобы был единый фонд Кубанского края. Но когда интересы обособляются и когда войско желает себя выделить, то является вполне логичным желание и горцев выделить свои земли как земли национальной группы. Таковы наши соображения и отношение к проекту. Отнюдь мы не думаем посягнуть на земли других, но вместе с тем не думаем уступить те права, которые нам принадлежат.

Здесь, между прочим, одним из выступающих говорилось, что горское население не имеет общинного владения. Я скажу на это, что существовавшее издавна общинное горское владение была нарушено царским правительством. После того как в 63 году горцы присоединились к России, царское правительство создало общинное владение лишь для казаков; мы находим, что такое нарушение, допущенное в 63 году, явилось посягательством на святая святых горского народа, и теперь, когда старый режим пал, мы говорим, что мы возвращаемся к прошлому и желаем создать это общинное владение. Вот те соображения, которые заставляют меня выступить и защищать свое предложение. Если вы, Кубанское казачье войско, желаете оставаться при старых нормах,

то разрешите нам, горцам, вернуться к тем временам, когда мы пользовались правом общинного владения. Это естественный вывод из того, что Кубанское казачье войско выделяет себя из состава остального населения. Это же произойдет — несколько фондов? Совершенно верно, несколько фондов, и скрывать этого не следует. Но дело в том, что сейчас переходный момент; иначе вопроса разрешить нельзя, и выхода другого нет.

В декабре месяце прошлого года мы вынесли определенное постановление по земельному вопросу. В этом постановлении был разрешен вопрос так, что получилось несколько фондов. Все население, и казачье, и горское, и остальное, с этим постановлением, конечно, считается. И если бы мы, горцы, сами уже решили отвергнуть то постановление, которое было принято в декабре, то я полагаю, что горское население было бы нами недовольно. Я же стою на той точке зрения, что раз я — руководитель, то я должен объединять население, а не разъединять. Вот, присоединяясь к тем доводам, которые с этой трибуны провозглашал член Рады Траценко, я полагаю, что мы, горцы, по тактическим соображениям не можем отказываться от того, что было вынесено в декабре 1917 года по поводу землевладения. Кроме того, должен сказать, что мы глубоко верим, что настанет день на Кубани, когда образуется единый кубанский краевой фонд, Но это вопрос будущего. Мы все к этому должны будем стремиться, и надо к этому стремиться. И не случайно мною был задан представителю Майкопского отдела вопрос о том, что такое Кубанское войско? На этот вопрос я не думал получить тот ответ, который получил. Я подразумевал, что под Кубанским казачьим войском подразумевается что-то другое, чем то, что было при старом правительстве. При старом правительстве Кубанское казачье войско рассматривалось как сословная единица, сплоченная на общих началах, а не как казачество. С первым мы, горцы, не согласимся; вступить же в казачество, с сохранением своих национальных бытовых черт, горцы не откажутся.

В общем, мое предложение таково, что мы, краевая Рада, должны считаться с историческим прошлым горцев, и краевая Рада в этом отношении не должна отменять те постановления, которые были вынесены по поводу земельного вопроса в 1917 г., и надеюсь, что мы разрешим таким путем те недоуменные вопросы, которые возникают перед нами. Зачем мы будем закрывать глаза на то, что происходит? Ведь не будем же мы скрывать, что нас соединило общее несчастье. Беспристрастно можно сказать, что благодаря именно этому мы представляем сплоченную единицу и рука об руку, нога в ногу, ради спокойствия края мы боремся с теми, которые посягают на нашу землю и на наши права. Борьба еще не кончена, но, я повторяю, мы глубоко верим, что мы доживем до того времени, когда будет единый кубанский народ и единый кубанский краевой фонд. *(Аплодисменты.)*

Член Рады Иванченко. — Господа члены Рады! Пославшие меня дали мне наказ, в котором говорится, что в земельном вопросе я должен придерживаться казачье-горской программы 1917 г. В этой программе отстаиваются горские интересы. Это — формальная сторона. Дальше я напомню о прошлом, о том, когда нам приходилось выходить из Екатеринодара и когда мы проходили через черкесские аулы, и везде почти был кусок хлеба, и везде вас принимали, и черкесские полки были в полном составе,

тогда как наши полки были далеко не в полном составе. Дальше, когда мы пришли в стан. Калужскую, там нам вместо хлеба дали пули. И везде у черкесов нам был кусок хлеба и приют. В боях казаки и горцы были самые отчаянные. Были случаи, когда рядом лежали горец и казак, сраженные большевистской пулей, и обливались кровью, и эта кровь сливалась в один ручей. Это, господа, — братство, закрепленное казачьей и горской кровью. И потому умалять достоинство горцев совершенно не приходится. Мне кажется, если мы имеем право распоряжаться своими землями, то же самое право мы должны предоставить горцам, кроме того, как сказано членом Рады Султаном Шахим-Гиреем, ведь нам еще придется бороться, и бороться придется долго рука об руку с горцами. По этим основаниям прошу принять и поддержать резолюцию, которую внес член Рады Намитоков. *(Громкие аплодисменты.)*

Председатель. — Записалось 10 ораторов, но поступило предложение о прекращении прений. Кто будет говорить против прекращения прений? Слово предоставляется члену Рады Каплину.

Член Рады Каплин. — Можно прекратить запись ораторов, но прекратить прения мы успеем и после. Нужно дать возможность высказаться записавшимся, ограничив их временем

Председатель. — Голосую. Кто за прекращение прений? Кто против? Предложение отклонено. Имеется еще 10 человек ораторов. Кто согласен с предложением закрыть список ораторов? Принято. Имеется предложение ограничить время ораторов пятью минутами. Голосую вообще об ограничении времени. *(Баллотировка.)* Принято. Кто за ограничение времени 5-ю минутами? Принято.

Член Рады полк. Чекалов. — Господа члены Рады! Я предлагаю остановиться на образовании одного кубанского краевого фонда и основываю свое предложение на следующем. Прошу обратить внимание на то обстоятельство, что по ст. 16-й малоземельные казаки, горцы и коренные крестьяне будут удовлетворяться за счет кубанского краевого фонда в первую очередь. Мне интересно задать такой вопрос: имела ли комиссия, составляя этот проект, в виду то обстоятельство, что ст. 4-я будет в прямом противоречии со ст. 16-й? Статья 4-я говорит о станичных юртах, которые, как собственность войска, согласно ст. 8-й, подлежат его распоряжению. Но если дополнительный надел, который будет дан малоземельным казакам из краевого фонда, тоже войдет в состав войска, то это уже противоречие. Дальше в ст. 4-й говорится, что все земли отчуждаются в краевой земельный фонд. А нам известно, что частновладельческие земли в Ейском, Таманском и Кавказском отделах взяты из собственных земель войсковых. Опять получится недоразумение. Дальше мы видим коллизию ввиду притязаний горцев. Почему же тогда иногороднее население не требует отдельного фонда? Ясно, получается разбивка вопроса по нескольким вопросам, которые нежелательны, которые мешают объединению и единству. Я предлагаю остановиться на одном краевом фонде.

Член Рады Белоусов. — В прошлом заседании, говоря о едином краевом фонде, я высказал уверенность, что не пройдет и года, как многие захотят единого краевого фонда. Но я несколько ошибся: всего прошло два дня, как уже заговорили о едином фонде. Это доказывает правильность взгляда — не моего лично, но вытекающего из

требований жизни — когда говорили, что нужно строго разделить вопрос о землевладении и вопрос о землепользовании. Первый мы сразу решили, но по вопросу землепользования на первом же пункте были выходы отдельных групп, споры и перерывы. Я вас уверяю, что так будет продолжаться и далее, если вы остановитесь на той форме, которую вам предлагает комиссия, именно на существовании нескольких фондов: краевого, казачьего, горского, иногороднего, может быть, даже и юртового, который пока не примыкает ни туда, ни сюда. И вот уже получается пять фондов.

Здесь член Рады Чекалов правильно указал, как сопоставить 4 и 16 статьи. В последней сказано, что за счет кубанского земельного фонда удовлетворяются в первую очередь малоземельные казаки, горцы и т. д. Предположим, житель малоземельной станицы нуждается в земле; ему нужно отрезать земли, согласно ст. 16, из краевого фонда; две десятины ему даст войсковой фонд, и две он получит из краевого фонда. Извольте при таких условиях вести единое хозяйство, Или, положим, вам потребуется кредит — вам придется обратиться в краевой фонд и в войсковой; может быть, при этом вас в одном удовлетворят, а в другом откажут. Опять извольте вести единое хозяйство. Чтобы взбежать всех этих недоразумений и неудобств, нужно создать только единый краевой фонд. Мы теперь будем спорить о названиях, как спорили в прошлом году о том, что предпочесть, «комитет» или «комиссия». Как угодно назовите, лишь бы это был единый фонд и находился у демократии, вы в конституции скажете, из кого будут состоять кубанские граждане — из казаков иди из не казаков. Это — вопрос конституции. А вы постарайтесь создать краевой единый фонд, и только тогда вы удовлетворите все требования. Здесь говорили — давайте стремиться к идеалу. Но кто стремится к идеалу, тот удаляет все препятствия с пути. Если же мы не только не будем удалять препятствий, а, наоборот, нагромождать их, создавать три—пять фондов, мы идеала не достигнем.

Член Рады Каплин. — Господа члены Рады! Я обращаю ваше внимание на одно последствие ст. 3, особенно если примем статью в редакции, предложенной И. Макаренко. Дело в том, что здесь создается такое положение: согласно 2 ст. принятой конституции у нас есть кубанское гражданство, а с другой стороны, согласно первому разделу земельного проекта, — Кубанское войско, горцы и т. д. в качестве юридических лиц, за которыми сохраняется право собственности на землю, принадлежащую им в настоящее время. Для того чтобы юридическое лицо существовало, для этого нужно, чтобы оно было организовано, ибо написать на бумаге, что лицо есть, это еще ничего не значит. Если оставить статью, согласно которой Кубанское казачье войско распоряжается самостоятельно и независимо своим достоянием, надо, чтобы оно организовало для этого особую власть. Это не есть организация Кубанского войска, а согласно принятому положению, это есть краевая организация, которая выражала бы волю представляемого ею лица, значит, нужно создавать особую организацию, конечно, демократическую,

Со своей стороны, горцы и иногородние также должны иметь особые организации, своего рода рады, для решения земельно-хозяйственных вопросов, во главе с горскими и другими хозяйственными правительствами. Не знаю, как это будет налажено, но нужно считаться с тем, что проведение этой схемы очень осложняет дело, и всякий,

кто понимает, скажет, что создать особые организации войсковые, горские и т. д. и разрешить вопрос, кто будет заведовать предстоящей работой, чрезвычайно трудно. Я присоединяюсь к предложению Екатеринодарского отдела о передаче этого вопроса на рассмотрение Законодательной Рады: может быть, там удастся разработать столь сложный вопрос.

Раз Кубанское войско и Кубанский край, к сожалению, не одно и то же, то, несомненно, на практике произойдет то, что наряду с краевой Радой будет войсковая рада и наряду с городской будет горский совет. Если не угодно передать статью 3-ю целиком в Законодательную Раду, то, конечно, в таком случае необходимо удовлетворить желание горцев о включении предложенного ими дополнения. Если Кубанское войско желает образовать юридическое лицо, распоряжающееся своими владениями, то, естественно, и горцы желают того же; следует, далее, по политическим соображениям доставить эту возможность и иногородним, тем более что у нас на очереди вопрос о присоединении Черноморской губернии с ее коренными крестьянами и общинниками. Ни на минуту мы не должны забывать о том, что своим постановлением мы можем повредить тому делу, которое мы должны сделать, тем взаимоотношениям разных групп населения, которые нужно привести в более нормальные условия. Это я говорю на тот случай, если вы не передадите вопроса на рассмотрение Законодательной Рады; на этот случай предлагаю оставить ст. 3-ю в том виде, как предлагается комиссией, но ни в коем случае нельзя принимать ее в редакции члена Рады И. Макаренко. Если наряду с Кубанским краевым правительством будет самостоятельно и независимо распоряжаться и Кубанское войско, не подчиняясь законам, издаваемым краевой Радой, то это будет юридический нонсенс. Итак, если вы примете статью в редакции, предложенной комиссией, то нужно ввести параллельно с нею статью, трактующую о горцах, причем я имею в виду не только черкесские аулы, но и все горские племена, и статью относительно коренных жителей общинников.

Член Рады Пейфасор. — Господа члены Рады! Статья 4 я говорит нам: «Земли и леса, принадлежащие станичным, хуторском, аульным и сельским обществам, остаются в распоряжении и пользовании их владельцев». Может быть, я эту статью не так понимаю, но до сих пор этого не было. Я принадлежу к станице — счастье это или нет, не знаю, — где есть ископаемые богатства; у нас есть и карта с указанием недровых богатств, хотя эта карта становится с каждым днем все куцее и куцее, меньше и меньше. Согласно рассматриваемому проекту, недровые богатства отходят в пользу того или другого фонда, т. е. Кубанского войска или Кубанского края. Мне, конечно, могут сказать, что, отбирая эти земли, взамен их предоставят другие участки. Конечно, коли дают, нужно брать, но я скажу: нашим салом по нашей же шкуре, и вот почему. В моей станице есть нефтяные богатства, которые подходят вплотную к самой станице.

Председатель. — Вы обсуждаете не тот вопрос, который мы обсуждаем; об этом мы говорили в первой статье, вам хочется, чтобы право пользования недрами осталось за станицами. Если это так, то я не могу вам дать слово. Это обсуждалось уже.

Член Рады Пейфасор. — Это немножко не так. У нас казак не имеет права выгнать даже теленка или гуску, иначе явится объездчик и скажет: «Я за теленка оштрафую». Значит, мы арендуем свою же землю и ее же должны выкупать. В конце

концов, станицы несут только один ущерб, потому что приходится свою же землю арендовать.

Станица, посылая меня, просила, чтобы этот порядок при разработке земельного проекта был изменен и чтобы были установлены размеры земельных владений, т. е. чтобы станицы, имея вокруг себя ту или иную площадь, могли бы выгнать туда свой скот, а не арендовать чужую землю.

Член Рады Макеев. — Господа члены высокого собрания! Третья статья земельной комиссией оставлена только ввиду переходного момента. Когда мы перейдем к мирным условиям жизни, естественно, третья статья будет не нужна. Теперь возможно слияние всех элементов, составляющих население края, — оно возможно только путем принятия в среду казачества и горцев, и крестьян коренных. Этот путь — самый правильный и с точки зрения самого казачества. Этот путь самый надежный, так как он обеспечивает интересы казачества. Другого пути, более надежного, я себе не представляю. Комиссия, когда внесла статью 3-ю в законопроект, решила ее сохранить как вторую позицию, как докладывал здесь вам докладчик земельной комиссии, при этом комиссия совершенно не имела в виду, что Кубанское войско может посягнуть на чьи-нибудь права. Дело в том, что земельная комиссия в статье 9-й говорит: «Все недра, надземные богатства, воды, имеющие общекраевое значение, а также все леса, отчуждаемые в краевой земельный фонд, переходят в непосредственное владение и распоряжение краевой власти». Значит, поступают также в ведение краевой власти и все соответствующие земли, которые ныне находятся в распоряжении войска: они должны быть выделены из войскового юрта и перечислены в обще краевой фонд. Значит, сделан шаг к образованию общеземельного фонда, тенденция к лому намечается. Большего сделать нельзя, и вносить в статью 3-ю добавление и «горцы» не представляется никаких оснований.

Дело в том, что, сохраняя за собой все права, которые нам действительно принадлежали, мы тем самым подтверждаем и те права, которые принадлежали отдельным элементам, заселяющим Кубанскую область. Мы говорили, что аульные общества оставляют в своем пользовании и распоряжении земли, которые принадлежали им раньше. Если, например, оказывались земли, которые принадлежали карачаевцам, то комиссия, разбирая этот вопрос, оставляла их за ними. Других прав юридических у горцев не было, и предоставлять их им нет никаких оснований. Если мы это допустим, тогда нужно предоставить такие же права и коренному населению и городам. Города имеют даже большие преимущества, потому что они этими юридическими правами пользовались. Я предлагаю не восстанавливать старых прав, а смотреть на ту действительность, которую мы переживаем. Если смотреть так, то юридические права имеет только войско, а остальные пользуются правами землепользования. Никаких других поправок в статью третью предлагаю не вносить.

Член Рады Ильченко. — Господа члены Рады! Я присоединяюсь к тем, которые желают единого земельного фонда. Мой взгляд таков, возможно, я ошибаюсь, но, может быть, и нет: если мы признаем войсковой и краевой фонды, то мы сделаем ошибку. У нас будут земли и казачьи, и краевые, и, таким образом, получится две власти. У нас будут и солдаты, будут и казаки. А я стою больше на той точке зрения,

что должна быть одна власть. До сих пор я считал, что краевой и войсковой фонды составляют одно целое, а теперь оказывается, что они разделяются. Поэтому я прошу, чтобы вопрос об обособлении фондов исключить совсем и оставить так, как было сначала. Равным образом надо выдворить и примечание, в котором говорится о правах карачаевского народа, чтобы была у нас одна власть, один фонд.

Член Рады Перегородиев. — Господа члены Рады! Я здесь уже говорил, что на обязанности нас как членов Рады лежит устраивать жизнь края, а мы взялись за дележку. Взялись тогда делить, когда пожгли все документы на землю. Нам докладчик говорил, что документы прежние сожжены, уничтожены, и теперь трудно доказать все права казаков, горцев и иногородних. И будет правильно, как некоторые ораторы высказали, образовать единый фонд, который будет основываться на нашей конституции. Он укажет правильно территорию нашего края. Ведь то, что мы раньше понимали как Кубанское войско, мы теперь называем краем. Раньше в состав Кубанского войска входили казаки, а мы теперь решили, что сюда входят и горцы, и иногородние, причем далее имеем в виду горцев и иногородних принять в казаки. Нам нечего бояться, что у нас кто-то что-то отберет. Третьей статьи в проекте не должно быть. Относительно четвертой статьи должен сказать, что в нее нужно внести единственное добавление, а именно после слов: «Все земли и леса, принадлежащие станичным, хуторским, аульным и сельским обществам» добавить: «временно остаются в распоряжении и пользовании их владельцев». Я говорю — временно, потому что регулировать этот вопрос будет Законодательная Рада, а если мы примем статью без этой оговорки, то станицам придется отрезать отдельные юрты, а они не сумеют этого сделать. Статью третью надо обязательно уничтожить, чтобы у нас резни и деления на отдельные федерации не было; в статью же 4-ю добавить слово «временно».

Член Рады Подтопельный. — Господа члены Рады! Когда я вносил предложение от имени Майкопского отдела образовать единый земельный фонд Кубанского войска, то я имел в виду не то, что сказал Султан Шахим-Гирей: «Твое мое и мое твое».

Товарищ председателя Султан Шахим-Гирей (с места). — Я этого не говорил.

Член Рады Подтопельный. — Нет, вы хотели сказать, что мы, казаки, как более сильная организация поглощаем права всех остальных. А я хочу сказать вот что: мы, казаки, идем с открытыми объятиями и к горцам, и к коренному населению, поскольку оно не замешано в большевизме. Но если мы оглянемся вокруг себя, то увидим, что на территории Кубанской области для защиты ее никого нет, кроме казаков, а если так, то ясно, что фонд должен быть только казачий. Если мы это название «фонд Кубанского казачьего войска» сохраним, то не дадим возможности распространять всякие кривотолки, как здесь говорили, и сохраним дорогое название нашему казачьему сердцу, потому что за нами право, за нами сила, за нами традиции. Поэтому я предлагаю оставить один войсковой фонд, тогда третья статья сама собою отпадет,

Член Рады Биджиев. — Господа члены Рады! Я позволю себе мыслить так: в конституции мы приняли, что войсковым атаманом может быть природный горец или казак, но если вам предложат здесь: «Кто желает видеть войсковым атаманом горца, поднимите руки», то я уверен, что редкий из вас поднимет руки. Конституция — одно, а факт — другое, так что назовете ли вы меня казаком или горцем, от этого дело не

изменится. Я, имея перед собою кусок хлеба, могу назвать его разными языками, а все-таки он останется тем же и от него получается такое же питание. Вы предлагаете принять казачество всем, но на каких условиях — вопрос еще не решен. Войсковой ли будет фонд или краевой, на это я смотрю пока так: деньги, которыми я владею, в правом ли они кармане или в левом, все равно находятся в моем распоряжении. Если краевой фонд будет создан, тогда мы все будем уравнены в правах; таким образом, мы будем объединены. А я предлагаю, чтобы дойти до этого объединения, нужно справедливое отношение ко всем и чтобы интересы ничьи не пострадали. Я полагаю, что впредь, пока состоится уравнение и принятие, пока не разрешится окончательно, будем ли мы называться казаками или гражданами, это ваша воля, до этого момента мы просим оставить карачаевцев в покое и предоставить им те земли, которыми они пользовались до сего времени и на которые они имеют достаточно документов — не бумажных, а кровью добытых. Поэтому я прошу примечание к ст. 4-й сохранить, а войсковыми землями распоряжайтесь как заблагорассудится.

Член Рады Петрунько. — Господа члены Рады! Здесь каждый защищает только свои интересы — я хочу сказать от коренного населения Таманского отдела. Здесь говорят, что карачаевцам нужно дать право распоряжаться лесами и недрами — в нашем районе имеются такие же богатства. Если мы будем смотреть только каждый на свои интересы, то это будет не по нашей конституции, поэтому я хочу сказать, чтобы не было разделений на карачаевцев и горцев, а если предоставлять права карачаевцам, тогда нужно предоставить права и коренному населению, потому что наши земли у казны выкуплены, и нам еще прежним правительством предоставлено право пользования недрами. Если другим предоставлять право, то, значит, и мы имеем право. Люди все равны, все фонды должны быть краевые, и никаких не может быть одолжений.

Председатель. — Список ораторов исчерпан. Баллотирую поступившие предложения. Кто за то, чтобы статья третья была передана на рассмотрение Законодательной Рады, которая разрешит ее в связи с вопросом о принятии и исключении из казачьего сословия? *(Голосование.)* Большинством отвергнуто. Ставлю ни голосование предложение вообще об исключении ст. 3 в целях единства земельного фонда. Кто за то, чтобы пункт 3-й был уничтожен, тех прошу поднять руки. Кто против? *(Голосование.)* Статья 3-я исключается. *(Аплодисменты.)*

Переходим к голосованию ст. 4-й: «Земли и леса, принадлежащие станичным, хуторским, аульным и сельским обществам, остаются в распоряжении и пользовании их владельцев». Имеется предложение дополнить статью словом «временно». Примечание к статье гласит: «Недра и леса, принадлежащие карачаевскому народу в пределах старой территории, указанные в прокламации графа Евдокимова от 19 февраля 1862 г., остаются в пользовании и распоряжении этого народа». Относительно данной статьи и примечания имеется предложение Екатеринодарского отдела — изъять их совершенно на том основании, что краевою Радою намечаются лишь общие принципы, а детали будут разработаны в дальнейшем. Тех, кто согласен изъять статью 4 и примечание, прошу поднять руки. Кто против? *(«Неясно».)* Придется повторить и подсчитать. *(Баллотировка и подсчет.)* Господа члены Рады! Некоторые из отделов, вместо того чтобы подсчитать голоса, дают просто количество голосов всего отдела.

Я считаю это голосование незаконным: подсчитываются присутствующие члены, а не то количество, которое имеется в отделах. Сейчас Кавказский отдел подает шестьдесят семь голосов, между тем как присутствует здесь меньше. Я еще раз повторяю, что не только при этом голосовании, но и при всех голосованиях вообще нужно подсчитывать тех, кто сидит в данный момент в зале. Даже тех, кто временно отлучился, нельзя принимать во внимание. Раз они вышли, значит, их не интересует голосование. Прошу еще раз подсчитать только присутствующих членов. *(Голоса: «Перерыв», шум.)* Объявляю перерыв на 10 минут.

После перерыва.

Председатель. — Заседание возобновляется. Приступаю к голосованию. Еще раз читаю статью 4-ю и примечание. *(Читает.)* Имеется предложение об их исключении. Прошу согласных с этим предложением поднять руки. Кто против? *(Голосование.)* Громадное большинство. Статья и примечание остаются. К предложенной комиссией статье, а именно: «Земли и леса, принадлежащие станичным, сельским, хуторским и аульным обществам, остаются в распоряжении и пользовании их владельцев» — имеются две поправки. Первая — дополнить ее словом «временно» и вторая — включить в начале ее оговорку «впредь до установления земельной нормы».

Член Рады Султан Шахим-Гирей. — Я предлагаю изложить начало статьи таким образом: «Впредь до проведения земельной реформы в законодательном порядке и фактического наделения землей за прежними владельцами сохраняется право владеть и пользоваться своими землями на прежних основаниях, т. е., я хочу сказать, эта поправка касается тех земель, которые находятся в пользовании и владении станичных, аульных и крестьянских обществ, а также карачаевского народа.

Председатель. — Так как поправка, внесенная товарищем председателя Султаном Шахим-Гиреем, объединяет все остальные поправки, то я сначала и буду ее голосовать. Кто за эту поправку, тех прошу поднять руки. Кто против? Мало. Кто воздержался? Мало. Эта поправка принята. Ставлю на голосование статью 4-ю в таком виде: «Впредь до проведения земельной реформы в законодательном порядке и фактического наделения землей народов Кубанского края земли и леса, принадлежащие станичным, хуторским, аульным и сельским обществам, остаются в распоряжении их владельцев». *(Голос с места: «Заменить слово «народов» словом «коренного населения».)* Султан Шахим-Гирей против этой поправки не возражает. В окончательной редакции статья гласит: «Впредь до проведения земельной реформы в законодательном порядке и фактического наделения землей коренного населения Кубанского края земли и леса, принадлежащие станичным, хуторским, аульным и сельским обществам, остаются в распоряжении и пользовании их владельцев». Кто за такую редакцию? Кто против? Принято.

Теперь дальше голосую примечание: «Леса и недра, принадлежащие карачаевскому народу в пределах старой территории, указанные в прокламации графа Евдокимова от 19 февраля 1862 года, остаются в пользовании и распоряжении этого народа впредь до проведения земельной реформы в законодательном порядке и фактического наделения землей коренного населения Кубанского края».

Член Рады Султан Шахим-Гирей. — Дело в том, что, раз вы приняли то добавление, которое я вам предложил, то этим самым примечание само собой отпадает. Ясно, что и карачаевский народ, и Кубанское войско, и станичные, аульные и крестьянские общества — все пользуются землями на тех основаниях, на которых до сих пор пользовались, так что никакого пояснения о правах карачаевцев не требуется. *(«Правильно!»)*

Член Рады Омельченко. — Господа члены краевой Рады! Я должен затруднить ваше внимание сообщением следующего рода. В редакции принятой комиссией статьи 4-й встречается такое место: «в распоряжении и пользовании их владельцев». Затем комиссия остановилась на выяснении понятий «распоряжение», «владение» и «пользование» и пришла к заключению, что следует выражение «в распоряжении и пользовании» заменить терминами «во владении и пользовании», так как понятие «распоряжение» слишком близко приближается к понятию собственности. Следовательно, места этому понятию не должно быть.

Председатель. — Я прошу вносить поправки перед голосованием. Статья уже принята, а вы теперь вносите свое предложение.

Член Рады Морев. — У нас в комиссии этот вопрос действительно обсуждался, причем выяснилась невозможность лишать тех, у кого есть земли в пользовании, права сдавать свои земли в аренду. Есть много вдов и сирот, у которых в настоящее время нет работников, как же можно отнять у них право распоряжения, лишать их права сдавать землю в аренду даже на это время? Это будет несправедливо. *(«Правильно».)* Я должен прибавить, что я был членом комиссии, и как раз я не слышал о принятии предлагаемой поправки; наоборот, в комиссии было установлено, что право сдачи в аренду должно быть сохранено за казаками и за всеми сельскими обществами, где работников мало.

Член Рады Омельченко. — Я смею заверить г. Морева, что я говорю то, что в комиссии решили. Господин Морев слишком рано ушел из заседания. *(«Правильно».)*

Член Рады Макеев (с места). — Позвольте сказать…

Председатель. — Я не могу открывать прений. *(Макеев с места: «Я два слова».)* Кто желает, чтобы я дал слово члену Рады Макееву? Кто против? *(Голосование.)* Большинство. Слова не даю. Ставлю на голосование поправку, внесенную членом Рады Омельченко. Кто согласен с тем, чтобы выражение «в распоряжении и пользовании» было заменено «во владении и пользовании»? Кто против? Большинство. Статья остается в прежней редакции.

Приступаю к голосованию примечания. Согласно поправке Султана Шахим-Гирея оно должно быть изложено в такой редакции: «Впредь до проведения земельной реформы в законодательном порядке и фактического наделения землею коренного населения Кубанского края недра и леса, принадлежащие карачаевскому народу в пределах старой территории, указанные в прокламации графа Евдокимова от 19 февраля 1862 г., остаются в пользовании и распоряжении этого народа». Представитель карачаевского народа хочет дать объяснение.

Член Рады Биджиев. — Господа члены Рады! Наверно, вам неприятно слушать о том, что мы представляем особые условия. Но вы видите карачаевцев, ведь они несут все обязательства перед краем и государством; но если они будут лишены права

пользоваться арендой и недрами и т. д., то они будут лишены возможности исполнять эти обязательства. Все время станицам, аулам отводятся земли, а у карачаевского народа их нет и не существует. Если вы наделяете такой землей станицы и аулы, то и карачаевцам должны дать что-либо. Мы просим пока аренду тех планов, которыми пользуются карачаевцы, сохранить и пользование недрами оставить за нами. И пока не будет удовлетворен землей карачаевский народ, оставить за нами то право.

Председатель. — Голосую предложение, сделанное представителем карачаевского народа, причем даю небольшое разъяснение. Казаки владеют своей землей на основании исторического документа — грамоты императрицы Екатерины 2-й, а у карачаевцев — прокламация графа Евдокимова; этот документ указывает границы их земли и оглашался в комиссии. Карачаевцы просят, чтобы впредь до того момента, когда будет произведено общее размежевание, оставить за ними право владения этой землей на основании прокламации графа Евдокимова. *(Баллотировка.)* Громадным большинством принято.

Переходим к ст. 5-й: «Земли, принадлежащие городам, остаются в их распоряжении и пользовании». Кто желает высказаться? *(«Перерыв», «Перерыв».)*

Член Рады Каплин. — Господа члены Рады! Я извиняюсь, но прошу минуту внимания. Дело в том, что сознательно или бессознательно, но мы приняли решение, которое не совсем вяжется с тем положением, которое находится в городах. Согласно ст. 1-й принятого нами законопроекта право собственности на все земли в Кубанском крае уничтожается. В станицах частной собственности нет — там усадебные владения, и они имеют основание не частной собственности, а права пользования. В городах иное: здесь частная собственность существует в полной мере. Мне кажется, что, так как мы сейчас касаемся земель сельскохозяйственного назначения, а не усадебных мест, владеемых в станицах на праве пользования, а в городах на основании собственности, то это надо оговорить, иначе завтра никто из владельцев домов и усадебных участков в городе не будет иметь права ни заложить, ни продать своих владений, это может, в конце концов, явиться тормозом к развитию промышленной и экономической жизни. Я нахожу необходимым в ст. 5-й сказать, что в пределах принадлежащих городам территорий сохраняется право частной собственности на усадебные участки, иного выхода я не вижу. Если уничтожать права собственности, то мы должны сказать, какие права остаются у владельцев городских мест, чтобы завтра не затормозился весь экономический оборот в городе.

Член Рады Каширин. — Господа члены Рады! Статья 5 говорит: «Земли, принадлежащие городам, остаются в их пользовании и распоряжении». Термин «принадлежащие» неприемлем; потому что под него подходят земли, которые приобретены городами покупкой, это те, которые находятся между сельскими, аульными и станичными юртами, иногда на большом расстоянии от города. Кроме того, мы оставили за городами и те земли, которые находятся под домами и принадлежат трудовому народу. Важно, чтобы эти земли переходили в руки трудового народа, а не спекулянтов. И вот если мы оставим за городами земли, которые находятся на далеком расстоянии от города, то, таким образом, опять-таки получится частная собственность, а потому предлагаю статью 5-ю изменить таким образом: «Земли, отведенные городам, остаются в их пользовании и распоряжении»

Член Рады Гулецкий. — Господа члены Рады! Когда были открыты общие прения по земельному вопросу, вы неоднократно слышали с этой трибуны, что культурное развитие края находится в зависимости от развития его центров, т. е. городов. Не согласиться с этим невозможно. Города — это те жизненные клубки, от которых жизнь распространяется по всему краю. Для того чтобы эти жизненные клубки могли содействовать развитию культуры края, необходимо создать для них такие условия, при которых они и сами могли бы развиваться. Главным основанием для развития городов является право частной собственности, и если мы отнимем у них это право, то и собственное развитие их должно приостановиться, и вряд ли от этого получится польза всему краю. Не знаю, умышленно или неумышленно, но в то время, когда говорили о других населенных пунктах — о станичных, хуторских, аульных и сельских обществах, — заявили, что земли, леса и воды остаются в распоряжении этих обществ, в статье же 5-й говорится только о земле, а между тем города имеют и леса и воды. Поэтому мне казалось бы, что этот пункт необходимо изменить в том смысле, что земли с их недрами, лесами и водами в границах, ныне принадлежащих городам, остаются в их пользовании, владении и распоряжении. Вот только при таком разрешении вопроса мы можем быть уверены, что культурные центры будут развиваться и будут разносить эту культуру по всему краю.

Член Рады Биджиев. — Господа члены Рады! В этом пункте для меня одно является непонятным. Мы говорили, что все недра переходят в краевой фонд, а оказывается, что городские земли никому не принадлежат. Спрашивается, кому же они принадлежат — городу или краю? Вот эту неясность и необходимо из законопроекта устранить.

Член Рады Демиденко. — Господа члены Рады! Когда говорят о частной собственности вообще, то несколько смешивают частную собственность городов. Города — это культурные центры и живут особой жизнью, и земли, находящиеся в распоряжении городов, являются одним из источников их содержания. После ухода бандитов города остались совершенно без средств, больницы без медикаментов, пожарного обоза нет, школы вынуждены закрываться. Можно ли при таких условиях лишить города существенного источника средств? Здесь говорят: «А станицы»? Совершенно верно: весь край, как и вся Россия, подвергался такому же разорению, но у станиц есть свой фонд, жители станиц, т. е. казаки и иногородние, которые имеют свое общинное устройство, представляют из себя единицу, и у них есть свой источник содержания. Когда станица подвергается тому или иному несчастью, то войско приходит на помощь своим фондом. *(Шум, протесты.)*

Председатель. — Прошу не мешать говорить оратору.

Член Рады Демиденко (продолжает). — В данное время положение городов ужасно, между тем вы от них ждете расцвета. Я должен сказать, что наши города представляют из себя скопление масс безземельного народа, которые вы, приписывая к казачеству, оставляете в будущем без земли. Они вынуждены заниматься промышленностью. Должен также отметить, что наши города — это не те промышленные города России или Западного края, которые живут исключительно фабричной промышленностью. Наши города — это центры сельскохозяйственной и кустарной промышленности, где люди ковыряются над тем или иным и идут на работы. И вот эти

люди, живущие по старым законам, вынуждены работать не шесть дней в неделю, как говорил Моисей, на законах которого мы строили свою земельную реформу, а все семь; эти городские работники остаются теперь без земли, в то время как ранее они имели возможность хотя бы в небольшом количестве арендовать землю от городов.

Я должен отметить, что если вы возьмете от городов их земельную собственность, то тем самым приостановите их развитие, расширение. Представьте себе такое положение: город развивается в промышленном смысле, открываются фабрики, заводы, народонаселение увеличивается, приезжают из станиц казаки, которые так или иначе вынуждены жить в городе, и им, привыкшим к известным условиям зажиточной жизни, придется ютиться в конурах, в которых будут ютиться жители города, так как расширение города, строительство неминуемо замрет. Кроме того, уничтожая городскую собственность, вы лишите безземельных людей возможности пользоваться площадью в несколько квадратных саженей и заставите этим самым людей голодать.

Член Рады Фоменко. — Господа члены Рады! Я высказываюсь совершенно против этого пункта, который только что читали, что земля, принадлежащая городам, должна остаться в их распоряжении и пользовании. Если мы ее оставим, то что же получится? Ведь может быть так, что город купил землю где-либо в 10—20 верстах от города, и мы должны будем эту землю отчудить в распоряжение города, иначе говоря, мы отчуждаем ее в их собственность. Я присоединяюсь к тому, чтобы земля у города оставалась только та, которая ему нарезана при его основании; если же понадобится земли для расширения города, то ему в этом наше войско не откажет и прибавит, а если мы оставим в распоряжении города земли, которые находятся в настоящее время на далеком расстоянии, то он может еще прикупить и будет пользоваться большим количеством земли.

Член Рады Перегородиев. — Господа члены Рады! Я думаю, что я не ошибусь, если скажу, чему научили нас города: тому, что земля должна быть общая. Теперь же, когда коснулись вопроса о судьбе их земли, то они говорят: «У вас земля должна быть общая, а нашу дайте нам». Докладчик определенно и ясно сказал, что земля должна быть отобрана, потому что она повышается в цене. А вот подумайте, во сколько раз земля повысится в цене у городов и почему именно? Если сельскохозяйственные земли повышаются в цене, так только потому, что в них вложены пот и кровь человека, а в городах потому, что мостятся тротуары и улицы, и стоимость клочка земли повышается в десять раз. Нужно эту городскую землю сделать достоянием всего края, и если она будет повышаться в цене, то эти деньги пойдут в краевую казну. Городские земли должны будут принадлежать краю, а не городу, поэтому в статью 5-ю должно быть введено добавление, как введено в ст. 4-ю, т. е. «впредь до проведения земельной реформы земли, принадлежащие городам, остаются в их пользовании»; слово же «распоряжении» надо выбросить, потому что люди сумеют так распорядиться этою землею, что после нечем будет распорядиться.

Председатель. — Прошу извинения — ваши отдельные выражения недопустимы и заставляют меня остановить вас. В дальнейшей передаче они могут быть легко переделаны и искажены, и я полагаю, что употреблять такие слова не следует.

Член Рады Перегородиев (продолжает). — Так как ст. 5 предусматривает владение и пользование городами землею в таком же смысле, в каком ст. 4-я предусма-

тривает владение и распоряжение ею в станицах, селах и аулах, то предлагаю их объединить, а именно: включить в 4-ю статью слово «города», а статью 6-ю уничтожить.

Председатель. — Поступило предложение о прекращении прений. *(Голоса: «Сколько ораторов?»)* Осталось три. Кто за прекращение прений? Кто против? Меньшинство. Прения прекращены. Слово принадлежит докладчику.

Член Рады Омельченко. — Господа члены Рады! Я не буду утомлять ваше внимание изложением тех соображений, которые заставили комиссию предложить вам статью 5-ю в данной редакции. Я только скажу, что поддерживаю ст. 5-ю в редакции, предложенной комиссией.

Председатель. — Господа члены Рады! К статье внесено несколько поправок. Ставлю на голосование предложение члена Рады Перегородиева, чтобы статью 6-ю исключить и о городах добавить в ст. 4-ю. *(Голосование.)* Предложение отклонено. Предложение Гулецкого, согласно которому земли с недрами, лесами и водами в границах, принадлежащих городам, остаются в полном владении, пользовании и распоряжении городов. Кто за это предложение? Кто против? Большинством голосов отклонено. Ставлю на голосование предложение Каплина о дополнении слов «земли, принадлежащие городам, остаются в их владении, распоряжении и пользовании» словами «в пределах принадлежащей городам территории сохраняется право частной собственности на усадебные места». *(Голосование.)* Большинством голосов отклонено. Следующее предложение состоит в том, чтобы слова «принадлежащие городам» были заменены словами «отведенные городам». Голосую. Большинством голосов предложение принято. Баллотирую всю статью в следующей редакции: «Земли, отведенные городам, остаются в их распоряжении и пользовании». Принята.

Господа члены Рады! Повестка дня закончена, но, прежде чем сделать перерыв, я считаю нужным установить порядок дальнейших работ. Кроме постатейного чтения земельного проекта готовы к слушанию проекты — о приеме и исключении из казачества, законопроект военный, о наградах, а равно надлежит произвести выборы атамана и членов Законодательной Рады. Поступило предложение устроить сегодня по поводу выборов атамана и членов Законодательной Рады отдельские заседания. Нам нужно установить, какой вопрос будет обсуждаться в первую очередь. *(Баллотировка.)* Большинством голосов постановлено слушать первым вопрос военный. Слово предоставляется члену правительства по делам военным Савицкому.

Член правительства полковник Савицкий. — Господа члены Рады! Я считаю, что законопроект военный должен слушаться после вопроса о принятии и исключении из казачьего сословия. Только тогда мы будем в состоянии правильно рассчитать контингент казаков, ибо с решением вопроса о приеме в казачество состав последнего увеличится. Поэтому я предлагаю сначала поставить вопрос о принятии в казачье сословие, а потом уже военный законопроект. *(«Правильно!», аплодисменты.)*

Председатель. — Я принужден снова поставить вопрос на баллотировку. Кто за то, чтобы вопрос о принятии в казачье сословие прошел первым? *(Баллотировка.)*

Большинством голосов принято. Следующий вопрос — военный и о наградах, причем считаю долгом напомнить, что вопрос о наградах признан был спешным. Следующее заседание — завтра в 10 час. утра. Объявляю заседание закрытым.

Заседание закрывается в 3 часа дня.

Стенографический отчет 25-го заседания Чрезвычайной Рады Кубанского края 27 ноября 1918 года.

Заседание открывается в 10 ч. 40 мин. утра председателем Н. С. Рябоволом.

Председатель. — Господа члены Рады! Вчера вы поручили президиуму выяснить число депутатов от каждого отдела, которое должно быть избрано в Законодательную Раду. Работа эта оказалась сложной по следующим причинам. В прошлой Раде присутствовали представители казаков и коренного иногороднего населения, и вот, когда надо было определить количество членов Законодательной Рады от того или иного отдела, мы просто брали последние статистические данные и пропорционально количеству населения избирали. Теперь вопрос осложнился, потому что у нас присутствуют представители и от городов. Правда, представительство это ограничено, но все-таки при разверстке мы должны принимать это обстоятельство во внимание. И вот что у нас получается: если мы берем за основание войсковое население, то тогда Ейский отдел займет первое место и будет иметь 15 депутатов в Законодательной Раде, если же будет приниматься во внимание все население края, тогда Ейский отдел займет 6-е место и будет иметь 11 депутатов, потому что города, скажем, Екатеринодарского отдела увеличат количество депутатов этого отдела за счет других отделов. Необходимо как-нибудь условиться. Что касается горцев, то они раньше имели 8 представителей в Законодательной Раде; и теперь горцы просят, чтобы им дали также 8 мест, и они сами выберут представителей; если же мы горцев будем выбирать по отделам, то тогда придется включить население горское в общие списки, и, таким образом, получится некоторая путаница. Если в Законодательной Раде будет 80 депутатов и их придется делить пропорционально войсковому населению, то на долю Баталпашинского отдела придется 8 депутатов, Екатеринодарского — 10, Ейского — 11, Майкопского — 11, Кавказского — 13, Лабинского — 13. Мне хотелось бы, чтобы определили, из чего мы будем исходить: из количества населения войскового или же населения всего края. Это одно. И второе: как мы будем выбирать горцев — по отделам или, как они заявили, предоставим им 8 мест. Я хотел бы, чтобы эти вопросы вы разрешили в срочном порядке, потому что без этого невозможно составить списки. Может быть, кто желает высказаться?

Член Рады Омельченко. — Господа члены Рады! Мне кажется, при выборах членов Законодательной Рады, с одной стороны, нужно исходить из расчетов количества войскового населения, потому что это будет являться выводом из правил о выборах в краевую Раду, с другой, относительно горского населения необходимо стать на точку зрения горцев — пусть они сами делают разверстку, ибо право казачьего населения при этом не будет нарушено. Пусть горцы сами говорят о своих нуждах и выбирают тех представителей, которые в полной мере будут выражать нужды горского населения.

Член Рады Горбушин. — Лабинский отдел смотрит таким образом, что выборы нужно производить от всего коренного населения, а не только от войскового, то есть

причислить сюда и крестьян, и города и выбирать по отделам. *(Председатель: «А городское население вы относите к коренному или нет?»)* Безусловно, к коренному.

Член Рады Филимонов. — Господа члены Рады! Я полагаю, что нам при распределении мест между отделами нужно исходить не из тех положений, о которых сейчас говорили, а из того закона, которым мы руководились при выборах в краевую Чрезвычайную Раду. В основу этого закона положены выборы от казачьего населения, коренного крестьянского, городского и горского населения. Если мы будем выбирать так, как здесь было предложено, только от коренного населения, включая туда и города, то может получиться несоответствие между депутатами и количеством населения, потому что города выбирали не по той норме, по которой выбирали села, станицы и аулы. Чтобы избежать этого несоответствия, чтобы согласовать выборы в Законодательную Раду с законом о выборах в краевую Раду, я полагаю, что нам нужно производить выборы пропорционально числу представителей от каждого отдела к числу всех представителей краевой Рады. Если мы будем исходить из этого положения, то несоответствие, которое может произойти в том случае, если мы будем выбирать согласно предложению члена Рады Горбушина, может быть устранено.

Председатель. — Пропорционально не числу представителей присутствующих, а числу тех представителей, которые должны были присутствовать.

Член Рады Д. Филимонов. — Я имел в виду выборы не по числу присутствующих здесь, а пропорционально числу тех депутатов, которые должны были быть избраны в Чрезвычайную краевую Раду. *(«Правильно».)*

Член Рады Жук. — Я думаю, что выбирать от всех — это будет несправедливо. Волею судеб мы представлены здесь не как граждане. Мы — та сторона, которая вела войну против тех, кто были раньше здесь господами; может быть, мы доживем до этого времени опять. Мы должны выбирать пропорционально всему населению, которое имеет право избирать краевую Раду. Здесь имеются города и села, они должны быть представлены от отделов, плюс горцы, которых 50 человек, и они пропорционально своему населению имеют право выставить 8 кандидатов. Тогда нас никто не упрекнет; иначе нельзя будет до дому вернуться из-за нареканий, что выбирали из тех, кто шел против нас.

Председатель. — Времени у нас мало, и нужно разрешить этот вопрос наиболее справедливо и возможно скорее. Мне казалось бы, что этот вопрос нужно разрешить таким образом. Мы можем, чтобы не задерживать работу, наметить в каждом отделе приблизительное количество депутатов, больше или меньше — это не важно, от этого работа по избранию кандидатов не изменится; в дальнейшем необходимо имевшим право принимать участие в выборах по городам составить списки, и ту часть городского населения, которая принимала участие в выборах, причислить к иногородним. Значит, к войсковому населению прибавлено будет все полноправное, согласно избирательному закону, коренное население, и в таком случае выборы будут правильны. Необходимые сведения можно собрать в течение 2–3 дней, потому что списки по городам составлялись перед выборами. А пока что пусть выбирают депутатов по войсковому населению. По Баталпашинскому отделу, например, должно быть 7, а если окажутся лишние, то они перейдут в кандидаты, если же окажутся недоизбранные, то

кандидаты перейдут в члены Законодательной Рады. Другого выхода нет. Если я открою прения, то будут говорить, будут спорить. Может быть, разрешите так этот вопрос, без прений? *(«Просим без прений».)*

Член Рады Перегородиев. — Господа члены Рады! Я удивляюсь некоторым разногласиям. Ведь здесь ясно говорилось, что мы исповедуем принцип демократии, и вдруг эти принципы, принципы равенства, будут нарушены. Подумайте, что получится, если мы распределим депутатов так, как предлагает член Рады Филимонов. Получится, что один депутат будет иметь одно право, а другой депутат другое. Не перед кем скрывать, что всем предоставляют одинаковое право голоса, иначе это будет несправедливо. Это пропорциональное число депутатов от отделов, предложенное членом Рады Филимоновым, вызывает только споры и затягивает в тупик. Не будем давать цифр, а пойдем по принципу демократического равенства. Все будут равны и будут иметь одинаковый голос при выборах в Законодательную Раду. *(Шум.)*

Председатель. — Здесь или недоразумение, или меня не поняли ораторы, не хотели понять. Я исходил из того же закона, из которого исходил и член Рады Филимонов. Он исходил от наличности депутатов, а я исходил от количества населения, принимавшего по закону участие в выборах. *(«Правильно».)* Я не повторяю свое предложение. Нужно получить сведения от городов, которые дадут нам немедленно, потому что у них были списки, а списки тех волостей, которые принимали участие в выборах, у нас имеются, по избирательному закону все волости имеют право принимать участие в выборах. Голосую предложение, которое сейчас я сделал, о пропорциональном избрании: будет браться казачье население в каждом отделе, плюс коренное население и население городов, которое принимало участие в выборах. Пропорционально этой цифре мы разделим депутатов. Кто согласен, прошу поднять руки. Принято. Горцы обращаются с просьбой иметь своих представителей в Законодательной Раде. Если кандидаты в Законодательную Раду будут избираться по отделам, то будут выбраны казаки и горцам не придется иметь своих представителей, а поэтому они просят уступить восемь мест пропорционально их населению. *(«Правильно».)* Желаете это обсуждать или нет? *(«Нет, не надо».)* Кто за то, чтобы просьба их была удовлетворена? Кто против? Принято. Семь или восемь мест — сейчас мы не будем определять; если будет участвовать в выборах одно войсковое население, то восемь мест, а если прибавим и коренное население, то семь. *(«Правильно».)* Разрешим окончательно это потом. Для внеочередного заявления просит слова от Лабинского отдела член Рады Филимонов.

Член Рады сотник Д. Филимонов. — Я выступаю по поручению Лабинского отдела. То, что я хочу доложить вам от имени Лабинского отдела, должно быть сделано краевой Радой. Господа члены Рады! Борьба с большевизмом продолжается. Борьба эта затянулась. В успех борьбы все мы верим, и уверенность эту дает нам то правое дело, за которое казачество, горцы и благоразумные крестьяне восстали. Но нам необходимо, чтобы правое дело, за которое мы боремся, было правым не только для нас, но и для тех, кто до сих пор относился и продолжает относиться к нам с недоверием. Вы знаете, господа члены Рады, что совет комиссаров и до сих пор продолжает уверять, что борьба на Кубани ведется кучкой генералов, поддерживаемых капиталистами и помещиками, что эта кучка втянула в братоубийственную войну и трудовое казачество, и

это до сих пор окрыляет всех тех, кто стоит против нас. Туман этот необходимо рассеять, необходимо сказать, что борьба эта ведется нами, казаками, что казаки вынуждены были взяться за оружие для защиты попранных прав, для того чтобы жить так, как нам хочется. Казачество должно сказать не устами отдельных ораторов, которых вы здесь слышали, а мощным голосом всей краевой Рады, что оно вынуждено было взяться за оружие после того, как были унижены, оскорблены, подвержены неисчислимым пыткам и жестокостям как наши лучшие люди, так и все казачество и горцы; после того, как лучшие люди наши тысячами погибли под расстрелами и штыками разнузданных большевиков, мы должны сказать это, ибо тот туман, которым окутывают до сих пор глаза нашим противникам руководители большевиков, не дает им возможности ни сдать своих позиций, ни перейти, быть может, к нам. Этого требуют и те стоны и вопли, которые раздаются по станицам, и те разрушения экономических ценностей, так беспощадно учиненные большевиками. Другими словами, мы должны сказать, за что мы восстали и кто ведет эту борьбу. Это первое. Далее, всем нам известно, что на фронте противник оказывает упорное сопротивление и сдаваться не желает; что здесь, в тылу, есть люди, и они многочисленны, которые уверяют, что большевики снова придут на Кубань, чтобы делать свое позорное и жестокое дело. Мы должны сказать, что этой надежде, этой вере должен быть положен конец. Мы будем продолжать борьбу до тех пор, пока не завоюем возможности безопасной жизни, не создадим условий, необходимых для мирного труда. Это — второе, что мы должны сказать. Но, господа члены Рады, недостаточно провозгласить, что мы можем продолжать борьбу. Вы знаете, что успех борьбы зависит не только от количества снарядов, штыков и живой силы, но и от совокупности тех мер, при помощи которых ведется борьба как на фронте, так и в тылу. В гражданской войне побеждают те, которые сумеют привлечь на свою сторону симпатии народа, с которым приходится бороться. Господа члены Рады, всем нам известно, что в рядах большевиков находится много, очень и очень много заблудившихся, темных, обманутых людей, а еще больше — ушедших под угрозами расстрела и штыков. Там есть крестьяне, там есть и наши, к несчастью, братья-казаки. Много их осталось и по станицам и селам, и те, которые остались здесь, дрожат за свое существование. Те, кто находится против нас, как нам известно, раскаиваются в своих поступках, раскаиваются в том, что они сделали, и горят желанием сдаться и перейти на нашу сторону, чтобы вернуться в свои родные станицы и села, но боязнь народного гнева мешает им это сделать. Приказом главнокомандующего Добровольческой армии обеспечивается жизнь всем тем, кто сложит оружие и оставит ряды большевиков. И если эти условия созданы на фронте, тем более здесь, в тылу, мы должны принять меры, чтобы те, кто думает вернуться к нам, не боялись, что с ними поступят так, как большевики поступили с нами. Мы должны сказать, что у нас этого не будет; что мы несем с собой законность и порядок; что вместо большевистской разнузданной власти и произвола мы несем законность и порядок, вместо грубой силы — защиту всем, кто в ней нуждается. Мы должны сказать это не только для тех, кто решил бы перейти к нам и прекратить эту братоубийственную войну, но также и для гражданского населения и для всех властей, нами поставленных. Только такое отношение к тем, кто сбился с пути праведного и кто хочет вернуться к нам, может внести мир, покой и порядок у

нас в тылу. Лабинский отдел поручил мне доложить об этом краевой Раде, и как наиболее пострадавший и видевший все ужасы разрушения и взаимного уничтожения, настаивает на том, чтобы начала, изложенные мною, были объявлены во всеуслышание в приказе Чрезвычайной краевой Рады. Лабинский отдел верит, что голос Рады, который властно прозвучит отсюда, сумеет привлечь на свою сторону тех, кто стоит против нас, и внушит нашему исстрадавшемуся населению необходимость законности и справедливого отношения к тем, кто был против нас. Исходя из этого положения, Лабинский отдел поручил особой комиссии, в которую и я входил, составить особый приказ, который я позволю себе предложить вашему взиманию. Приказ проектируется в следующих выражениях:

«ПРИКАЗ.

Представителям власти и населению Кубанского края
от Кубанской Чрезвычайной краевой Рады 1918 года 24 ноября № 1.

Кровавые кошмары дикого разнузданного большевизма широкой волной пронеслись по полям и станицам благословенной Кубани. Пожар разрушения и бессмысленного взаимного уничтожения коснулся самых захолустных уголков вашего края. Много слез и горя принесла власть самозванцев и палачей свободы и прав казачества, много погибло невинных лучших людей. Тысячи матерей, вдов и сирот оплакивают погибших в борьбе за правду сынов вольной Кубани. Вопль, стоны и проклятия пострадавших от безграничного произвола большевиков оглашают станицы.

Размаху, насилиям и жестокости большевиков не было границ. Жизнью человека мог распорядиться каждый большевик, вчерашний преступник. Прикрываясь именем народа, большевики грабили народ. Тот, кто, опьянев от обещаний большевиков, думал сделаться богатым и счастливым, остался нищим. Сожжены целые станицы, уничтожено и разграблено нажитое потом и кровью достояние тружеников-земледельцев. Поруганы и осквернены святыни народа кубанского. Неописуемая злоба и ненависть толкали насильников на совершение таких злодеяний, от которых содрогаются самые черствые, жестокие сердца. Такого безудержного произвола и насилий не знала история. В угаре большевизма подчас и благонамеренные люди творили безумные деяния. Не было границ унижениям и оскорблениям народа кубанского. Но ни массовые расстрелы, ни жестокие казни, ни страшные пытки и издевательства не убили душу свободолюбивого, не привыкшего к рабскому существованию казачества. Наоборот, этот бесшабашный произвол возмутил всех и зажег священным гневом протеста и поднял на борьбу всех против тех, кто в своем ослеплении забыл Бога, потерял совесть и надеялся посредством убийств и штыка завоевать себе покойную и довольную жизнь и сделать рабами тех, кто никогда не знал рабства. Надежды и чаяния их не оправдались. Иначе и быть не могло. Пролитая кровь не проходит даром: к небу взывает она, и небо вняло слезам и беспредельному горю подавленного, униженного и разграбленного народа. Сбылись в точности слова писания: «Мне отмщение, и Аз воздам». Дружным натиском кубанских полков и батальонов и Добровольческой армии полчища большевиков изгнаны из пределов края, и чем беспомощнее чувствует себя враг, тем больше жестокостей проявляет он и тем поспешнее бежит дальше, преследуемый, с одной стороны, армией, с другой — кошмарными призраками собственных злодеяний. Обма-

нутые своими вожаками, обезумевшие люди продолжают творить все новые и новые кровавые ужасы. Но многие из них остались в станицах, селах, многие, раскаявшись, возвратились по своим домам, одиночным порядком и небольшими группами. Среди них попадаются казаки. По отношению к таким большевикам, как и вообще к большевикам, чувством глубокого гнева проникнута среда казачества, ибо слишком много горя и бед, слез и унижений принесли им большевики, и естественно возникает вопрос: что с ними делать и как поступить с ними? Вопрос этот очень серьезный и сложный. Для разрешения его потребуется много времени. Но нам необходимо сейчас определить наши отношения к ним. Нашей задачей является восстановление законной власти, уничтожение произвола и установление законности и порядка. Все, что противоречит этим требованиям, не должно иметь места в отношении к большевикам, оставшимся или возвращающимся в станицы. Меры, принимаемые против них, должны быть основаны на законе. Казачество с глубокой скорбью вынуждено было встать на путь вооруженной борьбы ради восстановления попранных прав народа, но когда умолкает гром орудий, когда прекращается битва, все отношения должны быть основаны на праве и человечности. Ни личные обиды и горести, ни утрата экономических благ, ни слезы близких нам людей не должны руководить нами, ибо тогда бы мы вступили на путь мести. Но нам местью заниматься непригоже, ибо месть — средство борьбы слабых, бессильных людей. Все должны видеть, что мы несем с собою в станицы, села и города вместо хулиганства — порядок, вместо произвола и усмотрения — законность, вместо насилия — защиту всех в ней нуждающихся; вместо самосудов — стройный и равный для всех суд. Большевики были беспощадно жестоки; в их руках были все средства управления, множество пушек, ружей, тысячи пулеметов, миллионы снарядов и патронов, сотни тысяч красноармейцев и полное отсутствие законности: над всем господствовали произвол и усмотрение. И не спасли их ни многотысячные армии, ни пушки, ни штыки, ни пулеметы, ни кровавые расправы. История также учит, что в гражданской войне побеждает тот, на чьей стороне симпатии. Жестокостью можно временно подавить, запугать, но нельзя управлять. Поэтому все действия кубанских властей и отдельных лиц не должны напоминать народу приемов большевистских властей и омрачать благородную задачу, выполняемую ныне Кубанским правительством. Все порожденные большевизмом вопросы должны разрешаться на законном основании. Личному усмотрению места быть не должно.

Ныне от всех представителей власти требуется много мужества и решительных действий, чтобы не допускать проявлений какого бы то ни было произвола, насилия или, что всего хуже, личной расправы со своими врагами, так как в настоящий момент это является очень соблазнительным для сведения личных счетов. Мы, кубанцы, не словами, а на деле должны доказать, что мы — истинные демократы, друзья народа. Кубанская Чрезвычайная Рада, ставя своей задачей борьбу с последствиями большевизма и установление законности и порядка, повелевает всем представителям власти — от высших до низших — в своих действиях руководствоваться началами, изложенными в настоящем приказе. Всех виновных в самоличных действиях привлекать к судебной ответственности. Войсковому атаману и краевому правительству Рада приказывает руководствоваться в своей деятельности духом настоящего указа, привлекая к судеб-

ной ответственности всех нарушителей воли краевой Рады. Пусть же побежденные встретят в каждом победителе не мстительного врага, а уверенного в своей правде и силе великодушного победителя. Пусть население Кубанского края оставит за собой привилегию на великодушие победителя. Пусть все победители не мстят, а празднуют победу!»

Председатель. — Господа члены Рады! Я думаю, что принципиально, вероятно, против издания такого документа возражений не найдется, так как нужно положить конец тому произволу, который имеет место повсюду в крае и несет за собою величайшие ужасы и несчастья. Но я лично полагаю, что предложенный текст не подходит по форме: он слишком длинен и напоминает газетную статью, а для приказа краевой Рады должны быть найдены краткие, сильные и убедительные слова, чтобы вызвать соответствующее впечатление. Я надеюсь, что возражать принципиально никто не будет и предложение будет принято; что же касается текста, не знаю, поручить ли выработать его представителям Лабинского отдела или кому другому, но я, безусловно, нахожу, что в предложенной форме этот документ не подходит, он не будет даже понят населением. Имеются ли со стороны краевой Рады возражения против этого, чтобы был издан приказ населению о прекращении произвола и бесчинств и о том, чтобы прекратились все смертные казни в тылу? Кто согласен, что нужен такой документ? Кто не согласен? Один. Большинством голосов предложение принимается. Кому прикажете поручить это сделать? *(«Президиуму».)* Может быть, разрешите правительству разработать этот проект, так как у президиума не имеется в наличности ни достаточного состава канцелярии, ни людей. Правительство может составить нам несколько проектов, мы выберем, какой нам понравится. *(«Нет, правительство пусть от себя приказ пишет».)* Хорошо. Президиум берет на себя это. *(«В спешном порядке».)* В завтрашнем или послезавтрашнем заседании вам будет доложено. От имени Таманского отдела поступило еще одно внеочередное заявление. Слово предоставляется члену Рады Крикуну.

Член Рады Крикун. — Господа члены Рады! Согласно 18 параграфу конституции, вам было угодно ограничить количество, из которого может быть произведено избрание членов в Законодательную Раду, числом, вами здесь представляемым, то есть в Законодательную Раду избираются только лишь члены краевой Чрезвычайной Рады. Лично я и Таманский отдел (в настоящее время я выступаю от имени Таманского отдела), обсуждая этот вопрос, смотрели на это дело так. Законодательной Раде предстоит титаническая работа; она потребует, безусловно, мобилизации всех культурных сил для работы по устроению края и для создания аппарата власти, который так необходим при ведении борьбы с большевиками. И вот, стоя на этой точке зрения, Таманский отдел решил, что нельзя ограничиваться избранием в Законодательную Раду только членов краевой Рады. Вам угодно было послать в согласительную комиссию членов Законодательной Рады старого состава, но уже не только за кулисами, но и в печати появляются нарекания по поводу того, что, облеченные неполным доверием, неполномочные заседают там и говорят. В дальнейшем вам придется говорить со всей согласительной комиссией, в которой часть членов будет иметь голос совещательный, а часть решающий. Исходя из этого положения, я думаю, что членам согласительной

комиссии, избранным из состава Законодательной Рады прошлого созыва, должен быть предоставлен решающий голос, это — во-первых, а во-вторых, членов Законодательной Рады, которые в прошлом году с честью выполнили возложенное на них доверие, мы не должны лишать возможности быть избранными вновь в Законодательную Раду. Итак, я предлагаю вам, членам Законодательной Рады прошлого созыва, дать права членов Чрезвычайной краевой Рады.

Председатель. — Этот вопрос я рассматриваю как внеочередное заявление и прошу его обсудить в отделах, и, если будет поддержано предложение 6—7-ю отделами, я поставлю его на обсуждение краевой Рады. Объявляю перерыв на 15 мин.

После перерыва.

(Председательское место занимает Султан Шахим-Гирей.)

Председательствующий. — Заседание возобновляется. На очереди продолжение обсуждения земельного вопроса. Вчера мы закончили раздел первый. Теперь предстоит рассмотреть раздел второй. Статья шестая: «Все частновладельческие земли, офицерские, чиновничьи участки (высочайше пожалованные, выделенные по положению 1870 года, охотничьи), земли, приобретенные по дарственным, по праву наследования и вообще перешедшие безмездными способами, путем покупки, а также церковные, причтовые, монастырские и казенные отчуждаются в краевой земельный фонд. Примечание: Юридическим моментом перехода отчуждаемой в краевой фонд земли на основании постановления Кубанской краевой Рады 21 декабря 1917 года признается 1 января 1918 года. 2-е примечание: Бывшие владельцы за пользование землей, с момента принятия этого закона и опубликования его Кубанской краевой Радой по день фактического перехода этих земель в кубанский краевой земельный фонд, уплачивают в доход Кубанского края среднюю арендную плату». Желающих говорить по этому пункту прошу записаться в очередь.

Член Рады Копанев. — Господа члены Рады! Я — представитель станицы Абадзехской, горной, малоземельной. Осмелюсь доложить вам наказ тех выборщиков, которые меня избрали. Мне в наказе сказали, чтобы защищать земельный вопрос и казачьи права. И вот я усматриваю (быть может, это по моему мнению и понятию), что земельный вопрос нагорным станицам совершенно как будто бы пользы не принесет, не особенно много принесет, поэтому что земли переходят в краевой фонд. Этой землей, конечно, должны пользоваться все: и казаки, и коренное иногороднее население, а потому казачье право, по моему мнению, также совсем твердо.

Председательствующий. — Я дал вам слово по статье 6, а вы говорите по общему вопросу.

Член Рады Копанев. — Я просил дать мне слово — вы мне разрешили.

Председательствующий. — То, о чем вы говорите, будет обсуждаться особо.

Член Рады Копанев. — Я три или четыре раза просил слова, подавал запаски и все никак не мог найти случая выразить то, что мне велело сказать население.

Председательствующий. — Я все-таки прошу не уклоняться в сторону, а говорить по статье 6-й.

Член Рады Копанев. — Господа члены Рады! Я, конечно, свое намерение, свой наказ откладываю, потому что г. председатель приостанавливает. Теперь я скажу за

частные собственные владения, которые, конечно, мы отберем бесплатно, без вознаграждения. Действительно, я — человек горный, малоземельный, страдающий более полувека в горах без земли — скажу вам: я прожил в станице Отрадной Баталпашинского отдела 14 лет, нажил себе машину паровую, маслобойню... *(Смех.)*

Председательствующий. — Господа члены Рады! Я на останавливаю оратора, потому что он не может свои мысли облечь в ту форму, в какую желательно вообще облекать. Зная это, я прошу дать ему возможность высказаться.

Член Рады Копанев. — Когда власть перешла к советам, пришлось много пережить, в погребах с сыновьями прятаться, заплатить 5000 контрибуций. Ввиду этого я продал маслобойню. Вычли эти деньги для пополнения долга, а паровую машину в народное достояние взяли. Я тогда организую против этого трех сыновей: подъесаула, гимназиста 6-го класса и еще 3-го класса гимназиста. *(«Возглас с места: «Мало».)* Организуемся и идем против того, что у нас маслобойню берут. Теперь, если бы купили у нас хотя бы за дешевую цену, то я бы поклонился и сказал: «Спасибо вам». Простите за эти слова; быть может, кому-либо не понравится, что я говорю в защиту таких земель. Мы думаем, что нужно объяснить и то, во сколько лет можно выкупить через банки поземельные, это мое мнение. И если только для горных станиц ничего не будет сделано, то это будет невыносимо.

Член Рады Ткаченко. — Не возражая против статьи 6-й земельного законопроекта, Екатеринодарский отдел находит, что первое примечание является совершенно лишним; просто следует указать, что все поименованные земли отчуждаются в краевой фонд с 1 сентября 1919 года. То же самое я хочу сказать относительно 2 примечания. *(Читает.)* Это примечание выбросить нужно на том основании, что трудно будет его выполнить, так как арендная плата в большинстве случаев прожита; таким образом, повторяю, фактически не представится возможным выполнить этот пункт.

Член Рады Ильченко. — Господа члены краевой Рады! Я вышел только возразить на слова предыдущего оратора. Как он может говорить — с 1 сентября 1919 года, когда тут сказано — с 1 января 1918 года? Потом я настаиваю, что если только поставить с 1919 года, то, стало быть, вся арендная плата за этот год останется у наших капиталистов. Я приведу пример, сколько останется у этих капиталистов. Капиталисты ездили в станицы арендовать мелкие кусочки земли по пять десятин. Я обдумал, сколько они натягали, миллиона на два *(Смех.)*, и вдруг мы отдадим им этот доход. Я настаиваю, чтобы и за этот год поступила арендная плата. А на то, что они обижены, нечего смотреть: мы все обижены, каждый по-своему. Я возражаю предыдущему оратору и настаиваю, чтобы его предложение непременно отклонить, именно чтобы с 1918 года зачислить аренду в доход казны, в краевой фонд. Одно еще мне непонятно — впрочем, это мое личное мнение, а может быть, и не так это, — я взял бы пункт 17-й: «Все отчуждаемые земли, выделенные из юртов и не пополняемые дополнительными наделами, возвращаются тем же юртам обратно» — и перенес бы его примечанием к пункту 6-му, чтобы они были вместе. Это примечание как раз сюда подходит, и выйдет пункт очень даже хороший. *(Смех.)*

Член Рады Омельченко. — Господа члены краевой Рады! Пункт 6-й я как докладчик поддерживаю в той редакции, которая предложена комиссией. Что же каса-

ется примечания, то комиссия в составе 30 человек долго судила и рядила по этому поводу; были разные предложения, но в конечном счете комиссия остановилась на этом первом примечании, которое предложено вашему вниманию. Второе примечание тоже послужило предметом длинных разговоров, и комиссия нашла, что все-таки нужно именно вложить такой смысл, какой в него вложен. Некоторые из тех, кто получил деньги за землю, эти деньги прожили и не в состоянии отдать их, но я все-таки скажу, что у многих задержка только потому, что они не знают, кому же, собственно, нужно платить деньги. Комиссия стала на ту точку зрения, что если даже некоторые не уплатят арендной платы, но они должны знать, что эта обязанность на них была возложена. И пусть население знает, что право получить было, но не было фактической возможности его осуществить. Что касается переноса ст. 18 примечанием к ст. 6-й, то я скажу, что это было бы удобно, но нарушается только система разделов, которая здесь проведена. Статья 18 *(Голос с места: «17».)*, виноват, ст. 17 находится в четвертом разделе, который говорит о распределении земель, а раздел второй говорит о категориях земель, которые должны быть отчуждены. Значит, здесь два различных понятия: принцип отчуждения земель и принцип распределения — ясно, что их нужно поместить в разных пунктах. Поэтому я поддерживаю статью в той редакции, которая предложена вашему вниманию.

Председательствующий. — Приступаю к голосованию. *(Читает ст. 6-ю.)* Кто за эту статью? Кто против? Нет. Принята. Первое примечание. *(Читает.)* Второе примечание. *(Читает.)*

Н. С. Рябовол. — Господа члены Рады! Я хотел бы несколько слов сказать о втором примечании. Ведь важно, чтобы земли перешли трудовому народу, а потому это и нужно защищать, к этому и нужно стремиться, причем осложнять вопрос не следует; нагромоздивши же его многими пунктами и дав этим разыграться своим аппетитам, мы можем осложнить сам процесс отчуждения земель. Может получиться то, что получилось у большевиков: много обещано, а ничего не дано. Я от этого и предостерегаю вас. Это примечание, так сказать, несколько нехорошего качества; безусловно, это мелочи. Вы хотите отобрать частновладельческую землю, обсуждаете грандиознейшую реформу, к которой подходили тысячелетиями, и теперь вдруг начинаете заниматься мелочами: хотите, чтобы со дня опубликования этого приказа возвратили арендную плату. Я, господа, специально земельным вопросом не занимался и не знаю точно, на какую сумму можно рассчитывать, но смею думать, что цифра получатся мизерная, потому что арендную плату многие не возвратят, особенно вдовы и дети. А тут придется создать колоссальнейшую канцелярию, которая должна заняться определением, кто в состоянии платить и кто не может. Таким образом, к крупным вопросам вы примазываете мелочную заботу из-за копеек, и это даст возможность, я бы сказал, над вашим законопроектом посмеяться. Повторяю, при таком большом деле нельзя заниматься мелочами, да и практически вы обратно арендной платы не получите. Вы только создадите крупную канцелярию, будете платить крупные оклады чиновникам, чтобы получить крохи. Я предлагаю примечание отвергнуть.

Председательствующий. — Ставлю на голосование второе примечание. *(Читает.)* Второе примечание отклонено. *(Голос с места: «А прибавка Екатеринодарско-*

го отдела?») Ставлю на голосование добавление Екатеринодарского отдела к первому примечанию: «Юридическим моментом перехода земли считать 1 января 1918 г., фактическим — 1 сентября 1919 года». Докладчик просит слова.

Член Рады Омельченко. — Господа члены Рады! На мне как на докладчике лежит обязанность отметить то положение, которое может проскользнуть мимо вашего внимания. Я не согласен с тем заявлением, которое было сделано сейчас относительно 2-го примечания. Я думаю, что оно носит характер более точного указания фактического момента перехода земли и по такому своему содержанию не может в будущем служить предлогом для заподазривания нас в каких-либо скрытых соображениях. *(Смех.)* В самом деле, если мы скажем, что 1 сентября 1919 г. — срок фактического перехода, но не обусловим, как это было на предыдущей Раде, с какого момента мы считаем переход совершившимся, то может получаться следующее. Вполне возможно, что ввиду практических затруднений мы окажемся не в состоянии к указанному сроку справиться с этой колоссальной задачей, не сумеем наладить наш аппарат так, чтобы переход мог совершиться. Не будет ли правительство тогда поставлено в необходимость, поскольку фактический переход земли еще не произойдет и ввиду государственной потребности приступить к обработке и засеву полей хотя бы руками прежних хозяев, — издать именно такое постановление, соответствующее циркуляру от 8 октября текущего года? При наличности второго примечания это вынужденное продление права пользования землей прежними владельцами не будет иметь значения. Мы скажем им: «Вы делайте, но аренду мы с вас получим». Наоборот, выкидывая второе примечание совсем, мы неминуемо поставим себя в положение недоумения: что будет, если факт перехода 1-го сентября мы не сумеем осуществить? Это второе примечание по своему содержанию исключает возможность всяких кривотолков, и я бы вас очень просил обратить внимание на эту сторону. Итак, я предлагаю первое примечание принять в той формулировке, в какой оно есть, а также сохранить 2-е примечание, для того чтобы была исключена возможность всяких неожиданностей.

Л. Л. Быч. — Господа члены Рады! Я выступаю сейчас по вопросу только с одной точки зрения. Член Рады Омельченко сказал, что правительство принуждено было издать циркуляр о том, что земля не должна быть необработана. Я уже имел случай докладывать краевой Раде, когда говорили по вопросу о продовольствии, а также по вопросу об управлении, что в этом году хлеба было собрано очень мало, и если, не дай Бог, на будущий год был бы слабый урожай или плохой, то мы оказались бы пред призраком голода. И вот все, что будет способствовать уменьшению площади посева, мы должны устранить. Земельная реформа должна быть проведена, но это не должно поставить нас перед опасностью голода. Мы издали приказ, что земля вся должна быть засеяна, и раз земельный вопрос не решен, то всякий, вступая во владение клочком своей земли, должен все сделать, чтобы площадь посева была возможно больше. Мы должны застраховать себя от голода, и вот примечанием к той редакции, в какой его внес Екатеринодарский отдел, обеспечиваются те, кто засеял свои поля. Осенний засев был очень мал, и вся надежда на то, что весною будет засеяно больше. Господа члены Рады! Вы должны, как я уже говорил, доказывать и убеждать, чтобы засеяли возможно больше, и для того нужно создать благоприятные условия. Та ре-

дакция, которая была предложена Екатеринодарским отделом, имеет в виду эти условия. Конечно, очень важно было получить арендную плату за этот год, но это создает такое положение, что будет мало засеяно или совсем не засеяно, так как каждый из хозяев рассчитывает на то, что доходами от весенней запашки он покроет все расходы и убытки, которые получил за время большевизма; а раз у него не будет гарантии, что он возьмет этот сбор в свою пользу, то он и засевать не будет. Из-за того, что мы захотим получать арендную плату за один год, мы можем оказаться перед очень небольшим засевом. Я поддерживаю поправку, внесенную Екатеринодарским отделом, что фактическое пользование землей остается за прежними владельцами до 1 сентября.

Точно так же решили этот вопрос и на Дону, но когда перед ними стал вопрос, каким способом произвести передачу земли, тогда Донской войсковой круг решил, что фактическую передачу можно осуществить только после того, как урожай будет собран. Юридический момент определен, а уж осуществление — это вопрос другой, и будет сделано так, как найдут более целесообразным и насколько это будет полезно для края. Я повторяю, мы все должны сделать, чтобы площадь посева не была уменьшена. *(«Правильно», аплодисменты.)*

Председательствующий. — Ставлю на голосование дополнение Екатеринодарского отдела к примечанию 1-му, которое заключается в том, что фактический переход частновладельческих земель должно считать с 1 сентября 19-го года, Кто за это дополнение? Кто против? Принято. Голосую целиком ст. 6 вместе с примечанием: «Все частновладельческие земли, офицерские, чиновничьи участки (высочайше пожалованные, выделенные по положению 1870 года, охотничьи), земли, приобретенные по дарственным, по праву наследования и вообще перешедшие безвозмездными способами, путем покупки, а также церковные, причтовые, монастырские и казенные, отчуждаются в краевой земельный фонд. Примечание: Юридическим моментом перехода отчуждаемой в краевой фонд земли на основании постановления Кубанской краевой Рады 21 декабря 1917 года признается 1 января 1918 г., днем же фактического перехода признается 1 сентября 1919 года». Кто за принятие этой статьи, тех прошу поднять руки. *(«Непонятно».) (Читает второй раз.)* Принята целиком. Я напоминаю, что те, кто желает говорить, должны подавать записку. Переходим к ст. 7-й. «Земельные участки с высококультурными хозяйствами, имеющие общекраевое культурно-экономическое значение (сады, древесные питомники, заводы конские, племенного скота, сахарные, крахмальные и др.; семенные хозяйства, опытные и показательные поля, станции, культуры разных лекарственных и других растений), оставляются их настоящим владельцам для дальнейшего пользования под непосредственным контролем краевой власти».

Член Рады Чекалов. — Кавказский отдел, рассматривая и обсуждая ст. 7, находит в ней два составных элемента. Первый — это общекраевое культурно-экономическое значение и второй — пользование владельцами своими прежними участками. И вот мы задались вопросом, каким порядком они будут пользоваться, как будут пользоваться. На правах аренды или же бесплатно? Ввиду того что это высококультурные участки, то Кавказский отдел нашел необходимым внести в рассматриваемую статью следующее добавление: после слов «оставляются их настоящим владельцам для

дальнейшего пользования» внести фразу: «На правах долгосрочной аренды на особо льготных условиях» и дальше — «под непосредственным контролем краевой власти». Это делается потому, что участки, оставляемые их прежним владельцам и имеющие общекультурное краевое значение, могут быть отведены под сахарный завод, например, или питомник и будут приносить доход непосредственно тому, кто их будет эксплуатировать. Кавказский отдел настаивает на внесении поправки.

Член Рады Жук. — Господа члены Рады! Председатель правительства указал, что у нас, в таком благодатном крае, уменьшается посевная площадь. Я должен сказать, что это больной вопрос во всех отделах. У нас есть такие участки, которые не засеяны совсем, и только потому, что нельзя заарендовать, так как просят неимоверно высокую арендную плату — 200 рублей за десятину, казаки же, конечно, не имеют таких больших сумм. Я считаю необходимым предложить правительству урегулировать этот серьезный вопрос об арендной плате.

Председательствующий. — Я дал вам слово по ст. 7-й.

Член Рады Жук. — По ст. 7-й я могу сказать, чтобы правительство ведало высококультурными хозяйствами и ближе к ним стояло, потому что они находятся в полном владении, так сказать, самих хозяев, которые могут в любое время вывозить за пределы края продукты этих хозяйств, а между тем эти хозяйства имеют общекультурное экономическое значение. Я связан тем, что не могу говорить, почему было бы желательнее, если бы у вас был не краевой фонд, а войсковой. *(Звонок председателя; голос с места: «Правильно».)*

Член Рады Аспидов. — Господа члены Рады! Все здесь сидящие — землевладельцы и хлебопашцы, и для нас должно быть дорого сельское культурное хозяйство. Все мы должны стремиться и работать на пользу этих культурных хозяйств. Весь вопрос в том, что эти высококультурные хозяйства оставляются их прежним владельцам, а в каком размере, на каких условиях и как — об этом ничего не сказано. К нашему несчастью, в нашей области не так много культурных хозяйств, и потому такими хозяйствами, как, например, у барона Штейнгеля, Николенко и др., мы должны воспользоваться для экономического развития края; эти хозяйства должны быть доступными для всех нас школами; если же их огородят колючей проволокой и скажут, что за эту проволоку заходить нельзя, то такие хозяйства нам пользы не принесут, и они нам не нужны. Этого быть не должно. Исходя из этих соображений, я вношу такую поправку: слова «оставляются их настоящим владельцам для дальнейшего пользования» заменить словами «эти хозяйства переходят в непосредственное владение и распоряжение краевой власти». Если краевая власть будет владеть культурными хозяйствами, то и краю будет польза, и тот, кто будет работать на них, будет благодарить. Мы должны добиваться того, чтобы эти высококультурные хозяйства были поставлены широко, чтобы в них были устроены земледельческие и др. школы, чтобы эти хозяйства как можно больше давали пользы краю.

Член Рады Ткаченко. — Екатеринодарский отдел, обсуждая ст. 7, находит излишним такое перечисление, как «заводы, питомники» и т. п., а предлагает просто оговорить, что «земельные участки с высококультурными хозяйствами, имеющими общекраевое значение, оставляются их настоящим владельцам для дальнейшего поль-

зования под непосредственным контролем краевой власти». И дальше: «Размер площадей таких земель и условия пользования должны быть разработаны в Законодательной Раде». Это является безусловно необходимым.

Член Рады Белоусов. — Пункт 7, на который указывали при первом чтении этого законопроекта, очень опасный пункт. Здесь предлагают передать этот пункт для переработки обратно в комиссию. Поспешное решение может породить недоразумения, и вот первый случай, когда такое недоразумение уже произошло: это предложение Кавказского отдела об обложении арендной платой. В этом пункте все неясно и не расчленено: в нем есть сады, заводы, питомники и т. д. — он все валит в одну кучу. Точно так же здесь не указан размер хозяйств; ведь может быть питомник на полдесятины и такой питомник, как, например, у братьев Рамм, около Ростова. Все это должно быть разработано, разделено на категории, иначе вы затронете тех, кого должны охранять, т. е. трудовых хозяев. Считаю нужным добавить, что предложение Екатеринодарского отдела должно быть разработано в Законодательной Раде и площадь культурных хозяйств должна быть определена точно, ибо при поспешном решении этого вопроса вы свяжете Законодательную Раду и поставите ее в безвыходное положение.

Член Рады Чекалов. — Я удивляюсь, откуда член Рады Белоусов знает, что Кавказский отдел решил? Он говорит, что не разграничены и категории, и пределы этих хозяйств. Я обращаю внимание на ст. 8-ю, где сказано о пределах земельной нормы, установленной для садов, виноградников, питомников и т. д.; здесь говорится о тех предприятиях, которые в большом масштабе занимают площадь земли, а не о тех маленьких, в которые вложен труд, и говорится относительно того, что эти мелкие участки не должны быть облагаемы и владельцы их должны пользоваться всеми доходами, так как в них вложен труд. Да, труд вложен, но земля же не его, и доходами он пользуется, а не краевая власть, следовательно, он должен оплачивать арендную стоимость этой земли. Другой вопрос — на каких началах оплачивать? На особо льготных условиях, как раньше, например, участки отдавались под конский завод по 50 коп. с десятины. Здесь все ясно, и я не могу допустить упрека, что мы поспешно решили. Предложение Екатеринодарского отдела передать эти участки краевой власти, чтобы она сама ими владела, вела на них хозяйство, слишком загромоздит работу нашей власти, а у нее и так много дела. Надо остановиться на том, что бывшие хозяева затратили труд и капитал на улучшение этих участков и отбирать их целиком не следует.

Член Рады Зуб. — Господа члены Рады! Тут было заявлено некоторыми ораторами, что непонятно, что значит «под непосредственным контролем краевой власти». Когда мы рассуждали об этом в комиссии, то слова «непосредственный контроль власти» понимали так, что будет от краевой власти уполномоченный, который знает всю технику этих предприятий; он будет наблюдать, чтобы сады, питомники и пр. предприятия соответствовали своему назначению и способствовали развитию края; если же названные предприятия будут поставлены плохо и владельцы их будут делать упущения, то уполномоченный должен давать об этом сведения Кубанскому краевому правительству. Допустим, что нужно известный продукт продавать по 1 р. 20 к., а владелец захочет продать на сторону дороже — вот для этого и назначается контроль. При продаже продуктов с участка известный процент будет отчисляться в пользу владельца за

то, что он работал, а известный процент — в пользу краевого правительства. Если мы установим аренду для таких участков, то тогда владельцы их будут брать за продукты столько, сколько захотят, а если эти участки будут под контролем, то владельцы их будут получать только известные проценты. Таким образом, будет введен налог, который даст средства войсковому фонду. Нам предлагали контроль и аренду, но на аренду я совершенно не соглашаюсь. Теперь скажу относительно питомника. Для того чтобы развести питомник, нужно 4—5 лет заботиться о нем, чтобы впоследствии получать прибыль. И вот если мы захотим, отдавая землю под питомник, получать сразу прибыль, то никто не захочет разделывать, потому что сам-то владелец никакой пользы долго не получит. Нужно отдать землю под питомники на первое время бесплатно, а впоследствии уже взимать известную плату. То же самое можно сказать об участках, которые отдаются для разведения племенного скота.

Член Рады Ткаченко. — Господа члены Рады! Я внесу только фактическую поправку. Здесь членом Рады полковником Чекаловым было сказано, что Екатеринодарский отдел предлагает отдать в распоряжение краевому правительству эти участки. Ничего подобного, Екатеринодарский отдел предлагает эту статью в такой редакции: «Земельные участки с высококультурными хозяйствами, имеющие общекраевое культурное значение, оставляются их настоящим владельцам для дальнейшего пользования».

Член Рады Жук. — Господа члены Рады! Я понимаю здесь так: какая разница будет между тем, кто сеял масличные семена, и тем, кто сеял пшеницу? Мне кажется, что если у меня отобрали землю, на которой я сеял пшеницу, то почему не отобрать ее и у того, кто сеял масличные семена? Мне кажется, что и ему нужно дать ту норму, которую мы устанавливаем для мелких земельных участков, а за излишнюю часть земли он должен платить аренду, установленную законодательным органом.

Председательствующий. — Других записавшихся говорить по этой статье нет, и потому я перехожу к баллотировке. Прежде всего считаю нужным огласить те предложения, которые поступили. Первое предложение члена Рады Аспидова: после скобок слова «остаются их настоящим владельцам и т. д.» заменить — «переходят в непосредственное владение и распоряжение краевой власти» и т. д. Предложение Чекалова отличается от предложения комиссии тем, что он вносит слова: «для дальнейшего пользования на правах долгосрочной аренды на особо льготных условиях и под непосредственным контролем краевой власти». Предложение Екатеринодарского отдела заключается в следующем: все те перечисления, которые имеются в настоящей статье и заключены в скобки, опустить и оставить статью в том виде, как она формулирована, но со следующим дополнением: «Размер площадей такой земли и условия пользования должны быть разработаны Законодательной Радой». Слово предоставляется докладчику.

Член Рады Омельченко. — Господа члены высокого собрания! Мне кажется, дополнение Екатеринодарского отдела в смысле размера площадей должно быть разработано Законодательной Радой. Это дополнение должно быть принято, потому что комиссия слышала не раз вопрос: «А как же распределять те участки, которые имеют тысячи десятин?» Чтобы этого не было, я согласен с этим предложением. Что касается

перечисленных в статье культурных хозяйств, то я бы стоял на том, чтобы этот перечень был оставлен. Сейчас председатель вносит поправку — перед перечнем поставить слова «как, например». Я согласен с этой поправкой, и если она будет принята, то она избавит от лишних недоуменных вопросов.

Председательствующий. — Ставлю на баллотировку предложение Аспидова. Оно гласит следующее: «земли переводят в непосредственное владение и распоряжение краевой власти» и т. д. *(Голосование.)* Большинством голосов отклонено.

Предложение Чекалова, дополняющее предложение комиссии в следующих выражениях: «на правах долгосрочной аренды» и т. д. *(Голосование.)* Явным большинством отклонено.

Предложения Екатеринодарского отдела: одно — о дополнении текста комиссии и другое — об исключении перечисления. Я сейчас оглашаю всю статью 7-ю: «Земельные участки с высококультурными хозяйствами, имеющими общекраевое культурное значение (сады, питомники древесные, заводы: конские, племенного скота, сахарные, крахмальные и другие, семенные хозяйства, опытные поля, станции культуры травных лекарственных и других растений), оставляются их настоящим владельцам для дальнейшего пользования под непосредственным контролем краевой власти». Вот то, что в скобках, Екатеринодарский отдел предлагает исключить. Второе предложение Екатеринодарского отдела — это дополнение к статье: «размер площадей такой земли и условия пользования должны быть разработаны Законодательной Радой». Кто за исключение? *(Голосование.)* Предложение отклонено. Кто за то, чтобы сделать дополнение к этой статье? Большинством голосов дополнение принято. Голосую целиком. *(Читает.)* Принята большинством против одного.

Прежде чем приступить к статье 8-й, я должен огласить заявления некоторых членов Рады по поводу принятия статьи 7-й. В некоторых случаях во исполнение приказа 1918 года частновладельческие земли уже перешли из частного владения в краевое и участки уже запаханы; поэтому предлагается следующее добавление: «эти земли считаются фактически перешедшими» и т. д. Прошу члена Рады, внесшего предложение, лично доложить его.

Член Рады Биджиев. — Господа члены Рады! После постановления Законодательной Рады во многих населенных пунктах приступили к фактическому владению частновладельческими землями; эти участки уже распределены между населением и частью уже распаханы. Если мы оставим этот пункт неоговоренным, начнутся взыскания прежними владельцами убытков, что вселит, конечно, разруху. Мы полагаем так, что если нужно платить арендную плату, то пусть правительство взыщет ее с тех населенных пунктов непосредственно, иначе произойдет разруха.

Председательствующий. — Я считаю своим долгом сообщить, что в прошлом году состоялось постановление об отчуждении земель, но о фактическом переходе этих земель распоряжение не было сделано, и правительству было поручено представить соответствующий проект. Здесь сейчас говорилось о том, что некоторые земли перешли в фактическое владение отдельных юртов, но рассмотрение этого вопроса не входит в компетенцию краевой Рады. Последнее устанавливает только принципиальное решение вопросов, не вдаваясь в частности.

Ставлю на баллотировку. Кто за то, чтобы краевая Рада в примечании к статье 6-й сделала еще добавление: «эти земли должны остаться в фактическом владении этих населенных пунктов и аренды не платить». Слово предоставляется сотнику Филимонову для разъяснения.

Член Рады Д. Филимонов. — Господа члены Рады! Я скажу всего два слова. Дело в том, что если мы внесем то дополнение, которое нам предлагают, тогда теряет всякое значение примечание 1-е к статье 6-й. Вот я поэтому и предлагаю этого предложения не обсуждать, а отклонить его без прений.

Председательствующий. — Я полагаю, что правительство само сумеет это урегулировать. Ставлю на баллотировку. Кто за то, чтобы отклонить это предложение? Большинством голосов предложение отклоняется. Слово к порядку дня предоставляется члену Рады Белому.

Член Рады И. Белый. — Я считаю недопустимым внесение всяких дополнений и примечаний к статьям, которые уже приняты. Я полагаю, если возникли новые предложения, то обсуждать их в конце проекта, а то получается какое-то дергание: статья 6-я принята, статья 7-я принята, а потом начинаются дополнения.

Председательствующий. — Объявляю перерыв на 5 минут.

После перерыва.

Председательствующий. — Прошу занимать места. Заседание возобновляется.

Статья 8-я проекта комиссии: «Земли под усадьбами, садами и виноградниками и торгово-промышленными предприятиями, а также земли мелких владельцев, имеющих землю в пределах установленной для края земельной нормы, остаются в распоряжении и пользовании их настоящих владельцев». Желающих говорить по этой статье прошу подать записки. Слово предоставляется Важеву.

Член Рады Важев. — Господа члены Рады! Всякий закон должен ясно и точно определять то, о чем он говорит. В статье 8-й законопроекта комиссии не указано, о каких землях под усадьбами, садами и виноградниками говорится. Может быть, о землях, находящихся в распоряжении юртов, но статья 4-я этого проекта говорит, что земли, принадлежащие юртам, остаются в распоряжении и пользовании их владельцев, следовательно, здесь разумеются земли частновладельческие, и это должно быть определенно указано. Земли под усадьбами, садами и виноградниками относятся к разряду земель сельскохозяйственного пользования, и, следовательно, в пределах земельной нормы эти земли остаются в распоряжении и пользовании их владельцев. Но здесь не указано, что нужно сделать, если площадь этих земель превышает земельную норму: отрезать ли излишек и перенести его на пахотную землю или оставить в прежнем виде? Все это должно быть здесь оговорено, а именно, что излишек оставляется в распоряжении и пользовании их владельцев на правах долгосрочной аренды.

В статье 8-й говорится о мелких собственниках, а в статье 14-й — о бывших земельных собственниках. В обеих статьях говорится одно и то же. Поэтому уместно было бы перенести слова о мелких земельных собственниках в статью 14-ю и сказать обо всех земельных собственниках в одном месте. От имени Кавказского отдела я предлагаю статью восьмую формулировать следующим образом: «Частновладельческие земли под усадьбами, садами и виноградниками в пределах установленной для

края земельной нормы остаются в пользовании и распоряжении настоящих владельцев, а излишки земли сверх земельной нормы оставляются в их пользовании на правах долгосрочной аренды».

Председательствующий. — Докладчик от своего слова отказывается и присоединяется к сделанному предложению. Я прочту статью 8-ю в редакции земельной комиссии и предложение Кавказского отдела. *(Читает.)* Ставлю на баллотировку предложение Кавказского отдела об исключении из ст. 8-й и присоединении к ст. 14 упоминания о мелких собственниках, большинством голосов предложение принято. Теперь голосую добавление к статье 8-й. *(Читает.)* Большинством голосов принято. Таким образом, статья 8-я принимается в форме, предложенной не докладчиком, а Кавказским отделом: «Земли бывших собственников под усадьбами, садами, виноградниками и торгово-промышленными предприятиями, имеющих землю в пределах установленной для края нормы, остаются в распоряжении и пользовании их настоящих владельцев. Излишек же сверх земельной нормы остается в их пользовании на правах долгосрочной аренды».

Следующая статья 9-я: «Все недра, надземные богатства, воды, имеющие общекраевое значение, а также все леса, отчуждаемые в краевой земельный фонд, переходят в непосредственное владение и распоряжение краевой власти. *(Голосование.)* Большинством голосов принята.

(Председательское место занимает товарищ председателя Д. А. Филимонов.)

Председательствующий. — Раздел 3-й ст. 10-я: «Земли, высочайше пожалованные, отведенные за службу, охотничьи, полученные по дарственным, по праву наследства и вообще перешедшие безмездными способами, монастырские, церковные, причтовые отчуждаются в краевой земельный фонд без выкупа, земли же, приобретенные покупкой, отчуждаются с возвратом владельцу не покрытой доходами покупной стоимости, обозначенной в крепостном документе. За основание для определения полученных с земли доходов принимается существовавшая в данной местности средняя арендная плата за все время нахождения земельного участка в пользовании владельца.

Примечание: Полная оплата владельцу невырученной покупной стоимости земли допускается при условии незаложенного участка; в противном случае уплачивается только лишь остаток за покрытием залоговой суммы». Желающих прошу высказаться. Слово предоставляется члену Рады Мореву.

Член Рады Морев. — Я знаю, что вас я задерживаю, так как все предрешено, тем не менее, я решился выйти для того, чтобы указать на то недоумение, которое у меня явилось. В этой статье сказано, что земли, полученные по дарственным, по праву наследования и, вообще, перешедшие безмездными способами, отчуждаются в краевой фонд без выкупа. Я должен сказать, что земли, полученные по дарственным, не всегда получались действительно безмездными способами, а также и земли, перешедшие по праву наследования, потому что при утверждении в правах наследства вместе с имуществом наследователю передаются и долги, которые могли быть уже им оплачены. Таким образом, по этому закону вы не только отбираете земли, но и то, что у владельца лично имелось, то, что им употреблено на оплату земли. Конечно, вы не имели в виду

такого пассажа. Такие земли нужно сначала освободить, а затем уже на них хозяйничать. Оказывается, что вы считаете эти земли перешедшими безвозмездно. Если да, то для них это был «дар данайцев». Владельцы таких земель теряют не только земли, но и все то, что они имели вне земли. Я обращаю на это внимание. Закон должен быть справедливым; нельзя под видом того, что земля якобы перешла к ним безвозмездно, забирать то, что они получили не от земли, что имели на стороне. Затем сказано: оплата производится по стоимости купчей крепости. Вы отрешаетесь от действительности: вы знаете, что часто стоимость, указанная в купчей крепости, не соответствует тому, за что была приобретена земля. А в результате эта купчая является той исходной точкой, откуда производится оценка земли. Это несправедливая опора. Затем вы говорите, что нужно покупную стоимость возвратить, за исключением арендной платы. Ведь нужно иметь в виду, что если владелец этой земли затратит капитал, то этот капитал процентов не принесет. Вы оставляете неприкосновенными все другие капиталы, а владельцев земли ставите в невозможные условия. Ясно, что, производя оценку по покупной стоимости, обозначенной в документе, и вычитая арендную плату, вы придете к несправедливому решению. Предложенный вопрос не был как следует рассмотрен и обследован, и я своим долгом считаю указать на это обстоятельство, на то, что здесь является несправедливым.

Член Рады Усачев. — Господа члены Рады! Член Рады Морев сказал, что в этой статье несправедливых нагромождений очень много. А интересно знать, по его мнению, разве справедливо было, что эти земли покупались по 200 рублей, а в купчей ставилось 100 рублей, и это для того, чтобы меньше платить в казну? Раз тогда было надувательство, то пусть с теми ценами и считаются, какие были в документе. *(Крики: «Довольно, голосуйте!»)*

Докладчик Омельченко. — Господа члены Рады! Те несправедливости, которые здесь усмотрел член Рады Морев, конечно, только при том толковании, которое ему угодно было сделать, можно назвать несправедливостями. На одну сторону этих несправедливостей указал член Рады Усачев. Дальше тут говорилось, что проценты могут быть не взяты, но ведь мы говорим, что если земли приобретены покупкой, то они отчуждаются с возвратом владельцу не покрытой доходами покупной стоимости, обозначенной в документе; мы говорим, что при определении доходов все это должно быть учтено. Следовательно, тех страхов, о которых говорил член Рады Морев, из этой статьи делать нельзя. В комиссии эта статья вызвала большие споры и в конечном счете вылилась в такую формулировку, которая может удовлетворить всех, кто только объективно относится к тому, что здесь говорится. Эта статья должна быть принята в такой редакции, которую предлагает комиссия.

Председательствующий. — Член Рады Морев по личному вопросу.

Член Рады Морев. — Я не могу скрыть, что те приемы, которыми здесь сейчас пользовались, возмутительны. На мои заявления о несправедливостях, которые имеются в этой статье, мне возражают: «Значит, он справедливым считает то-то и то-то». Я этого справедливым не считал и потому такой прием в общем собрании считаю недопустимым, я его осуждаю. Я должен сказать, что оратор не возразил по существу. Если один человек начал несправедливо, то выходит, по его словам, что и другой дол-

жен поступать так же. Но я считаю, что из-за того, что кто-то был не прав, не значит, что и мы можем делать несправедливости.

Председательствующий. — Оглашаю ст. 10. *(Читает.)* Ввиду того что никаких поправок не внесено, я ставлю эту статью на голосование. Кто за принятие статьи? Кто против? Принята единогласно.

Статья 11: «Всякие сделки об установлении или переходе права собственности, залога или иного вещного права на всечасно-владельческие земли Кубанского края с момента принятия сего закона, воспрещаются; сделки же, совершенные после 1-го марта 1917 года без разрешения Министерства земледелия бывшего Временного российского правительства признаются недействительными». Желающих прошу высказаться. Желающих нет. Кто за принятие статьи? Кто против? Принята.

Ст. 12: «Владельцы отчуждаемых земель пользуются правом на получение стоимости произведенных ими на землях хозяйственных и земельных улучшений, построек, колодцев, мостов и пр., поскольку они не использованы; причем размер стоимости устанавливается на основании документальных данных и путем осмотра на месте». Кто желает высказаться?

Член Рады Перегородиев. — Согласно этой статье, господа члены Рады, мне кажется, что помимо того, что земли решено отобрать, мы уже начали забирать дома. Тут сказано об оплате «хозяйственных и земельных улучшений, построек, колодцев, мостов, поскольку они не использованы». На этом основании могут и наши хаты забрать, как стали было забирать. *(Шум.)* Эту статью, чтобы не было недоразумений, нужно выбросить, хотя здесь и не написано, чтобы уже и на дома перейти.

Докладчик Омельченко. — Господа члены Рады! Собственно говоря, замечание члена Рады Перегородиева настолько несерьезно, что я с ним не вступаю в полемику. Эта статья, между прочим, находится в согласии с соответствующей статьей, принятой законодателями Донского войска, по которой улучшения мелиоративного свойства, поскольку они не использованы, должны быть оплачены. Эта статья служила предметом долгих разговоров. Я предлагаю эту статью принять в редакции комиссии.

Председательствующий. — Ввиду того что есть предложение Г. Перегородиева исключить ст. 12, то я начинаю с этого предложения. Кто за то, чтобы статью 12-ю исключить? Кто за принятие ст. 12 в редакции комиссии? Большинство. Статья 12 принята.

Ст. 13: «Лежащие на отчуждаемых частновладельческих землях залоговые обязательства погашаются из краевых средств». Кто желает высказаться?

Член Рады Курагин. — Господа члены краевой Рады! Я хотел обратить ваше внимание на то обстоятельство, что в настоящий момент земли тесно связаны с так называемыми «кредитными установлениями и учреждениями». На каждые 10 тысяч владений земли, без отношения количества десятин, лежит около 10 миллионов различного рода долговых обязательств, обеспеченных теми или иными кредитными учреждениями, живущими за счет мелкого вкладчика. И если тот или иной банк, часто имеющий кооперативный характер, выдавал определенным лицам ссуды под «соло векселя» или обеспечивал свои претензии путем наложения запрещения на земли на основании судебных решений, то в какое же положение вы поставите эти банки и все

кооперативные учреждения, если выплату долгов, значащихся на земле, вы ограничите только «залоговыми»?.. Поэтому, если вы вспомните историю создания банков, их цель и тот фундамент, на котором вообще всякие банки существуют, то принятие статьи, в каком виде ее предлагает комиссия, несомненно, разорит мелкого вкладчика, т. е. тот народ, который создавал богатства. (*Шум.*) Поэтому я, со своей стороны, предлагаю следующую поправку: «лежащие на отчуждаемых землях долговые обязательства погашаются из краевой казны». В первоначальной же статье, предложенной комиссией, слово «залоговая» выпустить. (*Шум.*)

Докладчик Омельченко. — Господа члены краевой Рады! Внесена поправка. Не вдаваясь в дальнейшие дебаты по этому вопросу, я предлагаю эту статью в редакции комиссии, потому что в комиссии рассматривали этот вопрос с разных точек зрения и убедились, что только понятие «залоговое обязательство» является подходящим к данной статье.

Председательствующий. — Внесена поправка членом Рады Курагиным: слова «залоговые обязательства» заменить: «долговые обязательства». Кто за то, чтобы исключить фразу «залоговые обязательства», тех прошу поднять руки. Таких нет. Кто за то, чтобы эту фразу оставить? Большинство. Значит, предлагаемая поправка отклоняется. Статья гласит следующее. (*Читает.*) Кто за принятие этой статьи? Кто против? Нет. Принята.

Статья 14: «Бывшим собственникам земли, заявившим желание обрабатывать ее, оставляется из принадлежавшей им земли площадь в размере установленной законом нормы». Желающих прошу высказаться.

Член Рады Щупляк. — Господа члены Рады! Екатеринодарский отдел статью 14 предлагает в такой редакции: «Бывшим собственникам оставляется в их пользование, впредь до установления Законодательной Радой земельной нормы, из принадлежащих им земель площадь в размере паевого надела, существующего в том юрте, к которому причислен отчуждаемый участок. Из статьи в редакции земельной комиссии выбросить «заявивший желание ее обрабатывать». Екатеринодарский отдел имел в виду, что такой редакцией будут удовлетворены все, кому придется временно, впредь до установления паевого надела, пользоваться тем паевым наделом, какой имеется в юрте, где находится этот участок.

Докладчик Омельченко. — Господа члены Рады! Я поддерживаю предложение Екатеринодарского отдела, потому что такой формулировкой, хотя и временно, но решается вопрос большой сложности, который не разрешен, так сказать, вовремя и разрешение которого может затянуться на некоторое время, из-за чего могут быть недоумения. Вопрос о норме, вопрос о том, сколько оставлять земли, я помню, в прошлом году был предметом долгих разговоров. Тут была высказана масса предположений. Этот вопрос действительно большой важности, и вот Екатеринодарский отдел подходит к разрешению вопроса о норме как о паевом наделе, которым пользуются в данном юрте. Я предлагаю принять статью в редакции, предлагаемой Екатеринодарским отделом.

Председательствующий. — Екатеринодарский отдел предлагает оставить только два слова: «бывшим собственникам», остальное все исключить и заменить следую-

щими словами: «оставляется в их пользовании». *(Читает.)* Это предложение поддерживает и Кавказский отдел. Кто против этого предложения? Против нет. Предложение Екатеринодарского отдела принято. Статья 15. «Владельцы безвозмездно отчуждаемых земель, а также их вдовы и сироты, которые по своему состоянию здоровья или возрасту не могут добывать средств к жизни личным трудом и не имеют других источников, кроме бывшего дохода с земель, получают пособие из краевой казны в установленном законом размере». Кто желает высказаться?

Член Рады Каширин. — Господа члены высокого собрания! Составители статьи 15 позаботились о вдовах и сиротах и людях нетрудоспособных, бывших собственниках, капиталистах, помещиках, у которых имеются, как я понимаю, дома, где они могут спокойно жить и, может быть, с порядочной суммой денег. Но о вдовах и сиротах, о которых, кроме их самих, некому позаботиться, о детях непристроенных казачьих, горских и крестьянских ни слова не сказано. Я думаю, что вдовы и престарелые есть и там, а о них ничего не сказано. По существующему положению казачьи, горские и крестьянские вдовы и сироты и престарелые находились на попечении станичных обществ, к которым они принадлежали, и никакого пособия от казны не получали. И выходит, что они в таком положении и остаются, потому что о них ничего не говорится, а говорится только о более обеспеченных. Я предлагаю ст. 15, как не касающуюся земельного распределения, а скорее относящуюся к вопросу о пенсиях, из земельного законопроекта исключить.

Член Рады Писаренко. — Я вполне поддерживаю предложение предыдущего оратора. Я только хотел подчеркнуть, что здесь сказано: помещики, вдовы и сироты должны быть удовлетворены пособием, а те сироты и вдовы, которых вы знаете, им неоткуда получить. Я, со своей стороны, подчеркиваю, что в нашей среде казачьей больше сирот и вдов, которые не имеют от краевого правительства помощи. Они каждый день работают до кровавого пота. Я, со своей стороны, настаиваю на изъятии этой статьи из законопроекта. Относительно удовлетворения вдов и сирот у нас указывается в ст. 14, где им предоставляется право пользоваться теми наделами, которые все получают.

Член Рады Ткаченко. — Екатеринодарский отдел, как я уже имел честь докладывать, при обсуждении земельного вопроса также находил, что после принятия статьи 14 в такой редакции, в какой она предложена, ст. 15 является совершенно лишней. *(«Правильно».)*

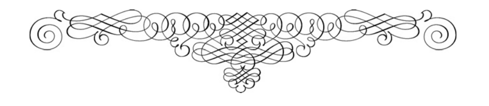
Научное издание

Библиотека Кубанского края

Протоколы и стенограммы заседаний Кубанских краевой и Законодательной Рад. 1917–1920 гг.

Под редакцией А. А. Зайцева

Том 2

Подписано в печать 24.11.2016. Тираж 200 экз.
Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Академия».

Подготовлено к печати в редакционно-издательском комплексе
ООО ОИПЦ «Перспективы образования».
350038, г. Краснодар, ул. Володарского, 6.